

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

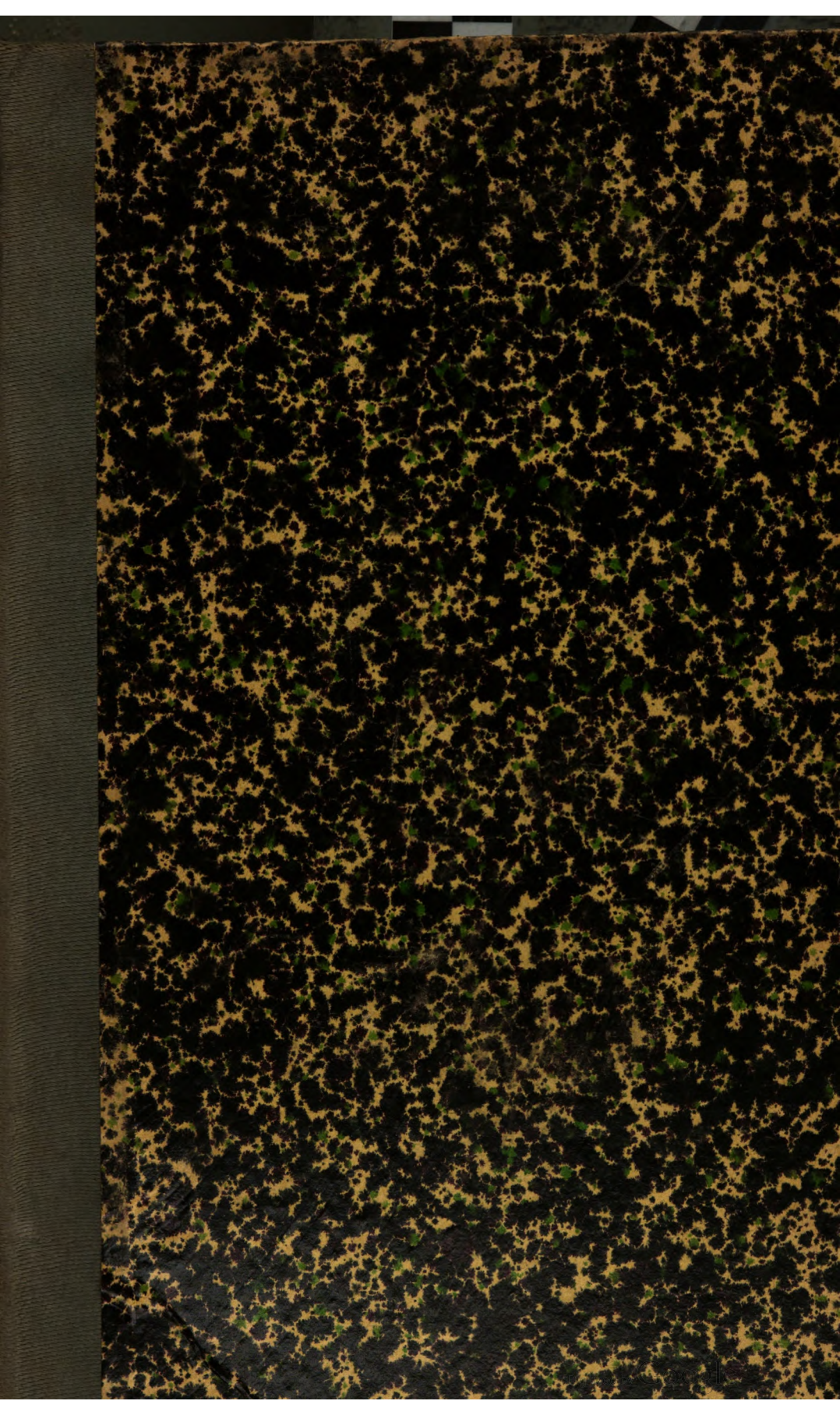
Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Проверено 1937 г.
Л. И. И.

Р/лав 236.4 ($\frac{1868}{7}$)

ПРОБЛЕМНО
1949 г.

ПРОВЕРЕНО
1955 г.

Ноя 1947

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

Проверено 1937 г.
Л. И. И.

Р. 236.4 ($\frac{1868}{7}$)

ПРОБЕРАНО
1949 г.

ПРОБЕРАНО
1955 г.

НОЯ 1947

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

ДѢЛО

ИЮЛЬ

2
1888
7

СОДЕРЖАНИЕ.

- I. РУССКИЙ ИНДИВИДУАЛИЗМ . . . Н. В. Шелгунова.
- II. БЫЛОЕ. (Повѣсть) М. Мих—ова.
- III. НА РАЗСВѢТѢ. Романъ Э. Шатриана,
съ французскаго. (Гл. XI—XIV).
- IV. ВИНОКУРЕННЫЙ ЗАВОДЪ И ЕГО ОБИ-
ТАТЕЛИ. (Изъ записокъ о питейномъ
мирѣ) В. В. Демидова.
- V. РУССКІЕ ИДЕАЛЫ, ГЕРОИ И ТИПЫ.
(Окончаніе первой статьи) Н. В. Шелгунова.
- VI. ДАНТЪ (изъ Барбье) Ю.Доппельмайеръ.
- VII. ГОСПОДА ОБНОСКОВЫ. Романъ.
(окончаніе) А. Михайлова.
- VIII. ОЧЕРКЪ ИЗЪ ИСТОРИИ РАБСТВА.

См. на оборотѣ.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

IX. СМЕРТЬ Д. И. ПИСАРЕВА Г. Б.

X. ФИЛАНТРОПЫ И НИЩІЕ И. В. Андреева.

XI. НОВЫЯ КНИГИ.

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ БИБЛИОТЕКА ЗНАМЕНИТЫХЪ УГОЛОВНЫХЪ ПРОЦЕССОВЪ ВСѢХЪ СТРАНЪ. С.-Петербургъ. 1868 г. Вып. 1, 2 и 3.—УГОЛОВНАЯ ЛѢТОПИСЬ (Les annales criminelles). ПРОЦЕССЫ ВСѢХЪ СТРАНЪ. Т. I. Verlags-Buchhandlung. M. Heinsius. Dresden. 1868.—ЗАДѢЛЬНАЯ ПЛАТА И КООПЕРАТИВНЫЯ АССОЦІАЦІИ, соч. Жюля Мура. Пер. и изд. Ф. П. Соллогуба. Москва. 1868 г.—О ВОСПИТАНІИ И ОБУЧЕНІИ ИЛИ ПЕДАГОГИЧЕСКІЕ ЦВѢТЫ, соч. Карла Пильца. Пер. съ нѣмец. С. Протопопова. Москва. Изд. братьевъ Салаевыхъ. 1868 г.—ИСТОРІЯ ЧЕШСКАГО КОРОЛЕВСТВА, соч. Томка, пер. съ чеш. подъ ред. Яковлева. С.-Петербургъ. 1868 г. Изд. Звопарева. П. Т.

П. Т. ОЧЕРКИ НЫНѢШНЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ ВЪ РОССІИ. Выпускъ I. Письма изъ среднихъ великороссійскихъ губерній за 1867 годъ. Кн. В. П. Мещерскаго. Спб. 1868 г.—ПУТЕШЕСТВІЕ ПО АМУРУ И ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ. А. Мичи, съ прибавленіемъ статей изъ путешествій Г. Раде, Р. Маака и др. Переводъ съ нѣмецкаго П. Ольхина. Съ 80 рисунками. Изданіе книгопродавца-типографа М. О. Вольфа. Спб. 1868 г.

XII. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. Гдб.

Купечество, какъ сословіе въ Россіи.—Значеніе его въ минувшее и въ настоящее время.—Желательно ли преобладаніе нашего купечества въ общественныхъ дѣлахъ?—Современные купеческіе типы.—Купцы самодуры и купцы прогрессисты.—Дурное вліяніе нашего купечества на народную промышленность.—Купцы, какъ общественные дѣятели.—Отношеніе купечества къ литературѣ.—Переходъ земель отъ дворянъ къ купцамъ.—Бачъ избѣжать невыгоднаго преобладанія купечества въ общественныхъ дѣлахъ?—Воспитательное значеніе гласнаго суда.—Различные взгляды на этотъ предметъ.—Бенравственные споры полицейскихъ разведованій.—Подкупы и подговоры свидѣтелей.—Система сыщиковъ.—Исторія влюбленной пары по судебнымъ фактамъ, какъ типъ семейной жизни.—Близкая возможность возмутительной судебной ошибки.—Агитцы некупленія за грѣхи народа.—Общитель «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей».

XIII. ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ХРОНИКА.

Убийство князя Михаила Черкаскаго.—Слѣдствія его.—Негодованіе народа противъ убійцы.—Энергическія дѣйствія военнаго министра Блазноваца.—Претенденты на сербскій тронъ.—Омладина.—Визь Миланъ.—Географическое положеніе Сербіи.—Однородность ея вѣрованій.—Единство религіи.—Устрой-

ДѢЛО

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ.

№ 7.

ИЗВ. № 24430

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 1868.

ВЪ ТИПОГРАФИИ А. МОРГЕРОВСКАГО, ВЪ ТРОИЦКОМЪ ПЕРЕУЛКѢ, ДОМЪ ГАССЕ.

Δ
P. 36.4 (1868)
✓ [7]

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 13 іюля. 1868 года.

HARVARD
UNIVERSITY
LIBRARY
APR 3 1963

6342

СОДЕРЖАНІЕ СЕДЬМОЙ КНИЖКИ.

- Русскій индивидуализмъ *И. В. Шелунова.*
Былое. (Повѣсть). *М. Мих—ова.*
На разсвѣтѣ. Романъ Э. Шатріана, съ фран-
цузскаго. (Гл. XI—XIV).
Винокуренный заводъ и его обитатели. (Изъ
записокъ о питейномъ мірѣ) *В. В. Демидова.*
Русскіе идеалы, герои и типы. (Окончаніе
первой статьи). *И. В. Шелунова.*
Дантъ (изъ Барбье). *Ю. Доппельмайеръ.*
Господа обносковы. Романъ. (Окончаніе). . . *А. Михайлова.*
Очеркъ изъ исторіи рабства.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

- Смерть Д. И. Писарева. *Г. Б.*
Филантропы и нищіе *А. Андреева.*
Новыя книги *П. Т.*

ИЛЛЮСТРОВАННАЯ БИБЛИОТЕКА ЗНАМЕНИТЫХЪ УГОЛОВНЫХЪ ПРО-
ЦЕССОВЪ ВСѢХЪ СТРАНЪ. С.-Петербургъ. 1868 г. Вып. 1, 2 и 3, — УГО-
ЛОВНАЯ ЛѢТОПИСЬ (Les annales criminelles). ПРОЦЕССЫ ВСѢХЪ СТРАНЪ.
Т. I. Verlags-Buchhandlung. М. Heinsius. Dresden. 1868.—ЗАДѢЛЬНАЯ ПЛА-
ТА И КООПЕРАТИВНЫЯ АССОЦІАЦІИ, соч. Жюля Мура. Пер. и изд.
Ф. И. Соллогуба. Москва. 1868 г.—О ВОСПИТАНІИ И ОБУЧЕНІИ ИЛИ
НЕДАГОГИЧЕСКІЕ ЦВѢТЫ, соч. Карла Пильца. Пер. съ нѣмец, С. Прото-
попова. Москва. Изд. братьевъ Салаевыхъ. 1868 г.—ИСТОРИЯ ЧЕШСКАГО
КОРОЛЕВСТВА, соч. Томка, перев. съ чеш. подъ ред. Яковлева. С.-Петер-
бургъ. 1868. г. Изд. Звонарева. *П. Т.*

П. Т. ОЧЕРКИ НЫНѢШНЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ ВЪ РОССИИ. Вып.
I. Письма изъ среднихъ великороссійскихъ губерній за 1867 годъ. Кн.
В. П. Мещерскаго. Сиб. 1868 г.—ПУТЕШЕСТВІЕ ПО АМУРУ И ВОСТОЧ-
НОЙ СИБИРИ. А. Мачи, съ прибавленіемъ статей изъ путешествій Г. Рад-
де, Р. Маака и др. Переводъ съ нѣмецкаго И. Ольхина. Съ 80 рисунками.
Изданіе книгопродавца-типографа М. О. Вольфа. Спб. 1868 г.

Внутреннее обозрѣніе Гдб.

Купечество, какъ сословіе въ Россіи. — Значеніе его въ минувшее и въ настоящее время. — Желательно ли преобладаніе нашего купечества въ общественныхъ дѣлахъ? — Современные купеческіе типы. — Купцы самодуры и купцы прогрессисты. — Дурное вліяніе нашего купечества на народную промышленность. — Купцы, какъ общественные дѣятели. — Отношеніе купечества къ литературѣ. — Переходъ земель отъ дворянъ къ купцамъ. — Какъ избѣжать невыгоднаго преобладанія купечества въ общественныхъ дѣлахъ? — Воспитательное значеніе гласнаго суда. — Различныя взгляды на этотъ предметъ. — Безнравственные способы полицейскихъ разслѣдованій. — Подкупы и подговоры свидѣтелей. — Система сыщиковъ. — Исторія влюбленной пары по судебнымъ фактамъ, какъ типъ семейной жизни. — Близкая возможность возмутительной судебной ошибки. — Агитцы искупленія за грѣхи народа. — Обличитель „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“.

Политическая и общественная хроника

Убийство князя Михаила сербскаго. — Слѣдствія его. — Негодованіе народа противъ убійцъ. — Энергическія дѣйствія военнаго министра Блазнавца. — Претенденты на сербскій тронъ. — Омладина. — Князь Милавъ. — Географическое положеніе Сербіи. — Однородность ея населенія. — Единство религіи. — Устройство церкви. — Народное образованіе. — Юстиція. — Промышленность. — Бюджетъ. — Политическія учрежденія. — Хорошія стороны управленія князя Михайла. — Нравы и обычаи сербовъ. — Общинное начало. — Король Душанъ. — Порабощеніе Сербіи турками. — Освобожденіе. — Георгій Черный. — Милошъ Обреновичъ. — Александръ Карагеоргіевичъ. — Связь его съ Турціей. — Изгнаніе. — Князь Михайлъ. — Великая сербская идея. — Все общается Сербіи хо-рошую будущность. — Разныя извѣстія.

Съ Невскаго берега (общественныя и литературныя замѣтки и размышленія) . . . *Анонима.*

Лѣтнее затѣшеніе. — Публика и толпа. — Нѣсколько словъ о современныхъ беллетристахъ. — Новый романъ г. Гирса и его герои. — Значеніе гласныхъ судовъ для общества. — Дѣло Разнатовскаго въ окружномъ судѣ. — Добрый совѣтъ нашимъ драматургамъ. — Бѣдствія и крушенія г. Юматова. — Печальный удѣлъ — современные стапсы. — Преслѣдованіе провинціальной благотворительности. — Либералы и консерваторы въ провинціи. — Инструкція главнаго общества желѣзныхъ дорогъ для его агентовъ. — Московская Дума и Петербургская мѣщанская управа. — Покойники, встающіе изъ могилъ. — Наши новости.

Друзья — хуже враговъ. Романъ Х. Мърмоля.
(Окончаніе четвертой части и I—II гл.
пятой).

РУССКІЙ ИНДИВИДУАЛИЗМЪ.

I.

Кто ходитъ въ сапогахъ, тому кажется, что вся земля покрыта кожей,—говоритъ нѣмецкая поговорка. Ту же самую мысль русскій человѣкъ, не всегда имѣющій сапоги, выразилъ гораздо прямѣе и проще, пословицей: сытый голоднаго не разумѣеть. И дѣйствительно, въ этомъ обоюдномъ неразумѣніи заключается вся наша исторія. Неразумѣніе другъ друга,—разномысліе—вотъ исторія нашего прошлаго, исторія нашего настоящаго. Мало того, что у насъ не понимаетъ сытый голоднаго: у насъ не понимаетъ сытый сытаго и голодный голоднаго.

Фактъ русскаго разномыслія наблюдается удобнѣе всего въ литературномъ мірѣ, изображающемъ собою русское интеллектуальное представительство. Что же мы замѣчаемъ въ этомъ мірѣ? Мы замѣчаемъ, что журналы и газеты ведутъ между собою самую отчаянную борьбу и чуть-ли не этой враждѣ посвящаютъ всю свою дѣятельность. Спросите литераторовъ, что поднимаетъ ихъ желчь, что возбуждаетъ ихъ ненависть, что дѣлаетъ ихъ, повидимому, непримиримыми врагами, и они не найдутъ отвѣта, потому что для этой вражды не существуетъ никакой разумной причины.

У иностранцевъ вражда литературныхъ органовъ объясняется враждою партій, но у насъ этой причины не существуетъ. Въ Россіи есть только три періодическиххъ изданія съ опредѣленнымъ «Дѣло», № 7. 1

цвѣтомъ, и эти три изданія имѣютъ дѣйствительное право ненавидѣть другъ друга. Все остальное не имѣетъ ровно никакого цвѣта и, слѣдовательно, не должно бы имѣть никакихъ поводовъ и основаній для обоюдной ненависти. Но обратите вниманіе на то, что вражда нашихъ періодическихъ изданій усиливается во время подписки, и для васъ станетъ яснымъ, какіе интересы управляютъ представителями русскаго интеллекта. Людми двигаетъ кружковый интересъ, мелочныя мысли, мелочныя чувства. Нашъ современный литературный дѣятель утратилъ свои литературные и общественные идеалы, онъ измельчалъ и превратился въ простаго наемника, работающаго тому, кто платитъ лучше. Десять лѣтъ тому назадъ у насъ были общія цѣли и стремленія, мысль была напряжена и настроена въ извѣстномъ направленіи. Теперь же мы потеряли центръ тяжести и разползлись врозь. Въ чемъ искать причину этого явленія, поражающаго весь общественный русскій организмъ и лишь нѣсколько рѣзче замѣтнаго въ литературномъ мірѣ? Есть три тому причины, которыя я и разсмотрю въ трехъ послѣдующихъ главахъ.

II.

Старые люди обвиняютъ новое поколѣніе въ томъ, что оно не выставило интеллектуальныхъ представителей въ родѣ Пушкина, Лермонтова, Гончарова, Тургенева. Со стороны внѣшней оцѣнки факта упрекъ этотъ справедливъ: новое поколѣніе дѣйствительно не создало ни одного поэта и романиста. Но констатируя фактъ съ одной стороны, мы должны констатировать его и съ другой. А въ такомъ случаѣ мы скажемъ, что если молодое поколѣніе не создало ни одного поэта и романиста, значить они ему и не нужны.

И дѣйствительно, какая особенная польза явилась для нашего времени, если бы представители русской интеллигенціи направили всѣ свои умственные силы на измышленіе грандіозныхъ романовъ и поэмъ въ звучныхъ стихахъ?

Нужды и потребности настоящаго времени совсѣмъ не тѣ, какими онѣ были лѣтъ 20—30 тому назадъ. Въ это былое время вся Россія была преисполнена самыхъ сладкихъ и обольститель-

ныхъ мечтаній въ собственную силу, умъ, непогрѣшимость и экономическое благосостояніе. Правда, что эту довольную Россію изображала всего небольшая толпа обеспеченныхъ и довольныхъ людей, которые, ходя сами въ сапогахъ, думали, что вся земля покрыта кожей. Обеспеченнымъ, довольнымъ и счастливымъ людямъ не было вовсе никакихъ причинъ обременять свой умъ какими бы то ни было размышленіями, и довольный русскій человѣкъ, облачившись въ халатъ, требовалъ только одного, чтобы ему не мѣшали лѣниться, чтобы его забавляли. Сытый не понималъ голоднаго. Понятно, что этимъ сытымъ людямъ, необязаннымъ напрягать свой умъ на серьезное размышленіе, оставалось только давать просторъ воображенію. И вотъ обеспеченное и довольное поколѣніе, жившее спустя-рукава и недумавшее о завтрашнемъ днѣ, создаетъ блестящихъ поэтовъ и романистовъ, которые должны улаживать его досуги и украшать его сытую, довольную жизнь.

Наше время—иное время. Предтечей новыхъ людей былъ Бѣлинскій—умъ критическій, указавшій своимъ появленіемъ, что въ русской жизни должна наступить новая пора. Родившись и воспитавшись въ то время, когда еще никто не предчувствовалъ 19 февраля 1861 года, Бѣлинскій является частью продолжателемъ стараго литературнаго направленія и умиляется Пушкинымъ, съ другой же даетъ чувствовать вѣяніе новаго духа. Бѣлинскій умеръ, не сказавъ своего послѣдняго слова, и какъ разъ въ моментъ того умственного перелома, который сдѣлалъ бы изъ него человѣка современнаго новымъ нуждамъ и требованіямъ русскаго общества.

Въ моментъ преобразованій русская жизнь заявила такія требованія, которыхъ ни Пушкинъ, ни Лермонтовъ понять были не въ состояніи. Для новаго времени потребовались и новые дѣятели. Приходилось думать не объ улаженіи досуговъ праздныхъ людей: наступила пора серьезнаго, всесторонняго обсужденія всѣхъ условій соціальнаго русскаго быта; ибо безъ этихъ обсужденій и самая реформа оказались бы невозможными. И вотъ мы видимъ, что въ литературѣ явилась цѣлая масса писателей самаго серьезнаго направленія. Въ подобныхъ писателяхъ пушкинская Россія не нуждалась. Объ экономическихъ вопросахъ разсуждать тогда было незачѣмъ. Ученость пугала людей, привыкшихъ къ спячѣй мысли. И если кое-гдѣ являлись люди, выдававшіеся изъ общаго уровня познаній, то были баричи-диллетанты, дѣлавшіе даже изъ науки праздную забаву.

Для новаго времени и для новыхъ потребностей диллетантизмъ

оказывался вещь непригодной. Занятіе наукой вызывалось самой жизнью, слѣдовательно дѣлалось жизненнымъ вопросомъ, а не праздной забавой, какъ то было прежде. Даже сама критика, при Бѣлинскомъ блуждавшая еще въ возвышенныхъ регіонахъ изящнаго, должна была опуститься на землю и разбирать литературныя произведенія не по отношенію ихъ къ какимъ-то смутнымъ идеаламъ, а по отношенію къ живымъ людямъ, связаннымъ простыми, несложными практическими отношеніями. Однимъ словомъ, новыя требованія создали въ литературѣ именно такихъ дѣятелей, которые были для нихъ необходимы. И читатель сообразить безъ труда, какъ былъ бы смѣшенъ въ наше время какойнибудь Пушкинъ, воспѣвающийъ звучнымъ стихомъ Евгенія Онѣгина въ то время, какъ русскому обществу необходимо излагать теорію труда и капитала.

Такимъ образомъ, упрекъ въ томъ, что новое поколѣніе не умѣло создать Пушкина, Лермонтова, Тургенева, падаетъ самъ собою, ибо подобные люди новому поколѣнію вовсе ненужны. Но съ другой стороны, если старое поколѣніе уворяетъ новое, то почему и новое не въ правѣ бы укорить старое, что оно не создало Добролюбова и подобныхъ ему замѣчательныхъ литературныхъ дѣятелей. Будьте же справедливы. Каждому времени свое.

Нашему времени совершенно ненужны беллетристы. Намъ нужны писатели, способные понять и объяснить нашъ социальный бытъ и указать средства, которыми Россія можетъ быть поставлена въ возможно выгодное экономическое и интеллектуальное положеніе. Эту задачу понимали именно такъ литературные дѣятели перваго періода настоящей эпохи преобразования. Дѣятелей этихъ уже нѣтъ; они сошли со сцены. Но писатели, смѣнившіе ихъ и расплодившіися, какъ песокъ морской, совершенно не понимаютъ ни требованій своего времени, ни того великаго дѣла, которому они должны служить. Мы раскидались по мелочамъ, разбрелись въ сторону и, вмѣсто того, чтобы преслѣдовать серьезные цѣли и высказывать спасительныя истины, ударились въ сплетни и дрязги. Для насъ какъ будто бы исчезли общенародныя нужды Россіи, какъ будто бы экономическіе и социальныя вопросы сдѣлались не нашего ума дѣломъ. Вмѣсто того, чтобы держать себя въ литературѣ съ серьезностью людей, стоящихъ во главѣ умственнаго движенія, мы держимъ себя, какъ бабы въ торговой банѣ. Легіонъ голодныхъ публицистовъ, снискивающихъ себѣ жалостныя крохи за свой, дѣйствительно, жалостный трудъ, совершенно напрасно позволяютъ

себѣ высокоумѣнную мысль, что они служатъ интеллектуальными представителями Россіи. Россія не поблагодаритъ ихъ за это, ибо такого интеллектуальнаго представительства ей ненужно. Ей нужно интеллектуальное представительство сознательное, ей нужны люди, умѣющіе понимать требованія времени и способные быть такими публицистами, какіе ей нужны.

Публицистъ нашего времени,—публицистъ, какой требуется теперешнимъ моментомъ русской общественной жизни, долженъ быть прежде всего человѣкомъ самаго серьезнаго экономическаго воспитанія. Переломъ, совершающійся въ русской жизни, есть переломъ экономической, слѣдовательно намъ нужны и писатели экономическіе. На всѣ вопросы мы должны смотрѣть или исключительно съ экономической точки зрѣнія, или съ преобладающимъ экономическимъ отбѣнкомъ. Какъ только мы сойдемъ съ этого пути, мы впадемъ немедленно въ ошибку и всѣ наши выводы будутъ ложны. Чтобы дѣйствовать въ духѣ своего времени, публицисты наши должны обратиться къ примѣру писателей, сошедшихъ со сцены. Они должны проникнуться экономической теоріей и имѣть способность отыскивать и создавать параллели при разрѣшеніи социальныхъ вопросовъ.

Если бы люди, позволяющіе себѣ съ дѣтскимъ неразуміемъ легкомысленную вражду и считающіе свою праздную болтовню служеніемъ общественному дѣлу, были знакомы лучше съ принципами экономической науки, то они конечно знали бы, какъ экономическая теорія относится къ подобнымъ человѣческимъ дѣйствіямъ. Я понимаю, что могутъ ошибаться и вести себя недостойно люди незнающіе; но если вы, господа, считаете себя сливками русскаго ума и руководителями толпы, то и держите себя съ достоинствомъ, подобающимъ подобнымъ сливкамъ.

Да, основной недостатокъ современнаго русскаго публициста въ томъ, что онъ рѣшительно чуждъ экономическихъ принциповъ и не понимаетъ, насколько экономическіе законы управляютъ социальной жизнью человѣчества.

Объ одномъ законѣ, имѣющемъ ближайшее отношеніе къ занимающему насъ вопросу, я скажу теперь. Законъ этотъ называется закономъ сочетанія силъ и весьма мѣтко опредѣленъ англійскою простонародною пословицей: двѣ собаки вмѣстѣ поймаютъ больше зайцевъ, чѣмъ четыре порознь. Соответственное сочетаніе силъ есть не простое увеличеніе силы въ арифметической прогрессіи или умноженіе данной силы на извѣстное число еди-

ницъ: сочетаніемъ труда создается сила новая, до того небывалая. Такъ, если вы заставите тысячу рабочихъ толкать по одиночкѣ вѣсковой дубъ, то у васъ получится тысяча толчковъ, а дубъ останется на мѣстѣ. Но если та же тысяча рабочихъ напрутъ на дерево дружно однимъ разомъ, то она своротитъ не одинъ, а можетъ быть нѣсколько вѣсковыхъ дубовъ. Этой новой силы прежде вовсе не существовало и она создавалась лишь сочетаніемъ труда.

Въ законѣ сочетанія труда различаютъ сочетаніе простое и сложное. Въ простомъ сочетаніи цѣль, для достиженія которой направлены совокупныя усилія, понимается легко безъ всякаго напряженія мысли. Такъ, если десять человекъ везутъ нагруженную телегу, то безъ всякихъ особенныхъ размышленій каждый изъ нихъ видитъ насколько они помогаютъ другъ другу и какой общей цѣли они достигаютъ. Примѣръ подобнаго же простого сочетанія силъ представляетъ и сотрудничество въ какомъ нибудь одномъ журналѣ. Сотрудники данаго журнала также, какъ рабочіе въ приведенномъ выше примѣрѣ телеги, понимаютъ безъ труда, что они впряглись въ возъ, который не двинется ни на шагъ впередъ, если сотрудники захотятъ уподобиться лебедю, щукѣ и раку. И вотъ интересъ, стоящій передъ носомъ, связываетъ людей до известной степени въ тѣсное единство и рабочіе стараются пѣть по возможности дружнымъ хоромъ.

Это пониманіе необходимости согласія, дающееся непосредственнымъ чувствомъ, не служитъ ручательствомъ особенно сильнаго головного развитія рабочихъ людей. Пробнымъ камнемъ ума является другой случай—случай сочетанія сложнаго. Въ сложномъ сочетаніи уже необходимо находить связь причинъ и послѣдствій и умѣнье понимать солидарность интересовъ, повидимому, разнородныхъ или отдаленныхъ. Возьмемъ, на примѣръ, общество или городъ, въ которомъ есть булочники, сапожники, столяры, слесаря, портные, кузнецы. Каждый изъ этихъ ремесленниковъ въ отдѣльности образуетъ простое сочетаніе силъ, но въ то же время они связаны, всѣ вмѣстѣ, сочетаніемъ сложнымъ, безъ котораго имъ бы и существовать невозможно. Каждый ремесленникъ нуждается прежде всего въ хлѣбѣ и одеждѣ, слѣдовательно, чтобы получить то и другое, онъ долженъ трудиться для полученія необходимыхъ ему предметовъ отъ булочника и портнаго. Булочникъ и портной въ свою очередь нуждаются въ сапогахъ, въ столярныхъ и кузнечныхъ издѣліяхъ, и, слѣдовательно, должны трудиться, чтобы получить необходимые для нихъ предметы отъ слесаря, столяра, сапожника.

Такимъ образомъ, каждый работаетъ для себя, и для каждаго является в солидарность интересовъ и сложное сочетаніе силъ, которыми создается благосостояніе цѣлаго общества.

Пока дѣло идетъ о ремесленныхъ производствахъ, можно, пожалуй, и не отыскивать въ головахъ ремесленниковъ особеннаго свѣта, возбуждающаго въ нихъ сознательное представленіе о необходимости согласія. Но такой оскорбительный для ремесленниковъ взглядъ будетъ несправедливъ, ибо, если ремесленники не будутъ понимать своихъ обоюдныхъ интересовъ, то, конечно, имъ не создать и своего общаго благосостоянія. Но дѣло усложнится, когда отъ ремесленныхъ интересовъ перейдемъ къ интересамъ общественнымъ. Какъ булочники, слесаря, сапожники, портные связаны между собою сочетаніемъ сложнымъ, такъ еще болѣе сложное и развѣтвленное сочетаніе является въ трудѣ людей даннаго общества во всей его совокупности. Если люди не въ состояніи понять своей взаимной связи и необходимости дружныхъ коллективныхъ усилій, то, конечно, явится общественное безсиліе, разномысліе и рознь. Фактъ такого безсилія, созданнаго разномысліемъ, представляетъ наша современная журналистика. Признавая законъ сочетанія простаго, русскіе литераторы какъ будто бы не имѣютъ никакого понятія о законѣ сочетанія сложнаго. И въ этомъ причина того жалкаго состоянія современной нашей публицистики, въ которомъ ее такъ справедливо укоряютъ. Припомните періодъ 1857—1861 года, и вы согласитесь съ справедливостью моего замѣчанія. Литературная и общественная сила того періода заключалась именно въ сочетаніи силъ, направленныхъ къ одной цѣли. Не то замѣчаемъ мы въ наше время. Сложнаго сочетанія уже нѣтъ, и оно замѣнилось простымъ, ремесленнымъ сочетаніемъ, тѣмъ болѣе печальнымъ, что пережитый опытъ пропалъ для насъ безслѣдно, и мы не сумѣли путемъ знанія купить себѣ твердо выработанное убѣжденіе въ необходимости дружныхъ усилій для достиженія общаго благополучія. И въ тоже время мы громко кричимъ о своемъ патриотизмѣ, мы выдаемъ себя за представителей русскаго интеллекта. Печальное представительство!

Чтобы читатель могъ яснѣе видѣть, какую силу даетъ обществу сложное сочетаніе труда, я укажу ему на два факта изъ русской исторіи: 1612 и 1812 г. Въ оба эти года обнищавшая, изнеможенная Россія сумѣла отстоять себя отъ враговъ, которые при иныхъ обстоятельствахъ, конечно, ее бы поглотили. Не думайте, чтобы насъ спасло исключительно коллективное, сложное сочетаніе,

имѣющее именно свойства создавать силу небывалую, какъ читатель видѣлъ въ примѣрѣ, приведенномъ о дубѣ.

Если мы обратимся снова къ нашему времени, то увидимъ, что и въ настоящій моментъ наше благополучіе зависитъ отъ умѣнья понять важность подобнаго сочетанія. Удивительные результаты создавались въ русской исторіи общимъ восторженнымъ состояніемъ, но никогда хладнокровнымъ размышленіемъ. И въ 1857—1861 году наша общественная и литературная сила создались тою же восторженностью. Но какъ только восторженность кончилась, мы оказались безсильными идти дружно къ одной цѣли, исключительно головнымъ побужденіемъ. Нами управляли всегда страсть и сырой порывъ, и почти никогда хладнокровное, разсудочное убѣжденіе, строго выработанный научный принципъ.

Въ этомъ отсутствіи строгаго принципа и научнаго пониманія заключается причина, почему иностранцы берутъ надъ нами во всемъ перевѣсъ. Иностранцы—люди сложнаго сочетанія, мы—простогаго.

Можно простить массу русскаго населенія, если она не въ состояніи понять этой простой вещи, но позоръ людямъ, считающимъ себя народною интеллигенціей и въ то же время неумѣющимъ придать экономическому закону сложнаго сочетанія силу широкаго соціальнаго характера.

Къ счастью для Россіи, кромѣ самозванныхъ представителей, въ ней бывали и представители истинные. Они какъ прежде, такъ и теперь, понимали и понимаютъ, что русская поговорка: одинъ въ полѣ не воинъ—имѣетъ тотъ же соціально-экономическій смыслъ, какъ и англійская поговорка—двѣ собаки вмѣстѣ поймаютъ больше зайцевъ, чѣмъ четыре порознь.

Думаю, что первая причина нашего разномыслія, о которой я хотѣлъ говорить читателю въ настоящей главѣ, уяснилась достаточно. Причина эта, какъ видитъ читатель, есть отсутствіе умственной зрѣлости всей массы русскаго народа и по преимуществу недостатокъ научнаго экономическаго образованія въ представителяхъ русскаго интеллекта. Только немногіе понимаютъ всю соціальную важность экономическаго закона сложнаго сочетанія силъ; ну, а одинъ въ полѣ — не воинъ.

Ш.

Разномысліе, замѣчаемое въ представителяхъ русскаго интеллекта, можетъ показаться страннымъ, если обратить вниманіе на освобожденіе крестьянъ, земскія учрежденія, данное народу самоуправленіе, расширеніе выборнаго начала и другія реформы нашего времени.

Правительственная власть даетъ странѣ права, а между тѣмъ страна, и что печальнѣе—представители ея интеллекта, лѣзутъ сами порознь въ щели. Нѣтъ такого дѣла, которое было бы въ состояніи пробудить коллективныя усилія, если не будетъ предшествовать тому приказаніе свыше, или полицейскій толчекъ.

Возьмемъ хоть послѣдній голодъ. Россія выслала на большія дороги толпы голодающихъ крестьянъ, во многихъ мѣстахъ развились уже болѣзни отъ голода и лишеній и, несмотря на то, общество молчало повсюду, земство дремало, пока не послѣдовало призыва изъ Петербурга о сборѣ денегъ и не были разосланы подписные листы.

Полицейскими настояніями возбудились въ добродетельныхъ жертвователяхъ великодушное чувство, и скудная лепта людей, думающихъ только о своихъ личныхъ интересахъ и норовящихъ, какъ тараканы, упрятаться въ щели, потекла въ Петербургъ.

Наступила весна, солнце пригрѣло сытыхъ и они вообразили, что сыты и голодные. Теперь повсюду тихо; нигдѣ не говорится о голодѣ; прекратились сборы въ пользу нуждающихся и, какъ будто бы бѣдствія, заставившаго насъ поговорить полчаса, никогда и не бывало. Ни въ комъ даже и не шевелится мысль о томъ, чтобы глубже вникнуть въ причины, создавшія неурожай и голодъ послѣдняго года и устранить ихъ навсегда. Конечно, разливы рѣкъ мы не устранимъ; но разливы въ этомъ голодѣ и не играли важной роли. Мало ли гдѣ бываютъ разливы и люди не мрутъ отъ недостатка хлѣба. А между тѣмъ и наша литература, и земство, и народъ не думали и даже не дѣлали ровно никакихъ попытокъ для уясненія себѣ тѣхъ общихъ причинъ, по которымъ Россія будетъ еще надолго не застрахована противъ подобныхъ случайныхъ бѣдствій.

Почему же мы не думаемъ? Почему нужно непременно, чтобы возбуждало въ насъ умственную энергію полицейское приказаніе?

Причина этого заключается во всей нашей предшествовавшей исторіи.

Новгородцы пригласили варяговъ потому, что сами не могли водворить у себя порядка. Фактъ этотъ многимъ путешавамъ кажется забавнымъ, но въ дѣйствительности смѣшного въ немъ мало, ибо прибытіе варяговъ положило конецъ зародышу самостоятельнаго развитія русской жизни и ввело новое начало, поглотившее народное самоуправленіе. Россія раздѣлилась на двѣ части: варяжская сторона направила всѣ свои усилія къ централизаціи, къ Москвѣ; національно-русская выдѣлила изъ себя псковскую и новгородскую общины, козачество и расколъ.

Эти явленія, вызванныя стремленіемъ къ свободному, самостоятельному существованію, съ одной стороны мѣшали центральной власти, какъ разбродъ силъ; съ другой, какъ протестъ и революціонное начало, колебавшее централизацію.

Понятно, что между двумя подобными крайними представительствами должна была возникнуть борьба на жизнь и смерть;—борьба, тянувшаяся во все продолженіе русской исторіи, пока она не завершилась полнымъ торжествомъ Москвы надъ всею Россією, и петровскимъ императорскимъ всемогуществомъ.

Чтобы нѣсколько нагляднѣе представить читателю сущность народныхъ утратъ и воспитательнаго приѣма Москвы, приучавшей народъ къ терпѣливому ожиданію всѣхъ благъ свыше, я приведу кое-какіе факты изъ царствованія Алексѣя Михайловича, этого кроткаго, благочестиваго и сердобольнаго московскаго царя.

При Алексѣѣ Михайловичѣ приказыные воеводы, цѣловальники и вообще вся чиновная Русь, служившая исполнительнымъ органомъ Москвы, думала только о себѣ и хлопотала исключительно о личной наживѣ. Наглость ихъ тупоумія доходила до того, что, напримѣръ, князь Звѣнигородскій просилъ себѣ мѣсто воеводы бѣлозерскаго, потому что тотъ въ одинъ годъ съ небольшимъ успѣлъ скопить себѣ состояніе, а онъ, князь, задолжалъ и умираетъ съ голоду. И всѣ народные правители были того же склада понятій. Деньги съ народа не собирались, а просто вымогались и грабились. Можетъ быть только половина всего, а можетъ быть и меньше доходила до Москвы на нужды государевы, остальное прилипало къ карманамъ провинціальнымъ чиновниковъ. Но и то, что приходило въ Мосеву, расходовалось совершенно произвольно людьми, приставленными для храненія казны. «Они денежную казну многую крали и сами сносили и свозили и стороннимъ людямъ сносить и свозить давали; и

мѣдъ привоза и принимая у стороннихъ людей въ деньги дѣлали многожды и отъ того воровства обогатѣли большимъ богатствомъ, и на тѣ воровскія деньги дворы и всякіе заводы и промыслы построили, а покупали и заводили большою, дорогою цѣною».

По свидѣтельству иностранцевъ, царя окружало густое облако доносчиковъ и бояръ, которые направляли ко злу его доброе намѣреніе. Царь зналъ, какіе люди его окружаютъ; царь зналъ, какое кровопійство совершается въ городѣ и самъ онъ писалъ о служилыхъ людяхъ слѣдующее: «у насъ ѣдутъ съ нами отнюдь не единогодушіемъ, наипаче двоедушіемъ, какъ есть облака — овогда благопотребнымъ воздухомъ и благонадежнымъ и уповательнымъ явятся, овогда же зноемъ и яростью и ненастьемъ, всякимъ злохитреннымъ обычаемъ московскимъ явятся; овогда знаніемъ, отчаяніемъ и погибелью прорипають, овогда тихостью и бѣдностью лица своего отходятъ лукавымъ сердцемъ, всегда на гогульную статью: всѣ врозь».

Чтобы покрыть то, что разграблялось чиновниками, приходилось обременять народъ новыми налогами, и вотъ правительство измышляло постоянно новые и новые источники дохода, падавшіе, разумѣется, двойною тяжестью на народъ, ибо каждый казенный сборъ давалъ поводъ къ новому чиновному вымогательству и взяткамъ. Обижаемый народъ писалъ на своихъ мучителей, что они «чиняютъ всякіе большіе налоги и спрашиваютъ поминковъ и почестей большихъ, на правезѣ бьютъ и въ тюрьму сажаютъ для своей корысти».

Такъ какъ измышленіе налоговъ и сборъ ихъ лежали на обязанности чиновниковъ, то явилась цѣлая система, весьма хитро придуманныхъ злоупотребленій, которыми даятели избавлялись отъ законныхъ платежей, а тѣ, кто не хотѣлъ поблагодарить сборщиковъ, переписчиковъ и т. д., платили въ казну сугубо. Разнообразіе сборовъ и пошлинъ было такъ велико и взисканіе производилось такъ безжалостно и мучительно, что разбѣгались цѣлыя посады.

Воеводская администрація была не гражданскимъ управленіемъ, а настоящимъ грабежемъ и разбоемъ. Достоинными исполнителями воли царскихъ воеводъ являлись миробды и мужики-горланы. Правды никакой не было, а всюду царствовалъ личный произволъ и воеводское приказаніе.

Власть, незнавшая народа и хотѣвшая рѣшать все своимъ умомъ и крутыми деспотическими средствами, простирала свое полицей-

ское вмѣшательство до того, что хотѣла даже и физиологическіе законы и естественныя явленія подчинить своему влиянію. Такъ въ одной челобитной писалось: «начальство во все лѣто не даетъ избѣ и банѣ топить ни одного дня въ недѣлѣ; печатаетъ избы и мыльни и отъ того чинятся народу убытки и нужи великія и многіе люди отъ той нужи и стужи расходятся отъ своихъ домовъ и живутъ по волостямъ и по деревнямъ, потому что отъ озера (жаловались бѣлозерцы) приходятъ сѣверы и вѣтры по многія времена и бываетъ стужа великая въ лѣтнее время; отъ той стужи, отъ хлѣбной нужи, что печь негдѣ, мало и людей остается въ городѣ и на посадѣ, а каменщики и кирпичики ежелѣтно сходятъ къ Москвѣ къ государеву дѣлу, и печей на поляхъ мѣстахъ класть некому.»

Если чиновная заботливость простиралась такъ далеко, что мужикъ безъ позволенія начальства не смѣлъ печь хлѣбовъ и мыться въ банѣ, то каково же было вмѣшательство власти въ дѣлахъ болѣе близкихъ царскому интересу! Вся народная жизнь была опутана воеводскими вмѣшательствами, безъ полицейской власти народъ не смѣлъ ни ходить, ни ѣздить, ни отправляться на заработки, ибо отъ самовольнаго его удаленія терпѣла то казна и могъ послѣдовать денежный недоборъ, то страдала рекрутская повинность, то карманъ воеводы и подначальныхъ ему приказныхъ.

Раньше народъ поставлялъ своихъ выборныхъ, а тутъ и выборы не могли дѣлаться безъ воеводскаго приказа и избирались въ головы, цѣловальники, сборщики, люди любезные воеводамъ, которые конечно являлись исполнителями не народной воли, а воли воеводъ.

Ранѣе и судъ производился выборными отъ народа и губные старосты назначались имъ самимъ, посадскіе же люди судились сами промежъ себя. Съ назначеніемъ же воеводъ исчезло и это народное право, и ничѣмъ необуздываемый произволъ воцарился въ судѣ.

Шагъ за шагомъ отнимались отъ народа его вольности и права, и подавлялась его общественная самостоятельность. Народъ всецѣло былъ отданъ въ произвольное управленіе воеводѣ. Одного только права не могли отнять отъ народа, за то онъ и пользовался имъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ: права бѣгать и расходиться врозь. И народъ бѣгалъ то отъ многихъ податей и великихъ непомѣрныхъ платежей, то отъ солдатскихъ кормовъ, отъ запасныхъ денегъ, отъ

ямскихъ отпусковъ, отъ суровыхъ непомерныхъ кортомы, отъ тяжелого пытнаго и сошнаго письма, отъ жестокости помѣщиковъ, отъ напрасныхъ воеводскихъ пытокъ и правей, отъ взѣмковъ и слуповъ подъяческихъ и продажнаго суда, отъ рекрутскихъ повинностей и тяжелой службы. Какъ народъ ни старался удержать, или, по крайней мѣрѣ, сохранить хотя слабыя остатки самоуправленія, но московская централизація шла безошадно къ своей цѣли и не допускала никакихъ уступокъ. Нѣкоторыя крестьянскія общины обещали платить правительству ежегодно по 1000 рублей, лишь бы ихъ освободили отъ казенныхъ начальниковъ и позволили имъ выбирать властей изъ себя и управляться самостоятельно. Но московская власть не шла ни на какія сдѣлки: вся власть и инициатива должны были находиться въ ея рукахъ, народу же слѣдовало повиноваться всему безропотно и безпрекословно.

Бунтъ Стеньки Разина былъ послѣднимъ эпизодомъ этого періода борьбы народа, желавшаго сохранить свою самостоятельность, съ московской централизаціей, хотѣвшей сосредоточить всю власть въ своихъ рукахъ. Послѣ подавленія бунта, народу стало еще туже, и ему пришлось забыть надолго о золотыхъ мечтахъ свободы и самоуправленія, на которое онъ хотя изрѣдка выдалъ умильные взоры.

Съ воцареніемъ Петра организація новой администраціи уже окончательно подкопалась подъ народное самоуправленіе, и народъ даже утратилъ право мечтать о лучшихъ временахъ.

Реформами новаго времени, слабыя попытки которыхъ начались при Екатеринѣ II, центральная власть начала возвращать народу то, что было поглощено ею въ московской періодъ исторіи. Крестьянское самоуправленіе и земства развязали, въ значительной степени, руки народа; но историческое воспитаніе, тянувшееся вѣка, приучило насъ къ такой пассивности, что мы и до сихъ поръ не умѣемъ пользоваться тѣмъ, что намъ даютъ въ руки. Наша неумѣлость, отвычка отъ самодѣтельности и самостоятельности и пассивность сдѣлали изъ насъ какую-то особенную породу людей, вовсе непохожую на остальное человѣчество. Бываетъ, что птица, родившаяся въ клѣткѣ, не хочетъ пользоваться свободой, которую ей даютъ, и снова возвращается въ клѣтку. Рассказываютъ, что и между крестьянами, получившими свободу, явились недовольные, хотѣвшіе прежняго рабства. Не то ли же самое чувство подавленности одушевляетъ и нашихъ публицистовъ, желающихъ работать не

во имя широкихъ и благотворныхъ началъ и принциповъ, а трудящихся, какъ наемщики, служащихъ лицамъ, а не дѣлу...

Разъединеніе, разномысліе, созданныя въ насъ историческимъ путемъ атрофировали нашъ мозгъ и энергію такъ, что они перестали работать въ извѣстномъ направленіи. вмѣсто совокупнаго стремленія къ общему каждый пошелъ въ индивидуализмъ. вмѣсто навыка къ сложному сочетанію силъ, мы привыкли къ разъединенному дѣйствію, къ недоувѣрью другъ къ другу, къ подозрительности, къ боязни быть обманутыми, и ради этихъ несоціальныхъ свойствъ мы формулировали теорію, выразившуюся въ поговоркѣ: «каждый самъ о себѣ, а одинъ Богъ обо всѣхъ». Чтобы возвратить всѣ утраченныя нами общезначительныя свойства, требуется работа въ противоположномъ направленіи цѣлаго рода новыхъ поколѣній, требуется наслѣдственная передача изъ поколѣнія въ поколѣніе привычки коллективной дѣятельности.

Правительство, — и преимущественно реформами послѣдняго времени, сдѣлавъ поворотъ на путь, противоположный политикѣ допетровской Россіи, показало, что у него нѣтъ опасеній того времени и что народный партикуляризмъ и разрозненность для него невыгодны. Такимъ образомъ, испорченное древнею, великовняжескою Русью, исправляется новою, императорскою Россіею. А что же дѣлаетъ общество? Что дѣлаютъ представители интеллекта народной Россіи? Они стараются убѣдить всѣхъ, что послѣдствія извѣстныхъ историческихъ причинъ существуютъ еще долго послѣ того, когда причины эти устранены. И на каждомъ шагу мы стараемся доказать міру безошибочность этого злополучнаго социальнаго закона. За что мы ни беремся, все валится у насъ изъ рукъ. Затѣмъ ли мы литературный органъ — затѣмъ его, какъ свѣчную лавку; но литературная спекуляція требуетъ для своего успѣха иныхъ условий, чѣмъ торговля свѣчами: въ литературномъ дѣлѣ нельзя ни обвѣшивать, ни обманывать, и глупыя мысли продавать за умныя. Затѣмъ ли торговое, промышленное или какое тамъ хотите предпріятіе — опять то же самое: каждый является съ своимъ царемъ въ головѣ, накричитъ, напумитъ, зобидитъ, наконецъ, обманувъ другъ друга и не оправдавъ обоюдныхъ ожиданій, мы разбредемся врозь и общественному предпріятію конецъ. Прежде мы ползли врозь отъ воеводъ, отъ внѣшнихъ причинъ; теперь же полземъ въ сторону потому, что воспитали въ своемъ мозгу своего собственного воеводу-самодура, обидчиваго, непрозорливаго, раздражительнаго, неспособнаго видѣть отдаленныя послѣдствія ближайшихъ

причинъ. Мы губимъ себя и губимъ другъ друга своимъ индивидуализмомъ, и въ то же время смотримъ умиленно на міръ божій какъ праведники, заслуживающіе своимъ христіанскимъ поведеніемъ царствіе небеснаго.

IV.

Отчего же зависитъ то странное явленіе, что могутъ существовать историческія послѣдствія, когда причина, ихъ породившая, уже исчезла? Въ занимающемъ насъ вопросѣ дѣло объясняется просто давленіемъ старыхъ поколѣній на поколѣнія новыя, иначе сказать вліяніемъ жизни на школу.

Чтобы уяснить читателю нагляднѣе это вліяніе, я сообщу ему фактически точныя свѣденія объ одной большой гимназіи, одного большого города.

Находясь почти годъ въ этомъ городѣ и каждый день ходя по его улицамъ, я только въ извѣстные урочные часы или рано утромъ, или сейчасъ послѣ трехъ часовъ—встрѣчалъ на улицѣ гимназистовъ, въ остальное время они словно проваливались сквозь землю. Даже въ прѣздни мнѣ не случалось встрѣчать на улицѣ учащейся молодежи.

Гимназисты, которыхъ мнѣ случалось видѣть, отличались если и не вполне испитымъ видомъ, то тѣмъ не менѣе полнѣйшимъ отсутствіемъ свѣжести, точно будто они всѣ страдают малокровіемъ. Отсутствие свѣжести, сколько я замѣтилъ, прямо пропорціонально росту гимназистовъ. Маленькіе ученики 1-го, а можетъ быть 2-го класса еще сохраняютъ свѣжесть и румянецъ на щекахъ, но чѣмъ гимназистъ выше, тѣмъ онъ худощавѣе и безкровнѣе, и тѣмъ неподвижнѣе и стекляннѣе его взоръ. Отчего же зависитъ этотъ болѣзненный видъ гимназистовъ, напоминающій ремесленниковъ и мастеровыхъ большихъ промышленныхъ центровъ? А вотъ отчего, читатель.

Гимназисты отправляются въ гимназію въ одни дни въ 8 часовъ утра и остаются въ ней до 3-хъ, въ другіе въ 9 часовъ и остаются тоже до 3-хъ. Въ тѣ дни, когда гимназисты остаются въ стѣнахъ гимназіи 7 часовъ, у нихъ бываетъ 5 лекцій, когда же 6 ча-

совъ, то 4 лекціи. Но знаете ли вы, читатель, что значить пробыть въ школѣ 7 часовъ для мальчика, еще развивающагося, требующаго и движенія, и хордшей питательной пищи? Это значить, что при напряженномъ головномъ трудѣ, которымъ онъ долженъ заниматься въ школѣ, 7 часовъ, проведенные голодомъ, должны совершенно его обезсилить. Мальчики болѣе сильнаго сложенія переносятъ это истомленіе, правда хоть и безъ ближайшихъ очевидныхъ послѣдствій, но за то тѣ, которые или слабы, или растутъ сильно, придя домой и пообедавъ, должны ложиться спать, потому что иначе они не въ состояніи приготовить уроки на слѣдующій день. Принимая только 6 и 7 часовъ занятій въ гимназіи, я сдѣлалъ умышленную ошибку въ пользу гимназій: 6 или 7 часовъ приходится заниматься только тѣмъ, кто живетъ подлѣ самой гимназій; ученики же, особенно бѣдные, живущіе на концѣ города, должны употребить часъ или полтора на путешествіе въ гимназію и обратно домой. Такимъ образомъ, 7-ми часовой постъ превращается для нихъ въ 8¹/₂ часовой, и вы сами, читатель, поймете что это значить если представите себѣ, какія непріятныя послѣдствія и какое тревожное состояніе испытываетъ вашъ собственный желудокъ, когда послѣ чаю, выпитаго вами, положимъ въ 10 часовъ утра, вы получите обѣдъ не ранѣе, какъ въ 7 часовъ вечера. Но вы человѣкъ взрослый, ростъ вы ужъ перестали; каково же положеніе юноши или ребенка, у котораго булка, съѣденная съ чаемъ, переварилась черезъ два часа, и затѣмъ втеченіи 6¹/₂ часовъ желудокъ его остается пустымъ! Способствуетъ ли такая діета румянцу на щекахъ, вы поймете и безъ моихъ объясненій.

Гимназистъ, явившійся домой, старается, конечно, прежде всего вознаграждать свой 8-ми часовой постъ. Тѣ, кто совершенно ослабѣваетъ отъ сидѣнія въ гимназіи и родители которыхъ смыслятъ нѣсколько въ гигиенѣ, ложатся отдохнуть на часъ или болѣе. Кому же этого не позволяютъ разныя обстоятельства, о которыхъ читатель узнаетъ дальше, тѣ должны приниматься за приготовленіе уроковъ немедленно. Приготовленіе же уроковъ поглощаетъ почти ровно столько времени, сколько и лекціи. Для точности, я представлю читателю расчетъ; возьмемъ для соображенія 7-й классъ и лекціи понедѣльника и вторника. Въ понедѣльникъ 5 лекцій: словесность, латинскій языкъ, исторія, законъ божій, французскій языкъ. Что бы приготовить уроки, нужно для *перваго* предмета 1 часъ; для *второго* 1¹/₂ часа, для *третьяго*—2 часа, для *четвертаго* 1¹/₂ часа, для *пятаго* 1¹/₂ часа — итого 6¹/₂ часовъ.

Во вторникъ 4 лекціи: латинскій языкъ, словесность, математика, космографія. Чтобы приготовить эти уроки, нужно для *первой* $1\frac{1}{2}$ часа, для *второй* 1, для *третьей*—1 часъ, для *четвертой* $1\frac{1}{2}$ и того 5 часовъ.

Слѣдовательно въ пяткласный день, на лекціи и на приготовленіе уроковъ слѣдующаго дня нужно 12 рабочихъ часовъ, а въ четырехъ класный день $13\frac{1}{2}$ часовъ. Въ первый день остается у ученика свободныхъ часовъ 12, во второй $10\frac{1}{2}$ часовъ. Какъ же располагаетъ этими часами ученикъ? На два чая—утренній и вечерній—и на обѣдъ употребить онъ положимъ $1\frac{1}{2}$ часа, на прогулки и отдыхъ столько же, итого 3, и затѣмъ на сонъ остается у него отъ 9 до $7\frac{1}{2}$ часовъ. Ну что же? Около 8 часовъ для сна, повидимому, вполне достаточно. Но во 1-хъ, 8 часовъ для слабого мальчика лѣтъ 14—15 мало, а во 2-хъ у большинства 8 часовъ вовсе и не остается.

Въ гимназій, о которой я говорю, считается учениковъ 190; изъ нихъ родители только 85 человекъ — люди вполне обеспеченные, всѣ остальные больше или меньше бѣдняки, что доказывается кромѣ тѣхъ свѣдѣній, которыя я собралъ, самимъ сословнымъ ихъ положеніемъ. Такъ, крестьянъ и мѣщанъ учится 23; дѣтей чиновниковъ, положеніе которыхъ нынче очень неблестательно, 84; дѣтей изъ духовнаго званія 4; купцовъ 15 и дворянъ 67. Изъ этого числа освобождены отъ платы 19 человекъ, получаютъ стипендіи 14 и за двухъ платитъ городское общество. Кромѣ того 13 человекъ даютъ уроки и того оказывается бѣдныхъ, признанныхъ такими самимъ начальствомъ, 85 человекъ. Но тѣ, кто бѣдными начальствомъ не признаны и вслѣдствіи того не освобождены отъ платы за ученіе, не получаютъ стипендіи,—какими средствами они существуютъ? Въ первыхъ четырехъ классахъ существуютъ они какъ Богъ подастъ; въ послѣднихъ же трехъ—стараятся пропитываться уроками. Такихъ, живущихъ уроками, гимназистовъ, въ 5 классѣ 3 изъ 23, въ 6-мъ 4 изъ 18, въ 7-мъ 6 изъ 11. Положеніе этихъ гимназистовъ дѣйствительно бѣдственное. За какіе нибудь 5 руб. въ мѣсяцъ приходится учить 2 часа въ день: но какъ 5 руб. въ мѣсяцъ для существованія недостаточно, приходится искать двухъ учениковъ и тратить на нихъ съ ходьбой каждый день около 7 часовъ; что же затѣмъ остается для сна, одинъ или два часа? Но какъ спать два часа въ сутки мало, то понятно, что отнимается время отъ приготовленія собственныхъ уроковъ, или же гимназистъ не отваживается брать трехъ учениковъ. Спитъ онъ во всякомъ случаѣ

очень мало. Вотъ почему каждый гимназистъ, завалившись въ субботу спать пораньше, отсыпается въ воскресенье и считаетъ каждый праздникъ еще большимъ для себя небеснымъ благополучіемъ, чѣмъ ремесленникъ, истомленный недѣльною фабричною работою. Мнѣ рассказывалъ одинъ гимназистъ, не изъ особенно прилежныхъ и даровитыхъ, что въ рабочіе дни ему не удается никогда ложиться ранѣе 12 часовъ, а встаетъ онъ всегда въ 6. Здоровому же человеку, уже вполне сформировавшемуся, самимъ закономъ его человѣческой природы показано спать не менѣе 8 часовъ. Все что меньше—идетъ въ ущербъ здоровья.

Мнѣ могутъ возразить, что порядокъ гимназическихъ занятій устроенъ совсѣмъ не такъ ужасно, какъ я о немъ рассказываю; и что для отдыха гимназистовъ кромѣ воскресныхъ дней даются весьма продолжительные праздники: рождество, святая, каникулы. Но въ этихъ-то праздникахъ чуть ли и не заключается вся причина зла. Дней отдыха въ году около 6 мѣсяцевъ: 52 воскресенья 14 дней рождества, 16 дней святой, каникулъ около 2 мѣсяцевъ или 60 дней, масленица 3 дня, праздничныхъ и торжественныхъ дней 30; итого 175 дней; значить на ученіе остается только полгода, т. е. годичный курсъ стараются скомкать въ полугодичный срокъ. Что же въ этомъ хорошаго? Хорошаго нѣтъ ровно ничего, а о вредныхъ послѣдствіяхъ я буду имѣть честь доложить читателю немедленно.

Первое вредное послѣдствіе заключается въ томъ, что, превращая рабочій годъ въ полгода, приходится усиливать занятіе вдвое; при усиленныхъ занятіяхъ ученикъ истомляется и отъ продолжительной діеты во время классовъ и отъ продолжительнаго сидѣнія за уроками, и отъ недоспанныхъ ночей, и отъ постояннаго напряженія силъ, возбужденныхъ къ усиленной дѣятельности недостаткомъ времени. Ученику приходится постоянно пороть горячку, ибо онъ повсюду не успѣваетъ и повсюду долженъ спѣшить. Въмѣсто правильной, спокойной жизни, гимназистъ суетится весь свой вѣкъ и приучается къ порывистости дѣйствій и къ суетливой безтолковой дѣятельности. Это—въ полугодіе занятій. Въ полугодіе же праздности, гимназистъ, напротивъ, живетъ совершенно спустя рукава, отъѣдается, отсыпается за прежнее тяжелое время. Но ни утраты тѣла, ни нравственныя утраты этими отдыхами не возстановляются. Нажитой жиръ спадаетъ скоро, бессонныя ночи и неумѣренное сидѣніе опять втягиваютъ щеки и вдавливаютъ глаза. Порывистая, беспорядочная дѣятельность приучаетъ молодежь къ без-

порядочности во всемъ и, вмѣсто укрѣпленія, ослабляетъ энергію, ибо человѣкъ привыкаетъ достигать своей цѣли не упорнымъ, медленнымъ, ровнымъ трудомъ, а короткими, сильными порывами, за которыми слѣдуетъ разслабляющая безцѣльная и безпечная праздность. Было бы конечно проще, если бы занятія гимназистовъ были сокращены ровно на половину, а вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожены и многіе праздники, особенно продолжительные и встрѣчающіеся въ теченіе недѣли.

Вопросъ обобщается, и гимназія, взятая для примѣра — превращается въ типъ.

Изъ распредѣленія классныхъ часовъ и учебныхъ занятій мы видѣли, что гимназисты, организованнымъ у нихъ порядкомъ, приучатся къ порывистой и неправильной дѣятельности; слабѣютъ тѣломъ и въ слабомъ тѣлѣ воспитываютъ слабый духъ, неспособный къ ровной продолжительной спокойной энергіи; но есть и еще одна черта, болѣе вредная, вносимая въ школу изъ жизни, и противъ которой школа, при ея нынѣшней системѣ образованія, борется рѣшительно не въ состояніи. Вредное вліяніе жизни заключается въ томъ сепаратизмѣ и индивидуализмѣ, которые жизнь насаждаетъ въ школѣ.

Обратите вниманіе на сословный составъ гимназистовъ. Между ними есть и крестьяне, и мѣщане, и солдатскіе дѣти и дѣти лекарскихъ учениковъ, и дѣти купцевъ, дѣти чиновниковъ разныхъ ранговъ и положеній, дворянъ, едва не просящихъ милостыни и дворянъ-аристократовъ. Всѣ сословія, существующія въ Россіи, посылаютъ въ гимназіи своихъ представителей. Но каждое сословіе живетъ свою собственною жизнью, своимъ собственнымъ бытомъ и сколько сословій, столько и отдѣльныхъ міровъ, непонимающихъ другъ друга и къ другъ другу относящихся враждебно. Эта сословная разрозненность и разница міровоззрѣнія обнаруживается рѣзче всего въ первомъ классѣ гимназіи. Наиболѣе рѣзкая форма отношеній замѣчается между дворянствомъ, считающимъ себя высшимъ сословіемъ, и дѣтми разныхъ бѣдняковъ, живущихъ въ подвальныхъ этажахъ и трущобахъ. Впрочемъ, къ чести человеческой разсудительности нужно замѣтить, что эта болѣе рѣзко выдающаяся борьба аристократовъ съ плебеями скоро умиротворяется и со второго класса сословность не дѣлитъ учениковъ на враждебные лагери. Но за то съ тѣмъ болѣею силою развивается сепаратизмъ и даетъ себя чувствовать вредное вліяніе нелѣпостей, живущихъ въ головахъ разныхъ нелѣпыхъ родителей. Учиться заставляютъ дѣ-

тей, поступающихъ въ гимназію, вовсе не ломоносовскія стремленія. Большинство учится такъ, потому что нужно учиться; дѣти чиновниковъ учатся для того, чтобъ сдѣлаться въ свою очередь тоже чиновниками. Такимъ образомъ гимназія превращается въ ремесленную школу, научающую человѣка ремеслу, которое должно его прокармливать впослѣдствіи. Вступая въ гимназію съ такою цѣлью, ученикъ изъ всѣхъ силъ бьется получить хорошій баллъ. Хорошій баллъ необходимъ не только для того, что онъ даетъ дипломъ, но и для перехода въ высшій классъ. Худой же баллъ опасенъ, ибо грозитъ исключеніемъ изъ гимназіи. Какъ же достигнуть хорошаго балла и избѣгнуть дурнаго? Ближайшее средство, конечно, учиться хорошо, но учиться хорошо можно не всегда, частью по недостатку способностей, частью по недостатку средствъ для жизни и трудности добывать необходимыя учебныя пособія. И вотъ карьеризмъ, введшій ученика въ гимназію, является его кормчимъ въ стѣнахъ заведенія. Тамъ, гдѣ не всегда берутъ способности, помогаетъ такъ называемое поведеніе; ученикъ прикидывается внимательнымъ и прилежнымъ, тихимъ и послушнымъ, онъ пріучается заискивать, унижаться и подличать предъ учителями и старшими. Уроки такой нравственности получаютъ дѣти преимущественно дома и преимущественно отъ маменекъ, какихъ нибудь бѣдныхъ старухъ-салопницъ, живущихъ пасчетъ разныхъ милостивцевъ и кормильцевъ; маменекъ привыкшихъ вслѣдствіе того унижаться предъ благодѣтелями и заискивать у всякаго, отъ кого только можно ожидать какой либо подачки. Такая мать говоритъ своему сыну: учись и угождай. Тамъ, гдѣ ученіе не помогаетъ, мать сама отправляется съ ходатайствомъ и съ униженными просьбами къ кому слѣдуетъ и нужно сознаться, что униженные просьбы и до сихъ поръ не потеряли у насъ своего значенія. Бываютъ случаи, когда строптивый и шаловливый ученикъ дѣлается передъ экзаменомъ кроткимъ и послушнымъ, перестаетъ курить и старается плѣнить начальство внезапнымъ и невиданнымъ до того благопріеміемъ. Секретъ этой внезапности простъ и понятенъ: недостатокъ способностей и знанія долженъ бѣть возмѣщенъ благопріеміемъ.

Такъ какъ вся судьба ученика зависитъ отъ хорошихъ балловъ и всѣ его стремленія направлены къ тому, чтобы получить высшій баллъ противъ своего сосѣда, то каждый гимназистъ замыкается самъ въ себя, ограждаетъ себя отъ всякаго внѣшняго соперничества и изображаетъ изъ себя вооруженный военный лагерь, прини-

мающій всё мѣры къ тому, чтобы не обнаружить своихъ силъ и не дать другому вооруженному лагерю возможности взять надъ собою верхъ.

Въ бывшихъ, замѣнутыхъ военно-учебныхъ заведеніяхъ существовало полное товарищество,—жизнь велась коллективная, шалости дѣлались сообща, виноватыхъ никто никогда не выдавалъ, даже подъ розгами. Система этого замѣнутаго воспитанія, правда, загроубляла чувство, но съ другой стороны она создавала однокашничество и корпоративный духъ, который во всякомъ случаѣ выше сепаратизма.

Нынѣшняя гимназія не то. Каждый входитъ въ гимназію изъ своей семьи особнякомъ; въ гимназіи видится со своими товарищами только въ теченіи учебныхъ часовъ и затѣмъ снова отправляется въ свой домашній особнякъ: одинъ въ семью солдатскую, другой въ мѣщанскую, третій въ купеческую, четвертый въ помѣщичью, пятый въ чиновничью, шестой въ семью духовнаго отца. Общаго единства, связывающаго разнообразныя возрѣнія этихъ разныхъ міровъ, рѣшительно нѣтъ. Корпусное единство являлось вслѣдствіе общей всѣмъ военной карьеры, но гимназія не создаетъ никакой общей карьеры. Крестьянинъ, поступившій въ нее и не получившій увольненія отъ общества, можетъ уйти въ солдаты, сынъ чиновника уйдетъ въ приказные или учителя уѣзднаго училища, сынъ дворянина отправится въ университетъ, чтобы искать высшихъ почестей и высшаго служебнаго положенія. Какъ вошли люди въ гимназію съ разныхъ концовъ свѣта, такъ они и разбредутся по разнымъ концамъ, окончивъ курсъ. Одно общаго стремленія, связывающаго гимназистовъ въ одно цѣлое, рѣшительно не существуетъ. Семейно-сословный особнякъ, живущій въ семьѣ, вносится въ гимназію и двойтъ жизнь гимназиста. Въ гимназіи онъ держится врозь отъ своихъ товарищей своимъ учебно-гимназическимъ интересомъ, заставляющимъ его стремиться къ лучшему балу, своей учебной несообщительностью и упорнымъ скриваніемъ знаній, которые могутъ дать ему перевѣсъ надъ своими товарищами; а дома онъ опять отдѣльный особнякъ отъ другихъ; ибо что можетъ имѣть общаго семья солдатская или мѣщанская съ семьей чиновной и дворянской; семья бѣдная съ семьей богатой.

Прежде, до 1864 г., и особенно въ эпоху 1857 — 1862 г., въ гимназію вносилось изъ жизни одушевленіе, обхватившее наше общество въ этотъ періодъ его реформаціонной дѣятельности. Тогда гимназисты читали журналы, толковали о вопросахъ, занимавшихъ

ихъ родителей и затрогивавшихъ интересы всѣхъ сословій. Пора эта кончилась. Сословія молчатъ, въ семействахъ не говорятся теперь ни о чемъ, кромѣ повседневныхъ мелочныхъ вопросовъ ничтожнаго характера, о литературѣ никто ни гугу; да и сама литература заснула; ученикъ заваленъ до макушки своими учебными занятіями; латинскій языкъ отнимаетъ каждый день не меньше трехъ часовъ времени и ученику, измученному діетою и трудомъ, толковать о какихъ бы то ни было вопросахъ или заниматься чтеніемъ книгъ не учебнаго свойства не остается ни секунды времени. Поужинавъ въ плотную, онъ бѣжитъ скорѣе спать, ибо завтра нужно снова начинать охоту и погоню за баллами. Съ введеніемъ латинскаго языка ученики начали сидѣть по преимуществу дома, каждый въ своемъ семейномъ особнякѣ. Имъ незачѣмъ собираться и не о чемъ толковать; имъ нужно только готовить уроки, а для этого конечно удобнѣе всего держать себя разьединенно отъ другихъ. И вотъ сепаратизмъ сословной семьи укрѣпляется въ ребенкѣ, а потомъ и въ юношѣ, сепаратизмомъ образованія, и одиночка человѣкъ становится еще больше одиночкой и формируется въ какое-то странное, несоціабельное существо, замкнутое отъ другихъ и избѣгающее всего того, что, повидимому, должно бы придавать ему наибольшую силу и приносить наибольшую пользу—коллективной дѣятельности, простаго и сложнаго сочетанія силъ.

Мнѣ случилось встрѣтить въ молодыхъ людяхъ отъ 16 до 18 лѣтъ замѣчательное отсутствіе искренности, замѣчательную сдержанность и осторожность, точно ихъ уже поломала жизнь, и людская измѣна и предательство научили въ своихъ ближнихъ видѣть опасныхъ враговъ.

Эта преждевременная зрѣлость и замкнутость могли создаться только семейнымъ воспитаніемъ и житейскимъ вліяніемъ родителей и общественныхъ отношеній, въ которыхъ вращается юноша. Когда одинъ изъ учениковъ гимназіи рассказывалъ мнѣ съ полной откровенностью кое-какія ихъ гимназическія дѣла, о которыхъ я писать здѣсь не стану, то братъ его, болѣе молодой годами, но должно быть болѣе богатый опытомъ жизни, лежавшій въ другой комнатѣ, на диванѣ, говорилъ: вотъ дуракъ-то, вотъ болванъ! что онъ болтаетъ самъ не знаетъ что—и порицатель былъ правъ, ибо, за разговорами этого вечера, послѣдовали сплетни и неудовольствія. Хорошо, если неосторожный, но откровенный ученикъ принадлежитъ къ семьѣ сильной; если же нѣтъ, то, конечно, за

неосторожное слово ему можетъ предстоять преслѣдованіе, а въ крайнемъ случаѣ даже худые баллы и увольненіе изъ гимназій.

Вредное вліяніе семьи, чуждой общественныхъ интересовъ, чуждой знанія и погруженной въ повседневныя будничныя мелочности, вредно еще и тѣмъ, что настраиваетъ интеллектъ юноши въ направленіи, мѣшающемъ болѣе его развитію. Возьмемъ для примѣра семью бѣдной чиновницы, имѣющей пять человѣкъ дѣтей и живущую только уроками старшаго сына гимназиста. Какіе интересы могутъ одушевлять этихъ бѣдныхъ людей, помѣщающихся въ грязномъ, сыромъ, темномъ подпольѣ и обязанныхъ существовать на 12 руб. въ мѣсяцъ. Старуха мать думаетъ вѣчно только о томъ, какъ бы добыть на 12 рублей больше предметовъ, необходимыхъ для жизни. Она охаетъ съ утра до вечера, она толкуетъ вѣчно о тѣхъ блаженныхъ временахъ, когда мужъ ея былъ еще живъ и когда жилось имъ хорошо. Она съ завистью толкуетъ о всякомъ человѣческомъ довольствѣ и благополучіи и портитъ своимъ вліяніемъ дѣтей, убивая въ нихъ гордость и чувство собственного достоинства, возбуждая завистливое чувство, мелочныя страсти и оттягивая умъ своихъ дѣтей отъ размышленій, возвышающихъ духъ къ размышленіямъ подавляющимъ. Вліяніе такой матери, хныкающей съ утра до вечера, толкующей о милостивцахъ и благодѣтеляхъ, приучаетъ дѣтей съ малолѣтства къ приниженности, къ зависти ко всему болѣе богатому и счастливому, къ заискиванію, къ погонѣ за милостями и подачками, къ привычкѣ жить чужою помощью и эксплуатировать чужой карманъ. Между гимназистами, выросшими подъ такимъ печальнымъ вліяніемъ, есть испорченные уже въ самой первой молодости; они привыкаютъ бѣдниться и заискивать, они становятся заносчивыми съ низшими, и искательными, угодливыми съ высшими. Что я говорю о вліяніи подобной самоунижающейся бѣдности не есть изобрѣтеніе моего собственного воображенія. Я могъ бы привести и фамиліи людей, но читатель повѣритъ мнѣ и на слово. Корпусъ былыхъ временъ уничтожалъ подобное вліяніе своимъ корпоративнымъ духомъ; нынѣшняя же сепаративная гимназія борется съ такимъ вліяніемъ не въ состояніи. Или: семья, стоящая болѣе высоко, семья оберъ-офицерская, чиновная. Какіе интересы живутъ въ ней, какими разговорами въ ней занимаются? Напримѣръ, въ прошедшую зиму вниманіе нашего города, или по крайней мѣрѣ лучшаго его общества, было поглощено всецѣло спектаклями любителей. Въ нѣкоторыхъ домахъ, кромѣ разговоровъ о театрѣ, не существовало ни-

какихъ другихъ разговоровъ. А такъ какъ театры обладаютъ любопытнымъ свойствомъ пріучать къ пересудамъ, завистливымъ толкамъ; такъ какъ все въ нихъ основано на мелочномъ самолюбіи, на желаніи выставить себя лучше другихъ и снискать общую похвалу, то весьма естественно, что юноша, въ теченіи дѣлой зимы, принимавшій участіе въ разговорахъ подобнаго свойства, настраивалъ свой интеллектъ въ этомъ направленіи, не особенно спасительнаго свойства; юноша заражался несчастной привычкой пересуживать; болтать пустяки, и вмѣсто дѣльныхъ мыслей упражнялся въ суетыслии и въ праздно болтовнѣ.

И въ этомъ случаѣ прежній замѣнутый корпусъ былъ выше нынѣшней открытой гимназіи. Прежній корпусъ отрывалъ отъ семьи и спасалъ отъ ея вреднаго вліянія. Я не скажу, чтобы это отрываніе отъ семьи было бы всегда спасительно, но не подлежитъ однако никакому сомнѣнію, что во многихъ случаяхъ только разрывомъ съ семьей и вредными ея традиціями можно создать новыхъ людей. Современная гимназія совершенно безсильна передъ этой задачей.

Я ничего не знаю о теперешнемъ университетѣ. Было бы весьма желательно, чтобы человѣкъ, знакомый съ этимъ вопросомъ, указалъ бы, какой новый элементъ вносить наши высшія учебныя заведенія въ общественныя міровоззрѣнія слушателей, поступающихъ въ нихъ изъ гимназій. Впрочемъ, основываясь на фактахъ, представляемыхъ представителями русскаго интеллекта, подвизающимися въ русской литературѣ, я не сдѣлаю ошибки, если предположу, что и университетъ не уничтожаетъ сепаратизма и индивидуализма создаемаго семьей и высшей школой.

Н. Шелгуновъ.

Б Ы Л О Е.

I.

Лѣтъ тридцать пять тому назадъ, пріѣхать въ городъ В. и не постараться познакомиться съ семействомъ Самокатовыхъ было просто преступленіемъ. Слѣдуетъ предположить, разумѣется, что пріѣзжій—человѣкъ истинно порядочный, а не какой нибудь канцеляристъ изъ консисторіи или гарнизонный прапоръ изъ даточныхъ. И для такихъ низменныхъ и темныхъ господъ растутъ можетъ быть розы въ жизни, но онѣ растутъ для нихъ не въ такихъ салонахъ, какъ салонъ Петра Ѳомича и Анны Федоровны. Увы! о салонѣ этомъ, бывшемъ доступнымъ лишь для людей съ солиднымъ положеніемъ въ обществѣ или обладавшихъ плѣнительнымъ свѣтскимъ лоскомъ, да и не только о салонѣ, но и о самомъ хозяинѣ его и хозяйкѣ, осталось только воспоминаніе. Объ нихъ, какъ говоритъ поэтъ, мы впрочемъ не скажемъ съ тоскою: „нѣтъ!“ а съ благодарностью: „были!“ Самокатовы принадлежали къ высшей губернской аристократіи. Въ этомъ не сомнѣвался даже самый дерзкій скептикъ—Nicolas Вихринскій, нѣкогда непобѣдимый в—скій левъ.

Самыя враждебныя другъ другу лица и партіи сходились въ сужденіяхъ своихъ о высокомъ и нравственномъ и свѣтскомъ до-

стоинствѣ Петра Ѳомича и Анны Федоровны. Про Петра Ѳомича говорили обыкновенно: „это добрѣйшій, благороднѣйшій человѣкъ“; про Анну Федоровну: „это умнѣйшая, почтеннѣйшая дама“. Про двухъ дочерей ихъ Лизу и Катись, розовыхъ и очень развитыхъ въ плечахъ барышень (что-то? похудѣли или пополнили онѣ теперь?), выражались не иначе, какъ восторженнымъ восклицаніемъ: „какія милыя, образованныя дѣвицы“! Имѣніе Самокатовыхъ — триста душъ — „ахъ! это преблагоустроенное имѣніе! что за порядокъ! какое примѣрное управленіе“! Таковъ былъ общій голосъ. Даже домъ Самокатовыхъ всѣ осыпали особенными похвалами. Я говорю, конечно, о домѣ не въ переносномъ смыслѣ: что въ этомъ смыслѣ домъ Петра Ѳомича и Анны Федоровны былъ пріятнѣйшій домъ, кто же можетъ въ этомъ сомнѣваться? Нѣтъ, я говорю о деревянномъ, выштукатуренномъ и отдѣланномъ на подобіе каменнаго, домѣ на углу Покровской улицы и Базарной площади. „Какой славный, красивый домъ у Самокатовыхъ“! говорятъ всѣ. „А какъ убранъ изящно! съ какимъ вкусомъ это у нихъ все“! прибавляли пользовавшіеся счастьемъ бывать въ этомъ домѣ.

У Самокатовыхъ были назначенные вечера каждую недѣлю по вторникамъ; кромѣ того два раза въ зиму бывали торжественные балы, съ дамами декольте, съ баталіонной музыкой, съ Nicolas Вихринскимъ въ бѣломъ галстухѣ, съ подюжиной шампанскаго за ужиномъ, съ губернаторомъ — и мало ли съ чѣмъ еще! Впрочемъ губернаторъ былъ не рѣдкій гость у Самокатовыхъ и на *jours fixes*. Если же у губернатора была губернаторша, она навѣрное не пропускала ни одного вторника. Да и какъ, скажите, пропускать? Жена правителя губернаторской канцеляріи не могла быть такъ предупредительна и почтительна какъ Анна Федоровна. Ни разу во всю свою жизнь не являлась она на воскресные вечера къ губернатору, не заѣхавъ по утру, отъ обѣдни, поздравить ея превосходительство съ праздникомъ; въ теченіе недѣли Лиза и Катись тоже непремѣнно должны были хоть разъ съѣздить къ ней утромъ, узнать о здоровьѣ ея превосходительства.

— *Et madame votre maman? j'espère qu'elle se porte bien?*
(А ваша матушка здорова?) спрашивала генеральша.

— Depuis hier elle se sent un peu indisposée (Оъ вчерашняго дня она чувствуетъ себя нехорошо), отвѣчала розовая Лиза.

На лицѣ генеральши выражалось огорченіе, она покачивала головой и спрашивала:

— Est ce qu'elle garde le lit? (Она лежитъ?)

— Non, быстро отвѣчала Катинь, — elle a sa maladie ordinaire (Нѣтъ, у нея ея обычная болѣзнь). У татапа мельканье.

— Что такое, ma chère? спрашивала генеральша.

— Мельканье, объясняла Китинь: — знаете, когда татапа разстроится чѣмънибудь... огорчится... у нее начинается мелькать... передъ глазами мелькать.

— Скажите! замѣчала съ соболѣзнованіемъ губернаторша, — ахъ, какъ это неприятно!

Въ милой институтской наивности своей Катинь воображала, что *мельканье* есть какойнибудь ученый медицинскій терминъ.

Эта странная болѣзнь нападала на Анну Федоровну очень часто, и тогда ужасъ овладевалъ всѣмъ домошъ. Особенно трепеталъ при болѣзненныхъ припадкахъ жены „добрѣйшій, благороднѣйшій человекъ“ Петръ Ѳомичъ. Вообще онъ не отличался большою храбростью, хотя нѣкогда, въ качествѣ ополченскаго офицера двѣнадцатаго года, и добилъ можетъ быть двухъ-трехъ замерзавшихъ французовъ прикладомъ. Впрочемъ и это сомнительно. Виду Петръ Ѳомичъ тоже былъ не геройскаго: ростомъ малъ, худъ и притомъ не совсѣмъ твердъ на ногахъ; лицо цвѣта сѣраго; усы, тоже сѣрые, щетинкой; лысина въ двѣ ладони, и закрыть ее тощимъ остаткомъ сѣдыхъ волосъ не представлялось никакой возможности: отправляясь куданибудь изъ дому, Петръ Ѳомичъ гладко примазывалъ волосы къ лысинѣ, но стояло ему повстрѣчаться на улицѣ съ кѣмънибудь изъ знакомыхъ и раскланяться (Петръ Ѳомичъ снималъ обыкновенно свой старомодный картузь совсѣмъ долой), волосы поднимались у него отъ вѣтра на подобіе сіянія, и съ такимъ сіяніемъ дѣлалъ онъ визиты, нисколько не думая о своей красотѣ, пока не увидитъ его въ такой неприличной прическѣ Анна Федоровна и не воскликнетъ повергающимъ въ нѣкоторый трепетъ голосомъ: „Петръ Ѳомичъ! взглянись, батюшка,

въ зеркало! Что это у тебя голова-то“ — „Ахъ! вѣтеръ, матушка, на дворѣ, вѣтеръ—да, вѣтеръ!“ скажетъ обыкновенной своей отрывистой скороговоркой Петръ Ѳомичъ, и тутъ только приведетъ себя въ порядокъ, удалится въ тѣсный свой кабинетикъ, закуритъ тамъ трубку и примется читать „Московскія Вѣдомости“. Глазами Петръ Ѳомичъ былъ всегда слабъ: бѣлки у него были всё въ красныхъ жилкахъ, читать онъ долго не могъ и „Московскихъ Вѣдомостей“ доставало ему какъ разъ отъ почты до почты. За политическими событіями слѣдилъ онъ съ необычайною акуратностью; памяти у него еще не отшибло, и онъ могъ перечислить вамъ по пальцамъ заслуги любого испанскаго генерала. Не прочь былъ онъ и потолковать о политикѣ, хотя главнымъ правиломъ у него было — говорить только о томъ, что случилось тому десять лѣтъ. Почему именно десять, что это за особенный такой срокъ — я думаю и самъ Петръ Ѳомичъ не объяснилъ бы. Онъ одно говорилъ: „о нынѣшнихъ дѣлахъ теперь разсуждать нельзя. Что теперь разсудишь? Нѣтъ, этого нельзя, нельзя. Время все разгясняетъ, время, да. Вотъ погодите! пройдетъ десять лѣтъ — ну, тогда дѣло другое! тогда станемъ разсуждать — и разсудимъ чтонибудь, да!.. А теперь что. Всѣ обстоятельства идутъ въ перебивъ, да, въ перебивъ! извольте-ка тутъ разсудить, что и какъ... Нѣтъ-съ, этого нельзя повѣрять вы мнѣ! Надо, чтобы десять лѣтъ прошло. Ну, тогда совсѣмъ другое дѣло. Возьмемъ, къ примѣру, отечественную войну...“ И Петръ Ѳомичъ начиналъ разсказывать какъ обстоятельства шли тогда въ перебивъ, и разсуждать дѣльно о Наполеонѣ было совершенно невозможно. „А какъ прошло десять лѣтъ — и стало все какъ на ладонѣ, да! такъ, вотъ кажется ясно, какъ дважды два четыре... Ну-съ, а тогда-то? Бывало поразмыслишь — умъ за разумъ заходить. Сплетеніе, просто сплетеніе — такое неразъяснимое — да! Ужь это такъ самимъ Провидѣніемъ какъ-то установлено. Не можетъ человекъ объять этого всего разомъ — объять не можетъ... теряется, да!“ Слущая подобныя умо-заключенія Петра Ѳомича, Nicolas Вихринскій, считавшійся между молодежью великимъ политикомъ, часто замѣчалъ, съ самодовольствомъ взбивая волосы: „Ну нѣтъ! полноте, Петръ Ѳомичъ! Это

старая точка зрѣнія. Современная наука... Нѣтъ, не говорите!.. развитіе... ходъ впередъ... совершенствованіе... прогрессъ... какъ хотите, вѣдь это... это... Ну, и то надо сказать гуманныя стремленія... социализмъ... Это все, знаете, объясняетъ!" Петръ Ѳомичъ, озадаченный такими ясными и логическими выводами, говорилъ, пожимаясь: „Молодежь-то нынче! молодежь-то любо-дорого послушать. Не то, что мы—какъ учились-то на мѣдныхъ деньги, да!“ Несмотря однакожь на благоговѣніе свое передъ умомъ современной молодежи, Петръ Ѳомичъ оставался при своемъ мнѣніи относительно десятилѣтней политической давности, и подчасъ вмѣсто всякихъ возраженій оканчивалъ свои политическія пренія словами: „нѣтъ-съ, нѣтъ! въ этомъ меня не разубѣдите... Десять лѣтъ—великое дѣло!.. Не разубѣдите, да!.. Привычка вторая натура!“ И точно, привычка—сила неопреоборимая. Не каждый ли день, когда Петръ Ѳомичъ приходилъ съ трубочкой въ изящную диванную Анны Федоровны и располагался тамъ курнуть въ мягкомъ угольѣ, не всякой ли разъ Анна Федоровна восклицала своимъ густымъ, нѣсколько носовымъ басомъ: „Петръ Ѳомичъ! опять пришелъ своей трубкой чадить! Боже мой! что это такое? Долго ли тебѣ говорить? Всѣ занавѣски закоптилъ. Сидѣлъ бы въ своей коптильнѣ!“ Коптильной Анна Федоровна называла кабинетъ Петра Ѳомича. „Ахъ! опять забылъ, магушка!“ говорилъ обыкновенно, торопливо удаляясь, Петръ Ѳомичъ. А завтра опять приходилъ, опять принимался чадить, и опять его прогоняли въ коптильню. Другая привычка Петра Ѳомича не разъ доводила Анну Федоровну даже до „мельканья“. И въ самомъ дѣлѣ, привычка была неприятная! Петръ Ѳомичъ, какъ только отложить бывало въ сторону „Московскія Вѣдомости“, начинаетъ ходить, потряхиваясь, по всѣмъ комнатамъ, и нѣсколько дрожащимъ, но веселымъ голосомъ пѣть, не стѣняясь даже тѣмъ, что у Анны Федоровны гости, хотя бы сама губернаторша. Но все бы это ничего, будь пѣсня, которую онъ напѣвалъ, приличная пѣсня—ну, романсъ какойнибудь: „Соловей мой соловей“, что ли, или „Смолкни пташка кинарейка“. А то, можете себѣ представить, Петръ Ѳомичъ, со временъ ополченія, усвоилъ себѣ по два стишка изъ двухъ ка-

ких-то солдатских пѣсень и изволилъ постоянно пѣть то тотъ, то другой отрывокъ. Анна Федоровна была въ совершенномъ отчаяннѣи отъ этой нелѣпой привычки. Когда она садилась вечеромъ за партію преферанса, шаги Петра Ѳомича, расхаживавшаго по комнатѣ, постоянно беспокоили ее, и она того и ждала, что Петръ Ѳомичъ подойдетъ къ карточному столу и заставитъ ее сдѣлать реверсъ, какъ запоетъ:

«Мнѣ морковки захотѣлось —
На базарѣ ея нѣтъ»!

— Петръ Ѳомичъ! восклицала тогда Анна Федоровна, тяжело опуская на столъ свой сжатый кулакъ и съ дрожью въ голосѣ. — Опять? Что это такое? Въ казармахъ ты, что ли?

— Ахъ! забылъ, матушка, забылъ! оправлялся Петръ Ѳомичъ, удаляясь отъ стола.

— Извините его, пожалуйста! обращалась Анна Федоровна къ своимъ партнерамъ: — у него это съ незапамятныхъ временъ какая-то глупѣйшая привычка. Вы что сказали? пастъ? и разъ вуплю.

Но не успѣеть, бывало, Анна Федоровна нѣсколько придти въ себя, какъ Петръ Ѳомичъ опять уже идетъ, потряхиваясь, къ столу и, съ свойственной ему забывчивостью, веселымъ голоскомъ напѣваетъ:

«Съѣла рыбицу сухую —
Запищало въ животѣ».

Тутъ Анна Федоровна по неволѣ должна бывала потерять всякое терпѣніе.

— Поди отсюда вонъ, Петръ Ѳомичъ! слышишь? — кричала она; — сколько разъ я тебѣ говорила?

— Да чтожъ, матушка, что я такое тебѣ сдѣлалъ? возражалъ Петръ Ѳомичъ.

— Поди вонъ, говорятъ тебѣ, если не умѣешь вести себя прилично!

Анна Федоровна въ азартѣ забывала даже о присутствіи гостей.

Петръ Ѳомичъ удалялся: но добравшись до половины зала, по направленію къ своей копильнѣ, уже забывалъ выговоръ Анны

Федоровны, и тонкій слухъ ея снова поражался доносившимися издали звуками: „Мнѣ морковки...“

Какъ тутъ было не сдѣлаться мельканью? Вѣроятно отъ этого Анна Федоровна постоянно проигрывала, когда играла у себя дома.

Анна Федоровна, какъ вы, конечно, уже замѣтили, представляла совершенную противоположность Петру Ѳомичу. Не даромъ общій голосъ, называя Петра Ѳомича добрѣйшимъ, благороднѣйшимъ человекомъ, именовалъ Анну Федоровну умнѣйшей, почтеннѣйшей дамой. Объ умѣ Петра Ѳомича никто не упоминалъ, также, какъ и о добротѣ Анны Федоровны. Не только душевными качествами, и наружностью они ни мало не походили другъ на друга. Анна Федоровна была женщина видная, чуть не головой выше Петра Ѳомича. Пріятная полнота ея внушала уваженіе: когда Анна Федоровна шла, тяжело и медленно ступая, вся она слегка трепетала, какъ студень на блюдѣ. Будь это не двадцать пять, а пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, ее можно бы сравнить даже съ блан-манже: такая, говорятъ была она тогда бѣлая и хорошая. Плечи Катись вѣроятно были похожи на бывшія плечи маменьки. Когда Анна Федоровна не носила еще паричка съ завитушками на вискахъ, не обладала тройнымъ подбородкомъ и орлиный носъ ея не смотрѣлъ такъ угрюмо, будто хочетъ выклевать каждому глаза, у Анны Федоровны было пропасть поклонниковъ. Злые языки говорили даже о нѣкоторомъ украшеніи на лбу Петра Ѳомича, выросавшемъ будто бы не по днямъ, а по часамъ; но можно ли этому вѣрить? Вѣдь злые языки утверждали даже, будто Анна Федоровна и на склонѣ лѣтъ ревновала своихъ розовыхъ дочекъ къ каждому молодому человѣку высокаго роста, съ черными волосами и атлетическими формами. Это была ужъ ни на что не похожая клевета. Другое дѣло—всеобщее мнѣніе о томъ, что Петръ Ѳомичъ былъ въ полной зависимости отъ своей достопочтенной супруги и не пользовался большимъ значеніемъ у себя въ домѣ. Это правда; но, по нашему мнѣнію, репутація Анны Федоровны отъ этого страдать нимало не можетъ. Что, еслибъ Анна Федоровна позволяла Петру Ѳомичу, напримѣръ, играть въ карты и давала ему на то денегъ? Вѣдь онъ вѣчно бы проигрывалъ, потому что играть совсѣмъ не умѣлъ.

Петръ Ѳомичъ катался бы какъ сыръ въ маслѣ, еслибъ ему позволяли курить во всѣхъ комнатахъ и пѣть, когда онъ вздумаетъ, про морковку и про рыбицу; но, согласитесь сами, вѣдь это совершенно невозможно! За то какъ бывалъ онъ доволенъ, когда Анна Федоровна уѣзжала изъ дому дѣлать визиты! Надѣнетъ онъ, бывало, на голову бархатную ермолку, расшитую блестками, закуритъ трубочку, и пойдетъ гулять по залѣ, гостиной и диванной, попыхивая изъ трубочки и помахивая ею, и въ тоже время напѣвая свои любимыя пѣсенки.

О чемъ онъ обыкновенно думалъ, рассказывая—Богъ его знаетъ: можетъ быть о политическихъ событіяхъ, совершившихся десять лѣтъ тому назадъ, а можетъ быть и о томъ, что ходя насорить онъ трубкой и надымить въ гостиной и диванной, и Анна Федоровна, возвратясь домой, прикрикнетъ на него: „Петръ Ѳомичъ! опять вездѣ трубкой началъ! Когда же этому будетъ конецъ? Вѣдь просто мочи съ тобой нѣтъ!“

Петръ Ѳомичъ прогулки свои съ трубкой разнообразилъ иногда тѣмъ, что останавливался у котораго нибудь окна и смотрѣлъ на улицу. Не всѣ, впрочемъ, окна доставляли ему удовольствіе. Онъ любилъ особенно постоять у окна въ диванной, изъ котораго видна была площадь. Остановясь тутъ, онъ долго смотрѣлъ, кто прошелъ, кто проѣхалъ, и съ особеннымъ одушевленіемъ пыхалъ своею трубкою.

Оконъ же въ залѣ онъ не любилъ. Иногда только въ забывчивости и задумавшись о чемъ нибудь, подходилъ онъ къ нимъ, но только что остановится, бывало, только что затынетъ:

«Съѣла рыбицу сухую—
Защицало.....»

голосъ у него оборвется какъ-то странно; перестанетъ онъ курить, постоитъ, постоитъ, пристально посмотритъ на домъ насупротивъ, и потомъ молча, безъ пѣсенъ, уйдетъ къ себѣ въ надымленный кабинетъ.

II.

Домъ, стоявшій черезъ улицу, прямо супротивъ самокатовскаго дома, былъ небольшой, одноэтажный, деревянный. На домъ тянулась длинная вывѣска. На вывѣскѣ было по черному полю крупными желтыми буквами написано: *портной Умновъ* (тутъ ножницы изображены), *бывшій Саразановъ*.

Кажется, въ домѣ не было ничего особенно печальнаго; но Петръ Омичъ всегда омрачался, когда взглядывалъ на него. Дѣло въ томъ, что послѣдняя фамилія напоминала Петру Омичу давно-прошедшія времена, ту счастливую пору, когда на головѣ его густо росли черные волосы, когда усы его не торчали еще щетиной, и онъ могъ завивать ихъ въ колечки, когда онъ былъ твердъ на ногахъ и не потряхивался ходя, а молодцомъ отплясывалъ на губернскихъ балахъ, и когда, наконецъ, рѣшился идти на защиту отечества въ критическую минуту нашествія галловъ и съ ними двадцати языкъ.

Единственнымъ трофеемъ воинственныхъ походовъ Петра Омича былъ мальчуганъ—французъ, лѣтъ пяти, подобранный около замерзшаго отца. Петръ Омичъ, по добротѣ своей, отогрѣлъ его, вымылъ и выпарилъ въ банѣ, и мальчуганъ совсѣмъ отошелъ. Послѣ долгихъ распросовъ, которые очень затрудняли Петра Омича по незнанію имъ французскаго языка, французикъ объяснилъ, что его зовутъ: „Sargazin“. Мальчикъ онъ былъ робкій, какъ будто забитый; черные глаза его смотрѣли постоянно, какъ испуганныя. Петръ Омичъ, воображавшій почему-то, что каждый французъ выходитъ уже сорви-головой изъ утробы матери, очень удивлялся, что мальчуганъ не выщипалъ у него усось, а напротивъ и голосу почти не подавалъ.

Маменька Петра Омича, встрѣчая возвратившагося изъ похода сына, не то чтобы обрадовалась сыновней находкѣ, не то чтобы огорчилась этимъ приобрѣтеніемъ. По правдѣ сказать, и нечего

было ни огорчаться, ни радоваться. Разсуждая о дѣлѣ хладнокровно, маменька Петра Ѳомича рѣшила только, что мальчика слѣдуетъ, во-первыхъ, не оставлять бусурманиномъ, а окрестить въ русскую вѣру, и во-вторыхъ, внести при слѣдующей переписи въ ревизскія сказки.

Такъ и сдѣлали: окрестили французика, закрѣпили при ревизіи, и оказался онъ не „Jean Baptiste Sarrazin, citoyen français“, а Иванъ Петровъ, по прозванью Саразановъ, помѣщика Самокатова дворовый.

Его держали, впрочемъ, сначала въ нѣкоторой холѣ: одѣвали опрятнѣе всѣхъ дворовыхъ мальчишекъ, клали спать въ комнатѣ старой ключницы и давали ему кушанье съ барскаго стола. По-русски онъ говорить выучился чрезвычайно скоро, какъ вообще дѣти учатся; притомъ французскаго слова никогда не было слышно во всемъ домѣ. Грамотѣ его не учили; какъ-то этого и въ голову никому не приходило.

Когда Иванъ на столько сталъ выше ростомъ, что спать и ходить въ баню съ женщинами было уже неприлично, его перевели на спанье въ лакейскую и дали ему войлочекъ и плоскую обмятую подушку. Въ это именно время его дважды посѣкли розгами, и разъ даже съ какою-то особой церемоніей, которую исполнила надъ нимъ старая ключница: она повела его въ вѣдетный сарай, продѣла его въ хомуть, хомуть подтащила въ порогу, и отхлестала мальчика по голымъ ножонкамъ тоненькою розгой. Наказаніе, какъ ясно показываетъ эта церемонія, постигло Ивана не за шалости; провинность его заключалась въ томъ, что какъ его перевели изъ тепло-натопленной конурки ключницы, гдѣ онъ спалъ на лежанкѣ, въ холодную лакейскую, съ нимъ стало что-то съ холоду случаться по ночамъ. Послѣ второго наказанія, говорятъ, все какъ рукой сняло, и до Ивана уже никогда не касалась розга.

Петръ Ѳомичъ рѣшилъ, что надо мальчику дать какую нибудь должность, и лѣтъ съ восьми Иванъ состоялъ при барскихъ трубахъ: набивалъ ихъ, продувалъ, проковывивалъ гвоздемъ и проч. Петръ Ѳомичъ иначе не звалъ его, какъ „коман-ву-порте-ву“.

— Эй, коман-ву-порте-ву! трубку!

Наконецъ коман-ву-порте-ву подросъ таеъ, что держать его въ домѣ не представляло выгоды ни для господъ, ни для него самого.

— А что, Пета? стала говорить Петру Ѳомичу его маменька, — вѣдь надобно Ванюшку-то въ ученые хоть что ли отдать. Что онъ у насъ баклуши скоболы-то бьетъ!

— Что же, что же маменька! это дѣльно! согласился Петръ Ѳомичъ. — Онъ же способный такой мальчишка, да!.. ужь эти французы всѣ — народъ преспособный.

— Куда жь бы его?

— Да въ повара, я думаю, маменька: въ повара — самое лучшее!

— Что это, Пета! вѣчно ты глупость какую нибудь выдумаешь? Въ повара... ну на что это похоже? Вѣдь ты все не подумавши говоришь.

— А что же, маменька, что?

— Ну да кто онъ такой?

— Кто? нашъ дворовый.

— Да французъ онъ или нѣтъ?

— Вѣдь ужь и болтать-то по своему забылъ. Совсѣмъ русскій, только вотъ картавить.

— Да, толкуй! теперь забылъ, а потомъ, какъ выростеть, все небойсь припомнить.

— Такъ что же маменька?

— Ахъ Боже мой, что? Таеъ вотъ, думаешь ты, и будетъ считать насъ господами?

— А какъ же!

— Держи карманъ! у французиковъ этихъ самолюбіе ужасное.

— Такъ-то — это таеъ; но все же...

— Ну, и будетъ тебѣ хорошій слуга — жди! А онъ его въ повара!.. Не слушала бы тебя, право.

— Да не все ли маменька, равно?

— По твоему и это все равно, что разбойника изъ острога взять: на-моль, батюшка, страпай намъ кушанье!

— Я васъ, маменька, не понимаю... какое вы тутъ видите

отношеніе—не понимаю этого—между Ванюшкой и разбойникомъ?

— Какъ тебѣ понять! Да развѣ не всегда жизнь твоя въ рукахъ повара?

— Полноте, маменька, торопливо перебилъ Петръ Ѳомичъ,— какъ вамъ не грѣхъ!.. Кажется, можетъ онъ понимать, что благодареніе ему сдѣлано, а не то, что... да, благодареніе. Вѣдь смертъ бы хуже всякого таракана.

— Пуще всего! такое и время нынче, чтобы благодареніе помнили! смѣшишь своими словами.

— Ну не въ повара, маменька, если это кажется вамъ неловко—не въ повара... Кудажъ? какъ вы думаете?

— Вотъ у насъ портного нѣтъ, къ портному бы его въ ученье отдать.

— Да здѣсь не къ кому, маменька.

— Ну, въ Казань отослать.

— Развѣ вотъ въ Казань.

— Конечно.

По сказанному, какъ по писанному—съ первою же оказіей мальчика отправили въ Казань и опредѣлили тамъ на выучку къ лучшему портному.

Опасенія старухи Самокатовой не были ни на чемъ основаны: французъ оказался и вдали отъ господскихъ очей тише воды, ниже травы; портняжное дѣло далось ему какъ нельзя лучше, и лѣтъ шестнадцати онъ былъ уже первымъ закройщикомъ.

Происхожденіе его представлялось ему, по неяснымъ слухамъ, какъ-то смутно, и онъ не видалъ ничего противузаконнаго въ томъ, что Петръ Ѳомичъ овладѣлъ имъ, какъ собственностью. Только по временамъ приходили у него въ памяти и знакомыя и чуждыя лица и картины, какихъ не встрѣчалось ему въ окружавшей его дѣйствительности. Точно какъ будто онъ припоминалъ какой-то сонъ. Снились ему будто какія-то темныя, высокія башни, узкія улицы съ домами, подпирающими небо, холмы, одѣтые виноградною зеленью, синее шумное море, корабли съ широкими парусами, музыка ему слышалась какая-то странная, смѣшавшаяся съ говоромъ, теперь для него чуждымъ. И сердце у Ивана занывало робко и си-

ротливо, и на день, на два овладѣвала имъ безпредметная тоска и меланхолия. Хозяинъ его приписывалъ, впрочемъ, такое расположеніе духа чрезвычайной склонности Ивана къ обращенію съ женскимъ поломъ... Выйдя изъ разряда учениковъ, Иванъ сталъ платить Петру Ѳомичу оброкъ. Оброкъ былъ порядочный, и Петръ Ѳомичъ пока не требовалъ Ивана къ себѣ.

Независимо отъ оброка Иванъ усилъ кое-что зарабатывать; любовныя похождения ничего ему не стоили, потому что онъ понималъ только отношенія раг amour, и онъ сталъ откладывать по-немногу лишнія деньги. Вдали у него были разные пріятныя планы.

Тѣмъ временемъ Петръ Ѳомичъ соединился узами брака съ Анной Федоровной, пересталъ танцовать на губернскихъ балахъ, началъ читать „Московскія Вѣдомости“ и сѣлся даже играть въ карты (Анна Федоровна тогда еще не играла, и потому не знала, что мужъ въ картахъ плохъ), однимъ словомъ—сдѣлался совсѣмъ солиднымъ человѣкомъ.

III.

Въ одно прекрасное утро Петру Ѳомичу, только что отпившему чай въ обществѣ Анны Федоровны и сидѣвшему около нея съ трубочкой (о блаженное времячко!) доложили, что пришелъ только что прибывшій изъ Казани дворовый человѣкъ его Иванъ.

— А! позвать его сюда! крикнулъ Петръ Ѳомичъ.—Посмотримъ на нашего француза, что за птица вышелъ. Я его, матушка, прежде все коман-ву-порте-ву звалъ.

— Не знаю, отчего, Петръ Ѳомичъ, а у меня не лежитъ что-то къ нему сердце, замѣтила Анна Федоровна, начинавшая уже вообще не любить все, что по душѣ Петру Ѳомичу.

Она впрочемъ говорила тогда еще не столь густымъ басомъ.

— Отчего же, матушка? Вѣдь ты еще не видала его. Онъ славный малый, возразилъ Петръ Ѳомичъ,—право славный малый. Да вотъ ты увидишь.

— Я ужь не знаю, что это, отчего, только онъ мнѣ воображается чѣмъ-то этакъ... ну, не люблю его, однимъ словомъ, зара-нѣе не люблю.

— Напрасно, матушка, напрасно. Да вотъ ты посмотришь на него. Нѣтъ, онъ малый славный.

Саразановъ вошелъ и поклонился господамъ.

Петръ Ѳомичъ, конечно, не узналъ бы его, еслибъ встрѣтилъ случайно. Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ они не видѣлись: Ивану давно уже пошелъ третій десятокъ. Изъ круглаго дѣтскаго лица, како! помнилъ Петръ Ѳомичъ, вышло продолговатое, съ довольно большимъ носомъ, съ густыми черными усами и бакенбардами. Росту Иванъ былъ небольшого, но сложенъ такъ красиво, что платье сидѣло на немъ, какъ рисуютъ на модныхъ картинкахъ. Вообще видъ у него былъ очень представительный, и это именно не понравилось Аннѣ Федоровнѣ. Она стала смотрѣть на портного съ замѣтнымъ презрѣніемъ.

— Здравствуй, Иванъ, здравствуй! ласково заговорилъ Петръ Ѳомичъ.—Ну, что, братъ? какъ ты?

— Слава Богу, Петръ Ѳомичъ, какъ видите.

— Худъ ты что-то, — видно комплекции-то, братъ, слабой?

— Грудью больше, Петръ Ѳомичъ.

— Грудью? да? это, братъ, нехорошо, нехорошо. Ну, да поправишься, — ничего. Такъ ты, значить, совсѣмъ сюда?

— Точно такъ, Петръ Ѳомичъ, хочу вашей милости просить.

— Да, ты писалъ, что хочешь здѣсь заведеніе открыть. Это ладно, ладно. Ну и поможемъ тебѣ, если нужно. Дѣло ты затѣялъ хорошее: здѣсь портного ни одного порядочнаго, да. А вѣдь ты, поди, молодецъ?

— Постоимъ за себя, Петръ Ѳомичъ.

— Ладно, братъ, ладно. Вотъ и мнѣ бы надо ффрачекъ новый, ужь ты сошьешь... Какъ нынче носятъ въ Казани-то? Фалды все длинныя?

— Длинныя и узкія.

— Да? ну, вотъ и сошьешь, посмотримъ на твое мастерство.

— Слушаю, Петръ Ѳомичъ; постараюсь угодить.

— Что же, ты, значить, этакъ и капиталъ зашибъ, что самъ за дѣло хочешь приниматься?.. съ капиталомъ? а?

— Помилуйте, Петръ Ѳомичъ! Какой капиталъ! На свои руки собственно одна надежда. Ну, мальчиковъ стану на выучку брать. Все зависить отъ милости вашей, Петръ Ѳомичъ... Порекомендуйте меня здѣсь.

— Какъ же! какъ же?

— А главное, Петръ Ѳомичъ, одна у меня до васъ просьба.

— Что такое?

— Откупиться бы желательно.

— На волю?

— Точно такъ.

— Да на что тебѣ воля? вмѣшалась Анна Федоровна.— Чѣмъ откупаться, плати себѣ оброкъ, какъ платилъ. Добро бы еще ты семейный былъ, съ дѣтьми, а то не все ли равно?.. Что тебѣ въ волю?

— Ну вѣтъ, матушка, перебилъ Петръ Ѳомичъ,—этого ты не говори? Чтожь, онъ и жениться можетъ.

— Тогда объ этомъ и думать, замѣтила Анна Федоровна, съ упрекомъ взглянувъ на Петра Ѳомича.

— Я, сударыня, милости вашей прошу, кротко отвѣчалъ Иванъ.

— Хорошо, братъ, хорошо, торопливо перебилъ Петръ Ѳомичъ,—мы еще успѣемъ объ этомъ поговорить, будетъ еще время. А ты осмотришься здѣсь покамѣсть.

— Слушаю, Петръ Ѳомичъ.

Саразановъ удалился.

— Ну, что, матушка, обратился Петръ Ѳомичъ къ Аннѣ Федоровнѣ,—не правда ли славный малый?

— Ничего не вижу славнаго, отвѣчала съ неудовольствіемъ Анна Федоровна,—одно только знаю, что онъ на насъ вовсе не какъ на господъ своихъ смотреть.

— Что ты, матушка, помилуй! Изъ чего ты это заключаешь?

— Вошелъ этакимъ гостемъ какимъ-то, точно ровный... къ ру- къ даже не подошелъ!

— Просто, матушка, сконфузился.

— Ну, этого не видно: кажется вовсе не робкаго десятка. Просто-на-просто не хотѣлъ, считаетъ за униженіе себѣ руку у господъ поцѣловать. Воображаетъ, кажется, что какой-то французскій дворянинъ... Терпѣть я не могу этой амбиціи въ лакеяхъ.

— Чтожь, матушка, вѣдь это натурально.

— Натурально?! что натурально? съ сердцемъ воскликнула Анна Федоровна, — лакею въ амбицію вламываться натурально?.. Петръ Оомичъ! Ты иногда такую дичь сморозишь, что за тебя краснѣть приходится. Лакею... амбиція... ха, ха, ха!

Петръ Оомичъ нѣсколько смутился: въ этомъ смущеніи были уже зачатки того страха и трепета, которые стала внушать ему впоследствии его дражайшая половина.

— Ты меня не поняла, матушка, не поняла, оправился Петръ Оомичъ. — Я то хотѣлъ сказать, что какъ ни верти, а кровь заговорить, да.

— Трудно понять-то тебя. Какая тутъ кровь? что заговорить? Совсѣмъ, кажется, ты заврался.

— Я то хотѣлъ сказать, что дворянская кровь это не то, что, — ну, что мужичья, или купеческая даже... это все разные статьи... Теперь ты говоришь, не должно Ивану гонора имѣть. А почему знать, можетъ онъ и дворянинъ... да! и фамиліи еще какойнибудь важной... древней-древней... предки-то рыцари какіенибудь были... въ крестовыхъ походахъ тамъ сражались, при дворахъ служили...

— При скотныхъ! язвительно замѣтила Анна Федоровна.

— Нѣтъ, при дворахъ королей, при Карлѣ великомъ какомънибудь — чортъ ихъ знаетъ! Графы, можетъ быть, бароны — ордена имѣли, помѣстья...

— Ха, ха, ха! разразилась Анна Федоровна.

— Нѣтъ, ты не смѣйся, не смѣйся! продолжалъ Петръ Оомичъ, — можетъ, отецъ-то его и у Бонапарта въ чести, былъ, почему я знаю... Какъ же ему гонора не имѣть? Кровь сважется — это ужъ такъ. Можетъ, отецъ-то офицеръ былъ, генералъ, маршалъ... кто его знаетъ?

— Ужъ не папа ли римскій? Смѣхъ слушать. Чѣмъ вздоръ-то

говорить, лучше объ дѣлѣ бы подумалъ. Хочешь, что ли, чтобы онъ откупился-то?

Анна Федоровна была бы, можетъ быть, противъ выкупа Сара, занова, если бы у нея не было нѣкотораго недостатка въ деньгахъ въ это время; а между тѣмъ приближались выборы, поракъ известно, шумная въ губернскомъ городѣ и требующая не малыхъ расходовъ отъ лицъ, пользующихся такимъ виднымъ общественнымъ положеніемъ, какимъ пользовались Самокатовы. И Анна Федоровна не только согласилась, она требовала, чтобы Саразановъ откупился немедленно. Сумму за выкупъ назначила она такую, что Петръ Ѳомичъ ахнулъ. Увѣщанія его сбавить на половину, конечно, не подѣйствовали бы, не будь таковой надобности въ деньгахъ. Но дѣлать нечего, надо было и половиной удовольствоваться. Эта половина составляла все-таки еще очень значительную сумму.

Саразановъ пожался-пжался, и внесъ деньги. Получивъ отпускную, онъ немедленно занисался въ цехъ и принялся за дѣло. Надъ окнами квартиры его, на Покровской улицѣ, какъ разъ противу дома Петра Ѳомича, явилась крупная вывѣска: *Портной Саразановъ* (ножницы) *изъ Казани*. Губернскіе остряки, заказывая Саразанову платье, нерѣдко замѣчали ему, что было бы гораздо заманчивѣе выставить на вывѣскѣ: „изъ Парижа.“ Это было бы притомъ и ближе къ истинѣ.

На эти замѣчанія Саразановъ добродушно улыбался. Онъ вовсе не мечталъ о своей далекой родинѣ, языкъ которой давно забылъ, и былъ покуда очень доволенъ своимъ положеніемъ. Дѣла его пошли такъ хорошо, какъ онъ и не ожидалъ.

Петръ Ѳомичъ пользовался большою любовью портного: казалось, Иванъ былъ ему признателенъ за то, что не смерзъ въ младенчествѣ, аки червь капустный. Онъ чувствовалъ къ бывшему барину своему даже что-то въ родѣ сыновней привязанности. Не было почти ни одного сколько нибудь серьезнаго дѣла, которое бы началъ онъ, не прійдя предварительно посовѣтоваться съ Петромъ Ѳомичемъ. Петръ Ѳомичъ столь дальновидный въ политикѣ, въ частныхъ дѣлахъ неотличался большою состоятельностью, и вмѣсто всякихъ совѣтовъ отвѣчалъ обыкновенно на предположенія и проекты Саразанова пол-

нымъ одобреніемъ. „Чтожь! это, братъ, хорошо! очень хорошо! это ты ладно затѣялъ—право, ладно“.

Больше Саразановъ никогда не слыхалъ отъ Петра Ѳомича — и не надѣялся слышать, а все-таки, глядь-поглядь, идетъ, бывало, совѣтоваться. Душа была признательная, о чемъ часто съ большою теплотой отзывался Петръ Ѳомичъ въ отсутствіи Анны Федоровны, которой похвалы мужа портному были хуже горькой рѣдьки или той морковки, что съ такимъ упорнымъ постоянствомъ воспѣвалъ Петръ Ѳомичъ. Вѣроятно по духу противорѣчія, вообще очень въ ней сильному, она находила все въ Саразановѣ дурнымъ и упрекала его даже, вопреки Петру Ѳомичу, въ неблагодарности. Ей, кажется, хотѣлось, чтобы Саразановъ, и откупившись, платилъ ей оброкъ. И вѣдь Саразановъ былъ таки ея оброчнымъ, хотя вносилъ оброкъ не деньгами. Въ глубинѣ добросердечія своего онъ считалъ чуть не священною обязанностью своей работать безмездно на Самокатовыхъ: обшивать и самого Петра Ѳомича, и дѣтей его, и прислугу, и кромѣ того учить портняжному дѣлу двухъ дворовыхъ мальчишекъ самокатовскихъ. Времена, что ли, были такія простыя, или Саразановъ былъ такой честный и наивный человекъ, — навѣрное не знаю; но думаю, что именно и времена и люди были другіе, лучше, проще, любви было больше, справедливости и прочаго.

Одного изъ мальчиковъ, отданныхъ на выучку къ Саразанову, звали тоже Иваномъ. Ему только и пошло въ прокъ ученье; другой скоро отбился отъ рукъ и вскорѣ былъ опять взятъ во дворъ бить баклуши и быть самому битымъ. Ваня былъ мальчикъ понятливый, прилежный и притомъ очень смиренный. Последнее качество особенно было по душѣ Саразанову. Ученикъ поступилъ къ нему уже шестнадцать лѣтъ; но это не помѣшало ему дѣлать быстрые успѣхи въ ремеслѣ, за которое онъ принялся. Въ два три года онъ сдѣлался просто правой рукой Саразанова, какъ нѣкогда самъ Саразановъ у своего казанскаго учителя.

IV.

Прошло не мало лѣтъ. Наступали выборы и у Анны Федоровны опять чувствовался нѣкоторый недостатокъ въ деньгахъ. Необходимо было дать большой балъ по случаю выхода изъ института старшей дочери. Анна Федоровна долго думала, какъ бы обдѣлать это дѣло, и наконецъ вѣроятно придумала. Она позвала Петра Ѳомича и выразила ему крайнее желаніе свое взять отъ Саразанова Ивана.

— Да на что намъ его матушка? возразилъ Петръ Ѳомичъ. — Мало тебѣ дармоѣдовъ-то?

— Я ужь объ этомъ давно думала: нельзя намъ быть безъ портного, отвѣчала рѣшительно Анна Федоровна.

— Да, не все ли, матушка, равно? Развѣ не шитье на насъ Саразановъ? Разсуди ты сама? Ну, возьмемъ Ваньку — хорошо. Положимъ онъ станетъ насъ обшивать; да вѣдь за то оброка лишимся, — да! Ты одно подумай, какъ Саразановъ аккуратно оброкъ платитъ.

Аннѣ Федоровнѣ нечего было отвѣчать, но у нея слегка подергивало нижнюю губу.

— Конечно, конечно! заговорила она, кривя досадою; — у тебя на первомъ планѣ твой Саразановъ: ты бы, кажется, за него въ петлю готовъ. А желаніе жены для тебя, разумѣется — ничто, и плевокъ не стоитъ.

— Да я готовъ, матушка, чтожъ? я готовъ, залепеталъ Петръ Ѳомичъ.

— Ахъ, Боже мой, что это опять? произнесла вдругъ слабымъ голосомъ Анна Федоровна, откачиваясь на стѣнку кресель и проводя рукой по лбу, — что это?... опять... мелькаетъ передъ глазами... мелькаетъ.

Петръ Ѳомичъ весь встрепенулся при этихъ словахъ. Онъ кинулся къ колокольчику, позвонилъ, и въ тоже время крикнулъ съ необычайной дерзостью, громкимъ и повелительнымъ голосомъ:

— Эй! кто тамъ? люди! люди!

Съ одной стороны вбѣжала горничная, а съ другой явился лакей.

— Воды! живо! обратился Петръ Ѳомичъ съ необыкновенною живостью къ горничной, — баринѣ дурно. — А ты! крикнуть онъ лакею, — бѣги къ Саразанову — скажи, чтобы сейчасъ же пришелъ. Слышишь?

У Анны Федоровны, должно быть, перестало мелькать передъ глазами, потому что она отдѣлилась отъ спинки кресла, устремила на Петра Ѳомича пристальный взглядъ, подъ которымъ онъ весь съежился, и произнесла глухимъ голосомъ:

— Петръ Ѳомичъ! ты съумасшедшій точно! Крикъ поднялъ, гвалтъ — словно домъ горить. Совсѣмъ, кажется, спятишь скоро!... Фу, полоумный!... Пошелъ вонъ отсюда!... Смотрѣть на тебя противно.

Петръ Ѳомичъ съежился еще болѣе, но тѣмъ не менѣе повернулся на каблучкахъ и вышелъ изъ диванной, жалкій и грустный, какъ оказанная водой курица.

Когда пришелъ Саразановъ, Анна Федоровна велѣла кликнуть его къ себѣ и начала прямо.

— Мы хотимъ взять отъ тебя Ваньку.

Петръ Ѳомичъ зналъ, что эта вѣсть будетъ очень неприятна Саразанову, ходъ дѣлъ котораго едва ли не на половину зависѣлъ отъ сотрудничества Ивана; Петру Ѳомичу было неловко и онъ, чтобы скрыть свое смущеніе, сталъ у овна въ залѣ, переминался на одномъ мѣстѣ, смотрѣлъ на улицу и напѣвалъ себѣ подъ носъ: „Мнѣ морковки...“

Голосъ былъ у него на этотъ разъ такой жалостный, что никакъ не могъ произвести мельканья въ Аннѣ Федоровнѣ, еслибъ она и слышала его.

— Воля ваша, сударыня, отвѣчалъ Саразановъ Аннѣ Федоровнѣ, — только я у васъ, какъ милости прошу, нельзя ли оставить мнѣ Ивана у себя.

— Нельзя, отвѣчала на отрѣзъ Анна Федоровна.

— Совсѣмъ я безъ него, какъ безъ рукъ буду, сударыня... Коль вы оброкомъ не довольны...

— Что мнѣ оброкъ?

— Я готовъ, пожалуй, больше платить.

— Нѣтъ, это все вздоръ.

Анна Федоровна немного помолчала.

— Чтожъ! заговорила она потомъ, — если ужъ онъ тебѣ такъ нуженъ, откупи его; слава Богу, у тебя, я думаю, денегъ много. А что касается до меня, я его на оброкъ не оставлю: онъ мнѣ необходимъ въ домѣ.

Саразановъ призадумался.

— Чего ты думаешь-то? продолжала Анна Федоровна. — Вѣдь ты самъ, вѣжета, говорилъ, что хотѣлъ бы его откупить?

— Тяжеленько сударыня.

— Полно, пожалуйста! Чего лазаремъ-то прикидываться? Пуще всего—денегъ у тебя нѣтъ? И скажу тебѣ прямо; одну только милость тебѣ дѣлаю, что позволяю откупить Ивана. Не будь мнѣ надобности въ деньгахъ теперь, да я ни за что бы.

— Позвольте подумать, сударыня.

— Думай сколько хочешь, только рѣшай поскорѣе.

Выгода Саразанова требовала рѣшить такъ, какъ хотѣла того Анна Федоровна.

На этотъ разъ она была милостивѣе въ назначеніи цѣны выкупа; и дня въ три дѣло было обдѣлано.

Саразановъ призвалъ къ себѣ Ивана и объявилъ ему радостную вѣсть.

— Я тебя откупилъ отъ господъ, Иванъ, сказалъ онъ, — какъ давно ужъ собирался. Ты мнѣ послужилъ за это четыре года, а тамъ и совсѣмъ будешь вольный человѣкъ.

Иванъ, малый вообще чувствительный, не могъ удержаться отъ слезъ признательности.

— Иванъ Петровичъ! Батюшка!

Только и говорилъ онъ, чувствуя какое-то радостное удущье въ груди, обнимая Саразанова за талию и припадая губами къ его плечу.

Саразановъ былъ тоже тронутъ.

— Я тебя, Иванъ, какъ сына любилъ, говорилъ онъ, — и

радъ тебя счастливымъ сдѣлать. Вотъ теперь и Алена за тебя пойдетъ—ужь не будетъ тебѣ въ глаза тыкать, что ты крѣпостной.

Иванъ всхлипывалъ все крѣпче и крѣпче, обнимая своего благодѣтеля.

Дня черезъ три явилась къ Саразанову старуха мѣщанка, у которой была бѣлолицая и жирная дочь Алена, дѣвка, плѣбившая сердце Ивана. Иванъ былъ непротивенъ Алени; она не прочь была выйти за него за-мужь, какъ за человѣка кроткаго и работающаго, съ которымъ не придется никогда голодать. Препятствіемъ было только то, что Иванъ крѣпостной. Теперь эта помѣха исчезла. Съ цѣлью удостовѣриться въ этомъ отъ самого Саразанова, явилась къ нему мать Алены. И она, и дочь все что-то не вѣрили извѣстію, немедленно сообщенному имъ.

— Ну, теперь можно веселымъ пиркомъ, да и за свадебку! сказали старухѣ Саразановъ.

— Вѣрно это, значить, Иванъ Петровичъ.

— Ужь, разумѣется, вѣрно. Вотъ и бумага,—на, смотри!

— Такъ-таки совсѣмъ вольный? продолжала спрашивать старуха.— Нонѣ захотѣлъ бы изъ городу уѣхать... гдѣ только вздумаетъ жить—вездѣ воленъ, значить? Въ мѣщане приписаться, али въ купцы...

— Ну, въ этомъ четыре годика подождемъ. Вѣдь кто его выкупилъ? Я. Надо же, чтобы онъ мои деньги заслужилъ. Я и самъ человѣкъ небогатый. Развѣ дальше что Богъ дастъ. А то и за себя-то недавно выкупъ внесъ? Ну, и тяжеленько приходится! И человѣкъ-то онъ мнѣ нужный,—сама знаешь.

— Это что и говорить, Иванъ Петровичъ, руки у него золотыя.

— Такъ когда же свадьба-то?

— Да все словно боязно что-то, Иванъ Петровичъ, все еще человѣкъ будто не совсѣмъ вольный—все подначальный.

— Экая ты какая! подначальный!.. Да развѣ онъ не у меня останется, какъ вотъ до сихъ поръ былъ... А на меня, жаловаться, кажись, нечего....

— Не про тебя и рѣчь; Иванъ Петровичъ, какъ бы отъ господъ-то чего не было.

— Да какіе жъ у него господа? У него господъ теперь нѣтъ. Сказано, вольный человѣкъ. Вотъ бумага-то,—развѣ не видишь подписи?

— И свидѣтели подписались, Иванъ Петровичъ? и гдѣ слѣдуетъ явлена?

— Этого нѣтъ,—да и не нужно. Отслужить свои года, тогда и явимъ куда надо. Главное—подпись Петра Ѳомича.

— Я все больше на счетъ приписки-то, Иванъ Петровичъ: въ мѣщане значить приписаться не можетъ.

— Теперь не можетъ, а вотъ пройдутъ четыре года—тогда хоть въ первую гильдію вписывайся.

— Нельзя ли, батюшка, хоть годикъ бы сбавить. Времени-то много больно.

— Какъ быть? И деньги заплатилъ за него не малая. Другой и на четыре-то бы года не согласился. Очень большія деньги за него господа потребовали.

— Какъ же онъ до тѣхъ-то поръ будетъ твой крѣпостной считаться?

— Да развѣ я дворянинъ, что ли? Все считаться будетъ самокатовской.

— Во всемъ, значить, они надъ нимъ вольны?

— Ахъ, какая ты! Какъ это ты въ толкъ ничего взять не можешь! Вѣдь вотъ бумага-то. Вѣдь ужъ Петръ Ѳомичъ, значить, отказался онъ него совсѣмъ.

— Люди-то сильные, Иванъ Петровичъ.

— Не сильнѣе закона.

— Все онъ крѣпостной, значить, Иванъ Петровичъ, а не вольный.

— Званіе одно.

— Все оно сумнительно чего-то..... вотъ хоть бы меня взять, Иванъ Петровичъ, званіе мое, я мѣщанка,—ну и не купчиха вѣдь, и не крѣпостная. А тутъ званіемъ одинъ человѣкъ, а дѣломъ другой.

Саразановъ опять принялся разъяснять дѣло старухѣ, и не мало словъ потратилъ прежде, чѣмъ убѣдилъ ее въ безопасности отдать

дочь за Ивана Тѣмъ не менѣе старуха колебалась, и въ этихъ колебаніяхъ пропустила она мясоѣдъ.

Иванъ былъ просто влюбленъ въ Алену: ходилъ какъ будто въ чадѣ какомъ-то, и даже дѣло свое дѣлалъ иногда не совсѣмъ исправно.

Саразановъ употребилъ всѣ старанія соединить Ивана съ предметомъ его страсти, и ихъ обвѣнчали тотчасъ послѣ разговѣнья.

Алена была совершенною противоположностью мужу, какъ въ нравственномъ, какъ и въ физическомъ отношеніи. Онъ—худой и чахлый, она—толстая, плотная; онъ—ростомъ малъ, она—что твоя Бобелина; онъ характера смирнаго, домоѣднаго, нѣсколько даже меланхоликъ, она, напротивъ, бой-баба, охотница до разныхъ веселостей и притомъ пальца въ ротъ не кладѣ.

Тѣмъ не менѣе сначала ихъ житѣе шло очень ладно и складно. У Ивана былъ, впрочемъ, постоянно какой-то странно озабоченный видъ: глаза глядѣли изподлобья и были совсѣмъ соловьи, и онъ худѣлъ не по днямъ, а по часамъ, и покашливалъ!

— Что это ты извелся такъ, Иванъ? говорилъ ему Саразановъ.—Ты, братъ, поберегай себя.

Иванъ приглядывалъ къ губамъ кулакъ, кашлялъ въ него глухо, какъ изъ бочки, глядѣлъ на ноги Саразанова и произносилъ:

— Ничего, Иванъ Петровичъ.

— Что ничего? Что-то ужъ ты похудѣлъ очень.

— Дѣло весеннее, отвѣчалъ Иванъ.

— Все-таки братъ, надо себя берегать! Оно, точно весна..... Тѣмъ паче тебѣ-то..... Ну, а все же.....

Иванъ помалчивалъ и, несмотря на видимую озабоченность, постоянно чувствовалъ какое-то веселое прыганье сердца, заставлявшее его иногда даже странно улыбаться, какъ-то вѣсь.

Недолго, впрочемъ, продолжалось это блаженное состояніе.

Кажется, и году не прошло, какъ Алена, съ первыхъ дней замужества, обличавшая склонность къ веселой компаніи и вообще къ разнымъ развлеченіямъ, стала, что называется, погуливать. Иванъ и не замѣтилъ бы этого: дѣла у него было много, а досугу мало. Алена стала только обращаться съ нимъ хуже прежняго. Началися

попреки и побранки, хотя Иванъ, повидимому, не подавалъ къ этому никакихъ поводовъ.

Саразановъ первый открылъ Ивану глаза на поведеніе жены. Его въ этомъ случаѣ руководило очень теплое, почти отеческое чувство.

— Эхъ, братъ, плохо ты за женой смотришь! говорилъ онъ.

— А что, Иванъ Петровичъ? спрашивалъ незлобивый Иванъ.

— Да тоже слухи про нее дурные ходять—вотъ что! До тебя, видно, до послѣдняго дойдутъ.

— Да чтожь такое?

— Гуляетъ.

Иванъ понурился.

— Присматривай, братъ, за ней, посоветовалъ Саразановъ.

Ужь лучше бы не совѣтовалъ: спокойнѣе бы было Ивану на свѣтѣ жить.

При первомъ же намекѣ о женѣ, и она, и мать накинулись на него, и начали поѣдомъ ѣсть.

— Такъ вотъ ты каковъ объявился! кричала мать,—вотъ! А ужъ чего спервоначалу-то не напелъ. И въ мѣщане-то запишешься, и въ купцы! А теперь, вмѣсто радости всякой, горя только съ нами, чортомъ, нажили. Онъ же еще и командовать лѣзетъ, рыло мужичье! А глядѣль-то чего-же со слѣпыхъ-то глазъ?... Да что ты въ самомъ дѣлѣ? на смѣхъ тебѣ жена-то досталась? Ну, говори, что видѣль? съ кѣмъ засталъ? говори!

Ивану говорить было нечего, и теща все пуще и пуще налетала на него.

И цѣлый годъ прошелъ для Ивана въ постоянныхъ домашнихъ притѣсненіяхъ.

Тѣмъ временемъ Саразановъ, вообще слабый здоровьемъ, простудился и сталъ прихварывать не на шутку; подъ конецъ года онъ совсѣмъ слегъ въ постель, и мало было надежды, чтобы онъ выздоровѣлъ.

V

Въ семьѣ Ивана вѣсти объ успѣхахъ болѣзни Саразанова принимались почти съ радостью. И теща, и жена Ивана ожидали даже съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ смерти больного, какъ окончательнаго своего расчета съ нимъ. Только самъ Иванъ былъ огорченъ, потому что любилъ Саразанова, какъ отца.

Саразановъ чувствовалъ, что умираетъ. Онъ позвалъ Ивана и послалъ его сказать Петру Ѳомичу, что желалъ бы передъ смертью проститься съ нимъ, какъ съ благодѣтелемъ своимъ, что приползъ бы къ нему самъ черезъ улицу, кабы хотъ ползаты могъ.

Петръ Ѳомичъ, нѣсколько встревоженный, явился къ Аннѣ Федоровнѣ и сообщилъ ей о желаніи Саразанова.

— Что жъ, сходи! сказала Анна Федоровна, уже слышавшая о посольствѣ Ивана.

Петръ Ѳомичъ повернулся было на каблучкахъ, чтобы немедленно отправиться, но Анна Федоровна остановила его.

— Ну, куда мчишься? сказала она тономъ уже неудовольствія, — сообразилъ ли что нибудь?

Петръ Ѳомичъ сталъ, какъ прикованный къ полу.

— Да что же, матушка, соображать тутъ? рѣшился онъ сказать, — утѣшить только надо человѣка.

— Удивляюсь я твоей глупости, право! Сядь! приказала ему Анна Федоровна.

Онъ сѣлъ.

— Вѣдь ты знаешь, кажется, что Саразановъ былъ намъ человѣкъ нужный — весь домъ обшиваль.

Петръ Ѳомичъ кивнулъ въ знакъ согласія головой.

— Ну, умреть онъ, — вѣдь мы совѣмъ, какъ безъ рукъ останемся. Иванъ, по глупости твоей, отступился. А я вотъ что думаю: вѣдь Иванъ годъ тому, какъ отъ насъ отошелъ. Ты говорилъ, онъ долженъ Саразанову четыре года за вольную свою от-

служить. Стало быть еще три года остается. Вотъ, какъ умереть Саразановъ, пусть бы Иванъ намъ эти три года служилъ.

— Да какъ же это, матушка? пролепетала Петръ Ѳомичъ, смущаясь до глубины души.

— Кажется, за твое благодѣяніе это небольшая была бы услуга съ его стороны. Иди, да изволь непремѣнно сказать ему, что желаешь, чтобъ Иванъ дослужилъ тебѣ эти три года. Чего еще сидѣть? Иди же! Еще умереть, пожалуй, этимъ временемъ. Да если ты этого не обдѣлаешь дѣла, лучше ты мнѣ и на глаза не кажись.

Петръ Ѳомичъ всталъ съ мѣста и въ душѣ желалъ, чтобы предположеніе Анны Федоровны сбылось, и Саразановъ умеръ прежде, чѣмъ онъ успѣетъ перейти черезъ улицу.

Въ сильномъ волненіи отправился Петръ Ѳомичъ изъ дому и съ замираніемъ сердца вошелъ въ душную комнату больного Саразанова. Онъ и не ожидалъ, какъ изумить его больной своими словами.

— Умираю.... началъ слабымъ, прерывающимся голосомъ Саразановъ, съ трудомъ обращая на Петра Ѳомича почти потухшіе глаза, — благодарю васъ... за всѣ ваши благодѣянія... Ивана возьмите къ себѣ.... не дослужилъ мнѣ.... пусть еще три года.... вамъ служить.... Онъ добрый... Жена такая дурная.... поддержать его надо.... Ее прочтите.... Бумагу возьмите.... подъ подушкой.... тутъ....

Петръ Ѳомичъ сидѣлъ, розиня ротъ въ безмолвномъ удивленіи у постели больного... Ну, могъ ли онъ думать, что соображенія здоровой головы Анны Федоровны могутъ забраться въ голову Саразанова? Истинно больная была у него голова!

Петръ Ѳомичъ, при всемъ желаніи своемъ, не могъ произнести ни слова утѣшенія, что, дескать, отчаяваться нечего, можетъ и живъ будешь, что же объ этомъ дѣлѣ и толковать! Петръ Ѳомичъ молча сунулъ руку подъ подушку больного и вынулъ оттуда бумагу.

— Она.... возьмите.... повторилъ больной.

Петръ Ѳомичъ спряталъ бумагу въ боковой карманъ.

— Ивана.... позовите.... сказалъ больной.

Петръ Ѳомичъ тихо поднялся со стула, на цыпочкахъ подошелъ къ двери, просунувъ въ нее голову и шепотомъ кликнулъ Ивана.

Иванъ, казалось, поджидалъ этого зова: онъ стоялъ у самыхъ дверей. Онъ тотчасъ же вошелъ и приблизился къ постели.

— Иванъ, заговорилъ больной, — вотъ.... служи барину.... три года.... за меня.

Иванъ, кажется, совсѣмъ не ожидалъ этого. У него затряслись губы, по щекамъ покатались слезы, и онъ какъ-то глухо простоналъ.

Саразановъ шевелилъ еще губами; но видно силы уже окончательно оставили его: голосу не было слышно.

— Петръ Ѳомичъ! вскричалъ дрогнувшимъ голосомъ Иванъ и грохнулся къ ногамъ Петра Ѳомича.

Самокатовъ преважно всталъ со стула.

— Встань, встань! Иванъ! полно! проговорилъ онъ, — встань!

— Петръ Ѳомичъ! рыдалъ у ногъ его Иванъ, — помилуйте, заставьте вѣчно Бога молить!

— Встань же, Иванъ, право! повторилъ Петръ Ѳомичъ.

Но Иванъ обнималъ его колѣни, не выпускалъ ихъ изъ рукъ, и только глухо произносилъ:

— Петръ Ѳомичъ, помилуйте! вѣкъ буду Бога молить!

— Хорошо, послѣ прійдешь ко мнѣ и поговоримъ, бормоталъ Петръ Ѳомичъ.

— Батюшка, будьте отцомъ роднымъ! помилуйте, Петръ Ѳомичъ! не переставалъ вопить Иванъ.

Больного забыли: а между тѣмъ ему было очень плохо. Вѣроятно, эта неожиданная сцена тоже сильно подѣйствовала на него. Онъ лежалъ уже совсѣмъ безъ памяти.

Первый вспомнилъ о немъ Петръ Ѳомичъ.

— Умеръ никакъ! воскликнулъ онъ, взглянувъ на Саразанова.

Эти слова подняли съ полу Ивана. Нахмурясь, подошелъ онъ къ постели.

Глаза больного были полузакрыты, зрачки не двигались, но на губахъ замѣтно было еще слабое дыханіе.

Петръ Ѳомичъ велѣлъ Ивану побыть около больного, послалъ одного изъ мальчишекъ за своимъ годовымъ докторомъ, а самъ отправился домой.

— Ну, что?

Этимъ вопросомъ встрѣтила его Анна Федоровна, расхаживавшая, въ ожиданіи мужа, по залѣ.

— Умираетъ, отвѣчалъ Петръ Ѳомичъ.

— Объ Иванѣ говорилъ?

— Какъ же! знаешь ли, матушка? вѣдь онъ самъ началъ — точь въ точь, какъ ты говорила... это и его было желаніе. Такъ меня удивилъ, право, такъ удивилъ.

Анна Федоровна сдѣлала презрительную гримасу.

— Умиѣ видно тебя-то. А бумага гдѣ?

— Мнѣ отдашь, отвѣчалъ Петръ Ѳомичъ, опуская руку въ карманъ.

— Изволь спрятать, слышишь!

— Жаль мнѣ Ивана очень, не безъ робости проговорилъ Петръ Ѳомичъ.

— То есть Саразанова, поправила его Анна Федоровна.

— Нѣтъ, этого Ивана, Ваньку, отвѣчалъ, смущаясь, Петръ Ѳомичъ. — Саразанова тоже, конечно, жаль, но вѣдь ужъ это не въ нашей волѣ — да!

— Чего жъ Ивана-то жалѣть? спросила Анна Федоровна, устремляя на мужа сердитый взглядъ.

— Да какъ же, матушка, какъ же! ну, надѣялся; вотъ, думалъ воля въ рукахъ! говорилъ, жалостно переминаясь, Петръ Ѳомичъ. — И что же вдругъ? что же? Упалъ въ ноги ко мнѣ, да, — просить. „Помилуйте“! говорить.

— А ты и уши развѣсилъ! ха! ха! засмѣялась Анна Федоровна.

Петръ Ѳомичъ глубоко вздохнулъ, словно зачерпывая въ воздухъ силы, и потомъ сказалъ рѣшительно, но скороговоркой, какъ будто боясь, что его оборвутъ на первомъ же словѣ:

— Право, матушка, отпустить бы намъ его. Что жъ, вѣдь мы деньги получили. Мы ничего не теряемъ, да. А то это не христіанское дѣло.

- Гдѣ у тебя бумага? перебила его Анна Федоровна.
- Въ карманѣ, вотъ, я показывалъ тебѣ, отвѣчалъ Петръ Омичъ.
- Подай сюда!
- Да зачѣмъ тебѣ?
- Подай, говорятъ!
- Право, у меня бы она осталась, проговорилъ Петръ Омичъ. Но рука Анны Федоровны была протянута къ нему, и онъ не посмѣлъ не подать ей бумагу.
- Анна Федоровна взяла ее, спокойно развернула и пробѣжала глазами, потомъ опять такъ же спокойно сложила, и вдругъ одни мелкіе клочки ея полетѣли на полъ.
- Что это ты дѣлаешь? вскричалъ Петръ Омичъ.
- Понадобится, такъ и другую напишешь, хладнокровно отвѣчала Анна Федоровна.
- Ну, а вдругъ не умереть онъ? выздоровѣть?
- Дверь изъ прихожей отворилась и на порогѣ показался Иванъ, блѣдный и встревоженный.
- Ну, что? обратился къ нему Петръ Омичъ.
- Померъ, Петръ Омичъ! отвѣчалъ Иванъ.
- Ахъ, жаль, жаль! царство ему небесное! проговорилъ Петръ Омичъ, набожно крестясь.
- Пойдешь въ прихожую, сказала Ивану Анна Федоровна, — такъ вели Сенькѣ щетку взять — подмести здѣсь: бумагой вонь — насорено.
- И она ровной и торжественной походкой удалилась въ свою диванную.

VI.

Саразанова схоронили.

Ивану приказано немедленно переѣхать съ квартиры въ домъ Петра Омича и вступить вполне въ обязанность двороваго челоуѣка.

— Петръ Фомичъ, батюшка, смилитесь! просилъ Иванъ, ваяясь у него въ ногахъ.

— Не моя воля, братъ, не моя, торопливо бормоталъ Петръ Фомичъ,—Анна Федоровна этого желаетъ.

— Какой угодно оброкъ назначьте...

— Что такое? перебила Анна Федоровна, входя въ комнату.— Поразсуждай еще, поразсуждай! хочется, что бы въ полицію тебя отправили? Если берутъ тебя во дворъ, такъ значить, ты нуженъ, а захотѣли бы на оброкъ отпустить,—не спросились бы у тебя.

Какъ убитый пошелъ Иванъ домой. При одной мысли, что надо сообщить эту новость тещѣ и жёнѣ, все сердце его обливалось кровью.

И не даромъ! Только-что вымолвилъ онъ слово о приказѣ Петра Фомича, онѣ завопили на весь кварталъ, засыпали Ивана самыми бранными словами и кончили тѣмъ, что обѣ вцѣпились ему въ волосы.

Алена не хотѣла, разумѣется, переѣхать вмѣстѣ съ мужемъ и стала жить одна. Анна Федоровна была въ ужасной злобѣ на то, что не могла обложить Алену оброкомъ; чтобы выместить какъ нибудь на ней свою досаду, она позаботилась о нѣкоторыхъ исправительныхъ мѣрахъ, необходимыхъ будто бы для улучшенія нравственности Алены. Правомъ Анны Федоровны на опеку надъ женой Ивана было единственно то глубокое уваженіе, которое самъ полиціймейстеръ питалъ къ Самокатовымъ, какъ лично, такъ и ради общественнаго ихъ положенія.

Иванъ остался въ барскомъ домѣ, и уже черезъ недѣлю въ большой людской стоялъ бѣлый некрашенный столъ съ ложбиной по срединѣ, въ которой очень удобно помѣщался Иванъ, сложивъ ноги калачикомъ. Онъ шилъ гимназическій мундиръ единственному сыну Анны Федоровны, Павлушѣ, бывшему тогда въ пятомъ классѣ.

Юноша этотъ поступилъ и въ шестой классъ и въ седьмой; а Иванъ все сидѣлъ въ ложбинкѣ стола и все шилъ. Шилъ онъ халаты, сюртуки, пальто, фуфайки, жилеты и брюки Петру Фомичу.

ничу; шилъ такого же рода одежды для всей дворни, которой было не много, не мало—двадцать двѣ души. Шилъ салопы и махтильи и даже стегалъ юбки Аннѣ Федоровнѣ и дочкамъ ея, — чего-чего только не шилъ онъ!

Жена его жила вдовой и чѣмъ жила — неизвестно. Ивану помогать ей было нечѣмъ. Когда она заходила къ мужу (что случалось очень рѣдко), въ избѣ раздавались такія ругательства надъ побѣдной головой Ивана, что женская половина дворни только отплевывалась и говорила:

„Тыфу, ты, охальница!... А еще разрядилась словно барыня“. Алена точно ходила нарядно, въ шляпкахъ, съ зонтикомъ; притомъ она замѣтно подбѣлывалась и подрумянивалась.

Иванъ служилъ предметомъ общаго сожалѣнія дворни. Всѣ звали его горюномъ. И похожъ онъ былъ на горюна: ходилъ мрачный, смотрѣлъ уныло, какъ-то безнадежно кашлялъ въ кулакъ и говорилъ полу-словами. Къ женѣ боялся онъ носъ показать. Теща, говоря о немъ, растопыривала пальцы, какъ коршунъ когти.

Но въ глубинѣ души Ивана жила свѣтлая надежда. Вотъ пройдутъ три года и горю конецъ, и все устроится какъ нельзя лучше. Какъ медленно шло это время! какъ длинны казались не только годы и мѣсяцы, но и недѣли, и дни.

Но все же не стояло время, а подвигалось, и вотъ всего нѣскольکو мѣсяцевъ осталось до срока; вотъ три недѣли.... вотъ ужъ Иванъ и дни считаетъ.

Наканунѣ дня, въ который истекалъ срокъ его службы, Иванъ былъ, какъ въ лихорадкѣ. Жена забѣгала къ нему разъ пять и толковала все о томъ, что надо будетъ гостей созвать и пирушку сдѣлать. Расходы она принимала на свой счетъ, потому что у Ивана въ эти три года почти не было досуга, и онъ зарабатывалъ гроши.

Ночью Ивану не спалось.

Рано поднялся онъ, долго молился Богу; потомъ принарядился поопрятнѣе и пошелъ въ домъ. Казалось, господа никогда такъ поздно не вставали.

Но вот застучали въ столовой чашками, пронесли туда самоваръ. Иванъ такъ и замеръ весь.

— Семень, спросилъ онъ одного изъ лакеевъ, — посмотри, братъ, сѣли что ли господа за чай-то?

— Видно ужъ не въ моготу терпѣть-то, Ваня, дружелюбно замѣтилъ Семень.

— И то не въ моготу — инда изнылъ весь, отвѣчалъ Иванъ.

Пошелъ Семень и воротился.

— Ну, что?

— Вышла барыня, и Петръ Ѳомичъ тамъ. Барышень только нѣтъ.

— На что ихъ? Поди, Сеньюшка, доложи: Иванъ молъ пришелъ.

— Да иди прямо.

— Нѣту, доложи. Сердце все мретъ чего-то.

Семень доложилъ.

— Что ему нужно? спросила Анна Федоровна.

— Не могу знать-съ, отвѣчалъ Семень.

— Пошли сюда, приказала барыня.

Иванъ какъ вошелъ, такъ и бухнулъ въ ноги.

— Что тебѣ? крикнула съ неудовольствіемъ Анна Федоровна.

Иванъ хотѣлъ было говорить, но у него слезы перехватили горло.

— Да говори же! приказала Анна Федоровна.

Петръ Ѳомичъ началъ тревожно ерзать на стулѣ; онъ не могъ прямо смотрѣть на Ивана..... Наканунѣ, въ то самое время, какъ жена Ивана совѣщалась съ нимъ о приготовленіяхъ къ празднованью воли, между Петромъ Ѳомичемъ и Анной Федоровной происходилъ длинный разговоръ, въ которомъ то и дѣло поминалось имя Ивана. Въ разговорѣ этомъ было Анной Федоровной рѣшено, что-то странное — такое странное, что у Петра Ѳомича морозъ пробѣгалъ по макушкѣ, когда онъ вспоминалъ только объ этомъ рѣшеніи. Теперь оно не выходило у него изъ головы.

— Да говори же! фу! тоска какая! повторила Анна Федоровна, потому что Иванъ все не могъ собраться съ духомъ. — Да встать изволь! Это что за комедія? Валяется на полу, какъ бревно!

Иванъ поднялся.

— Ну, что такое? спросила Анна Федоровна.

Иванъ провашился и началъ прерывающимся голосомъ:

— Милости пришелъ просить... Срокъ сегодня....

— Чему срокъ? воскликнула съ сердцемъ Анна Федоровна.

— Три года отслужить....

— Какіе три года?

— По выкупу своему....

— Кто тебя выкупалъ?

Сердце у Ивана повернулось, губы задрожали.

— Петру Ѳомичу извѣстно... едва проговорилъ онъ.

Петра Ѳомича точно свело всего—такъ онъ ежился на своемъ стулѣ. Онъ не произносилъ ни словечка, и хорошо дѣлалъ, потому что въ рукахъ Анны Федоровны была чайная чашка, которая легко могла полетѣть въ него.

— Такъ ты милости-то нахрапомъ пришелъ требовать? начала глухимъ басомъ Анна Федоровна, — нахрапомъ? а! И что такое? какое ты право имѣешь?

— Деньги заплочены, произнесъ отрывисто Иванъ.

— Росписка у тебя?

— Стыдно, сударыня, стыдно, проговорилъ Иванъ, не владѣя собой,—стыдно. Дадите Богу отвѣтъ.

Онъ весь дрожалъ.

— Что—о? Такъ ты рубить еще пришелъ? закричала Анна Федоровна,—хочешь наступить на горло да свое взять! Вонъ отсюда, подлецъ! вонъ!

— Петръ Ѳомичъ! вскричалъ Иванъ въ отчаяніи.

— Вонъ! вонъ! продолжала кричать Анна Федоровна, не давая произнести ни слова Петру Ѳомичу, впрочемъ, давно уже какъ будто онѣмѣвшему.

— Въ полицію его, мерзавца, въ полицію! Вонъ сію-жъ минуту!

Анна Федоровна вскочила даже изъ-за стола.

Иванъ сдержалъ злобу, влючемъ накипѣвшую у него на сердцѣ, и вышелъ изъ комнаты.

— Петръ Ѳомичъ, распорядись! проговорила, задыхаясь, Анна Федоровна.

— Чѣмъ, матушка, распорядиться? спросилъ Петръ Ѳомичъ, точно очнувшись отъ сна.

— Дуракъ! отвѣчала Анна Федоровна.—Распоряжусь и безъ тебя.

Она распорядилась—и Иванъ не ночевалъ дома.

Во время отсутствія его прибѣгала въ людскую Алена, махала руками и кричала: „Я имъ всѣ окна камнями повышибу“. Но только крикомъ и ограничилась.

Иванъ пролежалъ долго въ горячкѣ.

VII

Три года сряду въ извѣстный день въ году, по утру, являлся Иванъ къ Петру Ѳомичу и къ Аннѣ Федоровнѣ и падалъ къ нимъ въ ноги; три года сряду лежалъ послѣ этого съ недѣлю въ жару и въ бреду. Но все притупляется въ человѣкѣ.... На четвертый годъ онъ уже не былъ болѣнъ, а только пьянъ напился.

Анна Федоровна была столько милостива, что отпустила его на оброкъ.

При неисправности въ платежѣ она принимала свои мѣры, легко исполняемыя при уваженіи къ ней полиціи. А Иванъ сталъ очень неисправенъ, запилъ запоемъ и сталъ терять черезъ это работу. Премнигъ Саразанова, Умновъ, оставившій за собой все его заведеніе, попробовалъ-было взять Ивана къ себѣ, но скоро принужденъ былъ отказать ему. По настоянію жены и тещи, Иванъ затѣялъ дѣло съ господами. Лучше бы, конечно, не пить, а работать и копить деньги.... можетъ быть, Анна Федоровна взяла бы во второй разъ поменьше выкупъ: вѣдь сердце не камень. Но — и у Ивана тоже было не камень сердце.

Петръ Ѳомичъ могъ бы, я думаю, обсудить это дѣло очень хорошо: десять лѣтъ прошли съ тѣхъ поръ, какъ оно завязалось. Но къ несчастію онъ даже къ политикѣ какъ-то охладѣлъ.

“Московскія Вѣдомости», испортили ему глаза, и онъ сталъ постоянно ходить съ широкимъ зеленымъ зонтикомъ на лбу. Въ этомъ была впрочемъ и хорошая сторона.

Когда онъ подходилъ теперь съ трубочкой къ окнамъ въ залѣ, ни дома насупротивъ, ни вывѣски на немъ ему не было видно, и на сердцѣ у него было спокойно, и весело пѣлось ему:

«Мнѣ морковки захотѣлось,
На базарѣ ея нѣтъ.»

VIII

Исторія Ивана кончается впрочемъ не тутъ. Не въ однихъ книгахъ бывають счастливыя развязки: иногда онѣ случаются и въ жизни.

Въ одну изъ тревожныхъ минутъ, когда съ Анной Федоровной сдѣлалось мельканье, ее вдругъ слегка хватилъ параличъ въ лѣвую руку и ногу. Обреченная сидѣть неподвижно въ креслахъ, она имѣла время подумать о томъ, о семъ, и между прочимъ о судьбѣ Ивана. Говорять: громъ не грянетъ, мужикъ не перекрестится. Я думаю, это и не съ одними мужиками бываетъ.

Была ли большимъ приобрѣтеніемъ воля Ивану послѣ того какъ онъ запилъ? спросите вы. Да, потому что тотчасъ отвратила его отъ пьянства и заставила усердно взяться за свое дѣло; у Ивана завелись деньги, и жена его, прощенная имъ съ ангельскимъ добросердечіемъ, сошлась съ нимъ и стала баба и хозяйка хоть куда.

М. Мих—ова.

НА РАЗСВѢТѢ.

РОМАНЪ

Э. Шатриана.

XI

Въ слѣдующее воскресенье мы шли съ отцемъ по старымъ Баракамъ часовъ такъ около шести или семи утра, и зардѣвшееся солнце выходило изъ-за лѣса Бойъ-Фонтана. Это былъ первый ясный день того года; соломенные кровли, и небольшія темныя кирпичныя трубы, изъ которыхъ разносился дымъ, походили на золотыя; небольшія лужи блестѣли безконечно вдоль дороги; по небу разстилались бѣлыя облака; и вдали слышались кларнетисты, выходившіе изъ деревень, барабаны, бывшіе сборъ въ городѣ, и первая благовѣсть къ обѣднѣ Святому Духу, передъ выборами.

Рядомъ со мною шелъ мой старикъ отецъ, загорѣлый, хилый, съ сѣдой бородой и открытой шеей; на немъ былъ армякъ изъ толстаго небѣленаго холста, подвязанный на талии, панталоны тоже изъ холста, завязанные тесемками внизу ногъ, и башмаки рыжеватой кожи, зашнурованные въ родѣ ботинокъ. На головѣ у него была старая шапка изъ шерстяныхъ кло-

чьевъ, какую носили все крестьяне нашего времени и какая попала, съ тѣхъ поръ, на республиканское знамя; онъ задумчиво поводилъ глазами то вправо, то влево, точно будто бы за нами могъ кто нибудь слѣдить. Да, это былъ самый естественный жестъ, — страданія зарождаютъ опасенія ко всему. Бѣднякъ безпрестанно говорилъ мнѣ:

— Будь осторожнѣе, Мишель! Намъ не надо говорить!.... Будемъ молчать!.... Это дурно кончится!....

Во мнѣ же не было такого недовѣрія; привычка слушать разговоры Жана и Шовеля о дѣлахъ нашей страны, и читать самому о томъ, что дѣлалось въ Реннѣ, Марселахъ, Парижѣ придавала мнѣ болѣе храбрости. И кромѣ того мнѣ было восемнадцать лѣтъ, и работа на кузницѣ расширила мои плечи; большой двѣнадцати-фунтовый молотъ не былъ тяжелъ для моихъ мозолистыхъ рукъ; хотя на бородѣ у меня едва пробивался пушокъ, но это не мѣшало мнѣ прямо глядѣть въ лицо всякому: и солдату, и барину, и мужику. Я любилъ тоже принарядиться; и по воскресеньямъ носилъ панталоны голубого сукна, высокіе сапоги, плисовый камзолъ, какіе были въ модѣ у кузнецовъ, и такъ какъ надо уже во всемъ признаться, то я съ удовольствіемъ поглядывалъ на хорошенькихъ дѣвушекъ, и онѣ мнѣ нравились; тутъ вѣдь нѣтъ ничего непопозволительнаго! Такъ вотъ какъ у насъ жилось.

Вся деревня была уже на ногахъ. Проходя мимо харчевни, мы увидали въ открытыя окна Жана и Валентина на дорожку распивавшихъ вмѣстѣ бутылку вина, и закусывавшихъ хлѣбомъ. Оба они были въ парадной одеждѣ; мѣтръ Жанъ въ хозяйскомъ платьѣ, съ широкими полами, въ красномъ жилетѣ, въ штавахъ, застегнутыхъ на толстыхъ икрахъ, съ серебряными пряжками на круглыхъ башмакахъ; Валентинъ въ сѣрой холщевой блузѣ, съ воротничкомъ и грудью, вышитыми фестонами красными шнурочками, съ большой серебряной застежкой въ видѣ сердечка, въ крестьянской шапкѣ, надѣтой на бекрень. Увидавъ насъ, они закричали:

— Э! вотъ они!... вотъ они!....

— Ну, Бастьенъ, выпьемъ за здоровье нашего добраго короля! вскричалъ мѣтръ Жанъ, наполняя наши кружки.

И отецъ мой отвѣчалъ со слезами на глазахъ:

— Да, да, Жанъ, за здоровье нашего добраго короля!... да здравствуетъ нашъ добрый король!...

Тогда было въ модѣ думать, что все дѣлается королемъ; на него смотрѣли, какъ на отца, заботившагося о своихъ дѣтяхъ. Такимъ образомъ отецъ мой очень любилъ короля.

Мы выпили, и почти вслѣдъ за этимъ пришли нотабли. Нотабли были тѣже, что и наканунѣ, съ дѣдушкой Летюмье, такимъ старымъ, что онъ почти совсѣмъ былъ слѣпъ, и его надо было вести шагъ за шагомъ для того, чтобы онъ не упалъ. Онъ, во что бы то ни стало, хотѣлъ вотировать; пока ходили за виномъ, разливали его по кружкамъ, всѣ присутствовавшіе говорили что нибудь, крича:

«Ну вотъ мы и дождались.... теперь кончено.... всѣ узнаютъ бараканцевъ; будьте покойны, всѣ станутъ вотировать за одно!...»

Пока всѣ пожимали другъ другу руки, смѣялись, чокались, бѣдный старичекъ говорилъ:

— Ахъ, какъ жизнь-то долга! какъ долга!... Но это ничего; когда приходится переживать такой день, то нечего сожалѣть о своихъ несчѣстіяхъ.

Матрѣ Жанъ отвѣчалъ ему:

— Вы правы, дѣдушка Летюмье; когда наступаетъ жатва нечего считать дни съ дождемъ, градомъ и снѣгомъ. Вотъ и снопы!... Они стоили намъ труда, это правда; но мы ихъ вымолотимъ, вывѣемъ, высѣемъ; и у насъ будетъ хлѣбъ, а если Господу будетъ угодно, то и у дѣтей нашихъ тоже. Да здравствуетъ добрый король!

И мы всѣ повторили:

— Да здравствуетъ добрый король!

Тутъ всѣ чокнулись, и готовы были обниматься. Послѣ этого всѣ двинулись подъ руки, а мы съ отцомъ пошли послѣдніе.

Всѣ бараканцы, бывшіе у колодца, видя, что мы двинулись, пошли за нами, играя на кларнетѣ и выбивая тактъ на барабанѣ. Трудно было представить себѣ болѣе торжественное зрѣлище; всѣ окрестности наполнялись звуками музыки и звономъ колоколовъ; со всѣхъ сторонъ видѣлись по четыремъ доро-

гамъ вереницы людей, которые плясали, поднимали шапки, бросали вверхъ колпаки и кричали:

«Да здравствуетъ добрый король! да здравствуетъ отецъ народа!»

Колокола перезванивали съ вершины горы до глубины долины, и конца не было ихъ гулу. И чѣмъ ближе подходили мы къ городу, тѣмъ болѣе увеличивался этотъ гамъ. На церкви, въ окнахъ казармъ, на госпиталѣ, всюду развѣвались бѣлыя шелковыя знамена съ золотыми лиліями. Мнѣ никогда не приходилось видѣть ничего столь величественнаго!

Вослѣдствіи побѣды республики, громъ пушки, палившей съ нашего вала, тоже заставляли биться сердце, и народъ съ гордостью кричалъ:

«Да здравствуетъ Франція!... да здравствуетъ народъ!... Да здравствуетъ республика!... Но въ этотъ разъ никому и въ голову не приходило убивать себѣ подобныхъ; всѣ надѣялись сразу, при взаимныхъ объятіяхъ, пріобрѣсти все.

Трудно описать все это.

Недалеко отъ города, священникъ Кристофъ, во главѣ своихъ прихожанъ, вышелъ на перекрестокъ двухъ дорогъ. Тутъ всѣ остановились, подняли шляпы, и разомъ закричали:

«Да здравствуетъ добрый король!»

Священникъ и мѣтръ Жанъ обнялись; и потомъ оба прихода со смѣхомъ, пѣснями, и подъ звуки кларнета и бой барабана, вошли въ городъ, уже полный народа. Я какъ теперь вижу часового полка Ла-Фера, на укрѣпленіи подъ куртеной, въ бѣломъ мундирѣ съ острыми отворотами, въ огромной трехугольной шляпѣ на напудреномъ парикѣ, съ тяжелымъ мушкетомъ въ рукахъ, — давшего намъ знакъ остановиться. Всѣ мосты были полны телѣгъ и таратаекъ, всѣ старики просили свести ихъ въ мѣрство, каждому хотѣлось вотировать передъ смертью; большая часть ихъ плакали, какъ дѣти.

Послѣ этого пусть говорятъ, что въ наше время не было необыкновеннаго здраваго смысла: всѣмъ съ перваго до послѣдняго хотѣлось имѣть права.

Мы ждали болѣе двадцати минутъ, и не могли перейти черезъ мостъ, такъ много было народа.

Но было на что посмотреть и въ самомъ городѣ, на улицы, полныя народа, и на безчисленное множество знаменъ во всѣхъ окнахъ. Вотъ тамъ такъ стоило послушать крики: «Да здравствуетъ король!» начинавшіеся то на площади, то около арсенала, или у Нѣмецкой заставы, но блетавшіе по валамъ и гласисамъ, какъ раскаты грома.

Перейдя за старую рогатку, нельзя было двинуться ни впередъ, ни назадъ, ни видѣть ничего за четыре шага. Кабаки, таверны, пивные, улицы Св. Кристофа, Керъ-Ружа, Капуциновъ, — вдоль обѣихъ казармъ, госпиталя и до самаго хлѣбнаго рынка, — представляли одну сплошную движущуюся массу.

Обѣдня Святому Духу началась; но какимъ образомъ пробраться до церкви? Даже сами патрули полка Ла-Фера тщетно кричали: «берегись!... берегись!...» они были оттиснуты во всѣ стороны, и стояли съ оружіемъ у ноги, не будучи въ состояніи выбраться.

Тутъ мѣтръ Жанъ вспомнилъ, что харчевня пріятеля его Жака Ренодо была недалеко, и, не говоря намъ ни слова, но только подавъ намъ знакъ не отставать, онъ провелъ священника Кристофа, Валентина и насъ съ отцемъ до крыльца *Бллой Лошадн*. Но намъ удалось пробраться только съ задняго входа въ кухню, потому что большая зала была полна, какъ свѣжее яйцо; и въ ней, чтобы не задохнуться, пришлось отворить все, и двери, и окна.

Сама хозяйка Жанета Ренодо отлично приняла насъ и свела въ первый этажъ, въ комнату еще пустую, куда намъ принесли вина, пива и пирога, т. е. того, чего мы желали.

Товарищи наши остановились внизу, оглядываясь во всѣ стороны; они полагали, что мы затѣрялись въ толпѣ. Но вѣдь намъ нельзя же было ихъ звать или вести всѣхъ на верхъ. Такимъ образомъ мы просидѣли одни; и только въ часть пополу-дни, когда большая часть деревень кончила уже вотировать, и когда бараканцы огибали уголъ улицы Фуке, чтобы идти на площадь, мы вышли, и, пойдя по улицѣ Госпиталя, пришли первые къ ратушѣ. Пришедшіе потомъ товарищи, думая, что мы уже были тамъ давно, говорили:

«Вонъ они!... вонъ они!...»

«Дѣло», № 7.

5

Старинное общественное зданіе, съ колоколомъ, огромными открытыми окнами подъ часами, сводчатой залой, въ которую входили приходы одинъ за другимъ,—трещало сверху донизу какъ барабанъ. Издали его можно было назвать муравейникомъ.

Бараканцы должны были вотировать прежде лютцельбургцевъ: они стояли между старой цистерной и большой лѣстницей, поднимавшейся подъ сводъ. Мэтръ Жанъ, Валентинъ, отецъ мой и я шли во главѣ; но такъ какъ вильшбергцы еще не кончили вотировать, то намъ пришлось довольно долго дожидаться на лѣстницѣ. И въ то время, какъ сердце каждаго билось при мысли о томъ, что ему предстоитъ, и когда за нами, подъ тѣнью старыхъ буквовъ, водворилось, послѣ криковъ: «да здравствуетъ король!» глубокое молчаніе,—въ это время я услышалъ голосъ звонкій и всѣмъ намъ знакомый, голосъ маленькой Маргариты Шовель, кричавшей, какъ кричать продавцы альманаховъ:

«Что такое третіе сословіе? Что такое третіе сословіе аббата Сіеса.... Купите... Что такое третіе сословіе?—Собраніе уязднихъ судовъ его высочества герцога Орлеанскаго.... Кому угодно Собраніе уязднихъ судовъ?»

Тутъ, обратясь къ мэтру Жану, я сказалъ ему:

— Слышите маленькую Маргариту?

— Да, да, я давно ее слышу, сказалъ онъ.—Какіе славные люди эти Шовели!... Они могутъ хвалиться, что сдѣлали доброе дѣло для родины. Тебѣ бы сходить къ Маргаритѣ, и сказать ей, чтобы она послала своего отца. Онъ долженъ быть гдѣ нибудь недалеко. Ему будетъ пріятно услышать какъ его выберутъ.

Отпихиваясь нѣсколько локтями, я тотчасъ же обернулся въ толпѣ, и сверху лѣстницы увидалъ Маргариту съ корзиной, поставленной на одну изъ скамеекъ площади съ букowymi деревьями, гдѣ она продавала книги. Трудно себѣ представить подобнаго бѣсенка, останавливавшаго за рукава крестьянъ, говоря съ ними и по-нѣмецки и по-французски. Продажа была въ самомъ разгарѣ, и тутъ въ первый разъ меня поразила живость ея черныхъ глазъ, не смотря на то, что на умѣ у меня было совсѣмъ другое.

Я прошелъ къ скамейкѣ, и когда подошелъ близко, то Маргарита тотчасъ же взяла меня за камзолъ, крикнувъ:

— Сударь! сударь! *Что такое третіе сословіе?* Взгляните *третіе сословіе* аббата Сіеса, за шесть лардовъ.

— Ты развѣ не узнаешь меня, Маргарита?

— А! это Мишель! сказала она выпуская мой рукавъ, и отъ души захохотавъ.

Она обтерла потъ, катившійся по ея смуглымъ щекамъ, и отбросила назадъ густые растрепавшіеся, черные волосы. Мы какъ будто были удивлены, что встрѣтились тутъ.

— Какъ ты работаешь, Маргарита, какъ трудишься, сказалъ я ей.

— Ахъ! отвѣчала она, — сегодня великій день; надо продавать!

И указывая на подолъ своей юбки и на свои тоненькія ножки, совсѣмъ запачканныя въ грязи, она прибавила:

— Смотри какъ я отдѣлалась! Со вчерашняго вечера съ шести часовъ мы все ходимъ. Мы идемъ изъ Люневила съ пятьюдесятью дюжинами *Третьяго Сословія*; и съ сегодняшняго утра мы продаемъ, да продаемъ! Смотри у насъ осталось десять или двѣнадцать дюжинъ.

Она съ гордостью смотрѣла на меня, а я, совсѣмъ удивленный, держалъ ее за руку.

— А гдѣ отецъ твой? сказалъ я ей.

— Не знаю.... Онъ ходитъ по городу.... Заходитъ въ харчевни.... О! у насъ не останется ни одного экземпляра изъ *Третьяго Сословія*. Я увѣрена, что онъ продалъ все свои.

Потомъ, вдругъ, отнявъ отъ меня свою маленькую ручку, она сказала:

— Ну иди, вонъ бараканцы входятъ въ ратушу.

— Миѣ еще нѣтъ двадцати пяти лѣтъ, Маргарита, я не могу вотировать.

— Все равно. ... мы тратимъ время на болтовню.

И она тотчасъ же опять принялась за продажу.

«Эй! господа!... *Третіе Сословіе... Третіе Сословіе....*»

Тутъ я ушелъ очень удивленный. Я всегда видѣлъ Марга-

риту подлѣ отца, а теперь она казалась мнѣ совсѣмъ иной; симѣлость ея меня удивляла, и я думалъ:

— Она обдѣлаетъ всякое дѣло лучше тебя, Мишель.

И даже въ тѣснотѣ, на площадкѣ, добравшись до мэтра Жана, я все еще думалъ объ этомъ.

— Ну что? сказалъ мнѣ крестный, когда я подошелъ къ нему.

— Маргарита одна на площади; отецъ ея ходитъ по городу съ брошюрами.

Въ это время мы сошли съ площади въ большой коридоръ, въ залу засѣданія королевскаго судьи. Наступила очередь бараканцевъ; и такъ какъ вотировать надо было вслухъ, то мы, еще не войдя въ залу, давно слышали вотированье:

— «Мэтръ Жанъ Леру!—Матюренъ Шовель!—Жанъ Леру!—Матюренъ Шовель!—Мэтръ Жанъ Леру!—Шовель!»

Мэтръ Жанъ покраснѣвъ, сказалъ мнѣ:

— Жаль, что Шовеля тутъ нѣтъ!

Но обернувшись, я увидѣлъ за нами Шовеля, съ изумленіемъ слушавшаго, съ какимъ жаромъ вотируютъ за него его односельяне.

— Это ваше дѣло сказалъ онъ мэтру Жану.

— Да, весело отвѣчалъ крестный.

— Съ вашей стороны это меня не удивляетъ, сказалъ Шовель, пожимая ему руку, — я давно васъ знаю! Но меня поражаетъ и радуетъ, что католики выбираютъ кальвиниста. Народъ отбрасываетъ старыя предрасудки: онъ одержитъ побѣду!

Мы продолжали помаленьку двигаться, и попарно входили въ залу. Черезъ минуту, сквозь разступившуюся толпу, мы увидали королевскаго судью Шнейдера въ черномъ плащѣ съ бѣлой подкладкой, въ высокой шапкѣ на головѣ, и при шпагѣ. Это былъ человѣкъ лѣтъ пятидесяти, другіе чиновники въ черныхъ платьяхъ сидѣли ступенью ниже. Сзади на стѣнѣ видѣлось большое распятіе.

Вотъ все, что у меня осталось въ памяти, отъ этого событія.

Имена Жана Леру и Матюрена Шовеля чередовались какъ бой часовъ. Первый сказавшій:—Николай Летюмье и Шовель!—былъ самъ мэтръ Жанъ. Онъ былъ узнавъ по этимъ словамъ, и судья улыбнулся. Второй сказавшій:—Жанъ Леру и Летюмье!—былъ Шовель, котораго тоже узнали. Но королевскій

судья давно зналъ его, и не улыбнулся. Помощникъ его Дежарденъ даже наклонился къ его уху, и началъ что-то говорить.

Я же, не имѣя права вотировать, отошелъ вправо. Скоро Шовель, мѣтръ Жанъ и я вышли вмѣстѣ, и съ трудомъ могли пробраться сквозь толпу, и даже внизу, вмѣсто того, чтобы идти на площадь, куда пришли уже миттельбронцы, намъ пришлось пробраться по задкамъ черезъ старый рынокъ. Тамъ Шовель тотчасъ же простился съ нами, говоря:

— До свиданья, вечеромъ въ Баракахъ потолкуемъ.

Ему надо было еще продавать свои книжечки.

Мы, съ мѣтромъ Жаномъ, задумавшись воротились домой одни. Народъ еще шелъ, всѣ казались утомленными, но все-таки веселыми. Многіе хлебнули черезъ край и распѣвали, поднимая руки. Отецъ и Валентинъ пришли уже гораздо позже. Намъ бы не мало пришлось ихъ искать.

Въ этотъ самый вечеръ, послѣ ужина, пришли по обыкновенію Шовель и его дочь. У Шовеля въ карманѣ была большая кипа бумагъ; это были рѣчи, произнесенныя утромъ передъ выборами королевскимъ судьей и его помощникомъ въ большой залъ мѣрства, и протоколъ о явкѣ въ судъ духовенства, дворянства и третьяго сословія. Рѣчи были очень хороши; и такъ какъ мѣтръ Жанъ удивлялся, что люди, говорившіе такъ хорошо, всегда такъ дурно обходились съ нами, то Шовель, улыбаясь, сказалъ:

— Впредь надо, чтобы все шло согласно: и слово и дѣло. Эти господа видятъ, что народъ оказался сильнѣе, вотъ они и ломаютъ передъ нимъ шапку; но теперь надо еще, чтобы народъ зналъ свою силу и пользовался ею, тогда все пойдетъ по справедливости.

XII.

Теперь мнѣ надо рассказать вамъ одно происшествіе, которое до сихъ поръ волнуетъ меня, какъ только я вспомню о немъ: дѣло идетъ о счастьѣ всей моей жизни.

Прежде всего вамъ надо знать, что въ этотъ апрѣль мѣсяцъ, выборные наши, которымъ поручено было составить протоколъ о нашихъ жалобахъ и неудовольствіяхъ, собирались въ зданіи уѣзднаго суда въ Лихгеймѣ. Они жили тамъ въ харчевняхъ. Мэтръ Жанъ и Шовель уходили каждый понедѣльникъ утромъ, и возвращались только по вечерамъ въ субботу; это продолжалось три недѣли.

Можно себѣ представить движеніе въ городѣ въ это время: крикъ, споръ объ отмѣнѣ подушной подати, пошлины съ соли, милиціи, о вотированіи личномъ или по сословіямъ, и о тысячѣ другихъ вещахъ, которыя прежде и въ голову не приходили. Харчевня наша была полна эльзасцами и лотарингцами; они пили, били кулаками по столу, и сердились какъ волки. Можно было подумать, что они придушатъ другъ друга, а между тѣмъ всѣ они были за одно, какъ и весь вообще народъ; они хотѣли того же, чего и мы, а небудь этого, такъ какое было бы кровопролитіе!

Мы съ Валентиномъ работали въ кузницѣ напротивъ; чинили телѣги, и подковывали лошадей разнымъ проѣзжимъ. Иногда я пробовалъ спорить съ Валентиномъ, потому что онъ считалъ все погибшимъ, если господа и духовенство не одолѣютъ насъ; мнѣ хотѣлось убѣдить его, но Валентинъ такой былъ славный малый, что мнѣ жаль было огорчать его. Впрочемъ его и не занимало общее дѣло, такъ какъ единственнымъ его утѣшеніемъ было—говорить о своемъ шалашѣ въ лѣсу за Рольшъ-Платомъ, для ловли синицъ. У него также были силки въ пустошахъ и тенета въ прогалинахъ, съ дозволенія господина инспектора Кюда Кудрея, которому онъ носилъ отъ времени до времени, въ видѣ благодарности, съ дюжину сѣрыхъ дроздовъ или другихъ пѣвчихъ птицъ. Вотъ что занимало его во время такого великаго переворота, который можно было уже предвидѣть; онъ только и думалъ о прикормѣ и говорилъ мнѣ:

— Подходить время гнѣздиться Мишель; а послѣ этого наступитъ ловля дудкою или свистомъ, а потомъ когда начнетъ зрѣть виноградъ будутъ перелетать дрозды изъ Эльзаса. Годъ начинается хорошо; если погода простоятъ такая хорошая, то мы изловимъ ихъ множество.

Длинная фигура его вытягивалась, онъ улыбался большимъ беззубымъ ртомъ, глаза его дѣлались круглыми; онъ точно видѣлъ уже дроздовъ, пошавшихся въ его тенета; а тѣмъ временемъ приготовлялъ петли изъ волосъ, вырываемыхъ имъ изъ хвостовъ всѣхъ лошадей, которыхъ намъ приводили подковывыты.

Я же думалъ о великихъ и малыхъ дѣлахъ нашей общины, и въ особенности объ уничтоженіи милиціи, потому что мнѣ предстояло бросать жребій въ сентябрѣ, и потому это интересовало меня болѣе всего остального.

Но случилось все иначе.

Съ нѣкоторого времени, возвращаясь по вечерамъ домой, я заставалъ тетюшку Летюмье и дочь ея за пряжей вмѣстѣ съ моею матерью, рядомъ съ отцомъ, Марселиной и маленькимъ Этьеномъ, вязавшими корзинки. Онѣ сидѣли у насъ какъ дома, и просиживали до десяти часовъ. Эти Летюмье были люди богатые для того времени, у нихъ былъ порядочный клочекъ земли; и дочь ихъ Анета, высокая, нѣсколько рыжеватая блондинка, бѣленькая и свѣженькая,—была добрая дѣвушка. Я часто видѣлъ ее, когда она проходила мимо кузницы съ маленькой шайкой въ рукахъ—какъ будто за водой на колодець,—и все обертывалась и ласково посматривала на меня. Она носила короткую юбку, и лифъ изъ красной матеріи съ помочами, и съ голыми по локоть руками.

Я видѣлъ это, но не обращалъ ни малѣйшаго вниманія и не подозрѣвалъ ничего. Вечеромъ, видя ее за пряжей, я говорилъ ей что нибудь смѣшное, какія нибудь любезности, какія говорить мужчины дѣвушкамъ изъ вѣжливости и по молодости; это такъ естественно, что объ этомъ и не думаешь.

Но вотъ однажды мать сказала мнѣ:

— Послушай, Мишель, хорошо еслибы ты сходилъ въ воскресенье потанцовать въ гостинницу *Аиста*, и надѣлъ бы свой плюсовый камзолъ, красный жилетъ и серебряную застежку.

Это удивило меня и я спросилъ ее: зачѣмъ все это? Она отвѣчала улыбаясь и поглядывая на отца:

— Увидишь!

Отецъ, задумавшись, плелъ корзину.

— Летюмье богаты, сказалъ онъ,—тебѣ не мѣшало бы потанцевать съ ихъ дочерью, это была бы славная партія.

Услыдавъ это, я смутился. Не то, чтобы дѣвушка эта мнѣ не нравилась, нѣтъ, но мнѣ никогда не приходила еще мысль о бракѣ. Но не смотря ни на что, изъ любопытства ли или по глупости, или желая доставить удовольствіе отцу, я отвѣчалъ:

— Какъ угодно! Только я слишкомъ молодъ, чтобы жениться; я еще не бросаю жребія для службы въ милиціи.

— Ну, сказала мать,—вѣдь тебѣ ничего не стоитъ отправиться туда, а Летюмье ты этимъ доставишь удовольствіе, это будетъ любезность и больше ничего.

Тогда я отвѣчалъ:

— Хорошо!

И въ слѣдующее воскресенье, послѣ вечерни, я отправился. Спускаясь съ горы я думалъ обо всемъ объ этомъ, и какъ будто удивляясь тому, что дѣлалъ.

Въ то время старуха Пакоть, вдова Бернеля, содержала харчевню *Аиста* въ Лютцельбургѣ, нѣсколько влѣво отъ деревяннаго моста; и сзади, гдѣ находится теперь садъ у подножія горы, танцовали подъ грабинами. Народу было много, потому что господинъ Кристофъ не походилъ на множество другихъ священниковъ; онъ дѣлалъ видъ будто ничего не видитъ, и не слышитъ даже кларнета Жана Ра. Тамъ распивалось бѣлое эльзасское вино, и подавались печенья.

Такимъ образомъ я прошелъ улицу, и поднялся по лѣстницѣ во глубинѣ двора, глядя, какъ дѣвушки и молодые люди кружились другъ съ другомъ; не успѣлъ я переступить послѣднюю ступеньку, какъ тетушка Летюмье кривнула мнѣ.

— Сюда Мишель, сюда!

Хорошенькая Анета была уже тамъ; увидавъ меня она вся вспыхнула. Я взялъ ее за руку и попросилъ на вальсъ. Она вскричала:

— Ахъ господинъ Мишель!.... Ахъ господинъ Мишель!...

И пошла за мною.

Во всѣ времена, какъ прежде, такъ и послѣ революціи дѣвушки были однѣ и тѣже. Имъ нравился одинъ кто нибудь болѣе всѣхъ другихъ.

Я протанцовалъ съ нею нѣсколько вальсовъ, пять, шесть, ужъ не помню сколько. Тетушка Летюме была совершенно довольна, Анета красѣла и потупляла глаза. Конечно о политикѣ не было и рѣчи; всё мы шутили, пили и ѣли пироги; и такимъ образомъ проводили время!

« Матушка будетъ довольна, ей расскажутъ много хорошаго объ ея сынѣ, думалъ я».

Но вечеромъ, часамъ къ шести, я утомился; и не думая ни о чемъ, сошелъ на улицу и отправился ельникомъ, чтобы пройти напрямикомъ черезъ утесы.

Жаръ былъ необыкновенный для того времени года, все зеленѣло и цвѣло; фіалки, черница и земляника распустились и покрывали тропинку зеленью. Можно было принять тотъ день за июньскій. Все это живо у меня въ памяти, хотя съ того времени мнѣ не мало прибавилось лѣтъ!

Наконецъ на верху утесовъ на площадкѣ, я вышелъ на большую дорогу, съ которой видны крыши Баракъ; и шаговъ за двѣсти или триста предъ собою, я увидѣлъ покрытую пылью дѣвочку, съ большимъ четырехугольнымъ ящикомъ за спиной, которая, согнувъ спину, шла не останавливаясь!.. Тутъ я подумалъ:

« Это Маргарита!... Да,.. это она!...

И, прибавивъ шагу, я побѣжалъ.

— Э, да это ты, Маргарита?

Она обернула ко мнѣ свое смуглое личико, съ волосами растрепавшимися по щекамъ и съ живыми глазками; обернувшись она засмѣялась и сказала: — Ахъ! Мишель!... какая счастливая встрѣча!

Я смотрѣлъ на толстый ремень, впившійся ей въ плечо, и былъ удивленъ и смущенъ.

— Что это у тебя какой утомленный видъ, сказала она, — ты идешь издалека?

— Нѣтъ... изъ Лютцельбурга... съ танцевъ.

— А! хорошо, хорошо! сказала она, и пошла дальше. — Я иду изъ Дабо, я объѣгала все графство. И довольно распродала тамъ *Третьяго сословья!*... Я пришла туда какъ разъ во время, когда депутаты общинъ собрались. А третьяго дня утромъ я была въ Ликсгеймъ, въ Лотарингii.

— Ты должно быть скована изъ желѣза, сказалъ я, идя съ нею рядомъ.

— Изъ желѣза, ну не совсѣмъ; я однакоже устала немного. Но ударъ нанесенъ, и дѣло подвигается впередъ, видишь?

Она смѣялась; но должно быть дѣйствительно была утомлена, потому что подойдя къ низенькой стѣнѣ, шедшей вдоль стараго огорода Фюрста, она положила на окраину свою ношу и сказала: — Поболтаемъ немного, Мишель, и соберемся съ силами.

— Да, отдохнемъ; ахъ, Маргарита, ты трудишься больше всѣхъ!

— Да, но за то дѣло подвигается впередъ! сказала она тономъ отца, и бросивъ его же взглядъ;—и зато мы можемъ сказать, что поработали! Мы уже возвратили свои старыя права; а теперь будемъ требовать еще новыхъ. Надо, чтобы все было возвращено, все! Надо чтобы все было равно!... чтобы налоги были одинаковы для всѣхъ.... чтобы всякій могъ добиться до всего смѣлостью и трудомъ. А кромѣ того намъ нужна свобода.... Вотъ что!

Она смотрѣла на меня, а я въ восхищеніи думалъ:

— Что мы всѣ въ сравненіи съ этими людьми? Что мы сдѣлали для родины? Что мы терпѣли?

И поднявъ на меня глаза, прибавила.

— Да, это такъ. Теперь протоколы почти готовы; мы будемъ продавать ихъ тысячами. А пока я бѣгаю одна. Только ремесло наше и даетъ намъ средства къ существованію; мнѣ надо работать за двоихъ, такъ какъ отецъ теперь работаетъ за всѣхъ. Я снесла ему третьяго дня двѣнадцать ливровъ, этого ему довольно на недѣлю; я выработала пятнадцать! а съ тѣхъ поръ еще четыре, елѣдовательно мнѣ осталось семь. Я пойду послѣ завтра повидаться съ нимъ. Дѣло пойдетъ! А во время собранія всѣхъ сословій, мы будемъ продавать все, что тамъ будетъ говоритья, само собою разумѣется будемъ продавать *Третьему!*... Мы не остановимся...Нѣтъ! Надо, чтобы духъ не остановился... надо, чтобы все было извѣстно... чтобы люди просвѣщались! Понимаешь?

— Да, да, Маргарита, сказалъ я ей. — Ты говоришь точно твой отецъ; я чуть не прослезился.

Тутъ она сѣла на стѣнку подлѣ своего узла. Солнце только что сѣло, и небо, со стороны Миттельбронна, было снизу какъ золотое съ красными жилами, а луна, блѣдная, поднималась на безоблачномъ небѣ слѣва надъ старыми развалинами люцельбургскаго замка. Я смотрѣлъ на Маргариту. Она замолчала и глядѣла на величественную картину, а я все смотрѣлъ на нее!.. Она локтемъ облокотилась на узелъ и, замѣтивъ, что я не спускаю съ нее глазъ, проговорила:

— Не правда ли я вся въ ныли?

Но я, не отвѣчая, спросилъ ее:

— Который тебѣ годъ?

— Въ первое воскресенье послѣ Святой, черезъ двѣ недѣли, сказала она, — минетъ шестнадцать. А тебѣ?

— Мнѣ ужъ минуло восемнадцать.

— Да, ты силенъ, сказала она, соскочивъ со стѣны и на дѣвая на плечо перевязь. — Помоги мнѣ. Ну вотъ такъ хорошо.

Приподнявъ ея узелъ, я почувствовалъ, что онъ страшно тяжелъ, и сказалъ ей:

— Охъ, Маргарита, это слишкомъ тяжело для тебя, дай-ка я понесу.

Но она идя, согнувъ спину, вкось посмотрѣла на меня и сказала:

— Полно! когда трудишься для приобрѣтенія своихъ правъ — ничего не тяжело; а мы добудемъ ихъ, добудемъ!....

Я не смѣлъ болѣе отвѣчать.... Сердце у меня замирало.... Я восхищался Шовелемъ и его дочерью, и превозносилъ ихъ въ душѣ.

Маргарита не казалась болѣе утомленною, она вновь заговорила:

— Да, тамъ въ Ликсгеймѣ, эти дворяне, да монахи лихо защищались. Но имъ отвѣчали, имъ сказали то, что они заслуживали выслушать. И все это будетъ въ протоколѣ, ничего не будетъ забыто. Король будетъ знать, что мы думаемъ, и народъ тоже. Но только надо посмотрѣть чѣмъ-то кончится собраніе всѣхъ сословій. Батюшка говорить, что оно принесетъ пользу; я вѣрю этому. Посмотримъ!... И мы поддержимъ нашихъ депутатовъ; они могутъ положиться на насъ.

Тутъ мы дошли до Баракъ. Я проводилъ Маргариту до ея двери. На дворѣ была уже совсѣмъ ночь. Она вынула изъ кармана большой ключъ, и сказала мнѣ, входя въ домъ:

— Ну вотъ и еще одинъ день прошелъ!... Покойной ночи, Мишель.

Я простился съ нею.

Дома отецъ и мать ждали меня, и при моемъ входѣ посмотрѣли на меня вопросительно.

— Ну? сказала мнѣ матушка.

— Ну! мы танцевали.

— А потомъ?

— А потомъ я вернулся.

— Одинъ?

— Одинъ.

— Ты не подождалъ ихъ?

— Нѣтъ.

— И ты ничего не сказалъ?

— Да что же мнѣ было говорить?

Она разсердилась и начала кричать:

— Ты просто дуракъ, а дѣвчонка эта еще глупѣе, что привязалась къ тебѣ. Что мы такое въ сравненіи съ ними?

Она вся позеленѣла отъ злости. Я спокойно смотрѣлъ на нее, ничего не отвѣчая. Отецъ же проговорилъ:

— Оставь въ покоѣ Мишеля; не кричи такъ.

Но она ничего больше не слушала, и продолжала:

— Виданъ ли такой болванъ? Шестъ мѣсяцевъ, чтобы устроить сына, я приваживала къ намъ эту долговязую козу Летюмье, эту старую скрягу, у которой только и рѣчи, что о своихъ поляхъ, коноплянникахъ, да коровахъ!.... Я все переносила терпѣливо.... И вотъ когда дѣло приведено къ концу, когда можно порѣшить все, этотъ негодяй отказывается! Не считаетъ ли онъ себя баринномъ, и думаетъ, что за нимъ будутъ ухаживать. Господи! Господи! вѣдь уродятся же въ семьѣ такіе дураки! просто беретъ отчаяніе!....

Я хотѣлъ отвѣчать, но она сказала мнѣ:

— Молчи! ты околѣешь на навозной кучѣ, и мы съ тобой.

Но видя, что я молчу, она продолжала:

— Да, баринъ отказывается!... Кормите послѣ этого какихънибудь Николаевъ, Мишелей, негодяевъ, которые позволяютъ опутывать себя; вѣрно и этого ктонибудь подцѣпилъ.... У насъ негодяекъ не мало!... Если онъ отказывается, значить любить другую!...

Она поворачивалась съ метлою, и черезъ плечо смотрѣла на меня. Больше слушать мнѣ было не въ мочь, и я, поблѣднѣвъ, пошелъ на верхъ. Съ отъѣзда Клода мы съ Этьеномъ спали на верху подъ кровлей. Я былъ въ отчаяніи. Мать же снизу закричала мнѣ:

— А! ты бѣжишь..... Я угадала, не такъ ли, скверный негодяй? Не смѣешь остаться.

Я задыхался отъ стыда. Я бросился на кровать, закрылъ лицо руками, и сталъ думать:

— Ахъ, Господи! возможно ли это?

А мать между тѣмъ кричала все громче и громче:

«Ахъ болванъ!... Ахъ негодяй!....»

Отецъ старался успокоить ее, для чего потребовалось не мало времени. Слезы текли по моимъ щекамъ. Только къ часу ночи все смогло въ избѣ, но я не спалъ, я былъ слишкомъ несчастливъ и думалъ:

— Вотъ что ... послѣ десяти лѣтъ труда..... другіе уходятъ.... а я остаюсь: плачу долги за семейство, отдаю все до послѣдней копѣйки, чтобы поддержать стариковъ; и за то, что я не хочу жениться на этой дѣвушкѣ, чтобы взять ея имѣніе, за то, что не хочу жениться на конопляникѣ, я ужъ никуда не похужу; я сталъ какимъ-то Николаемъ, скотиной, негодяемъ!

Я чувствовалъ негодованіе. Маленькій Этьенъ сладко спалъ подлѣ меня. Я же не могъ сомкнуть глазъ, все это лѣзло мнѣ въ голову, потъ покрывалъ все тѣло; я задыхался на чердакѣ, и мнѣ не доставало воздуха.

Наконецъ, часа въ четыре, я всталъ и вышелъ. Отецъ не спалъ, и спросилъ меня;

— Это ты, Мишель? Ты уходишь?

— Да, батюшка, уйду.

Мнѣ очень хотѣлось поговорить съ нимъ; онъ былъ лучшій, превосходнѣйшій человекъ въ мірѣ, но что сказать ему? Мату-

шка тоже не спала: глаза ея горѣли во мракѣ, она не сказала ни слова, и я вышелъ.

Туманъ поднимался въ долину. Я пошелъ по тропинкѣ подъ утесами. Туманъ проникалъ сквозь мой кафтанъ, что мнѣ охлаждало кровь. Я шелъ, куда глаза глядятъ: Одинъ Богъ знаетъ о чемъ я думалъ! Я хотѣлъ уйти изъ Баракъ, въ Савернъ, къ *Четыремъ Вятрамъ*; кузнечный мастеръ никогда не сидитъ безъ работы. Мысль разстаться съ отцомъ, Марселиной и маленькимъ Этьеномъ сжимала мнѣ сердце; но я зналъ, что матушка никогда не забудетъ прекрасныхъ полей Летюме, что она будетъ упрекать меня ими до скончанія вѣковъ. Въ подобныя минуты въ голову приходитъ столько мыслей! Объ нихъ больше не думаешь, не хочешь думать, и забываешь ихъ.

Все, что я помню, это только, что къ пяти часамъ взошло великолѣпное, весеннее солнце. Свѣжій воздухъ прохладилъ меня; и я подумалъ:

«Мишель, надо остаться... надо перенести все! Нельзя бросить отца, нельзя бросить брата Этьена и маленькую сестру. Обязанность твоя поддерживать ихъ. Пусть матушка ругается.... я останусь.»

Съ этими мыслями я пошелъ въ деревню по огородамъ и садикамъ вдоль горы. Въ душѣ я твердо рѣшился остаться. Солнце начинало грѣть все сильнѣе и сильнѣе, птицы пѣли, все было залито краснымъ цвѣтомъ, а роса дрожала на листьяхъ. Я видѣлъ, какъ бѣлый дымъ изъ нашей кузницы тихо поднимался подъ облака; Валентинъ уже былъ на ногахъ.

Я прибавилъ шагу; при входѣ въ деревню, вдругъ, по другую сторону забора, около тропинки, я услышалъ, что кто-то работаетъ заступомъ. Я взглянулъ, и увидалъ Маргариту за ихъ домою, копавшую въ углу ихъ огорода, гряды подъ картофель. Вспомнивъ, что наканунѣ вечеромъ она вернулась домой такая усталая, я былъ очень удивленъ; я остановился у забора и долго смотрѣлъ на нее; и чѣмъ больше смотрѣлъ, тѣмъ больше восхищался.

Она работала прилежно и бодро, въ коротенькой юбочкѣ и большихъ деревянныхъ сапогахъ, думая только о своей работѣ. И я въ первый разъ замѣтилъ, что у нея смуглая, полная

щечки, небольшой лобъ, обрамленный великолѣпными темными волосами, съ вѣжнымъ пушкомъ около висковъ, теперь покрытымъ потомъ. Она походила на своего отца; ноги и руки у нея были тонкія, а весь станъ крѣпкій; она стискивала губы, и ногой такъ напирала на лопату, что корни трещали.

Долго смотрѣлъ я на Маргариту и слова матушки пришли мнѣ въ голову: «Онъ любить другую.» И я подумалъ: «Да, это правда, я люблю другую!.... У нея нѣтъ ни полей, ни луговъ, ни коровъ, но за то въ ней есть сила, и она будетъ моею женой! Все остальное мы приобрѣтемъ, но прежде всего я хочу приобрѣсти ее, и приобрѣту своимъ трудомъ?»

И съ этой минуты никогда мысли мои не перемѣнялись; я уважалъ Маргариту еще болѣе прежняго: и мнѣ ни разу не пришло въ голову, что она можетъ быть женою другого.

Принявъ это твердое рѣшеніе и увидавъ, что народъ идетъ на полевые работы, я пошелъ дальше, довольный, добрый и счастливый. Такимъ образомъ я вошелъ въ улицу, гдѣ передъ кузницей меня ждалъ уже Валентинъ, съ засученными рукавами рубашки на худыхъ рукахъ и съ открытой грудью и шеей.

— Какая славная погода, Мишель! крикнулъ онъ, увидавъ меня; — славная погода. Ахъ, если бы сегодня было воскресенье, мы славно прогулялись бы въ лѣсу.

— Да, отвѣчалъ я ему смѣясь и развязывая свой кафтанъ, — но сегодня понедѣльникъ, за что же мы теперь примемся?

— Старикъ Рантцау принесъ вчера вечеромъ двѣ дюжины топоровъ починить для Гарберга; кромѣ того нужно исправить телѣгу Кристофа Бэма.

— Хорошо, хорошо, сказалъ я ему, — мы можемъ начать.

Никогда желаніе работать не было во мнѣ такъ сильно. Желѣзо уже было накалено. Валентинъ взялъ щипцы и маленький молотокъ, а я обухъ, и работа у насъ закипѣла.

Всякій разъ въ жизни, когда я ясно сознавалъ чего желалъ, и когда вмѣсто грезъ и повседневной рутинны, я рѣшалъ, что нибудь затруднительное, для чего нужны были вниманіе и бодрость, ко мнѣ тотчасъ же возвращалось хорошее расположеніе духа; я начиналъ пѣть, свистать, и дѣйствовать моло-

томъ, какъ старый работникъ. Всего скучнѣе не имѣть какойнибудь мечты, а у меня тогда была мечта, которая мнѣ чрезвычайно нравилась.

Нельзя сказать, чтобы легко было осуществить мою мечту въ 89 году, нѣтъ! И даже, въ тоже самое утро, около семи часовъ, когда Маргарита проходила мимо нашей кузницы, съ своимъ большимъ ящикомъ, продавать брошюры, Валентинъ напомнилъ мнѣ, что осуществленіе моей мечты нелегко. Онъ ничего не подозрѣвалъ, и вотъ почему каждое слово его имѣло цѣну золота.

— Взгляни-ка, сказалъ онъ мнѣ, указывая на дѣвочку, дошедшую уже до конца Баракъ — не грустно ли видѣть ребенка пятнадцати — шестнадцати лѣтъ съ такою ношею на спицѣ? Она ходитъ по дождю, по снѣгу, по жару, смѣла до конца ногтей, никогда не отступить передъ трудностями; не будь они еретиками, они были бы мучениками. Но имъ самъ дьяволъ повелѣваетъ продавать противныя книжонки, чтобы уничтожить нашу святую вѣру и порядокъ, установленный въ этомъ мѣрѣ Господомъ. Въмѣсто награды люди эти заслуживаютъ петлю.

— Какъ! Валентинъ, петлю! сказалъ я ему.

— Да, петлю! проговорилъ онъ, поднявъ носъ и сжавъ губы, — и даже костеръ, если хочешь быть справедливымъ. Можемъ ли мы защищать ихъ, когда ихъ собственный здравый смыслъ, ихъ честность, ихъ смѣлость обращаются противъ насъ? Они подобны волкамъ и лисицамъ, которыхъ надо уничтожать тѣмъ энергичнѣе, чѣмъ больше они выказываютъ хитрости; будь они глупы какъ бараны, они не были бы такъ опасны; напротивъ того, ихъ можно было бы стричь, и даже скромно содержать въ овчарнѣ. Но эти кальвинисты не слушаютъ ничего; это чистая чума.

— Но вѣдь они божьи созданья, какъ и мы, Валентинъ!

— Божьи созданья! вскричалъ онъ, поднявъ кверху свои худыя руки. — Если бы они были божьи созданья, развѣ священники отказывали бы вписывать ихъ свидѣтельства о рожденіи, бракѣ и смерти? Развѣ ихъ хоронили бы въ поляхъ, далеко отъ кладбища, какъ скотовъ? Развѣ имъ не позволяли бы

принимать мѣста, какъ говорить самъ Шовель? Развѣ весь міръ былъ бы противъ нихъ? Нѣтъ, Мишель! Мнѣ жаль этого, потому что, за исключеніемъ ихъ торговли, ихъ не въ чемъ упрекнуть; но мэтръ Жанъ напрасно пускаетъ этихъ людей къ себѣ. Этотъ Шовель плохо кончитъ, онъ слишкомъ хлопочетъ! Наши бараканцы—ослы, что выбрали его; потому что когда порядокъ возстановится, я предупреждаю тебя, что первыми возьмутъ Шовеля и его дочь, а можетъ быть, и мэтра Жана и насъ всѣхъ, чтобы продержатъ насъ втеченіи нѣсколькихъ лѣтъ въ тюрьмѣ. Я не заслуживаю этого, но все-таки буду признавать справедливость короля. Справедливость—всегда справедливость... Мы заслужимъ ее.... Это грустно!... Но справедливость прежде всего.

Онъ сгибалъ свою длинную спину и складывалъ руки съ видомъ покорности, и задумчиво закрывалъ глаза, а я думалъ:

«Можно ли быть такимъ дуракомъ? Все, что онъ говоритъ, противно здравому смыслу.»

Не смотря на это, я видѣлъ хорошо, что всѣ будутъ противъ меня, когда я посватаюсь за Маргариту, и что бараканцы способны будутъ забить меня камнями. Но мнѣ ни до чего этого не было дѣла и я самъ въ душѣ удивлялся своей смѣлости.

Вечеромъ того дня, когда наступило время идти домой, я отправился безбоязненно, рѣшившись выслушивать отъ матери все, не отвѣчая ни слова. Недалеко отъ дому на встрѣчу мнѣ попался батюшка, блѣдный и испуганный; онъ подаль мнѣ знакъ войти въ боковую улицу между огородами, чтобы не быть замѣченнымъ. Я пошелъ за нимъ и бѣднякъ, весь дрожа, сказалъ мнѣ:

— Мать твоя вчера сильно покричала, дитя мое.... Да, это ужасно!... Что же ты теперь будешь дѣлать?... Ты уйдешь, не такъ ли?

Онъ весь блѣдный смотрѣлъ на меня. Я же, видя его страшное безпокойство, отвѣчалъ:

— Нѣтъ, батюшка, нѣтъ!.... Какъ можно мнѣ оставить васъ, маленькаго Этьена и Марселину!... Это невозможно!

Лицо его прояснилось, онъ точно оживился.

«Дѣло», № 7.

— Это хорошо! заговорилъ онъ. — Я зналъ, что ты останешься, Мишель.... Да, я радъ, что поговорилъ съ тобой!... Она сумасшедшая.... слишкомъ вспыльчива. Я потерпѣлъ на своемъ вѣку... Но это хорошо, ты остаешься... отлично.....

Онъ держалъ меня за руку, и я былъ тронутъ.

— Да, сказалъ я ему, — я останусь, батюшка, и если матушка будетъ браниться... вѣдь она мать мнѣ, я буду слушать ее, не отвѣчая.

Тутъ онъ успокоился.

— Хорошо, сказалъ онъ. — Только послушай, подожди здѣсь нѣсколько минутъ; я вернусь одинъ, потому что если мать увидитъ насъ съ тобою вмѣстѣ, она заѣстъ меня; понимаешь?

— Да, батюшка, идите.

Онъ вышелъ изъ улички, а черезъ нѣсколько минутъ и я спокойно пошелъ за нимъ, и пришелъ домой. Матушка сидѣла подлѣ очага, и пряла стиснувъ зубы. Она вѣроятно думала, что я скажу ей что нибудь.... объявлю, что уѣзжаю! Она не спускала съ меня своихъ блестящихъ глазъ, и приготовлялась проклясть меня. Маленькая Марселина и Этьенъ плели корзинку у ногъ ея, не смѣя поднять глазъ; батюшка кололъ щепки, искоса посматривая на меня; но я какъ ни въ чемъ не бывало, просто сказалъ:

— Покойной ночи, батюшка, прощайте матушка, я сегодня усталъ, мы много работали на кузницѣ. ..

И ушелъ на верхъ. Никто мнѣ ничего не отвѣтилъ. Я легъ спать, довольный тѣмъ, что сдѣлалъ, и въ эту ночь спалъ хорошо.

XIII.

На слѣдующій день когда я отправлялся на работу съ раннего утра, харчевня *Трехъ Голубей* была уже полна народа; вдоль дороги все шли люди, кто пѣшкомъ, а кто ѣхалъ въ телѣгѣ.

Прошелъ слухъ, что протоколъ нашихъ жалобъ и неудовольствій приходилъ къ концу, и что его затѣмъ повезутъ въ Нанси, гдѣ будутъ составлять общіе протоколы отъ цѣлой провинціи.

Со дня выборовъ, большая часть депутатовъ перевезла своихъ женъ и дѣтей въ Ликсгеймъ; теперь онѣ возвращались домой, довольные, что возвращаются въ свои гнѣзда.

Они кричали, проходя мимо:

— Все кончено!... Сегодня вечеромъ пріѣдутъ и другіе... все устроено.

Мы съ Валентиномъ тоже радовались, что увидимъ скоро въ кузницѣ мэтра Жана. Послѣ десятилѣтней работы вмѣстѣ, скучно оставаться однимъ три недѣли, и не видѣть толстаго добродушнаго лица, иногда покрикивавшаго:

«Ну, ребята, живѣй!»

Или

«Постой, вздохнемъ минуту».

Да, безъ хозяина чего-то доставало, точно мы сбивались съ колен.

Такимъ образомъ мы повѣсили наши камзолы, болтая о добрыхъ вѣстяхъ, и глядя на толпу, останавливавшуюся въ харчевнѣ. Николь и тетушка Катерина выходили со стульями, чтобы помочь женщинамъ слѣзть съ телѣгъ; слышались поклоны и любезности, потому что всѣ онѣ были старыя знакомыя; и съ тѣхъ поръ какъ мужья пошали въ депутаты, жены еще больше кланялись другъ другу, церемонились, и называли другъ друга: «мадамъ!»

Валентинъ отъ души хохоталъ надъ этимъ.

— Смотри, Мишель, говорилъ онъ, — вонъ графиня Гро-Жакъ... вонъ баронесса Жарникъ... Смотри... вотъ теперь-то мы можемъ поучиться хорошему обращенію!

Онъ говорилъ колко, насмѣхаясь надъ тѣми, кто не принадлежалъ къ дворянству; при видѣ ихъ поклоновъ у него выступали слезы на глазахъ, и онъ постоянно заключалъ слѣдующими словами.

— Это идетъ имъ, какъ къ коровѣ сѣдло. Охъ, негодяи!... Какъ подумаешь, что эта сволочь смѣетъ возмущаться про-

тивъ его величества короля, противъ королевы, и властей... смѣетъ требовать своихъ правъ!... Я далъ бы вамъ права, далъ бы ихъ!... Прогналъ бы васъ, а если бы вы были недовольны, я удвоилъ бы своихъ швейцарцевъ и тѣлохранителей.

Такимъ образомъ онъ вполголоса высказывалъ свои разсужденія, раздувая мѣхъ, и держа щипцами на огнѣ желѣзо. Я же зналъ всѣ его мысли, такъ какъ ему необходимо было говорить, чтобы понимать себя; это потѣшало меня.

Наконецъ мы снова принялись за работу; часа три безъ устали звучала наковальня, летѣли искры, и мы думали только о нашей работѣ, какъ вдругъ чья-то тѣнь показалась въ дверяхъ; я обернулся, и увидѣлъ Маргариту; у нея было что-то въ передникѣ, и она сказала:

— Я принесла вамъ работу... У меня сломался заступъ... Не можете ли вы починить мнѣ его къ сегодняшнему вечеру или къ завтрашнему утру!

Валентинъ взялъ заступъ весь зазубренный и обломанный. Я былъ доволенъ, Маргарита смотрѣла на меня, а я улыбался ей, какъ бы говоря:

— Будь покойна... Я тебѣ это устрою... Ты увидишь мою работу.

Она наконецъ тоже улыбнулась послѣ, видя, какъ я доволенъ, что могу услужить ей.

— Къ сегодняшнему вечеру, или къ завтрашнему утру починить невозможно, сказалъ Валентинъ, — а вотъ если ты придешь завтра вечеромъ...

— Нѣтъ, нѣтъ, вскричалъ я.—Это не дѣло! хоть у насъ правда и много работы, но Маргаритинъ заступъ долженъ быть сдѣланъ прежде всего. Дайте мнѣ его, Валентинъ, я возьмусь.

— Тѣмъ лучше, сказалъ онъ, — только на него надо больше времени, чѣмъ ты думаешь, а мы должны торопиться.

Маргарита разсмѣялась.

— Такъ я могу надѣяться, Мишель? сказала она.

— Да, да, Маргарита, сегодня вечеромъ будетъ готово.

Она ушла; а я тотчасъ же устроилъ маленькую наковальню; положилъ старое желѣзо въ огонь, и взялся за мѣхъ. Валентинъ съ удивленіемъ смотрѣлъ на меня; поспѣшность моя удив-

ляла его, онъ не говорилъ ни слова, но я чувствовалъ, какъ уши мои начали горѣть и краска переходила и на щеки. Тутъ я началъ пѣть пѣсню кузнецовъ:

«Кузнецъ, угли твои разгораются».

А онъ, по своему обыкновенію сталъ мнѣ подпѣвать басомъ, раздувая ноздри, и растягивая каждое слово на манеръ старыхъ кузнецовъ. Молоты наши били въ тактъ, и, вспоминая, что я работаю для Маргариты, сердце мое сжималось отъ удовольствія. Кажется, я во всю свою жизнь не работалъ лучше; молотъ мой, кажется, поднимался скорѣе, нежели упадалъ на наковальню, и желѣзо растягивалось какъ тѣсто.

Сначала я ковалъ заступъ горячимъ, а потомъ холоднымъ; я придалъ ему хорошую четырехугольную форму, нѣсколько продолговатую, съ линіей въ самой серединѣ, съ лезвіемъ, въ видѣ скородни, а шейку такъ хорошо округлилъ и скрѣпилъ, что Валентинъ останавливался отъ времени до времени, чтобы полюбоваться моей работой, и шепталъ:

— Всякому свое: никто лучше мэтра Жана не подкуетъ лошадей; я искусникъ на колесные косяки и ступицы. Да, это ужъ мнѣ дано отъ Бога, никто и спорить объ этомъ не станетъ. А онъ будетъ мастеръ на заступы, лопаты, кирки, сошники у плуговъ; эта способность дарована ему Богомъ.

Онъ ходилъ туда и сюда, оборачивался и иногда спрашивалъ у меня:

— Не помочь ли тебѣ?

— Нѣтъ, нѣтъ, говорилъ я, горячася и радуясь, что работа такъ славно двигалась.

И я снова начиналъ пѣть:

«Кузнецъ...»

Всякій дѣлалъ свое.

Наконецъ часамъ къ пяти заступъ былъ оконченъ. Онъ блестѣлъ какъ серебряное блюдо, и звенѣлъ какъ колоколъ. Валентинъ взялъ его, взвѣсилъ и потомъ, взглянувъ на меня, сказалъ:

— Старикъ Ребстокъ изъ Рибопьера, что продаетъ лопаты, заступы и сошники даже въ Швейцарію,—самъ старикъ Ребстокъ не задумался бы поставить свой крупный Р. на этомъ заступѣ, и сказать: «Заступъ этотъ сдѣлалъ я!» Да, Мишель,

Шовели могут похвалиться, что у нихъ отличный заступъ, который проживетъ дольше ихъ самихъ. Да, это твоя лучшая работа.

Легко себѣ представить, какъ я былъ доволенъ, потому что Валентинъ былъ знатокъ своего дѣла; но слава его похвалъ и сравниться не могла съ удовольствіемъ нести заступъ Маргаритѣ. Надо было еще сдѣлать ручку, и я хотѣлъ непременно, чтобы она была ясная, новая. Поэтому, я немедля побѣждалъ къ сосѣду, старому токарю Риго, который, съ огромными очками на носу, тотчасъ же сѣлъ за работу, и сдѣлалъ мнѣ именно такую ручку, какую я желалъ—круглую; и верхнюю рукоятку не слишкомъ большую, но крѣпкую, словомъ, легкую и прочную. Я заплатилъ ему тотчасъ и, вернувшись въ кузнецу, поставилъ заступъ за дверь, въ ожиданіи окончанія работы.

Въ семь часовъ я пошелъ мыть руки, лицо и шею у насоса насупротивъ кузницы, и, взглянувъ нечаянно вдоль улицы, увидѣлъ Маргариту, сидѣвшую на скамеечкѣ у ихъ дома и чистившую картофель. Я тотчасъ же издали показалъ ей заступъ, и довольный пошелъ къ ней, говоря:

— Вотъ онъ!... Что ты о немъ скажешь, Маргарита?

Она взяла заступъ и съ удивленіемъ посмотрѣла на него. У меня дыханіе сперлось.

— Ахъ, сказала она, глядя на меня,—это дѣлалъ Валентинъ?

А я, покраснѣвъ, отвѣчалъ ей:

— Такъ ты думаешь, что я ничего не умѣю дѣлать?

— Ахъ! нѣтъ... но это такъ хорошо!... А вѣдь ты, Мишель, отличный работникъ!

Она улыбнулась мнѣ, и я повеселѣлъ, когда она мнѣ сказала:

— Но вѣдь это дорого мнѣ стоитъ... Сколько слѣдуетъ тебѣ?

При этихъ словахъ я точно съ неба свалился, и почти сердито отвѣчалъ ей:

— Такъ ты хочешь огорчить меня, Маргарита? Какъ, я работалъ для тебя... принесъ тебѣ въ подарокъ заступъ... радвался, что доставлю тебѣ удовольствіе, а ты спрашиваешь меня, что это стоитъ?

Она же, видя на лицѣ моемъ отчаяніе, вскричала:

— Ты неблагодарумень, Мишель; за всякій трудъ слѣдуетъ

вознагражденіе; кромѣ того уголь мэтра Жана стоитъ же чегонибудь, да и работа твоя принадлежитъ ему.

Она была права, я это чувствовалъ, но тѣмъ не менѣе отвѣчалъ: «Нѣтъ, нѣтъ... Это не такъ!» и даже разсердился, когда вдругъ старикъ Шовель, въ сѣромъ кафтанѣ и съ палкою въ рукѣ, взялъ меня за руку, говоря:

— Ну что... ну что!.. Что такое, Мишель? Такъ и вы ссоритесь?

Онъ воротился изъ Ликсгейма, и весело смотрѣлъ на меня; а у меня отъ волненія и голосъ пропалъ.

— Да вотъ, сказала Маргарита, — онъ починилъ мой заступъ, а теперь не беретъ за него денегъ.

— Это отчего? сказалъ Шовель.

Къ счастью, мнѣ въ голову пришла счастливая мысль, и я вскричалъ:

— Нѣтъ, нѣтъ, вы не заставите меня взять ни копѣйки, господинъ Шовель. Развѣ вы мнѣ сто разъ не давали книгъ? Развѣ вы не помѣстили сестру Лизбету въ Васелонъ? А теперь, развѣ вы не помогаете всѣмъ намъ приобрести права? Работая для васъ, я работаю изъ дружбы, изъ благодарности; я почелъ бы себя негодяемъ, если бы сказалъ: «Это стоитъ столько-то». Это противъ моихъ чувствъ.

Онъ взглянулъ на меня своими маленькими живыми глазками, и отвѣчалъ:

— Хорошо... хорошо... Но я съ своей стороны дѣлалъ все это не для того, чтобы не платить за работу. Если бы я дѣлалъ это съ подобной мыслью, я считалъ бы себя тоже негодяемъ... Понимаешь, Мишель?

Не зная, что отвѣчать, я чуть не заплакалъ, и сказалъ:

— Ахъ, господинъ Шовель, вы огорчаете меня.

Шовель былъ тронутъ и отвѣчалъ мнѣ:

— Нѣтъ, Мишель, нѣтъ, я этого не хочу, потому что считаю тебя добрымъ и честнымъ малымъ; и въ доказательство этого принимаю твой подарокъ. Не такъ ли, Маргарита? мы оба принимаемъ его?

— Да, сказала она, — такъ какъ это доставляетъ ему такое удовольствіе, то мы не можемъ отказать.

Послѣ этого Шовель посмотрѣлъ на заступъ и похвалилъ мою работу, говоря, что я хорошій мастеровой, и что, впоследствии, онъ надѣется, я сдѣлаюсь хозяиномъ и устроюсь хорошо. Я успокоился и совсѣмъ повеселѣлъ, когда онъ вошелъ въ домъ, пожавъ мнѣ руку, и когда Маргарита сказала мнѣ: «Прощай, Мишель; благодарствую!» Я радовался, что отвѣтилъ такъ хорошо, потому что взоръ Шовеля сильно смутилъ меня, и не вырази я такихъ основательныхъ причинъ, онъ могъ представить себѣ Богъ знаетъ что такое. И я счелъ это даже совѣтомъ быть осторожнѣе и скрывать свои намѣренія относительно Маргариты до того времени, когда мнѣ можно будетъ просить ея руки.

Я думалъ обо всемъ объ этомъ, возвращаясь въ харчевню. Въ большой залѣ я увидѣлъ пріѣхавшаго мэтра Жана; онъ вѣшалъ въ шкафъ свою толстую шинель и говорилъ:

— Николь... Николь... подай мнѣ вязаную фуфайку и колпакъ. Какъ пріятно надѣтъ старый камзолъ и деревянные башмаки! — А! это ты Мишель! Ну вотъ мы всѣ и дома... Теперь молоты застучать... Вы вѣрно работу запустили?

— Не очень, мэтръ Жанъ, мы справляли всю текущую работу. Наугольники, заказанные изъ Дагсберга, всѣ отосланы вчера вечеромъ.

— Ну, тѣмъ лучше! тѣмъ лучше!

Тетушка Катерина радостно вбѣжала тутъ и спросила:

— Такъ все кончено, Жанъ? Совсѣмъ кончено... Ты больше не пойдешь туда?

— Нѣтъ, Катерина, слава Богу! Мнѣ ужъ наконецъ надоѣли всѣ эти почести. Теперь дѣло наше въ шляпѣ, послѣ завтра отправляютъ протоколъ. Но это досталось не безъ труда, и не будь у насъ Шовеля, еще Богъ знаетъ, далеко ли бы мы ушли теперь. Что за человекъ! онъ знаетъ все, онъ говоритъ обо всемъ; великая честь бараканцамъ, что они послали такого человека. Всѣ депутаты другихъ общинъ выбрали его, въ первыхъ же засѣданіяхъ, чтобы везти наши жалобы въ Нанси, и поддерживать ихъ противъ тѣхъ, кто будетъ нападать на нихъ. Никогда, съ тѣхъ поръ, какъ существуютъ Бараки, не имѣли еще они такой чести. Теперь Шовель извѣстенъ всюду, и всѣ тоже

знаютъ, что мы его послали, что онъ жилъ въ Буа-де-Шенѣ, и что мы были настолько сметливы, что признали его умъ, не смотря на его религію.

Мэтръ Жанъ говорилъ все это, надѣвая башмаки и старый кафтанъ.

— Да, продолжалъ онъ пыхтя,—изъ сотенъ депутатовъ отъ общинъ, третіе сословіе выбрало пятнадцать, чтобы везти протоколъ, и Шовель четвертый! Теперь нужно задать пиръ, слышите: обѣдъ для друзей бараканцевъ, въ честь нашего депутата Шовеля. Все ужъ устроено; Летюмье и Кошаръ уже приглашены; я ихъ встрѣтилъ въ *Золотомъ Яблоктъ* въ городѣ; и я ихъ тотчасъ же пригласилъ, поручивъ имъ пригласить и другихъ. Николь отправится сегодня же вечеромъ купить шесть фунтовъ хорошей говядины, три фунта котлетъ, и двѣ ноги баранины, у Каунтца на рынкѣ; она скажетъ, что все это надо мэтру Жану Леру изъ *Трехъ Голубей*. Баранину зажаримъ съ чеснокомъ. Надо сдѣлать сосиски съ капустой, и снять съ крючка самый большой окорокъ, а также достать салатъ, сыръ и орѣхи. Всѣ будутъ довольны. Я хочу, чтобы вся страна знала, что Бараки имѣли честь послать четвертаго депутата отъ третьяго сословія въ Нанси; человѣка, котораго другіе не знали, а котораго мы знали и выбрали, и который одинъ сдѣлалъ болѣе для поддержки правъ, чѣмъ пятьдесятъ человѣкъ. Но мы еще разъ поговоримъ обо всемъ объ этомъ. Шовель заткнулъ за поясъ самыхъ старыхъ прокуроровъ, самыхъ хитрыхъ адвокатовъ, самыхъ ловкихъ богачей.

Мэтръ Жанъ вѣроятно хлебнулъ черезъ край по дорогѣ, потому что онъ говорилъ совершенно одинъ, вытягивая свои большія руки, и раздувая толстыя красныя щеки, какъ онъ дѣлалъ всегда въ концѣ хорошаго обѣда. Мы слушали его съ удивленіемъ и восхищеніемъ.

Николь накрывала тогда ужинать; это возстановило тишину; всѣ размышляли о слышанномъ.

Когда я сталъ собираться домой, мэтръ Жанъ сказалъ мнѣ:

— Ты передай отцу, что его приглашаетъ старый товарищъ его Жанъ Леру, такъ какъ мы старые товарищи—служили вмѣстѣ въ милиціи въ пятьдесятъ седьмомъ! Ты скажи ему это.

Такъ завтра ровно въ двѣнадцать часовъ, слышишь, Мишель?

Онъ подалъ мнѣ руку, а я отвѣчалъ ему:

— Да, мэтръ Жанъ, вы дѣлаете намъ большую честь.

— Приглашая такихъ славныхъ малыхъ, сказалъ онъ, — честь дѣлаешь себѣ, и кромѣ того удовольствіе. А теперь прощай.

Я вышелъ. Никогда мэтръ Жанъ, мой крестный, не говорилъ мнѣ такихъ пріятныхъ вещей о моемъ отцѣ, и я любилъ его еще болѣе прежняго, если любить болѣе было возможно.

XIV.

Прійдя домой, я сказалъ домашнимъ, что мы съ отцомъ приглашены завтра на обѣдъ къ мэтру Жану вмѣстѣ съ нотаблями Баракъ. Они поняли, какая это была для насъ честь, и отецъ былъ этимъ тронутъ. Долго говорилъ онъ о своей службѣ въ милиціи, въ пятьдесятъ седьмомъ году, когда они съ Жаномъ Леру ходили подъ руку по городу, съ лентами на трехугольныхъ шляпахъ; а потомъ о моемъ крещеніи, когда старый товарищъ его согласился быть крестнымъ отцомъ. Онъ вспоминалъ это въ мельчайшихъ подробностяхъ, и восклицалъ:

— Эхъ, славное было время! славное время!..

Матушка тоже была довольна, но такъ какъ она сердилась на меня, то скрывала свою радость и молча продолжала пряхъ. Не смотря на это, на слѣдующій день на столѣ лежали готовые чистыя рубашки, и праздничное платье, она все вымыла, высушила и ранешенько привела все въ порядокъ. А когда около двѣнадцати часовъ мы съ отцомъ пошли подъ руку по большой улицѣ, она смотрѣла въ дверяхъ вслѣдъ за нами, и кричала сосѣдямъ:

— Они идутъ на обѣдъ вмѣстѣ съ нотаблями къ мэтру Жану Леру.

Бѣдный старикъ отецъ, опираясь мнѣ на руку, говорилъ:

— Мы такъ же расфранчены, какъ въ день выборовъ. Съ

тѣхъ поръ съ нами ничего худого не случилось; хорошо если бы такъ продолжалось, Мишель. Будемъ держать языкъ на привязи, на большомъ обѣдѣ обыкновенно говорится лишнее. Будемъ поосторожнѣе, слышишь?

— Да, батюшка, будьте спокойны, я ничего не сболтну.

Онъ вѣчно дрожалъ, какъ бѣдный заяцъ, перегоняемый въ продолженіи многихъ лѣтъ изъ однихъ кустовъ въ другіе; и какъ много было въ то время людей похожихъ на него! Почти всѣ старики крестьяне, прожившіе подъ господствомъ сеньоровъ и монастырей, знали очень хорошо, что для нихъ нѣтъ справедливости.

Чтобы предпринять что нибудь, надо было, чтобы юношество сошлось съ такими старыми упрямыми, какъ Шовель, никогда не измѣняющимися и не отступающими. Еслибы революцію 89 года пришлось дѣлать однимъ крестьянамъ, безъ участія третьяго сословія, то мы до сихъ поръ жили бы въ 88 году! Что же дѣлать? Страданія лишаютъ смѣлости; рѣшимость является вслѣдствіе счастья; а кромѣ того у насъ былъ еще недостатокъ воспитанія.

Но въ этотъ день стоило посмотреть, что дѣлало хорошее вино. Мы еще были за сто шаговъ отъ харчевни, какъ до слуха нашего долетѣли хототъ и веселый говоръ нотаблей, пришедшихъ раньше насъ. Длинный Легюме, Кошаръ, Клодъ Гюре каретникъ, Готье Куртуа, старый пушкарь, и мѣтръ Жанъ разговаривали, стоя въ концѣ большого стола, покрытаго бѣлой скатертью; войдя въ залъ, мы были поражены блескомъ графиновъ, бутылокъ, старыхъ фаянсовыхъ, разрисованныхъ тарелокъ, только-что вылуженныхъ и вычищенныхъ вилокъ и ложекъ, горѣвшихъ съ одного конца залы до другого.

— А вотъ и мой старый товарищъ Жанъ Пьеръ! вскричалъ мѣтръ Жанъ, идя къ намъ на встрѣчу.

На немъ былъ камзолъ кузнецовъ, съ гусарскими пуговицами, завитой парикъ съ толстымъ пучкомъ на затылкѣ, открытая рубашка, широкіе пинталоны, прикрывавшіе его круглое брюшко, шерстяные чулки и башмаки съ серебряными пряжками. Его толстыя красныя щеки дрожали отъ удовольствія, и, положивъ обѣ руки на плечи батюшки, онъ вскричалъ:

— Ахъ мой бѣдняга Жанъ Пьеръ, какъ я радъ тебя видѣть! Какъ при видѣ тебя мнѣ припоминается старина!

— Да, говорилъ батюшка со слезами на глазахъ,—хорошее времячко милиціонной службы, не такъ ли Жанъ? Я тоже иногда думаю о немъ, оно не воротится болѣе.

А Летюмье, въ трехугольной шляпѣ на бекрень, въ широкомъ платьѣ, цвѣта корицы, висѣвшимъ на его худыхъ бедрахъ, въ красномъ жилетѣ съ стальными пуговицами, звенѣвшими въ родѣ цимбалъ, началъ кричать:

— Оно уже верянулось, Жанъ Пьеръ, третьяго дня мы въ милиціи приобрѣли все; родина одержала верхъ, да здравствуютъ друзья!

Онъ поднималъ свою шляпу до потолка; а другіе смѣялись при видѣ бутылокъ, разставленныхъ рядкомъ; каждый изъ нихъ повертывался отъ времени до времени какъ будто для того, чтобы высморкаться, и искоса пересчитывалъ бутылки.

Въ глубинѣ залы, дверь въ кухню была отворена; въ очагѣ видѣлся красный огонь, двѣ ноги баранины тихо вертѣлись на вертѣлѣ, въ углубленіе котораго падалъ шпящій жиръ; тетушка Катерина, въ большомъ бѣломъ чепцѣ, съ засученными бѣлыми рукавами, ходила взадъ и впередъ, переносила въ передникѣ то блюдо, то хлѣбъ; а Николь большой желѣзной вилкой повертывала говядину въ горшкѣ, или мѣшала гдѣ нибудь въ углу салатъ. Пріятный запахъ проникалъ повсюду. Кто могъ думать, что мѣтръ Жанъ угоститъ такъ простыхъ нотаблей; но этотъ бережливый и трудолюбивый человѣкъ не смотрѣлъ на расходы въ чрезвычайныхъ случаяхъ; а какой же могъ быть болѣе чрезвычайный случай приобрѣсти уваженіе у себя на родинѣ, какъ не угостить хорошенько тѣхъ, которые выбрали его и Шовеля въ депутаты. Всѣ хорошіе граждане нашихъ временъ дѣлали такъ; это было лучшее средство сохранить порядокъ. Они благоразумно стали во главѣ народа; а когда сыновья ихъ, по гордости, скупости и глупости хотѣли отдѣлиться отъ него, чтобы сдѣлаться самимъ дворянами, то имъ пришлось потрудиться для людей болѣе хитрыхъ, нежели они сами. Вотъ наша исторія въ четырехъ словахъ!

Между тѣмъ старики, собравшись у окна, говорили о послѣднихъ событіяхъ, и всякой разъ, при появленіи въ дверяхъ какого нибудь нотабля, они ему кричали:

«Эй, Плечъ!.. эй Риго!.. сюда... сюда... какъ поживаете?»

Валентинъ, стоя поодаль, смѣялся, поглядывая на меня. Но его любовь къ старому порядку и властямъ не мѣшала ему любить хорошее вино, сосиски и окорокъ. Мысль о подобномъ пиршествѣ во всякомъ случаѣ ему была пріятна, и длинный носъ его съ нѣжностью обращался къ кухнѣ.

Наконецъ когда пробило двѣнадцать часовъ, Николь сказала мнѣ, чтобы я сходилъ за Шовелемъ; я хотѣлъ ужь идти, какъ Шовель тихо вошелъ съ Маргаритой. Всѣ воскликнули:

— Вотъ онъ!.. вотъ онъ!..

Шовель въ полукафтанѣ и въ сѣрыхъ панталонахъ смѣялся, пожимая всѣмъ руки. Онъ былъ уже не тѣмъ чѣмъ прежде, помощникъ надзирателя не схватилъ бы его ужь болѣе за шиворотъ; онъ былъ выбранъ въ числѣ пятнадцати депутатовъ въ Нанси; и это было видно даже по лицу его; его маленькіе черные глазки горѣли ярче прежняго, а воротнички его бѣлой, какъ снѣгъ, рубашки торчали до ушей.

Когда длинный Летюмье, любившій церемоніи, хотѣлъ сказать ему рѣчь, онъ смѣяся возразилъ ему:

— Господинъ Летюмье, вонъ подають супъ; отъ него отлично пахнетъ!

Это была правда. Катерина явилась съ огромной миской, которую торжественно поставила на столъ.

Мэтръ Жанъ вскричалъ:

— Садитесь, друзья мои, садитесь. Летюмье, вы скажете вашу рѣчь во время десерта... Голодное брюхо къ ученію глухо... Сюда, Кошаръ; а вы, Шовель, туда въ конецъ стола; Валентинъ!.. Гюре!.. Жанъ Пьеръ!..

Словомъ, онъ всѣмъ намъ указалъ на мѣста, и всѣ мы думали лишь о весельѣ. Батюшка, Валентинъ и я сидѣли противъ мэтра Жана, который сѣлъ разливать супъ: онъ снялъ крышку съ большой миски. Къ потолку, въ видѣ облака, поднялся превосходный запахъ мяса и мозга, и передача тарелокъ началась.

Я никогда не видывалъ такого большого обѣда и потому былъ въ восхищеніи, а отецъ мой еще больше чѣмъ я.

— У каждого своя бутылка, сказалъ мѣтръ Жанъ, — наливайте.

Разумѣется, послѣ такого славнаго супа, бутылки были откупорены и стаканы налиты. Нѣкоторые хотѣли уже пить за здоровье депутатовъ, но такъ какъ налито было простое эльзасское вино, то мѣтръ Жанъ вскричалъ:

— Подождите!.. надо пить за наше здоровье хорошимъ виномъ, а не простымъ.

Всѣ нашли, что онъ правъ. А когда была подана вареная говядина, убранная петрушкой, то всѣ немедля принялись за нее.

Летюмье говорилъ, что всякій человѣкъ, работающій въ полѣ или занимающійся ремесломъ, долженъ бы былъ имѣть въ день полфунта такого мяса, съ кружкой вина; дровосѣкъ Кошаръ соглашался съ нимъ. О политикѣ начали говорить, когда за столъ подали сосиски съ соусомъ изъ кислой капусты; это у большой части присутствовавшихъ перемѣнило образъ мыслей.

Маргарита и Ниволь бѣгали вокругъ стола, убирали пустыя бутылки и вмѣсто нихъ подавали полныя; тетушка Катерина приносила кушанье; а къ часу, когда подавалась баранина и старое рибопьерское вино, веселость сильно увеличилась. Всѣ съ удовольствіемъ смотрѣли другъ на друга. Кошаръ говорилъ:

— Мы—люди!.. У насъ права людей!.. И если кто нибудь вздумаетъ говорить противное, то я ему дамъ себя знать.

А старый пушкарь Готье Куртуа кричалъ:

— Если мы не были людьми, то это потому, что мы не умѣли устроить, чтобы у всѣхъ было вино и хорошая пища, а не у однихъ только счастливыхъ, насъ притѣснявшихъ. До битвы, они вѣчно намъ льстили и обѣщали исполненіе всѣхъ нашихъ желаній. А потомъ рѣчь сводилась на дисциплину, и сабельные удары сыпались какъ градъ. Я говорю, что стыдно бить солдатъ, и не допускать храбрыхъ изъ нихъ дѣлаться офицерами только потому, что они не дворяне.

Летюмье представлялось все въ розовомъ цвѣтѣ:

— Нищета кончилась, кричалъ онъ, — нашъ протоколъ готовъ; всѣ увидятъ, чего мы желаемъ, и добрый король будетъ принужденъ сказать: «Эти люди правы, тысячу разъ правы,

они хотятъ равенства податей, и равенства передъ закономъ, что совершенно справедливо.» Развѣ не всё мы французы? Развѣ всё мы не должны имѣть одинаковыя права, и нести одинаковые налоги! Вѣдь это, чортъ возьми, ясно, какъ утреннее солнце!

Онъ говорилъ отлично, открывая ротъ свой до ушей, лукаво прищуривая глаза, закинувъ нѣсколько назадъ голову, и поднимая вверхъ руки. Всё слушали и даже батюшка, покачавъ раза три головою, прошепталъ:

— Онъ говорить хорошо... Это справедливо... Но намъ не надо ничего говорить, Мишель, это слишкомъ опасно.

Онъ безпрестанно поглядывалъ на дверь, какъ будто ожидалъ сержантовъ.

Послѣ этого мэтръ Жанъ налилъ стаканы старымъ виномъ, и вскричалъ:

— Друзья мои, за здоровье Шовеля, который всёхъ лучше поддерживалъ насъ въ собраніи; пусть онъ живетъ долго, чтобы защищать права третьяго сословія, и пусть онъ всегда говоритъ такъ же хорошо, какъ онъ говорилъ; вотъ чего я желаю! за его здоровье!

Всѣ, наклонясь къ столу, стали чокаться, какъ счастливыцы. Всѣ смѣялись и повторяли:

— За здоровье депутатовъ нашей общины: мэтра Жана и Шовеля.

Отъ этого крика окна въ залѣ задрожали. На улицѣ останавливался народъ и, поднимъ головы, думалъ:

— Здоровы кричать-то!

Нотабли снова сѣли, и всё еще разъ налили стаканы, а Катерина и Николь принесли большіе пироги съ битыми сливками, въ то время какъ Маргарита убирала остатки баранины, окорѣка и салада.

Всѣ взоры были устремлены на Шовеля, въ ожиданіи его отвѣта. Онъ же, спокойно сидя въ концѣ стола съ бумажнымъ колпакомъ за спинкой стула, съ блѣдными щеками, и съ сжатыми губами, точно будто косясь, задумчиво держалъ свой стаканъ. Рибопьерское вино вѣроятно раздражило его, потому что

онъ, вмѣсто того, чтобы выпить въ отвѣтъ за здоровье присутствующихъ, сказалъ звонкимъ голосомъ:

— Да, первый шагъ сдѣланъ! Но воспѣвать побѣду намъ еще нельзя, еще много осталось сдѣлать для пріобрѣтенія нашихъ правъ. Уничтоженія привилегій, личныхъ податей, питейныхъ сборовъ, пошлнны на соль, дорожной пошлнны, барщины, — всего этого можно и должно требовать, хотя, разумѣется, будутъ кричать, что мы требуемъ слишкомъ много; тѣ не такъ-то легко выпускаютъ изъ рукъ то, что держатъ; нѣтъ! они будутъ бороться, будутъ защищаться противъ справедливости; ихъ надо будетъ принудить! Они призовутъ себѣ на помощь всѣхъ чиновниковъ, всѣхъ живущихъ службою и надѣющихся сдѣлаться дворянами. — Такъ, друзья мои, это только первый шагъ; это еще пустяки; я думаю, что третіе сословіе выиграетъ это первое сраженіе; народъ желаетъ этого, народъ, который несетъ несправедливыя тягости, поддержитъ своихъ депутатовъ.

— Да, да, хотя бы намъ грозила смерть, закричали длинный Летюме, Кошаръ, Гюре, мѣтръ Жанъ, сжимая кулаки, — мы выиграемъ, мы хотимъ выиграть!

Шовель не шевелился; когда они кончили кричать, онъ продолжалъ, какъ будто его и не прерывали.

— Мы должны отплатить за всѣ несправедливости, переносимыя народомъ, несправедливости слишкомъ вопіющія, слишкомъ очевидныя; но къ чему это послужитъ намъ, если, впоследствии, когда общее собраніе сословій будетъ распушено, и фонды долга вотированы, дворяне вновь возстановятъ свои права и привилегіи? Это будетъ не въ первый разъ, такъ какъ разъ уже было общее собраніе всѣхъ сословій, и все, что тогда было рѣшено въ пользу народа, давнымъ давно не существуетъ. Послѣ уничтоженія привилегій, намъ больше всего нужна сила не допустить, чтобы они снова были возстановлены. Сила эта въ народѣ, она въ нашемъ войскѣ. Надо желать не одинъ день, одинъ мѣсяцъ, одинъ годъ, надо желать всегда; надо помѣшать, чтобы наши недоброжелатели не возстановили тихонько, осторожно, окольными путями, все, что третіе сословіе уничтожитъ при помощи народа. Надо, чтобы войско было съ нами; а для того, чтобы войско было съ нами, надо, чтобы самый послѣдній

солдатъ могъ, вслѣдствіе храбрости и способностей, получать чины, до маршала и главнокомандующаго, точно такъ же какъ и дворяне, понимаете?

— За здоровье Шовеля! вскричалъ Готье Куртуа.

Тутъ Шовель поднялъ свой стаканъ и мы всѣ крикнули вмѣстѣ:

— За здоровье честныхъ людей!

Многіе не знали, о комъ хотѣлъ говорить Шовель, но тѣмъ не менѣе они кричали, и такъ кричали, что тетушка Катерина пришла наконецъ просить не кричать такъ, потому что полдеревни стояло подъ окнами, и что народу могло показаться, что мы просто бунтуемъ.

Валентинъ тотчасъ же вышелъ, а батюшка сталъ на меня смотрѣть, какъ бы спрашивая, не пора ли и намъ бѣжать.

— Ну хорошо, Катерина, отвѣчалъ ей Жанъ. — Мы все сказали, что нужно было сказать, теперь довольно.

Всѣ молчали, и передавали другъ другу корзинку съ орѣхами и яблоками. На улицѣ раздались гнусливые звуки рылой.

— А! сказалъ Летюмье, — вотъ и Маеусалль.

И мэтръ Жанъ вскричалъ:

— Отлично!... приведите его... Онъ встаети пришелъ.

Маргарита тотчасъ же вышла и привела старика Маеусалла, какъ его называли въ деревнѣ; настоящее же имя его было Доминикъ Сентъ Фоверъ. Всѣ старики скажутъ вамъ, что не выдывали челоуѣка такихъ лѣтъ на ногахъ. Ему вѣроятно было болѣе ста лѣтъ. Лицо его было такое желтое и морщинистое, что его можно было принять за пряничное, а носъ едва можно было замѣтить, также какъ и маленькіе глаза, закрытые густыми бѣлыми бровями, похожими на собачью шерсть. Онъ былъ въ большой сѣрой пуховой шляпѣ, поля которой спереди были приподняты въ родѣ забрала, и пришилиены пѣтушьимъ перомъ. Рукава его парусниника и задняя сторона панталонъ были разорваны и перевиты вдоль веревочками, какъ свивальникъ, а пѣсни, что онъ игралъ, были, вѣроятно, временъ шведовъ; — слушая ихъ хотѣлось плакать.

— А, это вы Маеусалль, крикнулъ ему мэтръ Жанъ, — идите сюда, идите!

Онъ подалъ ему большой стаканъ вина, который старикъ Доминикъ взялъ, мотнувъ головою на три стороны. Потомъ онъ, закрывъ глаза, медленно его выпилъ. Тетувка Катерина, Маргарита и Николь стояли поодаль, а мы всё смотрѣли на него съ умиленіемъ.

Мэтръ Жанъ, принявъ отъ него обратно стаканъ, попросилъ его спѣть что нибудь. Но старикъ Маеусаялъ отвѣчалъ, что онъ уже нѣсколько лѣтъ не поетъ. И видя, что всё мы въ умиленіи, онъ заигралъ такую старинную и нѣжную пѣсню, что никто не зналъ ее, и всё съ недоумѣніемъ смотрѣли другъ на друга. Вдругъ отецъ мой сказалъ:

— Ахъ, да это пѣсня *«крестьянъ!»*

И всё присутствующіе вскричали:

— Да!... да!... это пѣсня *крестьянъ!* Жанъ-Пьеръ-спой-ка ее.

Я не зналъ, что батюшка хорошо пѣлъ, я никогда его не слыживалъ. Онъ отвѣчалъ:

— Я все забылъ!... Не помню даже какъ и начинается!...

Но такъ какъ его просилъ Шовель, я мэтръ Жанъ утверждалъ, что никогда никто лучше Жана-Пьера не пѣлъ, то онъ, покраснѣвъ и оцуптивъ глаза, тихо кашлянулъ и сказалъ:

— Такъ какъ вы неиремѣнно этого желаете... ну такъ я постараюсь припомнить.

И онъ тотчасъ же запѣлъ, подъ звуки рылей, пѣсню крестьянъ, и запѣлъ такимъ жалобнымъ голосомъ, что казалось будто передъ нашими глазами бѣдные старики прежнихъ временъ обрабатывали землю, съ женами, впряженными въ сохи; а грабители солдаты отнимали у нихъ жатву; будто огонь охватывалъ ихъ соломенные деревни, и хлѣба улетали искрами, жены и дочери были увлечены на неправильный путь; и будто представлялись намъ голодь, болѣзни, казни!... Все это тянулось, тянулось безъ конца!

Я же, несмотря на вино, съ третьяго куплета уже лежалъ лицомъ на столѣ и рыдалъ, въ то время какъ Летюмье, Гюре, Кошаръ, мэтръ Жанъ и двое или трое изъ присутствующихъ пѣли прицѣвъ, въ родѣ того какъ поютъ на похоронахъ своихъ родителей.

Маргарита тоже пѣла. Голосъ ея раздавался какъ жалоба

женщины, которую впрягаютъ въ соху и увлекаютъ въ развратъ; отъ этого пѣнія волосы поднимались дыбомъ.

Взглянувъ вокругъ себя, я увидаль, что всѣ мы блѣднѣе мертвецовъ. Шовель въ концѣ стола сидѣлъ съ стиснутыми губами, и смотрѣлъ волкомъ.

Наконецъ отецъ замолкъ; звуки рылей еще продолжались; а Шовель сказалъ:

— Жанъ-Шьеръ, вы спѣли хорошо!... Вы спѣли такъ, какъ пѣли наши старики, потому что вы чувствовали все это; и всѣ наши отцы, наши дѣды, и всѣ мужчины и женщины, наши предки, уже лѣтъ тысячу все это чувствовали!

Видя, что всѣ молчатъ, онъ вскричалъ:

— Но старой пѣсни теперь конецъ... Надо начать другую!

Всѣ мы присутствующіе, всѣ до одного, вскочили и закричали:

— Да, надо начать другую пѣсню... мы слишкомъ много терпѣли!

— Другое настанетъ скоро! сказала Шовель. — Тетушка Катерина просила насъ не кричать; она права, здѣсь это ни къ чему не ведетъ!

Послѣ этого мѣтръ Жанъ одинъ началъ густымъ басомъ пѣсню кузнецовъ. Валентинъ возвратился, и мы оба поддержали его; пѣсня эта немного насъ развеселила, хотя она была тоже грустная, но за то въ ней была сила; въ припѣвѣ говорилось, что кузнецъ куетъ желѣзо!... Подъ этимъ можно было подразумѣвать многое, и потому всѣ улыбались.

Въ этотъ день было спѣто много хорошихъ пѣсенъ! Но пѣсню батюшки мнѣ не забыть никогда, и до сихъ поръ, припоминая ее, я восклицаю:

— О великій, святой годъ! Пусть гѣ изъ крестьянъ Франціи, которымъ достааетъ духа отвергать его, выучатъ пѣсню своихъ отцовъ, и если эта пѣсня не тронетъ ихъ, то пусть они сами, дѣти ихъ и потомки поютъ ее еще разъ на барщинѣ; можетъ быть, тогда они поймутъ ее, и неблагодарность ихъ будетъ вознаграждена.

Въ этотъ день мы съ отцемъ очень поздно воротились домой. На слѣдующій день, 10-го апрѣля 1789 г., Шовель отправился въ Нанси. До общаго собранія всѣхъ сословій было недолго.

ВИНОКУРЕННЫЙ ЗАВОДЪ

и

ЕГО ОБИТАТЕЛИ.

(Изъ записокъ подвального).

I.

Кое-какъ доковыляли меня хромые остатки откупной конюшни до Чудринскаго винокуреннаго завода, арендуемаго моимъ хозяиномъ, бывшимъ откупщикомъ, по хвастливымъ рассказамъ котораго я ожидалъ встрѣтить здѣсь образецъ винокуренныхъ заводовъ. Спросивъ въ послѣдней деревнѣ, отстоящей отъ завода въ трехъ верстахъ, дорогу къ нему, я принялся выглядывать то по ту, то по другую сторону моего кучера, въ надеждѣ увидѣть высокія дымогарныя трубы и верхніе этажи завода и его службъ, но, какъ ни напрягалъ зрѣнія во всѣ стороны, рѣшительно ничего не могъ увидать.

— Гдѣ-жъ это заводъ-то, Антонъ, спросилъ я кучера.— Не видишь ты его?

— Кто его знаетъ, гдѣ онъ тутъ. Я и самъ-отъ поглядываю, да не видать что-то, отозвался Антонъ.

— А пора бы, версты двѣ ужъ проѣхали.

— Да когда не пора! Вѣстимо, должно бы видать, да не видно. Развѣ въ ямѣ стоять?

— А пожалуй, что и въ ямѣ, согласился я.

Идемъ дальше. Попадается мужикъ.

— Здѣсь дорога на заводъ? спрашиваемъ мы.

— Тутъ, тутъ. Поѣзжай прямо.

— А далеко ли до него?

— Да съ версту безъ-мала будетъ.

Наконецъ показалась куча строенія, Богъ знаетъ, съ чѣмъ сообразнаго. Мы принялись разсматривать; лошади добѣжали до угла, полуразвалившагося анбара и стали.

— Ну, братъ, и дорога завалена; картошку гнилую выкинули, и проѣхать негдѣ, бормоталъ Антонъ.—Ишь, ихъ угораздило, на самую дорогу! Тутъ вонъ сугробъ—лошадей увязишь. И то на-силу докостыляли, разсуждалъ онъ.—Тутъ бревна свалены...

— Дядя, закричалъ онъ, увидя мужика, копошившагося за амбаромъ.—Гдѣ тутъ проѣхать-то къ вамъ?

— Поѣзжай промежъ амбаромъ да сугробомъ-то. Дорогу новую прокладываютъ; ту Чудринцы черти завалили картошкой.

Антонъ направилъ лошадей въ смятый сугробъ, и вотъ мы въѣхали въ заводъ и остановились среди двора, недоумѣвая, куда намъ пристать: кругомъ стояли полуразвалившіеся флигеля, въ срединѣ которыхъ видѣлось какое-то подобіе дома, а противъ него, чрезъ длинную площадь, было подновлено деревянное зданіе, предназначенное, какъ видно, для завода; хоть этого замѣтить нельзя было ни по чему, развѣ только по кирпичной высокой трубѣ, выведенной сбоку зданія. Между домомъ и заводомъ работало около сотни плотниковъ; изъ одного зданія, вросшаго въ землю, вывозили гнилой картофель; дворъ былъ заваленъ щепами и обрубками бревенъ; вездѣ проглядывала суета и беспорядокъ. Пока мы глазѣли на этотъ хаосъ, изъ дома выбѣжалъ мальчикъ.

— Вы не изъ М...—ли, спросилъ онъ, подбѣгая.

Я отвѣчалъ утвердительно.

— Пожалуйте, хозяинъ спрашиваетъ.

Я пошелъ вслѣдъ за нимъ въ домъ, и прямо въ дорожномъ костюмѣ направился въ мезонинъ, къ хозяину моему, Силину.

— Что вы такъ долго? былъ первый вопросъ.

— Раньше было нельзя, дѣла заканчивали.

— А Михайло Петровичъ ѣдетъ?

— Нѣтъ, онъ остался еще кончать дѣла. Вотъ письмо отъ него.

Силинъ прочиталъ письмо.

— Ну чтожъ онъ тамъ живетъ за такими пустяками: отчеты,

да продажа имущества... Сдалъ бы все это хоть конторщику тамъ, что-ли! Вѣдь ужъ я писалъ ему, что онъ необходимъ мнѣ здѣсь.

— Онъ тоже, какъ говорилъ мнѣ, находить необходимымъ кончить сначала одно дѣло, и потомъ уже приниматься за другое.

— Чудакъ! Ну, до акуратности-ли теперь!... Мнѣ нужно скорѣе заводъ въ холъ пустить, скорѣй уѣхать въ Петербургъ, а онъ тамъ, за отчетами... Скажите пожалуйста! даже обидно.— Силинъ заходилъ изъ угла въ уголь; въ комнату вошелъ отецъ его.

— А вотъ и наши являются, а мы думали ужъ, что васъ тамъ совсѣмъ заѣли новые-то чиновники. Здравствуйте, что тамъ, всѣ ли здоровы?

— Слава Богу, здоровы всѣ.

— Когда же будетъ управляющій, сюда?

— Когда кончить дѣло.

— Такъ, такъ. Что-же это вы привели хромыхъ-то своихъ, на барду? ¹⁾

— Куда угодно вамъ будетъ.

— На барду ужъ,—можетъ и поправятся. Куда ихъ кромѣ-то,—говорилъ старикъ, снимая дубленку.—Это мошеникъ кучеринско тогда былъ, пьяница Алексашка,—испортилъ каравовую. Экой народъ проклятый, — ругался старикъ, расчесывая заиндевѣвшую бороду.

— Ну, вотъ что, папаша,—перебилъ сынъ, одѣваясь въ шубу,— что вы тамъ въ очистномъ-то подвалѣ сдѣлали?

— Завтра, или послѣ-завтра будетъ готовъ; за цодаломъ дѣло не станеть,—утвердительно говорилъ старикъ.

— Такъ ужъ вы передайте это дѣло вотъ имъ. Пускай они кончаютъ, какъ имъ удобнѣе; а сами-то займитесь своимъ картофелемъ; вывозите его поскорѣе, а то вѣдь спиртъ негдѣ будетъ ставить.—Послѣднія слова были сказаны на ходу.

— Будеть вывезено,—ворчалъ старикъ вслѣдъ. — Ну давайте-ко чай пить,—пригласилъ онъ меня.

Нелишнимъ считаю сказать здѣсь нѣсколько словъ о старикѣ Силинѣ. Это былъ тупой старикъ, страшный скрага и пребезтолковѣйшій человекъ. Въ жизни своей служилъ онъ сидѣльцемъ, потомъ торговалъ чѣмъ-то и, наконецъ, бросивъ торговлю, поступилъ

¹⁾ Хлѣбные остатки въ перегонномъ кубѣ, послѣ винокурения.

на службу къ сыну, успѣвшему, по неисповѣдимымъ судьбамъ, нажать состояніе. Служба его у сына состояла изъ самыхъ мелкихъ обязанностей, въ надзорѣ за самыми мелкими дѣлами; ничего лучшаго по своему крайнему тупоумію дѣлать онъ не могъ. Знакомъ съ нимъ я былъ немного. Время службы моей въ М. онъ жилъ тамъ недѣли двѣ и страшно надоѣдалъ мнѣ своими мелочными привязками: зачѣмъ свѣча горитъ, зачѣмъ полѣно лишнее положено и такъ далѣе. На заводѣ онъ жилъ около года; о дѣятельности его я скажу ниже, теперь же перейду къ тому, что было мнѣ поручено.

Напившись чаю, мы отправились съ старикомъ чрезъ дворъ къ длинному зданію, назначенному для очистного подвала.

Въ одномъ отдѣленіи, около громаднаго чана копошились пять человѣкъ плотниковъ.

— Куда это строите такую громадину,—обратился я къ стареу.

— Какъ куда? сортировочный чанъ.

— Большой чанъ, тысячью ведеръ не наполнить. Если судить по величинѣ подвала и чана, такъ вы рассчитываете на продажу тридцати тысячъ ведеръ въ мѣсяцъ. Не много-ли это для такого захолустья,—спросилъ я.

— А что Богъ дастъ. Съ запасомъ-то все лучше. Изъ большого не вывалится.

Пошли дальше, на другую половину, для чего по положенной доскѣ нужно было переходить черезъ яму, вырытую для сортировочнаго бассейна. На другой половинѣ четыре человѣка будущихъ рабочихъ, при будущемъ складѣ, ворочались около четырехъ кадокъ, емкостью каждая отъ 20 до 30 ведеръ; они обивали сукномъ внутреннія дна ихъ, изъ чего я заключилъ, что эти кадки назначаются для очистныхъ чановъ, такъ какъ послѣдніе тоже обиваются сукномъ.

— Вотъ и чаны готовы,—сказалъ старикъ.—Дѣло за спиртомъ только.

— Эти чаны не годятся,—сказалъ я.

— Какъ не годятся? отчего? сердито спросилъ старикъ.

— Да, во-первыхъ, они слишкомъ малы, въ сравненіи съ сортировочнымъ; а во-вторыхъ, они худые—вина-то въ нихъ не удержишь.

— Ну, ужъ это пустяки! Какъ есть пустяки,—сказалъ старикъ нѣсколько озадаченный, но все-таки не желавшій уступить мнѣ.—

Какіе же теперича они худые, когда служили на прежнемъ заводѣ годовъ пять ¹⁾).

— Я вижу, что они служили, и служили долго, потому что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сгнили.

— Поди ты, потялуй тамъ съ нѣмцами-то, ишь, ихъ чертей нагнали сюда! Того не надо, другога не надо, бормочать по своему, портятъ, да рубятъ! Да и чортъ-те возьми совсѣмъ, съ дѣломъ-те,—ругался старикъ.

— Мнѣ тоже не нужно этихъ чановъ,—сказалъ я.

— Какъ-же не нужно? Съ чего вы это взяли? Чаны обиты сукномъ и крышки придѣланы, и все такое, а тутъ не надо! Прошу покорно, еще нѣмецъ пріѣхалъ! А вотъ бери, что даютъ, да и очищай вино!

— Что у васъ такое,—спросилъ незамѣтно подошедшій Силинъ.

— Да вотъ,—жаловался старикъ,—прошу покорно, тутъ отъ нѣмцевъ смерть приходитъ, а тутъ еще свои, русскіе, откупные, хуже нѣмцевъ поступаютъ: чаны совсѣмъ сложены и сукномъ обиты; такъ вотъ не надо этихъ чановъ,—давай другіе! Не жалѣютъ денегъ хозяйскихъ!

— Въ чемъ дѣло,—обратился ко мнѣ Силинъ, мало слушая отца. Я рассказалъ причину вспышки старика.

Силинъ покачалъ головою.

— Закажите,—сказалъ онъ,—другіе чаны!

— Ну, эти-то куда-же, спросилъ старикъ.—Тоже сукномъ обиты, и все такое. Пожалуй, потакай имъ, да разорься!

— Неужели-же вы не видите, лапаша, что ваши кадки ни къ чорту не годны? Пора ужъ, кажется, сообразить бы это,—съ желчью сказалъ сынъ.—Когда же вы кончите постройку подвала, обратился онъ ко мнѣ.

— Нужно плотниковъ, человѣкъ сорокъ прибавить, тогда можно недѣли въ двѣ хоть кое-какъ устроить.

— Что вы? что вы? сказалъ сынъ.

— Вы съума сошли,—кричалъ отецъ. — Двѣ недѣли! прошу покорно!...

— Позвольте, позвольте, папаша!—Да надъ чѣмъ же тутъ работать? Вы пожалуйте уже безъ лишнихъ затѣй! На первый разъ,

¹⁾ Заводъ былъ арендованъ, вмѣстѣ съ принадлежащимъ ему имуществомъ.

хоть не совсѣмъ красиво, да поскорѣе; а тамъ можно додѣлать современемъ.

Мнѣ стало смѣшно и досадно. Пускай, думалъ я, старикъ полу-идіотъ, вѣрить словамъ подрядчика, а сынъ-то, кажется, не совсѣмъ глупый человѣкъ. И я перечислилъ ему самую необходимую работу.

— Значить, тутъ ничего еще не сдѣлано, и не начато даже. Какъ-же вы, папаша, говорили, что завтра будетъ готово?

— Да вѣдь меня подрядчикъ, мошенникъ, увѣрялъ.

— Да въ чемъ увѣрять-то? Развѣ вы не видите,—горячился сынъ, забывъ, что за минуту точно также и самъ ничего не видѣлъ. — Развѣ вы не видите, что нѣтъ ни станковъ для чановъ, ни рамъ, ни потолка, ни дверей, ни помпъ для накачки вина? Помилуйте, вѣдь тутъ ровно ничего нѣтъ!

— А вотъ мы сейчасъ подрядчика позовемъ,—нашелся только отвѣтить старикъ.

Явился подрядчикъ.

— Ты что-же, братецъ, когда кончишь это дѣло.

— Недѣлку еще проработаю, ваше степенство.

— Ахъ, вы, мошенники, грабители,—кричалъ старикъ.—Какъ-же ты, анаема, вчера увѣрялъ меня, что черезъ день будетъ все готово?

— Что-же дѣлать? народу нѣтъ: по другимъ все работамъ.

— Да вѣдь ты деньги-те впередъ забралъ, разбойникъ ты!...

— Да вѣдь что сдѣлаешь! Все наши недостатки, кланялся подрядчикъ.

— Да какъ же ты!... старикъ просто былъ въ изступленіи.

— Стойте, стойте, папаша!—Ты слышишь,—обратился Силинъ къ подрядчику,—чтобъ чрезъ недѣлю все было готово! Къ тому поне-дѣльнику чтобъ можно было вино качать на чаны, иначе я тебя къ становому.

— Да вино, што-же! Мое дѣло снаружи, а вы, значить, хотите, чтобъ и кровати мнѣ же дѣлать для чановъ и другое прочее. Нутреннюю работу я не выговаривалъ, а подрядился за двѣсти съ половиною поставить подвалъ; а ужъ снутра, воля ваша, — и то разорился,—дешево взялъ.

— Кто же будетъ работать чаны, станки для чановъ и прочую работу,—обратился я къ хозяевамъ.

— Ужъ эвто воля ваша,—толковалъ подрядчикъ.

— Кто-же, папаша, будетъ внутреннюю работу работать? Поражены у васъ плотники, что-ли?

— Да вѣдь што-же снутри? Снутри никто не пораженъ. Надо взять хоть поденныхъ.

Сынъ махнулъ рукой.

— Пойдемте,—сказалъ онъ мнѣ,—выберемте тамъ, сколько нужно вамъ плотниковъ.

Мы пошли. Старикъ остался костить подрячика.

По дорогѣ встрѣтился другой подрядчикъ, которому и отдано приказаніе, дать мнѣ сколько нужно плотниковъ. Я сгоряча потребовалъ тридцать человекъ, но, одумавшись, спросилъ, есть-ли лѣсъ для чановъ. Его не оказалось; послали нарочнаго къ ближайшему лѣсопромышленнику, за досками; а я взялъ пока двѣнадцать человекъ и распорядился дѣлать станки, прочаго же ничего нельзя было дѣлать,—сортировочный чанъ стоялъ еще не въ ямѣ. Нужно было снаружи осмолить его и потомъ ставить. Подрядчикъ, получивъ ругань, съ горя напился пьянъ, рабочіе разошлись, зимній, короткій день прошелъ, и я по неволѣ долженъ былъ отправиться на квартиру. Усталый отъ безтолковыхъ хлопотъ, съ удовольствіемъ усѣлся я около кипящаго самовара.

— Ну, что сдѣлали сегодня, спросилъ Силинъ.

— Да ничего.—И я рассказалъ о встрѣтившихся препятствіяхъ.

— Что-же это, папаша,—обратился сынъ къ отцу.—Ну чортъ съ нимъ, взять другого и отдѣлать на его счетъ.

— Да деньги вѣдь, мошенникъ, забралъ... Ужь этотъ Павлушка!... и нанимать-то мнѣ его не хотѣлось, все Алексѣй Ивановичъ.

— Да зачѣмъ же деньги давали,—спросилъ сынъ.

— Харчами вѣдь забралъ, я и не зналъ, да погляжу по книжкѣ, у него ужъ забрато еще слишкомъ. Вотъ вѣдь мошенники!

— Вотъ что дѣлаетъ вашъ управляющій,—сердито сказалъ Силинъ,—тутъ тысячи летать отъ безпорядка, а онъ копаются съ гршевымъ дѣломъ.

Я промолчалъ.

II.

Силинъ заходилъ по комнатѣ. По лицу его было видно, что онъ сильно озабоченъ. На болтовню старика онъ или вовсе не отвѣ-

чать, или отвѣчалъ отрывочными фразами. Такъ прошло съ четверть часа; снованье изъ угла въ уголь наскучило ему, но онъ видимо не зналъ, куда дѣваться отъ бездѣлья; натура его требовала дѣятельности, но дѣятельности поверхностной. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которымъ скоро все наскучиваетъ, и которые не могутъ заняться ничѣмъ. Подобные люди вѣчно зайты мечтами, переходящими въ воздушные замки. Напримѣръ, приходитъ ему мысль устроить какое нибудь промышленное предприятие: онъ начнетъ соображать это предприятие теоретически, займется сначала даже поверхностнымъ изученіемъ его, но займется не для того, чтобы прослѣдить сущность дѣла и всѣ невыгодныя стороны его, нѣтъ, онъ непременно хочетъ видѣть только свѣтлую сторону дѣла, разсчитать барыши, убытки же и препятствія стоятъ у него на заднемъ планѣ, и если они, не смотря на невниманіе къ нимъ, сами дають о себѣ знать по своей значительности, то у него есть на этотъ случай пословица: волка бояться, въ лѣсъ не ходить; а для устраненія убытковъ можно приставить къ дѣлу мастера—специалиста, пусть онъ справляется съ ними, мое же дѣло—затратить на устройство капиталъ и получать барыши. «Авосъ» что нибудь и выйдетъ. Но такъ какъ всякая промышленность требуетъ труда, честнаго и прямаго во всемъ разсчета, то тамъ, гдѣ трудъ и разсчетъ замѣняются «авосемъ», въ результатѣ оказывается полнѣйшее разореніе. Слѣдующая исторія этого завода ясно докажетъ справедливость этого мнѣнія.

Онъ началъ строиться за два года до окончанія откуповъ, и въ два года убито на устройство его болѣе ста тысячъ, и все-таки сдѣлано слишкомъ, слишкомъ мало. Началось съ того, что при объѣздѣ откупщикомъ своихъ откуповъ, управляющій откупомъ, въ уѣздѣ котораго состоялъ этотъ винокуренный заводъ, предложилъ откупщику взять этотъ заводъ въ аренду.

Предложеніе это дало толчекъ мыслямъ афериста, и онъ, искавшій по окончаніи откуповъ точки опоры, ухватился за эту мысль, какъ за благодѣяніе. Въ часъ разсчитаны были будущіе барыши, будущая дѣятельность, и даже будущая слава. Откупщикъ, забывъ, что мысль объ арендѣ завода принадлежитъ не ему, счелъ себя чуть-ли не Колумбомъ, потому что въ это переходное время едва ли были откупщики, выяснившіе себѣ, что будутъ дѣлать по окончаніи откуповъ. А если и были, то, конечно, не выдавали своихъ завѣтныхъ мыслей.

Будущій винокуренный заводчикъ, вмѣстѣ съ своимъ управляю-

щимъ, поѣхали арендовать заводъ. Приѣхавши, они встрѣтили полнѣйшее согласіе, потому что заводъ, какъ по ветхости его, такъ и по невыгодности винокуренія, давно уже предполагалось сдать въ аренду. И вотъ заключенъ контрактъ на семь лѣтъ, съ платою въ годъ по пяти тысячъ рублей, и кромѣ того, что будетъ построено арендаторомъ въ заводъ вновь, при обратной передачѣ завода, остается въ пользу владѣльца, — условія, слишкомъ невыгодныя, тѣмъ болѣе, что заводъ стоялъ въ глуши, и срокъ аренды былъ слишкомъ коротокъ. Какъ ни плохо пришлось бы перестраивать заводъ, но передать черезъ семь лѣтъ все перестроенное даромъ — это плата аренды выйдетъ уже вовсе не по пяти тысячъ въ годъ. Заводъ могъ выкуривать до 240,000 ведеръ въ годъ, предполагалось же устроить на 500,000 ведеръ годовой пропорціи винокуренія. Вотъ и пошла перестройка. Поручена она была управляющему, предложившему арендованіе завода, и тотъ повелъ дѣло съ того, что въ тихомолку арендовалъ для себя небольшой заводъ и поставился устроить сначала его, относя, конечно, издержки на постройку завода собственнаго къ издержкамъ на постройку завода откупщика. Контроль былъ въ его рукахъ вмѣстѣ съ распоряженіемъ, и потому ему очень легко было хоронить концы. Нанятъ былъ старинный механикъ винокуръ, наняты рабочіе. Постройка завода все-таки кое-какъ подвигалась. Такъ прошелъ годъ. Заплачена за годъ арендная плата и убитъ капиталъ на постройку. Вмѣстѣ съ новымъ годомъ явились въ газетахъ предложенія одного германскаго выходца, предлагавшаго усовершенствованную систему винокуренія. Распоряженіе при устройствѣ винокуренныхъ заводовъ по этой усовершенствованной системѣ и наконецъ производство винокуренія — все это *даромъ*, изъ одной третьей части перекура ¹⁾. Предложеніе было слишкомъ соблазнительно, чтобъ отказать отъ него. И вотъ онъ сходитъ съ нѣмцемъ; тотъ обѣщаетъ ему выкурить двѣнадцать ведеръ изъ четверти, то есть, четыре ведра на каждую четверть хлѣба перекура, треть перекура въ пользу нѣмца механика и двѣ трети откупщику. Заключено условіе, и новый винокуръ съ своими мастерами, въ сопровожденіи откупщика ѣдетъ на заводъ производить свои реформы. Началась

¹⁾ По положенію о питейномъ сборѣ, заводчики должны выкуривать изъ четверти хлѣба отъ 7 до 8 $\frac{1}{100}$ вед. вина въ 38%, и за это количество заплатить акцизъ, а затѣмъ перекуръ или недокуръ составляютъ прямую пользу или убытокъ заводчика.

снова перестройка, только-что сдѣланные чаны, за негодностью разобраны и выброшены; заводъ не удовлетворилъ своей величиною, и часть стѣнъ его разломана; около завода началось копаніе рововъ, канавъ и пр., словомъ, постройка пошла снова. Бывшій управляющій былъ смѣненъ, какъ человекъ неблагонадежный; вмѣсто него поступилъ новый, который прослужа пять мѣсяцевъ, тоже уволился, и на его мѣсто присланъ Алексѣй Ивановичъ Турбинъ, человекъ, съ роду не видавшій винокуренныхъ заводовъ, занимавшійся у Силина управленіемъ его дома и сопровождавшій его всюду въ качествѣ компаньона, или кого угодно. Служилъ этотъ Турбинъ Силину года три, и странно началась эта служба. Это цѣлый романъ, который я намѣренъ рассказать послѣ, теперь же перехожу къ дѣлу.

Силинъ сопровождалъ на заводъ винокура вовсе не съ хозяйственною цѣлью — передать заводъ ему лично. Эта утомительная мелочь была не въ его характерѣ, ему просто наскучило жить въ Петербургѣ, захотѣлось прокатиться, да похвастать еще удобствами мѣстности арендованнаго завода. Удобства дѣйствительно были и заключались большею частью въ водѣ, — которой было слишкомъ достаточно для двухъ заводовъ, могущихъ выкурить до милліона ведеръ, — и въ землѣ, которой вмѣстѣ съ заводомъ арендовано было много, и вся она была подъ сѣновосомъ. Вдругъ Силину пришла счастливая мысль сдѣлать изъ пустопорожней, ходившей подъ сѣновосомъ, земли болѣе полезное употребленіе, — онъ вздумалъ засѣять ее картофелемъ и употребить этотъ картофель на винокуреніе. Новый управляющій, разумѣется, ахнулъ отъ этой мысли и произвелъ откупщика въ геніи; нѣмецъ-винокуръ одобрительно кивнулъ головою и рекомендовалъ нѣмца-агронома, извѣстнаго при дворѣ. И мысль вдругъ созрѣла и представляла уже золотыя горы барыша нашему, бьющему на авось, аферисту, который, не узнавъ хорошенько грунта, не понимая, можетъ ли еще на немъ родиться картофель, рассчитать первоначальные на посѣвъ его расходы, — рѣшили сѣять картофель, и съ этою мыслию уѣхалъ въ Петербургъ. Въ Петербургѣ, тотчасъ по приѣздѣ, отысканъ былъ рекомендованный нѣмцемъ-винокуромъ нѣмецъ-агрономъ, проживавшій безъ должности на одномъ изъ чердаковъ Васильевского острова; предложена ему должность съ очень хорошимъ жалованьемъ, и вотъ чрезъ недѣлю агрономъ ѣхалъ уже на заводъ, въ сопровожденіи Силина-отца, имѣющаго помогать нѣмцу въ его распоряженіяхъ и вмѣстѣ контролировать ихъ и производить расходы по посѣву и уборкѣ картофеля.

По приѣздѣ началось разсматриваніе грунта земли, который неслишкомъ-то удовлетворилъ агронома, но это зло, по его мнѣнію, было маловажно; его можно было устранить, посыпая почву небольшимъ количествомъ извести; но прежде этого нужно было осушить почву, на которой предполагалось сѣять картофель, потому что, какъ я сказалъ уже, она была чрезвычайно сыра: этимъ и занялся сначала приѣхавшій нѣмецъ-агрономъ, и взялъ къ себѣ въ помощники старика Силина. Въ январскіе морозы принялись почтенные дѣятели за рытье канавъ. Въ эту пору рыть канавы, по мнѣнію агронома, было необходимо, потому что съ наступленіемъ весны нѣкогда уже будетъ заниматься этимъ; а по мнѣнію старика, помощника его, это было выгодно въ томъ отношеніи, что рабочіе люди зимою несравненно дешевле, и, не подумавъ, что расчеты ихъ въ этомъ случаѣ сильно противорѣчили здравому смыслу, они принялись за исполненіе задуманнаго плана. Факты тоже подтвердили шаткость ихъ расчетовъ, но не остановили ихъ. При наймѣ, напримѣръ, землекопы не хотѣли взять за сажень канавы менѣе пятидесяти коп., доказывая, что кромѣ расчистки снѣга, нужно выбиться изъ силъ, разбивая промзглую землю; а что когда придетъ весна, тогда можно взять за ту же работу по 25 коп. съ сажени. «А почему же», спросилъ старикъ, «вы возьметесь работать въ день?» Мужики выпросили по 25 коп. Старикъ зналъ, что весною поденщики стоютъ 50 коп., и, смекнувъ по своему, что мужики сами даются въ обманъ, порядилъ копать поденно. И такъ начали копать. Но въ зимній короткій день трое поденщиковъ едва могли вырывать сажень, и работа поэтому стоила значительно дороже. Пробовали еще нанять съ сажени, но уже за 50 коп. теперь не согласились. Работа подвигалась медленно и убыточно; нѣмецъ положительно отступился отъ нея и предоставилъ ее въ распоряженіе старика, думая весьма основательно, что къ чему же тутъ слѣдить за начатою глупостью. Старикъ надрывался, выходилъ изъ себя, ругая поденщиковъ за ихъ лѣнь, и неуспѣхъ въ работѣ. Чуть гдѣ завидитъ, что отдыхаетъ мужикъ, бѣжитъ и кричитъ на него; сначала, разумѣется, нобаивались его, но потомъ, видя, что безъ толку ругается человекъ, и нельзя же не отдохнуть нѣсколько минутъ послѣ сотни напряженныхъ ударовъ тяжелымъ ломомъ въ мерзлую землю, начали отвѣчать ему такой же руганью и совѣтомъ самому попробовать, каково легко разбивать землю; старикъ начиналъ просить, но это, разумѣется, помогало не больше. Такъ дѣло и шло безолаберно и глупо. Но вотъ настала весна, и въ эту пору,

какъ и говорили землекопы, работа пошла успѣшно, но какъ поденщина стала дорога, отдано было дѣло на отрядъ, со всѣми выторговываньями, выжиманьями и прижиманьями; мужики за эти выжиманья постарались его тоже изгадить: вырыли канаву кой-какъ, да поскорѣе, не соблюли указанной ширины и глубины, деньги между тѣмъ забрали кой-чѣмъ; кромѣ того, по скупости старика, стѣны канавы не укрѣпили досками, и весенній скопъ воды окончательно замылъ ее пескомъ и уничтожилъ чуть не всю работу, стоившую огромныхъ денегъ. Но вотъ началось распаханіе, пошло удобреніе известью, та же скупость помѣшала этому дѣлу; куплена была известь по случаю, по дешевымъ цѣнамъ, слезавшаяся, перегорѣлая, негодная. Нѣмецъ толковалъ, толковалъ, да такъ и бросилъ, потому, что же тутъ, когда не слушаютъ, да еще и ругаются; и посадили картофель. Старикъ таетъ отъ восторга; «вотъ, говоритъ, устроилъ дѣло одинъ, что нѣмецъ?—только жалованье получаетъ даромъ, да съ бабами развратничаетъ». А нѣмецъ дѣйствительно любилъ русскую бабью натуру—любоострастный былъ человекъ. Пришла осень; картофель выкопали; оказался онъ водянистымъ, безвкуснымъ, болѣзненнымъ. Свалили его въ подземелье, если можно выразиться такъ о зданіи безъ пола и потолка, предназначенномъ для храненія спирта и устроенномъ на половину въ землѣ. Свалили картофель на землю, въ количествѣ трехъ тысячъ четвертей въ одну кучу, заперли зданіе и сочли дѣло порѣшеннымъ. Но такъ какъ крыша на зданіи, въ которомъ сваленъ былъ картофель, построена была изъ драни ¹⁾, прикрыта сверху дерномъ ²⁾, то весь осенній дождь съ крыши прямо лился на кучу картофеля, а наступившій за тѣмъ морозъ, часть этой кучи превратилъ въ ледяную массу, другая же совершенно сгнила. Старикъ видѣлъ это, но думалъ, что вѣдь какъ же быть, безъ потери не обойдется, не сгниетъ же весь, съ боковъ-то развѣ, да сверху, а въ середкѣ-то что ему сдѣлается; такъ на томъ и порѣшилъ. Между тѣмъ постройка кое-какъ приходила къ концу, пришла пора начать винокурение, и винокуръ подумывалъ уже о заторѣ. Это было

¹⁾ Дранью называются сосновые отщепы, отдѣленные отъ дерева посредствомъ клинвѣвъ, такъ какъ сухая сосна способна дѣлиться, по своей сложности, на очень мелкія части.

²⁾ Дерномъ покрыта была крыша для произведенія большей влажности въ зданіи, предназначенномъ для храненія спирта, для этого-же зданіе было на половину устроено въ землѣ.

за недѣлю до моего прїѣзда. Откопали съ боковъ мерзлый, гнилой картофель, но и въ срединѣ онъ оказался ничуть не лучше; однако на удачу взяли для перваго затора нѣсколько десятковъ четвертей, оттаяли его, запарили, пропустили сквозь картофеледавилную машину и сдѣлали *заторъ* ¹⁾). Хотя при варѣ затора и слышалась страшнѣйшая вонь, но заторъ этотъ все-таки слили въ холодильные чаны и расколотивши спустили въ *квасильные* ²⁾, тамъ уже и узнали, что картофель не только никуда негоденъ, но еще и вреденъ, по той нестерпимой вонѣ, которая пошла по квасильному отдѣленію. Продержавъ картофельную бражку въ квасильныхъ чанахъ трое сутокъ и получивъ отъ нея только одну вонь, спустили въ *барденникъ* ³⁾). Сынъ поругалъ отца за гнилыя распоряженія, произведшія гнилой картофель; отецъ свалилъ вину на нѣмца, и того бѣднягу прогнали безъ жалованья, а картофель приказано немедленно вывозить въ поле. По прїѣздѣ, я видѣлъ этого нѣмца еще на заводѣ; онъ все кланялся о жалованьѣ, не съ чѣмъ было выѣхать; но жалованья такъ и не получилъ, не знаю ужъ, какъ онъ выбрался.

Исторія картофеля стоила болѣе десяти тысячъ.

III.

На другой день, по прїѣздѣ, я всталъ еще далеко до свѣту и поспѣшилъ на работу. Всѣ еще спали. Я прошелъ длинную площадь отъ квартиры до завода, перешелъ мостикъ, положенный чрезъ каналъ, соединяющій пруды, и пришелъ въ ту казарму, гдѣ жили мои плотники. Это было зданіе длиною сажень въ сорокъ и во всю длину

1) *Заторъ* варится въ чанѣ посредствомъ пара. Внутри чана дѣлаются желѣзные гребенки, которыя, вертясь ворочаютъ густоту и не даютъ ей осѣсть на дно.

2) Въ *квасильные чаны* заторъ сливается для броженія; называются они мѣнѣе половины; броженіе происходитъ три дня и болѣе, смотря по системѣ винокуренія; размѣръ ихъ соразмѣряется съ размѣромъ заторныхъ чановъ. На Чудринскомъ заводѣ квасильныхъ чановъ было 24, заторъ разливался на 6 чановъ.

3) *Барденникъ*—бассейнъ барды или хлѣбныхъ остатковъ; онъ устроивается снаружи завода, недалеко отъ перегонныхъ кубовъ; въ него сливается жидкость, оставшаяся въ перегонныхъ кубахъ отъ винокурения.

его, навладены были нары, на которыхъ спало до двухъ-сотъ чело-вѣкъ разныхъ рабочихъ. Три печки жарко топились; около нихъ копошились три стряпухи, приготовлявшія завтракъ. Духота и вонь въ казармѣ были страшныя, но обыватели ея не чувствовали этого неудобства и храпѣли на всевозможные лады, прикрывшись своими рваными полусубками. Около печекъ, по другую сторону нарь, были надѣланы перегородки; за одной изъ нихъ жили рабочіе, прислан-ные изъ сосѣдняго города,—гдѣ содержалъ Силинъ откупъ,—для работы при складѣ; тѣ тоже спали. Я постучалъ, одинъ изъ нихъ про-снулся и заругался.

— Ково лѣшіе носятъ тутъ!

— Вставать пора Мамай, (фамилія рабочаго),—отозвался я.

— Ахъ, это вы, В. В. Сейчасъ, сейчасъ!—Дверь отворилась, и Ма-май, въ ночномъ костюмѣ, отвѣсилъ мнѣ поклонъ.

— Буди ребятъ-то, вставать пора,—повторилъ я.

— Сейчасъ, сейчасъ! Эй вы, безшабашные, Николай Новиковъ, Василій, вставай!

— Ну, что тамъ еще, — отозвались спавшіе.

— Что ишло, вставай, да вотъ-те и што ишло. Огонька-бы надо, говорилъ онъ съ собою, и пошелъ за огнемъ къ печкѣ.

— Ишь мужланы, душину каку пустили, лѣшіе, тѣфу, раздуй васъ горой, отплеывался Мамай.

— Гдѣ-же плотники-то, которые у насъ работаютъ, спросилъ я.

— А они, вонъ въ томъ краю; да вѣдь безъ завтрака не пой-дутъ, да и намъ надо чайку похлевать.

— Ну, что-же, пейте, только не мѣшкайте, пожалуйста поскорѣе.

— Будьте покойны,—и Мамай принялся вытряхивать угли изъ самовара.

Прочіе пошли умываться. Я тоже пошелъ на квартиру, гдѣ ра-спорядился поставить самоваръ.

Съ развѣтомъ привезли доски для чановъ. Я завербовалъ еще двадцать челоувѣкъ плотниковъ, и пошла работа.

Въ двѣ недѣли мнѣ удалось таки кое-что сдѣлать, но, разумѣет-ся, далеко не все, что было нужно. Построены и поставлены были на мѣстѣ чаны, вставлены рамы въ окна, сдѣланы и навѣшены полотна къ дверямъ, но полъ и потолокъ были все еще неконче-ны; кромѣ того не было печки. Кое-какъ добыли изъ хлама ста-рую желѣзную печь, набрали трубъ и провели ихъ около чановъ; но никакой жаръ не въ состояннн былъ нагрѣть это дырявое строеніе: если надъ чанами потолокъ и былъ кое-какъ наслантъ,

то на немъ не было земли и жаръ уходилъ положительно весь. Печка топилась постоянно, трубы отъ жара были красны, такъ что я опасался пожара, — и все-таки ничего не помогало. Поставивши другую печь, провели чрезъ подвалы до семидесяти аршинъ рукавовъ; дыры позабили, гдѣ паклею, гдѣ досками; но вмѣсто нихъ, явились другія дыры, выпалъ мохъ въ другихъ мѣстахъ, у дверей не было никакого запора, и я цѣлую недѣлю спалъ у печи на землѣ, боясь уйти изъ подвала, такъ какъ вѣдъ очень легко было изъ такого зданія украсть все; а вино въ особенности, какъ товаръ слишкомъ соблазнительный, могло быть растащено разнымъ заводскимъ сбродомъ.

Лишь только накачали вино, Силинъ явился ко мнѣ съ покупателями. Это были два сосѣдніе помѣщика, желающіе торговать виномъ и продавшіе Силину хлѣбъ, за который, по неимѣнію денегъ, онъ и хотѣлъ расплачиваться виномъ.

— Ну, вотъ, батюшка, вамъ покупатели, готовьте вина ведеръ триста для этихъ господъ, обратился онъ ко мнѣ, указывая на вошедшихъ. — Это мой подвальный и водочный мастеръ, рекомендовалъ онъ — меня, вы давеча пили водку его издѣлія.

— Очень приятно, проговорили пришедшіе, пощупавъ козырки, — а скоро вино у васъ поспѣетъ, спросили они.

— Завтра утромъ, сказала я.

— Что такъ долго, спросили всѣ трое.

Я объяснилъ, что вино только лишь накачено, и что, при такомъ холодѣ, оно ни очиститься, ни скоро пройти сквозь сукно не можетъ, и что для приготовленія этихъ трехъ-сотъ ведеръ, я долженъ работать ночь, иначе вино не сойдетъ съ чановъ. Для удостовѣренія, я отвернулъ кранъ и вино потянулось въ ниточку.

— Ну, что дѣлать, успокоивалъ ихъ Силинъ, — потерпите, не все еще устроено, дайте и намъ поправиться немного.

Покупатели вздохнули и согласились.

Впродолженіе этого дня, они разъ пять навѣдывались ко мнѣ, и все просили, пожалуйста, поспѣшить, потому что у нихъ ждуть подвалы. Одинъ изъ нихъ былъ молодой человѣкъ самой будничной наружности, которая такъ и говорила: не знаю, братцы мои, что мнѣ дѣлать, не знаете ли вы? Онъ то дѣло и заглядывалъ въ разные закоулки подвала или уставлялся на какогонибудь плотника или рабочаго; видно было, что онъ дѣлалъ это бессознательно, такъ какъ-го, на то посмотреть, на другое, и все это смотреть безжизненно, тупо; такъ и кажется со стороны, что онъ рѣшитель-

но ничего не видитъ, хотъ и смотритъ и дѣйствуетъ точно воснѣ, безъ участія мысли. Другой былъ постарше изъ военныхъ. Вся его особа, отъ головы до пятокъ, силплась выразить: «я все знаю, меня не проведешь». Но эта самоувѣренность рѣшительно ничѣмъ не оправдывалась. Плоская фizioномія его едва не выговаривала: «не бойтесь меня пожалуйста, потому что я черезъ-чуръ пусть и слабъ и дѣльнаго придумать рѣшительно не могу». Первые разы приходили они съ какимъ-то гордымъ, запугивающимъ видомъ, заговаривали со мною покровительственнымъ тономъ; но какъ мнѣ было рѣшительно не до нихъ, то, отвѣтивъ на ихъ вопросы довольно коротко, я извинялся и уходилъ отъ нихъ, то къ чанамъ, то къ плотникамъ, то къ бондарямъ, работавшимъ для подвала *мѣрилки* ¹⁾. Передъ вечеромъ они прислали ко мнѣ своего довѣреннаго двороваго чело-вѣка, съ предложеніемъ пяти рублей, «въ знакъ благодарности»; они думали, что я нарочно держу ихъ, обманываю. Я улыбнулся и сказалъ, что еще не за что благодарить меня, да и кромѣ того, я благодарности не принимаю, потому что считаю это дѣло нехорошимъ. Посланный ушелъ; вскорѣ явились и сами господа. Теперь они сдѣлались ласковѣе.

— Еще не скоро, спросилъ военный.

— Да не скоро, отвѣтилъ я,—даже къ назначенному сроку едва ли успѣю, потому что, вонъ видите, сколько получилъ еще за-казовъ.

И дѣйствительно записки объ отпускѣ вина сыпались на меня, какъ градъ: долгу по заводу было пропасть, и всѣхъ, за неимѣ-ніемъ денегъ, приходилось удовлетворять виномъ; да нужно ксазать и то, что всѣ хлѣбные, лѣсные и прочіе поставщики подѣлались въ эту пору виноторговцами.

— Да какъ же намъ-то? Вѣдь мы давно уже!.. вѣдь такъ же нельзя, протестовалъ военный,—ужь вы пожалуйста...

— Я, что могу, сдѣлаю. Еслибъ вотъ не эти требованія, такъ къ сроку бы я приготовилъ.

Въ это время мнѣ принесли еще записку на отпускъ двухъ бо-чекъ. Принесшій былъ чудринскій виноторговецъ; отказать ему въ скоромъ отпускѣ было положительно невозможно, потому что этотъ

¹⁾ Чанъ или бочка, вымѣренные, съ стекляннымъ цилиндромъ на боку, или просто деревянной намѣткой, опускаемый для узнанія количества вина въ мѣрилку. Черезъ *мѣрилки* отпускается вино покупателямъ, такъ какъ въ бочку и боченокъ наливать на мѣру ведрами занимаетъ много времени.

человѣкъ дѣлалъ для завода всевозможныя одолженія. Я попросилъ его подождать до завтра и онъ согласился, съ тѣмъ однако, что я хоть немного отпущу ему сегодня: я приказалъ налить въ принесенный имъ боченокъ.

— Какъ же намъ-то, намъ-то, приставали снова господа.

— Если вамъ угодно выслушать меня, сказалъ я,—то я посоветывалъ бы вамъ ограничиться пока немногимъ, потому что откровенно вамъ сказать, при такой массѣ требованій, я, положительно, завтра не могу отпустить вамъ всего требуемаго вами, и конечно, какъ видите, не по моей винѣ, а по безтолковымъ распоряженіямъ старшихъ. Вы ограничьтесь пока половиною, которую я отпущу вамъ завтра чѣмъ свѣтъ, а на остальное дамъ записку, что осталось за мною.

— Какъ же это можно, нельзя, нельзя, закричали оба,—это нехорошо, нехорошо!.. Мы жаловаться будемъ, грозили они,—мы къ Александру Петровичу сейчасъ пойдемъ.

Силина звали Александромъ Петровичемъ.

— Какъ вамъ угодно, сказалъ я.

Они ушли, и я принялся раздѣлываться съ толпою другихъ покупателей, которые до сихъ поръ смиренно дожидались окончанія моего разговора съ барами. Каждый совалъ мнѣ въ руки записку, каждый молился отпустить поскорѣе. Я былъ, какъ говорится, въ положеніи таракана на жару. Если ужъ господа не хотѣли слушать ничего, то мужики и подавно; они рѣшительно не понимали, что я не могу отпустить имъ вина, а просто думали, что я такъ же хочу провести и обмануть, какъ обманывала ихъ до сихъ поръ заводская контора и самъ хозяинъ, и потому просьбы скоро перешли въ брань и угрозы. Я выходилъ изъ себя и метался, какъ угорѣлый. Къ счастью, меня выручилъ Силинъ, пришедшій съ господами, ходившими къ нему съ жалобою на меня. Толпа, при его входѣ, немного притихла.

— Вотъ, обратился ко мнѣ Силинъ,—гг. О. и Ж. жалуются на васъ, что вы не хотите отпускать имъ вина.

— Да, я просилъ ихъ ограничиться пока половиною, потому что вѣдь я не предвидѣлъ, что меня осадитъ такая толпа покупателей.

Силинъ обратился къ жалобщикамъ, сказалъ имъ нѣсколько успокоительныхъ фразъ, въ родѣ: невозможно вдругъ! Дѣло новое!.. и такъ далѣе. Потомъ потолковалъ съ другими, увѣрилъ всѣхъ, что всѣмъ по-немногу отпустится, что это въ моихъ ру-

кахъ, а я напрасно задерживать ихъ не стану, и поспѣшилъ поскорѣе уйти, чтобъ отвязаться отъ разныхъ возраженій.

Изъ конторы, между тѣмъ, продолжали прибывать разныя личности съ записочками. Чобъ прекратить это, я пошелъ въ контору самъ и сказалъ, что не только не могу отпускать по ея запискамъ, но и принимать ихъ не стану.

— Что же мнѣ-то дѣлать, спросилъ меня конторщикъ, котораго обступала такая же густая толпа, какъ и меня.—Въ подвалѣ вѣдь вонъ посмотрите, того управляющій прислалъ, того хозяинъ, того старикъ Петръ Федоровичъ; каждый требуетъ или денегъ, или, по крайней мѣрѣ, вина, а такъ какъ денегъ нѣтъ, то я и отдѣлываюсь записками къ вамъ.

— То есть сваливаете съ больной головы на здоровую, а мнѣ-то куда же ихъ спихнуть, вы вѣдь знаете, что я тоже не могу удовлетворять ихъ.

— Давайте мнѣ поскорѣе на десять ведеръ, кричалъ одинъ.

— Александръ Ивановичъ, мнѣ-то напиши поскорѣй, ребята домой торопятся, упрасивалъ подрядчикъ одной артели плотниковъ.

— Ну, вотъ, что съ ними сдѣлаешь, какъ откажешь? Цѣлый день дебять тутъ, ничего не дадутъ сдѣлать. Вотъ, господа, обратился онъ къ толпѣ,—подвальный говоритъ, что не успѣваетъ готовить вино.

— Да ты давай записку-то, а тамъ ужъ дѣло наше, кричали изъ толпы.

Я обратился къ требующимъ и сказавъ, что ни сегодня, ни завтра не приму ни одной записки и ушелъ.

Въ подвалѣ я нашелъ едва не революцію; всѣ спрашивали куда я дѣвался, и ругались. Приходъ мой немного успокоилъ ихъ. Вино между тѣмъ успѣло набѣжать, и я принялся отпускать тѣмъ, у которыхъ записки были на небольшое количество, на примѣръ, на десять, двѣнадцать ведеръ и такъ далѣе.

Давно наступила ночь, а я все еще отпускалъ вино, которое было уже почти все, и нужно было дѣлать новую сортировку. Я послалъ рабочихъ за водою, а самъ принялся отпускать. Холодъ въ подвалѣ былъ нестерпимый, руки просто околѣли отъ чугунныхъ мѣръ. Кое-какъ къ десяти часамъ, я отдѣлался отъ докучливой толпы, заперъ подвалъ и ушелъ на квартиру. По дорогѣ завернулъ въ контору и нажилъ неприятность.

IV.

Заводъ, какъ я сказалъ уже, находился въ уѣздѣ одного изъ бывшихъ откуповъ Сирина. Этимъ ступомъ въ послѣднее время управлялъ дядя его по матери. Это былъ человѣкъ, неизмѣнный не только свойствъ человѣческихъ, но и образа. Нѣсколько разъ онъ принимался служить у своего племянника, и всякій разъ грабилъ его, насколько силъ хватало, и прогнанный подличалъ, лизалъ ноги ограбленнаго, а матери его, своей сестрѣ, клялся всевозможными клятвами, что послѣдняя продѣлка его, такъ же какъ и прежняя,—не злоупотребленіе, а только невниманіе къ дѣлу и излишняя снисходительность къ служащимъ. Долго ли, коротко ли, но онъ добивался того, что его прощали и снова давали маленькое порученіе, которое онъ и исполнялъ насколько могъ добросовѣстно,—т. е. грабилъ не племянника, а сдѣльцевъ, повѣренныхъ и мужиковъ, попавшихъ въ его лапу, по корчемству, шинкарству и другимъ поступкамъ, и уже нахально требовалъ себѣ лучшей должности. Племянникъ умиловлялся, тѣмъ болѣе, что тутъ дѣйствовала просьба матери, и поручалъ ему снова хорошее дѣло и, снова разумѣется, бывалъ ограбленъ. Если же ни нахальство, ни просьбы сестры не помогали, и должности управляющаго откупомъ достигъ не представлялось никакой возможности, онъ просилъ должности главнаго ревизора, ѣхалъ съ хозяйскимъ предписаніемъ въ одинъ изъ откуповъ, въ особенности туда, гдѣ зналъ, что управляющій человѣкъ новый. Приѣзжалъ, поселялся тамъ, пуская первоначально въ ходъ свое близкое родство съ хозяиномъ, и, хвастая своимъ вліяніемъ на него, успѣвалъ сбить новичка съ толку и подчинить себѣ. Завладѣвъ наконецъ имъ совершенно, отнималъ отъ него всѣ распоряженія, дѣйствовалъ произвольно, втягивая въ тоже время довѣрчиваго служаку въ самыя грязныя исторіи, въ родѣ кутежа, разврата и т. п. Развратничая и пьянствуя съ нимъ вмѣстѣ, онъ между тѣмъ писалъ къ племяннику объ этой гадости, выставляя героемъ ея управляющаго, и молилъ его, если только дорога ему собственная его польза, уволить такого негодяя; и рано или поздно достигалъ своей цѣли. Если же управляющій оказывался человѣкомъ самостоятельнымъ, онъ дѣйствовалъ только наглѣе и, видя, что добровольно ему не под-

чиняются, начиналъ угощать племянника разными дрязгами, придавая имъ видъ самой несомнѣнной истины. Племянникъ, по своей недовѣрчивости къ постороннимъ, хоть и сознавалъ, что дядюшка «мораль пущаетъ», но, думая, что въ этой морали есть частица и правды, молчалъ. Между тѣмъ дядюшка, желая скорѣй покончить съ непокорнымъ, отправлялся въ уѣздъ и производилъ тамъ всевозможныя подлости. Напримѣръ, подсылалъ купить четверть вина и дорогою выливалъ изъ нея полуштофъ, добавлялъ водку, а поприѣздѣ въ питейный домъ, повѣрялъ это вино, находилъ, разумѣется, и порчу и неполность и писалъ въ книжкѣ. Для сидѣльца въ откупное время оправданія почти не существовало и въ особенности, если замѣчаніе было сдѣлано такимъ вліятельнымъ ревизоромъ, какъ хозяйскій дядя. И вотъ, понадѣлавъ во всемъ уѣздѣ такпхъ и подобныхъ пакостей, онъ самъ отправлялъ доносъ, умолялъ прислать другого управляющаго, до пріисканія котораго просилъ довѣренности себѣ. Племянникъ, убѣжденный фактами, присылалъ ему временную довѣренность. Дядюшкѣ только того и нужно было: получивъ довѣренность, онъ уже становился самимъ собой вполнѣ и начиналъ путать дѣло и грабить. Но спутать дѣло — была его любимая политика; онъ зналъ, во-первыхъ, какъ хорошо ловится въ мутной водѣ рыба, а во-вторыхъ, если нагрянетъ невзгода, то запутанное дѣло сдать труднѣе, нежели дѣло чистое, т. е., онъ подольше протянетъ сдачу и успѣетъ больше нагрabить. Въ этомъ случаѣ онъ дорожилъ каждымъ часомъ, и ужъ оставлялъ на это время и развратъ, и пьянство, и упивался однимъ грабежомъ. Можно было смѣло предсказывать, что если поселялся на управление какого нибудь откупа Александръ Денисовичъ Карабановъ (такъ его звали), то отчетовъ о ходѣ этого откупа болѣе не будетъ: и это всегда такъ случалось. Сначала онъ разгонялъ контору и жаловался, что некому дѣлать, и потомъ уже, опираясь на эти жалобы, находилъ средство выходить сухимъ изъ воды. Съ служащими этотъ господинъ обращался варварски; онъ начиналъ съ того, что выписывалъ шайку себѣ подобныхъ и ужъ затѣмъ служащихъ, присылаемыхъ хозяиномъ, чернилъ, ругалъ, сравнивалъ Богъ знаетъ съ чѣмъ и наконецъ прогонялъ, не заплатя имъ жалованья. Топтать въ грязь всѣхъ порядочныхъ людей — было его потребностью. Онъ цинически смѣялся надъ ограбленнымъ, не выдавалъ ему паспорта, старался впутать въ какое нибудь гадкое дѣло и засадить въ острогъ. Малѣйшій упрекъ, одно смѣло сказанное слово выводили изъ себя этого звѣря. Въ немъ что-то было нечеловѣческое: вѣч-

но пьяный, полный жажды скотскихъ наслажденій разврата, онъ представлялъ замѣчательный экземпляръ искаженія человѣческой природы. Я не видывалъ подобныхъ негодяевъ и молю судьбу, чтобъ не привелось ихъ встрѣтить. Зло и подлость доставляли ему истинное наслажденіе; онъ упивался ими, какъ нектаромъ. Одинъ такой мерзавецъ способенъ былъ создать молву, въ тысячу разъ хуже той, которой подвергался цѣлый откупъ. Личность его была уродлива до послѣдней степени: квадратный карликъ съ кровавымъ, отекившимъ отъ пьянства лицомъ, съ самыми подлыми глазами и щетиною, вмѣсто бороды, — представлялъ преотвратительное явленіе. Слухи о его мерзостяхъ, живые факты ограбленныхъ имъ семействъ, всегда поднимали во мнѣ желчь. И вотъ такового-то господина привелось мнѣ въ первый разъ увидѣть въ конторѣ и, не исполнивъ его приказанія, нажать въ немъ непримиримаго врага. Присутствіемъ его заводъ обязанъ былъ одному изъ его грабежей. Мѣсяцевъ за восемь до уничтоженія откуповъ, онъ выпросилъ себѣ должность ревизора и поселился въ городѣ, въ уѣздѣ котораго былъ заводъ. Управляющій этимъ откупомъ былъ человѣкъ новый и въ своему несчастію слабохарактерный. Онъ сразу поддался вліянію дядюшки-ревизора, и дядюшка, въ благодарность за это, постарался его впутать въ самое гадкое дѣло и засадить въ острогъ; а самъ натурально остался на его мѣстѣ и, по своему обыкновенію, началъ грабить и путать дѣло. Для большаго же удобства опредѣлили на заводъ конторщикомъ своего сына, — пустую, пьяную голову, — котораго передъ моимъ приѣздомъ прогнали за то, что онъ послѣдовалъ родительскому примѣру, не только запустилъ дѣло, но положительно ничѣмъ не занимался, кромѣ пьянства и разврата. Въ откупъ Карабановъ выписалъ шайку своихъ закадычныхъ конторщика и подвального, которые, прикрываясь названіемъ его родственниковъ, на самомъ дѣлѣ были только мужа его любовницъ. Личности эти, въ особенности конторщикъ, рѣшительно ничѣмъ не обладали, кромѣ чрезвычайнаго тупоумія и болѣзни, именуемой запоємъ, и вслѣдствіе этихъ качествъ попали въ руки Карабанова, какъ грѣшники въ когти сатаны, и, конечно, подъ вліяніемъ этого человѣка, кромѣ гадостей они ничего дѣлать не могли. Совершая эти гадости, они не сознавали послѣдствій. Главное ихъ занятіе состояло въ ничего недѣланьи и пьянствѣ. Карабановъ рекомендовалъ ихъ, какъ честныхъ и преданныхъ ему людей, но чрезвычайно тупыхъ и слабыхъ, и говорилъ, что имѣетъ ихъ на службѣ только по природной своей добротѣ; прочіе же всѣ служащіе, по

его словамъ, были до того ничтожны, что онъ, не смотря на крайнюю нужду въ людяхъ, предпочелъ прогнать ихъ, «дабы не подвергнуться опасности быть разграбленнымъ; лучше пусть запутается дѣло, нежели разграбится», оправдывался онъ. И дѣйствительно дѣло запуталось до того, что никто не въ состояніи былъ бы его распутать, и Карабановъ пріѣхалъ на заводъ для того, по его словамъ, чтобъ кончить отчеты; но цѣль у него была—поселиться на заводѣ совсѣмъ. Впоследствии мы увидимъ, насколько удалось ему это, теперь же расскажу мою встрѣчу съ нимъ въ конторѣ.

Передавъ, что нужно, я уже распростился съ конторщикомъ и одѣлся, чтобъ идти, какъ онъ кликнулъ меня обратно.

— Александръ Денисычъ зоветъ васъ, сказалъ онъ, показавъ рукою на смежную комнату.

— Это какой такой Александръ Денисычъ, спросилъ я.

— Управляющій К., шепнулъ мнѣ конторщикъ.

Не могу объяснить; что за чувство охватило меня, когда я понималъ, кто меня зоветъ. Помню только, что это было пренеприятное чувство. Но когда я вошелъ и увидѣлъ личность Александра Денисовича, меня охватила нервическая дрожь, и я поспѣшилъ опустить глаза: такъ противеньъ показался мнѣ этотъ человѣкъ.

— Что вамъ угодно? спросилъ я.

— Я хотѣлъ васъ попросить переписать третнюю и годовую казенныя вѣдомости по К. откупу, сказалъ онъ тономъ самаго положительнаго приказанія.

— Извините, что не могу исполнить вашей просьбы; у меня своего дѣла много, отвѣтилъ я.

— Да вѣдь это часовое дѣло.

— Не могу, даже еслибъ было и минутное.

— А да, понимаю, вы изъ М. Вы знать никого не хотите, зашипѣлъ уже онъ, будучи не въ силахъ сдерживать злобы при такомъ неожиданномъ противорѣчій.

— Да, дѣйствительно знать ничего не хочу, кромѣ собственного дѣла, сгрубилъ я.

— Я васъ заставлю узнать,шипѣлъ онъ.

Я ушелъ.

Настроеніе моего духа перемѣнилось; я чувствовалъ, что наступилъ на змѣю и могу дорого поплатиться за это. Въ столовой я закурилъ и началъ ругаться про себя, то есть показывать изъ кармана кулакъ. Отворилась дверь и изъ смежной комнаты вы-

шелъ Новкинъ (управляющій бывшимъ М. откупомъ), который только что въ этотъ день пріѣхалъ и не успѣлъ порядочно поздороваться со мною.

— Ну какъ дѣла, спросилъ онъ.

— Дѣла-то ничего, да вотъ схватилъ сейчасъ неприятность, и я рассказалъ ему предыдущую сцену.

— Ну, это ничего, успокоивалъ онъ меня,—пойдемте къ Александру Петровичу, тамъ къ разговору передадите и это.

— Да и то думаю, отвѣтилъ я, и пошелъ вслѣдъ за нимъ къ Силину.

Силинъ сидѣлъ за столомъ вмѣстѣ съ отцомъ и заводскимъ управляющимъ Турбинымъ; они только-что отужинали.

— Ну-съ, обратился онъ ко мнѣ,—поработали сегодня?

— Да, сегодня досталось, если не отъ дѣла, то отъ требованій, отвѣтилъ я.

— А что, съ господами поладили, смѣялся онъ.

— Согласились принять завтра половину.

— Работайте, работайте, сказалъ Силинъ, бывший, какъ видно, въ очень хорошемъ расположеніи духа,—и считайте меня вашимъ должникомъ. Еще откупная ваша награда за мною; но вѣдь вы, конечно, не считаете меня должникомъ въ этомъ случаѣ несостоятельнымъ?

Вопросъ этотъ повторялся часто, но я зналъ, что, не смотря на признаніе въ этомъ бездокументномъ долгѣ, едва ли мнѣ придется когда нибудь получить обѣщанную давно награду. Такъ какъ награда была дѣло добровольное, невыговоренное въ условіяхъ, то я и считалъ не деликатнымъ настаивать на ней, какъ дѣлали нѣкоторые изъ моихъ сослуживцевъ. Потому, я только поблагодарилъ его еще разъ за обѣщаніе.

— Работать моя обязанность, сказалъ я, — и въ этомъ, я надѣюсь, не заслужу упрека; но бываютъ случаи, въ которыхъ человѣкъ, невиноватый ни душой, ни тѣломъ, въ одну минуту можетъ потерять то, на что имѣетъ полное право. Одинъ такой случай былъ со мною сейчасъ, и я хотѣлъ бы передать его вамъ.

— Говорите, говорите!

Я пересказалъ мою сцену съ дядюшкою и его угрозы.

Силинъ нахмурился.

— Этотъ человѣкъ вездѣ хочетъ мѣшаться не въ свое дѣло и распоряжаться чужимъ безъ спроса, сказалъ онъ сердито.—Знаете ли что, обратился онъ къ Новкину,—онъ меня такъ ловко помазалъ

въ послѣднее свое управленіе, что затылокъ затрещитъ, какъ вздумаешь, и вѣдь продолжаетъ прикидываться невинностью. Отчеты спуталь такъ, что и самъ чортъ конца не сыщетъ! И вотъ теперь пріѣхалъ сюда, подъ предлогомъ окончанія ихъ.

— Ужь въ этомъ вините себя, сказалъ Новкинъ,—вы знали его давно, и слѣдовательно не нужно было довѣрять.

— Вы, батюшка, въ этомъ виноваты, а не я; я васъ просилъ тогда, поѣзжайте, пришлите К., такъ нѣтъ забились въ своею М., да и кончено дѣло. А кромѣ него я рѣшительно не нашелъ чловѣка; не пошлешь вѣдь перваго встрѣчнаго, а онъ, какъ бы то ни было, дядя. Ну, думаль, не все же будетъ пакостить; можетъ быть, на этотъ разъ и посовѣстится.

— Ужь что съ мошенникомъ связываться, говорилъ тогда: «эй Александръ Петровичъ, подлеца посылаешь, сядетъ тебѣ на шею»; такъ нѣтъ, вѣдь отцу родному не повѣрилъ, а вотъ мошеннику довѣренность далъ, проговорилъ старикъ.

Силинъ хотѣлъ вспылить, но, взглянувъ въ мою сторону, удержался. Почтенный родитель его тоже управлялъ когда-то его дѣлами и, извлекая для себя, по своему тупоумію, алтыны, упускалъ тысячи, и сына чуть не пустилъ въ трубу; да и картофельное дѣло было слишкомъ свѣжо, чтобъ заставить забыть чрезвычайную глупость родимаго батюшки.

— Вы, пожалуйста, не слушайте Александра Денисыча ни въ чемъ рѣшительно, обратился онъ ко мнѣ,—онъ тутъ ничего не значить, знайте вотъ Михаила Петровича и болѣе никого; а относительно того, что вы говорили, я потолкую съ нимъ и прикажу ему впередъ не распоряжаться тѣми, кто не подчиненъ ему. Не думайте объ этомъ ничего; а теперь, я думаю, вы устали. Покойной ночи.

Я поклонился и вышелъ, но далеко не былъ покоенъ; досада-ли волновала меня, или тайное чувство страха, — не могу сказать, только мнѣ было очень не по себѣ; хорошо, что я усталъ и какъ поужиналъ, такъ и заснулъ почти нераздѣтый.

Всталъ я часа въ четыре, растолкалъ кое-какъ рабочихъ и принялся за приготовленіе вина докучливымъ господамъ; вино было готово до ихъ прихода ко мнѣ; затѣмъ началъ снова отпускать по другимъ запяскамъ.

Но вотъ явились и господа.

— Ну что скоро? спросилъ военный.

— Готово. Вонъ ваши четыре бочки.

— Благодарю васъ, благодарю. Ну, признаюсь, не ожидалъ, съоткровенничаль онъ.

— Пожалуйте же посмотрѣть вино. Мамай, откупорь бочку и натяни вина въ рюмку.

— Вино, кажется, хорошо? спрашивали меня то тотъ, то другой, пробуя попеременно изъ рюмки.

— По мнѣ хорошо, не знаю, какъ вамъ понравится.

— Ну ужъ, батюшка, мы вѣримъ вамъ, сказалъ военный,—и сейчасъ пришлемъ лошадей, такъ прикажите наваливать.

— Да вы приходите сами, при васъ вынемъ пробы и навалимъ.

— Мы заѣдемъ по дорогѣ, а вынимайте пробы и наваливайте безъ насъ.

— Такъ зачѣмъ же вы ждали, если не хотѣли сами принимать?

— А такъ, намъ и дома-то нечего дѣлать, а у васъ все-таки развлеченіе.

— У насъ все такъ, подумалъ я.

V.

Не прошло получаса послѣ отпуска вина господамъ, какъ прибѣжалъ въ подвалъ какой-то рабочій: «заводъ горить», крикнулъ онъ и убѣжалъ. Всѣ, кто тутъ былъ, бросились изъ подвала; я заперъ подвалъ и тоже пустился на заводъ. Подвалъ былъ въ сторонѣ отъ завода съ четверть версты; бѣжавши, я не замѣтилъ ни дыму, ни особеннаго движенія и только тогда увидѣлъ и то, и другое, когда прибѣжалъ на мѣсто пожара. Загорѣлось въ машинной камерѣ, она была на сторонѣ завода, противоположной подвалу и находилась въ нижнемъ этажѣ. Горѣлъ потолокъ; пламя еще не было сильно, за то дымъ и чадъ густо валили изъ вышибеннаго окна; машины пожарной не было а потолокъ былъ высоко, заливали его, плеская въ окошко ведрами воду, которая не достигала своего назначенія, и пламя только усиливалось. Надъ потолкомъ же была устроена овсяная сушилка, разламывать которую нужно было долго. Пожаръ грозилъ распространиться и испепелить весь заводъ. Силинъ метался въ толгѣ, блѣдный, какъ мертвецъ, и обращался

къ нѣмцамъ, механикамъ и винокурамъ, но они тоже растерялись. Предлагали спустить резервуаръ съ водою, стоящій наверху завода, но эта вода не могла все-таки попасть въ сторону пожара и помѣшала бы ему лишь распространиться, да и то едва-ли. Между тѣмъ всѣ дорогія машины были въ этой и сосѣдней комнатѣ; общее замѣшательство росло; приказано бросать въ окно комья снѣга, лить больше воды. Но это ничего не значило: пожаръ усиливался; пламя рвалось въ окно, отчаяніе овладѣло всѣми. Суматоха увеличивалась; всѣ кричали и никто не хотѣлъ слушать, потому что кричали безъ толку, — нужно было болѣе разумное распоряженіе, болѣе сильная энергія и знаніе дѣла; а ихъ-то и не было въ этой толпѣ нѣмецко-русскихъ распорядителей.

— Вонъ, Павелъ Алексѣевичъ бѣжить, сказалъ кто-то около меня, — онъ лучше всѣхъ нѣмцевъ распорядится.

Я обернулся, отыскивая этого лучшаго распорядителя, и увидѣлъ мальчика лѣтъ семнадцати, кричавшаго на какого-то рабочаго, зачѣмъ онъ оставилъ свое дѣло. Мальчикъ, какъ видно, только-что всталъ со сна. Одѣтъ онъ былъ въ замасленное пальто, накинутое на грязнѣйшее нижнее бѣлье. Всклооченные его волосы были прикрыты сальной фуражкой. Лицо грязное, на ногахъ валяные сапоги, — словомъ, самая грязная наружность. Тотъ, на кого онъ кричалъ, былъ въ армякѣ, заросшемъ сажею, и, къ удивленію моему, струсилъ этого крика и совершенно растерялся.

— Ступай сейчасъ, туши огонь подъ котлами, не вдругъ, а постепенно, и вовсе не затушивай, слышишь, живо!

Мальчикъ перевернулъ рабочаго, и тотъ стремглавъ побѣжалъ въ свою кочегарку.

— Лѣстницу, кричалъ мальчикъ, и бросился искать ее.

Силинъ побѣжалъ за нимъ, нѣмцы тоже, толпа тоже. Къ счастью, лѣстница была въ нѣсколькихъ шагахъ прислонена къ выстроенной напротивъ *волохты* ¹⁾. Мальчикъ ухватилъ ее и потащилъ.

— Паша, Паша, кричалъ растерявшійся Силинъ, — что ты хочешь дѣлать?

— Пожаръ тушить, сказалъ мальчикъ, приставляя лѣстницу къ ближайшему окну, которое было во второмъ этажѣ, на разстояніи двухъ сажень отъ того, изъ котораго пылало пламя.

— Да какъ же ты? спрашивалъ Силинъ, — не спустишь-ли резервуаръ въ верху?

¹⁾ Хлѣвъ для воловъ.

— Не нужно, не нужно, сказалъ торопливо Паша, и, вырвавъ у мужика ведро съ водою, снялъ свое сальное пальто и принялся полоскать его въ этомъ ведрѣ. Выполоскавъ пальто, онъ надѣлъ его, вылилъ на голову остатокъ воды, взялъ въ руки лежащей неподалеку отрубокъ дерева, взбѣжалъ на лѣстницу, пробилъ отрубкомъ раму и вмѣстѣ съ нею исчезъ въ пожарѣ.

— Сгорить, съумашедшій, сгорить, стоналъ управляющій заводомъ.

Толпа напряженно смотрѣла вслѣдъ вскочившему въ окно, но, разумѣется, ничего не могла видѣть, по причинѣ густого дыма, повалившаго изъ выбитаго окна.

Прошло нѣсколько минутъ напряженнаго ожиданія. Всѣ смотрѣли въ окно, гдѣ скрылся удалецъ, и не замѣтили, какъ пламя постепенно дѣлалось тише. Кто-то наконецъ замѣтилъ это. Сажа съ паромъ клубами вылетала изъ окна, пламени же совершенно не было. Радость оживила всѣхъ, въ особенности Силина; онъ повеселѣлъ и спрашивалъ нѣмцевъ, что это тамъ сдѣлалъ Паша, что пожаръ уничтожился въ нѣсколько минутъ. Но Паша снова закричалъ изъ окна, въ которомъ скрылся.

— Нѣтъ-ли тутъ Федора машиниста, кричалъ онъ, согнувшись на окнѣ въ три-погибели, потому что дымъ, хотя и значительно въ меньшемъ количествѣ, но все-таки валилъ изъ окна, на которомъ онъ стоялъ.

— Здѣсь, здѣсь, откликнулся Федоръ и, взбѣжавъ по лѣстницѣ, скрылся вслѣдъ за Пашей.

Дымъ шелъ меньше и меньше, мѣсто его заступилъ паръ, который такъ и порывался въ оба окна.

Нѣмцы пошли къ кочегарѣ; за ними Силинъ и, наконецъ, толпа. Въ кочегарѣ стоялъ Паша; онъ продрогъ и грѣлся около печей, куда снова подбрасывали дрова. Ручьи грязи текли по его лицу; онъ отиралъ ихъ рукавомъ своей сальной рубашки. Вскорѣ кочегаръ принесъ ему тулупъ, и онъ одѣлся.

— Спасибо, Паша, благодарю, сказалъ, подошедши къ нему, Силинъ, — считай за мною сто рублей награды.

Паша пробурчалъ что-то въ благодарность и продолжалъ стирать грязь съ лица суконнымъ рукавомъ тулупа. Въ этой позѣ онъ выглядѣлъ смиреннымъ и очень усталымъ мальчикомъ.

— Что-же ты тамъ сдѣлалъ? Какъ затушил? любопытствовалъ Силинъ.

— Паръ пустилъ въ комнату, отвѣтилъ Паша.

Онъ, кажется, и не воображалъ, что онъ спасъ сегодня чуть-ли не весь капиталъ Силина, ухлопанный на заводъ.

— Однако, не выпустилъ бы тамъ Федоръ всё пары, спохватился онъ,—дай-ка Никита кушакъ, а то я продрогъ, и, подпоясавшись, онъ выбѣжалъ въ корридоръ и пустился въ комнату паровыхъ котловъ.

Мы послѣдовали за нимъ и встали передъ отворенною дверью горѣвшаго отдѣленія. Тамъ ничего не было видно, паръ наполнялъ собою все; слышно было, какъ онъ шипѣлъ и визжалъ, вырываясь изъ отворенныхъ крановъ. Но шумъ скоро смолкъ и въ комнатахъ стали обозначаться предметы; показалась паровая машина, вблизи ея стоялъ Паша и осматривалъ нѣтъ-ли поврежденій. Федоръ, въ смежной комнатѣ, работалъ что-то на котлахъ.

— Посмотри котельный водометръ, кричалъ ему Паша.

Федоръ посмотрѣлъ и сказалъ какой-то механическій терминъ.

— Переведи переводъ на рабочій шхивъ.

Федоръ исполнилъ распоряженіе. Паша пустилъ машину, и заводъ пошелъ полнымъ ходомъ.

— Федоръ, я отправлюсь домой, продрогъ, а ты сдѣлай... и Паша началъ свои распоряженія.

Федоръ, рослый мужчина, довольно солидной наружности, съ почтеніемъ и любовію выслушивалъ этого грязнаго, смирнаго мальчика.

— Я скоро ворочусь, сказалъ Паша въ заключеніе,—такъ ты пожалуйста ужь до меня смотри.

— Хорошо, Павелъ Алексѣвичъ, не безпокойтесь, сказалъ успокоительно Федоръ.

Я тоже пошелъ въ подвалъ. Передо мною шель подрядчикъ бондарей.

— Осипъ Тимофеичъ, окликнулъ я его.

— Что угодно-съ?

— Кто этотъ мальчикъ, что потушилъ пожаръ?

— Да это Павелъ Алексѣвичъ, сынъ управляющаго.

— Сынъ? спросилъ я съ удивленіемъ, и въ тоже время вспомнилъ, что я нѣсколько разъ видалъ его въ домѣ.—Да что-жъ онъ такой грязный?

— Машинистомъ онъ, сказалъ осторожный подрядчикъ.

— Да вѣдь что же, что машинистъ, костюмъ-то у него ужь очень плохъ и грязенъ, вѣдь сынъ управляющаго все-таки.

— Не знаю-съ, это не наше дѣло.

— А дѣльный, должно быть, малый.

— Да, признаться сказать, еслибъ не онъ, такъ машины-то и теперь еще не устроили бы. Мало-ли тутъ народу-то перебивало, да все безъ толку—поставять машину, глядишь — не ладно, опять начнутъ разбирать, а онъ вотъ сразу все уставишь.

— Давно ли онъ на заводѣ? спросилъ я.

— Мѣсяца четыре, кажется.

— Да что же это онъ такой грязный, да забытый, допытывался я.

— Богъ ихъ знаетъ, не наше дѣло, съ маменькой что ли у нихъ нелады. Поживете, такъ сами узнаете, отвѣтилъ подрядчикъ и, простясь, побрелъ дальше.

Любопытство мое было сильно затронуто этими намеками, но какъ средствъ къ удовлетворенію его не предвидѣлось, то я и занялся пока своимъ дѣломъ,

Не помню въ тотъ день, или нѣсколько позже, я встрѣтился съ Пашей въ столовой. Онъ сидѣлъ, по обыкновенію, грязный и чрезвычайно разстроенный.

Я поздоровался съ нимъ и спросилъ, какъ его машины.

— Ничего, мащины идуть.

— Что это вы такъ разстроены? Извините пожалуйста за этотъ вопросъ; можетъ быть, онъ не у мѣста, поспѣшилъ я прибавить.

— Нѣтъ, ничего, такъ, семейныя дразги, отвѣтилъ онъ неохотно.

Послѣдовало молчаніе.

— Давно вы здѣсь, спросилъ я, желая какъ нибудь втянуть его въ разговоръ.

— И забылъ ужъ, давно ли, отвѣтилъ онъ съ какой-то странной улыбкой.

— Вамъ должно быть наскучило здѣсь?

— Да, пожалуй, что и такъ, отвѣтилъ онъ, какъ-то разсѣянно.— Я здѣсь съ сентября, продолжалъ онъ, послѣ небольшой паузы, и признаюсь, четыре мѣсяца, проведенные здѣсь, кажутся мнѣ годами.

— Что-жь, эта работа, вѣроятно, тяжела для васъ?

— Ну, работой-то меня не удивишь, и работа мнѣ не наскучить, въ особенности здѣсь; я занимался сборкою машинъ, а это для меня не работа, а наслажденіе. Но тутъ другое есть, отъ чего хотѣлъ бы я бѣжать... Впрочемъ, оставимъ это, заключилъ онъ какъ-то отрывисто.

Въ это время принесли ему хвостъ какой-то рыбы.

— Это что? спросилъ онъ лакея, — на этомъ и кончается обѣдъ? Я сказалъ вѣдь, что я голоденъ, мнѣ этого мало.

— Мамаша приказала сказать, что больше нѣтъ, слишкомъ много народу, жаркое все.

— Ну, каши, тамъ, дайте, чего нибудь, понимаешь, я ѣсть хочу.

— Да и каши нѣтъ.

Паша бросилъ оглоданный хвостъ и выскочилъ изъ-за стола.

— Принеси мнѣ ломоть хлѣба съ солью, сказалъ онъ уходившему лакею.

— Понимаете теперь, почему мнѣ опостылѣла здѣшняя жизнь, обратился онъ ко мнѣ, когда утихло нѣсколько его волненіе. Я — сынъ управляющаго заводомъ отъ перваго брака. Мачиха мнѣ дѣлаетъ всевозможныя пакости за то, что я не лижу ея рукъ, и въ томъ числѣ морить меня голодомъ и грязью. Съ грязью я бы еще сжился, хоть это и трудно, но съ голодомъ сжиться не могу. Я работаю много, и вслѣдствіе этого хочу много ѣсть, а меня подчуютъ хвостиками рыбки, да тарелками бульона... Я принужденъ ѣсть черный хлѣбъ, потому что рѣшительно не удовлетворяюсь этими тарелочками.

Въ это время лакей принесъ хлѣбъ.

— Это вмѣсто десерта, сказалъ Паша, грустно улыбаясь.

— Что же папаша вашъ? спросилъ я по уходѣ лакея.

— Что папаша? папаша вытащилъ меня сюда, да теперь и самъ не радъ; я связалъ его тѣмъ, что завожу ссору съ его женою, не подлизываюсь къ ней... По ихъ выраженію: «не почитаю». А могу ли я это дѣлать, когда вижу, что она гадкая и подлая баба?

— Плохое ваше житье, сказалъ я съ глубокимъ участіемъ. — А прежде-то вы развѣ не съ ними жили?

— Да, я жилъ у чужихъ, но этихъ чужихъ я не промѣнялъ бы ни на кого. Эти чужіе сдѣлали изъ меня человѣка — научили работать и мыслить, а этому немногіе сьумѣютъ научить. Я жилъ на одномъ механическомъ заводѣ, и всѣмъ, что имѣю въ себѣ порядочнаго, обязанъ хозяину этого завода.

— Какъ же это вы рѣшились оставить вашу должность? сказалъ я.

— Это длинная исторія; впрочемъ, я, пожалуй, успѣю разсказать ее вамъ, потому что у меня еще цѣлѣй часть свободы.

Пять лѣтъ назадъ папаша отдалъ меня на механической заводъ,

«Дѣло», № 7.

принадлежащій одному англичанину, въ ученики. Механическая работа еще въ училищѣ сводила меня съ ума, а потому поступилъ я на заводъ съ величайшимъ удовольствіемъ. Дали мнѣ тамъ сначала слесарную работу, которую проработавъ съ годъ, я изучилъ слесарное ремесло. Потомъ я находился при сборкѣ машинъ; далѣе, перешелъ въ чертежное отдѣленіе, оттуда посланъ былъ для наблюденія за постановками машинъ на пароходахъ; ѣздилъ на нѣкоторыхъ изъ нихъ въ качествѣ машиниста; былъ снова на заводѣ, уже не какъ ученикъ, а какъ мастеръ — словомъ практически я изучилъ все механическое дѣло и, кромѣ этого, научился жить и мыслить по человѣчески, потому что хозяева мои — люди очень добрые — полюбили меня, и это мнѣ было очень полезно: глядя на нихъ, я выучился жить и работать. Но мнѣ недоставало теоріи, — этотъ недостатокъ я каждый день чувствовалъ сильнѣе и желалъ учиться. Но учиться на заводѣ было не у кого; тамъ были только хорошіе мастера, но не механики. Въ это время папаша переѣхалъ въ Петербургъ, писалъ мнѣ оттуда, и спрашивалъ, что такъ какъ срокъ моей науки кончается, то, что я думаю предпринять, и прибавлялъ, что не лучше ли мнѣ ѣхать къ нему въ Петербургъ? Это письмо совершенно меня вскружило: я началъ бредить Петербургомъ, технологическимъ институтомъ, блестящею карьерою и прочими воздушными замками. Впрочемъ написалъ отцу, что я съ удовольствіемъ готовъ ѣхать въ Петербургъ, если онъ дастъ мнѣ слово, что я тамъ найду себѣ механическую работу, при которой могу вмѣстѣ заниматься и наукою. Папаша отвѣчалъ утвердительно, и я уѣхалъ. И вотъ, вмѣсто Петербурга, который видѣлъ только мелькомъ, попалъ сюда и терплю то, что вы видите.

Послѣдовало молчаніе.

— Да, не удалось вамъ, промолвилъ я наконецъ.

— Что дѣлать, вотъ доживу какъ нибудь до весны, а тамъ уѣду.

— Куда-же?

— Да хоть на пароходъ машинистомъ. Вѣдь что-же тутъ, кромѣ того, что забудешь, что зналъ, — потому что моя работа окончена и остался только надзоръ за дѣйствіемъ машинъ, — да еще и испортишься... эти мелкія дрызги да неудовольствія всякій характеръ могутъ испортить.

— Ваша правда, согласился я.

— Однако мнѣ пора, до свиданія, будьте, пожалуйста, знакомы со мною.

Послѣдняя фраза, несмотря на простоту ея, была сказана отъ души; видно было, что онъ очень желалъ найти человѣка, который бы хоть немного сочувствовалъ ему. Онъ мнѣ показался такою симпатичною и вмѣстѣ несчастною личностью, что я съ истиннымъ чувствомъ отвѣчалъ на его просьбу, и мы разстались друзьями.

VI.

Ждали на заводъ для ревизіи управляющаго питейными сборами, и въ одинъ день онъ наконецъ явился и обревизовалъ заводъ; заглянулъ и ко мнѣ.

Я въ это время толковалъ что-то съ плотниками, которые гурьбой все еще продолжали отдѣлывать подвалъ и квартиру для подвального, какъ вошла цѣлая толпа властей. Впереди выступалъ управляющій питейными сборами, старикъ со звѣздой; за нимъ слѣдовалъ окружной надзиратель, потомъ помощникъ надзирателя; тутъ же выступалъ Силинъ, съ Новкинымъ и Турбинымъ, и всю эту процессію замыкалъ какой-то молодой человѣкъ въ дубленомъ полушубкѣ, котораго я тоже много разъ видалъ въ столовой.

— Вы очистной подвальный? спросилъ меня управляющій.

Я отвѣчалъ утвердительно.

— Сколько у васъ вина?

Я сказалъ приблизительную цифру.

— Гдѣ-жь оно?

— А вотъ пожалуйста осмотрѣть, и я повелъ ихъ наверхъ, къ чанамъ.

— Въ этомъ сколько? спросилъ управляющій, показывая на большой чанъ, сдѣланный уже при мнѣ.

— Триста ведеръ.

— Триста ведеръ, повторилъ управляющій.—Какъ вы думаете, будетъ тутъ триста ведеръ? обратился онъ къ надзирателю.

— Да, я думаю, что будетъ около трехсотъ ведеръ, если чанъ полный, сказалъ надзиратель.

— Чанъ полный, подтвердилъ я.

— Ну хорошо. Дальше. Въ этомъ чану сколько?

— Двѣсти ведеръ.

— Ну, двѣсти ведеръ. Запишемъ. Дальше гдѣ-же?

— Въ этихъ двухъ треста.

— Запишемъ и еще треста.

— Теперь нужно повѣрить крѣпость вина. Распорядитесь-ко вынуть пробы, обратился управляющій къ помощнику окружного надзирателя.

Рабочіе въ сопровожденіи помощника надзирателя вынули пробы. Управляющій повѣрилъ вино и, записавъ оказавшуюся крѣпость, ушелъ. За нимъ послѣдовала и вся остальная компанія.

По уходѣ всѣхъ, я очень удивился такой поверхностной повѣркѣ. По моему мнѣнію, она должна быть произведена гораздо осмотрительнѣе, и если уже допустить повѣрить вино въ чанахъ, то нужно было повѣрить емкость ихъ геометрически. А тутъ ничего этого не сдѣлано; повѣряли на глазомѣръ, писали со словъ, не думая удостовѣриться въ справедливости ихъ. Положимъ, что я сказалъ правду, но вѣдь могъ же я и соврать.

На другой день является ко мнѣ малый въ дубленкѣ, замыкавшій наканунѣ шестіе акцизныхъ и заводскихъ властей. Вошелъ, поздоровался.

— Здравствуйте, отвѣтилъ я,— что скажете?

— Да ничего. Проводилъ, слава Богу, управляющаго, такъ вотъ зашелъ посидѣть.

— А вы что же, развѣ служите тоже по акцизной части? спросилъ я.

— Да, я надсмотрщикомъ ¹⁾, развѣ вы не знаете?

— Извините, пожалуйста, не зналъ.

— Какъ же, какъ же, надсмотрщикомъ.

— Давно уѣхалъ вашъ управляющій?

— Да съ часъ, я думаю, времени будетъ.

— Ну что же онъ, вездѣ повѣрялъ также, какъ и у меня?

— Все какъ есть повѣрялъ, формально.

— Безпорядковъ не встрѣтилъ?

— Нѣтъ, все благополучно.

При дальнѣйшемъ разговорѣ я узналъ, что надсмотрщикъ называется Васильемъ Павлычемъ, служилъ прежде въ «*Фершалахъ*» и теперь очень желаетъ для проводовъ выпить водочки.

¹⁾ При винокуренныхъ заводахъ опредѣлены положеніемъ о питейномъ сборѣ *надсмотрщики*, обязанность которыхъ наблюдать количество хлѣба, употребляемаго на винокурениіе, сроки заторовъ и прочее наблюденіе за правильностью винокурениіа.

Я далъ Василью Павловичу стаканъ, указалъ кранъ, и, попросивъ не стѣсняться, занялся своимъ дѣломъ. Василій Павлычъ дѣйствительно не стѣснялся. Сейчасъ завелъ самую откровенную бесѣду съ рабочими, нагрузился до отвалу и черезъ часъ подошелъ ко мнѣ съ желаніемъ проститься, но вино до такой степени преобразило его, что я узналъ его только по костюму.

— Прощайте, произнесъ онъ, поддерживаясь одною рукою за столъ, а другую подавая мнѣ.

— Прощайте, отвѣтилъ я.

— Повондарю... за угощенье, бормоталъ онъ, сжимая мнѣ руку и стараясь остановить на мнѣ свой посоловѣвшій взглядъ.

— На здоровье, сказалъ я, но въ это время онъ до того стиснулъ мою руку, что я вскрикнулъ отъ боли и постарался вырвать ее.

— Извините, отъ души, любя, оправдывался Василій Павлычъ.

— Ничего, ничего, отвѣтилъ я, чтобъ отвязаться.

Василій Павлычъ повернулся и, шатаясь, выпелъ.

Этому господину такъ понравилось угощеніе, что онъ послѣ каждый день напивался у меня по два раза и, несмотря на мое неудовольствіе и выговоры, не переставалъ надоѣдать мнѣ мѣсяца два, то есть до тѣхъ поръ, пока его не перевели на другой винокуренный заводъ.

Черезъ недѣлю по пріѣздѣ Новкина, Силинъ собрался уѣхать, потому что кредиторы страшно надоѣдали ему, осаждая вездѣ, гдѣ только встрѣчали, и онъ, или сидѣлъ дома, отзываясь дѣлами и нездоровьемъ, или отсылалъ докучливыхъ къ своимъ управляющимъ, а тѣ, въ свою очередь, пересылали ихъ одинъ къ другому. Напримѣръ, придетъ кредиторъ къ Турбину, тотъ посылаетъ его къ Новкину, говоря, что управлять заводомъ будетъ Новкинъ. Явится кредиторъ къ Новкину, этотъ, въ свою очередь, посылаетъ его къ Турбину, говоря, что онъ еще не принялъ завода, не получилъ довѣренности. Эти препирательства и увертки нѣкоторыхъ задорныхъ кредиторовъ выводили изъ терпѣнія, и они громко кричали, что ихъ обманываютъ, и къ тому прилагали разные очень неслестные для завода эпитеты; болѣе же уступчивые, походивъ по этимъ мытарствамъ и получивъ обѣщаніе въ платежъ, уѣзжали и, спустя сутокъ трое, пріѣзжали и снова надоѣдали; все это были болшею частію поставщики лѣса и притомъ люди небогатые. Одинъ изъ нихъ Михайлъ Филиповъ Лепило, какъ звали знавшіе его, мужикъ въ сажень ростомъ и чрезвычайно худощавый, каждый день

терся на заводѣ. Должны ему были до четырехъ тысячъ рублей; эта цифра далеко превышала его состояніе, и онъ молилъ не о своихъ уже деньгахъ, а о тѣхъ, которыя былъ самъ долженъ и за которыя грозилъ описать его имущество. Бѣдный Лепило чуть не валялся въ ногахъ, прося Христа ради полатиться.

— Денегъ нѣтъ, дружище Михайло Филипычъ, говорилъ Силинъ,—бери виномъ, если хочешь,

— Да куда я дѣнусь съ виномъ-то, Александръ Петровичъ, ну куда я дѣнусь, разсудите сами!.. жалостно говорилъ Лепило.

— Кабакъ заведи, совѣтовалъ Силинъ.

— Куда же мнѣ съ кабакомъ-то! Да я сродясь не пушу такой торговли и въ домъ къ себѣ, еще сожгутъ пьяницы.

— Ну, квартиру найми, продолжалъ совѣтовать Силинъ.

— Фатеру! фатеру! твердилъ Лепило въ раздумьѣ,—фатеру!.. Фатеру-то пожалуй сходнѣе будетъ.

— Ну, такъ и заводи, чего зѣвать-то, а завтра пришли мнѣ лѣсу, Алексѣй Ивановичъ скажетъ тебѣ, какого.

Лепило морщился, но лѣсу присылалъ и завелъ кабакъ.

— Чортъ меня сунуль и связаться съ этимъ заводомъ, жаловался онъ мнѣ, принеся записку на отпускъ ему вина,—вотъ теперь кабакъ завелъ. Экая пакость и въ умѣ сродясь не бывала, что стану кабакомъ торговать, а тутъ вотъ-на ты, поди. Кабакъ!

По утру, въ день отъѣзда Силина, я зашелъ къ нему, не помню зачѣмъ; при моемъ входѣ, онъ горячо убѣждалъ Новкина принять довѣренность на управленіе заводомъ, но тотъ принять ее отказался.

— Вы для меня-то гарантію назначьте, говорилъ Новкинъ,—довѣренностію гарантируете вы только себя, моя же гарантія значится только въ словахъ. *Жалованье получать по заслугамъ*, какая же тутъ гарантія?

— Да неужели вы мнѣ не вѣрите? упрекнулъ его Силинъ.

— Я вѣрю вамъ, также какъ и вы мнѣ вѣрите; вы довѣряете мнѣ заводъ и облагаете вашу довѣренность въ законную форму, напишите же и цифру жалованья, я человекъ служащій и жалованье единственный мой кусокъ хлѣба. Какъ же я приму довѣренность, когда вы на словахъ говорите 3,000 рублей, а въ довѣренности пишете: получать по заслугамъ; точно также какъ общали мнѣ и моимъ служащимъ награду и не разрѣшили выдать ее.

— Да возьмите, возьмите довѣренность, я съ первою почтою вышло вамъ, что хотите.

— Кстати и довѣренность тогда же вышлите, проставивши въ ней цифру моего жалованья, настаиваль Новкинъ.

Силинъ начиналъ сердиться, но желалъ скрыть это. Я послѣшилъ уйти, понимая, что пришелъ не во время.

Въ полдень Силинъ уѣхалъ вмѣстѣ съ отцемъ, любезно распрощавшись со всѣми, пожимая нѣкоторымъ руки.

VII.

Вечеромъ я спросилъ Новкина, чѣмъ кончились пренія его по поводу жалованья. Тотъ сказалъ, что ничѣмъ, и прибавилъ, что больше недѣли ждать отвѣта не станеть.

— Да что же вы такъ настаивали на жалованья, развѣ на надѣетесь, что онъ хорошо разсчитается?

— Въ томъ-то и дѣло, что человекъ онъ ненадежный, да и дѣла-то на заводѣ разстроены до послѣдней степени—долгу какъ шолку. А винокурение, несмотря на все нѣмецкое хвастовство, идетъ гадко, съ недокуромъ. Вмѣсто двѣнадцати ведеръ выкуриваютъ шесть да семь; упущенія во всемъ страшныя, контроля нѣтъ совершенно ни въ чемъ; имущество и припасы грабятъ всѣми на пропадую. Нужно имѣть страшную энергію, чтобы поправить все это.

И онъ подробно разсказалъ мнѣ о запутанныхъ дѣлахъ завода. Человекъ этотъ отличался страшною дѣятельностью, и мнѣ не одинъ разъ случалось видѣть, что онъ не спалъ нѣсколько сутокъ сряду, когда хотѣлъ чего нибудь достигнуть. Тамъ, гдѣ для другихъ безопасныхъ управляющихъ дѣла почти не существовало, онъ заваливалъ себя имъ по горло; каждая ничтожная бумаженка была разсматриваема и провѣряема имъ; всякое пустое свѣденіе онъ повѣрялъ, какъ какое нибудь важное дѣло. Замѣчая плутни сидѣльцевъ, онъ доискивался причины ихъ, и если находилъ, что мошенничество произошло отъ бѣдности и недостатка, то не штрафовалъ сидѣльца, а давалъ ему возможность жить честно и въ тоже время зорко слѣдилъ за нимъ. Вступая въ управленіе м.....ъ отку-

помъ; Новкинъ принялъ дѣло въ такой распушенности, что, казалось, не было средствъ и поправить его, и откупщикъ долженъ былъ вылетѣть въ трубу. Но онъ сразу все перевернулъ, старыхъ служака увольилъ, всѣхъ набралъ новыхъ; самъ въ первые два мѣсяца не былъ покоенъ ни минуты; въ одинъ день его можно было видѣть и въ конторѣ, работающаго за отчетами, а часа черезъ три въ какомъ нибудь селѣ на базарѣ верстъ за тридцать, и снова въ конторѣ, и въ ночь Богъ знаетъ гдѣ, на другомъ краю уѣзда. Эта страшная неутомимость всѣхъ переработала; всѣ поняли, что тутъ нельзя служить спустя рукава, что взяткамъ и мошенничеству мѣста здѣсь нѣтъ—и встрепнулись; но и для Новкина это не прошло даромъ: послѣ двухмѣсячной страшной работы онъ заболѣлъ, и едва могли спасти его; во время болѣзни онъ бредилъ дѣломъ и тѣ минуты, когда ему было легче, посвящалъ конторскому занятію; докторъ ничѣмъ не могъ убѣдить его, что это вредно и мѣшаетъ выздоровленію. «Неизвѣстность и бездѣйствіе для меня въ тысячу разъ мучительнѣе и вреднѣе дѣла», отвѣчалъ Новкинъ на совѣты доктора, и продолжалъ работать и, не давши себѣ порядочно выздороветь, снова полетѣлъ въ уѣздъ. Мѣсяцевъ черезъ пять, онъ только сталъ нѣсколько спокойнѣе, но и тутъ всѣ знали, что управляющій не спитъ, и часто, когда утромъ въ конторѣ думали, что Новкинъ еще не скоро встанетъ, потому что цѣлую ночь рабсталъ, онъ былъ уже верстъ за сорокъ и накрывалъ повѣреннаго во время его занятій, провѣрялъ его журналъ, перемѣрялъ произведенный разливъ и, перемѣнивъ лошадей, снова возвращался въ городъ. Поэтому, повторяю, каждый былъ при дѣлѣ постоянно и думалъ, что несмотря на то, что онъ далеко отъ города, управляющій сейчасъ накроетъ его. Отъ этого дѣло совершенно перевернулось: чарочная продажа, убывшая до двадцати пяти процентовъ, возвысилась до семидесяти; ведерная тоже сравнительно возвысилась на половину, какъ отъ улучшения очистки вина, такъ и по отсутствію мошенничества. А мошенничество въ этомъ темномъ откупномъ мирѣ, сложившемся изъ всевозможныхъ плутней и уловокъ, было родной стихіей. Тѣмъ отраднѣе было видѣть въ этомъ грязномъ омутѣ такого честнаго человѣка, какъ Новкинъ. Конечно, это были капли въ морѣ, но все-таки онъ былъ, и я до сихъ поръ не безъ гордости думаю объ этихъ капляхъ.

— Такъ вы не думаете служить здѣсь? спросилъ я Новкина.

— Нѣтъ, не стоитъ, сказалъ онъ.

Я выразилъ свое сожалѣнiе и спросилъ объ его предположенiяхъ.

— Найду дѣло, сказалъ онъ,—попытаюсь свое открыть что ни будь, водочный заводъ, можетъ быть, или что другое, тамъ увижу.

— Нужны средства вѣдь, сказалъ я,—а у васъ они ограничены.

— Но за то меня многiе знаютъ и довѣрятъ. Наконецъ меня приглашали уже въ компанiю, въ которой я буду участвовать только трудомъ, а компаньонъ мой дастъ капиталъ. Да это все вздоръ, о дѣлѣ я и не думаю, я найду его всегда; не найду, свое будетъ, и хоть не приобрѣту золотыхъ горъ, не добуду трехъ тысячъ въ годъ, но прокормить себя могу, а до прочаго мнѣ нужды мало, до денегъ я не жаденъ, да и глупо жадничать въ тридцать лѣтъ. А если и беретъ меня раздумье, такъ вовсе не о собственномъ матерьяльномъ обезпеченiи, а о недостаткѣ дѣятельности. Вѣдь что я буду дѣлать, имѣя свой водочный заводъ и при немъ трехъ рабочихъ? Развѣ отпустить пятьдесятъ ведеръ въ день дѣло? Да отъ этакого дѣла спибнешь не за грошъ! Ну что я буду дѣлать, разсуждалъ онъ,—съ мужиками каталажиться, кулачествомъ промышлять, хвалить свой товаръ, а чужой хулить, угощать и угощаться, напавать и напиваться и въ добавокъ спать! Развѣ это жизнь? а вѣдь здѣсь-то дѣла-то... И глаза Новвина вспыхнули.— Что бы я тутъ сдѣлалъ, продолжалъ онъ,—на сто верстъ во всѣ стороны я бы расширилъ дѣло, хлѣба некуда было бы дѣвать. Не то что теперь выпрашиваемъ по сотнѣ пудовъ, у меня бы стали просить, какъ милости, чтобы я принялъ. Какъ теперь у Мальгина, привезутъ, Христа ради, прими только, о деньгахъ и рѣчи нѣтъ. А отчего вѣрятъ? Оттого, что заслужили довѣрiе. А наши, хотятъ взять шильничествомъ да обманомъ. Привезутъ къ нимъ, такъ сначала обманутъ въ всѣхъ, а потомъ въ деньгахъ, ну и боятся всѣ, какъ чумы, Чудринскаго завода. Никто и не ѣдетъ, да и сами-то сидятъ дома и не хотятъ выѣхать за пятьдесятъ верстъ. Да я бы давно открылъ кругомъ двадцать складовъ и покупалъ бы вино, потому свой заводъ не успѣлъ бы курить съ его черепашьей поспѣшностью и дурацкими порядками. Въ эти два мѣсяца, я бы ужъ двадцать тысячъ приобрѣлъ, а они только пьянствуютъ, спятъ и развратничаютъ; запутались въ алтынныхъ долгахъ и хотятъ зажить ихъ, подрываютъ кредитъ, не приобрѣти его. Вѣдь вотъ проспять золотое время, люди займутъ мѣста, ознакомятся съ народомъ, имъ и носу нельзя будетъ показать съ своимъ спиртомъ изъ гнилого хлѣба, Христа ради выпрошеннаго въ долгъ.

Злость беретъ, глядя на нихъ; пустились въ коммерцію, не имѣя главнаго фундамента—яснаго на нее взгляда. Они не понимаютъ, что успѣхъ и счастье въ коммерціи зависятъ отъ честности. Это не добродѣтель, а только самовѣриѣйшій расчетъ, и мямлять мямли, думаютъ, какъ индюки. Жалость возьметъ со стороны смотрѣтъ на этихъ бѣдняковъ, которые имъ повѣрили, связались съ швалью щелкоперою, пустоголовою.

Горячку Новкина прервалъ вошедшій Паша.

— Я, кажется, помѣшалъ вамъ, сказалъ онъ, обращаясь къ расходившемуся управляющему.

— Нѣтъ, нѣтъ, ничего, спасибо, что пришли, а то я увлекся было. Садитесь-ко пожалуйста. Что скажете?

— Принесъ ножикъ вашъ, самъ его исправилъ для васъ. Штопоръ сдѣланъ изъ англійской стали, прочно будетъ, только извините за отдѣлку: нечиста, да нечѣмъ взять. — инструментовъ нѣтъ.

— Спасибо вамъ, сказалъ Новкинъ, — я знаю, что если вы сдѣлали, такъ будетъ хорошо.

— Благодарю васъ за эту увѣренность, — пробормоталъ Паша, Богъ знаетъ почему сконфузясь, — я еще не заслужилъ ее.

— Я и безъ заслуги знаю, что вы можете, и очень жалѣю, что мнѣ не придется служить съ вами.

Какъ не придется?

— Такъ, что я думаю уѣхать отсюда.

— Нѣтъ, это вы шутите Михаилъ Павловичъ, сказалъ Паша, взявъ Новкина за руку, — шутите вѣдь, скажите по правдѣ?

— Нѣтъ, не шучу, Павелъ Алексѣевичъ.

— Да какъ же это вы насъ оставляете! Кто же у насъ тутъ будетъ дѣло - то дѣлать? Что это, право, всѣ люди бѣгутъ отсюда!

— Полноте, пожалуйста! Мало-ли тутъ останется людей. Управлять будетъ по прежнему вашъ папаша, а я-то ужъ лишній совершенно, и, слѣдовательно, я хорошо дѣлаю, что уѣзжаю.

— Возмите меня съ собою.. Впрочемъ намъ не по дорогѣ: я машинистъ, а вы торговецъ. — И Паша грустно улыбнулся.

— Да, намъ не по дорогѣ, ваша правда, сказалъ Новкинъ.

— Но и здѣсь вамъ не житье, и чѣмъ скорѣе вы отсюда выберитесь, тѣмъ лучше для васъ.

— О, я скоро выберусь отсюда; никакія силы не оставятъ меня здѣсь, — я тоже умѣю быть настойчивымъ.

Разговоръ какъ-то прервался, и мы всё трое замолчали. Каждый думалъ; и думы эти были вовсе невеселы. Я, наконецъ, протидся и ушелъ.

VIII.

Свободнаго времени у меня съ каждымъ днемъ прибавлялось. Продажа дѣлалась хуже отъ чрезвычайной цѣны, поднятой Турбиннымъ, по распоряженію Силина. Я, отъ нечего дѣлать, слонялся по заводу, познакомился съ нѣмцами-винокурами, солодорастителями и другими личностями. Съ однимъ изъ нихъ, я особенно любилъ поговорить: это былъ самый смиренный и вмѣстѣ самый обидчивый нѣмецъ. Не зная русскаго языка, онъ уморительно коверкалъ его, и тутъ же конфузился и сердился. Со мною онъ сошелся очень хорошо, потому что я, несмотря на все его смѣшное коверканье, ни разу не улыбнулся и слушалъ его съ полнымъ вниманіемъ. За то съ Пашею, съ которымъ мы были уже короткими пріятелями, у него были вѣчные нелады, и все изъ-за насмѣшекъ послѣдняго. Павелъ былъ въ этомъ отношеніи въ родѣ гоголевскаго мичмана: замѣтить пустяки и хохочетъ до боли въ легкихъ. Какъ я ни останавливалъ его, доказывая все неприличіе его поступковъ, ничто не помогало. «Не могу, говорилъ онъ, я самъ вижу, что гадко, и все-таки не могу, ужъ такой характеръ проклятый. И сколько неприятностей надѣлала мнѣ эта насмѣшливость! Сколько расходился изъ-за нея съ людьми, которыхъ отъ души уважалъ,—а исправиться не могу». Странное дѣло, что это въ немъ была за страсть къ насмѣшкамъ? И вслѣдствіе чего она явилась? Поддерживала-то ее, я думаю, неразвитость его натуры, грубость общества, въ которомъ онъ находился. Но родилась насмѣшливость едва-ли не вмѣстѣ съ нимъ. Случалось, что онъ что-либо замѣтитъ во мнѣ, ну, просто, напримѣръ, сапоги не аккуратны и начнетъ трунить. Сначала воздерживается, но потомъ увлекается все болѣе и болѣе. Наконецъ, фантазія рисуетъ ему ужъ не сапоги, а какіе-то страшные лапти, и Паша мысленно надѣваетъ ихъ на мои ноги и хохочетъ. Все это онъ передаетъ отрывками насмѣшливымъ, перерывающихся хохотомъ, почти истерическимъ, и ничто не въ состояніи прекратить этого хохота. Самая жестокая и обидная брань только уве-

личиваетъ его, и Паша самъ бываетъ принужденъ бѣжать и черезъ часъ приходитъ умолять ради Бога простить его. Я часто дивился этой особенноти его характера, также какъ и невольнымъ порывамъ нѣжности, которые переходили тоже едва не въ истерику; иногда, по поводу какого нибудь теплаго полезнаго совѣта, онъ начиналъ душить меня въ своихъ жилистыхъ объятіяхъ, наговаривалъ тысячи нѣжностей, и только страшная сухость и грубость могли остановить эти нѣжности, да и то не всегда. Это былъ такой экзальтированный, любящій характеръ, какого мнѣ никогда не приходилось встрѣчать, и тѣмъ для меня онъ былъ удивительнѣе.

Однажды, кажется, наканунѣ отъѣзда Новкина, попли мы съ нимъ по заводу и встрѣтили обидчиваго нѣмца въ квасильномъ отдѣленіи.

— А! а! а! закричалъ тотъ, стоя надъ квасильномъ чаномъ, — пожаловать ко мнѣ.

Мы подошли и поздоровались.

— Смотрить, сказалъ нѣмецъ, какъ мой брашка запахъ вонаетъ. Павла передернуло.

— Какъ вы сказали? спросилъ онъ, удерживаясь отъ хохота. Нѣмецъ надулся и замолчалъ.

— Какъ же вы сказали Федоръ Августычъ? а ну, повторите же. А? запахъ вонаетъ?—и будучи не въ силахъ болѣе удерживаться, онъ захохоталъ.

Нѣмецъ просто побагровѣлъ.

— Мой не просилъ васъ смѣяться, каспатинъ Турбинъ, прошипѣлъ онъ.

— Запахъ вонаетъ, ха, ха, ха, ой, ой, запахъ воня.... ха, ха, ха, и Павелъ, схватясь за бока, просто катался со смѣху.

— Ви звинство, брякнулъ нѣмецъ, не помня себя.

— Ой, запахъ вонаетъ, ой, звинство, ой, ха, ха, ха...

Я увелъ нѣмца, оставивъ Павла хохотать, но онъ пошелъ вслѣдъ за нами и, хохоча, твердилъ: запахъ вонаетъ. Выйдя изъ квасильнаго отдѣленія, я заперъ дверь, чтобы воспрепятствовать идти ему за нами, и сцена прекратилась. Вниманіе нѣмца я отвлекъ другими предметами, и гнѣвъ его утихъ. Съ полчаса ходили мы по заводу, и остановились у перегонныхъ кубовъ; аппаратъ былъ въ ходу, и изъ кубовъ выходилъ густой спиртуозный паръ, дно куба отъ напора пара дрожало подъ нашими ногами. Нѣмецъ объявилъ мнѣ свое опасеніе, что едва ли кубы выдержать, и онъ

каждую минуту боится, что или выпреть дно или еще что-то, чего я никакъ не могъ разобрать. Въ это время къ намъ подошелъ Павелъ, онъ просто горѣлъ отъ стыда.

— Простите меня, ради Бога, обратился онъ къ нѣмцу.

Нѣмецъ молчалъ и дулся.

— Пожалуйста, не сердитесь на меня, Федоръ Августычъ, вы вѣдь знаете мою несчастную слабость.

— Ну, вы всегда такъ, пробурчалъ нѣмецъ.—Вотъ кубъ худой.

— Ну, пожалуйста, не сердитесь. Ну, дайте руку, дайте же руку, помиримся,—и Павелъ ловилъ его руку.

— Ишь ловки, говорилъ нѣмецъ,—блудлива кошка.

Но рука была уже поймана и примиреніе совершилось.

Въ это время раздался страшный трескъ, верхнее дно куба, на которомъ мы стояли, выгнулось, и повалилъ страшный удушающій спиртовой газъ, мы побѣжали, какъ угорѣлые.

— Туши, подъ первымъ котломъ огонь, кричалъ Павелъ, бѣжа къ котламъ.

— Воды, оралъ онъ на весь заводъ, винокуръ побѣжалъ вслѣдъ за нимъ, а я пустился въ контору.

— Въ перегонномъ кубѣ дно лопнуло, сказалъ я, прибѣжавъ.

Управляющіе всполошились.—Какое дно? много ли лопнуло? спрашивали они. Я рассказалъ сущность дѣла, и оба, не дослушавъ, побѣжали на заводъ; тамъ, конечно, только носились остатки спиртового газа. Винокурный аппаратъ былъ остановленъ, и опасность прошла, но все количество бражки, налитой для перегонки въ спиртъ, разумеется, пропало, сквасилось и годилось только на барду.

— Чтожь теперь дѣлать? спросилъ Турбинъ.

— Пошлите за надсмотрщикомъ, составьте актъ, да поскорѣй пошлите нарочнаго въ акцизное управленіе объ освидѣтельствovanіи завода, а потомъ ужъ увидимъ, что дѣлать, совѣтовалъ Новкинъ.

— Эй, ты, Микитка, маршъ за надсмотрщикомъ, да живо, командовалъ Турбинъ.

Надсмотрщика нашли гдѣ-то пьянымъ, насилу привели его.

— Вотъ кубъ лопнулъ, актъ нужно составить, говорили ему.

— А гдѣ же чиновникъ? спрашивалъ онъ.

— Да нѣтъ тутъ никакого чиновника, актъ нужно составить объ остановкѣ завода, понимаете ли вы?

— А мнѣ сказали, чиновникъ пріѣхалъ, перепугался было, ну слава Богу, что нѣтъ.

— Осмотрите же кубъ, мы будемъ актъ писать.

— Пишите, какъ вамъ угодно, мнѣ что же, все равно, я подпишусь.

Составили актъ и отослали съ нарочнымъ. На третій день явился снова помощникъ надзирателя.

IX

Новинъ уѣхалъ, не дождавшись его. Во все время пребыванія на заводѣ (оно продолжалось мѣсяцъ) онъ не хотѣлъ даже взять себѣ жалованья, и какъ Турбинъ ни уговаривалъ его, какъ ни доказывалъ, что это глупо, онъ все-таки не взялъ.

— Я вѣдь тутъ ничего не дѣлалъ, говорилъ онъ,—за что же я возьму.

— Да вѣдь ты жилъ тутъ мѣсяцъ; ну и работалъ болѣе моего, какъ же не взять жалованья, вѣдь мы съ тобой, не Богъ знаетъ, какіе богачи.

— Нѣтъ, не возьму, не такъ работаютъ; распорядиться, сидя въ креслѣ, не есть еще работа, нужно провѣрить это распоряженіе самому, взглянуть на все, показать служащему, какъ дѣлается порученное ему дѣло, за всѣмъ присмотрѣть не глазомъ служаки, а глазомъ расчетливаго хозяина, словомъ, поработать болѣе всѣхъ, тогда и деньги не стыдно взять, а я не работалъ такъ, а только всматривался въ дѣло, изучалъ его, а за науку не получаютъ, а платять. За что же я-то возьму?

— Ну, братъ, съ такимъ разговоромъ вѣкъ безъ хлѣба просидишь, говорилъ Турбинъ.

— Не безпокойся, не просяжу.

— По твоему служить, какъ ты-то говоришь, такъ тутъ просто напросто околѣть надо на дѣлѣ-то, такъ я ужъ, батюшка, слуга покорный, я не мальчишка бѣгать-то вездѣ. А вотъ придуть спросить, прикажу—сдѣлають, не прикажу—подождуть; я вѣдь начальникъ, мнѣ въ пору о томъ, о другомъ подумать, тутъ не до глядѣнья, а приказалъ, да притопнулъ, живо, такъ небойсь.....

— То-то вы со своей топотней да распоряженіями и довели заводъ до того, что скоро въ трубу вылетите, сказалъ Новкинъ.

— Не вылетимъ, не беспокойтесь, у Силина денегъ хватить, а хотя бы и были какія упущенія, такъ не я виноватъ, людей не было, вотъ какъ у тебя, этикіе орлы (Турбинъ указалъ на меня и конторщика, прѣхавшаго съ Новкинымъ), такъ тебѣ съ полгоря было, ворочаться-то; съ такими людьми можно было дѣло дѣлать, поглядѣ-ко, какія мы штуки начнемъ откальвать. Такъ что-ли? обратилъ онъ ко мнѣ, — не подгадимъ, братъ, дѣла!

— Ничего ты не сдѣлаешь съ этими орлами, прервалъ Новкинъ, — эти орлы хороши при своемъ дѣлѣ: одинъ въ подвалѣ, другой въ конторѣ, и въ твоемъ дѣлѣ ровно ничего не помогутъ, потому что ты и не спросишь ихъ, какъ распоряжаться, а, братъ, извини, гнилыя распоряженія даютъ гнилые результаты.

— Говорить-то можно все, сказалъ Турбинъ, — а я тебѣ вотъ-что скажу, прибавилъ онъ, — ты зналъ моего покойнаго брата? Какова была голова-то? милліонами ворочалъ, а я развѣ хуже, что ли, его?

— Ну, это басня о гусяхъ; выцѣмъ-ко вотъ лучше еще бутылочку, да и въ путь, сказалъ Новкинъ.

— Это вотъ хорошо, сказалъ Турбинъ. — Это важно, простимся по пріятельски, кутнемъ на прощанье, а ты, канашка, смотри же пиши; ну, поцѣлуйся.

— Ну, друзья, обратился къ намъ Новкинъ, — простимся. Можетъ быть, никогда не увидимся, а можетъ быть столынемся и снова проживемъ вмѣстѣ, жизнь долга...

— Люблю друга, перебилъ Турбинъ, — поцѣлуй меня Миша, чортова ты голова, ну, что ты, дьяволъ, уѣзжаешь-то? Что тебѣ тутъ не живется-то?

— Мое дѣло рѣшеное, а вотъ ты бы лучше позаботился о Павлѣ Алексѣичѣ, зачѣмъ ты затанулъ его въ эту дурацкую трущобу, вѣдь тебѣ грѣхъ будетъ, ты погубишь свѣтлую голову, погубишь челоуѣка.

— Постой, постой, да развѣ сынъ при отцѣ погибнуть можетъ?

Конечно, можетъ, потому-то я и прошу тебя, дай ты уѣхать Павлу Алексѣвичу отсюда, дай ему средства образовать себя, только первоначальныя, а тамъ онъ не сиротитъ у тебя.

— А! раскусилъ, каковы Турбины-то; у меня, братъ, Павелъ звѣзда, такая звѣзда, что всѣ-то вы противъ него ничего не стоите. Вотъ что, коли ужъ пошло на правду.

— Ну, если твой Павелъ звѣзда, то какое же имѣешь ты право тушить эту звѣзду въ своемъ гниломъ Чудринѣ.

— Ну, опять же ты этого дѣла не знаешь, онъ молодой человекъ, можетъ избаловаться на сторонѣ, а со мной, братъ, сдѣлай милость.

— Не безпокойся, не избалуется, дай ему только средства учиться, при тебѣ-то, я говорю, онъ скорѣе можетъ развратиться отъ бездѣлья.

— Да ты слушай, развѣ я худому учу, что ли?

— Попъ свое, а чортъ свое, сказалъ Новкинъ, махнувъ рукой.— Ну, прощайте друзья, обратился онъ къ намъ,—пишите мнѣ, пожалуйста, пишите.

— Нѣтъ, ты постой, приставалъ Турбинъ,—ты скажи, худому я учу? А? худому?

— Отвяжись, пожалуйста, ты ровно ничему его не научилъ, ни худому ни хорошему, все что, онъ имѣетъ хорошаго, онъ обязанъ не тебѣ, а себѣ. Прощай.

— Ну прощай, давай поцѣлуемся, да выпьемъ еще, толковалъ Турбинъ.

— Прощай, прощай, будетъ... попили...!

Вскорѣ послѣ отъѣзда Новкина, явилась мнѣ личность, рекомендующая себя бывшимъ сидѣльцемъ.

— Очень радъ, сказалъ я,—что же вы, вѣроятно, купить вина пріѣхали?

— Какъ же-съ, винца нужно.

Я предложилъ ему посмотреть очистку вина.

— Ужъ мы знаемъ безъ пробы, что будетъ хорошо. Слышали объ васъ отъ самого хозяина неоднократно, а намъ желательно, чтобы такъ какъ есть было по пріятельски.

— Садитесь пожалуйста, нашелся я только отвѣтить на его за льстивую рѣчь.

— Ничего, стоимъ, потому привыкли съ десяти годовъ все на ногахъ, такъ теперь мнѣ стоять пріятнѣе. А мы главное дѣло таперича не объ томъ, а чтобы все намъ, хочется было на откровенности, по дружески.

— Очень пріятно, могъ только сказать я, рѣшительно ничего не понимая.

— Мы таперъ съ самимъ хозяиномъ Александромъ Петровичемъ не только, какъ якобы служащій съ хозяиномъ, а какъ, примѣрно,

самые близкіе пріятели, имѣли отношенія, можетъ, слышали, моя фамилія Фролкинъ, слышали о Фролкинѣ, М ха!ль Фролкинѣ?

Я дѣйствительно слыхаль что-то о Фролкинѣ. Силинъ въ разговорахъ отзывался о немъ, какъ о чрезвычайно хорошемъ служащемъ, но личность, находившаяся теперь передо мною, рѣшительно не оправдывала этихъ отзывовъ, и если бы слова хорошій служащій имѣли одинаковый смыслъ съ словами хорошій человекъ, то эти отзывы были бы грубою ложью.

— Да, отвѣтилъ я,—я слыхаль объ васъ отъ Александра Петровича съ хорошей стороны.

— Ну вотъ, вотъ я самый Михайло Петровичъ Фролкинъ, просимъ не оставить знакомствомъ. А что, смѣю спросить, чайкомъ можно воспользоваться для перваго знакомства?

Я распорядился поставить самоваръ.

— Такъ вотъ-съ какъ, разговариваль Фролкинъ, выпивши три стаканчика водочки и три стаканчика чайку, — попріятельски я вамъ доложу, я такую шутку обдѣлаль напоследокъ для Александра Петровича, что около трехъ тысячъ доставилъ ему даромъ, такъ таки даромъ, деньги были пропашія. А Фролкинъ дѣло обдѣлаль и деньги предоставилъ: «извольте, говорю, двѣ тысячи семьсотъ пятьдесятъ барыша, а тысячу пятьдесятъ рублей, то есть собственнику».

— Что же это вы за шутку обдѣляли? любопытствовалъ я.

— Оно, по правдѣ сказать, дѣло-то секретное, знаютъ его только четверо, Александръ Петровичъ, да управляющій съ подвальнымъ, да я, такъ по настоящему негодилось бы и говорить-то; однако, какъ теперь съ Божьей помощью дѣло это обдѣлалось какъ есть, подкочу ни откуда получить не надѣюсь, опять же вижу передъ собою расположительнаго человека, то не во вредъ себѣ и открыть могу. Знаете ли, сколько у меня теперь увеселительныхъ питейныхъ заведеній?

— Не знаю.

— Восемь штукъ, на самыхъ, что ни на есть, лучшихъ мѣстахъ.

Я сказалъ, что это хорошо.

— Конечно, дѣло это для меня небезвыгодное, я вотъ уже полторы тысячи ведеръ вина въ нихъ продалъ; а гдѣ же эти полторы тысячи ведеръ вина я взялъ? вотъ въ чемъ расчетъ.—И Фролкинъ уставилъ на меня свой ухмыляющій, полупьяный взглядъ.

— Кушили, конечно, гдѣ нпбудь.

«Дѣло», № 7.

— Не въ томъ суть, что купилъ, да гдѣ купилъ? Какъ купилъ? вотъ штука-то въ чемъ!—И Фролкинъ таялъ отъ восторга.

— Не знаю, могъ только я отвѣтить.

— Ха, ха, ха! Не знаю, конечно не знаете, гдѣ же вамъ знать? Дѣло это темное, никто не знаетъ, а купилъ-то это вино я, прошепталъ Фролкинъ, наклоняясь ко мнѣ,—у Александра Петровича.

— Такъ чтожь тутъ необыкновеннаго-то? спросилъ я.

— А то и необыкновеннаго, что вино-то это откупное.

— Какъ откупное? спросилъ я, не понявши хорошенько, что онъ хочетъ сказать.

— Да такъ и откупное. Скрытное, откупное,—поняли?

Я началъ смутно догадываться.

— Дѣло такого сорту, началъ Фролкинъ, принявъ видъ необыкновеннаго глубокомыслия и раздувая ноздри:—27 декабря приѣзжаетъ ко мнѣ въ уѣздъ нарочный отъ конторы, къ хозяину, говорить, сейчасъ; я было струсилъ и опять же, подумавши, что теперь я ничего за собой не знаю и черезъ три дня буду вольный казакъ, приободрился и только ѣхать мнѣ не хотѣлось, потому собственно, что жалко было оставить продажу на подносчика, сами знаете, послѣднее время. Что ни отпустишь, все мететь, а ужъ Фролкинъ на руку охулки не положить, гребни, знай, не зѣвай, благо время пришло наше..... ну, только не ѣхать опять нельзя, хозяинъ приказалъ, да и свои дѣла, патенты надо выправить и другое прочее. Поѣхалъ, прихожу въ контору, докладываютъ, что приѣхалъ Фролкинъ, меня сейчасъ въ кабинетъ. Тамъ хозяинъ съ управляющимъ: я поклонился. Только хозяинъ и говорить: ты сколько, говорить, кабаковъ открываешь? я говорю восемь. А вина, говорить, купилъ? Нѣтъ, говорю, не купилъ, а подведется, такъ теперь куплю. А хочешь, говорить, деньгу зашибить? Кто, говорю, не радъ зашибить деньгу. Изволь, говорить, я доставлю тебѣ случай за твою вѣрную службу. Я поклонился и поблагодарилъ. У тебя, спрашиваетъ, много ли денегъ есть? Тыщенка, говорю, найдется. А управляющій тутъ и подхватилъ: вретъ, говорить, найдеть и двѣ. Могу, говорю, пожалуй, и двѣ достать; что своихъ не хватить, люди дадутъ. Ну, говорить, ладно, я тебѣ продамъ вина, только смотри, никому чтобы ни гугу! Можешь ты до времени это вино спрятать—бери, не можешь—не бери, а то и я съ тобой въ уголовную попаду. Меня, этакъ маленько, оторопъ взяла. Опять же, думаю, волка бояться и въ лѣсъ не ходить, не такіа дѣла на вѣку дѣлывалъ, только не могу взять въ толкъ, что это за вино, и спросилъ его.

А это, говоритъ, вино, которое я беру для откупа сверхъ пропорціи. Если ты согласишь у меня купить, то скажи сколько, и давай деньги по семидесяти копѣекъ въ казначейство, да мнѣ по два рубля. Я тебѣ отпущу вина, и ступай ты съ нимъ, куда хочешь. Я подумалъ этакъ, за вино въ складѣ просить по три съ полтиной; взять побольше — больно хорошо, и говорю ему: если возьмете съ меня по два съ полтинкой за ведро, такъ я бы взялъ тысячи полторы ведеръ. Ну, а деньги? спрашиваетъ. Деньги, говорю, половину теперь, а половину на вексель. Слава Богу, немало служу, копѣйки вашей не заѣлъ, не такихъ правилъ. Такъ и согласились. Такъ вотъ этимъ-то виномъ я все и торговалъ; себѣ-то пользу прибрѣлъ, да и хозяину-то удовольствіе такое принесъ, что какъ я предоставилъ остальные деньги, такъ онъ не зналъ, гдѣ меня посадить и чѣмъ меня угостить. Не зналъ я, говоритъ, тебя прежде, я бы тебя передъ всѣми возвысилъ.

Весь этотъ длинный разговоръ Фролкинъ передалъ съ чувствомъ особеннаго почтенія къ себѣ; видно было, что онъ воображалъ себя чрезвычайно умнымъ и честнымъ человѣкомъ. Умнымъ—потому что ловко концы схоронилъ, а честнымъ—потому что уплатилъ всѣ деньги за украденное вино. Кончивъ разговоръ, онъ запилъ его стаканчикомъ очищеннаго, смакуя его съ особенною ухваткой и невыразимымъ достоинствомъ, свойственнымъ разжившимся кулакамъ; закусивъ, онъ вынулъ сигару и, развалясь на стулѣ, съ наслажденіемъ началъ сосать ее. Онъ нарочно замолчалъ, выжидая моей похвалы его дѣйствіямъ.

— Я все-таки не пойму, сказалъ я, какъ вы скрыли это вино при повѣркѣ питій на 1-е января: вѣдь положимъ, чиновникъ одинъ поспѣть вездѣ не могъ въ одно время, но онъ могъ послѣ увидѣть, узнать по слухамъ что нибудь, тогда, вѣдь, что бы вы?

Фролкинъ улыбнулся и не вдругъ отвѣчалъ мнѣ, въ видахъ соблюденія собственнаго достоинства.

— Въ томъ-то и хитрость-то, сказалъ онъ наконецъ, такъ потянувъ сигару, что она скрючилась,—въ томъ-то и хитрость-то! А и то опять же скажу, что все это плевое дѣло.

— Что это плевое дѣло? спросилъ я.

— А эфта самая повѣрка, я тоже тогда подумывалъ о ней крѣпко, ну, только Александръ Петровичъ научилъ меня, и дѣло сдѣлалось самолучшимъ манеромъ. Тогда я сразу пошелъ патенты выправлять къ чиновнику, выбралъ время такое, что засталъ его одного. Такъ и такъ, говорю, желаю имѣть производство, торговлю

въ восьми мѣстахъ. А ты, говоритъ, кто такой? Я разсказалъ: крестьянинъ рязанской губернии села Бѣло-Омутъ, служу по откупу. Ну, ладно, говоритъ, братецъ, торгуй съ Богомъ, за патентами зайди черезъ часъ.

Я здѣсь прерву разсказъ Фролкина, чтобъ объяснить читателю, что это за народъ—обыватели села Бѣло-Омута, такъ называемые макары въ былое время. Они разъѣзжали по откупамъ цѣлыми шайками и просились на службу, предлагая въ обезпеченіе огромные заложы, и бѣда откупу, управляющій котораго соглашался принять ихъ: чрезъ годъ макары раззоряли его положительно. Никакія усилія, никакой надзоръ не помогали. У этихъ людей вездѣ были устроены экстра-почты, съ помощью которыхъ они взвѣщали другъ друга о внезапномъ приѣздѣ ревизора. Если же случалось, что экстра-почта прозвѣваетъ повѣреннаго, и онъ накрывалъ макара врасплохъ и открывалъ всѣ его плутни, то макаръ ничего не щадилъ, чтобъ скрыть свои продѣлки; двѣсти, триста, даже до тысячи рублей давалось повѣренному, и дѣло замычалось. Эта тысяча раскладывалась, разумѣется, на всю шайку и пошолнялась общимъ грабежомъ. Впослѣдствіи макаръ перестали принимать на службу шайками, и они начали селиться по одиночкѣ; такимъ образомъ, отняли у нихъ возможность вредить, но не могли отнять возможности наживаться другими косвенными путями. Макаръ, поселившись въ кабацкѣ, сидѣлъ въ немъ лѣтъ по пятнадцати. Сначала онъ старался пріобрѣсти расположеніе окрестныхъ жителей, ласкою и мелкими одолженіями заставлялъ ихъ полюбить себя. Когда это первое дѣло было сдѣлано, онъ начиналъ понемногу мошенничать, въ увѣренности, что край ему знакомъ и каждый мужикъ скажетъ, для себя ли вино покупаетъ или подосланъ повѣреннымъ. Если же этого не случалось, то макаръ самъ догадывался, выпрашивая, кому и на что вино. Свадьба ли, пирушка ли, могоарычъ ли за промѣнъ лошади и такъ далѣе, отъ его глаза не могла скрыться ловушка, и вино отпускатось хорошее. Далѣе, макаръ начиналъ скупать хлѣбъ, сѣно и всѣ крестьянскіе продукты, въ ту пору, когда мужику деньги нужны до зарѣзу. Знакомился съ фабричными рабочими и принималъ отъ нихъ наворованное съ фабрики. Нѣкоторые держали даже притоны конокрадовъ. Но несмотря на это, мужики любили макаръ и рѣдко выдавали ихъ. Продажа въ кабакахъ, гдѣ застѣдали макары, прогрессивно возрастала и наружная честность ихъ входила въ свою силу. Были изъ нихъ и дѣльцы-писакы, которые цѣлую жизнь сражались съ откупомъ, и вслѣдствіе этого

проводили ее или въ острогахъ, или уже совершенно овладѣвали свопмъ противникомъ. Управляющіе откупами боялись этихъ писакъ хуже чумы и помѣщали ихъ по желанію въ лучшіе кабаки. Были между макарами и окончательные разбойники, для которыхъ ничего не значило совершить напередъ разсчитанное уголовное преступленіе; но эти отвергались уже и своими. Были, наконецъ, и люди добрые, испорченные лишь макаровскою философіей, оправдывающей всѣ средства для достиженія макаровскихъ цѣлей. Эти послѣдніе старались выбрать тепленькое мѣстечко и устроиться въ немъ навѣкъ. Поспѣвъ лѣтъ пятнадцать, они наживали капиталъ и дѣлались князьками своего околodka. Въ послѣдніе годы владычества откупа большая часть сель во внутреннихъ губерніяхъ имѣла своихъ князьковъ-макаровъ, сосредоточившихъ въ свопхъ рукахъ капитальную силу своего околodka, если онъ былъ малъ и удаленъ отъ мѣста сбыта и главныхъ путей сообщенія. Въ настоящее время типъ откупного макара переходить въ типъ ловкаго кулака, понемногу забирающаго въ свои руки грязное наслѣдіе крѣпостного права.

Продолжаю разсказъ Фролкина.

— Я говорю, слушаю-сь, да тутъ сѣрую въ патентамъ-то и приложилъ. Это ты что же, говорить, я, братъ, вѣдь мошенничать не позволю, теперь не откупъ. Я вижу, дѣло идетъ. Помилуйте, говорю, теперь и для себя долженъ стараться, потому какъ мошенничествомъ теперь я долженъ всю продажу отъ себя отбить, такъ эфтого мы не желаемъ. А я на счетъ того, что не оставьте по случаю сосѣдей, потому какъ народъ неполпрованный, будутъ разбавлять водою да продавать дешевле, а мнѣ подрывъ. Ну, хорошо, говорить, ступай. Я поклонился, да и маршъ прямо въ контору. Тамъ сговорились отправить вино наканунѣ, 31, значить, декабря, а я поѣхалъ предупредить на мѣстахъ, обдѣлалъ, да и маршъ. Опять принялъ, отправилъ по двѣ бочки по кабакамъ, а двадцать бочекъ спряталъ въ анбарѣ, да завалилъ сѣномъ.

-- Да вѣдь въ кабакахъ-то могли спросить, гдѣ вино куплено по двѣ бочки, вѣдь это количество порядочное?

— А на это опять же свидѣтельства провозныя выдали мнѣ, вотъ они со мною и теперь, и онъ вынулъ изъ кармана восемь штукъ свидѣтельствъ.

— Видите, въ каждый кабакъ отдѣльно изъ склада купца Силина отпущено виноторговцу Фролкину двѣ бочки, января 1 числа, и въ этомъ двѣ бочки, и въ этомъ, ну, во всѣ кабаки чиновникъ не по-

ѣдетъ, а на случай заѣдетъ въ какой нибудь, вотъ оно и готово и по закону справедливо, да и по дѣламъ-то шито, да крыто.

— Ну, такъ чтоже, былъ у васъ чиновникъ-то?

— Какъ же, пріѣзжалъ въ одинъ кабакъ принимать остатки отъ откупа, потому кабакъ былъ откупной, а у меня тутъ же неподалеку и двадцать бочекъ были спрятаны. Сперва-то струхнулъ, однако думаю, что привезли ночью, народъ дальній, свалили, деревня не слыхала, да опять же дѣла эфти извѣстны при откупѣ. Бывало повѣренный захватитъ врасплохъ, тутъ первое, глядитъ тебѣ въ рожу, не струсилъ—ничего, а струсилъ—и поидеть шарить тутъ и тамъ. Пріѣхалъ. Я сейчасъ съ почтеніемъ. Шубу снялъ, самоваръ раскурилъ, бутылку рому ямайскаго къ чаю-то поставилъ. Живо, ловко, проворно, ну, опять же и прежде засыпано было. Такъ онъ и ничего. Подаль я ему только листъ, по которому остатки приняты, ну, повѣрилъ, вино оказалось въ тридцать восемь, какъ есть. Напился чаю, да какъ хватилъ ромцу-то, забрало его, такъ просто со мною за ручку. Ты, братецъ, говорить, не опасайся, а когда замѣтишь за сосѣдями что, актъ составляй, купи себѣ спиртомѣръ, ходи, и повѣрай. Гдѣ испорчено вино или какая неисправность, сейчасъ актъ и представь мнѣ, я, говоритъ, имѣю право выбрать себѣ помощника, если хочешь, дамъ предписаніе.

— И выдалъ? спросилъ я.

— Выдалъ. Я теперь ѣзжу вездѣ, повѣряю, нагналъ страхъ таковой на всѣхъ, что шабашъ: всѣ патеншики у меня берутъ вино, да еще подарки даютъ, только не задѣвай ихъ.

— Такъ вы, батюшка, человекъ чиновный?

— Есть тотъ грѣхъ, ну однакоже я за это чиновничество четвертную еще ему всыпалъ, потому не свинья же я какая безчувственная.

Разговоръ перешелъ къ сравненію откупа съ настоящей торговлей. Фролкинъ говорилъ, что теперь у него гораздо прибыльнѣе. Опять же ничего не опасайся, вали, сколько влѣзетъ, а вѣдь прежде повѣренные эти, еще хорошо, ежели берутъ, а то вѣдь такія собаки бывали, что сами-то не жрутъ хлѣба, да и тебѣ не даютъ. Такъ бы и застрѣлилъ дьяволовъ. А поклоновъ-то, угожденья-то, страху-то, да и чортъ его возьми совсѣмъ съ дѣломъ-то, заключилъ онъ.

— Сколько вы намѣрены взять вина? спросилъ я.

— Ведеръ пятьсотъ нужно бы.

— Такъ вы сходите къ Алексѣю Иванычу.

— Былъ вѣдь я у него, какъ пріѣхалъ; да загулявши съ проводовъ-то, онъ меня къ вамъ послалъ, я, говоритъ, всѣ эфти дѣла подвальному сдалъ, какъ хочеть.

— То есть, какъ всѣ? разумѣется, вы принесете мнѣ ордеръ изъ конторы, такъ я отпущу.

— Нѣтъ, ужъ онъ хочеть отдать вамъ всѣ распоряженія по эфтому дѣлу; у меня, говоритъ, дѣла по горло по заводу, а по подвалу я ему довѣрю. Какъ вы сдѣлаетесь съ нимъ, такъ и хорошо.

— Ну, это-то, я думаю, онъ такъ себѣ говоритъ. Да если бы и въ самомъ дѣлѣ онъ такъ захотѣлъ, такъ не приму этого на себя.

— Какъ не примете? да какъ же вы отпихиваете отъ себя свое счастье? Теперь вамъ довѣряютъ и спиртъ; говоритъ, пусть принимаетъ съ завода и за магазинами присматриваетъ и все такое. А вы не хотите? да это вы шутите?!

— Что за шутки, я вовсе не шучу.

— Ну, когда не шутите, такъ ужъ меня за дурака считаете. Теперь вамъ довѣрие во всемъ спиртѣ, вы, значить, берете, сколько можете. Ну, и конечно дѣло, откупной человекъ порядки знаетъ, на этакой-то сумятицѣ можно теперь вамъ каждый мѣсяцъ сто ведерокъ бѣдно для себя очистить (последнія слова сказаны были шепотомъ).

— Вы больше обыкновеннаго выпили, Михаилъ Петровичъ, и потому забываете, что вашъ совѣтъ неумѣстенъ и оскорбителенъ.

— Понялъ, понялъ, люблю. Извините. Ну, поцѣлуйте. Вотъ политика, такъ политикъ. Вотъ тонкость, такъ тонкость. Ну и шабашъ, говори по откровенности, на бочкѣ родился? А? на бочкѣ? кричалъ Фролкинъ, прикидываясь болѣе пьянымъ, нежели былъ на самомъ дѣлѣ.

— Я васъ прошу прекратить этотъ разговоръ, потому вы, кажется, мѣряете на свой аршинъ и не хотите понять, что передъ вами одна изъ тѣхъ, по вашему, собакъ, которыя сами не жрутъ, да и людямъ не даютъ.

Фролкинъ вытаращилъ глаза и долго мѣрлялъ меня своимъ пьянымъ взглядомъ.—Ну, извините, коли обидѣлъ, сказалъ онъ, наконецъ.—Я человекъ пьяный, а вы вишь не пьете. Ну, только вотъ еще что я скажу, сроду не повѣрю, чтобы этакій лихачъ да былъ дуракомъ; развѣ изъ ученыхъ, ну то дѣло опять таки девятое, а когда нашъ братъ обучался на мѣдныя копѣйки, значить, пыль въ глаза пушаетъ, только пыль-то густа больно.

— Можете думать, что хотите, сказалъ я, вставая.

— Ну, ладно же, коли эти блины оставимъ до инова дни, — проговорилъ онъ, хмурясь и вставая. — За угощеніе покорно благодарю!

— Не стойтъ, сказалъ я.

— Схожу теперь къ Александру Ивановичу. Пріятель — вотъ какой, душа-человѣкъ! Мое вамъ низжайшее!

— До свиданія!

— За виномъ пріѣхалъ Фроленнъ, в. в?. пробасилъ Мамай, подходя ко мнѣ. Это давай Богъ. Ну, только и башка этотъ Фролкинъ, деньжищевъ наградилъ страсть!

— Это, по твоему, башка?

— Какъ же не башка? Извѣстно башка! У насъ, таперь, супротивъ его въ откупъ никого не было.

— Ну, хорошо, готовъ вино-то. Завтра потолкуемъ.

В. Демидовъ.

(Продолженіе будетъ.)

РУССКІЕ ИДЕАЛЫ, ГЕРОИ И ТИПЫ.

(Окончаніе первой статьи.)

Печоринъ если и не обнаружилъ на русскую читающую публику особеннаго вліянія, то тѣмъ не менѣе впечатлѣніе, имъ произведенное, было значительно.

Правда, люди нравственные возмущались и тогда его сатанинскими свойствами, а нѣкоторые критики даже утверждали, будто бы Лермонтовъ въ лицѣ Печорина рисовалъ самого себя.

Но непріятное впечатлѣніе, произведенное Печоринымъ на нѣкоторыхъ, слѣдуетъ разсматривать не болѣе, какъ частность. Большинство читающей публики Печорину симпатизировало, и причина этого понятна. Печоринъ—сила, несомнѣнная сила, но, какъ выразились бы критики, ему современные, сила сатанинская. Не сила мефистофельская, наводящая на зло, а сила губящая все, съ чѣмъ она приходитъ въ соприкосновеніе. Попадется ли Печорину женщина, онъ оскорбитъ ее и надъ нею надругается; попадется ли мужчина, онъ вышутитъ его, а если представится случай, то и убьетъ. Печоринъ весь пропитанъ злобой, которая не останавливаетъ его ни предъ какими препятствіями; его нельзя запугать ничѣмъ. Въ этомъ безстрашии, въ этой злобѣ и безжалостности—секретъ силы Печорина. И несмотря на всю свою силу, Печоринъ производитъ безотрадное впечатлѣніе. Онъ оторванный отъ міра одиночка, отдѣлившійся отъ людей и ихъ ненавидѣвшій. Глядя

на его безцѣльно-убитую жизнь, на дѣятельность, направленную на пагубу отдѣльныхъ людей, жалѣешь о томъ, что общественная жизнь могла производить такія болѣзненные, уродливыя явленія. Конечно, у Печорина, говорящаго хотя и солидно, и, повидимому, умно, не было ума настолько сильнаго, чтобы поставить себя въ правильныя отношенія къ обществу и дать своей дѣятельности разумное и полезное направленіе. Причина этого въ томъ, что Печоринъ былъ воспитанъ не для общественной жизни. Съ первой молодости изъ него создавали одиночку; въ немъ развивали личныя наклонности, желанія и стремленія. Изъ него создавали деспота, предъ волей котораго должно было все склоняться, желаніямъ котораго должно было все служить. И вотъ эта одиночка сталкивается въ жизни съ другими одиночками, воспитанными точно также, какъ онъ, и также, какъ онъ, желающими, чтобы все служило имъ. За столкновениемъ личныхъ интересовъ является борьба, за борьбой неудовлетвореніе, обоюдное неудовольствіе, разочарованіе и озлобленіе. Въ великосвѣтскомъ омутѣ, въ которомъ вращался Печоринъ, онъ не встрѣтилъ сочувствія, потому что каждый думалъ о себѣ, и, озлившись на отдѣльныхъ людей, Печоринъ сталъ вымещать свою злобу на людяхъ, ни въ чемъ передъ нимъ неповинныхъ, и виноватыхъ только въ томъ, что они были также пусты, какъ тотъ большой свѣтъ, который ихъ создалъ. У Печорина не достало ума, чтобы понять, что отдѣльные люди тутъ ни въ чемъ не виноваты, и что глупо вести борьбу противъ отдѣльныхъ единицъ. Возвыситься до пониманія общихъ причинъ, создающихъ аномальныя общественныя явленія и портящихъ отдѣльныхъ людей, у Печорина не достало силы. Только поэтому вся его энергія и сила направилась на борьбу съ отдѣльными лицами, вмѣсто того чтобы бороться съ принципами; только поэтому онъ сталъ разыгрывать демоническую силу, направленную на частную борьбу, вмѣсто того чтобы выдти общественнымъ дѣятелемъ.

Тургеневскіе герои совсѣмъ иного закала. И они, какъ Печоринъ, воспитаны большимъ свѣтомъ; и они выросли, окруженные многочисленной дворней, пиянками, гувернерами и гувернантками, но въ основѣ ихъ натуры лежитъ благодушіе, дѣлающее изъ нихъ въ концѣ концовъ расплывающуюся манную кашу; они гибнутъ отъ скуки и праздности.

Тургеневскіе герои точно также воспитаны для одиночной жизни. Они живутъ точно также для себя и не понимаютъ солидарности человѣческихъ интересовъ. Они, какъ Печоринъ, не знаютъ другого

дѣла, кромѣ любви; но у нихъ недостаетъ печоринской силы и злости. Отъ этого, доведя женщину до признанія въ любви, Печоринъ безпощадно отталкиваетъ ее и говоритъ ей, что онъ шутилъ съ нею. Тургеневскіе же герои въ подобныхъ случаяхъ выскакиваютъ въ окно. Отличаясь отъ Печорина слабосильностію, тургеневскіе герои, по своему благодущію, оказываются способными только ныть, расплываться въ любви и охать отъ заѣдающей ихъ праздности. Они тоже не воспитаны для общественной дѣятельности и рѣшительно не знаютъ, что имъ дѣлать съ самими собою. Отъ этого они носятся по міру съ заѣдающей ихъ скукою, влюбляются, влюбляются въ себя; когда дѣло приближается къ развязкѣ, выпрыгиваютъ съ позоромъ въ окно, снова принимаются блуждать по міру снова влюбляются, снова выпрыгиваютъ и т. д. Въ промежутки же отпускаютъ красивыя фразы о необходимости дѣятельности, о пользѣ труда и вообще заявляютъ великую охоту говорить при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ о высокихъ матеріяхъ. Образчикомъ такой бесполезно и бессильно потраченной человѣческой жизни, типомъ цѣлаго ряда поколѣній, созданныхъ крѣпостнымъ бытомъ, служить благоухающій пустой фразеръ и жалкій мученикъ безцѣльно потраченной праздной жизни — Рудинъ.

Рудинъ, какъ и всѣ герои Тургенева, воспитывался тепличнымъ образомъ. Дѣйствительной жизни, такой, какая существуетъ для огромнаго большинства человѣчества, онъ не зналъ; но за то ему была коротко знакома искусственная жизнь обеспеченныхъ людей, жившихъ за плечами своихъ мужиковъ, какъ у Христа за пазухой. Жизнь этихъ болтуновъ была постоянною праздностію, и вся дѣятельность ихъ сосредоточивалась въ однихъ разговорахъ и въ общихъ разсужденіяхъ о предметахъ, неимѣвшихъ ровно никакого отношенія ко всему тому, что ихъ окружало. Это были люди сильно возбужденной фантазіи и общихъ разсужденій. Припомните камеръ-юнкера барона Муфеля. Дарья Михайловна познакомилась съ нимъ у князя Гарина, — тургеневскіе герои всегда князья, графы, камеръ-юнкеры и вообще люди знатнаго происхожденія или большихъ чиновъ, — этотъ почтенный камеръ-юнкеръ и баронъ обратилъ на себя вниманіе Дарьи Михайловны, плѣнивъ ее великосвѣтской блестящей болтовней, и написавъ политико-экономическую статью, желалъ подвергнуть ее суду Дарьи Михайловны. Въ статьѣ этой трактовалось объ отношеніяхъ промышленности къ торговлѣ въ Россіи. Неправда ли, какъ все это глупо! А въ тѣ времена вели-

ковсѣтскіе люди и не поступали никогда умнѣе. Ну съ чего этому камеръ-юнкеру писать политико-экономическую статью и почему понадобилось ему непременно представить свою статью на судъ Дарьи Михайловны?!.. Занимаютъ тебя вопросы экономическіе, — изслѣдуй ихъ, пиши, печатай, представляй ихъ на судъ публики или въ видѣ проэкта министру финансовъ. Конечно, такой способъ дѣйствія обнаружилъ бы стремленіе къ дѣйствительному дѣлу, чего вовсе не было въ головѣ блистательныхъ, великосвѣтскихъ героевъ Тургенева. Вся суть ихъ жизни заключалась въ вѣчномъ желаніи рисоваться и щеголять красивыми словами. И политико-экономическая статья Муфеля была точно также не больше, какъ желаніе порисоваться въ великосвѣтскомъ дамскомъ салонѣ.

Женщина для людей того времени была какою-то особенною силою. Какъ въ Америкѣ общественная похвала и стремленіе понравиться своею полезною общественною дѣятельностію служить двигателемъ для каждаго политическаго дѣятеля, такъ у насъ въ тѣ времена, когда Тургеневъ создавалъ свои благоухающіе типы, изображала подобную же силу женщина. Женщина окружалась небеснымъ сіяніемъ, обыкновенная дѣвушка превращалась въ дѣву; женское сердце считалось какой-то непостижимой загадкой, чѣмъ-то неподчиняющимся общимъ ему съ мужскимъ сердцемъ физиологическимъ законамъ. Для женскаго ума не существовало тоже ни психологическихъ и никакихъ другихъ законовъ, и ему дозволялось работать, въ какомъ ему вздумается направленіи. Загадочность и непостижимость женскаго существа, сбивавшая съ толку не только мужчинъ, но и самихъ женщинъ, служила поэтому предметомъ спеціального изученія романистовъ и повѣтствователей и самымъ обильнымъ матеріаломъ для бесѣды влюбленныхъ, и невлюбленныхъ юношей и старцевъ. Всѣмъ очень хотѣлось постигнуть непостижимое и никому это не удалось. На отношеніяхъ къ прекрасному полу и на любви къ непостижимымъ дѣвамъ построена вся жизнь тургеневскихъ героевъ.

Читатель пусть не думаетъ, что, называя этихъ героевъ тургеневскими, я хочу сдѣлать личный укоръ автору. Онъ тутъ не при чемъ. Онъ явился историкомъ и психологомъ воспитавшаго его общества, и рисуетъ своихъ героевъ такими, какими они есть. Обвинять г. Тургенева въ томъ, что онъ не умѣлъ подмѣтить въ русской жизни иныхъ людей и иныхъ дѣятелей, было бы несправедливо. Не могъ онъ рисовать другихъ людей, когда не вращался въ ихъ сферѣ; а за то, что онъ рисовалъ людей своего обще-

ства, его обвинять, конечно, нельзя. Съ другой стороны, литературная исторія великосвѣтскихъ людей не менѣе полезна и необходима, какъ и характеристика людей простыхъ. Откуда мы могли бы получить понятіе о бѣдныхъ скитальцахъ большого свѣта, уподобляющихся вѣчному жиду и заѣдаемыхъ скукою, праздностію и безцѣльною жизнью. Теперь мы ихъ знаемъ; теперь мы знаемъ, какихъ людей создавало бывшее барство, и сколько хорошихъ силъ оно загубило безъ пользы для нихъ самихъ и для общества. Съ этой точки зрѣнія нужно благодарить г. Тургенева, а не укорять его. Укорить его можно только за одно, что онъ остался всю свою жизнь вѣренъ сферѣ, воспитавшей его, и не былъ въ состояніи понять новой жизни и новыхъ людей, созданныхъ поворотомъ прогрессивнаго общественнаго мнѣнія. Вина его въ сочувствіи только къ Рудиннымъ и въ неумѣніи понять новыхъ людей, смѣнившихъ ихъ и такъ неудачно нарисованныхъ имъ въ лицѣ Базарова.

Новые люди нить перестали. вмѣсто красивыхъ разговоровъ, они начали стремиться къ дѣйствительному дѣлу; вмѣсто праздныхъ занятій въ любовную игру съ благоухающими, праздными великосвѣтскими дѣвами, они задумали заняться общепольными дѣлами. Въ Рудинныхъ подобной силы не было и никакое представление не переходило въ ихъ организмъ въ импульсъ движенія. Вся сила ихъ заключалась въ томъ, что они говорили, говорили и говорили; говорили бесконечно и, выговорившись, опускали руки и увѣряли, что ихъ утомила жизнь и что пора имъ отдохнуть. Напр., въ разговорѣ съ Натальей Рудинъ говоритъ: «мнѣ наскучило таскаться съ мѣста на мѣсто, мнѣ пора отдохнуть». — «Неужели вы находите, что вамъ пора отдыхать? спросила Наталья съ изумленіемъ, — отдыхать могутъ другіе, а вы должны трудиться, стараться быть полезнымъ». — «Благодарю за лестное мнѣніе сказалъ Рудинъ. — Быть полезнымъ... Легко сказать! Быть полезнымъ! Еслибъ даже было во мнѣ твердое убѣжденіе, какъ я могу быть полезнымъ? еслибъ я даже вѣрилъ въ свои силы, гдѣ найти искреннія сочувствующія души»?... И Рудинъ безнадежно махнулъ рукою и печально поникъ головою. «Впрочемъ нѣтъ, прибавилъ онъ: это вздоръ, и вы правы. Благодарю васъ. Ваше одно слово напомнило мнѣ долгъ, указало мнѣ дорогу... Да, я долженъ дѣйствовать. Я не долженъ скрывать свой талантъ, если онъ у меня есть; я не долженъ растрчивать свою силу на одну болтовню, пустую, бесполезную болтовню, на одни слова»... И слова Рудина полились рѣ-

кою. Специалистъ празднаго словозверженія почувствовалъ всю свою силу и заговорилъ. Онъ говорилъ прекрасно, убѣдительно и горячо—о позорѣ малодушія и лѣни, о необходимости дѣлать дѣло. Онъ осыпалъ самого себя упреками, доказывалъ, что разсуждать напередъ о томъ, что хочешь дѣлать, также вредно, какъ накалывать булавкой наливающійся плодъ, что это только напрасная трата силъ и соковъ. Онъ увѣрялъ, что нѣтъ благородной мысли, которая бы не нашла себѣ сочувствія, что непонятными остаются только тѣ люди, которые или сами не знаютъ, чего хотятъ, либо не стоятъ того, чтобы ихъ понимали.—Онъ говорилъ долго и окончилъ тѣмъ, что совершенно неожиданно стиснулъ руку Натальи и сказалъ ей, что она прекрасное и благородное существо.—Послѣ этого оставалось только одно: влюбиться въ Наталью Алексѣвну, а Наталья Алексѣвнѣ влюбиться въ Рудина.—Но тутъ говорунъ Рудинъ не могъ поступить просто, какъ всѣ люди, а употребилъ маневръ Печорина. Печорину, чтобы влюбить въ себя княжну Мери, нужно было возбудить въ сердцѣ ея чувство состраданія и сдѣлать этимъ первый шагъ къ ея сердцу. Печоринъ рассказывалъ о томъ, какъ онъ страдалъ въ жизни, о томъ, какъ онъ былъ непонятъ людьми, о томъ, какъ его искренность не находила отвѣта, а стремленіе къ правдѣ встрѣчало только поруганіе. Рудинъ употребилъ тотъ-же ехидный приемъ,—приемъ тѣмъ болѣе подленькій, что Рудинъ зналъ, что Наталью Алексѣвну любить взаимно Волынцевъ. «Наталья Алексѣвна, сказалъ Рудинъ ей на одной изъ прогулокъ, вы могли замѣтить, что я мало говорю о своемъ прошедшемъ. Есть нѣкоторыя струны, до которыхъ я не касаюсь вовсе. Мое сердце... Кому какая нужда знать то, что въ немъ происходило? Выставлять это на показъ мнѣ всегда казалось святотатствомъ. Но съ вами я откровененъ; вы возбуждаете мое довѣріе... Не могу утаить отъ васъ, что и я любилъ и страдалъ, какъ всѣ... Когда и какъ? Объ этомъ говорить не стоитъ, но сердце мое испытало много радостей и много ~~горя~~. Помолчавъ немного и сдѣлавъ печальную фізіономію Рудинъ, продолжалъ: «Мнѣ остается теперь тащиться по знойной и пыльной дорогѣ, со станціи до станціи въ тряской телѣгѣ... Когда я доѣду—и дуѣду-ли? Богъ знаетъ... Поговоримте лучше о васъ. — Неужели же, Дмитрій Николаевичъ, перебила его Наталья, вы ничего не ждете отъ жизни! — О, нѣтъ! я жду много, но не для себя... Отъ дѣятельности, отъ блаженства дѣятельности я никогда не откажусь; но я отказался отъ наслажденія. Мои надежды, мои мечты

и собственнаго мое счастье не имѣютъ ничего общаго. — Любовь... любовь—не для меня; я... ея не стою. Женщина, которая любитъ, вправѣ требовать всего человѣка, а я ужь весь отдаться не могу. Притомъ нравиться—это дѣло юношей: я слишкомъ старъ. Куда мнѣ кружить чужія головы! Дай Богъ свою сносить на плечахъ. Говоря все это, Рудинъ лгалъ и самъ онъ очень хорошо зналъ, что лжетъ и желаетъ рисоваться. Печоринъ тоже лгалъ въ подобномъ случаѣ; но Печоринъ дѣйствовалъ и систематически, и съ настойчивостью человѣка, хотѣвшаго во чтобы-то ни стало загубить христіанскую душу. Печоринъ поступалъ зло, губительно, свѣрсно, и при всемъ томъ его извинишь скорѣе, потому что Печоринъ—сила. Направленная вѣрно, эта сила въ состояніи принести пользу; ну, а какую пользу и кому бы-то нибыло могутъ принести такіе висели, какъ Рудинъ?... А туда же играетъ въ кошку и мышку, заставляетъ въ себя влюбляться, лжетъ до невозможности, рисуется непонятнымъ героемъ, и беззащитнымъ враньемъ и возвышенными фразами достигаетъ того, что Наталья на всю чепуху, сказавъ ей, отвѣчаетъ ему: — «я понимаю: кто стремится къ великой цѣли, уже не долженъ думать о себѣ; но развѣ женщина не въ состояніи опѣнить такого человѣка?...» — Слышите, Рудинъ стремится къ великой цѣли! О, добродушная Наташенька, какъ скоро тебѣ придется разочароваться въ своемъ героѣ и, вмѣсто великаго дѣятеля, увидѣть въ немъ тряпичнаго фразера!...

Вскорѣ послѣ этого разговора Рудинъ объяснился съ Натальей Алексѣвной. По своему слабодушію, онъ и тутъ уступилъ Печорину. Печоринъ довелъ до признанія женщину. Рудинъ, какъ и герой нашего времени, дѣйствуя коварно, оттирая Волынцева, какъ Печоринъ Грушницкаго, разжегъ Наталью Алексѣвну, но не выдержалъ до конца и сдѣлалъ объясненіе самъ.

Признаніе было учинено Рудинымъ въ бесѣдѣ и подслушано Пугачевскимъ, который, разумѣется, довелъ такую неожиданную новость до свѣденія Дарьи Михайловны.

Нѣсколько дней спустя Наталья назначила Рудину свиданіе и на этомъ-то свиданіи Наталья Алексѣвна убѣдилась сама, какія великія цѣли преслѣдуетъ ея Рудинъ и какими дѣлами занимается онъ въ жизни. Дарья Михайловна разбрала свою дочь и велѣла ей выкинуть дурь изъ головы. Объ этомъ-то Наталья и пришла сообщить Рудину. — «Намъ время терять нельзя, сказала она Рудину, — я пришла на пять минутъ». — Рудинъ, какъ водится, кинулся въ пустую, ненужную болтовню, началъ слабодушничать, и когда Наталья ска-

зала ему: «я пришла сюда не плавать, не жаловаться, я пришла за совѣтомъ», Рудинъ отвѣтилъ: «какой совѣтъ я могу вамъ дать». — «Какой совѣтъ? Вы мужчина, я привыкла вамъ вѣрить, я до конца буду вамъ вѣрить. Что намъ дѣлать?» — «Что намъ дѣлать, возразилъ Рудинъ, разумѣется покориться. Я знаю, какъ это горько, тяжело, невыносимо; но посудите сами, я бѣденъ... правда, я могу работать, но еслибъ я былъ даже богатый человѣкъ, въ состояніи ли вы перенести насильственное расторженіе съ семействомъ, гнѣвъ вашей матери?.. Нѣтъ, Наталья Алексѣевна, объ этомъ и думать нечего. Видно, намъ не суждено жить вмѣстѣ и то счастье, о которомъ я мечталъ, не для меня!» О, Рудинъ, Рудинъ, есть одно очень хорошее названіе для такихъ людей, какъ ты, но жаль, что оно нецензурное. Даже и теперь у Рудина не достало силы перестать быть фразеромъ и лгуномъ. Онъ твердо держался на своихъ ходуляхъ и подмосткахъ величія, и собственное безсиліе переносилъ на Наталью. Женщина призвала его на свиданіе съ твердою рѣшимостію отважиться на все то, что онъ ей посоветуетъ, а онъ ее увѣряетъ, будто бы она не въ силахъ перенести гнѣвъ матери и насильственное расторженіе съ своимъ семействомъ. «Хорошо», отвѣтила Рудину Наталья: — глаза ее заблестѣли сквозь слезы: — «я не о томъ плачу, о чемъ вы думаете», сказала она Рудину. Мнѣ не то больно, мнѣ больно то, что я въ васъ обманулась... Какъ! я прихожу къ вамъ за совѣтомъ, и въ какую минуту, и первое ваше слово: покориться... покориться! Такъ вотъ какъ вы примѣняете ваши толкованія о свободѣ, о жертвахъ... Вы такъ часто говорили о самопожертвованіи; но знаете ли, если бы вы сказали мнѣ сегодня, сейчасъ, я тебя люблю, но жениться не могу: я не отвѣчаю за будущее, дай мнѣ руку и ступай за мной — знаете ли вы, что я бы пошла за вами, знаете ли, что я на все рѣшилась! Но вѣрно отъ слова до дѣла еще далеко, и вы теперь трусили точно также, какъ трусили третьяго дня за обѣщаніемъ передъ Волынцевымъ»... Всякій другой, мало-мальски порядочный человѣкъ, провалился бы, кажется, сквозь землю послѣ подобнаго замѣчанія женщины, которая любитъ; Рудинъ же, съ беззащитностью мѣднаго лба, началъ увѣрять Наталью, что она слишкомъ раздражена и потому не въ состояніи понять его, а что со временемъ отдастъ ему справедливость. Наталья Алексѣевна ушла, оскорбленная, можетъ быть, еще болѣе, чѣмъ княжна Мери послѣ печоринскаго — *я шутила*. И, конечно, малодушная шутка Рудина была много обиднѣе жестокой выходки Печорина. Развѣ Рудинъ не

попутилъ! И чѣмъ его отношенія къ Натальѣ отличаются отъ отношеній Печорина къ княжнѣ Мери? Разница въ томъ, что Печоринъ поступилъ, какъ развращенный сильный человѣкъ, а Рудинъ, какъ развращенный пошлякъ и трусъ. Правда, Рудинъ и самъ сознается, что онъ дрянъ: «какова, думалъ онъ, восемнадцать лѣтъ!.. она замѣчательная дѣвушка. Какая сила воли, какъ я былъ жалокъ и ничтоженъ передъ нею». И этотъ ничтожный человѣкъ, послѣ такого неудачнаго финала своего любовнаго похождения, бѣжалъ съ позоромъ изъ дома Дарьи Михайловны и снова началъ носиться по міру съ своею скукой, обманывая добродушныхъ людей своими звучными фразами и широкими новыми взглядами.

Рудинъ — прототипъ всѣхъ тургеневскихъ героевъ. Во всѣхъ нихъ есть общія черты и одна сущность: всѣ они говоруну, трусы и люди неспособные ни для какого дѣла. Даже Базаровъ, не смотря на свою нигилистическую внѣшность, въ основѣ тотъ же Рудинъ. Онъ выговаривается, болтаетъ и рисуется. Онъ занимается любовью и вовсе не питаетъ такого уваженія къ лягушкамъ, какъ говорить. Г. Тургеневъ очень хорошо сдѣлалъ, что уморилъ Базарова въ молодости. И не думайте, что онъ сдѣлалъ это ради какихъ либо эстетическихъ соображеній: онъ сдѣлалъ это просто потому, что заставъ онъ жить Базарова долго, онъ бы сдѣлалъ изъ него Рудина въ плащѣ нигилиста. Ужъ такого свойства талантъ г. Тургенева, и такова его способность видѣть людей.

И его женщины, не смотря на то, что всѣ онѣ оказываются гораздо отважнѣе его мужчинъ, натуры пошлыя и пустыя. Нѣтъ у нихъ другого дѣла, кромѣ любви. Онѣ дразнятъ свое воображеніе, нѣжась долго въ пуховикахъ и засиживаясь въ свѣтлыя лунныя ночи.

Удивляются отважности героинь г. Тургенева. Но отважности тутъ въ сущности нѣтъ никакой, а только неразуміе и неспособность видѣть и оцѣнить послѣдствія. Вы трусили, говорить тургеневская героиня тургеневскому герою; я же готова съ вами на край свѣта, я готова хоть сейчасъ сдѣлаться вашей любовницей. И нужно сказать правду, что въ трусости героя гораздо больше ума, чѣмъ въ отважности героини. Героиня дѣйствуетъ по короткому порыву; она только желаетъ страсти и требуетъ немедленнаго удовлетворенія своей страсти. Ну, а потомъ-то что? Гражданскаго брака героини г. Тургенева не знали, значитъ имъ пришлось дѣлаться простыми любовницами. И, разумѣется, герои были

правы, когда отклоняли неопытныхъ дѣвушекъ отъ подобнаго намѣренія.

Г. Тургеневу очень посчастливилось въ его литературной дѣятельности. Было время, когда онъ пользовался большою извѣстностію, и описаніемъ своихъ пустыхъ героинь производилъ обаяніе на нашъ ~~превосходный~~ прекрасный полъ. Освободитесь отъ этого обаянія, и въ герояхъ и героиняхъ Тургенева вы не найдете никакой здоровой сущности. Все это гниль, слабость, суетловіе. Ни одного общественнаго вопроса не возбудилъ и не порѣшилъ г. Тургеневъ. Онъ— поэтъ голубиной любви и больше ничего. Во всѣхъ его повѣстяхъ повторяется на разные лады одно и тоже. Устраните все побочное и вводное, и окажется, что холостой человѣкъ влюбился въ холостую дѣвушку, а холостая дѣвушка въ холостаго мужчину, затѣмъ они объяснились въ любви, встрѣтилось препятствіе; дѣвушка непрочъ бы и въ любовницы, но молодой человѣкъ выскочилъ въ окно. Дѣвушка назвала его за это трусомъ; разошлись, и конецъ повѣсти. Спрашивается: для чего были эти безконечныя повторенія одной и той же мысли, но въ разныхъ обстановкахъ? Въ чемъ общественная важность подобнаго вопроса, и какъ онъ разрѣшенъ г. Тургеневымъ? Не было тутъ для г. Тургенева никакого вопроса и ничего онъ тутъ не разрѣшалъ. Пѣлъ онъ себѣ любовь, какъ поетъ птица божья свою пѣсню, и ни одна серьезная общечеловѣческая мысль, никакое социальное чувство не могло шевельнуться при этомъ въ мозгу автора. Насколько повѣсти г. Тургенева подвинули наше общество впередъ, какое новое знаніе сообщили они ему, какую новую мысль повѣдали они міру? Мы понимаемъ, что романісты могутъ принести обществу большую пользу популяризацией новыхъ идей; такъ Жоржъ-Зандъ популяризировала идеи социальнаго движенія тридцатыхъ годовъ во Франціи. Ничего подобнаго не сдѣлалъ г. Тургеневъ. Въ русской литературѣ онъ изображаетъ изъ себя блестящую ракету, которая и лопнула даже безъ треска. Изъ всѣхъ тургеневскихъ произведеній только одно имѣетъ еще слабое общественное значеніе—Записки охотника;—все остальное г. Тургеневъ могъ бы и не писать и не произошло бы оттого никакого убытка ни для русской литературы, ни для русскаго общества. Я не стану говорить, чтобы дѣятельность г. Тургенева была совершенно безслѣдна. Хорошо и то, что онъ познакомилъ насъ съ многообразными видами рудинскаго типа; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ показалъ, что для нашего общества требуются писатели иного закала, иного направленія, иныхъ способностей.

Сторонники карамзинско-пушкинскаго періода—самые непослѣдовательные изъ Рудинныхъ—никакъ не могутъ связать причины съ послѣдствіями. Они недовольны риторикой этой пустой жизни, и гордятся представителями этой ретирики. Они восхищаются Пушкинымъ, Лермонтовымъ, Тургеневымъ и восхищаются этимъ также искренно, какъ нелогично. Новые люди и новыя стремленія, созданныя переломомъ въ нашей общественной жизни, показали все бѣзсиліе этой эстетической шеолы. Ея типы — пустые и безполезные типы; ея слово — пустое, безполезное слово; что ни написали эти люди—все это красивыя фразы и красивый слогъ. Никакая серьезная соціальная мысль не руководила этими писателями, и никогда не отличались они серьезнымъ научнымъ образованіемъ. Оттого и всѣ ихъ произведенія прошли безслѣдно и безполезно для соціальной жизни Россіи. А между тѣмъ жизнь давно предъявила новыя требованія и новыя типы для современнаго русскаго романиста. Въ чемъ заключаются эти требованія и чего мы вправѣ ожидать отъ современнаго романа? — объ этомъ мы надѣемся поговорить впоследствии.

Н. Шелгуновъ.

Д А Н Т Ъ.

(Изъ Барбье).

Дантъ, старый Гибеллингъ! Я снова упдалъ
Твой образъ мраморный, что силою искусства
Рѣзецъ художника потомкамъ завѣщалъ,
И сердце дрогнуло отъ тягостнаго чувства: —
Такъ ярко на твое суровое чело
Наложена печать безмолвнаго страдающаго;
Что эти рѣзкія морщины провело
На лбу безжизненномъ? Томленіе изгнанья
Иль думы горькія объ участи людей,
Когда отверженный, покиннутый, гонимый,
Въ проклятыяхъ ты излилъ наплывъ твоихъ скорбей,
Измученной души недугъ неисцѣлимый?
Улыбкой озаренъ печальный образъ твой —
Въ ней не застыла-ль мысль послѣдняя поэта,
Не горькій ли то смѣхъ надъ жалкою толпой?
Къ твоимъ губамъ, о Дантъ, идетъ улыбка эта!
Ты родился въ странѣ, гдѣ солнце горячѣй,
Гдѣ страсти буйныя кипятъ неудержимо,
Ты видѣлъ, какъ и мы, безуміе людей
И въ нихъ живущій духъ вражды непримиримой:
Въ борьбѣ за первенство низверженныя въ прахъ
Смирились партіи и снова поднимались,
Ты много видѣлъ жертвъ горящихъ на кострахъ,
Въ твоей большой душѣ ихъ вопли отзывались!
Да, тридцать долгихъ лѣтъ прошлп передъ тобой,
А все царило зло, стѣснялася свобода,
Любовь къ отечеству была лишь звукъ пустой,

На вѣтеръ брошенный безъ пользы для народа!
Повсюду мракъ и ложь.... Озлобленный пѣвецъ,
На вѣчную тоску изгнанья осужденный,
Ты величаво несъ терновый свой вѣнецъ
И гордо умеръ въ немъ съ люльми непримиренный.
Но не безплоденъ былъ, о Дантъ, твой скорбный путь!
Огонь святой любви и ненависти правой,
Что долго такъ терзалъ измученную грудь,
Да жолчи ядъ въ тебѣ кипѣвшій жгучей лавой —
Все излилось въ строфахъ бичующихъ стиховъ
И отразилось въ той картинѣ безотрадной
Пороковъ и страстей Флоренціи сыновъ,
Тобою созданной, каратель безпощадный,
Съ такою силою и правдой, что порой
Дѣтей играющихъ услужанное стадо,
Завидя вдалекѣ твой обликъ гробовой,
Бѣжало съ крикамъ: «вотъ выходець изъ ада!»

Ю. Doppельмайеръ.

ГОСПОДА ОБНОСКОВЫ.

(РОМАНЪ)..

(Посвящ. Аг. Ал. Мельниковой.)

XIX.

Отецъ и' мужъ.

Бряжовъ сидѣлъ у' постели дочери, не замѣчая, какъ летитъ время, и не дѣлалъ никакихъ распоряженій, даже не посылалъ за докторомъ. Онъ былъ совершенно ошеломленъ неожиданною бѣдою. Въ его головѣ былъ какой-то хаосъ; мысли путались и не вязались одна съ другою. Старикъ не зналъ, что начать дѣлать, какъ поправить случившееся несчастье. Съ самаго дѣтства не умѣлъ онъ справляться съ житейскими невзгодами и въ самыхъ крайнихъ случаяхъ находилъ спасеніе себѣ только въ бѣгствѣ: такъ онъ бѣжалъ отъ розогъ изъ школы, бѣжалъ отъ неволи изъ дома своего дяди, бѣжалъ отъ стѣснительныхъ для его преподаванія мѣръ изъ университета, вѣроятно убѣжалъ бы и отъ своей жены, если бы она была дурна. Но въ настоящемъ положеніи патентованное средство никуда не годилось, и на мѣсто его требовалась дипломатическая тонкость для объясненій съ затемъ; а именно этой-то способности и не

было у Кряжова, неумѣвшаго, какъ мы знаемъ, ни въ какихъ случаяхъ объясняться съ людьми. Старикъ теперь кипятился и злился, хотя именно въ эту минуту ему всего нужнѣе было спокойствіе и хладнокровіе. Рѣзкій звонъ колокольчика въ передней вывелъ его изъ оцѣпенѣнія и заставилъ поспѣшить въ другую комнату, чтобы встрѣтить непрошеннаго гостя. Входя въ столовую, Кряжовъ встрѣтился лицомъ къ лицу съ зятемъ. Обносковъ былъ встревоженъ не менѣе тестя.

— Что у васъ тамъ вышло съ женою? — сурово спросилъ Кряжовъ у зятя, не подавая ему руки.

— Она здѣсь? — торопливо спросилъ Алексѣй Алексѣевичъ задыхающимся отъ волненія голосомъ.

— Здѣсь.

— Слава Богу, слава Богу! — обрадовался Обносковъ и, вздохнувъ свободно, отеръ съ своего плоскаго лба крупныя капли пота. — Фу, какъ я струхнулъ!.. Вѣдь я ужъ думалъ, что въ бреду горячки Богъ знаетъ куда убѣжала... Вы не можете себѣ представить, какъ это меня перевернуло... Мать прискакала въ должность, говорить: «жена убѣжала!» — я ничего не могу въ толкъ взять, въ головѣ какой-то туманъ, — отвратительная минута!..

Обносковъ налилъ себѣ воды и залпомъ опорожнилъ стаканъ.

— Не въ томъ дѣло! — прервалъ его Кряжовъ, хмурия брови. — Я спрашиваю, что у васъ тамъ вышло съ женою?

— Ничего не выходило, — отвѣчалъ уже болѣе спокойно Обносковъ.

— Какъ ничего не выходило?

— Я ее со вчерашняго вечера, когда вы у насъ были, и не видалъ даже.

— А какъ вы съ ней постоянно-то обращались? Какъ жили? — раздражительно промолвилъ тесть. — Мучили ее!

— Что съ вами, добрыйшій Аркадій Васильевичъ? — изумился зять, слыша строптивый тонъ старика. — Живемъ мы, слава Богу, мирно, тихо... Вы сами знаете, что иначе я и не могу жить при моихъ занятіяхъ... Но меня удивляетъ, добрыйшій...

— Убирайтесь вы къ чорту со своимъ добрыйшимъ!.. Что я

взмъ за добрѣйшій достался! Вы меня за мокрую курницу счигаете, что ли? — вышель изъ себя плохой дипломатъ и ближе подступилъ къ Обноскову, отступившему на шагъ назадъ. Начало не сулило ничего хорошаго.

— Что съ вами?

— А то, сударь, что вы измучили мою дочь. То, сударь, что она, Груня, мое дитя, не воротится больше въ вашъ домъ!.. Понимаете вы это?

Обносковъ въ изумленіи довольно широко открылъ свои подслѣпозтые глазки и еще на шагъ отступилъ передъ угрожающей фигурой стараго ех-профессора.

— Что же это такое?—прошепталъ онъ, слегка измѣняясь въ лицѣ.—Разрывъ... бѣгство... это уже не бредъ, не горячка...—потерь онъ рукою лобъ.—Да нѣтъ! Вы разстроены, вы сами не знаете, что вы говорите!—промолвилъ онъ и вынулъ еще стаканъ воды.—Глупости какія нибудь пришли въ голову женщинѣ, а вы изъ мухи слова сдѣлали... Гдѣ она? Я пойду къ ней... Надо переговорить...

Обносковъ совсѣмъ растерялся.

— Я вамъ сказалъ, что вы ее не увидите и она не воротится въ вашъ домъ. — сердито топнулъ ногою Кряжовъ и заходилъ по комнатѣ.

— Помплуйте, кто же ей позволитъ оставаться здѣсь?—не терпѣливо пожалъ плечами зять.

— Я! слышите вы: я!—крикнулъ Кряжовъ, точно онъ хотѣлъ, по крайней мѣрѣ, перекричать если не убѣдить зятя, и рванулъ съ шеи свою косынку. — Я ее не пущу къ вамъ; не пущу, если она сама захочетъ идти къ вамъ!.. Мало того, что вы сами мучили жену, такъ вы позволяли своей матерп мучить ее... Вы отъ чужихъ прячете эту бабу; она за кулисами, когда у васъ гости; вамъ стыдно показать это несотесанное чучело постороннимъ людямъ, но не стыдно заставлять жену жить изо дня въ день съ этою грубою тварью...

— Послушайте,—началъ задыхающимся, но сдержаннымъ голосомъ Обносковъ.—Я извиняю ваши дерзости только потому, что вы стары и не помните, что говорите... Вы раздражены... Я понимаю ваше положеніе. Вы слѣпо любите свою дочь, вы

не можете видѣть ея слезъ... Она, вѣроятно, разсердилась на меня и на мою мать за какую нибудь мелочь, пришла къ вамъ жаловаться, расплакалась и разстроила васъ окончательно... Вамъ надо успокоиться...

Кряжовъ молча продолжалъ шагать по комнатѣ, опустивъ на грудь свою сѣдую львиную голову.

— Вы знаете,—продолжалъ зять, успокоиваясь подѣ мѣрное теченіе своей рѣчи,—что я человѣкъ не свѣтскій, не паркетный шаркунъ, не праздный острякъ... Я не умѣю и не желаю быть любовникомъ своей законной жены, я считаю брачный союзъ слишкомъ священнымъ для того, чтобы осквернять его мелкимъ развратцемъ любезностей, ухаживаній и безконечныхъ поцѣлуевъ... Можетъ быть, мой женѣ,—позвольте меня за этотъ упрекъ вамъ,—начитавшейся въ вашемъ домѣ разныхъ современныхъ развратныхъ романчиковъ, захотѣлось на мигъ имѣть именно такого мужа-любовника. Но она, какъ умная по природѣ женщина, испорченная только воспитаніемъ, скоро пойметъ, что церковь не для этого освящаетъ союзъ мужа и жены. Теперь повѣтріе на бѣгство женъ отъ мужей, это зараза въ воздухѣ, внесенная десяткомъ развратныхъ сорванцовъ, подтачивающихъ всѣ основы честной, законной и, говорю смѣло, христіанской жизни... Не намъ съ вами, добрѣйшій Аркадій Васильевичъ, потакать этому злу. Мы призваны на борьбу съ нимъ—вы по лѣтамъ, я по убѣжденіямъ...

Кряжовъ давно уже спѣлъ у стола, скорбно опустивъ на руки голову и, кажется, не слышалъ рѣчей Обноскова.

— Помните, другъ мой,—продолжалъ зять, сверкая узенькими глазами,—сколько разъ мы толковали съ вами здѣсь, въ затишѣ семейнаго кружка, объ этихъ прискорбныхъ, все чаще и чаще повторявшихся заблужденіяхъ? Вы смотрѣли съ такимъ же неподдѣльнымъ ужасомъ, какъ и я, на эти несчастныя жертвы, бѣжавшія при первой размолвкѣ отъ законныхъ мужей. Мы знали, что ихъ ждетъ развратъ, позоръ и гибель. Какъ же вы хотите, чтобы я, зная ваши убѣжденія на этотъ счетъ, хоть на минуту повѣрилъ, что вы желаете содѣйствовать разврату и гибели своей любимой дочери?

Кряжовъ молчалъ. Все ниже и ниже склонялась его сѣдая

голова, все скорбиѣе становилось выраженіе его лица. Обносковъ съ невольнымъ удивленіемъ, почти съ любопытствомъ смотрѣлъ на эту безмолвную, полную тоски и горя фигуру старика.

— Успокойтесь, бѣдный мой другъ, — съ покровительствомъ и участіемъ произнесъ Обносковъ, подходя къ старику и дотрогиваясь до его плеча. — Дѣло поправимое!

Этотъ тонъ снисхожденія внезапно вывелъ Кряжова изъ забытья. Старикъ вскочилъ и поднялъ голову.

— Прочь негодай! — крикнулъ онъ, встряхивая съ омерзевніемъ плечомъ, до котораго дотронулся зять. — Я тебя изъ своихъ рукъ задушю, если это будетъ нужно для свободы моей дочери. Я черезъ твой трупъ перенесу ее на волю, бездушная, пресмыкающаяся тварь!.. Сожалѣніе!.. Ты смѣешь жалѣть меня!.. Понимаешь ли ты, что ты надѣлалъ?.. Ты человѣка загубилъ! мою дочь загубилъ!.. Да что я говорю: дочь! — ты загубилъ насъ всѣхъ, все наше счастье, весь нашъ семейный миръ... Слышишь ты? — трясъ Кряжовъ зятя за плечи, какъ бы готовясь вышвырнуть его за окно на улицу.

— Что же это, — убійство? — прошепталъ Обносковъ глухимъ голосомъ; обезсиливъ въ могучихъ рукахъ старика, и его лицо исказилось отъ страха.

Кряжовъ опомнился и съ отвращеніемъ оттолкнулъ отъ себя это больное, слабое и трусливое созданіе. Обносковъ едва переводилъ духъ и тяжело опустился на кресло.

— Ты лучше не лялайся ко мнѣ на глаза, — ворчалъ съ угрозой старикъ, шагая въ волненіи по комнатѣ. — Ты умѣешь говорить... ну а я не привыкъ съ такими подлецами объясняться... Н-да, не умѣю и, слава Богу, что не умѣю!.. Не готовился въ дипломаты, — ворчалъ вполголоса Кряжовъ.

— Вы... вы... не забудьте, — съ усиліемъ шепталъ зять, дрожа отъ недавняго испуга и злобы, — что у насъ... у насъ есть законы...

— Да... есть законы! — пробормоталъ Кряжовъ. — Ну и обращай къ нимъ, когда я тебѣ разшибу голову! — скрыпнулъ онъ зубами и вышелъ въ другую комнату.

— Есть законы, — говорилъ онъ самъ съ собою, шагая въ

другой комнатѣ. — И нечѣмъ оправдать бѣгство жены отъ такого мужа: тихій, скромный, не развратникъ, — ну и должна жить вмѣстѣ! Вѣдь и точно, не погакать же гнуснымъ прихотямъ всякой развратницы, захотѣвшей бѣжать отъ законнаго мужа! Вѣдь ее не насильно за него выдавали!.. Да это значить погубить ее же, если позволить ей бѣжать.... Да, да, это все мои слова, мои убѣжденія!.. Дитя мое, дитя мое, что я съ тобой сдѣлалъ! — рыдалъ, какъ ребенокъ, старикъ, припадая къ постели лежавшей безъ движенія дочери. — До сдѣланныхъ дожилъ, общество всю жизнь училъ, а не научился понимать людей, не сумѣлъ понять, что выйдетъ изъ того, что я дѣлаю... Старый дуракъ, палачъ въ шутовской одеждѣ!

Кряжовъ рванулъ воротъ своей рубашки, такъ что у него отлетѣли пуговицы. Въ эту минуту, должно быть, подъ вліяніемъ восклицаній отца, Груня стала бредить во снѣ.

— Что же докторъ не идетъ?— очнулся старикъ. — Вѣдь я, кажется, посылалъ за нимъ... Нѣтъ!.. Забылъ... Дуракъ, дуракъ!.. Не достаетъ еще, чтобы я самъ ее уморилъ теперь!

Старикъ бѣгомъ отправился въ людскую и поднялъ на ноги всю прислугу... Бѣготня, толки докторовъ, посылка за лекарствомъ, хлопоты около больной, все это утихло только къ ночи, когда наконецъ въ домѣ настала тишина и покой. Вездѣ погасили огонь, всѣ уснули и только едва-едва теплилась лампа съ темнымъ абажуромъ въ спальнѣ лежавшей безъ памяти Груни, у постели которой не спалъ Кряжовъ: онъ сидѣлъ въ полумракѣ въ большомъ креслѣ, опустивъ на грудь и поддерживая одною рукой свою сдвину голову.

Идутъ дни за днями своимъ чередомъ. Кряжовъ не заглядываетъ въ свой любимый, уютный кабинетъ. Пусто и тихо въ этой комнатѣ. Пыль покрываетъ книги; до нихъ никто не дотрагивается; нѣкоторыя изъ нихъ такъ и остались открытыми, какъ бросилъ ихъ хозяинъ, выбѣжавъ на встрѣчу къ своей дочери, пришедшей искать спасенія, можетъ быть, спокойствія могилы въ отцовскомъ домѣ; какъ-то неприятно дѣйствуютъ на глаза эти открытыя страницы, занесенныя густымъ слоемъ пыли, словно онѣ говорятъ о скоростижной смерти труженника, словно напоминаятъ, что у этого труженника не было въ

міръ ни одного близкаго существа, которое закрыло бы съ священной скорбью недописанную пмъ страницу. Такое любимое существо было у Кражова, и у его-то постели проводить онъ теперь дни, для этого-то любимаго существа бросилъ онъ недописанныя страницы своихъ изысканій и не заботится ни о пыли, осѣдающей на свѣжія чернила, ни о мышахъ, которыя могутъ, если пмъ вздумается, обгрызть эти исписанные листы. Все это писалось для науки, для общества, для потомства, можетъ быть; но что за дѣло теперь старику до этихъ любимыхъ умомъ предметовъ, когда судьба отрываетъ у его сердца всю его жизнь—его любимую дочь? Онъ долженъ быть здѣсь: у ея постели его мѣсто. Это мѣсто его нравственной пытки, его любимое мѣсто,—но старикъ не хочетъ ради чего бы то ни было уступить это мѣсто кому нибудь другому. Оно надрываетъ его старое сердце, но оно дорого ему. Тянется долгій мучительный день,—старикъ чутко прислушивается къ каждому шороху и трепещетъ, что вотъ-вотъ раздастся звонокъ въ передней, отворится дверь и появится въ этой комнатѣ зять, чтобы потребовать къ себѣ свою жену. Какъ подѣйствуетъ его появленіе на больную? Не убьетъ ли оно сразу это хрупкое существо? Можетъ быть, и убьетъ, но какъ предупредить это естественное появленіе зятя, какъ устранить отъ постели дочери ея законнаго мужа?.. Но, слава Богу, день, проклятый, истомившій нервы, меркнетъ: мужъ дочери не приходилъ, теперь можно успокоиться до слѣдующаго дня. Успокоиться?—едва ли! Наступаетъ ночь, воцаряется тишина, — но старикъ тщетно старается задремать въ своемъ большомъ креслѣ. Сонъ не идетъ, а идутъ новыя страшныя думы. Эта проклятая ночь не разгнѣваетъ ихъ, она какъ будто только для того и тиха и беззвучна, чтобы не нарушать этихъ думъ,—и онѣ все растутъ и растутъ. Что будетъ, если дочь выздоровѣетъ? Не должна ли она идти на новыя муки, не будетъ ли ея выздоровленіе только средствомъ заставить ее переносить новыя страданія, новыя сцены, новыя болѣзни? Такъ лечили преступниковъ, чтобы они имѣли возможность получить недоданные пмъ удары палача... Такъ неужели же нужно желать, чтобы она умерла? Отцу желать смерти любимой дочери?.. У старика болѣзненно сжимается

сердце и онъ начинаеть тревожно прислушпваться къ дыханію дочери: жива ли она? ужъ не умерла ли и въ самомъ дѣлѣ? Но вотъ она бредить, вотъ она чуть слышно шепчетъ его имя, имя мужа, имя Павла... Новыя воспоминанія, новую пытку переживаетъ старикъ. Гдѣ Павелъ? За что разорвана связь и съ этимъ дорогимъ существомъ? Что оно дѣлаетъ? Не гибнетъ ли въ омутѣ столичной жизни?.. А бредъ дочери все продолжается, вотъ слышется слова любви... Она говоритъ о любви, ужъ не любила ли она Павла, болѣе чѣмъ брата? Онъ былъ хорошъ, она молода; они росли вмѣстѣ, они сжились вмѣстѣ по чувствамъ, по мыслямъ, по стремленіямъ... Да, да, они любили другъ друга... Любили!—Они и теперь любятъ другъ друга... Беснадежная любовь — это источникъ новыхъ мукъ. Жить съ ненавистными людьми, терпѣть отъ вѣхъ гоненія—и знать, что гдѣ-то близко есть любящее, дорогое существо, съ которымъ можно бы прожить счастливо всю жизнь,—да вѣдь это невыносимо... Но гдѣ же исходъ, гдѣ исходъ?.. Опустивъ на руки свою пзмученную голову, сидитъ старикъ до утра и болью отдается въ его сердце каждое слово, произнесенное въ бреду его дочерью, и такую же болью сжимается его сердце, когда кругомъ воцаряется могильная тишина и дочь лежитъ, подобно трупу, безъ всякаго движенія на постели...

Да, это лобное мѣсто для Кряжова. Даже нѣтъ въ его головѣ мысли, что онъ наказанъ безъ вины, что онъ правъ. Даже не ищетъ никакого оправданія себѣ этотъ честный и прямодушный старикъ. Онъ сознаетъ, что онъ не подлець, не негодяй, но онъ слабый человекъ, неопытный младенецъ въ дѣлахъ жизни, а это хуже подлости. Подлець имѣетъ определенную цѣль, подлець знаетъ, кого онъ долженъ погубить своею подлостью, подлець знаетъ, что его можетъ встрѣтить наказаніе за его поступки; но ничего этого не знаетъ слабый и неопытный человекъ: нѣтъ у него умѣнья достигнуть полезной цѣли, не предвидитъ онъ, кто можетъ погибнуть отъ его бессознательныхъ или неумѣлыхъ поступковъ, не понимаетъ онъ, что и его можетъ ждать казнь за эти поступки, бесполезные, можетъ быть, даже для него самого. Подлець съ полнымъ сознаниемъ губить враговъ и стоитъ за своихъ сторонниковъ;

слабый человекъ очень часто безсознательно помогаетъ врагамъ и запутываетъ положеніе своихъ друзей...

Жизнь въ эти дни казалась Кряжову какимъ-то тягостнымъ сномъ, невыносимымъ кошмаромъ, горячечнымъ бредомъ. Его заставило отчасти очнуться и вспомнить о необходимости дѣйствовать письмо зятя.

«Ваше возмутительное обращеніе со мною при нашей послѣдней встрѣчѣ,—писалъ между прочимъ зять въ своемъ длинномъ посланіи,—заставило меня отказаться отъ личныхъ переговоровъ съ вами и прибѣгнуть къ письменнымъ объясненіямъ. Я узналъ отъ вашей прислуги, что моя жена опасно больна. Очень естественное чувство заботы о ея здоровьи заставляетъ меня не требовать ея немедленнаго возвращенія въ мой домъ въ настоящую минуту. Мнѣ тяжело не видать ее, но приходится въ этомъ случаѣ покориться судьбѣ. На вашъ уходъ за нею я надѣюсь вполне, зная, какъ вы любите ее, и потому я покоенъ хотя въ этомъ отношеніи. Не желая тревожить и раздражать ее, покуда она будетъ слаба, я общаюсь вамъ не являясь къ ней на глаза. Но за эти уступки *вы обязаны*, какъ честный человекъ, какъ человекъ почтенныхъ лѣтъ, приложить всѣ свои старанія для внушенія своей дочери твердыхъ понятій о ея долгѣ. Не думайте, многоуважаемый Аркадій Васильевичъ, что вы этимъ сдѣлаете только услугу мнѣ, нѣтъ! вы спасете честь своего семейства, спасете свою дочь и избавите себя отъ скандала и огласки всей этой прискорбной исторіи. *Вы должны* подготовить свою дочь къ лучшему пониманію супружескихъ обязанностей, потому что *именно вы* должны загладить этимъ свое прошлое неумѣнье воспитать честную женщину—жену и мать семейства. Вы должны исправить прошлое и ради того, чтобы для вашей дочери началась мирная и счастливая жизнь въ домѣ ея мужа. Поймите, что только моя любовь къ женѣ заставляетъ меня временно уклониться отъ тѣхъ мѣръ, на которыя я имѣю полное, неоспоримое и, такъ сказать, священное право. Я даю вамъ срокъ уладить все прочтѣе, спокойнѣе, безъ ломки, безъ шуму. Но я долженъ предупредить васъ, что никто не заставитъ меня отказаться отъ моихъ законныхъ правъ. Я не изъ тѣхъ, которые грабятъ, и не изъ тѣхъ,

которыхъ грабятъ. Законность для меня выше всего и я еще не считаю себя въ правѣ думать, что вы серьезно придерживаетесь другого образа мыслей. Живую или мертвую, но я ворочу въ свой домъ свою жену и не позволю ни одному мерзавцу смѣяться надо мною. Мы, слава Богу, живемъ въ такомъ обществѣ и въ такія времена, что можемъ найти справедливый судъ и расправу. Говорю все это вамъ, чтобы вы смотрѣли серьезнѣе на свою задачу примирителя и не думали, что есть какой нибудь незаконный путь для удовлетворенія каприза вашей дочери. Этого пути нѣтъ. Вы знаете, что она должна или вернуться ко мнѣ въ домъ или идти въ монастырь; послѣдняя она, конечно, не сдѣлаетъ, тѣмъ болѣе, что я ниѣлъ случай узнать ея, къ несчастію, очень печальный взглядъ на такіе предметы, какъ монастыри».

Кряжовъ опустилъ руки, прочитавъ это посланіе. Онъ увидалъ необходимость выпросить у зятя отсрочку для вступленія Груни въ домъ мужа... Начинаются переписка, свиданія, переговоры. Обносковъ держитъ себя холодно, спокойно, съ достоинствомъ, иногда язвительно подсмѣивается надъ старикомъ. Кряжовъ сначала проситъ, почти умоляетъ, потомъ раздражается, бушуетъ и вдругъ приходитъ въ себя, сознаетъ свое положеніе и снова переходитъ къ просьбамъ. Но оба выглядятъ невесело, нехорошо, лица обоихъ осунулись, пожелтѣли. Кряжовъ ходитъ невѣрною походкою, Обносковъ сильно кашляетъ.

— Скорѣй надо ковать желѣзо, скорѣй! — говоритъ Обносковъ на прощаньи съ Кряжовымъ. — Вы видите, чего намъ обоимъ стоитъ эта исторія. Мы оба въ гробъ смотримъ и уходимъ себя, если не кончимъ дѣла скорѣе...

— Подождите, дайте ей совѣтъ поправиться, тогда я ее подготовлю къ свиданью съ вами... Ради Бога подождите, теперь она такъ слаба, — умоляетъ старикъ.

— Вы видите: я жду... Вѣдь надо удивляться, какъ иногда бываютъ снисходительны тираны-мужья, — насмѣшливо и злобно заключаетъ Обносковъ, — и какъ неснисходительны ихъ страдальцы-жены. Тиранъ-мужъ боится женѣ на глаза показаться, чтобы не повредить ея здоровью излишними волненьями, а стра-

далица-жена позорить мужа, бросаетъ его по капризу, доводитъ его чуть не до могилы... Дивныя дѣла бываютъ на свѣтѣ!

Кряжовъ молча и задумчиво выслушиваетъ эти жгучія слова, и въ его головѣ вертится мысль:

— А что если онъ умретъ черезъ полгода? Какъ бы протянуть это время?

Старикъ пристальнѣе всматривается въ лицо зятя: оно желто, изнурено и мѣстами на щекахъ горитъ пятнами зловѣщій румянецъ.

— Умереть, скоро умереть!.. А, можетъ быть, еще десятки лѣтъ прожить! — думается старику, и онъ бонсея этой послѣдней мысли, гонить ее отъ себя.. Да, онъ, честный, прямотушный, не стыдится теперь желать смерти ближнему; старикъ не стыдится желать смерти молодому человѣку!

XX.

Заря новой жизни.

— Дитя мое, не холодно ли здѣсь... Не простудись... И зачѣмъ ты ходишь одна, ты еще очень слаба, — такъ говорилъ однажды Кряжовъ, заботливо суетясь около дочери, перешедшей въ столовый залъ безъ его вѣдома.

Она была еще слаба и блѣдна, но уже могла ходить безъ посторонней помощи. Закутанная въ большую шаль, она полулежала теперь въ дорогое ей по воспоминаніямъ креслѣ и, не слыша словъ отца, задумчиво смотрѣла на огонь, пылавшій въ каминѣ.

— Позволь я проведу тебя въ твою спальню, — уговаривалъ ее старикъ.

— Аа! ты здѣсь, — очнулась молодая женщина отъ забытья. — А я мечтала... Все воспоминанія... Скажи мнѣ, что ты знаешь о немъ? — отрывисто говорила она, какъ будто отецъ долженъ былъ знать, о комъ она думала во время своихъ мечтаній.

— Какъ бы тебѣ сказать, дитя мое, — смѣшался старикъ, не понимая ея вопроса и не желая показать этого. — Покуда я ничего не могу сказать навѣрное.. Я не знаю...

— Такъ ты справишься... Я хотѣла бы знать, что онъ дѣлаетъ, какъ живетъ... Неужели ты совершенно разлюбилъ его?.. Вѣдь онъ росъ на твоихъ рукахъ. Онъ былъ близокъ тебѣ, какъ сынъ.. Не понимаю я, какъ это могутъ люди забывать другъ друга только потому, что они не родные...

— Что ты, что ты, голубка! Я его и теперь помню, люблю какъ сына, — поторопился сказать Кряжовъ, понявъ, о комъ идетъ рѣчь. — Я на дняхъ пошлю узнать... Это время все о тебѣ хлопоталъ, совсѣмъ потерялся... Хорошая моя, напугала ты меня.

Кряжовъ ласкалъ дочь, но она была какъ-то апатично холодна. Казалось, что вмѣстѣ съ здоровьемъ отцвѣла ея любовь, погибла ея нѣжность. Постоянно задумчивая, постоянно молчаливая, она не ласкалась, какъ прежде, къ отцу, не говорила съ нимъ по цѣлымъ часамъ и какъ-то разсѣянно слушала его болтовню. Онъ же никогда не былъ такъ говорливъ, какъ теперь. Казалось, что онъ хотѣлъ вознаградить себя за долгіе дни молчанія и одинокой тоски. Подъ его говоръ нерѣдко засыпала дочь въ своемъ большомъ креслѣ. У старика наворачивались на глаза слезы, когда онъ замѣчалъ, что дочь не слушала его и заснула, но онъ быстро оправлялся и тихо, осторожно отвозилъ больную въ креслѣ въ ея комнату, гдѣ при помощи горничной укладывалъ дочь, какъ ребенка, въ постель.

— Дитя мое, я справлялся о немъ, — толковалъ, радостно потирая руки, Кряжовъ, на другой день послѣ распросовъ дочери о Павлѣ.

— Ну и что-же? — спросила молодая женщина.

— Ничего, работаетъ, здоровъ...

— Не думаетъ зайти къ намъ?

— Какъ бы тебѣ это сказать... Онъ заходилъ, то есть не то, чтобы заходилъ, а справлялся о твоёмъ здоровьи у дворника... почти каждый день справлялся... Я это отъ лакея вчера узналъ... Да этого и нужно было ожидать. Я всегда былъ увѣ-

ренъ, что Павелъ насъ любить. Строптивъ онъ, непокоренъ, но насъ никогда не забудетъ. Добрая душа!

Дочь молча слушала болтовню разговорывшагося старика.

— Н-да, справлялся и не зашелъ,— качая головою, разсуждала она какъ бы про себя.— Онъ и не зайдетъ сюда, никогда не зайдетъ...

— Отчего же, дитя мое, отчего же!—торопливо прервалъ ее отецъ.—Теперь вотъ ты поправилась, говорить можешь, онъ и зайдетъ непременно...

— Нѣтъ, отецъ, онъ не зайдетъ... И не зачѣмъ ему заходить сюда... Мы его оттолкнули отъ себя... Ты позабылъ объ немъ, я... что я ему теперь?..

— Что за мысли, что за мысли!—воскликнулъ старикъ, подергивая шейную косынку.—Зачѣмъ этотъ тонъ? Развѣ мы враги съ нимъ? Развѣ онъ не знаетъ, что мы любимъ его, какъ родного?.. И отчего это ты вдругъ могла сдѣлаться чуждою его сердцу? Развѣ онъ такъ черствъ? Вотъ ужъ этого я не люблю, когда такъ думаютъ о ближнихъ...

Старикъ горячился и путался, но дочь уже не слушала его рѣчей и дремотно смотрѣла на огонь въ каминѣ. Какія-то неуловимыя и смутныя видѣнья носились передъ ея глазами, въ головѣ роились отрывки воспоминаній, клочки разговоровъ; иногда ей вдругъ представлялось на мгновенье будущее и по ея лицу пробѣгало выраженіе ужаса, плечи слегка вздрагивали... Но слабость сдѣлала свое дѣло, и молодая женщина снова заснула, какъ убаюканное дитя.

На слѣдующій день Кряжовъ весь сіялъ, не могъ посидѣть на мѣстѣ, не могъ наговориться.

— А знаешь ли, голубка, гдѣ я былъ вчера?—весело спрашивалъ онъ у дочери и какъ-то лукаво подмигивалъ добродушными глазами.

— Почему же я знаю!—отвѣтила разсѣянно дочь.

— У него, у нашего Павла,—торопился высказаться старикъ.—Я знаю его, онъ упрямъ, непокоренъ, онъ не пришелъ бы первый... Да ему и не слѣдъ было приходиться первому. Я старше его, я долженъ былъ первый показать ему, что прошлое забыто... Вотъ я такъ и сдѣлалъ... Обрадовался онъ, цѣ-

дуетъ... Все о тебѣ говорилъ.. Онъ теперь придетъ. Только поправляйся скорѣе, онъ тогда и придетъ.

— Это онъ тебѣ сказалъ?

— Да, да, онъ сказалъ, что придетъ, когда тебѣ будетъ лучше.

— Онъ это обмануль тебя, успокоить хотѣлъ,—промолвила молодая женщина.—Онъ не придетъ. Я теперь поняла это... Ему *нельзя* придти сюда... И для чего?.. Ну скажи мнѣ, для чего онъ придетъ?

— Какъ для чего?—растерялся старикъ и засуетился, не вынося пристального взгляда дочери.—Вотъ ты увидишь, я самъ его приведу!

— Зачѣмъ?—еще пристальнѣе и неотступнѣе взглянула дочь.

Старикъ растерялся окончательно и началъ развязывать шейную косынку, подергивая и запутывая узелъ.

— Зачѣмъ? — продолжала уже въ раздумьи дочь. — Увидаться на минуту, погоревать вмѣстѣ, еще болѣе убѣдиться въ томъ, что въ будущемъ тьма и безъисходность... Стоить ли для этого видѣться?.. И одной надоѣло страдать, ныть...

— Что у тебя за мысли?—тревожно проговорилъ старикъ, чувствуя, что дочь касается именно того предмета, о которомъ онъ старался не думать, обманывая себя на счетъ ея будущаго возвращенія къ мужу.—Мы должны быть всѣ вмѣстѣ... Старую жизнь начнемъ...

— Ты вѣришь въ возможность этого?—съ упрекомъ въ голосѣ спросила дочь.

— Да, да, мы будемъ счастливы, — увернулся отъ ея взгляда отецъ.—Пожалуйста не возражай! Вѣдь ты хочешь увидать его? Хочешь?

— Отецъ, что ты спрашиваешь! Зачѣмъ ты это спрашиваешь!.. Все, все отдала бы я, чтобы онъ былъ здѣсь,—оживилась на мигъ молодая женщина и вдругъ снова на ея лицо набѣжала какая-то мрачная тѣнь.—Да нѣтъ, зачѣмъ! раздражительно проговорила она.—Не напоминай мнѣ объ этомъ... Это мечта, бредъ... Лучше приготовь меня перенести дѣйствительность, близкое будущее... Ты не отвратишь его, такъ по крайней мѣрѣ постарайся облегчить...

Что-то суровое и почти черствое было въ этихъ словахъ дочери. Отецъ опустилъ на грудь голову и его говорливость внезапно смѣнилась тоскливымъ молчаніемъ. Онъ почти боязливо ждалъ, что вотъ-вотъ дочь еще заговоритъ и поразитъ его сердце сотнями упрековъ за прошлыя и предстоящія страданія. Но она молча поднялась съ мѣста и тихо, почти шатаясь, пошла въ свою спальню.

Отецъ бросился подлержать ее.

— Оставь, я дойду одна, — проговорила она холоднымъ тономъ.

— Дитя мое, ты сердисься,—началъ старикъ.

Дочь остановилась на минуту; выраженіе ея лица стало совершенно мрачнымъ.

— Пора все кончить, пора кончить игру въ прятки,—отрывисто проговорила она, поддаваясь нервному раздраженію. — Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше... Я тебя не упрекаю, но зачѣмъ ты не сказалъ мнѣ прямо, что псхода нѣтъ?.. Надо было принудить меня жить съ мужемъ: закрѣпостили, такъ и нужно было разъяснить это... А то отъ слугъ приходится узнавать, что мужъ можетъ черезъ полицію вернуть... черезъ полицію!... А ты... ты еще новые сны павѣваешь... точно нарочно хочешь сдѣлать болѣе страшнымъ мое пробужденье... Скорѣе, скорѣе кончай все, какъ нибудь, но кончай... или я сама развяжу узелъ...

Дочь отвернулась отъ отца и прошла, шатаясь, въ свою спальню.

Онъ, какъ оглушенный громомъ, стоялъ безъ движенія на мѣстѣ и опять ни одного оправданія себѣ не находилось въ его умѣ. «Виновать, кругомъ виновать!» шепталъ онъ и, казалось, что ему не далеко было до сумасшествія.

Странныя чувства овладѣли теперь Кряжовымъ: онъ не сердился, не смѣлъ сердиться на дочь за ея рѣзкія слова,—нѣтъ, напротивъ того, онъ еще болѣе понялъ всю тягость ея положенія и страдалъ за нее болѣе прежняго. До сихъ поръ любовь молодой женщины къ Павлу казалась однимъ предположеніемъ старнику, теперь же онъ увѣрился въ справедливости своихъ догадокъ. Нѣсколько дней, какъ мы уже видѣли, онъ тѣ-

шляя, радуя свою дочь рассказами о Павлѣ, и готовъ былъ продолжать эти невинныя, по его мнѣнію, толки о молодомъ человѣкѣ. И вдругъ нѣсколько отрывочныхъ фразъ дочери открыли ему, къ чему онъ ведетъ ее этими подогрѣваньями того чувства, которое она старалась насильно задуть въ себѣ, вырвать съ корнемъ изъ своего сердца. «Что дѣлать?» спрашивалъ себя старикъ. Снова цѣлую ночь провелъ онъ безъ сна, снова взвѣшивалъ всѣ обстоятельства и тщетно старался найти исходный путь. Наконецъ онъ на что-то рѣшился. Дня черезъ три онъ явился къ дочери опять съ сіяющимъ лицомъ.

— Дитя мое, тебѣ лучше? У тебя сегодня и цвѣтъ лица свѣжѣе,—говорилъ старикъ молодой женщинѣ.

— Да, я почти здорова,—отвѣчала она.

— Ну и отлично, и отлично!—радовался отецъ, потирая руки.—А что, если бы... Только ты будь покойна, не волнуйся... Если бы, знаешь, вдругъ теперь вошелъ...

— Папа, онъ здѣсь? Здѣсь?.. Веди его сюда, милый. Я хочу его видѣть, въ послѣдній разъ видѣть!—взволновалась дочь и ея щеки вспыхнули яркимъ румянцемъ.

— Ну, полно, полно, успокойся... Погоди...

— Павелъ, Павелъ, другъ мой!—поднялась молодая женщина съ кресла и опустила свою голову на грудь Павла, быстро подошедшаго къ ней.

Съ минуту длилось молчаніе. Никто не могъ выговорить ни слова. Первый очнулся Кряжовъ.

— Ахъ, я и забылъ, мнѣ еще нужно къ Трегубову съѣздить. Ты побудь здѣсь, Павелъ, покуда я не возвращусь, — засуетился старикъ и торопливо, почти бѣгомъ скрылся изъ комнаты.

— Милый, милый, какъ я счастлива!—шептала молодая женщина, любуясь лицомъ своего друга.—Какъ ты измѣнился, похудѣлъ... Какъ ты жилъ это время? Что дѣлалъ? Я все хочу знать...

— Послѣ, послѣ расскажу все, говорилъ Павелъ, цѣлуя руки Груни и сидя у ея ногъ на скамейкѣ. — Теперь надо думать не о прошломъ, а о будущемъ.

— О будущемъ?—вздрыгнула Груня и по ея лицу скользну-

ло выраженіе боязни.—Другъ мой, не лучше ли не заглядывать въ это будущее? Тамъ мракъ.

— Тамъ свѣтъ, тамъ счастье! — говорилъ Павелъ оживленнымъ и страстнымъ тономъ.—Будущее наше. Будущее создаемъ мы.

Молодая женщина вздохнула.

— Это мечты!

— Нѣтъ, не мечты! Надо дѣйствовать и добиться счастья. Надо искать исхода.

— Я, по крайней мѣрѣ теперь, не въ состояніи ничего придумать... Я думала—ничего не выходило: впереди была все та же безразсвѣтная тьма... Практической, дѣйствительной жизни я не знаю... Я думала такъ легко отдѣлаться отъ мужа...

— Полно! Я все устрою, я все отдамъ, но устрою наше будущее. Говорять, нѣтъ для насъ исхода. Глупости! Найдемъ исходъ!.. Онъ есть вездѣ, для всего. Лѣнныя и трусы только не находятъ его... Какой исходъ былъ у меня, когда я вышелъ отсюда изъ дома безъ гроша въ карманѣ? Какой исходъ былъ у меня, когда три дня я питался кускомъ хлѣба и водой, оставшись безъ помощи въ этомъ чуждомъ для меня обществѣ? Однако-же я выбился изъ нужды. Я готовъ былъ кули таскать, готовъ былъ въ лакеи идти, только бы выбиться своимъ трудомъ изъ рукъ голодной смерти, и выбился. И всякій человѣкъ выбьется изъ ея рукъ, если въ немъ есть энергія, если онъ не станетъ плакать, что у него не явится сразу богатство. Но только былъ бы кусокъ хлѣба, да силы, а тамъ явится и остальное. Или борьба съ случаемъ или смерть. А исходы будутъ всегда. Биться, биться нужно до послѣдней капли крови и побѣдить или умереть. И то и другое благо, и то и другое освобождаетъ отъ гнета....

— Я сама думала о смерти,—задумчиво проговорила Груня.

— Думала о смерти, не начавъ борьбы? — горячо проговорилъ Павелъ тономъ строптиваго упрека.—Умереть, не помѣрившись силами съ врагомъ? Убить себя прежде битвы, чтобы прямо уступить ему поле сраженія? Да развѣ тутъ есть смыслъ?.. Нѣтъ! надо все средства испробовать, надо не сдаваться до послѣдней минуты... И развѣ это такъ трудно тебѣ сдѣлать?

Ты не изъ-за хлѣба бьешься, ты деньги имѣешь для борьбы, а это уже не малое подспорье.

— Укажи мнѣ путь и я пойду на него, — произнесла Груня.—Но еще разъ повторяю, что я теперь ничего не могу придумать... У меня есть рѣшимость; но нѣтъ опытности... Веди меня, куда хочешь. Я вся твоя. Что бы не случилось, я перенесу все. Позоръ, лишенія, трудъ, все, все перенесу, только бы вырваться изъ этой грязи, отдѣлаться отъ этой лжи, прикрытой маскою правдивности, набожности и серьезности...

Молодая женщина горячо и крѣпко сжимала руки Павла.

— Ну вотъ, дѣти мои, мы и вмѣстѣ, и опять по старому живемъ, дружно, мирно, — говорилъ Кряжовъ, появляясь въ комнату. — А ты, Павлушка, ужь не дуешься на меня? А? — шутилъ онъ съ своимъ воспитанникомъ.

Тотъ пожалъ его руку.

— Береги мою Груню, береги! Я слабъ, я старъ, а ты теперь не дитя, тебѣ можно ввѣрить ее, — говорилъ старикъ, и въ его словахъ было какое то особенное значеніе. — Ну, а ты довольна? счастлива? — спрашивалъ онъ у дочери.

Она притянула къ себѣ его сѣдую голову и поцѣловала ее. Она была веселѣе, оживленнѣе, чѣмъ во всѣ предшествовавшіе дни.

Отецъ снова чувствовалъ, что дочь любить и прощаетъ его. Въ ея ласкѣ было даже что-то похожее на благодарность. Вполнѣ довольный переменою въ настроеніи дочери, старикъ былъ веселъ и болтливъ, но почему-то онъ какъ будто считалъ своею обязанностью поминутно ускользать изъ комнаты и, не выдерживая, возвращался снова къ своимъ дѣтямъ... Вечеръ кончался, Павелъ сталъ собираться домой.

— Перебъжай къ намъ теперь, — сказалъ ему Кряжовъ.

— Хорошо, — отвѣтилъ Павелъ и простился съ Груней.

— Мнѣ нужно поговорить съ тобой, — замѣтилъ онъ шепотомъ Кряжову и пошелъ съ нимъ въ кабинетъ.

Кряжовъ встревожился.

— Скажи, какъ ты уладилъ дѣло съ ея мужемъ? — спросилъ Павелъ у старика.

— Покуда ничего не могъ уладить,—заговорилъ старикъ.— И нельзя ничего сдѣлать... Вотъ посмотри его письма.

Павель прочиталъ посланія Обноскова.

— Но думаешь ли ты, что онъ оставитъ у тебя Груню хоть на нѣсколько мѣсяцевъ еще? Можешь ли ты сдѣлать хоть это?—спросилъ Павель.

— Я думаю... надо хлопотать... просить,—волновался Кряжовъ.

— Я къ тебѣ не переѣду. — серьезно замѣтилъ Павель.— Мой переѣздъ сюда заставитъ Обноскова сильнѣе настаивать на возвращеніи Груни въ его домъ.

— Ну, это почему?—съ недоумѣніемъ промолвилъ старикъ, сильно желавшій переѣзда Павла въ его домъ.

— Почему? — въ раздумьи повторилъ Павель. — Онъ меня ревнуетъ къ ней.

— Глупости!

— Не глупости, а правда. И онъ имѣетъ на это полное основаніе, — отчетливо проговорилъ Павель. — Каковы бы ни были наши отношенія до сихъ поръ, но они не могутъ остаться на всегда такими... Подумай объ этомъ и ты... Но что бы тамъ ни было въ будущемъ, а все-таки дѣло въ томъ, что я жить здѣсь не буду для пользы Груни... Хорошо, если бы ты запретилъ и людямъ рассказывать, что я буду ходить сюда... Надо выждать время, обдумать все.... До весны бы протянуть...

— А тогда?

— Тогда... Я самъ не знаю покуда, что будетъ тогда, но намъ надо выиграть время, чтобы успѣть все сообразить и чтобы она поправилась совсѣмъ, стала бы бодрѣе... Вдругъ ничего не придумаешь...

— Дѣлай, какъ знаешь, — проговорилъ Кряжовъ и растроганнымъ голосомъ прибавилъ:—Тебѣ я поручаю спасти ее, тебѣ отдаю ее...

— И даже не спрашивая, какія выйдутъ изъ этого послѣдствія?

— Спасеніе, спасеніе — вотъ все, чего я жду отъ тебя, — проговорилъ Кряжовъ.

Павель крѣпко сжалъ его руку и, казалось, что онъ, какъ въ былыя времена, хотѣлъ этимъ ободряющимъ рукопожатіемъ сказать ех-профессору: «не падай, старичина, духомъ, я спасу твою дочь!»

Съ этого дня выздоровленіе Груни пошло быстрѣе, силы возвращались съ каждымъ днемъ. Она снова была весела, говорлива и почти не чувствовала боли при взглядѣ на будущее. Если же эта боязнь и закрадывалась въ ея душу, то Павель умѣлъ всегда разсѣять это мимолетное чувство своими горячими рѣчами. Онъ приходилъ не часто въ домъ Кряжова и оставался здѣсь не долго; Груня знала, что у него есть занятія, что онъ поступаетъ такъ не даромъ и не наставляла на частыхъ визитахъ. Ихъ братскія, прежнія отношенія возстановились вполне. Любовныхъ объясненій, порывовъ страсти не было никакихъ. Они были по прежнему свободны въ своихъ отношеніяхъ и въ этомъ было ихъ счастье. Иногда въ домъ Кряжова появлялись сестры Обносковы. Сентиментальная Вѣра Александровна даже оставалась изрѣдка ночевать у Груни. Она стала приносить своей молодой родственницѣ извѣстія, что Высоцкая справляется о ея здоровьи; потомъ отъ Высоцкой стали приноситься поклоны: она теперь какъ будто запрашивалась на знакомство съ Груней; наконецъ Груня поручила попросить ее пріѣхать въ ихъ домъ. Отношенія этихъ двухъ женщинъ измѣнились совершенно: Груня уже не упрекала въ душѣ Стефанію за развратъ; Стефанія въ свою очередь не считала Груню ни дурной, ни слабой женщиной. Нерѣдко встрѣчалъ Павель Высоцкую въ домѣ Кряжова и началъ любить и уважать ее, какъ любила и уважала ее теперь Груня. Дни между тѣми шли впередъ.

— Что ея мужъ? — спрашивалъ Павель потихоньку у Кряжова.

— Бунтуетъ, не хочетъ болѣе терпѣть, хочетъ огласить все дѣло, если Груня не вернется, — печально говорилъ старикъ.

— Постарайся затянуть еще на нѣсколько времени дѣло. Ей надо совершенно оправиться.

— Хорошо, хорошо, попытаюсь.

Проходили еще дни.

— Другъ мой, я, боюсь, что ты ничего не придумаешь для моего спасенія,—грустно говорила Груня Павлу.

— Не бойся. Все уладится,—утѣшалъ онъ.—Я давно нашелъ средство, его легко было найдти. Но я боюсь еще за твои силы, тебѣ еще нуженъ уходъ близкихъ людей.

Прошла еще недѣля.

— Ну братъ, ничего, кажется, больше не подѣлаешь,—говорилъ Кряжовъ Павлу.—Алексѣй Алексѣевичъ требуетъ объясненія съ женою.

— Можетъ объясняться, сколько ему угодно, дней черезъ пять,—улыбнулся Павелъ.—Груня теперь здорова и можетъ рѣшиться на все.

Вечеромъ въ этотъ же день у Кряжова были въ гостяхъ Высоцкая и сестры Обносковы. Груня была какъ-то особенно мила и оживлена въ этотъ вечеръ. Высоцкая смѣялась и шутила.

— Вы удивительно помолодѣли и похорошѣли въ послѣднее время,—говорила она Грунѣ.

— Это потому вѣрно, что волосы обрѣзала, такъ и выгляжу дѣвочкой,—улыбнулась Груня.

— Премиленькой, надо прибавить,—ласково промолвила Стефанія.— Но какъ вы думаете устроить свои дѣла? Я слышала отъ Вѣры Александровны, что въ домѣ вашего мужа собирается гроза. Надо бы подумать о громоотводѣ.

— Не знаю, право, это все зависить отъ... случая,—проговорила, краснѣя, Груня, бросивъ взглядъ на Павла.

— И, можетъ быть, отъ васъ,—замѣтилъ онъ.

— О, если отъ меня, то она будетъ счастлива,—горячо произнесла Высоцкая.— Даже не изъ одной любви къ ней, а изъ мести этому человѣку я готова все сдѣлать... Это первый человѣкъ въ жизни, котораго я ненавижу... Но что же я могу сдѣлать?

— Достать ей заграничный паспортъ,—промолвилъ Павелъ и пристально взглянулъ на Кряжова: онъ боялся, что придуманная имъ мѣра встрѣтитъ несогласіе со стороны старика, и потому рѣшился молчать до поры и вдругъ сдѣлать быструю атаку.

— Какъ же это я достану ей пассъ? — спросила Стефанія.

— Да, т. е. вы возьмете на свое имя...

— Ха, ха, ха! Это мило! — засмѣялась звонкимъ смѣхомъ Высоцкая. — Тамъ не пишутъ примѣтъ?

— Нѣтъ.

— Отлично! А то, пожалуй, мнѣ пришлось бы ради этого стриженаго ребенка обрѣзать свои длинныя косы... Душа моя, такъ вы черезъ нѣсколько дней будете называться Стефаніей Высоцкой...

Груня, пзумленная и взволнованная, не могла выговорить ни слова. Кряжовъ тревожно ходилъ по комнатѣ.

— Молодость, молодость! — бормоталъ онъ, качая головой и вдругъ остановился передъ Павломъ. — Но, знаешь ли ты, — началъ онъ, — что это... это можетъ отрѣзать ей дорогу на родину?..

— А возвращеніе къ мужу не отрѣжетъ ли ей дороги къ жизни? — строптиво спросилъ Павелъ и его лицо нахмурилось.

— Что ты! что ты!.. развѣ я что нибудь возражаю, — поторопился оправдаться старикъ. — Я только сказалъ, чего она можетъ ожидать... Пусть ѣдетъ, пусть ѣдетъ... Не мнѣ давать теперь совѣты, довольно я давалъ ихъ и прежде.

Въ голосѣ старика послышалась горечь. Ему было тяжело помириться съ мыслью, что его дочь бѣжитъ, можетъ быть, навсегда за-границу, бѣжитъ съ чужимъ паспортомъ. Онъ молча, понуривъ голову, ходилъ по комнатѣ.

— Чтожъ и я не прикованъ къ мѣсту, и я поѣду, — бормоталъ онъ, утѣшая себя хоть этимъ.

— Да, но покуда тебѣ лучше остаться здѣсь, — замѣтилъ Павелъ. — Ты могъ бы сказать ея мужу, что не знаешь, куда она уѣхала, чтобы тебя не считали сообщникомъ въ дѣлѣ этого бѣгства...

— Сообщникъ... сообщникъ въ противозаконномъ дѣлѣ! — шепталъ Кряжовъ въ раздумьи и опять внезапно, какъ-то неестественно ободрился. — Хорошо, хорошо, — заговорилъ онъ. — Я покуда здѣсь дѣла приведу въ порядокъ... Все отлично пойдетъ, отлично!

— А какъ же ты? — взглянула Груня на Павла боязливыми глазами.

— Приѣду весной къ тебѣ. Миѣ здѣсь работать надо... Да и тебѣ лучше пожить тихой, покойной жизнью, отдохнуть, собраться съ силами.

— Вѣра Александровна, не поѣдете ли вы со мною мѣсяца на три, на четыре?—спросила Груня у младшей Обносковой.

— Ахъ, мой ангелъ, помилуйте, какъ же это я вдругъ за-границу попаду! — застѣнчиво захихикала наивная Вѣра Александровна. — Миѣ право совѣстно!

Груня закусила себѣ губы, чтобы удержаться отъ смѣха.

— Чего же совѣститься? Вы очень, очень обяжете меня этимъ, — пожала она руку младшей Обносковой.

— Ахъ, нѣтъ, это вы обяжете меня — воскликнула Вѣра Александровна. Миѣ такъ, такъ хочется видѣть за-границу! — восторженно воскликнула она и захихикала снова.

— Вотъ воображаю я изумленіе нашего взаимнаго родственника и его матушки, — разсмѣялась Высоцкая.

— Такъ имъ и надо, аспидамъ! — злобно промолвила Ольга Александровна. — Ехидные люди!

Начались толки о будущемъ. Составлялись планы поѣздокъ за-границу въ гости къ Грунѣ. Вообще въ семейномъ кружкѣ царствовало то оживленіе, которое всегда бываетъ, когда одинъ изъ членовъ семьи ѣдетъ въ далекій путь. Всѣ какъ будто хотятъ наговориться, вознаградить себя за долгое время предстоящей разлуки и разсѣять невольную грусть, стѣсняющую подъ часъ сердце въ эти послѣднія минуты свиданія.

Приготовленія къ отъѣзду пошли быстро. Груня и Павелъ были особенно вѣжны съ Кряжовымъ въ эти дни, они понимали, чего стоитъ старику согласіе на отъѣздъ дочери. Но онъ старался бодриться, старался шутить и смѣяться; только иногда онъ говорилъ Павлу:

— Ну, теперь ты побереги меня, куда я не уѣду къ ней.

— Я переѣду къ тебѣ тотчасъ-же, какъ только она уѣдетъ, — отвѣчалъ Павелъ.

— Спасибо, спасибо, братъ. Теперь миѣ нужна нянька.

Старь я становлюсь! — вздыхалъ Кряжовъ и на минуту его лицо темнѣло отъ грусти.

Насталъ день отъѣзда.

— Все ли вы отравили? все ли вы уложили?—заботилась Ольга Александровна, какъ практическій человѣкъ.

— Никогда. можетъ быть, я не увижусь съ тобою?—плакала чувствительная Вѣра Александровна, обвиняя сестру.

— Чудесно, чудесно, все кончится сегодня вечеромъ,—радовалась Высоцкая.—Корабли сожгутся и возврата не будетъ.

— Ахъ, развѣ мы на кораблѣ поѣдемъ? — испугалась престодушная Вѣра Александровна.

— Нѣтъ, не на кораблѣ.

— А вы о какихъ-то корабляхъ говорили.

— Да,—засмѣялась Высоцкая, — я хотѣла сказать, что Агриппинѣ Аркадьевнѣ нельзя будетъ вернуться на старыи путь.

— А! а ужъ я испугалась!

— А вы-то не боятесь, сжигая корабль?—спросила Высоцкая у Груни.

— Нѣтъ, я покойна, — твердо отвѣтила молодая женщина.

Въ кабинетѣ Кряжова шелъ между тѣмъ разговоръ другого рода.

— Павелъ, если мнѣ не удастся ѣхать весною къ дочери, то я поручаю ее тебѣ, береги ее, не покидай ее, — говорилъ Кряжовъ.—Я сдѣлаю распоряженіе на счетъ имѣнія, оно все перейдетъ къ вамъ обоимъ. Надѣюсь, что ты не бросишь ее...

— Ты сомнѣваешься во мнѣ? — спросилъ Павелъ.

— Нѣтъ, мой другъ, — задумчиво проговорилъ старикъ. — Правда, ты молодъ, ты моложе ея на нѣсколько мѣсяцевъ, но... но ты твердъ и любишь ее, какъ добрый другъ. Ты не бросишь ее, никогда не бросишь... Скажи мнѣ, успокой старика, общаешься ли ты мнѣ не бросить ее?

— Отецъ, ты совсѣмъ не то думаешь, что говоришь, — мягко и задушевно произнесъ Павелъ. — Можетъ быть, я отчасти угадываю твои мысли... Скажу тебѣ одно: это не минутная вспышка, это даже совсѣмъ не вспышка, это привязанность, выросшая со мною съ колыбели и она умретъ только тогда,

когда умру я самъ... Можетъ быть, ты боишься того, что скажетъ свѣтъ...

— Сынъ мой, другъ мой, я ничего не боюсь,—обнялъ Кряжовъ Павла. — Старъ я, старъ я, трудно мнѣ себя ломать, свои взгляды измѣнять трудно... Ну да самъ виновать! Тутъ выбора нѣтъ: или ваше несчастье или ломка своихъ убѣжденій... Да благословить васъ Богъ, да благословить васъ обоихъ, неразлучныхъ!

Черезъ нѣсколько минутъ старикъ позвалъ дочь въ свой кабинетъ.

— Груня, можетъ быть, мнѣ не удастся пріѣхать къ тебѣ лѣтомъ,—заговорилъ онъ.

— Милый, почему же?—печально спросила дочь.

— Я ничего не говорю положительно, но можетъ быть, можетъ быть... Всѣ мы подъ Богомъ ходимъ, — промолвилъ отецъ.—Лучше предвидѣть все дурное, чѣмъ тѣшиться розовыми мечтами... По опыту узналъ я это!.. Да, такъ если я не пріѣду, или пріѣду позже Павла, то я передаю тебя въ его руки. Онъ твой другъ, твой защитникъ... Будьте счастливы!

— Папа, да зачѣмъ же этотъ мрачный, прощальный тонъ? Мы еще увидимся,—сказала дочь.

— Да, да, можетъ быть, увидимся... Но... но Богъ знаетъ, что можетъ произойти въ вашей жизни; прежде моего свиданія съ тобой... Я васъ благословляю.

Старикъ отвернулся, чтобы скрыть слезы.

— Груня, я не хочу, — началъ онъ твердо послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія, — чтобы говорили, что я обмануть дочерью... Нѣтъ, я теперь все вижу, знаю, что было прежде, что будетъ дальше. Въ прошломъ виновать я, и если за будущее ктонибудь станетъ упрекать тебя, то пусть этотъ упрекъ падетъ на меня, а не на тебя. Ты невиновата, ты не должна краснѣть... Я неосторожной рукой хотѣлъ вырвать взлелѣянную мною самимъ траву, которая должна была расти... и вотъ, она не погибла, но только пробилась другимъ путемъ... Вы не должны краснѣть за мою ошибку...

Груня тихо сжала руку Павла и оба стали усноковивать старика. Его мучила мысль, что его Груня не можетъ сдѣлаться

женою Павла и въ тоже время онъ зналъ, что отношенія брата и сестры должны непремѣнно кончиться между молодыми людьми. Старикъ непремѣнно хотѣлось найти оправданіе новымъ, предстоящимъ въ будущемъ отношеніямъ этихъ людей. Но сами молодые люди не искали этого оправданія и очень спокойно и трезво смотрѣли на новый, открывавшійся передъ ними путь...

XXI.

Обносковъ навсегда лишается жены.

Не легко жилось въ это время Алексѣю Алексѣвичу Обноскову. Огорченный бѣгствомъ жены, боящійся пуще всего огласки, раздражаемый постоянно вопросами постороннихъ людей о Грунѣ, не находилъ онъ утѣшенія и спокойствія даже тогда, когда оставался одинъ въ своемъ домѣ и стремился забыть все случившееся за книгами, за учеными занятіями. Эти занятія постоянно прерывались приходомъ его матери и ея то плаксивыми сожалѣніями, то подзадоривающими нашептываньями. Онъ чувствовалъ себя нездоровымъ: у него, какъ это обыкновенно случалось съ нимъ, при первыхъ несприятностяхъ, начался сильные припадки кашля и лихорадочное состояніе. Большую часть свободнаго времени онъ проводилъ, лежа на диванѣ, загромоздивъ стулья и неизмѣнный ночной столикъ книгами и бумагами. Марья Ивановна, видя, что ея сынъ часто «приваливается», какъ она выражалась, ухаживала за нимъ и совѣтовала ему, хотя бесплодно, бросить на время занятія. По возможности она старалась какъ можно чаще быть около сына, вязала въ его кабинетѣ чулокъ и сообщала ему грязныя сплетни о женѣ или читала ему наставленія.

— Охъ, Деня, Деня, что люди-то про насъ толкуютъ, — вздыхала она постукивая вязательными спицами, — весь городъ говорить, что ужъ это не даромъ наше-то сокровище у сво-

его отца находится. Никого не обманешь, никого не увѣришь, что она такъ гостить у отца, съ твоего согласія. Да какъ и повѣрить? Какой мужъ позволить гостить женѣ у отца, когда отецъ живетъ въ томъ же городѣ и безъ того можетъ видѣть каждый день свою дочь.

Обносковъ упорно молчалъ.

— Ну, да и она хорошо ведетъ себя,—продолжала мать.— Нашихъ-то мерзавокъ, Вѣрку и Ольгу, зазвала къ себѣ, съ ними компанію ведетъ. Видно намъ бока моетъ. Нечисто что-то у нихъ, что-то онѣ затѣваютъ...

— Ну, скажите, что онѣ могутъ затѣвать?—раздражительно говорилъ Обносковъ. — Что онѣ могутъ затѣвать?

— Не знаю, батюшка, не знаю, только ужъ не даромъ къ нимъ Степанида-то стала ходить, — провязывала мать новую спицу своего вязанья.— Разузнавала я, не ходитъ ли ктонибудь изъ мужчинъ, — людишки не говорятъ, подкуплены... всѣ подкуплены... А сдается мнѣ, что кто-то ходитъ. Вчера я своими глазами видѣла, какъ кто-то шмыгнулъ къ нимъ на подъѣздъ. Ужъ не Павлушка ли, чего добраго.

— Да перестаньте вы меня раздражать!—сердито вскрикивалъ Обносковъ.—Кто бы тамъ не ходилъ, а я все это на дняхъ покончу.

— Охъ, хорошо, еслибы покончилъ,—качала головой мать.— Да нѣтъ! ты такой добрый, все потакаешь имъ.

— Да что же вы прикажете дѣлать!—поднимался на локтѣ Обносковъ.—Съ полиціей ее тащить? Вы поймите, что я на виду стою, я скандала боюсь, я своего имени не хочу отдать на пересуды, я свою карьеру не хочу портить. Вѣдь все надо огласить. Чего они вздумаютъ наговорить на меня,—это еще неизвестно... Вы думаете, легко мнѣ будетъ, когда всѣ пальцами стануть указывать на меня?.. Вонъ и теперь Петръ Петровичъ, Родянка, Левчиновъ, всѣ они перестали ходить, а если и придутъ, такъ въ каждомъ словѣ слышится насмѣшка...

— Ахъ, батюшка, да пусть ихъ смѣются!

— Пусть смѣются! Хорошо вамъ говорить, а я черезъ это уроковъ могу лишиться. Эти болтуны не мою жену чернить

стануть, а меня, меня!.. Теперь во всемъ одни мужья виноваты,—бабье царство настало..

— Такъ это значить такъ и нужно позволить ей жить у отца?—всплеснула руками мать.

— Нѣтъ, нужно запугать Кряжова, чтобы онъ выгналъ ее изъ дому; нужно заставить ее, чтобы она сама пришла въ мой домъ, за прощеньемъ пришла... Вотъ чего я добиваюсь и добьюсь! Кряжовъ уже въ моихъ рукахъ, онъ кланяется, онъ понималъ, что право на моей сторонѣ,—говорилъ сынъ.

Вечеромъ онъ писалъ новое письмо къ Кряжову съ угрозами и настоятельными требованіями. На слѣдующій день къ нему приходилъ уклончивый отвѣтъ съ обѣщаніями скорого примиренія. А мать снова вязала чулокъ въ кабинетѣ сына и снова пилила его.

— Береги себя, Леня,—заботливо и плаксиво говорила она.—Брось ты свои занятія. Теперь тебѣ укрѣпиться надо, голубчикъ, чтобы собраться съ силами и поѣхать за нашей негодяжкой. Она съ своимъ папенькой-то, я думаю рада, что успѣла уходить тебя. Поди-ко полагаетъ, что ты такъ и оставишь ее по волѣ гулять на всѣ четыре стороны...

— Ничего она не полагаетъ,—злился сынъ.—Я ей писалъ, что не оставлю ее у отца и она знаетъ, что это мое *последнее* рѣшеніе.

— Э, голубчикъ,—вздыхала мать,—мало ли что въ письмахъ-то пишется, бумага все терпитъ, да на нее никто и вниманія-то не хочетъ обращать! Ты ей пишешь одно, а она въ свой носъ дуешь!

— Погодите, одумается! Вѣдь и она и ея отецъ очень хорошо знаютъ, что я не шучу и что право на моей сторонѣ...

— Плохо мнѣ что-то вѣрится, что они знаютъ это... Для нихъ видно и правъ-то никакихъ нѣтъ, такіе ужь беззаконники!

— А вотъ увидимъ: поѣду къ нимъ, какъ немного поспокойнѣе буду. Все это проклятое нездоровье затянуло дѣло... Кажется, все бы отдалъ, чтобы быть теперь здоровымъ! А то отъ перваго волненія чуть не въ обморокъ падаю... Тутъ твердость нужна...

— Ужь что и говорить! Больнымъ не поѣдешь къ нимъ,—
«Дѣло», № 7.

вздыхала мать. — А ты бы мнѣ позволилъ переговорить съ ними.

— Э, вы только хуже испортите дѣло!

— Ну, батюшка, если ужъ такой душой меня считаешь, такъ это твоя воля! — оскорблялась мать. — Мы вѣдь вотъ стары да глупы, а все же въ наши-то времена не дѣлалось такихъ дѣловъ. Жили съ мужьями честно, терпѣли все, да никто и не зналъ, что мы терпимъ. Да если бы въ наше время такая исторія случилась, такъ мы бы дѣло-то мигомъ уладили бы, церемониться не стали бы.. Ну, а теперь люди умны стали, порядки другіе; что-то только изъ этого выйдетъ, не пришлось бы кому нибудь эту кашу-то расхлебывать...

Сынъ молчалъ...

На слѣдующій день шла таже пѣсня, таже нытье. Алексѣй Алексѣевичъ почти привыкъ къ этимъ бесѣдамъ и очень часто не произносилъ ни одного звука во время сѣтованій матери. А эти сѣтованія принимали все болѣе и болѣе угрожающій тонъ.

Однажды Алексѣй Алексѣевичъ возвратился домой съ одного урока и хотѣлъ пройти къ себѣ въ кабинетъ, но былъ остановленъ на порогѣ матерью. Ея видъ не предвѣщалъ ничего хорошаго, глаза сверкали какимъ-то злораднымъ блескомъ, движенія были торопливы и тревожны.

— Ну что, дождался? — ѣдко заговорила она скороговоркою. — Радуйся теперь, обманула, провела!..

— Что такое? Будете ли вы когда нибудь толкомъ говорить — раздражился сынъ. — Что случилось?

— Ничего, батюшка, ничего! — язвительно говорила Марья Ивановна. — Мать у васъ дура, мать ничего не понимаетъ, ее слушать не стоитъ. Ну и прекрасно, и наслаждайтесь, какъ изъ васъ дурака дѣлаютъ.

— Да станете ли вы говорить, какъ слѣдуетъ? Что вы меня-то пилите? Понимаете ли вы, что вы измучили меня? — почти простоналъ сынъ. — У васъ святого-то ничего иѣтъ! Вы, вы меня сводите въ могилу!

Марья Ивановна вдругъ разрыдалась.

— Прости, родной мой, прости! — застонала она. — Не мо-

гу я, не могу сдержатъ себя при такомъ-то позорѣ! Вѣдь наша-то развратница, душегубка-то наша сбѣжала!

Обносковъ тяжело опустился на диванъ.

— Сбѣжала за границу, съ любовникомъ вѣрно сбѣжала, съ Павлушкой вѣрно! Безъ ножа зарѣзала! Срамъ-то, срамъ-то какой! Что теперь говорить-то будутъ!

— Что же это такое? Надо идти, справиться, — бормоталъ Обносковъ. — Да это ложь, у нея не было паспорта... Ложь! Ложь!.. Кто вамъ сказалъ?

— Людешки, людешки ихъ, — рыдала мать. — Лица этия поганая съ улыбочками дѣлаютъ, радуются нашему горю, нашему позору... Подкуплены бестин, подкуплены!

Обносковъ съ успіемъ поднялся съ дивана..

— Баткшка, я съ тобой поѣду, ты слабъ, — засуетилась мать.

— Подите прочь! — оттолкнулъ ее сынъ съ непривычной грубостью.

Въ его глазахъ сверкала злоба.

— Не смѣйте никому рассказывать объ этомъ до моего возвращенія. Слышите?

— Слышу, слышу, — робко произнесла мать и въ ея головѣ вдругъ промелькнула мысль: «что это онъ точно мой покойникъ-мужъ сдѣлался!»

— Ступайте въ свою комнату, а то вы съ прислугой болтать станете. Привыкли къ сплетнямъ! — еще болѣе рѣзко и сухо проговорилъ сынъ и дѣйствительно въ эту минуту онъ былъ похожъ на своего забитаго отца, когда тотъ бывалъ пьянъ и грозенъ.

Обносковъ вышелъ. Его походка была нетороплива, но тверда. Во всей его фигурѣ было что-то злобщее и мучительное. Худой и истомленный, но сдержанный, появился онъ въ домъ Кряжова и приказалъ лакею доложить о своемъ приходѣ старику ех-профессору. Онъ сѣлъ въ столовой и устремилъ глаза на дверь, изъ которой долженъ былъ выйдти Кряжовъ. Въ этомъ не было ничего разчитаннаго на эффектъ, но этотъ пристальный взглядъ, встрѣтившій Кряжова при первомъ его шагѣ въ столовую, смутилъ старика и заставилъ его впервые потупить гла-

за передъ зятемъ. Обносковъ не спускалъ съ него глазъ. Оба они страшно измѣнились за послѣднее время, на обоихъ страданіе наложило свою неизгладимую печать. Кряжовъ молча поклонился и сѣлъ. Онъ какъ-то совсѣмъ сгорбился.

— Что же это значить? — неторопливо заговорилъ Обносковъ довольно твердымъ голосомъ. — Я жду вашихъ объясненій!

— Что же мнѣ объясняться! — произнесъ старикъ.

— Гдѣ ваша дочь?

— Не знаю, — солгалъ Кряжовъ и глянулъ въ сторону, избѣгая встрѣчи съ испытующимъ взглядомъ зятя. — Она уѣхала куда-то безъ моего вѣдома...

Старику было непривычно, мучительно лгать и еще передъ кѣмъ, — передъ презираемымъ человекомъ.

— Безъ вашего вѣдома? — засмѣялся Обносковъ и въ его голосѣ уже послышалось лихорадочное волненіе. — Безъ вашего вѣдома! И вы думаете, что я вамъ повѣрю? Не въ ваши бы годы прибѣгать ко лжи. Вы когда-то такъ гордились своею прямою.

Кряжовъ промолчалъ; онъ ясно слышалъ насмѣшку въ словахъ зятя, но говорить не могъ.

— И что вы хотите этимъ выиграть? — продолжалъ Обносковъ. Не думаете ли вы, что вашу дочь не вернуть назадъ?.. Да я ее изъ могилы вырою, я ее съ того свѣта верну! — вдругъ прорвался Обносковъ болѣзненнымъ восклицаніемъ. — Знаете ли вы, чего мнѣ это все стоитъ! Жизнью, жизнью я заплачусь!

Кряжовъ молчалъ. Какую-то тупую боль пробудилъ въ немъ измученный видъ этого больного человека, какъ-то странно звучалъ въ его ушахъ этотъ хриплый, задыхающійся голосъ, прерываемый глухимъ кашлемъ. Старикъ возненавидѣлъ зятя въ послѣднее время, но теперь ему было жаль этого человека и въ глубинѣ своей честной души онъ слышалъ упреки совѣсти, чувствовалъ, что и онъ виноватъ, можетъ быть, болѣе всѣхъ виноватъ и въ горѣ, и въ теперешней болѣзненности этого человека. Здѣсь рѣзко отразилась противоположность характеровъ этихъ двухъ человекъ: Кряжова страшно мучили упреки совѣсти, а Обносковъ не упрекалъ себя ни въ чемъ и считалъ себя вполне правымъ и безупречнымъ.

— Полно, Алексѣй Алексѣевичъ, — промолвилъ старикъ, — мы оба равно несчастны, мы оба равно ошиблись.

— Ошиблись! — гнѣвно проговорилъ Обносковъ, сверкнувъ глазами. — Значить я вы ошиблись во мнѣ? Но я все тотъ же, какимъ я былъ прежде. Зачѣмъ же вы выбрали меня въ мужа своей дочери? Гдѣ были тогда ваши глаза?... Вы ошиблись во мнѣ и потому рѣшились принести въ жертву *меня*. Стыдитесь! Стыдитесь!

Кряжовъ смутился и опять отвелъ въ сторону свои глаза, чтобы не встрѣтить взглядовъ зятя.

— Полно, полно, Алексѣй Алексѣевичъ, — снова промолвилъ старикъ. — Я говорю, что мы оба несчастны и намъ остается только примириться съ своею участью.

— Примириться? Никогда, никогда! — крикнулъ Обносковъ, волнуясь все болѣе и болѣе. — Я призову васъ къ суду, какъ сообщника въ дѣлѣ ея бѣгства. У меня найдутся и улики и свидѣтели. Я призову къ допросу вашу прислугу. Вы подкупили ее, но я разожму ей ротъ... Я опозорю васъ, а все-таки заставлю сознаться, заставлю!

Старикъ поднялся съ мѣста и выпрямился во весь ростъ. Его колдосальная, величавая въ своей скорби фигура была прекрасна въ эту минуту.

— Ну и что же будетъ дальше? — спокойно спросилъ онъ безмятежнымъ и твердымъ тономъ. — Опозоришь и заставишь сознаться, — а дальше-то что?

Голосъ старика былъ необыкновенно ясенъ. Обносковъ не отвѣчалъ.

— Я опозоренъ уже и тѣмъ, — продолжалъ старикъ, не мѣняясь въ лицѣ, — что моя дочь *должна* была бѣжать отъ мужа, избраннаго мною. Я опозоренъ уже и тѣмъ, что я выбралъ такого зятя, какъ ты. Ты хочешь наказать меня, но я уже наказанъ, видитъ Богъ, что я наказанъ. Ты видишь, я одинъ, оставленъ дочерью, чувствую себя виноватымъ передъ нею и не нахожу оправданія себѣ даже въ своей совѣсти. Чего же мнѣ бояться еще? Публичнаго скандала? Но его бояться только тѣ, кто не боится суда своей совѣсти; для меня высшее наказаніе ея судъ. Этотъ судъ я перенесъ, тутъ я уже

отстоялъ свой законный срокъ у позорнаго столба... Ты видишь, я постарѣлъ на десятки лѣтъ, а моя натура не легко ломается...

Обносковъ какъ-то тупо молчалъ и слушалъ эту странно-спокойную, безмятежную и все же потрясающую по своей глубокой скорби рѣчь старика.

— И такъ ты хочешь скандала,—продолжалъ Кряжовъ все тѣмъ же тономъ. — Все въ твоей волѣ. Объявляй, жалуйся. Пусть судятъ меня, я не испугаюсь. Я могъ бы испугаться, если бы судъ могъ воротить въ твой домъ мою дочь. Но, благодареніе Богу, на землѣ нѣтъ такой власти, которая могла бы сдѣлать это.

— Ошибаетесь, ошибаетесь! Ее вернуть, непременно вернуть!—вскричалъ Обносковъ.

Старикъ сострадательно усмѣхнулся.

— Ты убѣжденъ въ этомъ?—промолвилъ онъ.—Подумаешь по-серьезнѣе, увидишь, что это ошибка, что никто не смѣетъ вернуть ее, никто... И откуда вернуть? гдѣ она? кто это скажетъ?.. Значитъ вся польза изъ скандала будетъ въ нашемъ позорѣ съ тобою. Я не боюсь суда и публичности, какъ я уже сказалъ тебѣ. Но загляни поглубже въ свою душу. Ты, какъ видно, считаешь себя безупречнымъ и не знаешь, что значитъ страшный судъ совѣсти. Отъ этихъ мученій ты съумѣлъ забавиться, къ несчастію. Да, къ несчастію, потому что это судъ всѣхъ честныхъ людей!.. Но не дрогнешь ли ты передъ гласностью? Не побоишься ли ты сдѣлаться, безъ всякой пользы для себя, предметомъ салонныхъ толковъ? И будетъ ли говорить въ твою пользу тотъ свѣтъ, который уже насмотрѣлся на подобныхъ тебѣ мужей? Не будетъ ли колоть тебя каждое двусмысленное слово, каждый намекъ, каждое насмѣшливое сожалѣніе? Твоя совѣсть покуда спокойна и не видитъ твоихъ ошибокъ, но тогда ей укажутъ на каждую мелочь, на каждый промахъ, тебѣ разъяснятъ, что за женщина твоя мать, каково жить съ нею, насколько было честно отдать жену подъ ея гнетъ, и едва ли даже ты сохранишь свое спокойствіе. Чтожь, поступай, какъ знаешь. Я на все смотрю уже такъ холодно, какъ можно смотреть, только стоя одной ногой въ могилѣ, а ты — ты привыкъ

волноваться даже пзъ-за пустяковъ, пзъ-за отнятыхъ у тебя грошей...

— Надѣли пстлю. затягиваютъ ее и глумятся, доказывая, что се нельзя снять!—почти зарыдалъ Обносковъ и треснулъ кулакомъ по столу.

— Богъ свидѣтель, что я глубоко жалѣю тебя и каюся за свою ошибку,—потрясеннымъ голосомъ произнесъ Кряжовъ.

— Бѣдѣ вы прокляты съ вашимъ сожалѣніемъ!—крикнулъ Обносковъ и направился, шатаясь, къ дверямъ.

— Не намъ проклинать другъ друга и разсудить насъ только Богъ,—такъ и грустно промолвилъ Кряжовъ.

Опять долго проходилъ онъ по комнатѣ въ глубокомъ раздумьи. Въ его душѣ не было волненія, не было тревоги, но какое-то торжественное спокойствіе хладнокровнаго взвѣшыванья своихъ дѣлъ и мнѣній, спокойствіе молчаливой провѣрки своего прошлаго царило въ этой старой честной душѣ. Что-то покорное, тихое, хотя и нелишенное слѣдовъ мученія, отражалось на похудѣвшемъ и обрюзгшемъ лицѣ стараго эх-профессора.

Вечеромъ за чаемъ онъ мелькомъ замѣтилъ Павлу о посѣщеніи Обноскова.

— Что онъ обѣщалъ выдать ей паспортъ? — спросилъ Павелъ.

— Мы объ этомъ не говорили, онъ очень разстроень,—отвѣтилъ Кряжовъ.

— Жаль его; съ поленокъ совѣтъ вскалѣчили человѣка! — проговорилъ Павелъ съ неподдѣльнымъ чувствомъ.

Кряжовъ вздохнулъ и особенно горячо пожалъ на прощанья руку своего названнаго сына. Старикъ было крайне пріятно, что Павелъ не сказалъ ни одного рѣзкаго слова про Обноскова.

Не въ такомъ безмятежномъ настроеніи духа возвратился домой Алексѣй Алексѣевичъ. Онъ былъ угрюмъ, раздраженъ и нетерпѣливъ. Марья Ивановна вышла къ нему на встрѣчу, желая распросить о результатахъ его визита къ Кряжову, но увидала выраженіе его лица и испугалась. Опять лицо сына напомнило ей лицо мужа, когда тотъ бывалъ въ буйномъ настроеніи духа.

— Не надо ли тебѣ чего нибудь, Ленья? Чаю не хочешь-ли? — боязливо спросила она.

— Оставьте меня одного — проговорилъ онъ, не обращая на нее вниманія.

— Утомился ты, бѣдный! Ты прилежь бы, — съ участіемъ проговорила мать.

— Оставьте меня одного, слышите ли вы? — топнулъ ногою Алексѣй Алексѣевичъ. — И меня выжить изъ дому хотите, что ли? — гнѣвно остановился онъ передъ матерью.

— Отъ тебя-то этого я не ожидала! — захныкала Марья Ивановна.

— Идите въ другую комнату плакать, довольно я насмотрѣлся на ваша слезы, — сказалъ сынъ и отвернулся отъ матери.

Она украдкой поспѣшно отерла слезы и вышла походкой наблудившей кошки... Алексѣй Алексѣевичъ сталъ ходить по комнатамъ. Сотни думъ роились въ его головѣ, онъ мысленно обвинялъ во всемъ случившемся тестя, жену, Павла, свою мать, но ни разу не пришло ему въ голову, что и онъ виноватъ не менѣе ихъ всѣхъ. Онъ представлялъ себя мученикомъ испорченныхъ людей, испорченныхъ нравовъ современнаго общества и отчасти даже съ гордостью думалъ, что чаша еще не выпита до дна, что онъ еще будетъ страдать за свою честность, за свои права. Эта мысль отчасти давала ему силы смотрѣть безъ особеннаго страха на предстоящую ему въ свѣтѣ роль обманутаго и брошеннаго мужа. Онъ зналъ, что въ глазахъ свѣта всегда правъ побѣдитель и смѣшонъ побѣжденный, но Обносковъ теперь презиралъ и ненавидѣлъ этотъ свѣтъ, какъ скопище мерзавцевъ, подрывающихъ всѣ основы спокойствія, и дураковъ, неумѣющихъ бороться противъ этихъ нарушителей порядка. Въ его головѣ возникъ вопросъ: что дѣлать? объявлять ли о бѣгствѣ жены, или выдать ей паспортъ? Сначала ему хотѣлось, во что бы то ни стало, произвести скандалъ. Но малу-по-малу онъ склонился къ мысли о выдачѣ паспорта. Трусость передъ гласностью взяла верхъ надъ желаніемъ опозорить Кражова и его дочь. Алексѣй Алексѣевичъ видѣлъ ясно, что его дѣло проиграно безвозвратно, что жену

воротить нельзя, что Кряжовъ слишкомъ зарекомендованъ въ мнѣніи общества для того, чтобы къ нему пристала грязь, что наконецъ борьба будетъ не ровная, такъ какъ онъ, Обносковъ, располагаетъ очень небольшими матеріальными средствами и связями, а Кряжовъ заручился и тѣмъ и другимъ. Первый разъ Обноскову приходилось поступить противъ своихъ убѣжденій и это было причиною самыхъ сильныхъ мученій. Но на комъ выместить злобу? Кого обвинить за необходимость такой поблажки противникамъ? Подъ рукой была мать. Она уже давно вызывала негодованіе Алексѣя Алексѣевича своимъ нытьемъ, своими упреками и сплетнями. Болѣе чѣмъ когда нибудь чувствовалъ онъ въ настоящее время на себѣ весь гнетъ ея безобразнаго характера. Теперь онъ обвинялъ ее болѣе всѣхъ другихъ людей за бѣгство жены.

— Лена, что же ты теперь будешь дѣлать?—говорила она на другой день ноющимъ и слезливымъ тономъ.

— Паспортъ женѣ выдамъ,—отвѣтилъ онъ съ усмѣшкой.— Пусть гуляетъ и радуется, что обманула меня.

— Что ты это, голубчикъ, шутишь! — воскликнула мать.— Какъ же это можно такую негодяйку прикрывать!

— А вы что прикажете дѣлать? Не угодно ли вамъ, чтобы Кряжовъ рассказалъ, почему его дочь бѣжала отъ меня? Да вы знаете ли, что она изъ-за васъ бѣжала? — злобно взглянулъ Обносковъ на мать.

— Господи! да кто же повѣритъ этому!—всплеснула руками мать.

— Всѣ, всѣ повѣрятъ! Вы думаете, что ваши кухарки, ваши родные, ваши знакомые не знаютъ, что вы за женщина?—ядовито и раздражительно говорилъ сынъ. — Вы не только ея жизнь отравляли, вы теперь мою жизнь отравляете!

— Грѣхъ тебѣ, Лена! Отвѣтишь ты Богу за меня на томъ свѣтѣ!—заплакала Марья Ивановна.

— Никогда не отвѣчу!—гнѣвно произнесъ сынъ.—Я и теперь избѣгаю скандала, чтобы спасти вашу репутацію. Я своею грудью заслоняю васъ, я свою жизнь отдаю за вашу честь, я своимъ убѣжденіямъ измѣняю для спасенія васъ отъ сплетень... Полноте плакать, слезы тутъ не поведутъ ни къ чему!

Много я ихъ видѣлъ на своемъ вѣку! Если бы вы не были моей матерью, то я отшатнулся бы отъ васъ при первой встрѣчѣ. Но вы мнѣ мать и моя обязанность отстаивать васъ передъ обществомъ. Да, поймите вы это!

Понимала Марья Ивановна всѣ эти разсужденія довольно плохо, но они все-таки имѣли довольно благотворное вліяніе какъ на ея сына, такъ и на нее. Обносковъ, высказавъ эти мысли, пришелъ къ убѣжденію, что онъ дѣлаетъ невольную уступку жонѣ для спасенія чести своей матери, и возгордился этимъ великимъ подвигомъ. Марья Ивановна, слушая его рѣчи, поняла то, что сынъ хотя и сердится на нее, но все-таки не выгоняетъ ее изъ дому и потому въ глубинѣ души тоже успокоилась и даже подумала: «Пусть его поутихнеть, тогда и поговорю съ нимъ толкомъ, вѣдь это не въ первый разъ молодежь кровь въ немъ расходилась. Вотъ такъ же сердился, какъ я ему на первой невѣстѣ жениться не позволила, да ничего, утихъ, и меня же потомъ благодарилъ. Охъ, ужъ эта молодежь, словно порохъ, вспыхиваетъ; только бѣги въ сторону, чтобъ не опалила». Принявъ смиренный видъ угнетенной невинности, мать стала надирать сердце сына ежеминутными вздохами и невообразимою предупредительностью. Въ его комнату она входила не иначе, какъ на цыпочкахъ, говорила почти шопотомъ. Если ему нужно было что нибудь подать, то она не шла, а бѣжала за понадобившеюся вещью. Такимъ образомъ Обносковъ и его мать играли роль двухъ мучениковъ и показывали видъ, а, можетъ быть, даже и вѣрили сами, что они приносили себя въ жертву другъ другу и своему долгу...

XXII.

Затишье послѣ грозы.

Въ первыхъ числахъ іюня Кряжовъ собрался за-границу къ немалому удивленію Трегубова, который никакъ не могъ примириться съ мыслью, что его старый другъ уѣзжаетъ одинъ,

не дождавшись его. Павелъ ѣхалъ вмѣстѣ съ Кряжовымъ. Всю дорогу шли у нихъ безконечные разговоры о Грунѣ, о потерпѣннѣ поскорѣй увидаться съ нею и, кажется, оба путешественника считали чуть ли не минуты, остающіяся до ихъ свиданія съ любимой или женщиной. Оба они походили на школьничковъ, вырвавшихся на свободу. Павелъ сознавалъ, что Кряжовъ желаетъ видѣть дочь, едва ли не сильнѣе его самого, и потому онъ чрезвычайно удивился, когда старикъ неожиданно сказалъ ему въ одинъ прекрасный день:

— А вотъ мы теперь разстанемся. Ты поѣзжай прямо къ ней въ Жсневу, а я заѣду въ Бадень-Бадонъ.

— Что тебѣ это вздумалось? — въ недоумѣннѣ посмотрѣлъ Павелъ на старика.

— Полечиться надо немного, — проговорилъ Кряжовъ, избѣгая испытующихъ взглядовъ своего спутника и принимая равнодушное выраженіе лица.

— Однако, ты прежде не хотѣлъ лечиться!.. Ты развѣ чувствуешь себя худо? — встревожился Павелъ и еще пристальнѣе взглянулъ на Кряжова.

— Нѣтъ, нѣтъ! — поспѣшилъ старикъ успокоить его. — Но, знаешь... вотъ я полечусь и ведѣли черезъ четыре пріѣду къ вамъ...

Павелъ не спускалъ глазъ съ смущеннаго ex-профессора и, кажется, хотѣлъ прочесть его затаенныя мысли.

— А вы между тѣмъ обживетесь, приготовите все для моего пріѣзда...

— Да тамъ все приготовлено для тебя...

— Ну да, ну да, приготовлено, — совсѣмъ спутался старикъ. — Но... но... лишній я буду теперь при вашемъ свиданнѣ, — отвернулся онъ всторону.

Павелъ весь покраснѣлъ и не могъ сказать ни одного слова. Ему хотѣлось поблагодарить Кряжова и въ тоже время было почему-то совѣстно. Онъ былъ особенно веселъ вечеромъ въ этотъ день. Старикъ тоже шутилъ и забавлялся, какъ малое дитя. Рано утромъ на слѣдующій день имъ приходилось разѣхаться въ разныя стороны. Они горячо обнялись и поцѣловались.

— Скажи Грунѣ, что я здоровъ, веселъ и спокоенъ,—промолвилъ Кряжовъ.—Непремѣнно скажи ей это.

— Мы сами къ тебѣ дня черезъ три приѣдемъ,—сказалъ Павелъ, обнимая его.

— Смотри, чтобы мѣсяцы за дни не показались!—спутилъ старикъ, а въ тонѣ его словъ все-таки послышалась невольная грусть. Тщетно старался Кряжовъ въ послѣднее время скрыть этотъ оттѣнокъ грусти, онъ невольно примѣшивался теперь къ его рѣчамъ даже въ самыя счастливыя минуты.

Однажды недѣли черезъ двѣ послѣ приѣзда въ Бадень-Бадень Кряжовъ возвращался съ прогулки и еще издали увидѣлъ стройнаго молодого человѣка, шедшаго подъ руку съ молоденькой женщиной. Молодые люди были, повидимому, вполнѣ счастливы, очень близко другъ къ другу и вели оживленный разговоръ. Старикъ съ волненіемъ сталъ всматриваться въ нихъ слабыми глазами, узналъ эту пару, хотѣлъ ускорить свою старческую поступь и не могъ сдѣлать ни шагу; ему пришлось поскорѣй опуститься на первую попавшуюся скамью. Молодые люди наконецъ тоже замѣтили его и бросились бѣжать къ нему въ перегонку, крикнувъ:

— Кто скорѣе?

— Я прежде!—отвѣтилъ молодой человѣкъ, добѣжавъ первымъ къ старику.

— Ну, за то ее на закуску поцѣлую!—весело поддразнилъ молодого человѣка старикъ и обнялъ дочь.—Милые, милые, спасибо вамъ, что и теперь вспомнили обо мнѣ!

Молодые люди, краснѣя, переглянулись между собою и улыбнулись.

— А ты думалъ, что ты лишній между нами? Какъ тебѣ не стыдно!—ласково упрекнула старика дочь и покрыла горячими поцѣлуями его лицо.

— Теперь ты не долженъ разставаться съ нами,—говорилъ Павелъ.—Вмѣстѣ жизнь будетъ полнѣе...

— Будетъ кого нянчить?—улыбнулся ех-профессоръ.

Съ этого дня для маленькаго семейнаго кружка,—въ средѣ котораго была и Вѣра Александровна, болѣе всего удивлявшаяся тому, что она здѣсь все по-французски говоритъ,—началась

мирная счастливая жизнь. Кряжовъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе привыкалъ къ новымъ отношеніямъ своихъ любимыхъ «дѣтей» и все рѣже омрачалось его старое лицо грустными думами. Въ эти немногія минуты на выручку являлась простодушная Вѣра Александровна: ея неумолкающая болтовня, ея наивное удивленіе передъ разными иностранными обычаями, ея смѣшно-сентиментальныя выходки развлекали старика и онъ въ концѣ концовъ говаривалъ ей:

— Ну, оставьте нашу молодежь да пойдите бродить по городу, мы съ вами тоже пара не хуже ихъ!

Вѣра Александровна приходила въ восторгъ, брала подъ руку стараго ех-профессора и гордо смотрѣла на всѣхъ проходящихъ, полагая и, можетъ быть, не безъ основанія, что всѣ удивляются и даютъ неволью дорогу ея спутнику: дѣйствительно рѣдкій встрѣчный проходилъ, не взглянувъ съ видимымъ любопытствомъ на прекрасную львиную голову съ волнистыми, совѣмъ сѣдыми волосами, и съ открытымъ взглядомъ, на колоссальную фигуру широкоплечаго старика, всегда просто, но оригинально одѣтаго, все въ тотъ же завѣтный просторный и длинный сюртукъ, все съ тѣмъ же откиднымъ широкимъ воротникомъ на рубашкѣ, все съ тою же едва завязанною около шеи косынкой.

— Ахъ вашъ папаша такой удивительный человѣкъ!— восторженно шептала Вѣра Александровна Грунѣ.

— Папа, папа, Вѣрочка влюблена въ тебя, — шутила со смѣхомъ Груня.

Вѣра Александровна краснѣла до ушей и, моргая глазками, умоляющимъ тономъ чопорно шептала молоденькой шалунѣ:

— Ахъ, что вы меня конфузите!

— Ничего, ничего, Вѣра Александровна, пусть ихъ смѣются надъ нами, вотъ и мы когда нибудь надъ ними подшутимъ, — дружески говорилъ Кряжовъ своей постоянной спутницѣ на прогулкахъ.

Пробывъ не долго въ Баденъ-Баденѣ, семья переселилась въ Швейцарію, гдѣ и было проведено время до поздней осени. Осенью Павелъ сталъ собираться въ Россію, съ нимъ уѣзжала и Вѣра Александровна, но только на время для свиданія съ

сострою: безъ нея уже не могли ободиться здѣсь да и она сама отвыкла отъ прежней жизни и чувствовала горячую привязанность къ пріютившимъ ее людямъ. Груня порядочно грустила передъ разлукою съ Павломъ, но старалась скрыть свою грусть и общала работать и учиться до возвращенія своего друга. Онъ рассчитывалъ пріѣхать снова къ ней зимою на мѣсяцъ.

— Береги, отецъ, Груню, — говорилъ Павелъ Кряжову передъ отъѣздомъ. — Я долженъ тебѣ сказать, — началъ онъ въ смущеніи нерѣшительнымъ тономъ, — что теперь ей нуженъ особенный уходъ... Ты, можетъ быть, замѣтилъ...

— Положись во всемъ на меня. Я все знаю, все вижу, — задумчиво перебилъ его старикъ, положивъ руку на его плечо. — Но, — старикъ запнулся на первомъ словѣ и только черезъ двѣ, три минуты собрался съ духомъ: — ты знаешь, — сказалъ онъ, — что ребенокъ можетъ быть записанъ законнымъ, хотя это....

— Нѣтъ, нѣтъ, ради Бога, — быстро перебилъ его Павелъ, — даже и не упоминай о существованіи ея мужа! Пусть мой ребенокъ носитъ какое хочешь имя, какое хочешь званіе, но только онъ не долженъ быть Обносковымъ!

Кряжовъ тихо вздохнулъ.

— Не сердись на меня, — кротко проговорилъ онъ. — Тяжело мнѣ мрится со всѣмъ этимъ, очень тяжело! И не потому тяжело, что я гляжу на мѣнѣе свѣта или придаю значеніе названіямъ вещей, но мнѣ все еще больно, что именно я виновать во всемъ...

— Полно отецъ! Ты видишь, что мы спокойны; за чѣмъ же тебѣ тревожить себя? Будемъ жить мирно и пусть люди говорятъ про насъ, что имъ угодно.

Пошли дни, недѣли, мѣсяцы, безъ особенныхъ волненій, безъ особенныхъ событій. Всѣ герои этихъ семейныхъ сценъ стали мало-по-малу отдыхать отъ пережитыхъ тревогъ и бурь и сознавали, что ихъ жизнь принимаетъ ровное и правильное теченіе. Это было затишье послѣ грозы: всѣ чувствовали, что надъ ними прошумѣла гроза, что она оборвала многіе листья, обломала многія вѣтви, только сами они не согнулись передъ ней и остались цѣлы. Эти уцѣлѣвшіе люди не считали себя поломан-

ными людьми и имъ, можетъ быть, не безъ основанія казалось, что подъ грозой погибли только тѣ листья и вѣтви, только тѣ части ихъ самихъ, которые уже давно были гнилы и только могли мѣшать развитію здоровой части ихъ организма. Павелъ работалъ въ Петербургѣ особенно бодро и усердно, безъ прежнихъ порывовъ, но за то постоянно и осмысленно; счастье опять придало ему силы и ни разу думы о Грунѣ, желаніе свиданія съ нею, смутныя стремленія dahin не превали его занятій; напротивъ того, онъ именно потому работалъ бодро, что только этимъ путемъ онъ надѣялся спокойно, не разлучаясь, жить съ нею въ будущемъ. Кряжовъ испытавшій, что значить полное одиночество, сталъ теперь искать людского общества и поселился съ своею дочерью на время въ одномъ изъ нѣмецкихъ университетскихъ городовъ. У нихъ образовался небольшой кружокъ знакомыхъ: у Груни собиралась большею частью русская молодежь; у Кряжова сходились иногда нѣмцы-профессора попить пиво и поспорить. Незвѣстно, почерпнулъ ли что нибудь вполне довольный своею судьбою Кряжовъ изъ этихъ бесѣдъ, но Груня развивалась съ каждымъ днемъ, жадно хватаясь за каждую новую мысль, за каждое новое знаніе, и уже въ ея головѣ бродили смѣлые планы различныхъ предпріятій, которымъ ей хотѣлось отдаться по приѣздѣ въ Петербургъ. Но когда настанетъ этотъ день? Эта мысль иногда заставляла молодую женщину строптиво хмурить брови и впадать въ глубокое раздумье. Но облако печали проходило снова и опять являлась бодрость, пробуждались силы и надежды. А время шло. Вотъ и зима наступила; воротилась за-границу Вѣра Александровна съ наивными рассказами, какъ она въ качествѣ дѣвицы боялась ѣхать одна; пришло Рождество, прикатилъ Павелъ къ своей семьѣ на елку, какъ онъ говорилъ; прошли праздники и Павелъ уѣхалъ снова въ Россію; все чаще и чаще стали приходить отъ него письма не къ Грунѣ, а на имя ея отца съ вопросами о ея здоровьѣ, наконецъ получила телеграмма на имя Кряжова съ словами: «Благодарю тебя, отецъ, и да сохранитъ судьба младенца. Цѣлую Груню», — а желанный день возвращенія въ Россію все не наступалъ.

Дѣло въ томъ, что Алексѣй Алексѣевичъ, выдавъ женѣ, за-граничный паспортъ, никакъ не хотѣлъ выдать ей постоянный видъ для отдѣльнаго свободнаго прожизанія въ Россіи. Сдѣлавъ по неволѣ, по необходимости одну уступку, онъ никакъ не рѣшился согласиться, чтобы его жена жила въ Россіи; по его мнѣнію ея поѣздка за-границу могла еще не вызывать толковъ и не походить на формальный разводъ, но ея отдѣльная жизнь въ Петербургѣ прямо давала возможность обществу заглянуть въ закулисныя тайны ихъ семейной жизни и дѣлать свои не-лестные выводы. Кряжовъ уже рѣшился не хлопотать о выдачѣ для дочери вида на жительство, тѣмъ болѣе что и она сама на время успокоилась и перестала думать о возвращеніи въ Россію, такъ какъ Павелъ окончилъ курсъ въ университетѣ и переселился въ Германію, гдѣ впервые увидалъ маленькое, дорогое ему созданыице, носившее имя Аркадія Панютина. Семья окончательно устроилась на мѣстѣ, и повидимому, позабыла совершенно, что гдѣ-то далеко есть человѣкъ, который можетъ и, по всей вѣроятности, не затруднится вдругъ смутить ея семейное затишье хотя бы просто изъ чувствъ зависти и мести. Переставъ на время думать о возвращеніи на родину, Груня радовалась, что Павелъ пробудетъ съ нею неразлучно два года и няньчилась съ своимъ младенцемъ никакъ не менѣе, чѣмъ няньчилась Вѣра Александровна съ другимъ младенцемъ — съ старикомъ Кряжевымъ...

XXIII.

Заключеніе

Совсѣмъ иная жизнь шла въ это время въ домѣ Обноскова. Алексѣй Алексѣевичъ, не смотря на болѣзненное и раздраженное состояніе своего организма, весь отдался работѣ и старался забыть всѣ невзгоды своей дѣйствительной жизни среди памятниковъ давно забытой и чуждой ему древности. Между нимъ

и его матерью царствовала замѣтная неприязнь. Сынъ всячески избѣгалъ бесѣдъ съ нею и сталъ затворять отъ нея двери своего кабинета; если же она случайно врывалась въ это послѣднее убѣжище сына, то онъ прямо говорилъ ей:

— У меня работа есть, не мѣшайте мнѣ!

Сухой и холодный тонъ этихъ словъ дѣлалъ невозможнымъ какое бы то ни было возраженіе. Мать вознаграждала себя за потерю сыновней любви жалобами на невѣстку, говорила всѣмъ и каждому, что эта змѣя подколодная ее съ сыномъ рассорила, что онъ теперь въ меланхолію впалъ, не ѣстъ, не пьетъ и ни съ кѣмъ говорить не хочетъ, что онъ чахнетъ, какъ свѣча передъ образомъ таетъ, и что, каково же все это материнскому сердцу видѣть! Откуда-то Марья Ивановна узнала, что «Павлушка» за-границу ѣздилъ къ своей «полюбовницѣ», что «старый грѣховодникъ отецъ самъ повезъ къ своей доченькѣ любовника и что если бы Леня-то захотѣлъ, такъ ей бы, женѣ-то его, публично выдали бы такой, знаете, билетъ, какіе развратнымъ женщинамъ выдаютъ, а то еще можетъ быть въ монастырь на покаяніе засадили бы; да только Леня-то духомъ, духомъ упалъ и ничего не хочетъ съ ними, съ мошенниками-то дѣлать, хоть онъ теперь воленъ въ ихъ смерти и животѣ: захочетъ — казнить, захочетъ — помилуешь!»

— Ахъ, дѣла, дѣла! — разѣвали рты слушательницы, по большей части принадлежавшія къ сословію кухарокъ. Эта сѣра была самая достолюбезная для Марьи Ивановны, такъ какъ только здѣсь ее называли «барынею», преклонялись передъ ея великимъ чиномъ титулярной совѣтницы и считали ея Леню какимъ-то грознымъ судьбою, имѣющимъ право казнить и миловать не только жену, но и всѣхъ ея родныхъ и близкихъ. Неизвѣстно, какія думы мучили въ это время Обноскова: тосковалъ ли онъ объ женѣ, придумывалъ ли для нея какую нибудь месть, или боялся людскихъ толковъ, сплетенъ и огласки, но только онъ дѣйствительно избѣгалъ общества и выѣзжалъ лишь на уроки, въ должность или на университетскіе диспуты, гдѣ постоянно вступалъ въ ожесточенные и колкіе споры, преслѣдуя каждую живую и новую мысль. Онъ самъ готовилъ диссертацию, полную тонкихъ и ѣдкихъ намековъ на современную без-

грамотность, на верхоглядство и диллетантизмъ въ наукѣ; ожидая полного успѣха своему труду, онъ надѣялся скоро получить кафедру и уже впередъ говорилъ, что у него на экзаменахъ пройдутъ счастливо только тѣ, которые будутъ знать его предметъ по крайней мѣрѣ не хуже его самого. Среди этихъ занятій и надеждъ ему представился еще одинъ случай публично высказать свои мнѣнія.

Дѣло въ томъ, что въ Петербургѣ готовилось одно изъ часто повторявшихся въ послѣднее время торжествъ; десятокъ докторовъ и ученыхъ готовили юбилейный обѣдъ для одного престарѣлаго, заслуженаго доктора изъ обрусѣвшихъ нѣмцевъ, извѣстнаго нѣсколькими написанными на иностранныхъ языкахъ статьями. Не смотря на свое несомнѣнно нѣмецкое происхождение, докторъ Гренингъ былъ извѣстенъ за драго славянофила; не смотря на свою принадлежность къ міру медиковъ, докторъ Гренингъ прославился одной надѣлавшею шуму статьею, гдѣ выражалось то мнѣніе, что только классическія науки развиваютъ умъ и нравственность человѣка, а естествознаніе ведетъ къ безбожію и невѣрію. Эта статья прославилась еще болѣе, когда одинъ естествоиспытатель сталъ доказывать, отвѣчая на нее, что именно естественныя-то науки и развиваютъ вѣру, и указалъ при этомъ на нѣсколькихъ вѣрующихъ, и даже служащихъ обѣдни иностранныхъ естествоиспытателей. На эту статью явилось возраженіе какого-то литератора, который замѣтилъ: «А! такъ вы своихъ учениковъ заставляете все принимать на вѣру? А я думалъ, что первая обязанность естествоиспытателя заявить своимъ слушателямъ, что каждый ихъ выводъ, каждый ихъ взглядъ долженъ быть основанъ на фактахъ и опытахъ, что безъ фактовъ и опытовъ нельзя составлять никакихъ понятій и заключеній, и что понятія, составленныя инымъ образомъ,—ерунда». Воспользовавшись этимъ возраженіемъ, докторъ Гренингъ тонко указалъ кому слѣдуетъ, какія идеи проповѣдуютъ естествоиспытатели и вышелъ побѣдителемъ изъ спора. Помня эту бурю въ стаканѣ воды, можно было ожидать очень многого отъ юбилейнаго обѣда, тѣмъ болѣе, что и всѣ другіе подобные обѣды не проходили безъ шума и курьезовъ. Петербургъ, да и вся Россія,

как вѣроятно замѣтилъ каждый, такъ же стремительно бросились на путь ораторства, какъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ они бросились на путь обличительной литературы; Богъ знаетъ, для какихъ цѣлей развиваются теперь эти ораторскія способности, но вѣроятнѣе всего, что въ результатѣ получится тоже, что получилось отъ обличительной литературы, т. е. почти полнѣйшее ея исчезновеніе съ лица земли. Но что бы ни было въ будущемъ, а покуда мы ораторствуемъ, видимъ въ этомъ великую пользу, относимся къ «рѣчамъ» съ неподражаемо комичною серьезностью и глубокомысленно съ какою-то боязливой оглядкой называемъ эти невинныя упражненія «подготовкой къ будущему», а потому юбилейный обѣдъ доктора Греннинга, какъ и обѣдъ для братьевъ славянъ, какъ и всѣ другіе обѣды, казался чѣмъ-то важнымъ, какимъ-то событіемъ въ жизни всѣхъ согражданъ и всей Россіи, навѣрное не одному Обноскову. Чтожъ мудреннаго, что и онъ поспѣшилъ воспользоваться возможностью свободно, съ дозволенія начальства, высказать свои мнѣнія и подписался чуть ли не первымъ на обѣдъ. Этому гражданскому подвигу онъ даже жертвовалъ своимъ здоровьемъ и сильнѣе всего боялся только того, что его нездоровье разовьется не на шутку до дня юбилея. Онъ употреблялъ неимоверныя усилія надъ собою, чтобы казаться, даже въ своихъ собственныхъ глазахъ, здоровѣе, чѣмъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ, и увѣрялъ себя, что и кашель, и лихорадка были просто слѣдствіемъ неопаснаго гриппа. Наканунѣ давно ожидаемаго дня, Обноскова бросало и въ потъ и въ дрожь; отъ нетерпѣнія онъ почти не могъ ничего дѣлать, двадцать разъ ложился и снова вставалъ и набрасывалъ на бумагу рѣчь, которую подобно всѣмъ другимъ ораторамъ, хотѣлъ произнести на обѣдѣ, конечно, экспромтомъ. Наконецъ насталъ и желанный день. Алексѣй Алексѣевичъ приободрился и одѣлся, посмотрѣлъ на часы и увидалъ, что еще слишкомъ рано ѣхать на обѣдъ.

— Не ѣздишь бы ты, голубчикъ, сегодня, — сказала ему мать. — На тебѣ лица нѣтъ, а сегодня морозъ такой, что носъ страшно на улицу показывать.

— Что вы выдумываете! — разсердился сынъ. — Я совсѣмъ здоровъ, да если бы и былъ болѣнъ, то все-таки надо ѣхать.

— Охъ, Лепя, ужъ неужели начальство и на болѣзнь-то не посмотритъ...

— Какое начальство? Я на обѣдъ ѣду...

— Господи, ужъ будто ты дома-то пообѣдать не можешь! Слава Богу живемъ мы...

— Ничего вы не понимаете, а суетесь во всякое дѣло!

Обносковъ повернулся къ матери спиною, вышелъ, хлопнувъ дверью, и подумалъ: «Вотъ и живи вѣкъ съ такою круглою невѣждою! И какъ это она умѣетъ во все свой носъ сунуть. Мало ей кухоннаго царства!»

Пріѣхавъ на обѣдъ не въ очень хорошемъ настроеніи духа, Алексѣй Алексѣвичъ имѣлъ несчастье неожиданно встрѣнть тамъ Левчинова. Это обстоятельство еще болѣе раздражило Обноскова. Левчиновъ по обыкновенію довольно пошло базагурилъ и хохоталъ громкимъ смѣхомъ.

— Что, Алексѣй Алексѣвичъ, отъ скуки по торжественнымъ обѣдамъ развѣзжаете?—сказалъ онъ Обноскову, фамильярно хлопая его по плечу въ качествѣ стараго товарища.

— Вамъ подражаю,—хмуро отвѣтилъ Обносковъ.

— Я то по обязанности здѣсь, нужно «отмѣтку» веселонькую настроити о томъ, какъ это люди будутъ нѣнца за русскій патриотизмъ выхвалять и доктора славить за борьбу противъ естествознанія. Ну да послѣ такого драматическаго представленія и на балетъ посмотрѣть хочется.

— На какой балетъ?—сердито спросилъ Обносковъ.

— А какъ наши престарѣлые тузы въ присядку ради патриотизма пойдутъ.

— Что вы выдумываете!

— А вотъ увидите. И трепака пропляшутъ. Ей Богу! Вотъ его превосходительство докторъ Винтеръ непременно въ присядку пойдетъ. Ему ужъ не впервые этимъ художествомъ заниматься, наострился!

— Удивляюсь я, какъ вамъ не надоѣтъ всякой чепухѣ вѣрять. Негодяи гдѣ нибудь распустили подлую выдумку, а вы вѣрите.

Обносковъ ходилъ по залѣ, желая скрыться отъ Левчинова,

но тотъ, какъ тѣнь или вѣрный песъ на травлѣ, слѣдовалъ по его пятамъ.

— Ой, какой вы сердитый нынче стали!—смѣялся онъ.— Ну, а что ваша супруга? Здорова ли? Скоро ли мы ее снова увидимъ.

— Она еще не поправилась.—прошипѣлъ Обносковъ и бросилъ свирѣпый взглядъ на Левчинова, какъ будто онъ хотѣлъ его уничтожить.

Левчиновъ не унимался.

— Какъ жаль, какъ жаль!—говорилъ онъ съ участіемъ въ голосъ.—Гдѣ же она теперь? Въ Ниццѣ или въ Швейцаріи?

Обносковъ закусилъ губы. Онъ не зналъ навѣрное, гдѣ живетъ теперь его жена и боялся явно и смѣшно провратъ, если Левчинову почемуде нибудь пзвѣстно настоящее мѣстопробываніе Груни.

— Не хотите ли вы навѣстить ее?—постарался онъ отдѣлаться отъ прямого отвѣта и послѣдно улизнулъ въ толпу, увидавъ какое-то знакомое лице.

Но Левчиновъ не отступалъ отъ своей жертвы и тѣшился травлею со всею нахальностью и неотвязчивостью праздношатающагося повѣсы. Во время обѣда онъ усѣлся возлѣ Обноскова и отравлялъ своими шутками каждый кусокъ стараго пріятеля. Каждая рѣчь, каждый тостъ давали поводъ къ насмѣшкамъ и остроумію. Обносковъ кусалъ губы и молчалъ. Обѣдъ между тѣмъ дѣлался все шумнѣе, нѣкоторые голоса уже звучали какъ-то невѣрно, мѣстами уже слышались приглашенія выпить на ты; приходилось торопиться произнести рѣчь.

Алексѣй Алексѣевичъ всталъ, попросилъ слова и началъ говорить... Желчная и ѣдкая рѣчь Обноскова о необходимости борьбы съ модными идеями развращеннаго поколѣнія матеріалистовъ, реалистовъ и нигилистовъ уже начала возбуждать вниманіе, какъ вдругъ Левчиновъ крикнулъ:

— Нѣтъ, нѣтъ, господа, теперь примиреніе нужно! Да погибнетъ вражда и распри! Мы всѣ дѣти одной матери, какіе бы ярлыки и клочки мы не носили, и нашъ почтенный юбиляръ служить яркимъ доказательствомъ истинны мнѣхъ словъ: онъ нѣмецъ по фамиліи, но онъ русскій въ душѣ!

— Да, да, ты нашъ братъ русакъ!—крикнулъ кто-то невѣрнымъ голосомъ.

— Качать его, качать!

Десятокъ пожилыхъ и еще нестарыхъ людей, пошатываясь, окружилъ юбиляра и началось качанье.

— Пей братъ, пей и докажи, что и ты русскій! Къ чорту шампанское! подавай намъ родной сивухи!—сипло раздавалось въ одномъ углу.

— Ну-ка, Эдуардъ Карловичъ, пройдемся,—говорилъ кто-то почтенному доктору Винтеру, размахивая взятымъ за уголь носовымъ платкомъ, въ знакъ приготовленія къ русской пляскѣ.

Среди этого хаоса ошеломленный и безмолвный Обносковъ остался одинъ, недосказавъ своей строго обдуманной рѣчи. Кто-то подошелъ къ нему и ударилъ его по плечу. Обносковъ обернулся и увидалъ передъ собою улыбающагося старикашку съ лысой головой; онъ не зналъ этого человѣка.

— Вы Обносковъ?—спросилъ старикашка, едва стоя на ногахъ и умильно улыбаясь.

— Да,—отвѣтилъ Алексѣй Алексѣевичъ.

— Ну и выпьемте за вашу будущность! Выпьемте, потому что я люблю васъ, люблю всю такую молодежь.

— Я не могу много пить,—сухо отвѣтилъ Обносковъ.

— Глупости! Брудершафтъ выпьемъ... На ты... Ну давай! Къ чорту церемоніи, къ чорту скуку! Мы здѣсь въ своей семьѣ и всѣ мы братья!

Обносковъ выпилъ бокалъ вина черезъ руку со старичкомъ. Послѣдовало лобзаніе. Старикъ потащилъ Обноскова въ другую комнату, усадилъ на диванъ, велѣлъ подать кофе и подлилъ въ него рому. Началась бесѣда, старикъ со слезами на глазахъ рассказывалъ о своей студенческой жизни, выболталъ всѣ свои семейныя тайны, пожаловался на жену и на непкорныхъ дѣтей и налилъ еще стаканъ вина Обноскову, заставивъ его насильно выпить.

— Нѣтъ, ты пойми, какво мнѣ жить,—рыдалъ подгулявшій старичокъ.—Сынъ у меня, Николашка, разбойникъ, говорить: не хочу я съ мачихой жить... Ну, говорю, и убирайся къ чорту!.. Да я, говорить, и сестерь съ собой возьму, пото-

му что не хочу, чтобы онъ на безобразіе смотрѣли... Ну, говорю, и бери ихъ на свою шею, а я вамъ гроша не дамъ... Хорошо! ушли, бросили меня... А она-то, жена-то моя, обманываетъ меня, на каждомъ шагу обманываетъ... А? каково мнѣ это сносить?.. Вотъ ты молодой человѣкъ, а какъ бы ты это снесъ, если бы тебя жена обманывать стала?.. Ну, скажи мнѣ, откровенно скажи,—приставалъ старичокъ, рыдая.

Обносковъ молчалъ и, неизвѣстно почему, тоже плакалъ. Онъ захмѣлѣлъ окончательно.

— Господа, не здѣсь ли юбилляръ?—громко спросилъ кто-то, вбѣгая въ комнату, гдѣ сидѣли наши собесѣдники.

— Нѣтъ,—отвѣтили они, оглядывая комнату мутными глазами.

— Боже мой, онъ пропалъ! Кучеръ его ждетъ, а его отыскать нигдѣ не могутъ.

— Надо идти! Искать!—заговорилъ старичокъ путающимся языкомъ, громко икая, и потащилъ за собою Обноскова, говоря ему: — Поддерживай насъ, стариковъ, поддерживай, молодой человѣкъ!

Безплодно отыскивая пропавшаго юбиляра, толпа подкутившихъ гостей вышла на улицу безъ шубъ и шляпъ, чтобы распросить кучеровъ. Одинъ изъ гостей отправился на домъ къ юбиляру. Черезъ полчаса онъ возвратился и объявилъ, что юбиляра увезли въ чужой каретѣ и что онъ спокойно спитъ въ своей спальнѣ.

— Ура, пить за его здоровье!—крикнули сильные голоса..

Обносковъ, шатаясь, улизнулъ изъ комнаты и вышелъ на крыльцо, гдѣ едва отыскивали ему шубу. Онъ чувствовалъ себя скверно и не могъ дать себѣ отчета, что дѣлается съ нимъ.

— Ъдешь уже, Алексѣй Алексѣевичъ?—нѣжнымъ и печальнымъ голосомъ спросилъ его, появляясь на крыльцѣ, Левчиновъ, говорившій уже со всѣми на ты и съ чрезвычайною сладостью и мягкостью.—А у насъ, голубчикъ, жженка устраивается, *gaudeamus* споемъ,—еще болѣе огорченнымъ тономъ добавилъ онъ.

— Нѣтъ, ты свинья! Ты глубоко, глубоко оскорбилъ меня!—почти плача, произнесъ Обносковъ заплетающимся языкомъ.— Ты подлецъ!

— Полно! ну что ты ругаешься? Ну подлець я, подлець, а ты прости меня,—полѣзь съ открытыми объятіями Левчиновъ къ своему старому пріятелю.—Ну, какіе мы враги? Что намъ дѣлать-то!

— Да вѣдь больно мнѣ, больно!—разрюмился Алексѣй Алексѣвичъ, лобзаемый Левчиновымъ.

— Ну, останься, останься, голубчикъ, съ нами, — умолялъ огорченный Левчиновъ. — Вѣдь ты не повѣришь, какъ я тебя люблю. Будь ты женщиной, я бы женился на тебѣ. Ей-ей!—объяснялся онъ въ любви.

— Нѣтъ, я поѣду, измучился я,—бормоталъ Обносковъ, мотая головой.

— Ну, не хочешь оставаться,—Богъ съ тобой! Давай я тебя провожу, давай я тебя усажу! Помнишь, Леша, я тебя маленькаго на руки подымалъ... Ма-аленькій ты такой былъ, сла-абенькій...

— Эхъ, братъ, горько мнѣ, очень горько!—шепталь Обносковъ почти въ полуснѣ.

Левчиновъ, обнимая и цѣлуя пріятеля, отвелъ его на улицу, усадилъ въ сани и закуталъ, поднявъ веротникъ его шубы. Извозчикъ уже хотѣлъ ѣхать, когда Левчиновъ еще разъ облобызалъ Обноскова. Тотъ во всю дорогу заливался слезами...

Рано на слѣдующій день поднялась Марья Ивановна, и узнавъ отъ кухарки, что барина привелъ дворникъ «не въ своемъ видѣ», прошла на цыпочкахъ въ комнату сына. Онъ, нераздѣтый, лежалъ на спинѣ на своемъ диванѣ въ страшномъ жару. Марья Ивановна попробовала разбудить его, онъ не просыпался. Она позвала служанку и кое-какъ, съ ея помощью, раздѣла сына. Онъ что-то пробормоталъ во снѣ, но не открылъ глазъ. Его пылающее худое лицо было покрыто пятнами. Къ вечеру сынъ все еще спалъ, но бредилъ. Пришлось звать доктора. Докторъ покачалъ головою, сказалъ, что дѣло плохо, прописалъ лекарства и уѣхалъ... Прошло недѣли двѣ. Алексѣй Алексѣвичъ былъ уже въ памяти, но надеждъ на выздоровленіе не было никакихъ.

— Священника позовите,—слабымъ голосомъ говорилъ онъ однажды матери.

Она расплакалась:

— Не плачьте... мнѣ надоѣли слезы,—прошепталъ онъ и отвернулся.

— Какая она въ дѣвushкахъ была веселая,—пробормоталъ онъ черезъ минуту въ забытiи.

— Про кого это ты, голубчикъ, говоришь?—съ участiемъ спросила мать.

— Вы еще здѣсь?—очнулся больной.—Ступайте за священникомъ... Что жъ одну жизнь отняли, такъ и другую хотите отнять?—съ испугомъ на лицѣ бормоталъ больной.—Священника, священника!..

Онъ потянулся за колокольчикомъ.

— Что ты, Ленья?—спросила мать.

— Священника!... Вы меня губите,—стоналъ больной.

Мать вышла.

— А потомъ она была всегда такая печальная,—снова бормоталъ Обносковъ въ забытiи.

Пришелъ духовникъ и попросилъ Марью Ивановну выйти изъ комнаты.

— Да, да уйдите, васъ не надо,—проговорилъ больной.

Мать повновалась и вышла. Началась исповѣдь. Больной отвѣчалъ несвязно.

— Жена меня не проститъ... проклинать будетъ!—совѣмъ тихо произнесъ онъ, принимая причастiе, и опять на его лицѣ появилось выраженiе мучительнаго испуга. — Жену! жену!—громко и звучно крикнулъ больной почти съ ужасомъ.

— Не хотите ли, чтобы я что нибудь передалъ ей?—спросилъ священникъ.—Подумайте.

Онъ помолчалъ, чтобы дать больному время подумать, и сталъ укладывать крестъ въ небольшой ящичекъ. Прошло нѣсколько минутъ.

— Ну что же, не имѣете ли вы еще чего нибудь сказать?

Священникъ обратилъ свои глаза на больного: тотъ не шевелился и лежалъ съ открытыми и неподвижными глазами. Священникъ тихо началъ читать надъ нимъ молитву...

Отъ Обноскова остался одинъ бездушный трупъ, да нѣсколько никому ненужныхъ начатыхъ работъ... На лицѣ покойни-

ка, когда онъ лежалъ на столѣ, видѣлось все тоже выраженіе испуга; казалось, что онъ именно для того закрылъ глаза, чтобъ не видать окружающихъ людей и кипящей кругомъ жизни, а, можетъ быть, въ этомъ выраженіи отразился его послѣдній страхъ передъ той жизнью, въ которую онъ такъ боялся вступить... Марья Ивановна дико кричала, рвалась и билась у гроба...

Похороны совершались довольно торжественно и нашлось много людей, придавшихъ какое-то особенное значеніе покойнику. «Онъ былъ, какъ Россія, весь въ будущемъ!» «Мы хоронимъ наши лучшія надежды на будущее!» «Это былъ стойкій и глубоко убѣжденный человѣкъ, способный направить на путь новое поколѣніе», — раздавалось со всѣхъ сторонъ и кто-то даже тиснулъ въ этомъ родѣ статейку: Богъ знаетъ, заставило ли выкинуть эту штуку искреннее убѣжденіе, или просто желаніе сказать, что и авторъ статейки былъ тоже знакомъ съ порядочными людьми, или, можетъ быть, побужденіе было еще мельче и просто явилось слѣдствіемъ желанія зашибить лишнюю копѣйку...

На могилѣ одинъ изъ провожатыхъ совершенно неожиданно рѣшился произнести рѣчь и принялъ приличный случаю видъ.

— Господа, кого мы хоронимъ?—торжественно спросилъ ораторъ и обвелъ собраніе глубокомысленнымъ немного отупѣлымъ взглядомъ, какъ это обыкновенно дѣлается при подобныхъ вопросахъ во время надгробныхъ рѣчей.—Кого мы хоронимъ?—еще торжественнѣе повторилъ онъ, выкатывая глаза и качая головою.

— Сына моего, батюшка, сына моего... Обноскова...—зарыдала Марья Ивановна, услышавъ вопросъ и совершенно не зная, что на подобные вопросы въ рѣчахъ обыкновенно отвѣчаютъ сами же ораторы.

По лицамъ присутствующихъ промелькнули неприличные, плохо сдержанныя улыбки, а ораторъ совсѣмъ растерялся, остоленѣлъ и, потерявъ нить своей рѣчи, могъ продолжать ее только черезъ нѣсколько минутъ. Но, къ сожалѣнію, ему надо было торопиться, такъ какъ Марья Ивановна окончательно рѣшилась вступить съ нимъ въ разговоръ, и поминутно отвѣчала на всѣ похвалы оратора:

— Это точно, батюшка! Такъ, такъ! Охъ, охъ, мой голубчикъ, еслибъ онъ зналъ, какъ его люди-то хвалятъ! Вотъ ужъ видно, что вы добрый человекъ!

Вслѣдствіе этихъ возгласовъ надгробная рѣчь противъ всякаго ожиданія превратилась въ какой-то странный діалогъ; ораторъ, посылая чуть не къ чорту Марью Ивановну, спѣшилъ, путался, а недоумѣвающая публика смотрѣла на это необычайное зрѣлище совсѣмъ не съ похороннымъ настроеніемъ духа.

— Фу!—отеръ ораторъ съ своего лица потъ, окончивъ рѣчь, и отошелъ отъ могилы.—Нѣтъ, какво эта баба-то ко мнѣ привязалась!—воскличалъ онъ въ кругу своихъ знакомыхъ.—Это вѣдь чортъ знаетъ что за положеніе!

— Позвольте-съ, засыпать надо!—проговорили могильщики и, поплевавъ на ладони, принялись за лопаты. Комки мерзлой земли глухо застучали о крышку гроба.

— Ой, пустите меня къ нему, къ моему голубчику! Охъ, отцы родные, не могу я безъ него жить! Топнехонько мнѣ!.. Леня, ангелъ мой ненаглядный, разочекъ дай взглянуть на себя!—рвалась Марья Ивановна изъ поддерживавшихъ ее рукъ.

Провожатые начинали понемногу расходиться... Раздосадованный ораторъ обдумывалъ теперь, что надо бы еще сказать на обѣдѣ и рѣшился иначе начать свою новую рѣчь, надѣясь на болѣе удачный конецъ...

— Не пожалуйте-ли, сударь, на чаекъ?.. За копанье могилъ... умаялись... Здѣсь грунтъ-отъ, пусто бы ему было, чистая глина, да и смерзло все... Пока копаешь, такъ самъ десять разъ въ яму носомъ ткнешься,—разсуждалъ одинъ изъ могильщиковъ, пока распорядитель похоронъ шарилъ въ своемъ кошелькѣ, отыскивая мелочи.

— Батюшка, имъ заплочено... Охъ, всѣмъ заплочено, всѣмъ! — вмѣшалась, рыдая, Марья Ивановна. — Мошенники здѣсь обобрать нарываютъ... Жадости-то въ нихъ нѣтъ!.. Охъ, я сирота горемычная!.. На кого ты меня оставилъ, кормилецъ ты мой!..

— Ишь ты полтину на трехъ далъ, — съ укоризной разсуждалъ могильщикъ, когда и Марья Ивановна была уведена съ

могилы. — Ну, кулакъ народъ! И вѣдь экое время-то, ни къ чему приступу нѣтъ!..

— А вотъ погоди хлѣбъ-отъ говорятъ еще подорожаетъ, — замѣтилъ другой могильщикъ, сердито прибивая лопатую землю на могилѣ Обноскова.

— Черти, черти проклятые! — ругался собесѣдникъ, не мѣнѣе сердито оканчивая свою работу. — Довольно, и такъ не встанеть! — стеръ онъ потъ съ лица и поднялъ лопату на плечо, какъ ружье.

Отъ кладбища уже мчались на похоронный обѣдъ кареты и шли въ нихъ веселые, беззаботные разговоры о житейскихъ дѣлахъ, о сегодняшнемъ днѣ... Сегодня похороны, завтра свадьба; утромъ погребальное пѣніе, вечеромъ обнаженные плечи Лотарь или балетъ чуть не голыхъ феѣ; одинъ умеръ, другой родился; Алексѣя Алексѣевича Обноскова похоронили, а гдѣ нибудь съ нетерпѣніемъ и радостью ждутъ рожденія какого нибудь его однофамильца; покойникъ стоялъ за чистую, отвлеченную отъ жизни науку и, къ сожалѣнію, не кончилъ своего поприща, даже не началъ настоящей борьбы за свои идеи, но, можетъ быть, новорожденный его однофамилецъ будетъ успѣшнѣе бороться за тѣ же самыя идеи; вѣдь не сегодня началась эта борьба, не завтра кончится; наука не скоро унижится до того, чтобы сойти въ простую кухню или въ грязный подвалъ мастерового, ну да и жизнь-то обходится безъ науки, немного нужно знать, чтобы весело прожить!.. зимой купили въ пользу голодающихъ, лѣтомъ пойдемъ на воды за границу мотать послѣднія, русскія деньги; на нашъ вѣкъ всего хватить, а внуки пусть сами о себѣ думаютъ; старые порядки, можетъ быть, и худы, да не ломать же намъ себя, а новые, можетъ быть, хороши, ну такъ и пусть ихъ вводятъ, когда насъ не будетъ... Житейскія рѣчи, житейская мудрость! Плохо живется на свѣтѣ съ этою мудростью!..

Въ Германіи стояла уже давно чудесная весна. Однажды небольшой семейной кружокъ Кряжова и нѣсколько короткихъ знакомыхъ Панютина и Груни усѣлись въ саду пить послѣ обѣда кофе. Между собесѣдниками шли тѣ неслышвомъ торо-

плывые, отчасти задумчивые разговоры, къ которымъ обыкновенно располагаетъ послѣобѣденная пора. Толки шли о Россіи, о газетныхъ извѣстіяхъ, о голодѣ, о женскомъ вопросѣ. Одни выражали свои молодыя надежды, другіе, болѣе опытные, покачивали головами и повторяли свой вѣчный припѣвъ: ничего не выйдетъ! Вопросъ перешолъ къ тому, отчего ничего не выйдетъ? Начались споры и бесѣда оживилась. Не выѣшавалась въ разговоры въ этотъ день только Груня. Она въ послѣднее время съ особеннымъ нетерпѣніемъ ждала вѣстей изъ Петербурга, такъ какъ оттуда долженъ былъ пріѣхать старшій сынъ Высоцкой, а, можетъ быть, и она сама. Споры еще продолжались, какъ вдругъ Груня быстро поднялась съ мѣста, взяла на руки ребенка и быстро побѣжала съ нимъ по аллеѣ сада.

— Куда ты?—съ удивленіемъ спросилъ Павелъ.

— Она, она пріѣхала!—крикнула Груня, продолжая бѣжать.

— Милая, дорогая!—раздавалось у калитки сада.—Сколько времени мы не видалась.

— Давай ребенка!—послышался голосъ Стефаніи Высоцкой.—Боже мой, какой онъ у тебя бутузъ! Ты чѣмъ это его кормишь?

— Не смѣй смѣяться надъ нимъ!

— Ну, а ужъ щипать я его непременно буду!

— Такъ я тебѣ и позволю!

— Да вы не поссорьтесь на радостяхъ!—засмѣялся Павелъ и нагнулся къ рукѣ Стефаніи.

— Богъ мой, какой онъ цивилизованный сталъ за-границею!—захотала она, подставивъ ему свободную руку.

— Все по прежнему веселы, живы, — ласково промолвилъ Кряжовъ, здороваясь съ пріѣзжею.

— Что миѣ дѣлается!

— А сынъ, другія дѣти гдѣ?

— Всѣ, всѣ со мною. Возятся въ отелѣ.

— Ну ужъ это не дѣло, изволь сюда переѣзжать,—пропнесла Груня и побѣжала распорядиться о перенесеніи вещей Высоцкой въ ихъ домъ.

— Да вѣдь это такой гвалтъ здѣсь поднимется, что вы убѣжите изъ своего кабинета,—обратилась Стефанія къ Кряжову.

— Ну, я и безъ того излѣнился здѣсь, постоянно бѣгаю отъ работы. То внучонка поняньчить хочется, то милѣйшая Вѣра Александровна безъ меня скучаетъ, ее утѣшать надо,—смѣялся старикъ.

— Ахъ, а гдѣ же она? Ведите меня къ ней! Она все по старому влюблена въ васъ?

— Да смѣйтесь, смѣйтесь, а мы такими друзьями стали, что жить другъ безъ друга не можемъ,—шутяль Кряжовъ, дѣйстви-тельно привыкшій, какъ къ близкой родной, къ наивной и не-много сентиментальной простушкѣ старой дѣвѣ.

Когда поутихъ первый шумъ и гамъ веселаго свиданія, Сте-фанія осторожно завела рѣчь объ опасной болѣзни Обноскова.

— Говори прямо: онъ умеръ?—измѣняясь въ лицѣ и прис-тально глядя на Высоцкую, спросила Груня.

— Да,—отвѣтила Стефанія.

Всѣ разомъ замолчали. Кряжовъ, опустивъ голову, заходилъ по комнатѣ и время отъ времени по старой привычкѣ подер-гивалъ шейную косынку. Груня чертила что-то на песокъ и по ея щекамъ катилась едва замѣтная слеза.

— Чтожь этого надо было ожидать, этимъ должно было все рано или поздно кончиться,—проговорила Стефанія.

Груня не поднимала головы.

— Знаю,—прошептала она, украдкой отирая упавшую на руку слезу,—но мнѣ тяжело, что я могу воротиться въ Рос-сію, только перешагнувъ черезъ его могилу.

— Да вѣдь и всегда приходится шагать чрезъ чьи-нибудь могилы къ новой жизни?—отвѣтила Высоцкая серьезнымъ то-номъ.

— Да, ты говоришь о великихъ событіяхъ, а тутъ мелкіе семейные интересы...

— Ну за то и могилъ немного,—отвѣтила Высоцкая.—Это грустно, да вѣдь свѣтъ не передѣлаешь. Не перешагнешь ты черезъ могилу врага, — онъ перешагнетъ черезъ твою... Остается то утѣшеніе, что не мы виноваты въ такомъ порядкѣ дѣлъ.

Павель подошелъ къ Грунѣ и взялъ ее за руку.

— Ты не согласна съ ней?—тихо спросилъ онъ.

— Согласна, но ты знаешь, какъ трудно приучить нервы къ выносливости въ этихъ случаяхъ,—отвѣтила Груня.

Павелъ тихо поцѣловалъ ее и, взявъ ее подъ руку, удалился съ нею въ глубину сада. Между ними зашелъ серьезный разговоръ о будущемъ.

.....

Что будетъ далѣе съ нашими героями — неизвѣстно, но во всякомъ случаѣ ихъ дальнѣйшая исторія, не смотря на всѣ ихъ ошибки, не можетъ принадлежать къ исторіи господъ Обносковыхъ. Мы могли бы поговорить здѣсь о Марьѣ Ивановнѣ, но подобныя женщины не измѣняются до гробовой доски и потому съ ними довольно познакомиться разъ, чтобы уже никогда не желать продолженія начатаго знакомства. Носятся слухи, что она снова переѣхала на Выборгскую сторону и наклеила на окна объявленія объ отдачѣ комнатъ для студентовъ. Чтожъ?—это очень вѣроятные слухи; такая жизнь все-таки доставить ей угѣшеніе ежедневно изо всѣхъ силъ пилить когонибудь и горько плакаться передъ каждымъ встрѣчнымъ на угнетеніе судьбы и на сиротскую долю.

А. Михайловъ.

ОЧЕРКЪ ИЗЪ ИСТОРИИ РАБСТВА.

I.

Римская имперія, основанная на военномъ деспотизмѣ и кровавой эксплуатаціи побѣжденныхъ народовъ, живетъ войною и только войною можетъ существовать. Римскимъ патриціямъ нужны рабы, и Римъ идетъ съ своими грозными легіонами на сѣверъ и югъ, востокъ и западъ, побѣждаетъ народы, и тысячи несчастныхъ раненныхъ и плѣнныхъ поступаютъ во власть торговцевъ невольниками, которые вездѣ слѣдуютъ за побѣдоносными римскими войсками.

Уже много рабовъ изъ Галліи доставилъ Юлій Цезарь своимъ жаднымъ соотечественникамъ, — но имъ все мало, и Цезарь волей-неволей долженъ углубляться далѣе на сѣверъ Галліи. Сѣверная Галлія, Бретань, еще независима; тамъ живетъ крѣпкій, трудолюбивый, мужественный народъ, страстно любящій свободу. Эта страна густо населена и можетъ доставить много здоровыхъ, хорошихъ рабовъ. Нужно найти предлогъ къ войнѣ, но за этимъ дѣло не станетъ. Цезарь шлетъ пословъ, требуя дани. Бретанцы отказываютъ, и онъ ведетъ свои легіоны къ Ванну, главному городу Бретани.

Здѣсь галлы сосредоточили свои силы. Сюда они стянули и свои семейства, которые помѣстили въ колесницахъ, оставленныхъ въ резервъ боевой позиціи. Не было въ гальскомъ войскѣ чловѣка

мужественнѣе и честнѣе Альбиника, одного изъ начальниковъ племени, не было красивѣе и также мужественнѣе жены его Сіомары, матери двухъ прелестныхъ дѣтей Юліана и Генны. На задней части колесницы Сіомара, съ своими невѣстками, привѣсила къ веревкамъ толстыя кожи, предназначенныя защищать дѣтей, туда посаженныхъ, отъ непріятельскихъ стрѣлъ и камней.

Галлы первые напали на римлянъ. Стремительный ихъ натискъ однакоже не поколебалъ римскіе легіоны. Храбрость галловъ была безсильна противъ искусства римлянъ. Римскіе легіоны, закованные въ стальные и мѣдныя доспѣхи, одолѣли полунагихъ и плохо вооруженныхъ галловъ. Все поле покрылось трупами. Напрасно немногіе, оставшіеся еще въ живыхъ, отчаянно защищали колесницы, въ которыхъ скрывались ихъ жены и дѣти; они пали всѣ до одинаго. Колесницѣ Сіомары уже приходилось сдѣлаться добычею римлянъ, съ жадностью смотрѣвшихъ на помѣстившихся въ ней прекрасныхъ женщинъ. Уже воины бросились на колесницу, переломали длинными пиками защищавшія ее косы и близки были къ тому, чтобъ завладѣть колесницей, но Сіомара сказала что-то своимъ невѣсткамъ и онѣ бросились къ убѣжищу, гдѣ скрывались ихъ дѣти. Послѣднія косы уже были сбиты. Сіомара взяла въ одну руку мечъ, а въ другую бѣлое покрывало и, махая имъ, бросила мечъ на землю въ знакъ того, что женщины хотятъ сдаться, она съ безпокойствомъ взглянула въ ту сторону, куда ушли ея невѣстки, и снова стала махать покрываломъ, показывая то на небо, то на море. Но пока воины стояли въ недоумѣніи передъ колесницей, Сіомара вдругъ схватила мечъ, и съ быстротою молніи вонзила его по-очереди въ стоявшихъ подлѣ нея трехъ дѣвушекъ, подставившихъ ей свою грудь. Тогда остальные молодыя женщины метко и быстро поразили другъ друга и упали на полъ колесницы. Одна изъ невѣстокъ Сіомары вышла изъ дѣтскаго убѣжища, держа въ своихъ рукахъ двухъ малютокъ. Она быстро прикрѣпила къ верху колесницы конецъ веревки, обвитой вокругъ ея шеи и шеи ея дѣтей и, выпрыгнувъ изъ колесницы, удавилась на ней вмѣстѣ съ дѣтьми. Все это произошло такъ быстро, что римляне не успѣли предупредить убійства. Раненный Альбеникъ, мужъ Сіо-

мары, видѣлъ неизбѣжную гибель своего семейства, но онъ не могъ видѣть, что сдѣлалось съ его малютками-дѣтьми, находящимися въ задней части телѣги. Онъ лежалъ недалеко, придавленный трупомъ своей лошади, и вскорѣ лишился чувствъ отъ потери крови.

Очнулся онъ въ какомъ-то большемъ сараѣ, гдѣ на полу, на соломѣ, лежало много стонущихъ галловъ, вѣроятно, раненныхъ.

При первомъ же движеніи онъ увидѣлъ, что его нога прикована къ столбу. Его раны были перевязаны, и онъ ничего не чувствовалъ кромѣ сильной слабости. Осмотрѣвшись, онъ замѣтилъ, что въ сараѣ лежали около пятидесяти человѣкъ и всѣ они были прикованы къ столбамъ. Въ глубинѣ сарая находилось нѣсколько вооруженныхъ людей. Они сидѣли за столомъ, пили и пѣли. Нѣкоторые изъ нихъ ходили по сараю, качаясь отъ опьяненія. Они держали въ рукахъ плеть съ коротенькой ручкой, состоящую изъ нѣсколькихъ ремней, къ концамъ которыхъ были прикрѣплены кусочки свинцу. Помахивая этой плетью, они насмѣшливо посматривали на плѣнныхъ.

— Гдѣ мы? спросилъ Альбаникъ у раненнаго старика, лежавшаго подлѣ него.

— Въ Ваннѣ, въ плѣну.

Альбаникъ вспомнилъ про смерть всѣхъ своихъ родныхъ и про вѣроятную смерть своей жены и дѣтей. Но его все-таки мучило сомнѣніе: убиты ли его дѣти? Онъ однако скоро успокоился, рѣшивъ, что иначе и быть не могло. Вспомнивъ затѣмъ про свое одиночество, онъ испустилъ вопль отчаянія и не желая смотрѣть на свѣтъ божій, перевернулся на своей постели вверхъ спиной и спряталъ лицо въ солому, служившую ему изголовьемъ. Кому-то изъ полупьяныхъ сторожей не понравился раздрающій душу вопль Альбаника, и на спину несчастнаго раненнаго плѣнника посыпались градомъ удары плетью, сопровождаемые ругательствами. Его, — сына Генорея, начальника племени, осмѣлились бить плетью! Онъ въ одно мгновеніе вспрыгнулъ на ноги, и несмотря на слабость хотѣлъ броситься на сторожа, но цѣпь удержала его. Онъ покачнулся и упалъ на колѣни. Тогда сторожь принялся хлестать его своей длинной плетью по лицу, по груди, по спинѣ. Сбѣжались еще и другіе сторожа; они надѣли

Альбиниву на руки оковы и принялись бить его съ страшнымъ ожесточеніемъ. Но вдругъ появился небольшого роста толстенкій человѣкъ, съ сѣдой бородой, бѣлыми волосами и краснымъ лицомъ.

Услыша его голосъ, сторожа прекратили побои. Онъ сталъ говорить съ живостью что-то по-римски, указывая по временамъ на Альбаника, и казался разсерженнымъ. Его сопровождали еще два человѣка. На одномъ изъ нихъ была длинная черная одежда; его лицо было важно и мрачно, другой человѣкъ держалъ подъ мышкой ящичекъ. Лежавшій подлѣ Альбаника старикъ-плѣнникъ гнѣвно сказалъ ему, указывая на маленькаго краснолицаго толстячка:

— Барышникъ!... барышникъ!

— Какой барышникъ? спросилъ Альбаникъ.

— Тотъ, который купилъ раненныхъ.

— Какъ! торговать ранеными, умирающими?

— Развѣ ты не знаешь, сказалъ старикъ мрачно, — что послѣ сраженія при Ваннѣ на полѣ осталось болѣе мертвыхъ, нежели живыхъ, и что не нашли тамъ ни одного галла, который не былъ бы раненъ. По недостатку здоровыхъ плѣнниковъ, торговцы невольниками, отправляющіеся всегда за римскими войсками, нажились на плѣнныхъ, “какъ вороны на трупы”.

— И такъ я — рабъ! воскликнулъ Альбаникъ, — меня купили и опять продадутъ!

Барышникъ подошелъ къ старику и спросилъ:

— Скажи-ка ты, старая кляча, что случилось съ твоимъ соседомъ? Пришелъ ли онъ въ себя? Что онъ говорилъ, что дѣлалъ?

— Спроси у него самого, грубо отвѣтилъ старикъ, повернувшись на другой бокъ.

Барышникъ наклонился къ Альбиниву; его угрюмое лицо прояснилось; онъ улыбнулся, и заговорилъ скороговоркой, самъ отвѣчая на свои вопросы.

— И такъ ты пришелъ въ себя, мой храбрый волъ? Да... О! тѣмъ лучше... Клянусь Юпитеромъ! это добрый знакъ... Теперь нужно чтобъ пришелъ аппетитъ. Но онъ уже пришелъ? Неправда

ли? Да? Ну тѣмъ лучше! Черезъ недѣлю ты справишься... Эти скоты сторожа... они вѣчно пьяны... они побили тебя? Да?... Это не удивляетъ меня... они неспособны ни къ чему лучшему... Они одурѣли отъ гальскаго вина... Вздумали бить тебя... бить тебя!... а ты едва на ногахъ стоишь... притомъ же у человѣка гальскаго племени сдержанный гнѣвъ можетъ имѣть дурныя послѣдствія... Но вѣдь ты не сердись теперь? Неправда ли? Нѣтъ?... Тѣмъ лучше! Вотъ я такъ долженъ сердиться на нихъ. Ну если бы ты задохся отъ бѣшенства? Но какое дѣло этимъ скотамъ, если я потеряю двадцать пять или тридцать золотыхъ су, которыя могу выручить за тебя, мой славный воль..... Но для большей безопасности я отведу тебя въ такое мѣсто, гдѣ тебѣ будетъ спокойнѣе, чѣмъ здѣсь, и гдѣ ты останешься одинъ. Тамъ лежалъ одинъ раненный, да онъ умеръ сегодня ночью, славный былъ этотъ раненный! Красавецъ! Это большой убытокъ... Охъ! въ торговомъ дѣлѣ не всегда бываютъ барыши... Пойдемъ, иди за мной.

Торговецъ снялъ съ Альбиника цѣпь и повелъ его подъ руки, при помощи человѣка въ черной одеждѣ. Они привели его въ чуланъ, освѣщенный окномъ съ желѣзной рѣшеткой и посадили на лавку. Человѣкъ въ длинной черной одеждѣ былъ римскій медикъ. Онъ перевязалъ раны Альбанику, уложилъ его на деревянный ящикъ, служившій вмѣсто ложа, и удалился.

— Клянусь Юпитеромъ, сказалъ торговецъ съ довольнымъ и веселымъ видомъ, возмущавшимъ Альбиника, — твои раны видимо заживаютъ; это признакъ чистой крови. Ну теперь ты, кажется, образумился, мой славный воль, и навѣрное будешь отвѣчать на мои вопросы; не правда-ли? Да?... И такъ слушай меня.

Барышникъ, вытащивъ изъ кармана таблички, натертыя воскомъ, и стилеть, сказалъ:

— Я не спрашиваю твоего имени. Пока тотъ, кто купитъ тебя и не назоветъ тебя, какъ ему вздумается, ты будешь называться воломъ... Славное названіе, неправда ли? И какъ оно идетъ къ тебѣ!

— Почему ты называешь меня воломъ? спросилъ Альбиникъ.

— А почему я называлъ клячей того старика, твоего сосѣда?

потому что у него только кости да кожа, между тѣмъ какъ у тебя такая сильная натура! Какія широкія плечи! Какіе ерѣпкіе члены!

Говоря это, барышникъ съ наслажденіемъ смотрѣлъ на Альбиника и потиралъ руки, 'помышляя о суммѣ, которую возьметъ за него.

— И какой ростъ, продолжалъ онъ,—ты выше всѣхъ моихъ невольниковъ... За то, что ты такой здоровый человѣкъ, я и называлъ тебя воломъ. Подъ этимъ именемъ тебя будутъ продавать на аукціонѣ.

Альбиникъ зналъ, какъ ужасно рабство, и оправдывалъ матерей, убивавшихъ своихъ дѣтей для того, чтобы они не попали въ неволю. Онъ зналъ, что римляне считали рабовъ домашнимъ скотомъ; онъ неспособенъ былъ переносить униженія рабства, но былъ спокоенъ, потому что рѣшился убѣжать при первомъ удобномъ случаѣ, или предать себя смерти. Онъ не зналъ навѣрное: умертвила ли его жена себя и дѣтей, хотѣлъ удостовѣриться въ этомъ, и потому спросилъ у барышника:

— Гдѣ ты купилъ меня?

— На полѣ битвы, на томъ мѣстѣ, гдѣ ты лежалъ въ безпамятствѣ. Тамъ была цѣлая куча никуда негодныхъ труповъ; но мой куманекъ, сынъ Эскулапа, осмотрѣлъ твои раны, и увѣрилъ меня, что онѣ неопасны, и что отъ нихъ ты не потеряешь цѣны. Какъ тонкій барышникъ, понимающій свое дѣло, я, видишь ли, толкнулъ тебя ногой, да и говорю воинамъ: „что толку въ этомъ огромномъ трупѣ, онъ не дышетъ; мнѣ не надо его“. Я сталъ давать тебѣ пинки и поворачивать ногой... „Посмотрите“, говорю я имъ, „въ немъ нѣтъ признаковъ жизни... онъ умираетъ, мои благородные сыны Марса; онъ уже холоденъ“... однимъ словомъ, я заплатилъ за тебя два су и надѣюсь продать тебя въ двадцать разъ дороже, особенно если ты знаешь какое нибудь ремесло.

Барышникъ снова взялъ свои таблички и сталъ писать на нихъ стилетомъ, говоря:

— Итакъ твое имя—Воль, изъ племени гальскаго-бретонскаго... ужь это я самъ вижу... вѣдь я знатокъ въ этомъ дѣлѣ; я

никогда не смѣшаю бретонца съ бургундцемъ, или уроженца Пуату съ овернецемъ. Послѣ сраженія при Пуи, я много продалъ овернцевъ... Твои лѣта?

— Двадцать девять.

— Твое ремесло?

— Земледѣлецъ.

— Земледѣлецъ? сказалъ обманутый въ своихъ надеждахъ барышникъ, почесывая затылокъ. — Охъ! охъ! земледѣлецъ!.. и ты не знаешь никакого другого ремесла?

— Кромѣ того, я—воинъ.

— Охъ! охъ! воинъ!.. кто носить ошейникъ, тому во всю жизнь не приходится владѣть копьемъ или мечемъ... Твой характеръ, мой любезный Воль?

— Мой характеръ?

— Говори правду, другъ Воль; хозяинъ, который купитъ тебя, узнаетъ со временемъ, если ты солгалъ, и ты дорого заплатишь за это.

— Въ такомъ случаѣ пиши въ своихъ табличкахъ: рабочій воль любить неволю и лижетъ руку, которая бьетъ его.

— Ты шутишь! Можетъ ли быть, чтобъ человѣкъ гальскаго народа любилъ неволю? Скорѣе можно сказать, что орелъ, или соколъ любить клѣтку.

— Въ такомъ случаѣ напиши на табличкахъ, что какъ скоро силы Вола возвратятся, онъ распоретъ брюхо своему хозяину и убѣжитъ въ лѣсъ, чтобъ жить тамъ на свободѣ.

— Это болѣе похоже на правду... Итакъ слушай, что я написалъ: № 7, Воль, гальскаго-бретонскаго племени — въ высшей степени силенъ, росту самаго высокаго, двадцати девяти лѣтъ, превосходный земледѣлецъ, характера горячато и мрачнаго отъ непривычки къ рабству; но его можно усмирить то лаской, то наказаніемъ.

— И вотъ что случилось съ свободнымъ и гордымъ человѣкомъ! сказалъ самъ себѣ Альбиникъ. — Вся моя вина состоитъ въ томъ, что я защищалъ свое отечество!

Словохотность барышника позволила Альбинуу спросить у не-

го: не видалъ ли онъ на полѣ сраженія, близь того мѣста, гдѣ нашель его, боевую колесницу, съ повѣсившеюся на ней женщиной.

— Видѣлъ-ли я ее? отвѣчалъ барышникъ,—въ ней было одиннадцать мертвыхъ женщинъ—красавицъ, и какихъ еще красавицъ! каждая изъ нихъ стояла по сорока и по пятидесяти золотыхъ су. Но всѣ онѣ мертвы и не принесутъ никому барыша!

— Не нашли-ли тамъ живыхъ дѣтей?

— Только двухъ или трехъ дѣтей успѣли вынуть еще живыми изъ пегель, которыми удавили ихъ матери. Охъ ужъ эти мнѣ гальскія женщины! онѣ свирѣпы какъ львицы.

— Но гдѣ же эти дѣти, гдѣ они? отвѣчай мнѣ скорѣе, воскликнулъ Альбиниѣ.

— А для чего ты хочешь знать это?

— Тамъ были мои дѣти... мой Юлианъ и моя Гена.

— Какихъ лѣтъ?

— Осьми и десяти лѣтъ.

— Я не торгую дѣтьми; можетъ быть, ихъ купилъ другой барышникъ, торгующій преимущественно дѣтьми.

— Послушай меня... Я желалъ бы, чтобъ мои дѣти лучше умерли, нежели сдѣлались рабами; но если они живы, если они поступятъ въ продажу... О! скажи мнѣ какъ я могу узнать это?

— Да для чего это тебѣ?

— Для того, чтобъ мои дѣти остались, по крайней мѣрѣ, при мнѣ.

Барышникъ принялся хохотать.

— Ахъ ты пустая голова! сказалъ онъ;—знаешь ли, что на сто покупателей не нашлось бы десяти дураковъ, которые согласились бы купить работника-земледѣльца съ двумя дѣтьми безъ матери. Продать тебя съ дѣтьми, это значило бы взять за тебя половину цѣны и навязать на покупателя двухъ дармоѣдовъ. Ну понимаешь ли?... Нѣтъ: ты не понимаешь, ты смотришь на меня дико и тупоумно; повторяю тебѣ, что если бы мнѣ дали твоихъ дѣтей даромъ въ придачу, я и тогда не пустилъ бы тебя въ продажу вмѣстѣ съ ними. Понимаешь ли, наконецъ, тупая голова.

Тутъ только понялъ Альбиниѣ всю утонченность мученій рабства. Если его дѣти живы, онъ даже не узнаетъ, кому и куда они будутъ проданы и далеко ли отъ него. Это казалось ему до того ужаснымъ, что онъ не хотѣлъ вѣрить въ возможность такого варварства. Его сердце наполнилось горечью, и онъ такъ страдалъ, что, почти умоляя, сказалъ барышнику:

— Ты обманываешь меня... Кому нужны дѣти? Кто захочетъ купить этихъ малютокъ, этихъ бесполезныхъ дармоѣдовъ?

— Ого? тѣ, которые торгуютъ дѣтьми, имѣютъ очень выгодныхъ покупателей, въ особенности, если дѣти красивы... Красивы ли твои дѣти?

— Да, сказалъ Альбиниѣ, припомнивъ живѣе, чѣмъ когда либо хорошенькія, бѣлокурія головки своихъ дѣтей, походившихъ другъ на друга, какъ близнецы, и которыхъ онъ поцѣловалъ въ послѣдній разъ незадолго передъ сраженіемъ. — Ахъ! они прекрасны!... такъ какъ была прекрасна ихъ мать.

— Если они прекрасны, успокойся, мой милый Волъ, сказалъ барышникъ; — они будутъ хорошо пристроены: у тѣхъ, кто торгуетъ дѣтьми, есть хорошіе покупатели между старыми, пресытившимися сенаторами, которые любятъ незрѣлые плоды. Говорятъ, что сюда вскорѣ пріѣдетъ очень богатый и знатный вельможа Кремионъ... очень прихотливый любитель... онъ путешествовалъ по римскимъ колоніямъ южной Галліи и долженъ пріѣхать сюда на своей галерѣ, великолѣпной какъ дворецъ... Онъ конечно пожелаетъ увезти отсюда хорошенькій образецъ гальскихъ ребятишекъ... и если твои дѣти красивы, ихъ участь устроена, потому что вельможа Кремионъ — одинъ изъ лучшихъ покупателей этого товара.

Альбиниѣ сначала не понялъ, о чемъ ему говорилъ барышникъ; но вскорѣ у него закружилось въ головѣ отъ ужаса при мысли, что его дѣти, если они къ несчастію избавились отъ смерти, будутъ увезены въ Италію и подвергнутся тамъ ужасной участи... Онъ пришелъ въ такое бѣшенство, почувствовалъ такую сильную сердечную печаль и такой страшный испугъ, что всталъ на колѣни на своей соломенной постели и, протянувъ къ барышнику свои закованныя руки, съ умоляющимъ видомъ, не могъ произнести ни

слова и принялся плакать. Барышникъ смотрѣлъ съ удивленіемъ на него, и сказалъ:

— Ну что же это такое, мой славный Воль? Что случилось съ тобой?

— Мои дѣти! сказалъ онъ, задыхаясь отъ рыданій;— мои дѣти, если они живы!...

— Твои дѣти?

— То, что ты сказалъ... участь, которая ожидаетъ ихъ... если ихъ продадутъ этимъ людямъ...

— Да не съ ума ли ты сошелъ? продолжалъ барышникъ,— что ты находишь ужаснаго въ той участи, которая ожидаетъ твоихъ дѣтей?... Ахъ, вы галлы! вы настоящіе варвары! Да знай же, что нѣтъ жизни пріятнѣе той, какую ведутъ маленькіе флейтисты и танцоры, забавляющіе этихъ богатыхъ старичковъ... если бы ты видѣлъ ихъ, этихъ плутишекъ съ нарумяненными щеками, съ головками, украшенными вѣнками изъ розъ, въ длинныхъ платьяхъ, усыпанныхъ золотыми блестками и въ длинныхъ подвѣскахъ въ ушахъ!... А маленькія дѣвочки... если бы ты видѣлъ ихъ въ бѣлыхъ туникахъ и...

Кровавое облако набѣжало на глаза Альбиника. Онъ бросился въ бѣшенствѣ и отчаяніи на безчестнаго барышника; но цѣпь опять удержала его, и онъ упалъ на свою постель. Не найдя близъ себя ни палки, ни камня и ничего, ничего... онъ скорчился и въ изступленіи сталъ грызть свои оковы, какъ дикій звѣрь на цѣпи.

— Экіе звѣри эти галлы! воскликнулъ барышникъ, пожавъ плечами и отодвинувшись подальше.— Онъ реветъ и бьется, какъ волкъ на цѣпи, оттого, что дѣти его будутъ жить въ роскоши и въ нѣгѣ... лучше ли было бы, если бы твои дѣти были безобразны? Знаешь ли, кому они достались бы? Тѣмъ богатымъ вельможамъ, которые любятъ предугадывать будущее по трепещущимся внутренностямъ дѣтей только-что заколотыхъ ими?...

— О боги! воскликнулъ Альбиникъ, оживясь надеждой,— пошли моимъ дѣтямъ такую смерть! пусть они, въ будущей жизни, соединятся невинными съ своею цѣломудренною матерью.

Онъ снова заплакалъ.

— Другъ Волъ! сказалъ барышникъ,—я не ошибся, записавъ въ табличкахъ, что у тебя вспыльчивый и крутой нравъ; но если ты будешь тосковать по дѣтямъ, ты можешь похудѣть, потерять здоровый видъ и ввести меня въ убытокъ... тогда берегись, берегись, другъ Волъ! Я не новичекъ, я умиралъ и не такихъ какъ ты... но ужъ пора обѣдать. Докторъ сказалъ, что теперь можно давать тебѣ питательную пищу. Кушай съ аппетитомъ, это—единственное средство заслужить мои милости; постарайся пополнить въ двѣ недѣли, которыя остаются тебѣ до аукциона... если же нѣтъ... о! тогда... мнѣ жаль тебя, другъ Волъ...

Сказавъ это, барышникъ ушелъ и оставилъ Альбиника одного въ такой ерѣшковой темницѣ, что о побѣгѣ невозможно было и подумать. Альбеникъ могъ бы, по примѣру другихъ галловъ, попавшихъ въ плѣнъ, размножить себѣ голову ударомъ объ стѣну, или уморить себя съ голоду; но онъ не хотѣлъ умереть, пока не узнаетъ, живы ли его дѣти? Гордый галль рѣшился, изъ любви къ дѣтямъ, прибѣгнуть даже къ хитрости и войти въ милость къ барышнику для того, чтобъ получить отъ него свѣденія о своемъ миломъ Юлианѣ и о красавицѣ Генѣ. Онъ намѣревался сдѣлать все, что будетъ зависѣть отъ него, чтобы избавить ихъ отъ угрожавшей имъ участи.

Впродолженіи двухнедѣльнаго заключенія Альбеникъ ничего не узналъ отъ барышника о своихъ дѣтяхъ. Ему сказали только, что вѣрѣхалъ Креміонъ въ своей великолѣпной галерѣ. Одно имя этого покупателя дѣтей заставило Альбиника затрепетать отъ ужаса.

Наканунѣ дня, назначеннаго для торга, барышникъ самъ принесъ Альбенику ужинъ и фляжку стараго гальскаго вина. Альбеникъ отказался пить съ нимъ вино своей родины.

— Какъ хочешь, сказалъ барышникъ,—а я хотѣлъ выпить одну чарку за твое помѣщеніе у хорошаго господина и за барышъ, который надѣюсь получить за тебя, а другую—за твое сближеніе съ дѣтьми.

— Какъ! что ты сказалъ? воскликнулъ Альбеникъ, оживясь надеждой и страхомъ,—ты узналъ что нибудь про моихъ дѣтей?

— Ничего не скажу, сказалъ барышникъ, показывая видъ, что хочеть уйти.—Мнѣ можеть развязать языкъ только вино, а я не люблю пить одинъ.

— Въ такомъ случаѣ, я готовъ пить, воскликнулъ Альбиникъ.

Барышникъ налилъ одинъ кубокъ вина для Альбиника, а другою для себя.

— Желаю получить побольше барыша отъ продажи тебя, сказалъ онъ, обмочивъ въ кубекъ свои губы.

Альбиникъ не могъ припомнить впоследствии, выпилъ ли барышникъ вино.

— За свиданіе съ моими дѣтьми! сказалъ Альбиникъ, осушивъ весь кубокъ вина, показавшагося ему превосходнымъ.

Барышникъ разсказалъ Альбину, что его собрать по торговлѣ купилъ двухъ дѣтей—мальчика и дѣвочку лѣтъ осьми или девяти, найденныхъ повѣшенными въ боевой колесницѣ, находившейся близъ того мѣста, гдѣ лежалъ Альбиникъ. Въ дѣтяхъ были признаки жизни и ихъ спасли. Купившему ихъ купцу досталось по жребію мѣсто на аукціонѣ рядомъ съ барышникомъ и, если ихъ будутъ продавать завтра, Альбиникъ увидитъ ихъ.

Пока барышникъ разсказывалъ все подробности, сопровождавшія покупку дѣтей, Альбиникъ сталъ чувствовать, что его голова тяжелѣетъ и вѣки опускаются. Онъ не могъ сидѣть и былъ принужденъ прислониться къ стѣнѣ. Барышникъ засмѣялся.

— Любезный Волъ! сказалъ онъ,—мое вино подѣйствовало, кажется, на тебя. Не надо беспокоиться о томъ, что съ тобой совершится. У меня есть зелья, которые помогаютъ мнѣ готовить товаръ къ продажѣ. Ты хотя и поправился и пополнѣлъ, по продолжительное заключеніе и другія причины лишили тебя хорошаго цвѣта лица; завтра же, съ помощью моего зелья, ты будешь свѣжъ, какъ будто бы только что пришелъ съ поля. Я предвидѣлъ, что ты будешь мѣшать мнѣ заняться твоимъ туалетомъ и принялъ свои мѣры противъ этого.

— Какимъ туалетомъ? съ усиліемъ спросилъ Альбиникъ.

— Туалетомъ, приличнымъ рабу. Во-первыхъ я намажу твое

...ломъ, сказалъ барышникъ, позвавъ сторожа и завѣсивъ
 но одѣяломъ, для того, чтобъ не могли видѣть съ улицы того,
 что онъ будетъ дѣлать. Онъ досталъ изъ ящичка разныя стеклянки,
 кубки, небольшую серебряную чашу и разные инструменты, въ томъ
 числѣ и бритву. Посмотрѣвъ внимательно на Альбиника, онъ отку-
 порилъ стеклянку съ мыломъ. Эти приготовления показались Альби-
 ннику до такой степени унижающими человѣческое достоинство, что,
 не смотря на овладѣвшее имъ оцѣпенѣнiе, онъ вскочилъ на ноги
 и, махая руками и ногами, освобожденными отъ оковъ, восклик-
 нулъ:

— На мнѣ нѣтъ оковъ; если ты подойдешь ко мнѣ, я задавлю
 тебя.

— Я предвидѣлъ, что ты будешь сопротивляться, сказалъ ба-
 рышникъ, спокойно выливая масло въ серебряную чашу и намачи-
 вая въ немъ губку.—Я могъ бы связать тебя; но ты сталъ бы
 биться и повредилъ бы свои связанные члены; покупатели узнали
 бы, что ты имѣешь неповорный характеръ: ты раскричался бы, по-
 жалуй, когда стали бы брить твою голову для обозначенiя твоего
 рабства.

Обрить галла—это значило нанести ему самое ужасное оскорбле-
 нiе, а потому Альбиникъ, при этой угрозѣ, собралъ остатокъ сво-
 ихъ силъ и закричалъ:

— Я убью тебя, если ты дотронешься хоть до одного волоска
 на моей головѣ.

— О! успокойся, любезный Воль, отвѣчалъ барышникъ, подхо-
 дя съ бритвой къ Альбиннику,—я дотронусь не до одного твоего во-
 лоска, а до всѣхъ.... Я срѣжу ихъ всѣ до единого и твоя го-
 лова будетъ сейчасъ такъ плѣшива, какъ голова Цезаря. Зелье,
 выпитое тобою сейчасъ въ винѣ, сдѣлаетъ тебя недвижимымъ.

Альбиникъ дѣйствительно потерялъ сознанiе и заснулъ тяже-
 дымъ сномъ.

II.

Въ день, назначенный для публичнаго торга, барышникъ разбудил Альбиника, спавшаго глубокимъ сномъ. Несчастный плѣшникъ вспомнилъ, что происходило наканунѣ, и тревожно дотронулся до своей головы. Она была выбрита, также какъ и борода. Это очень огорчило его; но онъ не пришелъ въ бѣшенство, какъ наканунѣ, а посмотрѣлъ на барышника какъ-то безмысленно; онъ все еще находился подъ влiянiемъ зелья, выпитаго имъ наканунѣ въ винѣ. Онъ чувствовалъ себя здоровымъ и крѣпкимъ; но какая-то вялость одолѣвала его. Барышникъ смотрѣлъ на него съ торжествующимъ видомъ. Онъ снялъ съ него рубашку, привѣсилъ ему къ шеѣ таблички, на которыхъ было написано его имя и прочее, накинулъ ему на плечи шерстяное одѣяло, а на голову надѣлъ вѣнокъ изъ свѣжихъ буковыхъ листьевъ. Руки Альбиника были связаны назади, а обѣ ноги—закованы. Въ такомъ видѣ барышникъ повелъ его на аукционъ, на площадь города Ванна. Вмѣстѣ съ нимъ повели продавать и другихъ плѣнныхъ. Всѣ они были такъ же мрачны, убиты и покорны, какъ и онъ. Глаза ихъ были опущены, какъ будто бы эти люди старались не смотрѣть другъ на друга. Между ними были два или три человѣка изъ племени Альбиника. Одинъ изъ нихъ, проходя мимо него, сказалъ вполголоса: „Альбиникъ! мы обрiты, но волосы растутъ и ногти — также“.

Ихъ привели въ какой-то балаганъ, выстроенный изъ досокъ, покрытый холстомъ и устланный соломой; по правой и по лѣвой сторонѣ его находились другiе такiе же балаганы, поставленные въ рядъ и образовавшiе собою родъ длинной улицы. По ней прогуливались толпами офицеры, солдаты, покупатели невольниковъ, барышники и разные люди, принадлежавшiе къ римской армiи; они заглядывали въ шалаши, на скованныхъ плѣнныхъ, съ обиднымъ и насмѣшливымъ любопытствомъ; балаганъ, въ которомъ, какъ сказалъ барышникъ, находились дѣти Альбиника, былъ запертъ; от-

туда слышалась брань, рѣзкіе крики и болѣзненные стоны женщинъ, говорившихъ по-гальски: „Смерть.... смерть! но не оскорбленіе?“

— Эти пугливыя дуры корчатъ весталокъ; ихъ раздѣваютъ до гола, чтобъ показывать покупателямъ, а онѣ орутъ, какъ безумныя, сказалъ Альбанику барышникъ.

Вскорѣ звонъ колокола возвѣстилъ начало торга. Со всѣхъ сторонъ послышались пискливые голоса крикуновъ, приглашавшихъ покупателей зайти въ балаганы и возвѣщавшихъ цѣны, назначенныя за невольниковъ продавцами человѣческаго мяса. Барышникъ заперъ Альбаника въ чуланъ, желая сбыть прежде товаръ по хуже; но наконецъ и Альбаникъ увидѣлъ своего будущаго господина. Это былъ человѣкъ съ сѣдыми волосами, съ холоднымъ и жестокимъ выраженіемъ лица. На немъ было военное платье; онъ сильно хромалъ и опирался на палку, имѣвшую видъ виноградной лозы, и означавшую чинъ центуріона. Барышникъ снялъ съ Альбаника всю одежду, выставивъ такимъ образомъ на показъ товаръ, которымъ такъ гордился. Нѣсколько любопытныхъ зѣвакъ собрались вокругъ балагана.

Прочитавъ то, что было написано на дощечкѣ, привѣщенной къ шеѣ Альбаника, покупатель сталъ разсматривать товаръ, — раздѣрять пальцами грудь, руки и плечи невольника. Потомъ барышникъ велѣлъ Альбанику показать силу, и поднять выше головы, лежавшую на землѣ свинцовую гирю; когда онъ исполнилъ это, ему приказали показать свою ловкость и перепрыгнуть нѣсколько разъ черезъ палку, на локоть отъ земли. Не смотря на тяжесть цѣпей, Альбаникъ исполнилъ и это.

— Теперь, сказалъ барышникъ, — остается испытать кротость твоего характера. — И онъ взялъ у сторожа влуть; но покупатель отнял его у него.

— Старая лисица невѣрять мнѣ, сказалъ барышникъ Альбанику; — онъ боится, что я буду бить тебя слегка, мой любезный Воль; потерпи и покажи ему, что ты терпѣливо переносишь наказанія.

При этихъ словахъ хромой осыпалъ Альбаника градомъ ударовъ по спинѣ и груди; Альбаникъ, подъ вліяніемъ все того же

непоятнаго унадка нравственныхъ силъ, заплакалъ и, упавъ на колѣни, сталъ просить пощады... Между тѣмъ какъ собравшіеся вокругъ балагана зрители хохотали изо всей мочи, центуріонъ, удивленный такою кротостію галла, пересталъ бить его; а барышникъ, ласково потрепавъ его, какъ животное, по истерзанной спинѣ, сказалъ:

— Ты хотя и воль по силѣ; но агнецъ по кротости. Я не ошибся въ тебѣ.

Торгъ былъ заключенъ. Барышникъ получилъ отъ хромого множество золотыхъ монетъ и, поговоривъ съ нимъ еще о чемъ-то, обратился къ Альбинуку и сказалъ ему:

— Твой новый господинъ—и я понимаю это когда дѣло идетъ о невольникѣ, за котораго такъ дорого заплатили, — твой новый господинъ находитъ, что ты недовольно хорошо закованъ; онъ велѣлъ прибавить тяжести къ ногамъ.

Эти тяжести были такъ велики, что Альбинукъ не могъ поднять ногъ и долженъ былъ сѣсть на землю.

Въ это время, холстъ закрывавшій противуположный балаганъ, поднялся. Внутри его, съ одной стороны сидѣли три красавицы—молодыя женщины или дѣвицы; онѣ были почти нагія и ноги ихъ были закованы, онѣ прижались другъ къ другу такимъ образомъ, что двѣ изъ нихъ, подавленные стыдомъ, прятали свои лица на груди у третьей. Эта послѣдняя, блѣдная, мрачная, съ длинными, распущенными черными волосами, опустила голову на свою обнаженную и истерзанную грудь. Недалеко отъ нихъ двое трехлѣтнихъ дѣтей, привязанныхъ за поясъ на веревкѣ, безопасно смѣялись и валялись на соломѣ. На другой сторонѣ балагана, высокаго роста женщина, скованная по рукамъ и по ногамъ, стояла неподвижно, какъ статуя, прислонясь къ столбу, къ которому она была прикована посреди тѣла; ея сѣдые волосы были растрепаны; глаза—неподвижны, лицо—желто и страшно; изъ ея груди, по временамъ, раздавался хохоть, грозный и безумный. Въ глубинѣ балагана былъ чуланъ. Альбинукъ подумалъ, что тамъ заперты его дѣти и легкій приливъ крови къ головѣ возвѣстилъ ему слабое возвращеніе его энергіи. Онъ не сводилъ глазъ съ чулана, какъ вдругъ

въ балаганъ вошелъ старикъ великолѣпно одѣтый. Это былъ извѣстный патрицій Креміонъ, истощенный развратомъ и лѣтми. Его тусклые глаза были безжизненны; отвратительное, морщинистое лицо было покрыто слоемъ бѣлилъ и румянъ. На головѣ былъ одѣтъ бѣлокурый парикъ, завитый въ локоны, въ ушахъ висѣли длинныя серьги изъ драгоценныхъ камней; а за поясомъ торчалъ огромный букетъ цвѣтовъ. Сверхъ длиннаго вышитаго платья была накинута красная мантия. Онъ съ трудомъ тащилъ ноги и опирался обѣими руками на плечи двухъ молоденькихъ невольниковъ, одѣтыхъ роскошно, но такъ странно, что нельзя было узнать—мужчины они или женщины; позади его шло двое другихъ невольниковъ постарше первыхъ; одинъ изъ нихъ несъ шубу своего господина, а другой—золотой ночной сосудъ.

Купецъ противоположнаго балагана подбѣжалъ къ нему съ видомъ подбострастія и почтенія, и поставилъ ему скамейку, на которую тотъ и сѣлъ. Такъ какъ у скамейки не было спинки, одинъ изъ молодыхъ невольниковъ тотчасъ всталъ неподвижно позади своего господина, дабы служить ему точкой опоры, между тѣмъ какъ другой легъ на землю, завернулъ въ полу своего платья его ноги, обутыя въ богатые сандалии и прижалъ ихъ къ своей груди, безъ сомнѣнія для того, чтобы согрѣть ихъ. Усѣвшись такимъ образомъ, Креміонъ сказалъ что-то купцу и тотъ указалъ ему на трехъ полунагихъ невольницъ. Развратный патрицій посмотрѣлъ на трехъ прекрасныхъ женщинъ, и плюнулъ въ знакъ презрѣнія къ нимъ. Всѣ присутствующіе захохотали. Купецъ указалъ на маленькихъ дѣтей, но Креміонъ сказалъ должно быть что-то ужасное, потому что хохотъ римлянъ удвоился. Тогда купецъ подошелъ къ чуждану и вывелъ изъ него трехъ дѣтей, покрытыхъ длинными бѣлыми покрывалами; сперва онъ открылъ дѣвочку слабую и некрасивую. Креміонъ сдѣлалъ нетерпѣливый знакъ, и купецъ тотчасъ же увелъ ее въ чужданъ.

Крѣпко скованный Альбиникъ смотрѣлъ на эту сцену изъ своего балагана. Остывшая кровь его начала живѣе течь по жиламъ. Дрожь стала пробѣгать по членамъ... Пробужденіе приближалось... Три молодыя женщины и старая матрона забыли свой стыдъ и

отчаяніе и, не скрываясь болѣе отъ сладострастныхъ взоровъ зрителей, съ материнскимъ страхомъ устремили свои взгляды на двухъ покрытыхъ дѣтей, предложенныхъ ужасному старику, между тѣмъ какъ старая матрона, прикованная къ столбу, стиснувъ зубы, устремила горячіе глаза и скованныя руки, какъ будто бы призывая кару боговъ на эти чудовищныя дѣла. По знаку Креміона покрывала свалились съ дѣтей, и Альбинигъ узналъ своего Юліана и Гену. Оба они похудѣли и дрожали отъ холода; слезы выступали изъ ихъ глазъ; длинные бѣлокурые волосы дѣвочки падали по плечамъ. Дѣти стояли, взявшись за руки и прижавшись другъ къ другу. Не смотря на ужасъ, изображавшійся на лицѣ Гены, она предстала во всей своей дивной дѣтской красотѣ... красотѣ гибельной, потому что, при видѣ ея, померкшіе глаза Креміона загорѣлись, какъ горячіе угли. Онъ выпрямился, протянулъ къ ней свои изсохшія руки, какъ будто бы стараясь схватить свою жертву и ужасная улыбка выказала его желтые, полусгнившіе зубы... Испуганная Гена бросилась назадъ и повисла на шеѣ у брата; но ее сейчасъ же опять привели къ Креміону. Старикъ оттолкнулъ ногой лежащаго невольника, схватилъ Гену, сжалъ ее между колѣнными и, не смотря на ея старанія освободиться и на ея крики, оборвалъ тесемки, завязывавшія ея платье, и раздѣлъ ее, чтобъ осмотрѣть ея грудь и плечи.

Креміонъ, спокойно окончивъ свой ужасный осмотръ, сказалъ нѣсколько словъ купцу; сторожъ застегнулъ платье дѣвочки, почти полумертвой, завернулъ ее въ покрывало и, взявъ ее на руки, приготовился нести ее вслѣдъ за старикомъ, который досталъ изъ кармана золотыя монеты и сталъ расплачиваться съ купцомъ. Въ эту отчаянную минуту, бѣдные дѣти въ ужасѣ стали кричать, какъ будто бы надѣялись, что ихъ услышать и придутъ на помощь: „отецъ! мать!“ Эти крики возвратили разумъ и мужество Альбинигу; видъ дѣтей далъ ему такой толчекъ, произвелъ такой порывъ бѣшенства, что, не смотря на тяжелыя оковы, онъ выпрыгнулъ изъ своего балагана; въ два скачка очутился близъ Креміона, свалилъ его и, не имѣя возможности задушить его руками, которыя были скованы позади спины, началъ грызть ему зубами лицо и такъ вцѣпился въ него, что бросившіеся на Альбинига

сторожа не могли отогнать его ни кутомъ, ни палками, ни камнями. Кровь отвратительнаго, задыхающагося старика заливала ему ротъ, но онъ не оторвался отъ него до тѣхъ поръ, пока не отгрызъ куса мяса, который плюнулъ ему въ отвратительное, желтое, помертвѣвшее лицо.

— Отецъ, отецъ! кричалъ въ это время маленькій Юліанъ, желая приблизиться къ нему; Альбиникъ выпрямился и сталъ до того страшень, что всѣ отступили отъ него и вокругъ закованнаго невольника образовался кругъ.

— Отецъ, отецъ, повторялъ Юліанъ, простирая къ нему руки и, несмотря на то, что сторожа держали Альбиника, онъ прыгнулъ къ сыну, но купецъ успѣлъ набросить ему на голову одѣяло. Въ то же время Альбиника схватили за ноги, повалили и, связавъ множествомъ веревокъ, отнесли въ балаганъ и положили на солому; потомъ онъ услышалъ споръ центуріона съ барышникомъ и съ купцомъ, продавшимъ Гену. Потомъ всѣ ушли и все затихло. По прошествіи нѣкотораго времени возвратился барышникъ и, бѣшено толкнувъ ногою Альбиника, сказалъ:

— Разбойникъ! знаешь ли чего мнѣ стоитъ кусокъ мяса, вырванный тобою изъ лица Креміона? Знаешь ли ты это, дикій звѣрь? Онъ стоитъ мнѣ болѣе половины той цѣны, за которую я продалъ тебя. Я, обязанъ отвѣчать за твои злодѣйства, пока ты у меня, мерзавецъ! я заплатилъ за твою дочь и подарилъ ее Креміону. Онъ самъ потребовалъ этого.

— Это чудовище не умеръ? воскликнулъ Альбиникъ въ отчаяніи, — и моя дочь также не умерла!

— Твоя дочь, висѣльникъ?.. она у Креміона и онъ отмститъ ей за меня!.. онъ заранѣе радуется этому. У этихъ старичковъ иногда бывають звѣрскія прихоти... а Креміонъ довольно богатъ для того, чтобъ позволить ихъ себѣ.

Альбиникъ отвѣчалъ на это только стопами.

— И это еще не все, продолжалъ барышникъ. — Центуріонъ хотѣлъ, чтобъ я взялъ тебя назадъ.

— Но мой сынъ...

— Никто не хотѣлъ купить такого волченка, какъ твой сынъ... его отдали въ придачу тому, кто купилъ старую матрону.

— А ее кто купилъ?..

— Центуріонъ, твой господинъ.

— Мой сынъ будетъ со мною.

— Твой сынъ... съ тобою? Да ты также глушь, какъ и золь.

Ты думаешь, что твой господинъ купилъ твоего волченка для твоего удовольствія? Нѣтъ, твой господинъ сказалъ, что посадить его въ клѣтку и что сынъ будетъ отвѣчать за непокорность отца. „При первой винѣ отца“, сказалъ твой господинъ, „я подвергну, въ его присутствіи, пытѣвъ его волченка“.

На другой день, послѣ того, какъ Альбиника и Юліана привезли къ новому господину, онъ сказалъ Альбиннику:

— Каждый день, когда ты мало будешь работать, твоему сыну будутъ вырывать по зубу... Если ты будешь бунить, ему вырвутъ ноготь; при каждой твоей попыткѣ къ побѣгу ему будутъ отрѣзывать то руку, то ногу, то носъ, то ухо, то языкъ... Если тебѣ удастся убѣжать, ему вырвутъ глаза и потомъ посадятъ въ печь, или намажутъ медомъ и отдадутъ на съѣденіе насѣкомымъ; или сожгутъ на маломъ огнѣ, въ насмоленной одеждѣ. Теперь отъ тебя зависитъ предать мученіямъ твоего сына.

— У тебя не будетъ раба покорнѣе и трудолюбивѣе меня, отвѣчалъ Альбиникъ, — только обѣщай, что ты позволишь мнѣ видѣться съ сыномъ, когда ты будешь доволенъ мною.

— Веди себя хорошо... посмотримъ, отвѣчалъ центуріонъ.

Съ этого времени гордый Альбиникъ сдѣлался самымъ покорнымъ и самымъ трудолюбивымъ изъ всѣхъ рабовъ; онъ жилъ въ подземельѣ съ прочими рабами; а Юліана посадили въ клѣтку. Утромъ или вечеромъ его пускали гулять, приковавъ его къ злой собакѣ, которая никогда не отходила отъ своего господина. Иногда Юліанъ видѣлъ издали своего отца, въ то время, какъ онъ, возвратясь съ работы, уходилъ въ свое подземелье. Однажды Альбиникъ работалъ такъ много, что ему позволили въ первый разъ увидѣться съ сыномъ. Для безопасности ему надѣли на ноги, кромѣ обычной цѣпи, еще другую, и сторожъ долженъ былъ зорко слѣ-

дить за каждымъ его движеніемъ. Какъ пережвнился Альбиникъ! онъ похудѣлъ, сморщился, лохмотья служили ему вмѣсто одежды. Нельзя было и узнать гордаго, прекраснаго, веселаго, прежняго Альбиница. Однако въ ту минуту, какъ онъ подошелъ къ влѣтѣ сына, его лицо заблестало такою радостью, какъ, бывало, въ самые счастливые дни прежней свободной жизни, когда онъ самъ былъ владѣльцемъ той самой земли, которая теперь была подарена Цезаремъ его господину, центуріону, и которую ему пришлось обрабатывать для своего владѣльца. Подойдя къ влѣтѣ сына, Альбиникъ сказалъ сквозь радостныя слезы: „дай мнѣ поцѣловать твою щеку, мое бѣдное дитя“. Юліанъ, рыдая, приложилъ свое лицо къ желѣзной рѣшеткѣ и отецъ съ трудомъ могъ поцѣловать его. Не смотря на радость свиданія, и отецъ и сынъ долго плакали. Впослѣдствіи времени, какъ ни рѣдки были эти свиданія, отецъ всегда старался утѣшать и ободрять сына.

По прошествіи трехъ лѣтъ Альбиницъ оказалъ важныя услуги своему господину, который предоставилъ ему болѣе свободы, чѣмъ другимъ рабамъ; но рабство было нестерпимо для него.

Однажды ночью онъ поджогъ жилище своего господина и, освободивъ сына изъ влѣтки, хотѣлъ убѣжать съ нимъ; но Юліанъ, спускаясь въ ровъ, неудачно прыгнулъ и вывихнулъ себѣ ногу. Вскрикнувъ отъ боли, онъ лишился чувствъ. Когда онъ очнулся, онъ почувствовалъ, что безчисленное множество насѣкомыхъ бѣгаютъ по его тѣлу и кусаютъ его. Онъ открылъ глаза; но жгучіе лучи солнца падали прямо на его обритуя голову и заставили закрыть глаза. Онъ былъ совершенно голъ и привязанъ къ дереву. Онъ опять открылъ глаза и увидалъ, напротивъ себя, своего отца, также голаго и привязаннаго къ дереву. Его тѣло и лицо, намазанные медомъ, были также покрыты цѣлой тучей большихъ красныхъ муравьевъ, гнѣздо которыхъ находилось у него подъ ногами. Тогда Юліанъ понялъ, отчего происходила чувствуемая имъ боль. Муравьи еще не доползли до его лица, но они уже ползали по его шеѣ. Онъ сталъ звать отца на помощь; но тутъ только онъ замѣтилъ, что его отецъ то ужасно хохоталъ, произнося несвязныя слова, то испускалъ страшный крикъ отъ нестерпимой боли.

Безъ сомнѣнія муравьи начали вползать къ нему въ голову, черезъ уши, и ѣсть глаза, потому что его опущенные вѣки исчезали подъ множествомъ муравьевъ. Эти ужасныя муки, и въ особенности яркіе лучи солнца, падавшіе прямо на его голую голову, свели его съ ума... Юліанъ сталъ кричать ему: „отецъ! помоги!..“ Но онъ не слышалъ уже его криковъ... Однако эти крики услышалъ римскій поселенецъ, сосѣдъ центуріона. Онъ былъ человѣколюбивъ и хорошо обращался съ своими рабами. Гуляя по близости, онъ прибѣжалъ на крикъ Юліана и, тронувшись страданіями мальчика, отвязалъ его отъ дерева и окунулъ въ ручей. Освободившись отъ боли, Юліанъ сталъ упрашивать своего избавителя идти на помощь къ отцу. Въ эту минуту пришелъ его господинъ... Изъ корыстолюбія, онъ согласился продать мальчика колонисту; но объявилъ въ бѣшенствѣ, что Альбиникъ поджогъ у него скотный дворъ, съ намѣреніемъ убѣжать во время суматохи, и что за это онъ долженъ вытерпѣть казнь. Казнь совершилась.

III.

Прошло много лѣтъ послѣ казни Альбиника. Темной ночью Юліанъ ушелъ изъ дому своего молодого и богатаго господина Травіона и перелѣзъ черезъ каменную ограду огромнаго парка виллы Оливіи, римской патриціанки, прославившейся своею жестокостью. Юліанъ хорошо былъ знакомъ съ мѣстностью и вскорѣ приблизился къ берегу канала, украшеннаго мраморною балюстрадой; близь этого мѣста возвышался храмъ, построенный въ видѣ ротонды и окруженный великолѣпной колоннадой. Юліанъ подкрался къ колонадѣ и тихимъ голосомъ, нѣсколько разъ, произнесъ: „Эльвига!.. Эльвига!..“ Никто не отвѣтилъ ему на призывъ. Онъ пробрался ошупью къ самому каналу, думая, что Эльвига ждетъ его на лѣстницѣ; но обманулся. Вдругъ онъ увидѣлъ вдали на каналѣ яркій свѣтъ. Юліанъ вообразилъ, что Оливія, пользуясь прекрасной

лѣтней ночью, прогуливается въ гондолѣ съ своими поющими и играющими невольницами. Звуки музыки и свѣтъ стали все болѣе и болѣе приближаться къ нему: онъ подумалъ, что лодка пройдетъ мимо пристани и спрятался. Вдругъ онъ увидѣлъ, что по саду, по направленію къ бесѣдкѣ, идутъ люди съ фонарями. Страхась быть убитымъ, если его найдутъ въ парѣ, и не смѣя спуститься къ каналу по лѣстницѣ, которая черезъ нѣсколько минутъ должна была освѣтиться огнями изъ гондолы, онъ успѣлъ взлѣсть на колонну, ухватиться за выдавшуюся капитель, пробраться оттуда къ карнизу и лечь на него. Люди съ фонарями приблизились къ храму и прошли мимо. Юліанъ вздохнулъ свободнѣе, однако не смѣлъ слѣзть. Его страхъ удвоился, когда гондола остановилась у лѣстницы канала и когда пѣніе затихло... Безъ всякаго сомнѣнія, Оливія намѣревалась войти въ ротонду, или идти прогуливаться по саду. Юліанъ, окруженный опасностью, остался на карнизѣ и вскорѣ замѣтилъ возлѣ себя нѣсколько продушинъ, вдѣланныхъ, вѣроятно, для вентиляціи. Такимъ образомъ, онъ могъ видѣть черезъ нихъ сверху все, что дѣлалось внутри храма. Впрочемъ нѣкотораго времени, онъ ничего не видѣлъ кромѣ мрака, но вскорѣ услышалъ, что въ храмѣ отворяется дверь со стороны канала, и, вслѣдъ за этимъ, въ нее вошелъ огромнаго роста черный эфіопъ, державшій въ рукѣ факель. На эфіопѣ было короткое платье оранжеваго цвѣта, вышитое серебромъ, и красная шапка. На шеѣ у него былъ серебряный ошейникъ и такія же кольца на мускулистыхъ ногахъ. Эфіопъ зажегъ нѣсколько золоченыхъ канделябръ. Ротонда ярко освѣтилась, и осталась въ тѣни только верхняя часть ея, около отдушинъ купола, гдѣ помѣщался Юліанъ. Между внутренними, бѣлыми, мраморными колоннами, украшенными позолотою, находились живописныя изображенія, до того неприличныя, что Юліанъ постыдился бы разсказать объ нихъ; полъ храма былъ покрытъ толстымъ тюфякомъ пурпуроваго цвѣта и множествомъ подушекъ. Внутреннее убранство ротонды было роскошно.

Освѣтивъ ротонду, огромный эфіопъ вышелъ, и вскорѣ опять возвратился, держа на рукахъ, какъ держать спящихъ дѣтей, жен-

щину, завернутую въ длинное покрывало. Нѣсколько молодыхъ невольницъ рѣдкой красоты, великолѣпно одѣтыхъ, вошли вслѣдъ за нимъ. Это были невольницы Оливіи; онѣ занимали при ней различныя должности: однѣ одѣвали ее, другія укачивали, убирали ей волосы, привязывали сандали, пѣли, играли и проч.

Между пѣвицами и музыкантами, державшими въ рукахъ свои инструменты, находились два отпущенника-грека, шестнадцати или семнадцати лѣтъ. Ихъ, какъ и всѣхъ людей этого класса, легко можно было узнать по лѣнивой походкѣ, по дерзкому взгляду, по короткимъ завитымъ волосамъ и по богатому женственному костюму. Они держали огромные вѣеры, которыми обязаны были обмахивать свою госпожу.

Эфіопъ положилъ Оливію на подушки такъ бережно, какъ будто боялся, чтобы она не разбилась. Оба грека встали подлѣ нея на колѣни и осторожно сняли съ нея покрывало.

Юліанъ часто слышалъ рассказы объ Оливіи, прославившейся, какъ и многія другія римскія дамы, своей красотой, великолѣпшемъ и чудовищнымъ развратомъ; но онъ никогда не видалъ эту ужасную развратницу, и сталъ смотрѣть на нее съ смѣсью ужаса, ненависти и любопытства.

Она была средняго роста и нѣжнаго сложенія. Ей было около тридцати лѣтъ и ее можно было бы назвать рѣдкой красавицей, если бы ея правильное и нѣжное лицо не отцвѣло и не опало отъ невоздержности. Ея густые черные волосы выглядывали изъ-подъ золотой сѣтки, окружавшей выпуклый блѣдный лобъ. Ея полуоткрытые, черные глаза, окруженные темнымъ оттѣнкомъ, казалось, неприятно были поражены яркимъ свѣтомъ канделябръ. Едва она успѣла наморщить брови, какъ двѣ невольницы бросились къ ней и, развернувъ покрывало, стали держать его между нею и канделябрами.

На Оливіи были надѣты двѣ туніки изъ широкой шелковой матеріи. Одна изъ нихъ была бѣлая, длинная и вышитая золотомъ; другая—свѣтло-зеленая, короткая, вышитая серебромъ. Въмѣсто лифа на ней была надѣта только золотая сѣтка, черезъ которую были видны ея голая грудь, плечи и нѣжныя, но мускулистыя руки, бѣ-

лыя, какъ воскъ. Ожерелье изъ крупнаго жемчуга и рубиновъ, въ нѣсколько рядовъ, обвивалось вокругъ ея продолговатой и гибкой шеи. Ея маленькія уши едва не разрывались отъ тяжести богатыхъ огромныхъ серегъ, спускавшихся почти до плечъ. На ногахъ у ней были надѣты шелковые, розовые чулки и сандалии, съ золотыми подошвами, вплоть усѣянные драгоценными каменьями.

Патриціанка мягко улеглась на подушкахъ и сдѣлала знакъ обокмъ молодымъ грекамъ; они встали на колѣни подлѣ нея, одинъ — по правую, а другой — по лѣвую сторону, и начали слегка махать вѣерами; а огромный эфиопъ всталъ на колѣни позади ея, готовясь, въ случаѣ надобности, поправлять подушки.

Оливія сказала томнымъ голосомъ: — хочу пить.

Двѣ невольницы тотчасъ бросились къ шкапу. Одна изъ нихъ взяла золотой кубокъ, другая принесла серебряную чашу, наполненную свѣгомъ, въ которой были погружены глиняные сагунтскія фляжки. Одна изъ невольницъ, поторопясь исполнить приказаніе, споткнулась о подушки и пролила нѣсколько капель на ноги Оливіи. Оливія наморщила брови и указала на мокрое пятно, образовавшееся на ея обуви. Потомъ она стала медленно пить изъ кубка, не сводя своихъ черныхъ, пронзительныхъ глазъ съ молодой дѣвушки, которая поблѣднѣла и стала дрожать. Едва Оливія перестала пить, какъ протянулось нѣсколько руецъ, чтобы взять кубокъ. Опрокинувшись назадъ и облокотясь на подушки, Оливія начала играть длинными серьгами одного изъ грековъ. Жестокая улыбка появилась на ея лицѣ и она сказала невольницѣ, пролившей вино:

— Фаустина! на колѣни!..

Испуганная невольница повиновалась.

— Мнѣ жарко! сказала благородная дама.

Греки принялись сильнѣе махать вѣерами, а дѣвушка, державшая корзинку, достала изъ нея надушенный, вышитый льняной платокъ, и подала его другой дѣвушкѣ, которая поспѣшила, съ видомъ почтенія, вытеретьъ вспотѣвшій лобъ своей госпожи.

Фаустина, виновная въ неловкости, съ трепетомъ ожидала своей участи.

Оливія долго смотрѣла на нее съ жестокииъ удовольствіемъ и, наконецъ, сказала:

— Клубочекъ!..

При этихъ словахъ невольница протянула къ Оливіи умоляющія руки, но та, показывая видъ, что не замѣчаетъ этого движенія, сказала черному великану:

— Рашидъ! открой ей грудь и держи-ее покрѣпче...

Эфіопъ съ радостью исполнилъ приказаніе госпожи, которая взяла поданный ей странный и ужасный инструментъ пытки. Онъ состоялъ изъ длиннаго стального прута, чрезвычайно гибкаго и обанчивавшагося круглой золотой дощечкой, къ которой былъ придѣланъ клубочекъ краснаго шелку. Въ этотъ клубочекъ было воткнуто множество иголокъ, острыми наружу.

Эфіопъ схватилъ Фаустину. Поблѣднѣвшая, какъ смерть, дѣвушка не смѣла сопротивляться. Ей грубо обнажили грудь, и тогда въ бесѣдѣ водворилось глубокое молчаніе, потому что каждый зналъ, какому подвергся бы наказанію, если бы обнаружилъ состраданіе. Оливія облокотилась лѣвою рукою на подушку, а въ правую, взявъ пруть, слегка раскачала его, и клубочекъ сталъ ударять по груди Фаустины. Несчастная дѣвушка испустила крикъ отъ боли и изъ ея бѣдой груди выступили капли крови... При видѣ этой крови и отъ криковъ жертвы, черные глаза Оливіи, до сихъ поръ почти потухшіе, ярко заблестали; улыбка этого чудовища сдѣлалась страшной. Оливія выпрямилась на своемъ ложѣ и съ какой-то звѣрски-страшной лаской сказала:

— Кричи, мое милое сокровище! кричи!.. это возбуждаетъ меня! Кричи же, моя прелестная лесбинья, кричи же, моя голубка, кричи! — И говоря это Оливія усиливала удары, такъ что вся грудь невольницы покрылась кровавой росой...

У Фаустины достало силъ задушить свои болѣзненные вопли, потому что она боялась еще болѣе ожесточить свою госпожу, черты лица которой принимали все болѣе и болѣе страшный и злобный видъ... Но вдругъ, отбросивъ клубочекъ, патриціанка закрыла свои глаза и, въ то время, какъ ея жертва почти лишилась чувствъ

и упала на руки своихъ подругъ, она опустилась на подушки и сказала томнымъ голосомъ:

— Еще пить!..

Въ то время, какъ всѣ бросились исполнить ея приказаніе, звукъ маленькихъ цимбалъ послышался со стороны канала.

— Фесалійская колдунья? уже? сказала Оливія, выпрямившись и осушивъ кубокъ.— Клянусь тремя Парками, сестрами этой хитрой старухи, я не ждала ее такъ скоро.

Обратясь къ эфіону, она прибавила:

— Введи ее сейчасъ. Пусть лодка, на которой она пріѣхала, стоитъ у лѣстницы.

Фесалійская колдунья вошла. Цвѣтъ ея лица былъ темно-мѣд-ный. Оно почти исчезало подъ длинными сѣдыми волосами, торчавшими изъ капюшона, надѣтаго на ея голову; ея новое платье было подвязано краснымъ кожанымъ поясомъ, на которомъ были изображены бѣлые магическіе знаки. Маленькій карманъ былъ прирѣвленъ къ этому поясу. Фесалійка держала въ рукахъ вѣтвь орѣшника.

При видѣ колдуньи, всѣ невольницы смутились и испугались; но Оливія, безстрашная, какъ мраморная статуя, на которую она походила блѣдностью, сидѣла облокотясь на подушки, и сказала фесалійкѣ, стоявшей у двери:

— Подойди, подойди, адская птица!

— Ты присылала за мной, сказала колдунья подходя, — что тебѣ надо отъ меня?

Юліанъ былъ пораженъ голосомъ колдуньи. Эта женщина была стара, но голосъ ея былъ вѣженъ и молодъ.

— Я не вѣрю твоему чародѣйскому искусству, какъ не вѣрю и могуществу боговъ, надъ которыми смѣюсь, сказала Оливія,—одна-коже я хочу посоветоваться съ тобою... Я чувствую, что ослабла духомъ.“

— Жизнь не вѣрится смерти... солнце не вѣрится ночи... отвѣчала старуха, покачавъ головой;—и однако приходитъ черная ночь... а мы приближаемся къ черной могилѣ.. Что тебѣ надо отъ меня, благородная Оливія?

— Ты знаешь знаменитаго гладіатора Фергана?

— Ага! сказала колдунья, странно захохотавъ,—опять Геркулесъ съ желѣзной рукой забрался въ сердце тигра!

— Что ты хочешь сказать?

— Видишь ли, благородная Оливія, изъ десяти знатныхъ дамъ, прибѣгающихъ къ моему искусству, девять начинаютъ съ тѣхъ же словъ, какъ и ты, и онѣ произносятъ имя знаменитаго гладіатора Фергана.

— Я люблю его, сказала смѣло Оливія, въ присутствіи своихъ невольницъ, сдвинувъ брови, между тѣмъ какъ ея ноздри вздулись и все ея тѣло задрожало. — Я обожаю Фергана, я съума схожу по немъ.

— Не одна ты.

— Я писала ему, онъ не отвѣчалъ на мое письмо.

— Не одной тебѣ онъ не отвѣчалъ...

— Мнѣ все равно, любятъ ли его другія, сказала съ жаромъ безстыдная женщина, — я хочу знать любятъ ли онъ кого нибудь?

— Оливія! ты это знаешь сама не хуже меня. Чего же спрашиваешь? Ты знаешь, что во время послѣдняго сраженія въ циркѣ, каждый разъ, какъ Ферганъ побѣждалъ противника и держалъ его подъ своей ногой, не обращался ли онъ, съ дикой улыбкой, къ одной особѣ, сидѣвшей въ золотой галерей, и не привѣтствовалъ ли онъ ее своимъ мечемъ передъ тѣмъ, какъ закалывалъ побѣжденнаго.

— А кто была эта особа? спросила Оливія, сжавъ въ бѣшенствѣ губы.—Отвѣчай...

— Ты сама знаешь; потому что весь городъ Оранжъ знаетъ это... отвѣчала колдунья.—А! ты не хочешь признаться, что знаешь, кто она... Я скажу тебѣ кто она. Она—куртизанка, недавно прѣхавшая изъ Италіи—красавица, которой позавидовала бы сама Венера—блондинка съ черными глазами и съ розовымъ лицомъ... У ней талія, какъ у нимфы... Ей двадцать пять лѣтъ и она такъ прославилась красотой, что ее иначе не называютъ, какъ гальская красавица. Я знаю всю ея подноготную... благодаря моему иску-

ству. Прекрасенъ былъ для меня тотъ день, когда она прѣхала въ Оранжъ!

И захохотавъ такъ странно, что Оливія вздрогнула, ужасная старуха воскликнула:

— Ага, ага! гальская красавица... обожаемая красавица!... придетъ ночь... ночь темная какъ могила... ты увидишь тогда, что черная курица снесла змѣйныя яйца!...

— Говори яснѣе, сказала Оливія;— что означаютъ эти таинственныя слова?

Колдунья покачала головой и продолжала:

— Часъ не пришелъ еще говорить яснѣе... но вотъ что я могу сказать тебѣ... и это не тайна... Гальскую красавицу зовутъ Геной... Она была продана старому богачу Креміону, оставившему въ Италіи память о своемъ великолѣпнн и развратѣ.

Юліанъ слышалъ все это. Его сердце стѣснилось. Гальская красавица была никто иная, какъ его сестра Гена, которую онъ не видалъ восемнадцать лѣтъ.

— Итакъ, сказала Оливія, — Ферганъ любитъ эту красавицу... и любитъ?

— Ты сама знаешь это, благородная госпожа.

— Послушай!... Ты полагаешь, что твое искусство всемогуще: можешь ли ты тотчасъ разрушить очарованіе, привязывающее этого человѣка къ презрѣнной твари?

— Нѣтъ; но я могу предсказать тебѣ, будетъ ли это очарованіе разрушено и скоро ли.

— Такъ говори же! воскликнула Оливія, сдѣлавшаяся въ эту минуту еще мрачнѣе и блѣднѣе. — Если твое искусство не ложь... предскажи мнѣ тотчасъ будущее... Говори!...

— Не думаешь ли ты, что будущее открывается для насъ безъ умиловляющей церемоніи... безъ жертвоприношенія?

— Принеси жертву!... спѣши!...

— Мнѣ нужны три вещи. Первая: твой волосъ.

— Вотъ онъ! сказала Оливія, вырвавъ волосъ изъ-подъ золотой сѣтки.

— Мнѣ нуженъ еще восковой шарикъ. Онъ будетъ изображать сердце Гены, гальской красавицы, и я проткну его иглой.

— А еще?

Колдунья сказала ей что-то на ухо.

— Какую? спросила Оливія;— молодую... красивую?

— Да, молодую и красивую, отвѣтила старуха, засмѣявшись таѣ, что Юліанъ задрожалъ.—Я люблю то, что молодо и прекрасно...

— Выбери! сказала Оливія, указавъ на невольницъ, стоявшихъ безмолвно и неподвижно вокругъ своей госпожи.

Колдунья подошла къ нимъ и стала разсматривать ладони у нѣкоторыхъ дѣвушекъ, которыя не смѣли выказать своего беспокойства въ присутствіи Оливіи; онѣ только украдкой обмѣнивались между собою взглядами. Наконецъ старуха выбрала прелестную дѣвушку лѣтъ пятнадцати; схвативъ трепещущую дѣвушку за руку и подведя ее къ госпожѣ, колдунья сказала:

— Вотъ эта—годится.

— Возьми ее! сказала задумчиво Оливія, даже не взглянувъ на дѣвушку, глаза которой наполнились слезами и съ умоляющимъ видомъ устремились на госпожу.

— Дайте полный кубокъ съ виномъ! сказала колдунья.

Оливія становилась все мрачнѣе и мрачнѣе; она два раза провела рукою по лбу и грубо сказала молодымъ грекамъ, переставшимъ махать вѣрами, и внимательно смотрѣвшимъ на происходившее:

— Воздуху... воздуху!... я задыхаюсь здѣсь... Не зѣвать... или я велю изодрать вамъ кнутомъ всё плечи!

Оба грека, при этой угрозѣ, стали махать съ удвоеннымъ рвеніемъ.

Колдунья вытащила изъ кармана пузырекъ, и выливъ изъ него какую-то жидкость въ кубокъ съ виномъ, поднесла его молодой невольницѣ.

— Пей!... сказала она.

Зловѣщее подозрѣніе заставило несчастную дѣвушку поколебаться. Она искала совѣта или сострадательнаго взгляда между свои-

ми подругами; но увы! таковы были ужасныя условія рабства, что всѣ невольницы отвернулись отъ несчастной, боясь, чтобъ ихъ не заподозрили въ состраданіи.

Оливія, прогнѣванная нерѣшительностью невольницы, закричала грозно:

— Клянусь Плутономъ... будешь ли ты пить?

Дѣвушка, увидя, что она оставлена всѣми, поблѣднѣла какъ смерть, подняла глаза къ небу и поднесла золотой кубокъ къ губамъ съ такимъ трепетомъ, что Юліанъ слышалъ какъ ея зубы застучали о металлъ. Выпивъ кубокъ, она отдала его эфіону и опустила голову съ такимъ уныніемъ, какъ будто бы отказывалась отъ жизни.

— Теперь дай мнѣ твои руки, сказала колдунья.

Молодая невольница повиновалась. Колдунья достала изъ кармана кусокъ мѣлу и намазала ей пальцы.

Едва старуха успѣла окончить эту операцію, какъ дѣвушка пожелтѣла; ея губы посинѣли; ея глаза ввалились и всѣ ея члены задрожали. Чувствуя, что падаетъ въ обморокъ, она прислонилась къ треножнику, въ которомъ курились духи и въ безпамятствѣ стала хвататься, то за сердце, то за голову.

Оливія, опершись лицомъ на руку, внимательно слѣдила за движеніями колдуньи и сказала ей:

— Для чего ты намазала ей руки мѣломъ?

— Для того, чтобъ она писала различные знаки на этомъ красномъ коврѣ.

— Какіе знаки?

— Подожди немного, сказала колдунья, всматриваясь въ дѣвчонку, — сейчасъ увидишь?

Мертвое молчаніе царствовало въ бесѣдѣ. Всѣ взоры со страхомъ устремились на молодую дѣвчонку... Ея участь можно было угадать.

Съ ней сдѣлалось головокруженіе; она пролетѣла нѣсколько словъ и упала на коверъ; вскорѣ ея начали корчить страшныя конвульсіи; ея руки стали то вытягиваться, то сжиматься отъ боли; хватаясь за красный коверъ, онѣ оставляли мѣловыя слѣды.

— Видишь?... видишь?... сказала колдунья Оливiи, которая, не пережvняя положенiя, съ спокойнымъ любопытствомъ смотрѣла, какъ ея невольница корчилась въ предсмертныхъ мукахъ. — Видишь эти бѣлые знаки? Видишь, она пишетъ. Это моя волшебная книга; я буду читать въ ней, скоро ли разрушится очарованiе, связывающее Фергана съ Геной...

Прочiя невольницы, привычiи къ такимъ зрѣлищамъ, равнодушно смотрѣли на муки подруги. Мало-по-малу конвульси молодой дѣвушки стали ослабѣвать; она стала уже слабо бороться со смертью... Вздрогнувъ еще нѣсколько разъ, она умерла и все ея тѣло выпрямилось страшнымъ образомъ.

— Уберите это тѣло, сказала колдунья, — оно мѣшаетъ мнѣ читать приговоры судьбы, начерченные рукою покойницы.

Эфiопъ — какъ будто-бы онъ привыкъ къ подобнымъ вещамъ — взялъ безжизненное тѣло дѣвушки и понесъ его къ каналу. Юлианъ услышалъ съ своего мѣста, какъ тѣло упало въ воду.

Оливiя встала и подошла къ колдунѣ, которая, нагнувшись надъ ковромъ, разбирала знаки, начерченные рукою умершей.

Оливiя также нагнулась и мрачно слѣдила за всѣми движенiями колдуньи: фесалiйка пронзила иголкой восковой шарикъ, изображавшiй сердце Гены; она вдѣла въ иголку волосъ Оливiи и, шептывая несвязныя слова, стала колоть ею знаки, начерченные умершей дѣвушкой; по временамъ Оливiя спрашивала, съ замирающимъ сердцемъ, у колдуньи:

— Что ты прочитала?... Что прочитала?...

— Ничего хорошаго до сихъ поръ.

— Химера, обманъ твой ворожба! воскликнула Оливiя, отходя съ презрѣнiемъ, — пустая игра!...

— Вотъ однако знакъ получше, сказала старуха шепотомъ, не тревожась отъ словъ римлянки. — Да... да... сравнивая этотъ знакъ съ тѣмъ, который почти вытертъ.... это хорошо... очень хорошо!..

— У тебя есть надежда? спросила Оливiя.

И она опять нагнулась подлѣ старухи.

— Впрочемъ, возразила та, покачавъ головою — сердце

Гены перевернулось три раза вокругъ себя... худое... худое предзнаменованіе!

— Я съ ума схожу, что слушаю тебя! воскликнула Оливія гнѣвно.— Убирайся!.. вонъ отсюда адская птица! зловѣщая птица! очень мнѣ хочется заплатить тебѣ за дерзость и обманъ.

— Клянусь Венерой! воскликнула вдругъ колдунья, притворяясь, что не слыхала ругательствъ Оливіи, — я никогда еще не видала такого яснаго... такого вѣрнаго предсказанія; послѣдніе признаки говорятъ..... Да, очарованіе, связывающее Фергана съ Геной, будетъ разрушено... Ферганъ предпочтетъ благородную Оливію всѣмъ женщинамъ... И это еще не все, нѣтъ! послѣдніе знаки непреложны... все будущее открылось предо мною... Да, я вижу васъ, адскія фурии... потрясите вашими факелами, потрясите... они освѣщаютъ меня, я вижу. О! я вижу!...

И подѣ влияніемъ какого-то безумнаго бреда, колдунья, поднявъ кверху руки, начала потрясать ими и быстро вертѣться.

Странная, однако, вещь: въ то время, какъ рукава колдуньи загнулись, Юліанъ увидѣлъ, что руки желтой, морщинистой старухи круглы и бѣлы, какъ у молодой дѣвушки.

Колдунья продолжала говорить съ усиливающимся волненіемъ:

— Фурии, отряхните ваши факелы! Я вижу... я вижу Гену! Она попала во власть благородной Оливіи... да Оливія держитъ ее.... Будетъ ли она жечь тѣло своей соперницы.... пилить ея кости.... вырветъ ли трепещущее сердце.... пожретъ ли его?.... Фурии, отряхните ваши факелы, пусть они освѣтятъ для меня будущее.... все будущее!.... Фурии, фурии!... ко мнѣ!... ко мнѣ! Но погребальные огни исчезли, — продолжала она потухающимъ голосомъ, — я ничего не вижу больше... ничего... ничего.... ночь... могила.... ничего.... больше ничего!.... — Страшная, желтая, задыхающаяся, обезсиленная старуха закрыла глаза и прислонилась къ колоннѣ, между тѣмъ какъ Оливія не могла удержаться отъ дикой радости, доставленной ей предсказаніемъ и воскликнула, схвативъ руку фесалійки:

— Десять тысячъ золотыхъ, если твое предсказаніе сбудется! слышишь? Десять тысячъ!

— Какое предсказаніе? спросила старуха, какъ будто-бы пробуждаясь и поправляя набѣжавшіе на лицо сѣдые волосы.—О какомъ предсказаніи говоришь ты? Что я предсказала?

— Ты предсказала, что Ферганъ предпочтетъ меня всѣмъ женщинамъ! воскликнула Оливія, прерывающимся голосомъ,—ты предсказала, что Гена попадетъ ко мнѣ въ руки... будетъ моей... вся моя!...

— Когда духъ мой удалился, отвѣчала колдунья, приходя въ себя,—я ничего не помню... Если я предсказала... мое предсказаніе сбудется.

— О! оно сбудется, это предсказаніе! Это говоритъ мнѣ сердце, воспламененное любовью и мщеніемъ! сказала Оливія.

Отъ сладострастія, ненависти и кровожадности, Оливія становилась все страшнѣе и страшнѣе. Ея глаза загорѣлись, ноздри раздулись... въ дикомъ восторгѣ чудовище закричало:

— Гладіаторъ будетъ моимъ любовникомъ!.. соперница жертвой любви, крови!... Эвоэ!.. фурія!.. Эвоэ!... Приапъ!.. Эвоэ!.. Бахусъ!... вина, вина!... Идите всѣ ко мнѣ!.. встанемте въ кружокъ! Ты, мой африканскій Геркулесъ!... вы, мои греческіе адонисы! вы мои нимфы!... Вина всѣмъ!... всѣмъ!... цвѣтовъ... ароматовъ... пѣсень... всякихъ упоеній... Эванъ! Эвоэ! и пусть заря застанеть насъ утомленными, но непресыщенными!....

Благородная дама бѣшено сорвала съ головы и съ плечь золотую сѣтку; ея черная коса, которую она стряхнула, какъ лъвица стряхиваетъ гриву, распустилась по ея голымъ плечамъ, груди и лицу, заблестѣвшему ужасающей красотой. Она разомъ осушила огромный золотой кубокъ и подала знакъ къ оргіи. Кубки заходили и вскорѣ, при звукѣ лиръ, флейтъ и цимбаловъ, отпущенники и невольники, увлеченные виномъ, развратомъ, страхомъ и примѣромъ безстыдной госпожи, начали пѣть скверныя пѣсни и танцовать чудовищный танецъ.

У Юліана закружилась голова отъ ужаса. Рискавъ быть открытымъ и убитымъ, если кто нибудь встрѣтитъ его въ саду, онъ спустился внизъ по колоннѣ, преслѣдуемый шумомъ адской оргіи, по-

слѣ которой воцарилось молчаніе, показавшееся ему еще отвратительнѣе безумныхъ криковъ.

Растерявшись и, въ безуміи, забывъ осторожность, невольникъ спѣшилъ удалиться отъ проклятой ротонды, какъ вдругъ подлѣ него кто-то сказалъ: Юліанъ! Юліанъ! Это былъ голосъ его любовницы Эльвиги. Невольники не имѣли права вступать въ законный бракъ.

Успокоенный нѣжными словами и ласками Эльвиги, Юліанъ разсказалъ ей все, что видѣлъ. Уже начинало разсвѣтать; Эльвиги напрасно уговаривала его уйти скорѣе; онъ ждалъ дня, чтобъ взглянуть на прекрасное лицо Эльвиги, которое она всѣми силами старалась скрыть отъ него. Вдругъ онъ страшно вскрикнулъ. Восходящее солнце освѣтило Эльвигу. Въмѣсто ея нѣжнаго, свѣжаго и прекраснаго лица, онъ увидѣлъ нѣчто страшное и обезображенное.

Эльвигу, невольницу Оливію, работавшую на ея фабрикахъ, хотѣли взять за красоту во дворъ госпожи; чтобъ избѣжать этой страшной участи, Эльвиги намазала себѣ лицо ѣдкой жидкостью и совершенно изуродовала себя.

— О Эльвиги! воскликнулъ Юліанъ, услышавъ разсказъ своей жены. — Теперь ты для меня еще прекраснѣе.

Въ это время послышалось бряцанье цѣпей; по саду вели невольниковъ на работу. Юліанъ былъ пойманъ и отведенъ къ своему господину, въ городъ Оранжъ. Этотъ провансальскій городъ, завоеванный римлянами у галловъ, уже давно превратился въ римскій городъ; уже давно водворилась въ немъ римская роскошь и римскій развратъ.

Господинъ Юліана, Травіонъ, жившій въ городѣ Оранжъ, былъ такой же развратникъ, мотъ и праздный человѣкъ, какъ и всѣ прочіе римскіе патриціи. Трудъ считался безчестіемъ, и молодой человѣкъ, въ ожиданіи смерти своего богатаго отца, жилъ, занимая деньги у ростовщиковъ. Юліанъ служилъ у него лавсеемъ и, терпѣливо ожидая дня мщенія, старался быть въ милости у него.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

СМЕРТЬ Д. И. ПИСАРЕВА.

Отъ 4 іюля, изъ Дуббелъна, телеграфическая депеша принесла печальное извѣстіе о смерти одного изъ тѣхъ литературныхъ дѣятелей, потеря которыхъ, особенно въ настоящее время, болѣзненно отзывается въ сердцѣ каждаго мыслящаго человѣка. Подробно-сти смерти Писарева до сихъ поръ остаются неразъясненными; ясно и вѣрно только одно, что Писаревъ умеръ. Долго не вѣрилось или не хотѣлось вѣрить, чтобы эта молодая жизнь, полная энергіи, любви къ дѣятельности и самыхъ лучшихъ надеждъ на будущее, такъ преждевременно погибла. Но фактъ совершился, и его горькая правда—неотразима. Вотъ и еще, думалось намъ по прочтеніи телеграммы, одна могила между талантливыми представителями бѣдной русской мысли, — могила, отнимающая у насъ замѣчательную умственную силу...

Что значить эта непредвидѣнная и ничѣмъ особеннымъ невызванная смерть? Роковая ли необходимость нашей жизни какъ будто рассчитанно уничтожаетъ все, что явится въ ней даровитаго? Когда еще не закрылась крышка надъ гробомъ покойника, мы умолчимъ о той внутренней борьбѣ, которую онъ переживалъ въ его послѣдніе тревожныя дни....

Литературная дѣятельность Писарева продолжалась только семь лѣтъ; собственно говоря, она началась и окончилась въ «Русскомъ Словѣ». Но въ эти семь лѣтъ онъ написалъ больше, чѣмъ, при самой благопріятной обстановкѣ, менѣе даровитый русскій писатель дѣлаетъ въ двадцать лѣтъ. Эта необыкновенная плодовитость обуславливалась въ Писаревѣ счастливой мозговой организаціей, въ которой высокое умственное развитіе соединялось съ блистательными природными способностями. Изумительная память и никогда непокидавшая его свѣтлая и быстрая мысль до такой степени облегчали ему самый процессъ работы, что онъ не зналъ, что значить переписывать свою рукопись или поправлять ее. Идея такъ отчетливо и ясно формировалась въ его головѣ, что выраженіе ея не стоило ему ни малѣйшихъ усилій; она, такъ сказать, въ самый моментъ своего зарожденія облекалась въ совершенно правильную, изящную форму и переходила на бумагу помимо воли автора. И чѣмъ сильнѣе затрогивала его хорошая идея, чѣмъ глубже возбуждала въ немъ его симпатіи, тѣмъ пламеннѣе онъ отдавался ей и тѣмъ увлекательнѣе выражалъ ее. По прочтеніи умной книги, онъ, обыкновенно, немедленно принимался за свою статью и, подѣ влияніемъ первыхъ впечатлѣній, часто оканчивалъ ее въ два или три пріема. Нѣтъ сомнѣнія, что спѣшная журнальная работа не можетъ обойтись безъ промаховъ и ошибокъ, которыя такъ жадно подхватывались въ его статьяхъ нашими филистерами. Однимъ словомъ, для Писарева литературная дѣятельность была не официальной службой, не подневнымъ ремесломъ газетнаго писаки, не желаніемъ получить столько-то за столько-то строчекъ ¹⁾, а глубокой органической потребностью, вытекавшей изъ его счастливо-развившагося умственнаго темперамента. Онъ скучалъ и казался убитымъ,

¹⁾ Какъ на образчикъ литературной добросовѣстности нашего времени, мы укажемъ на шутовскую выходку, брошенную въ покойника изъ яслей г. Корша. Въ 183 № «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» помѣщенъ коротенькій некрологъ Писарева, гдѣ между прочимъ говорится, что Писаревъ долженъ былъ писать много, чтобы зарабатывать насущный глѣзь. Это чистѣйшая ложь и клевета анонш ареха, опровергаемая уже тѣмъ, что лучшая и боль-

когда у него не было подъ рукой хорошей книги или чернилъ и бумаги. Пишущій эти строки никогда не забудетъ того задушевнаго восторга, съ которымъ покойникъ принялъ отъ него первую пачку книгъ, когда разрѣшили ему писать въ заключеніи. «Ну теперь, говорилъ онъ, кругомъ меня все сдѣлалось свѣтлѣй и просторнѣй; давай только больше книгъ и работы, и я оживу». И дѣйствительно, онъ ожилъ съ той минуты, какъ представилась ему возможность возобновить, послѣ годичнаго молчанія, свою журнальную дѣятельность.

О значеніи Писарева въ исторіи нашего умственнаго прогресса мы поговоримъ послѣ, а теперь укажемъ только на ту главную черту, которая его отдѣляетъ отъ современныхъ ему писателей одинаковыхъ съ нимъ убѣжденій. Огромная заслуга этого дѣятеля заключается въ его талантѣ, какъ популяризатора. Писарева читали и малые и старые, и образованные и необразованные, и всѣ одинаково понимали его и восхищались имъ. Сочувствіе къ нему возрастало съ каждымъ годомъ и кругъ его читателей расширялся. И это не была мишурная популярность какого нибудь счастливаго поэта или романиста, потрафившаго мимолетному вкусу нашей добродушной публики, а глубокая нравственная симпатія между мыслящимъ человекомъ и его ученикомъ. Обобщеніемъ лучшихъ идей современной европейской науки въ нашей литературѣ мы обязаны Писареву. Онъ не изобрѣлъ ничего новаго, не создалъ ничего своего—чего нельзя и требовать отъ журналиста,—но онъ распространилъ много плодотворныхъ и новыхъ идей, изобрѣтенныхъ и созданныхъ европейскимъ гениемъ. Молодое поколѣніе, для котораго Писаревъ былъ полнымъ выразителемъ его умственныхъ симпатій, особенно обязано ему пониманіемъ лучшихъ стремленій нашего времени и любовью къ раз-

шая часть его литературной дѣятельности совершилась въ заключеніи, гдѣ ему фактически не было никакой надобности писать ради насущнаго хлѣба. Онъ писалъ много потому, что чувствовалъ потребность писать много, тѣмъ болѣе, что этотъ трудъ былъ для него и легокъ, и пріятенъ. Мы убѣдительно просили бы гг. филистеровъ академической канцеляріи г. Корша и пациентовъ богадѣльни г. Хана помолчать о Писаревѣ, по крайней мѣрѣ, на то время, пока не пройдетъ мимо нихъ скромный катафалкъ покойника,

внѣ. Я убѣжденъ, что умный русскій юноша не пройдетъ равнодушно мимо могилы того, кто такъ горячо и искренно говорилъ за наше лучшее будущее, за счастье слѣдующихъ поколѣній... И Писареву можно было вѣрить во всемъ, что онъ говорилъ. Какъ въ жизни, такъ и въ сочиненіяхъ его убѣжденіе и слово не расходились у него. Его искренность была той притягательной силой, которая незамѣтно привязывала къ нему читателя и возбуждала въ немъ полное довѣріе къ писателю. Въ этомъ, собственно, заключалась вся сила его слова. Онъ былъ вѣренъ себѣ даже въ своихъ ошибкахъ и увлеченіяхъ. Миръ праху твоему, талантливый и честный русскій писатель! Ты умеръ рано, но жилъ не даромъ.

Г. В.

ФИЛАНТРОПЫ И НИЩЕ.

I.

Было время, когда нищенство считалось подвигомъ добродѣтели, а благотворительность особенно поощрялась и прославлялась, когда оказывать милость и раздавать подачки считалось высшей нравственностью, служившей главнымъ масштабомъ для оцѣнки личности, — это было въ тѣ блаженныя времена, когда богатые сословія проводили свои дни такимъ образомъ: «Онъ, Ѳедоръ, обыкновенно, вставалъ около четырехъ часовъ утра. Когда одѣнется и умоется, приходитъ къ нему отецъ духовный съ крестомъ, къ которому царь прикладывается. Затѣмъ крестовый дьякъ вноситъ въ комнату икону святаго, празднуемаго въ этотъ день, передъ которою царь молится около четверти часа. Входитъ опять священникъ со святою водою, кропитъ ею иконы и царя. Послѣ этого царь посылаетъ къ царицѣ спросить: хорошо ли она почивала?—и черезъ нѣсколько времени самъ идетъ здороваться съ нею въ средней комнатѣ... Отсюда идутъ они въ церковь къ заутрени, продолжающейся около часа... Около десяти часовъ царь идетъ къ обѣднѣ, которая продолжается два часа... Послѣ отдыха царь идетъ къ вечернѣ и, возвращаясь оттуда, большею частью проводитъ время съ царицею до ужина. Тутъ забавляютъ ихъ шуты и карлы мужскаго и женскаго пола, которые кувyrкаются и поютъ пѣсни. Это самая любимая его забава, другая забава—бой людей съ медвѣдями. Каждую недѣлю царь отправляется на богомолье въ какой нибудь изъ ближнихъ монастырей» и проч. (Исторія Россіи съ древ. врем. соч. С. Соловьева Т. VII, стр. 259). Въ это доброе старое время быть «милостивцемъ»—значило быть въ-

соко-нравственнымъ человѣкомъ, на чемъ и останавливались всѣ помыслы тогдашняго человѣка. Другого мѣрила для оцѣнки людей не существовало. Съ тѣхъ поръ прошло много лѣтъ, изъ «добраго стараго времени» многое измѣнилось, по крайней мѣрѣ, многое измѣнилось въ понятіяхъ мыслящихъ людей, стоящихъ сверху современной жизни. Филантропія въ настоящее время начинаетъ понимать свою собственную несостоятельность, и для опредѣленія достоинства человѣка установленъ совсѣмъ другой масштабъ.

Въ то же время, когда всѣ были заняты такими назидательными и душеспасительными дѣлами, какія я привелъ въ выпискѣ, строго предписывались и ревностно соблюдались слѣдующія постановленія: «Великіе Государи указали: извѣстно имъ, Великимъ Государямъ, что на Москвѣ гулящіе люди, подвизавъ руки, тако жъ и ноги, а иные глаза завѣся и зажмуря, будто слѣпые и хромые, притворнымъ лукавствомъ просятъ на Христово имя милостыни; а по осмотру всѣ они здоровы, и тѣхъ людей имать и распрашивать, и буде которые скажутся изъ городовъ и посадовъ, посадскіе люди, а иные скажутся дворцовые и помѣщиковы крестьяне, и тѣхъ по распроснымъ рѣчамъ ссылатъ—посадскихъ людей въ тѣжъ города и посады, изъ которыхъ они пришли, а дворцовыхъ крестьянъ въ дворцовыя волости, а помѣщиковыхъ и вотчинниковъ отдавать помѣщикамъ и вотчинникамъ; а буде тѣ люди съ сего Великихъ Государей указу впредь объявятся на Москвѣ въ томъ же нищенскомъ образѣ и притворномъ лукаствѣ, и тѣмъ за то притворное лукавство учинить жестокое наказаніе, бить кнутомъ и ссылатъ въ ссылку въ дальніе сибирскіе города». (Указъ 30 нояб. 1691 года).

Объ эти цитаты весьма рельефно характеризуютъ двѣ стороны! два рода явленій добраго стараго времени... Изъ существованія такихъ явленій, находящихся постоянно передъ глазами тогдашняго общества, никто, конечно, и недумалъ выводить какогонибудь заключенія. Ходить къ заутрени, къ обѣднѣ, къ вечерни, смотрѣть на кувыркающихся шутовъ и карловъ, и на ратоборствующихъ людей съ медвѣдями, ѣздить каждую недѣлю на богомолье по монастырямъ, раздавать щедрою рукою милостыню, дабы люди въ нищенскомъ образѣ молились за душу милостивца и проч.—были явленія сами по себѣ; а гулящіе люди съ подвязанными руками, и ногами, съ завѣшенными и зажмуренными глазами, будто слѣпые и хромые, притворнымъ лукавствомъ просятъ на Христово имя милостыни и проч.—были тоже сами по себѣ. Никто, конечно, и въ помышленіяхъ не имѣлъ, что между такого рода

явленіями существуетъ самая неразрывная связь, что одно изъ нихъ есть слѣдствіе другого, и что ихъ нельзя разъединять, какъ нельзя разъединить теплоту отъ огня, твердость отъ желѣза. Но тогдашніе мудрецы думали совсѣмъ иначе. По ихъ понятію, можно было и раздавать щедрою рукой милостыню людямъ въ нищенскомъ образѣ, дабы они усердствовали о ихъ душахъ, и преслѣдовать тѣхъ, которые, будучи доведены социальными условіями до крайности и видя всѣ выгоды людей въ нищенскомъ образѣ безъ труда и огорченій поддерживающихъ свое существованіе,—принимали сами на себя такой образъ. Первое, т. е. раздача милостыни, по ихъ понятію, была добродѣтель, второе—былъ порокъ,

Нѣсколько позднѣе, другія постановленія какъ нельзя лучше подтверждаютъ справедливость такихъ словъ. Указъ 20 іюня 1718 года уже меньше церемонится съ нищими. Въ немъ приведенное выше постановленіе о гулящихъ людяхъ на Москвѣ повторяется въ слѣдующей формѣ: «И ежели который впервые будетъ пойманъ, такихъ бить нещадно батожемъ и отдавать, или отсылать, по прежнему указу, въ прежнія ихъ мѣста». «А буде такіе въ другой или въ третій пойманы будутъ, и такихъ, бивъ на площадяхъ вкнутомъ, посылать въ каторжную работу, а бабъ въ шпингаузъ, а ребятъ, бивъ батоги, посылать въ суковный дворъ и къ прочимъ мануфактурамъ, а на помѣщикахъ, на хозяевахъ и властяхъ, также на старостахъ и прикащикахъ брать штрафу, за každого человѣка, за неусмотрѣніе по пяти рублей».—Тутъ уже дѣло ведется прямо на чистоту. Необузданную волю, приводящую падшихъ людей къ нищенскому образу, считаютъ возможнымъ прямо и исключительно обуздывать только сильными вразумительными внушеніями, долженствующими непременно возратить испорченнаго человѣка къ его мирнымъ и полезнымъ занятіямъ. Къ сожалѣнію и великому изумленію законодателей и образованнаго общества, такіа благотворныя мѣры никакъ не вели за собой ожидаемыхъ благотворныхъ послѣдствій. Люди въ нищенскомъ образѣ не только не уменьшались, но напротивъ — плодились, какъ песокъ морской, такъ что послѣдующія законодательства нашли, наконецъ, болѣе добродѣтельнымъ являться съ болѣе кроткими мѣрами.

Съ первого взгляда дѣйствительно очень легко можетъ инымъ показаться, что филантропія и личная благотворительность, имѣя передъ собой благо страдающихъ людей, должна необходимо и надѣлать имъ того человѣка, на котораго она прямо направлена. Всякому нуждающемуся и лишенному средствъ существованія—по-

мощь дорога. Она вызываетъ его къ жизни, даетъ ему возможность снова взяться за трудъ и снова начать приносить обществу свою посильную пользу; мало этого, она спасаетъ его отъ многихъ крайнихъ необходимостей, за которыя всякій нуждающійся человѣкъ всегда берется, какъ за послѣднее средство, она спасаетъ его отъ преступленія или отъ голодной смерти. Такая филантропія и личная благотворительность, обновляющая жизнь человѣка и дающая ему возможность «подняться» и встать на ноги, можетъ быть признана за дѣйствительную и названа благомъ, если только къ ней не примѣшиваются какія нибудь другія побужденія, наводящія на разныя горькія соображенія. Но такъ ли бываетъ въ дѣйствительности? Ту ли благотворительность видимъ мы ежеминутно своими глазами? Такъ ли понимаютъ свое дѣло наши филантропы? Отвѣтъ для всякаго ясенъ. Въ дѣйствительности такой благотворительности никогда не случается; тутъ мы видимъ совсѣмъ не то, что должны были бы встрѣчать, и наши добротные датели вовсе не идутъ такъ далеко съ своею добродѣтью, какъ бы должны были они идти, если бы только вѣдали, что творять. Въ дѣйствительности наша благотворительность ограничивается только однимъ пріятнымъ чесаньемъ языковъ и грошовыми подачками, которыя съ высшей точки зрѣнія гуманныхъ особъ есть тоже благо, ибо—все-таки, какъ хотите, моль, а—съ одной стороны, улучшаетъ его несчастное положеніе и даетъ ему кусокъ насущнаго хлѣба, а съ другой,—при чесаньи языка—утѣшаетъ его нравственно въ скорби, воздерживаетъ отъ губельнаго отчаянья и спасаетъ душу. При такомъ взглядѣ на благотворительность, грошовыя подачки и утѣшенія голодныхъ добрымъ словомъ въ ихъ скорбяхъ получаютъ право гражданства, проникаютъ глубоко въ жизнь и, имѣя сзади себя преданія и силу, тормозятъ ходъ этой жизни, задерживаютъ правильное развитіе другихъ, истинныхъ воззрѣній и развращаютъ и опешляютъ людей. Благотворителю рѣшительно нѣтъ никакой нужды до такихъ послѣдствій. При его поверхностномъ взглядѣ на дѣло, онъ даже не представляетъ себѣ ихъ возможности. Для него только одно существуетъ: «всякое даваніе—благо», «съ міру по нитѣ—голому рубаха» и онъ, слѣпо повиная привычкамъ, бросаетъ бѣдняку мѣдный грошъ съ полнымъ убѣжденіемъ, что онъ дѣлаетъ доброе дѣло.

Но если благотворительность имѣетъ цѣлью уменьшеніе нищенства, и если это нищенство, при ея усиленной дѣятельности, лихорадочно выражаемой то въ видѣ личныхъ подаваній, то въ видѣ разныхъ сборовъ съ лотерей, обѣдовъ въ пользу голодныхъ и т. п.—

не уменьшается, а увеличивается, то значить и благотворительность служить у насъ не средствомъ къ уничтоженію нищенства, а напротивъ, средствомъ къ его размноженію и поощренію.

По напечатанному въ «Сѣверной Почтѣ» — «Извлеченію изъ отчета общества попечительства о тюрьмахъ за 1865 годъ» значится, что у насъ (за исключеніемъ Екатеринбургской, Пермской, Иркутской, Томской и Ярославской губерній, откуда свѣдѣній не было сообщено) въ 1865 году содержалось въ тюрьмахъ за прошеніе милостыни 14,574 человекъ. Цифра очень почтенная; но это только для тѣхъ, кто знаетъ, что за прошеніе милостыни имають и сажаютъ въ тюрьму и кто не знаетъ, сколько еще остается нищихъ ходящими по бѣлу свѣту.

Въ нашемъ обществѣ очень часто можно встрѣтить даже и теперь мнѣніе: будто люди, принявшіе на себя нищенскій образъ, гнѣздятся у насъ только въ многолюдныхъ центрахъ, и что въ провинціяхъ ихъ вовсе нѣтъ, или, если и есть, то въ самомъ незначительномъ количествѣ. Мнѣніе это главнымъ образомъ покоится на томъ отчасти справедливомъ основаніи, что простой расчетъ заставляеть нищихъ собираться въ такіе центры, гдѣ они всегда найдутъ болѣе обильный сборъ, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. Принимая же нищенство при такомъ условіи за явленіе неизбежное и нормальное, сторонники такого мнѣнія заключили, что у насъ, слава Богу, оно далеко еще не имѣетъ такихъ грозныхъ размѣровъ, какіе существуютъ на Западѣ, что оно весьма незначительно и скоро излечимо. Стоитъ только прекратить нищенство благотворительными мѣрами въ большихъ городахъ — и бѣдности болше нигдѣ не будетъ. Такое мнѣніе совершенно неправильно и обнаруживаетъ полное незнаніе провинціи. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ многолюдныхъ центрахъ нищихъ очень много, но также нѣтъ никакого сомнѣнія и въ томъ, что въ провинціяхъ ихъ еще больше. Къ сожалѣнію, въ нашемъ вопросѣ статистика почти не даетъ никакихъ свѣдѣній, все дѣло пока въ личныхъ наблюденіяхъ,—и, положа руку на сердце, я прямо говорю, что нищихъ, пропорціонально населенію въ мѣстностяхъ малолюдныхъ, гораздо больше, чѣмъ въ мѣстностяхъ многолюдныхъ; что только вслѣдствіе сжатости и скученности жителей въ городахъ послѣднее заключеніе можетъ казаться неправдоподобнымъ; что только страхъ и ужасъ, въ который мы приходимъ отъ встрѣчъ съ нищими въ этихъ большихъ городахъ, заставляеть насъ сомнѣваться въ томъ, что тамъ, въ провинціяхъ, ихъ еще больше...

Въ послѣднее время увеличеніе нищихъ въ малолюдныхъ мѣстностяхъ стало особенно замѣтно. Этому явленію, кромѣ различныхъ постороннихъ причинъ, нисколько независащихъ отъ самихъ нищихъ, много помогло и то обстоятельство, что открывшіеся во множествѣ спеціальныя комитеты о нихъ, взявшись за свою задачу весьма усердно и съ энергіей преслѣдуя и возвращая ихъ на прежнее мѣсто жительства, отбили у нищихъ всякую охоту къ болѣе обильнымъ сборамъ и заставили ихъ довольствоваться малымъ. Ниже я обращусь къ нераціональности подобныхъ мѣръ, съ особеннымъ воодушевленіемъ проводимыхъ московскимъ попечительнымъ о нищихъ комитетомъ, гдѣ читатель достаточно можетъ убѣдиться въ ихъ всесторонней несостоятельности и въ тѣхъ вредныхъ послѣдствіяхъ, которыя они неизбѣжно ведутъ за собой.

Людямъ, знающимъ матеріальную бѣдность провинцій въ ея дѣйствительной наготѣ, — а такихъ людей не очень много не только между просвѣщенными столичными жителями, но даже и между провинціалами, — такимъ знающимъ людемъ хорошо извѣстно, сколько можно найти тамъ лицъ, принявшихъ на себя нищенскій образъ въ любомъ мѣстѣ и какими громадными полчищами двигаются они изъ одной деревни въ другую или въ городъ, отъ одного базара до другого, отъ одной ярмарки до другой. Но это только исключительно нищія кочующіе, неимѣющіе никакой осѣдлости, очень часто — «ни родства, ни племени» и преимущественно проводящіе свое время только въ однихъ переходахъ. Есть еще другой классъ — нищихъ мѣстныхъ, осѣдлыхъ, имѣющихъ свою квартиру съ отопленіемъ и освѣщеніемъ. Такіе осѣдлые нищія, проявляя, въ большинствѣ случаевъ, свою профессію только въ опредѣленномъ кругѣ, имѣютъ обыкновенно свой комплектъ милостивцевъ, которыхъ и посѣщаютъ съ нѣмецкой акуратностью ежедневно въ день, и отъ которыхъ съ тою же нѣмецкой акуратностью получаютъ нѣкую лепту, равняющуюся стоимости обыкновенной закуски въ кабацѣ. Всего лучше можно справиться о количествѣ осѣдлыхъ нищихъ той или другой мѣстности и объ акуратности ихъ посѣщеній у всякаго сколько нибудъ богатаго провинціального лавочника или купца, подающаго мѣдный гронъ ради спасенія своей души. Количество такихъ нищихъ и постоянство, съ которымъ они являются, должно поразить всякаго, привыкшаго видѣть во всемъ только одно благораствореніе воздуховъ. А сколько есть еще такихъ же людей, преимущественно одинокихъ, которые даже имѣя недвижимую собственность въ образѣ закутокъ

или избѣ, съ однимъ, много двумя волковыми окнами, и находя возможность прокармливать себя своимъ трудомъ въ одну часть года, не находятъ ее въ другую и тоже «побираются»!

Весьма справедливо мнѣніе, ужь неоднократно высказываемое въ литературѣ, — что нищими нельзя считать только тѣхъ, кто имѣеть «нищенскій образъ», но слѣдуетъ считать и тѣхъ, кто хотя онаго и неимѣеть, но живетъ также подачками. Сюда, по весьма достаточнымъ основаніямъ, должны быть отнесены всѣ многочисленныя виды разныхъ приживалокъ, компаніоновъ, чиновниковъ, пострадавшихъ на службѣ, «съ свидѣтельствомъ о правахъ ихъ на участие и помощь» и множество другихъ живущихъ сплетнями, низкопоклонствомъ, угодничествомъ и имѣющихъ болѣе или менѣе благородный видъ. Даже въ правилахъ, утвержденныхъ для комитетовъ, существуютъ подобныя нищія, хотя и значительно отличныя отъ простыхъ смертныхъ, имѣющихъ неблагородный видъ... Такъ объ участи такихъ людей можно только грустить, и такъ какъ такіе люди ни для чего больше негодятся, кромѣ упомянутыхъ специальностей, то я и обойду этихъ потомковъ бѣдныхъ, но благородныхъ родителей молчаніемъ, оставляя ихъ для улады сплетнями и угодничествомъ ихъ почтеннымъ благодѣтелямъ.

Но нельзя того же сказать о странникахъ, богомолкахъ, прокаженныхъ, юродствующихъ и другихъ искалеченныхъ личностяхъ въ нищенскомъ образѣ, врачующихъ душевно мірянъ и ходящихъ тоже въ великомъ изобиліи по провинціямъ. Читатель жестоко ошибется, если также будетъ предполагать, что эти богоугодныя лица встрѣчаются только въ многолюдныхъ городахъ. Я и тутъ, положивъ руку на сердце, долженъ буду объявить, что хотя въ большихъ городахъ ихъ встрѣчается и довольно, но въ провинціяхъ — еще больше. Всѣ они, какъ мнѣ самому неоднократно приходилось убѣждаться, гораздо охотнѣе предпочитаютъ суетѣ многолюдныхъ мѣстъ — тишину малолюдныхъ...

II.

Въ вопросѣ о нищенствѣ и благосотворительности всего интереснѣе выслушать именно тѣ разсужденія, которыми наше образованное общество исчерпываетъ причины возникновенія и развитія

его. Тутъ, какъ и во всѣхъ его разсужденіяхъ, высказываетъ обыкновенно имъ много проницательности, здраваго смысла и глубокаго пониманія дѣла, съ которымъ, впрочемъ, не вполне можно согласиться. Для примѣра, я укажу только на земскія собранія, заботамъ которыхъ предоставлены пользы и нужды мѣстностей. Первое изъ нихъ высказавшееся о причинахъ нищенства и способахъ къ его прекращенію—было новгородское; за нимъ послѣдовали и другія: романо-борисоглѣбское, старорусское и проч., — а всего объ этомъ предметѣ разсуждали въ первый годъ открытія, т. е. въ 1866 г., шесть или семь собраній. Всѣ эти собранія съ самымъ примѣрнымъ единодушіемъ повѣдали міру, что причины сильно распространившагося нищенства кроются исключительно въ чрезмѣрно-развивающейся наклонности простаго народа къ пьянству, почему, считая за «несомнѣнную истину, что у насъ вопросъ о прекращеніи нищенства неразрывно связанъ съ вопросомъ объ уменьшеніи пьянства», они преимущественно обращали все свое вниманіе на это послѣднее обстоятельство и особенно занимались только изысканіемъ средствъ для его устраненія, умоляя, что нищество, при благопріятномъ исходѣ, т. е. именно тогда, когда эти драгоценныя и давно желанныя средства будутъ найдены и пьянство прекращено, — что нищество тогда будетъ стерто съ лица родной земли. Предсѣдатель одного изъ такихъ собраній (романо-борисоглѣбскаго), г. Мамоновъ, чтобы скорѣй приблизить эту свѣтлую будущность, безъ пьянства и нищенства, предложилъ даже, какъ вспомогательное средство для «истиннаго» искорененія людей, имѣющихъ нищенскій образъ, «рѣзкія мѣры и *тѣлесныя наказанія*, могущія подѣйствовать внушительно». Г-нъ Мамоновъ къ такому желанію пришелъ, какъ онъ самъ объявлялъ, послѣ своихъ «безпрерывныхъ сношеній съ крестьянами». Предложеніе это для болѣе всесторонняго и безошибочнаго обсужденія было перенесено въ комиссію... Черезъ пять мѣсяцевъ, на второмъ съѣздѣ гласныхъ, г. Мамоновъ снова его предложилъ, такъ что оно, наконецъ, вызвало—такъ покрайней мѣрѣ записано въ журналѣ — «единодушное, всеобщее сочувствіе всего собранія, и преимущественно представителей сельскихъ обществъ».

Чтобы искоренить пьянство, т. е. исключительную причину нашей нищеты, слѣдовало, по предположеніямъ земскихъ собраній, изъять только изъ употребленія продажу питей. Но тутъ самъ собой возникъ вопросъ: какъ достигъ такой счастливой и полезной мѣры, какъ изъять продажу питей и спасти

такимъ образомъ народъ? Вѣдь извѣстно, что акцизъ съ вина даетъ весьма почтенную цифру фиску; посягать на этотъ косвенный налогъ—значить посягать прямо на фискъ, въ которомъ правительство въ настоящее время, среди своихъ преобразованій, весьма нуждается ¹⁾. Какъ же тутъ поступить? И вышла старая исторія: и радъ бы въ рай, да грѣхи не пускаютъ... Поэтому, когда нѣкоторыя изъ земскихъ собраній вдругъ очутились передъ этой старой исторіей, то опустили свои головы и въ концѣ концовъ пришли къ тому успокоительному результату, что радикальное искорененіе пьянства, т. е. искорененіе исключительной причины нищенства; теперь еще пока несвоевременно ²⁾.

Принимать за причину нищенства — пьянство, необразованность, порочную волю и проч., это значить не понимать исторію, не признавать логику, отрицать справедливость; — это значить вдаваться въ самое жалкое противорѣчіе и видѣть причину явленія въ томъ, что составляетъ нераздѣльное слѣдствіе этого явленія; — это значить открыто смѣяться надъ здравымъ смысломъ! Трудно найти въ современной жизни еще другое явленіе, которое такъ послѣдовательно вело бы за собой—пьянство, необразованность, порчу воли (впрочемъ, испорченной уже весьма изрядно, по понятію философовъ, еще въ утробѣ матери) и т. д., какъ нищенство. Это, думаю, весьма понятно. Голодный человѣкъ, какъ доподлинно всѣмъ извѣстно, способенъ выдѣлывать такія непопозволительныя штуки, которыя сытому человѣку и во снѣ никогда не приснятся.

Беру самое фантастическое предположеніе, нелишенное однако реальныхъ основаній. Очень легко могло быть, говорю я, что первый человѣкъ, принявшій на себя нищенскій образъ, вовсе не былъ зараженъ порочною страстью къ горячительнымъ напиткамъ. Такая возможность станетъ еще правдоподобнѣе, если читатель при-

¹⁾ Гласный кн. Васильчиковъ по этому случаю говорилъ такъ: «Весь вопросъ заключается въ томъ, изъ какихъ источниковъ покрыть дефицитъ, который неминуемо произойдетъ въ государственномъ бюджетѣ, если продажа вина будетъ стѣснена и ограничена?»

²⁾ Желаніе лично придти точно къ такому же выводу могутъ обратиться къ статьѣ г. Колюпанова «Очерки изъ исторіи земс. въ 1866 г.» («Вѣст. Европы», 1867 г., июнь). Тамъ же г. Колюпановъ выдаетъ за «несомнѣнную истину, что у насъ вопросъ о прекращеніи нищенства неразрывно связанъ съ вопросомъ объ уменьшеніи пьянства». ст 25. Бѣдная голова? Колюпанова никакъ не можетъ связать причины съ послѣдствіемъ!

помнить, что въ тѣ отдаленныя времена несуществовало ни откупной системы, ни подушныхъ окладовъ, ни ревностнаго преслѣдованія обществъ трезвости, такъ что человѣкъ могъ принять нищенскій образъ единственно вслѣдствіе внѣшнихъ и случайныхъ причинъ, лишившихъ его возможности кормить себя «честнымъ трудомъ». Думаю, что такое предположеніе не имѣетъ ничего несбыточнаго. Теперь дальше: имѣй счастье встрѣтиться этотъ случайно пострадавшій человѣкъ съ другимъ человѣкомъ, разумно понимающимъ дѣйствительную помощь ближнему, получи онъ отъ него трудъ, возвращающій его въ условія прежней жизни—и все было бы кончено, человѣкъ сбросилъ бы съ себя отвратительный нищенскій образъ и нищенства—осмѣливаюсь заключить—не только не было бы послѣ этого въ нашемъ отечествѣ, но не было бы его и во всей вселенной. Но въ томъ-то и была бѣда, что этотъ человѣкъ имѣлъ несчастье встрѣтиться съ благотворителемъ, который, вмѣсто дѣйствительной помощи, подалъ ему корку хлѣба и сказалъ нѣсколько ласковыхъ словъ, долженствовавшихъ утѣшить пострадавшаго въ его горькой долѣ. Что приказали бы вы тутъ дѣлать пострадавшему?—Очень понятно, что на коркѣ хлѣба, а еще болѣе на невещественномъ утѣшеніи далеко уѣхать нельзя. И вотъ, человѣкъ въ нищенскомъ образѣ идетъ на второй день къ своему благотворителю, и во второй разъ протягиваетъ къ нему свою руку.

Иду еще дальше въ своемъ фантастическомъ предположеніи. Представьте теперь себѣ, продолжаю я, что по близости отъ моего идеальнаго прародителя нищихъ проживаетъ другой человѣкъ... Кажется, и въ этомъ предположеніи нѣтъ ничего неправдоподобнаго?—Хорошо. Представьте теперь себѣ, что этотъ человѣкъ тоже, вслѣдствіе разныхъ внѣшнихъ и случайныхъ причинъ, но менѣе несчастныхъ и чувствительныхъ, или вслѣдствіе своихъ органическихъ неспособностей и пороковъ,—тоже находится, если не прямо въ нищенскомъ образѣ, то въ очень близкомъ къ нему и съ великимъ усиліемъ поддерживаетъ честнымъ трудомъ свое жалкое и тяжелое существованіе. Спрашивается, что долженъ сдѣлать этотъ второй человѣкъ, когда собственными своими глазами будетъ видѣть, что его сосѣдъ, т. е. первый человѣкъ, послѣ случившагося съ нимъ несчастія, нашелъ способъ кормить себя съ очень незначительной затратой силъ и, къ довершенію всего, еще вызывать къ себѣ нѣкоторую долю сожалѣнія и утѣшенія? Послѣ такого открытія этому второму человѣку должна представиться такая дилемма: или оставаться при

прежнихъ условіяхъ и тяжелымъ трудомъ поддерживать свое жалкое существованіе, или перейти въ новыя условія и точно такое же жалкое существованіе поддерживать легкимъ пнеизнурительнымъ трудомъ, да еще вызывать утѣшеніе въ своей скорби. Человѣчество, какъ вамъ извѣстно, всегда стремилось и стремится къ довольству и даже къ счастью. Счастье всѣми всегда принималось, какъ такое положеніе, въ которомъ личность затрачиваетъ, какъ можно меньше силъ и получаетъ какъ можно больше пріятныхъ ощущеній. Желаніе получить большую массу удовольствій и сохранить сумму силъ, т. е. оставить ихъ въ экономіи, до того присуще человѣку, что онъ, находясь въ неправильныхъ соціальныхъ условіяхъ, очень часто нарушаетъ даже законъ своей природы, предписывающій ему приходъ и расходъ держать въ строгомъ равновѣсіи. Тутъ человѣкъ слагаетъ для себя точно такое же правило какое слагаетъ и каждый купецъ: — купить какъ можно дешевле, и продать какъ можно дороже. Противъ истины и справедливости, прпнимая въ основаніе и законъ человѣческой природы, въ современномъ обществѣ оказываются въ настоящемъ случаѣ одинаково преступны, какъ аристократъ или купецъ, ведущіе слишкомъ медленную жизнь (въ физиологическомъ отношеніи) и ничего недѣлающіе, такъ и работникъ, ведущій слишкомъ скорую жизнь и работающій цѣлый день. Впрочемъ послѣднее до моей цѣли касается мало: мнѣ изо всего этого нужно только одно — это именно то, что каждому человѣку дѣйствительно присуще желаніе расходовать какъ можно меньше силъ и получать какъ можно больше удовольствій, или — что все тоже — при полученіи постоянно однихъ и тѣхъ же удовольствій сокращать затрату силъ, и сокращать ее тѣмъ значительнѣе, чѣмъ незначительнѣе величина удовольствій. Противъ справедливости такого положенія всякій, сколько нибудь мыслящій человѣкъ, врядъ ли найдетъ въ себѣ смѣлость возражать. Теперь я спрашиваю вторично вполне просвѣщеннаго читателя: что долженъ дѣлать мой другой идеальный человѣкъ, когда онъ собственными своими глазами увидить, что его сосѣдь, т. е. мой первый идеальный человѣкъ, послѣ своего несчастія нашелъ способъ кормиться съ незначительной затратой силъ? Положеніе моего второго героя нестерпимо; расходъ его жизни никакъ не сходится съ приходомъ, а объ экономіи нечего и говорить. Будь еще иныя условія, вполне согласныя съ его органическими средствами — дѣло другое: тогда безъ сомнѣнія онъ воспользовался бы ими и, работая по мѣрѣ силъ, не обратилъ бы никакого вни-

манія на своего сосѣда. Но такихъ условій не было и ихъ никто не предлагалъ, а благотворитель не перестаетъ одѣлать сосѣда щедрой рукой..... Ну и какъ вы наконецъ думаете,—что же теперъ долженъ сдѣлать мой второй человѣкъ?... Я говорю — *долженъ*, потому что онъ дѣйствительно «долженъ» будетъ отправиться къ благотворителю за подачкой.. Отъ этого его не удержуть никакія нравственныя отвлеченныя идеи; онъ непремѣнно долженъ будетъ такъ поступать, потому что этого будетъ требовать его организмъ, законъ его природы, неимѣющій въ данное время другого выхода. Мало этого, на основаніи той же органической потребности, этотъ мой второй идеальный нищій, если онъ только замѣтитъ, что благотворитель при его появленіи начинаетъ творить милостыню менѣе щедрой рукой, и что онъ человѣкъ чувствительный, — «долженъ» будетъ, чтобы въ борьбѣ за существованіе съ сосѣдомъ одержать верхъ, подвизать себѣ руки, такъ же и ноги, зажмурить глаза и проч. Это заставитъ его сдѣлать физическій законъ, по которому всякій угодничествомъ старается выманить себѣ прибавку жалованья, выпграть 200,000 т., купить вещь за рубль, а продать за два и т. д., съ тою только разницею, что въ послѣднемъ случаѣ образованные люди высказываютъ чаще свои нравственныя стремленія, неимѣя въ нихъ органической, т. е. крайней необходимости. Прибавьте еще къ этому весьма распространенную старую философію, по которой каждый долженъ имѣть зракъ раба или нищенскій образъ, — и передъ человѣкомъ, незараженнымъ предвзятыми идеями, непремѣнно должна представиться полная необходимость и логичность поступковъ моихъ идеальныхъ прародителей современнаго нищества, полное отсутствіе порочной и необузданной воли и полная ихъ безупречность.

Такимъ образомъ мы видимъ, что благотворительность въ нашемъ фантастическомъ предположеніи ведетъ прежде всего лица, на которыхъ она непосредственно направлена, къ воздержанію отъ труда, или, говоря проще, къ бездѣлю. Этимъ исключительно и ограничиваются прямыя заслуги филантропа.

Теперь обратимся къ тому, что ведетъ за собой воздержаніе отъ труда. Впрочемъ, чтобы не подумали иные читатели, что я вижу въ благотворительности единственную причину нищества, я считаю нужнымъ оговориться, что я этого вовсе не вижу. Въ настоящей своей статьѣ я рассматриваю только взаимно дѣйствіе двухъ социальныхъ явленій:—благотворительности на нищенство и нищен-

ства на благотворительность.... Что же касается до другихъ причинъ нищенства, то ихъ еще остается довольно много, только ись онѣ далеко не тѣ, о которыхъ говорить наше образованное общество.

И такъ, къ чему же ведетъ бездѣлье? — Физиологи знаютъ очень хорошо, что жизнь человѣка слагается изъ двухъ состояній — изъ возбужденія и спокойствія ¹⁾. Въ первомъ состояніи человѣкъ работаетъ, во второмъ отдыхаетъ. Эти два состоянія въ нормальномъ человѣкѣ такъ близко вяжутся между собою, что одно изъ нихъ съ ненарушимою правильностью и послѣдовательностью ведетъ всегда за собой другое. Такъ, послѣ отдыха, вполне здоровый человѣкъ нуждается въ работѣ настолько же, насколько онъ, послѣ работы, нуждается въ отдыхѣ. Мускульное напряженіе также необходимо для человѣка, какъ и ихъ бездѣйствіе, т. е., что возбужденіе должно строго уравниваться съ спокойствіемъ. Только при такомъ условіи функціи человѣка будутъ совершаться правильно и онъ можетъ назваться здоровымъ и нормальнымъ. Въ противномъ случаѣ, при несоблюденіи этого закона въ пользу возбужденія или въ пользу спокойствія, правильность функцій нарушается и человѣкъ впадаетъ или въ слишкомъ скорую или въ слишкомъ медленную жизнь, что одинаково вредно. Въ первомъ случаѣ возобновленіе его тканей и обмѣнъ веществъ совершаются слишкомъ быстро, — что, хотя часто и ведетъ за собой умственное усовершенствованіе, но за то истощаетъ и разрушаетъ организмъ; во второмъ — возобновленіе тканей совершается слишкомъ медленно и производитъ застой, что, хотя и ведетъ къ накопленію излишка и, какъ будто, къ тѣлесному усовершенствованію, но въ сущности только притупляетъ и развращаетъ человѣка. «Роскошь и привольная жизнь также благопріятствуютъ слишкомъ медленной жизни, какъ и лишенія, бѣдствія и органическая вялость. Въ то время, какъ одна часть людей живетъ спѣша и нетерпѣливо, гоняясь за плодами жизни, въ другой части господствуетъ неподвижность, лѣность» (Практическ. примѣненіе ест. наукъ къ требован. личнаго существованія, ст. 16 д-ра мед. *г. Кленке*). «Обезпеченная и надорванная роскошью жизнь, говоритъ далѣе тотъ же авторъ, располагаетъ человѣка къ *лѣнливой, чувственной жизни*, а душевнымъ и физическимъ отправлениямъ сообщаетъ тихій, флегматическій ходъ.

¹⁾ См. Утилитаризмъ, Джона С. Милля, гл. II.

Эти люди отъ отсутствія работы, отягощенія пищеварительныхъ и ассимилирующихъ органовъ.... напоминаютъ собой одеревенѣлое растеніе! Такимъ образомъ отсюда получается, что бездѣлье, при обеспеченной жизни, ведетъ человѣка къ неподвижности; лѣни, къ чувственности или—какъ принято выражаться въ образованномъ обществѣ—къ нравственному его паденію. Кленке, въ приведенныхъ выпискахъ, имѣлъ, конечно, въ виду, не тѣхъ людей, какихъ имѣю я въ настоящемъ случаѣ, но отъ этого вопросъ нисколько не измѣняется. Тѣмъ и великъ представляемый мною законъ, что онъ съ одинаковымъ безпристрастіемъ прилагается ко всѣмъ людямъ, какъ бы ни были значительно они удалены по своему общественному положенію одинъ отъ другого. Человѣкъ, утопающій въ роскоши и тупеядствѣ, также развращается и напоминаетъ собой окаменѣлое растеніе, какъ и человѣкъ, незнающій роскоши, но имѣющій болѣе или менѣе обеспеченную жизнь и тоже тупеядствующій. Отсутствіе труда, задерживая нормальный обмѣнъ веществъ, прежде всего ведетъ къ лишенію мускуловъ ихъ упругости, необходимой въ здоровомъ человѣкѣ, послѣ чего является лѣнь, апатія, одеревенѣлость, животное состояніе. Люди, заручившіеся этими качествами, уже теряютъ всякую способность къ высшимъ наслажденіямъ; для нихъ становятся доступными одни грубыя, животныя и развратныя удовольствія, неидущія дальше пьянства, половыхъ влеченій и проч. Разъ нарушенная правильность обмѣна матеріи и утраченная упругость ведетъ всякую личность къ такому состоянію съ неимоверной быстротой. Организмъ человѣка въ этомъ случаѣ вполне пользуется закономъ геометрической прогрессіи,—и человѣкъ, самъ того не замѣчая, въ самое короткое время опустится на самое дно уточенной или грубой пошлости, облѣбуетъ свое новое мѣстожительство, и тогда хоть коль теши... на его головѣ...

И такъ, бездѣлье ведетъ къ утратѣ упругости въ мускулахъ, къ лѣни, застою, къ нравственному и умственному растрѣнію. Многіе, пожалуй, и представить себѣ не могутъ, какъ ужасны послѣдствія отсутствія труда, его неправильнаго распредѣленія въ обществѣ и его неправильной вознаграждаемости, противорѣчащей справедливости и доводящей людей до отчаянія и гибели!... Спросите любого нищаго, какъ дошелъ онъ до такой жизни? и вы услышите: недлинный и неновый рассказъ; услышите — самую простую, самую обыкновенную исторію,—стеченіе такихъ обстоятельствъ, при которыхъ съ одной стороны отсутствіе труда, и съ другой—

средствъ къ существованію поставили человѣка на дорогу нищенствующаго тунеядца. Время притупляетъ въ немъ всякое желаніе дѣятельности.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что громадное большинство 'нищихъ' всегда побиралось и теперь побирается, потому что, при всей своей наружной возможности быть полезнымъ обществу, лѣнится работать. Да, здоровый нищій, спокойно протягивающій къ вамъ руку за грошемъ, дѣйствительно «лѣнится» работать, но онъ это дѣлаетъ не потому, что не хочетъ работать, а потому, что не можетъ, потому что годъ, пять, десять лѣтъ прошло какъ уже его пригласили не работать, сказавъ ему, что мы люди божьи, знаемъ божьи заповѣди и тебя прокормимъ,—лѣнится не потому, что онъ порочень, а потому, что болѣнь,..

«Помилуйте, что это вы проповѣдуете! восклицаетъ вдругъ съ негодованіемъ, вполнѣ благовоспитанный читатель, членъ многихъ сердобольныхъ и полезныхъ обществъ и проч. — какъ же можетъ быть такой дѣтина болѣнь, когда онъ зубами куль поднимаетъ, когда въ его плечахъ — косая сажень? И чѣмъ же болѣнь! — Вѣдь я знаю, что вы скажете, догадывается такой читатель: — вы скажете, что онъ болѣнь своими мускулами... упругости въ нихъ у него не хватаетъ. Да, помилуйте, на что же больше ему упругости, когда онъ зубами куль поднимаетъ?! И что такое: утраченная упругость, ненормальный обмѣнъ веществъ? Это одна только фантазмагорія, помраченіе ума,—и больше ничего! Такой негодяй еще насъ съ вами двадцать разъ переживетъ. Для этого разряда нищихъ необходимо бы принять болѣе строгія и дѣйствительныя мѣры, какъ, напримѣръ, употребленіе ихъ временно на общественныя работы, или учреждать для сего особыя заведенія, въ которыхъ они могли бы имѣть постоянные заработки, подъ должнымъ надзоромъ и *тому подобное* ¹⁾ (?). Оправдывать такихъ лѣнтяевъ и ихъ порочную жизнь — это значитъ распространять безнравственность, поощрять, посягать на порядокъ и спокойствіе—это значитъ... да, это Богъ знаетъ, что такое значитъ!» восклицаетъ еще съ большимъ негодованіемъ читатель, чувствуя, что онъ тутъ ничего не понимаетъ.

¹⁾ Тутъ я даже могу поименовать, кто это именно говоритъ изъ благовоспитанныхъ читателей. Говоритъ это предметъ заманки для подписки на «Вѣст. Европы» и занимающійся земскимъ дѣломъ г. Колюпановъ (см. объявленіе «Вѣст. Ев.»), говоритъ во 2-мъ т. «Вѣст. Европы», въ своей ст. «Очерки изъ ист. зем. въ 1866 г.» на стр. 27 и 28-й.

Да, повторяю я, онъ болѣнъ?—Опредѣляя понятіе о здоровомъ и больномъ человѣкѣ, *Вагнеръ*, въ своемъ «Руковод. къ общей Патологій» на 3-й ст., говоритъ: «Изъ этого явствуетъ, что *здоровье и болѣзнь суть понятія относительныя и условныя*, что между здоровымъ состояніемъ и положительною болѣзнию, существуетъ весьма много послѣдовательныхъ промежуточныхъ отгѣнковъ, — словомъ, что *здоровье и болѣзнь не представляютъ абсолютныхъ противоположностей*». — «Тѣ болѣзни, которыя недоступны анатомическому ножу, принадлежать, за немногими исключеніями, къ наиболѣе темнымъ». (Тамъ же ст. 18) «Многочисленныя наблюденія показываютъ, что тунейдная и *бездѣятельная жизнь* гораздо опаснѣе, чѣмъ даже самая напряженная дѣятельность и чаще дѣлается источникомъ умственного и нравственного расстройства» (*Эстерленъ* «Чел. и сохр. его здор. ст. 422»). «Помраченія душевной жизни, какъ самыя легкіе начатки расстройства души, могутъ развиваться самымъ разнообразнымъ образомъ. Прежде всего и наиболѣе измѣняется чувство больныхъ и первое нарушеніе проявляется разнообразными уклоненіями въ этомъ направленіи. Здѣсь возможны два процесса: на первый планъ выступаютъ непріятныя и томительныя чувства и кладутъ свой отгѣнокъ на всю психическую дѣятельность и проч.» (*Эрленмейеръ* «Лѣченіе душевныхъ болѣз.» ст. 16).— »Какъ по физической, такъ и по нравственной своей природѣ, человѣкъ предназначенъ для дѣятельной жизни, для постоянного внѣшняго проявленія своихъ силъ, — и всякое упущеніе въ этомъ отношеніи рано или поздно ведетъ за собой очень опасныя послѣдствія. Въ самомъ дѣлѣ, у всякаго сколько нибудь здороваго, бодраго и сознающаго свою мощь человѣка, мы встрѣчаемъ непреодолимый позывъ къ труду и дѣятельности». (*Эстерленъ*, «Чел. и сохр. его здор.» ст. 383). «Ничто, кажется, такъ не опасно для человѣка, какъ бездѣйствіе, вошедшее въ привычку» (Тамъ же).— «Всякому серьезному заболѣванію почти всегда предшествуетъ извѣстная степень слабости, нѣкоторое недомоганіе и вялость. Но, какъ мы уже сказали, такое состояніе составляетъ почти постоянное и до извѣстной степени нормальное состояніе этихъ классовъ (пролетаріевъ). Кромѣ того расстройство здоровья ведетъ за собою и неспособность къ работѣ». (Тамъ же ст. 395).

Уже одно то обстоятельство, хорошо извѣстное каждому физиологу, что трудъ есть необходимая и неотъемлемая принадлежность всякаго вполне здороваго человѣка, можетъ дать основаніе для вывода, что отсутствіе его, внося въ организмъ ненормальность,

гибельно для здоровья, и что, слѣдовательно, человѣкъ безъ труда—есть человѣкъ, живущій неправильной жизнью, есть больной человѣкъ. Лѣность, а вмѣстѣ съ ней развратъ, пьянство и нравственное растлѣніе, вытекающія изъ этой неправильной жизни человѣка, неразрывно вяжущіяся съ социальными условіями и отсутствіемъ личнаго труда есть болѣзнь. Но если лѣность, развратъ, пьянство и проч. являются въ людяхъ только потому, что «ничего не подѣлаешь», если эти пороки есть болѣзнь, то справедливо ли людей, страдающихъ ими, преслѣдовать и наказывать? И чѣмъ эти люди, порочнѣе и хуже другихъ людей, протягивающихъ руку для одѣленія подачкой, также ничего не дѣлающихъ или пьянствующихъ у Борелей, Доминиковъ и у другихъ содержателей благородныхъ кабаковъ?...

Благовоспитанные писатели, занимающіеся прославленіемъ разныхъ почетныхъ безполезностей и неустанно предлагающіе въ великомъ изобиліи проэкты, долженствующіе избавить ихъ отечество отъ пороковъ и золь, говоря о нищенствѣ, подраздѣляютъ обыкновенно нищихъ на множество классовъ. Такъ они повѣствуютъ, что «у однихъ оно промыселъ (нищіе очень порочные), у другихъ — неизбежное слѣдствіе безпробудной лѣни, или дурно проведенной молодости (нищіе равнобѣрно очень порочные), у третьихъ—слѣдствіе бѣдности, которой не сами они причиной (нищіе менѣе порочные, но все-таки довольно), у четвертыхъ — оно слѣдствіе случайныхъ причинъ (порочны—такъ себѣ) и проч. ¹⁾ Такая классификація, основанная на однихъ фантастическихъ предположеніяхъ, конечно, лишена всякаго серьезнаго значенія и здраваго смысла. Что такое нищенство, какъ промыселъ, и что такое нищенство какъ неизбежное слѣдствіе безпробудной лѣни или дурно проведенной молодости? Развѣ это не одно и то же? Или, что такое нищенство, какъ слѣдствіе бѣдности, которой не сами нищенствующіе причиной, и—какъ слѣдствіе случайныхъ причинъ? Развѣ и это опять-таки не одно и то же? Подраздѣлять такъ нищихъ, измышлять разные причины ихъ нищенства и совѣтовать согласно этимъ измышленнымъ причинамъ врачевать, вѣдь это значитъ сваливать все съ больной головы на здоровую, — значитъ заниматься самымъ неблагороднымъ дѣломъ, тоючъ воду. И неужели всѣ эти благонамѣренные и благовоспитанные писатели, въ потѣ лица

¹⁾ «Нищен. и благотвор. въ провинціи», «Мос. Вѣд». 1860 года, ММ 2, 4 и 26.

отыскивающіе разные причины, не замѣчаютъ въ дѣйствительности, что, отыскивая усердно истину и находя, послѣ продолжительныхъ стараній, какіе-то обноски, — они на каждомъ шагу наталкиваются на эту истину? И неужели они дѣйствительно не замѣчаютъ, что всѣ ихъ попытки, проекты и предлагаемые медикаменты есть ничто иное, какъ новыя заплаты на очень старомъ и дряхломъ рубищѣ? Такъ и кажется, что всѣ эти ревнители благоустроенности самымъ безсовѣстнымъ образомъ заимствовали свою философію у великаго философа и неприкосновеннаго собственника извѣстнаго кафгана — Тришки.

Изъ всѣхъ благонамѣренныхъ трудовъ такихъ господъ заслуживаетъ вниманіе только одна сторона дѣла—это описаніе порочности и чрезвычайно пугающей ихъ несмѣтности нищихъ. Тутъ обыкновенно они, чтобы сплѣнѣе убѣдить своихъ читателей въ неотлагаемой необходимости воспользоваться измышляемыми импцѣтельными медикаментами, не скупятся уже на изложеніе дѣйствительности. Картины на самомъ дѣлѣ выходятъ не очень веселыя... Но и въ этомъ отношеніи такъ неосмотрительно поступаютъ, строго говоря, только тѣ изъ нихъ, которые еще не вполне искусились на своемъ поприщѣ; болѣе же опытные не изображаютъ дѣйствительности безъ того, чтобы не напустить въ нее розоваго цвѣта, дабы глаза читателя, привыкшіе къ мраку, увидавъ настоящій свѣтъ, не почувствовали колющаго...

III.

Утопающій, какъ говорятъ, хватается за соломинку. Въ вопросѣ о нищенствѣ и благотворительности наше общество поступило какъ разъ въ этомъ родѣ. Когда историческія обстоятельства общественной жизни довели нищенство до значительныхъ размѣровъ, когда оно стало бросаться рѣзко въ глаза даже и тѣмъ, кто привыкъ наблюдать жизнь изъ прекраснаго далека, и своею численностью наводитъ на разные прискорбныя соображенія,—тогда возникла мысль о великой полезности усилить частную благотворительность, приносившую до этого времени, по понятію милостивцевъ, благотворные плоды, указанные мною въ предыдущей главѣ,—усилить эту благотворительность еще общественной благотворительностью. Мысль эта казалась до того рациональ-

ной и правильной, что въ ней нельзя было сомнѣваться ни на минуту. Если нищенство успливается, разсуждали милостивцы, и если однихъ личныхъ пожертвованій и подаяній недостаточно для его пресѣченія, то, очень понятно, нужно увеличить ихъ, нужно завести такія учрежденія, которыя разомъ оказывали бы благодѣянія многимъ лицамъ, т. е. завести общественную благотворительность. Кажется, ясно? Къ тому же побуждало общество и, выходящая изъ границъ терпимости, порочность нищенствующихъ. Слѣдовательно, строго говоря, цѣлью общественной благотворительности служила сортировка пшеницы отъ плевелъ и справедливое воздаяніе каждой по заслугамъ ея: — неспособные кормить себя своимъ трудомъ должны были получать радужный пріютъ, а способные и все-таки прибѣгающіе къ подааніямъ, — исправленіе и обращеніе къ своимъ оставленнымъ занятіямъ. Порядокъ послѣ этого долженъ былъ произойти удивительный! Открышіяся спеціальныя учрежденія, перебравъ такимъ образомъ всѣхъ нищихъ, устроивъ ихъ и пристроивъ, должны были въ самомъ непродолжительномъ времени удалить ихъ вовсе съ глазъ долой. Открылись комитеты... Прежде всего они были утверждены въ Москвѣ и въ Петербургѣ, какъ въ мѣстностяхъ болѣе видныхъ и многолюдныхъ, слѣдовательно и въ такихъ, которыя изобиловали нищими, и гдѣ люди въ нищенскомъ образѣ должны были встрѣчаться меньше всего. Результатъ дѣятельности этихъ комитетовъ на первыхъ порахъ лучше всего можетъ характеризоваться слѣдующими цифрами, помѣщенными въ ихъ отчетахъ. Нищихъ, доставленныхъ полиціею и добровольно являющихся было:

	въ 1833 г.	1835 г.	1856 г.	1857 г.	1858 г.
Подлежащихъ разбору Петербургскаго комитета	1591 ч.	1713 ч.	2100 ч.	1526 г.	2032 ч.
Подлежащихъ разбору Московскаго комитета	1928	» 2587	» 2770	» 3039	» 2144 »

Изъ этихъ немногихъ цифръ уже можно заключить, что дѣло далеко не такъ скоро дѣлается, какъ сказка сказывается. Комитеты, послѣ десяти, пятнадцати лѣтъ далеки еще были отъ тѣхъ благотворныхъ результатовъ, которыхъ они намѣревались достигнуть въ самомъ непродолжительномъ времени. Мало этого, цифры показывали, что они какъ будто бы еще только начинали входить во вкусъ и чѣмъ больше работали, тѣмъ шире становился кругъ ихъ занятій, и тѣмъ больше находилось нищихъ. Требовалось, значить, увеличеніе числа такихъ общественныхъ учреждений; чув-

стновалась, значить, неотлагаемая нужда открыть ихъ, по возможности, на каждомъ мѣстѣ. Осуществилась вскорѣ и эта прекрасная мысль: при каждой губернской тюрьмѣ были открыты тоже попечительныя о нищихъ комитеты, въ уѣздныхъ городахъ возникли ихъ отдѣленія, кромѣ того образовалось множество другихъ благотворительныхъ учреждений, подъ другими именами, но съ тѣми же специальными цѣлями — пресѣкать нищенство въ самомъ корнѣ... А нищенство все не пресѣкалось, а нищенство все росло и множилось, какъ росли и множились въ геометрической прогрессіи головы тѣхъ сказочныхъ чудовищъ, которымъ сказочные герои пробовали ихъ отрубить.

Когда взялись за дѣло губернскіе комитеты съ ихъ уѣздными отдѣленіями и когда, такимъ образомъ, на каждомъ мѣстѣ, кромѣ частной благотворительности, стали и они еще оказывать свою посильную пользу,—призрѣвать, исправлять и пристраивать, то на счастливый конецъ позволили себѣ надѣяться даже передовые люди того времени. И дѣйствительно, какъ же можно было тутъ ненадѣяться? всюду наблюдалось и умиротворялось, всюду высказывалось самое глубокое сочувствіе къ горестямъ ближняго и самая горячая готовность служить ему словомъ и дѣломъ, оказывать искреннее благодѣаніе и приносить существенную пользу; городскіе и земскіе полицейскіе чины ловили нищихъ и препровождали ихъ въ комитеты; въ комитетахъ ихъ сортировали,—дѣйствительнымъ нищимъ, неимѣвшимъ физической возможности заниматься честнымъ трудомъ, давали нероскошный, но вкусный столъ и теплую квартиру; недѣйствительнымъ нищимъ, собиравшимъ милостыню вслѣдствіе безпробудной лѣни и дурно проведенной молодости, послѣ исправленія ихъ нравственности въ тюремномъ замкѣ на обязательныхъ, но полезныхъ работахъ, давали возможность, при содѣйствіи властей, на казенный счетъ, возвратиться въ своимъ оставленнымъ занятіямъ:—посадскимъ людямъ въ тѣ города и посады, изъ которыхъ они пришли, дворцовымъ крестьянамъ — въ дворцовыя волости, помѣщичьимъ — въ помѣщичьевы волости и проч. Какъ же, повторяю, было тутъ не радоваться, не видѣть близкаго и счастливаго успѣха, долженствовавшаго измѣнить и обновить нашъ экономическій строй? Конечно, при болѣе внимательномъ разсмотрѣніи всѣхъ этихъ благихъ намѣреній, начавшихъ съ 1852 года заявлять себя почти въ каждомъ уѣздномъ городѣ, трудно было не замѣтить, что преслѣдуемая тутъ цѣль и употребляемая средства для ихъ достиженія слишкомъ ясно напоминаютъ

то доброе старое время, обращеніи котораго я имѣлъ уже случай отчасти привести въ началѣ настоящей статьи, — напоминаютъ со всѣми его... учинить жестокое наказаніе, бить кнудомъ и ссылатъ въ ссылку... бить на площади кнудомъ, посылать въ каторжную работу... а бабъ въ шпингаусъ, а ребятъ, бить батоги... и проч.; пробуждаютъ въ воспоминаніяхъ и тѣ послѣдствія, которыя когда-то вытекали изъ такихъ мѣропріятій. Но вѣдь это, впрочемъ, могло бы только произойти при болѣе внимательномъ разсмотрѣніи, до котораго ни обществу, ни инымъ передовымъ тогдашнимъ дѣятелямъ не было ровно никакого дѣла. Всѣ довольствовались только одной наружностью, блескомъ, рѣшительно не думая, что не все то золото, что блеститъ...

Самымъ типическимъ представителемъ занятій попечительныхъ комитетовъ за прошлое десятилѣтіе, т. е. за то время, когда не однимъ только благонамѣреннымъ особамъ мерещилось близкое и счастливое будущее отъ общественной благотворительности, можетъ служить петербургскій комитетъ. Его способъ пресѣчнія нищенства, основанный исключительно на забираіи нищенствующихъ людей неусыпными стараніями будочниковъ, сортированіи ихъ и препровожденіи для водворенія на мѣсто родины, долѣе всѣхъ оставался вѣренъ своему первоначальному характеру; и даже тогда, когда иные комитеты брались уже за другія средства, болѣе реальныя и осмысленныя, онъ все-таки не измѣнялъ себѣ и не поддавался никакимъ искушеніямъ. Впрочемъ, такихъ комитетовъ, высказавшихъ почти съ перваго дня своего основанія болѣе здравый и человѣческій взглядъ на средства къ достиженію благихъ намѣреній, было всего... одинъ ¹⁾. Всѣ же прочіе ни въ чемъ не отставали отъ петербургскаго. Вотъ нѣкоторыя данныя изъ занятій этого комитета, ясно опредѣляющія характеръ и достоинство его дѣятельности, а также дѣятельность и всѣхъ другихъ подобныхъ учрежденій.

въ 1853 г. 1855 г. 1856 г. 1857 г.

Отдано на воспитаніе дѣтей	—	4	2	3 чел.
Отдано въ ученіе мастерствамъ	—	1	—	3 чел.
По слабости, старости и дру-				

¹⁾ Тульскій.

имъ <i>пичинамъ</i> (?) обращено мѣщанъ и крестьянъ въ об- щества, къ помѣщикамъ и сдано въ подлежащія вѣдом- ства	514	583	904	486 чел.
Отправлено для водворенія на мѣсто родины	127	141	157	78 чел.
Отдано на поручительство.	179	209	364	176 чел.
Отправлено разнаго званія лицъ неодобрительнаго пове- денія къ начальственнымъ ли- цамъ и въ присутственныя мѣ- ста для поступленія по зако- намъ	141	81	130	112 чел.
Отослано въ штабъ внут- ренней стражи отставныхъ нижнихъ чиновъ	85	67	113	142 чел.
Умерло	?	38	49	40 чел.
Осталось къ слѣдующему году	217	289	210	192 чел.
Итого. . . —	1412	1929	1232	чел.

Такимъ образомъ, если читатель будетъ разсматривать эти числа, вмѣстѣ съ числами нищихъ, поступавшихъ для «распредѣленія» въ петербургскій комитетъ за тоже время, то онъ самъ увидитъ, что разница между ними самая незначительная. Недостаетъ только тѣхъ, кому благотворительное заведеніе оказало существенную помощь: — отправило на родину съ пособіемъ (?), опредѣлило на мѣста въ услуженіе (?) и помѣстило въ богадѣльни и другія подобныя учрежденія. Впрочемъ, процентъ послѣднихъ счастливецъ былъ весьма незначителенъ: изъ нихъ только одному изъ шестидесяти одного удалось достигъ обѣтованной земли, т. е. богадѣльни или больницы съ нероскошнымъ, но вкуснымъ столомъ и теплою квартирой; для прочихъ же существовала слѣдующая пропорція: 1 изъ 10 получалъ мѣсто въ услуженіи (на которое, конечно, изъявлялъ желаніе поступить только потому, что не желалъ быть «препровожденнымъ» на родину), 1 изъ 16 отправлялся на родину съ *пособіемъ* (?), 1 изъ 3 безъ пособія, если отправку «на казенный счетъ» не считать пособіемъ, 1 изъ 8 передавался на благоусмотрѣніе подлежащихъ властей для поступленія по закону

и проч. Но что въ особенности заставляетъ обращать на себя вниманіе — это пропорція облагодѣтельствуемыхъ дѣтей. Извѣстно, что если и нужно когда нибудь исправлять человѣка, то это въ его несовершеннолѣтнемъ возрастѣ. Ребенокъ — воскъ, изъ котораго можно лѣпить какую угодно высоконравственную фигуру, говорятъ всѣ просвѣщенные люди. Такого удобнаго матеріала для созиданія у насъ добрыхъ нравовъ было достаѣнено къ разбирательству въ петербургскій комитетъ съ 1853 года по 1857 годъ—278 чел. и только 15 изъ нихъ удостоились быть отданными на воспитаніе и обученіе мастерствамъ; прочіе же 263 возвращены къ своимъ мирнымъ и оставленнымъ занятіямъ... Но и это еще милость Божья, за которую родители и родственники удостоившихся должны вѣчно быть признательными петербургскому комитету; московскій попечительный комитетъ и этого не сдѣлалъ. Изъ всѣхъ дѣтей, доставленныхъ ему за то же время бдительными городскими (ихъ число въ отчетахъ не поименовано, но принимая во вниманіе особенное усердіе московскихъ будочниковъ передъ петербургскими на поприщѣ изловленія людей въ нищенскомъ образѣ, чему я самъ былъ неоднократно свидѣтель, и большее количество «подлежащихъ распредѣленію» нищихъ въ московскомъ комитетѣ, чѣмъ въ петербургскомъ, слѣдуетъ заключить, что въ первый число несовершеннолѣтнихъ дѣтей доставляется гораздо значительнѣй, чѣмъ во второй, т. е. относя это къ 1853—1857 годамъ нужно, слѣдовательно, цифру петербургскаго комитета—278 еще увеличить) изъ всѣхъ дѣтей, говорю я, доставленныхъ въ московское благотворительное заведеніе въ продолженіе цѣлыхъ пяти лѣтъ только *одинъ* былъ осчастливленъ отдачею въ какое-то ученье, прочіе же были подвергнуты общей участи.

Точно также заслуживаетъ вниманія и число смертныхъ случаевъ въ петербургскомъ попечительномъ комитетѣ. Въ тотъ же промежутокъ времени, о которомъ я говорю, въ стѣнахъ его умирали изъ 1000—23 человѣка, не считая того огромнаго числа, которые по слабости, дряхлости, болѣзни и проч. были отпращиваемы умирать къ помѣщикамъ, въ больницы, богадѣльни и другія благотворительныя заведенія.

Таковы въ главныхъ чертахъ средства, считавшіеся радикальными для кореннаго уничтоженія нищенства и измѣненія нашего экономическаго быта! Таковы пути, которыми хотѣли достигнуть исцѣленія страждущихъ, исправленія порочныхъ и призванія всѣхъ способныхъ трудиться къ мирнымъ и полезнымъ занятіямъ!

Очень естественно, что такой взгляд на благотворительность не могъ долго оставаться въ обществѣ, по крайней мѣрѣ, болѣе лучшие люди должны были скоро увидѣть всю его неослѣдовательность и нераціональность. И на самомъ дѣлѣ, почти въ самомъ началѣ занятій комитетовъ стали уже раздаваться въ литературѣ требованія другой благотворительности, болѣе человѣческой и разумной, въ которой людямъ, принявшимъ на себя нищенскій образъ предоставлялось бы больше возможности къ исправленію своихъ матеріальныхъ нуждъ и нравственныхъ недостатковъ. Тогда же въ первый разъ робко и смутно было высказано мнѣніе и о тѣхъ горькихъ послѣдствіяхъ, которыя ведетъ за собой частная благотворительность и вообще всякая подачка, развращающая человѣка. Но при всемъ этомъ, вѣра въ полезность комитетовъ все-таки еще оставалась крѣпкой, даже и въ ихъ убѣжденіяхъ, если только эти комитеты будутъ поставлены на болѣе практическую почву, перестанутъ ограничиваться одною пересылкой нищихъ, «начнутъ лѣнливыхъ обращать къ труду, не оставляя на ихъ собственный «произволъ», и заведутъ для такихъ людей работные дома, гдѣ бы они подъ надзоромъ (а по разумнѣю современнаго намъ г. Колупанова еще подъ строгимъ надзоромъ) и за тихими занятіями могли бы исправляться. Собственно говоря, лучшими людьми этого еще весьма не-отдаленнаго времени было понято только одно, что нищенство не можетъ быть пресѣчено благотворительностью, ибо для этого требуется нѣчто иное, болѣе основательное и существенное, и что всѣ заслуги комитетовъ, организованныхъ на правильныхъ началахъ, могутъ ограничиться только недопущеніемъ нищенства множиться и развиваться, удержаніемъ его въ извѣстныхъ границахъ. «Изъ таблицъ комитетовъ видно, что число ежегодно забираемыхъ столичными полиціями нищихъ не уменьшается; по крайней мѣрѣ, въ послѣдніе годы оставалось довольно значительнымъ,—въ С.-Петербургѣ отъ 1,300 до 2,000 человѣкъ и больше; въ Москвѣ отъ 2 до 3 тысячъ. Изъ этого слѣдуетъ заключить, что едва ли возможно совершенно устранить причины, побуждающія къ прошенію милостыни; но думаемъ, что во всякомъ случаѣ можно, и даже безъ большихъ усилій, предупредить нищенство и не допускать его развиваться». («Нищенство и благотворительность». *М. Курбановскій*. «Современникъ» 1860 года). Вся надежда такимъ образомъ сводилась на правильность устройства работныхъ домовъ и на обязательность труда, долженствовавшаго возбудить энергію, возстановить и укрѣпить упругость тѣхъ мускуловъ и той нервной системы,

противъ которыхъ благоспитанный читатель такъ неосновательно и неудачно пробовалъ возставать...

Но что такое правильно организованный домъ трудолюбія? Въ чемъ должна выражаться его организація? Какая можетъ быть построена правильность на обязательномъ трудѣ? Какимъ путемъ вытекаетъ изъ такого устройства нравственное усовершенствованіе человѣка? Не будетъ ли эта правильность отзываться правильною обыкновенныхъ и достаточно зарекомендованныхъ смотрительныхъ и рабочихъ домовъ? и проч. На всѣ эти вопросы отвѣчаетъ каждому сама дѣйствительность. Судя потому, что подобныя заведенія въ этой дѣйствительности возникаютъ въ баснословномъ количествѣ, что почти при каждомъ попечительномъ комитетѣ существуютъ въ настоящее время мастерскія, обучающія съ великимъ успѣхомъ порочныхъ людей даже художествамъ, какъ напр., овчинниковская скульптурная мастерская въ Москвѣ, и, наконецъ, по отзывамъ просвѣщенныхъ особъ и по имѣющимся печатнымъ свѣденіямъ — нельзя не заключить, что все идетъ тамъ въ большомъ порядкѣ и имѣетъ самый утѣшительный видъ...

Но какъ бы ни были велики порядки въ организаціи рабочихъ домовъ и какъ бы не расширялись ихъ средства, занятія и слава, они все-таки не осуществляютъ радостныхъ ожиданій. Тамъ, гдѣ нравственность человѣка хотятъ исправлять принужденіемъ, обязательнымъ трудомъ и насиліемъ, гдѣ, во что бы то ни стало, стараются доказать ему такими положительными средствами его порочность и необходимость возвышенія, тамъ, въ самыхъ субъектахъ попеченія рѣдко встрѣчается желаніе воспользоваться такими человѣколюбивыми заботами, и тамъ почти всегда достигается обратное. Для нравственнаго перерожденія нужно личное желаніе, личное сознаніе необходимости такого перерожденія, личная готовность и требованіе. Только при такомъ условіи дѣло будетъ имѣть успѣхъ, и только этого условія никогда не встрѣтятъ просвѣщенные филантропы, вовсе не считающіе его нужнымъ или вовсе не предполагающіе его существованія. Вѣдь безразсудно и дико было бы, если бы филантропъ, хватая съ Невскаго перваго попавшагося прохожаго, отпраплялъ его къ себѣ въ кухню и приказывалъ бы усердно кормить. Столь филантропа можетъ быть прекрасенъ, но также можетъ случиться, что этотъ первый попавшійся прохожій вовсе не чувствуетъ въ данную минуту никакой охоты даже къ самымъ лучшимъ лукуловскимъ блюдамъ. Представьте же теперь себѣ ужасъ этого не-

счастливаго, когда филантропъ, которому онъ служитъ предметомъ его опытовъ, замѣтивъ такое нежеланіе, и слѣдовательно упрямство и непониманіе прелестей лукуловскихъ блюдъ, приказываетъ насильно пихать ему въ ротъ очаровательныя яства!— «Дуракъ, молю, набитый! если самъ ничего не понимаешь, такъ дѣлай то, что люди приказываютъ!»! Въ романѣ «Юрій Милославскій» выставленъ какой-то панъ, котораго герой, послѣ очень сытной закуски, угощаетъ жаренымъ гусемъ съ горячимъ оружіемъ въ рукахъ. Гусь, по всей вѣроятности, былъ зажаренъ отлично, но несчастный панъ все-таки не могъ его ѣсть и желалъ въ эту минуту провалиться сквозъ землю. Въ нравственной сферѣ челоуѣка существуетъ точно такое же правило; въ ней также проявляется голодъ, и сознаніе необходимости его удовлетворенія. Нужно только постараться, чтобы челоуѣкъ скорѣй переварилъ свою старую нептательную и дурную пищу и ощутилъ бы надобность въ новомъ пополненіи и возобновленіи...

Впрочемъ, до повсемѣстнаго обязательнаго исправленія нравственности нищенствующихъ у насъ еще далеко: Большинство комитетовъ, въ главныхъ чертахъ дѣятельности, пока еще ограничиваются однимъ собираніемъ нищихъ черезъ полицію и отдѣленіемъ нуждающихся копѣйками. Собираніе нищихъ полицейскими чинами заслуживаетъ не малаго вниманія, въ особенности въ нашихъ столицахъ, старающихся блистать своей чистотой и порядкомъ. Губернскіе комитеты съ ихъ отдѣленіями на этомъ поприщѣ выказывали усердія мало. Бываетъ даже и такъ, что высшее начальство, сколько не обращается къ городской и земской полиціи, требуя строжайшаго наблюденія за нищими;—нижніе полицейскіе чины все-таки пропускаютъ подобныя заявленія мимо ушей и свободно дозволяютъ людямъ въ нищенскомъ образѣ расхаживать по городамъ и селамъ, чего, конечно, нельзя поставить имъ въ вину. Я увѣренъ, что ни одинъ членъ комитета не только не нашелся бы что сдѣлать, но даже и что сказать, когда подлежащія власти вздумали бы привести ихъ требованіе въ буквальное исполненіе и, забравъ всѣхъ нищихъ, доставили бы ихъ въ установленныя учрежденія. Вѣдь нищихъ—безсчетное множество, тьма тьмъ!.. Но столичныя бюстители порядка поступали иначе ¹⁾;—это и бы-

¹⁾ Лѣтъ двѣнадцать назадъ, когда я жилъ въ Москвѣ, и когда гоненіе на нищихъ велось съ страшной энергіей, въ особенности временами, такая мѣра комитета была обращена тамошними бюстителями въ выгодную для себя статью дохода. На улицахъ тогда очень часто можно было встрѣтить

ло причиной, почему нищенство въ столицахъ, какъ я уже имѣлъ случай сказать, уменьшилось, что въ свою очередь послужило причиной радости благотворителей, видѣвшихъ въ этомъ ясное доказательство полезности своихъ мѣръ и полное увѣнчаніе оныхъ блистательнымъ успѣхомъ. Но вѣдь это игра воображенія, фантастическіе призраки. Нищіе отъ подобныхъ мѣръ перемѣнили свое мѣстопробываніе и сдѣлались значительно осмотрительнѣе и осторожнѣе, т. е. сдѣлались изворотливѣе, хитрѣе, и запа-слись знаніями, необходимыми для обмана и надувательствъ, или—что все равно—сдѣлались еще порочнѣе и развратнѣе. Только этимъ объясняется ихъ уменьшеніе въ большихъ центрахъ и преимущественно въ Москвѣ и Петербургѣ, и только этимъ объясняется уменьшеніе ихъ въ отчетахъ благотворительныхъ заведеній и неописанная радость чиновниковъ-благотворителей. Нищій, исправленный комитетомъ и препровождаемый съ грошевымъ пособіемъ, или безъ него, на родину, къ своимъ мирнымъ занятіямъ, неявится больше въ область дѣятельности этого комитета, но это, конечно, не потому, что онъ дѣйствительно созналъ порочность своего промысла, переродился и взялся за мирныя занятія—за нихъ онъ все-таки не возьмется, хотя даже придетъ и съ пособіемъ—а потому, что простой экономической расчетъ не заставитъ его идти туда, гдѣ такъ усердно давали ему прочувствовать его безнравственность, чего онъ по грубости своей природы все-таки не могъ прочувствовать. Онъ

будочника, выжидающаго возвращенія изъ дома, замѣченнаго его бдительнымъ окомъ нищаго, или будочника, бѣгущаго во всю мочь за тоже бѣгущимъ и зывающемъ на всю улицу о своемъ спасеніи нищемъ. Если судьба не очень благоволила къ гонимому, т. е. если на его пути ему не попадалось ни растворенныхъ воротъ, ни мелочной лавки, ни другого какогонибудь спасительнаго отверстія, гдѣ бы онъ могъ укрыть себя, и если будочникъ догонялъ его и дѣлалъ своей жертвой, то между торжествующимъ и испускающимъ вопли отчаянья прежде всего возбуждался торгъ. Кончался онъ чаще тѣмъ, что свобода нищимъ покупалась, и онъ, за всю имѣющуюся при немъ звонкую монету, освобождался въ ближайшемъ переулкѣ. Такихъ сценъ я былъ нѣсколько разъ очевидцемъ.—«Дуракъ! думалъ я тутъ каждый разъ, смотря на трепещущаго и молящаго всѣхъ о заступничествѣ нищаго;—вѣдь тебѣ хотятъ сдѣлать добродѣтели. Какъ же ты нечувствуешь этого!» Иногда такія беззащитныя жертвы выкупались прохожими. Только неимѣющіе звонкой монеты препровождались неумолимымъ бюстителемъ порядка въ мѣста назначенія. Хороши мѣры благотворительности, когда для однихъ они служатъ статьей дохода, а для другихъ—ужасомъ, заставляющимъ откупаться послѣдними грошами, чтобы только не ощутить ихъ на собственной спицѣ!

на другой же день покинетъ снова свою родину, уйдеть гораздо дальше, чѣмъ былъ прежде, но при этомъ постоянно будетъ имѣть въ виду—нежеланіе встрѣтиться съ своими старыми доброжелателями, и еще большее нежеланіе снова попасть подъ ихъ человѣколюбивую заботливость. Вся ошибка кроется въ томъ, что благотворители не шутя воображаютъ, что исправленный и облагодѣтельствованный ими субъектъ, будучи препровожденъ на прежнее мѣстожительство и на арену своихъ полезныхъ занятій,—сейчасъ же примется за старое дѣло. Какъ будто бы онъ только того и ждалъ, чтобы комитетъ, видя его безденежье, отправилъ бы его изъ столицы на родину или — что еще правильнѣе—какъ будто онъ только за тѣмъ и пришолъ изъ дому въ попечительный комитетъ, чтобы оноо благотворительное заведеніе отправило его снова въ его домъ! Такіе чиновники-благотворители вовсе не могутъ понять, что если человѣкъ оставляетъ свои полезныя занятія и идетъ просить милостыню, то онъ это дѣлаетъ не вслѣдствіе любви къ искусству, а вслѣдствіе того, что не находитъ нужнымъ оставаться дольше при прежнихъ условіяхъ, вслѣдствіе того, что онъ лишень средствъ или силъ. И вдругъ его снова переносятъ въ старую среду, въ обстановку, лишившую его всякой возможности существовать, въ обстановку, прогнавшую его.

Чтобы изобразить передъ читателемъ еще болѣе наглядно картину полезной и благотворной дѣятельности общественной благотворительности, выражающейся въ различныхъ формахъ, не исключая щей съ кашей и дырвыхъ обносковъ, я приведу нѣсколько выписокъ, очерчивающихъ ее съ ужасающей беспощадностью, такъ что болѣе сильная и разительная характеристика ея даже не можетъ быть вымыслена. — Одинъ корреспондентъ сообщаетъ въ нѣкую газету изъ Костромы: «Всѣхъ денегъ въ распоряженіи здѣшняго комитета (основаннаго въ 1854 году въ ознаменованіе совершившагося въ 1850 году двадцатипятилѣтія царствованія въ Бозѣ почившаго государя императора Николая Павловича) всѣхъ денегъ въ распоряженіи находится—58,962 р.—сумма порядочная. Что же дѣлаетъ комитетъ? Изъ отчета его на 1866 г. видно, что въ теченіе минувшаго года въ домѣ попечительнаго комитета о бѣдныхъ призрѣвались 28 лицъ женскаго пола на полномъ комитетскомъ содержаніи; 131 чел. получали ежемѣсячнаго содержанія на 1,773 руб. и 463 единовременнаго 796 руб. 50 к. А всего расхода въ 1866 году было 4,399 руб. 17 коп. Ежемѣсячное пособие выдавалось отъ 50 к. до 2 руб. 50 к. въ мѣсяцъ, а единовременное

пособіе выдавалось отъ 1 р. до 15 р... Какой же выводъ можно сдѣлать изъ всего этого? спрашиваетъ корреспондентъ и начинаетъ дальше дѣлать выводъ, который у него состоитъ въ томъ, что помощь въ 50 коп. ведетъ только къ развитію кабаковъ и нищенства, что было бы полезнѣе, если бы комитетъ вмѣсто такихъ затратъ оказывалъ помощь молодымъ людямъ, желающимъ трудиться:—покупкою нужныхъ для ихъ мастерства инструментовъ, для женщинъ—скорошвейныхъ машинъ и проч. и проч. А вотъ еще безпощадныя данныя, съ невозмутимымъ хладнокровіемъ побывающія почетную бесполезность. «Изъ упраздненнаго Тульского приказа общественнаго призрѣнія, говорится въ одномъ московскомъ органѣ печати,—переданъ въ губернскую управу капиталъ, заключающійся въ двухъ 5% билетахъ по 50 т. р. для раздачи причитающихся % къ праздникамъ Рождества Христова и св. Пасхи бѣднѣйшимъ лицамъ всѣхъ сословій тульской губерніи, нуждающимся въ помощи; на этотъ капиталъ получено процентовъ съ 1-го мая по 1-е декабря 1867 г. 1,250 р., изъ которыхъ, согласно опредѣленію губернскаго собранія, выдано *сто* руб. въ распоряженіе тульского губернскаго предводителя дворянства для раздачи бѣднымъ дворянамъ (хоть бы бѣднымъ, но благороднымъ дворянамъ то воздержались бы раздавать грошовыя подачки), а изъ остальныхъ денегъ расчислено по числу народонаселенія всѣхъ сословій и обоеихъ половъ по городамъ и уѣздамъ тульской губерніи по $\frac{2}{21}$ коп. сер. на каждую душу; 1,096 руб. 73 выдано коп. во всѣ уѣздныя земскія управы тульской губ. для раздачи къ празднику Рождества Христова по ближайшему ихъ усмотрѣнію. Остатокъ 43 руб. $49\frac{3}{4}$ коп. причисленъ къ процентнымъ деньгамъ, которыя получатся за слѣдующее полугодіе и пойдутъ въ раздачу къ празднику Пасхи»...

P. S.—Недовольствующіеся этими двумя выписками и желающіе еще читать о подвигахъ нашей благотворительности могутъ обратиться къ любому номеру любой нашей газеты.

Такимъ образомъ, рассматривая взаимодѣйствіе филантропіи и нищенства, мы теперь пришли къ такому заключенію, что первая, достигая своихъ намѣреній, служитъ только развитію и рас-

пространенію второго, и что второе, т. е. нищество, достигая также въ свою очередь своихъ намѣреній, служить только развитію и распространенію перваго. Такое соотношеніе ихъ должно быть до того очевиднымъ и справедливымъ для каждаго, желающаго смотрѣть на дѣло своими собственными глазами, а не глазами почтенной бабушки, что никакія сомнѣнія не могутъ имѣть мѣста въ его мысляхъ. Благотворительность, обезпечивая человѣка, располагаетъ его къ воздержанію отъ труда, къ бездѣлю, къ лѣни, къ дармоѣдству, — что такъ или иначе служить для многихъ предметомъ зависти и расширяетъ кругъ приверженцевъ такой миролюбивой жизни; въ свою очередь — расширившійся кругъ такихъ приверженцевъ, заявляя больше требованій на свое обезпеченіе, самъ начинается для многихъ служить предметомъ заботъ, состраданій и плодитъ благотворительность. Что же можетъ быть еще яснѣе и послѣдовательнѣе?

Говоря о благотворительности, я, конечно, вовсе не имѣю въ виду ея различій и характеристики, т. е. я вовсе не считаю нужнымъ останавливаться на томъ:—какая благотворительность вытекаетъ отъ чистаго сердца и, слѣдовательно, достойна своего имени и похвалы, и какая благотворительность вытекаетъ не отъ чистаго сердца, и дѣлается ради тщеславія и иныхъ земныхъ соображеній и слѣдовательно недостойна похвалы. Я гляжу только на результатъ тѣхъ или др;гихъ психическихъ побужденій, на вещественный знакъ, доступный наблюденію и осязанію, который не допускаетъ догадокъ и предположеній и который, являясь видимой причиной, ведетъ за собой видимыя слѣдствія. Этимъ я не хочу сказать, что побудительные мотивы въ оцѣнкѣ человѣческихъ дѣйствій не должны имѣть никакого значенія; я имѣю въ виду только настоящій случай, и по отношенію къ вытекающимъ изъ филантропіи результатамъ, побудительные мотивы такихъ дѣяній—безразличны. Для человѣка въ нищенскомъ образѣ рѣшительно все равно, отъ всего ли сердца даетъ ему благодѣтель сумму, равную стоимости закуски въ кабакѣ или не отъ всего; точно также рѣшительно одно и то же и для общества:—отъ всего ли сердца приучилъ благодѣтель перваго нищаго въ моемъ фантастическомъ предположеніи къ бездѣлю и дармоѣдству или не отъ всего. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, общество одинаково имѣетъ у себя на шеѣ непрозводительнаго потребителя.

Располагая къ воздержанію отъ труда и къ бездѣйствію, убивая

въ человѣкѣ всякую энергію и силу къ самостоятельности и независимости, филантропія кромѣ того учитъ этого человѣка всякимъ обманамъ и подлостямъ, заставляя его, ради его же собственнаго сохраненія въ борьбѣ за жизнь, лгать и убожествовать, вынуждаетъ его ханжить, угодничать и низкопоклонничать. Трудно даже вообразить себѣ, до какой степени нравственнаго уродства доводится такимъ путемъ человѣкъ, лишенный возможности имѣть независимость и трудъ, лишенный своей личности и уваженія къ ней, передѣланный въ тряпку, въ подошву! Видѣть въ каждомъ благодѣтеля, изъ-за копѣйки кланяться передъ нимъ, распинаться и возносить его, ждать и нынче и завтра подачки, чтобы за это получить только самое необходимое для прокормленія, что, по замѣчанію одного ученаго, дается даромъ всѣмъ животнымъ, — вотъ что дѣлается жизнью такого несчастнаго человѣка, носящаго громкое имя: члена цивилизованнаго общества. И до какой виртуозности доводится это лицемѣріе и убожество! Натираніе лица купоросомъ, выжиганіе ранъ и тому подобныя физическія искаженія употребляются нищими-специалистами для состраданія въ филантропѣ. Для благонамѣренныхъ и довольныхъ людей такое разложеніе живой личности очень легко можетъ не имѣть никакихъ тяжелыхъ ощущеній, можетъ даже казаться имъ пріятнымъ, потому что льститъ ихъ мелкому самолюбію. Отвратительное самонаслажденіе! Величественно кривляться передъ другими и требовать, чтобы и передъ тобою всѣ ползали и пресмыкались, спускаться на мольбы только такимъ ползающимъ и пресмыкающимся, держать ихъ передъ собою полускотами и видѣть въ этомъ ихъ ничтожество и свое величіе, — это.... члены цивилизованнаго общества! Вслѣдствіе этого наша жизнь повсюду изукрашена какой-то убогостью и пришибленностью; въ каждомъ углу ея сидитъ самое пошлое ханжество и низкопоклонство, въ каждомъ углу кто нибудь ползаетъ и вымаливаетъ. Попрошайничество у насъ развито до того, что даже трудно и представить себѣ его размѣры: на каждомъ шагу кто нибудь кланяться, вздыхаетъ, выпрашиваетъ. Женщины на этомъ поприщѣ подвизаются съ особеннымъ усердіемъ. И это дѣлается матерями, дѣлается въ глазахъ дѣтей, обращается имъ въ правило, въ науку...

«По мѣрѣ того, какъ благотворительность начинаетъ принимать форму постоянныхъ учрежденій, говоритъ одинъ нѣмецкій ученый, — увеличивается также и число людей, ищущихъ помощи, такъ что подобныя учрежденія въ концѣ концовъ служатъ только поощреніемъ лѣности и желанія жить на чужой счетъ, — двухъ золъ еще

худшихъ, чѣмъ самая бѣдность. Къ естественному пролетариату присоединяется теперь еще искусственный». (*Эстерленъ*, «Человѣкъ и сохр. его здор.» ст. 411). — «Нигдѣ, можетъ быть, столько не сдѣлано въ этомъ отношеніи, какъ во Франціи, говоритъ онъ далѣе на слѣдующей страницѣ, въ особенности въ Парижѣ послѣ 1850 года. Были изданы законы противъ дурныхъ, вредныхъ для здоровья жилищъ, составлялась общества для постройки новыхъ, лучшихъ помѣщеній, само правительство устраивало такія помѣщенія на свой собственный счетъ и затѣмъ отдавало ихъ бѣднымъ. Хлѣбу и мясу даны принудительныя цѣны, предпринимался цѣлый рядъ новыхъ построекъ и ненужныхъ работъ для того только, чтобы искусственно увеличить спросъ на рабочія руки. Тѣмъ не менѣе существеннымъ результатомъ всѣхъ этихъ усилій было то, что пролетариатъ въ Парижѣ расплодился еще болѣе, при постоянно возрастающемъ обѣдненіи всей остальной страны».

Теперь кажется достаточно ясны соотношенія двухъ общественныхъ явленій—нищенства и филантропіи. Размѣры этихъ явленій съ каждымъ часомъ все множатся и нѣтъ, кажется, конца такой плодовитости...

Филантропствовать пріятно большинству; филантропіи учить старая философія; филантропу помогаетъ рутина и традиція. Копѣчныя издержки для полученія себѣ громкаго имени благодѣтеля человѣческаго рода соблазняютъ всѣхъ. Каждому, «живущему съ строгою моралью и недѣлающему никому въ жизни зла», лестно купить за такую дешевую цѣну доспѣхи добродѣтеля, вмѣсто равнодушія, а иногда и ненависти, которая онъ навлекъ бы на себя искреннимъ желаніемъ и принесеніемъ дѣйствительнаго добра. Но справедливо ли это?

Если подачка есть безнравственность, если филантропія есть зло, изобрѣтенное отягченнымъ желудкомъ и ведущее къ разврату, пошлости, безсилію и гибели,—то чего же смотрѣть? Къ нимъ такъ и слѣдуетъ относиться, какъ къ безнравственности и злу... Этого требуетъ и разумъ, и справедливость, нераздѣльная съ величайшимъ ученіемъ о человѣческомъ счастьѣ.

Но подымема ли мы до такой высоты?

Вся наша бѣда—въ нашей убогости и пришибленности. Мы всѣ боимся и не осмѣливаемся смотрѣть дальше указанныхъ пятнадцати шаговъ; мы всѣ отмахиваемся и руками и ногами отъ правильнаго анализа, лишь только замѣчаемъ, что этотъ анализъ начинаетъ заводить насъ дальше отведенной намъ линіи; мы всѣ не-

рѣшаемся возвышаться до пониманія настоящей причины того или другого слѣдствія. Такая убогость заставляетъ всѣхъ насъ вѣчно ходить около истины, принимать слѣдствіе за причину, говорить вздоръ, приходитъ къ абсурду. Если, напр., является у насъ эпидемія и въ мастерскихъ, подвалахъ и въ селахъ люди начинаютъ валиться, какъ мухи, мы кричимъ, что это происходитъ отъ того, что не были строго соблюдаемы правила, предписанныя полиціей и не вездѣ стояли кадки съ ждановской жидкостью. Если намъ указываютъ на нашу смертность и говорятъ, что у насъ одинъ смертный случай приходится въ продолженіе извѣстнаго времени на двадцать семь живыхъ, мы, не желая и не осмѣливаясь братья за изысканіе настоящей причины, объясняемъ, что такова знать наша судьба ¹⁾. Мы и вѣрить не хотимъ, когда намъ растолковываютъ, что вѣдь такая смертность, служа прежде всего масштабомъ для оцѣнки благосостоянія народа, не рекомендуетъ нашей дальновидности въ общественныхъ дѣлахъ. «Какъ богатство или бѣдность, точно такъ и состояніе общественнаго здоровья, говоритъ профессоръ медицины *Эстерленъ*, болѣзни и заразы, продолжительность жизни, смертность, число рожденій и приращеніе населенія *служатъ самымъ лучшимъ признакомъ* степени народнаго благосостоянія, а слѣдовательно достоинствъ или недостатковъ его общественнаго строя». («Человѣкъ и сохр. его здор». ст. 24—25) «Но если несомнѣнно, что жалкое состояніе здоровья и жизни милліонновъ несчастныхъ пролетаріевъ—тутъ дѣло идетъ объ Англии съ ея гнилыми порядками—въ значительной степени обуславливается самымъ строемъ общественнымъ и государственнымъ, то наша обязанность энергически настаивать на необходимости измѣнить этотъ строй».

«И въ самомъ дѣлѣ, всѣ благомыслящія правительства и лучшіе законодатели всѣхъ временъ всегда заботились о матеріальномъ возвышеніи своего народа и о его социальномъ прогрессѣ. Но одни законодательныя мѣры и правительственное вмѣшательство еще недостаточны для успѣшнаго приведенія подобныхъ коренныхъ пре-

¹⁾ Вотъ эта таблица, заимствованная мною изъ «Общей Патологій» *Ваннера и Ула*:

Англія	1 : 51	Франція	1 : 39,7	Турція	1 : 30
Германія	1 : 45	Голландія	1 : 38	Россія	1 : 27
Бельгія	1 : 43	Италія	1 : 30	Батавія	1 : 26
Швейцарія	1 : 40	Греція	1 : 30	Бомбей	1 : 20

образованій: для этого требуется благоразумное и дружное содѣйствіе всѣхъ благомыслящихъ людей, поддержка и энергическая дѣятельность всего общества... Очень можетъ быть, что идеи о социальномъ прогрессѣ и объ очеловѣченіи народовъ были идеи добрыхъ, но мечтательныхъ людей. Но тѣмъ не менѣе онѣ были идеи самыя человѣчныя и самыя благотворныя, если и не всегда исполнѣ строго рассчитанныя. Каково бы ни было будущее такихъ идей, но стремленіе этихъ честныхъ, безкорыстныхъ и энтузиастическихъ людей къ освобожденію народовъ отъ гнета прошедшаго, къ самостоятельности и естественнымъ правамъ человѣка всегда останутся бессмертными» (*Эстерленъ* «Чел. и сохр. его здор.» ст. 414 и 415).

Въ томъ-то все и несчастіе наше, что мы боимся истины, ищемъ источника нашихъ золъ тамъ, гдѣ его вовсе нѣтъ и куда онъ вовсе не могъ попасть, приписываемъ наши бѣдствія, страданія и пороки тому, что никогда не могло производить такихъ слѣдствій, и что само произошло отъ тѣхъ же причинъ. Во всѣхъ своихъ трудахъ, дѣлахъ и мѣрахъ, мы высказываемъ не дѣйствительныя дѣла и мѣры, не то, чѣмъ на самомъ дѣлѣ они должны бы быть, а уродливую, жалкую и убогую пародію на нихъ. Наше общество въ этомъ отношеніи сильно напоминаетъ того мудреца, который, въ извѣстной баснѣ, мель лѣстницу снизу.

И. В. Андреевъ.

НОВЫЯ КНИГИ.

1. «Иллюстрированная Библиотека» знаменитыхъ уголовныхъ процессовъ всѣхъ странъ. С.-Петербургъ. 1868 г. Вып. 1, 2 и 3.
2. Уголовная лѣтопись (Les annales criminelles). Процессы всѣхъ странъ. Т. I. Verlags-Buchhandlung. M. Heinsius. Dresden. 1868.
3. Задѣльная плата и кооперативныя ассоціаціи, соч. Жюля Мура. Пер. и изд. Ф. И. Соллогуба. Москва. 1868 г.
4. О воспитаніи и обученіи или педагогическіе цвѣты, соч. Карла Пильца. Пер. съ нѣмец. С. Протопопова. Москва. Изд. братьевъ Салаевыхъ. 1868 г.
5. Исторія чешскаго королевства, соч. Томка, пер. съ чеш. подъ ред. Яковлева. С.-Петербургъ. 1868 г. Изд. Звонарева.

— Читали ли вы такой-то процессъ? Были ли вы въ такомъ-то засѣданіи суда? Слышали ли вы о такомъ-то уголовномъ дѣлѣ? Какъ вамъ нравится рѣчь защитника NN? и т. д. — Вотъ вопросы, составляющіе животрепещущій интересъ дня. Въ каждомъ № любой газеты непременно встрѣтите отчетъ о какомънибудь процессѣ. «Судебный Вѣстникъ», несмотря на свою полнѣйшую вѣкомость, читается въ кофейняхъ, въ библиотекахъ, на пароходахъ, въ дилижансахъ и на всѣхъ другихъ сухопутныхъ и водныхъ путяхъ сообщенія,—читается единственно потому, что тамъ печатаются процессы. Но не только всѣ съ жадностью читають «Дѣло», № 7.

процессы, каждый теперь норовитъ либо самъ съ кѣмъ нибудь за-
тѣять процессъ, либо принять участіе въ процессѣ своего ближ-
няго, въ качествѣ обвинителя или защитника. Что вы думаете
дѣлать? спрашиваете вы у своего пріятеля. — Да вотъ началъ ходата-
йствовать. — Гдѣ, у кого? — У мировыхъ судей да въ окружномъ су-
дѣ. — А вы? спрашиваете вы другого пріятеля. — Записался
кандидатомъ къ такому-то суду, — получаете отвѣтъ. — А вы? — спра-
шиваете третьяго. — Занимаюсь у такого-то адвоката или у такого-
то прокурора. — А вы, что вы думаете дѣлать? спрашиваете,
наконецъ, четвертаго, только-что оперившагося юношу. — Я, я
дѣлаю заняться судебною практикою и т. д. Такимъ образомъ,
судебная практика — теперь любимѣйшая мечта и безбородыхъ
юношей и сѣдовласыхъ старцевъ, и либераловъ и консерваторовъ,
и бѣдныхъ и богатыхъ, и образованныхъ и необразованныхъ.
Каждый думаетъ поправить свои дѣлишки насчетъ глупости
и невѣжества своихъ согражданъ; каждый хочетъ получить
свою долю изъ того огромнаго налога, который собирается
съ человѣческихъ кляузъ, подъ видомъ «законнаго вознагра-
жденія адвоката»; каждый торопится сдѣлаться однимъ изъ ко-
лесъ этой удивительной машины, которая называется на языкѣ
юристовъ человѣческимъ правосудіемъ. — Такое настроеніе
россійскихъ гражданъ съ одной стороны глубоко насъ ра-
дуетъ, съ другой — глубоко огорчаетъ. Мы радуемся, потому
что видимъ въ немъ примиреніе либераловъ съ консерваторами,
молодого поколѣнія съ старымъ, отцевъ съ дѣтьми. Въ самомъ дѣ-
лѣ, встрѣчаясь постоянно въ камерахъ суда, постоянно работая
надъ разрѣшеніемъ однихъ и тѣхъ же вопросовъ, постоянно вол-
нуясь одними и тѣми же чувствами и интересами, — могутъ ли ли-
бералы и консерваторы, отцы и дѣти продолжать питать другъ къ
другу злобу и ненависть? Могутъ ли они не понимать другъ дру-
га? Могутъ ли относиться другъ къ другу свысока? Могутъ ли те-
перь дѣти сказать отцамъ: интересы ваши чужды намъ, у насъ
есть *свои* собственные интересы, *свое* собственное дѣло? Могутъ ли,
въ свою очередь, отцы сказать дѣтямъ: дѣти, вы бездѣльнычаєте,
вы болтаете глупости, тогда какъ мы, и только мы одни *серьезно*
трудимся? Нѣтъ, они теперь не могутъ этого сказать: камера су-
да помирила ихъ и объединила ихъ интересы: отецъ хлопочетъ о
томъ же, о чемъ хлопочетъ и сынъ, а сынъ хлопочетъ о томъ, о
чемъ хлопочетъ отецъ. Такимъ образомъ, судебная камера можетъ
быть названа теперь не только храмомъ правосудія, но и *храмомъ*

примиренія. Такой оборотъ дѣлъ въ высшей степени пріятенъ, какъ мы сказали уже, нашему патріотическому сердцу; но въ тоже время наше патріотическое сердце не можетъ не огорчаться и не возмущаться при видѣ такой огромной массы желающихъ эксплуатировать тупость и невѣжество своихъ ближнихъ. Если такъ много желающихъ жить насчетъ судебной практики, то не служитъ ли это очевиднѣйшимъ доказательствомъ, что неумѣнье нашихъ согражданъ жить своимъ умомъ, безъ суда и адвоката, безпримѣрно велико, и что налогъ, собираемый съ нихъ за это неумѣнье, долженъ быть тоже безпримѣрно великъ? — Только на поле, обѣщающее много работы, сходится много работниковъ. Если, по первому сигналу, является такъ много охотниковъ жить доходами съ человѣческой глупости, то не ясно ли отсюда, что возможность существованія огромнаго числа нашихъ согражданъ обуславливается единственно ихъ крайней недалекостью? Эти прискорбныя соображенія до нѣкоторой степени отравляютъ нашу радость, при видѣ трогательнаго примиренія отцевъ съ дѣтьми въ камерахъ мировыхъ и окружныхъ судовъ. Но одни эти соображенія, несмотря на все ихъ грустное свойство, не могли бы пересилить нашей радости, если бы къ нимъ не присоединились еще новыя обстоятельства. Сограждане наши находятся, въ настоящее время, какъ мы сказали, въ какомъ-то юридически-сутяжническомъ настроеніи. Это весьма хорошо и похвально, потому что это примирило отцевъ съ дѣтьми; но, примиривъ отцевъ съ дѣтьми, оно породило и другое явленіе, неизмѣющее съ первымъ ничего общаго. Злые люди, воспользовавшись благопріятною минутою, вздумали эксплуатировать проявившееся въ публикѣ влеченіе къ чтенію процессовъ. Нельзя сказать, чтобы вкусъ къ чтеніямъ подобнаго рода проявился именно нынче, послѣ судебной реформы; публика всегда чувствовала къ нему нѣкоторое пристрастіе, особенно если рѣчь шла о таинственныхъ убійствахъ, если открытіе ихъ было сопряжено съ большими препятствіями и затрудненіями, если на сцену являлись ножи, кинжалы, ядъ, маски и т. п. Такое чтеніе, возбуждая въ читателѣ то чувство страха, то удовольствія, служило весьма пріятнымъ препровожденіемъ времени и нисколько не утомляло его мыслительныхъ способностей. Потому услужливые книгопродавцы давно уже потѣшаютъ насъ изданіями книжонокъ, въ которыхъ повѣствуется о похожденияхъ разныхъ Картушей, Дюмоларовъ и т. п. — Книжонки раскупаются бойко и читаются съ боль-

шимъ апетитомъ. Иногда издатели (за-границею), желая расширить кругъ читателей своихъ изданій,—стараятся придать имъ болѣе или менѣе научный характеръ, и предпосылаютъ имъ предисловія, въ которыхъ доказывается, какъ во всѣхъ отношеніяхъ полезно, поучительно и благотворно чтеніе уголовныхъ процессовъ. Уловка эта часто имъ удается, и ихъ сборники находятъ себѣ доступъ и распространяются въ такихъ слояхъ читающей публики, которые, повидимому, не должны бы были интересоваться подобнымъ ученіемъ. Успѣхъ, разумѣется, ободряетъ предпринимателей-промышленниковъ, и потому нѣтъ ничего удивительнаго, что за-границею (особенно во Франціи и Германіи) подобныхъ сборниковъ не мало. Наши отечественные промышленники, усмотрѣвъ, что наша публика начинаетъ слѣдить съ нѣкоторымъ участіемъ за производствомъ дѣлъ въ новыхъ судебныхъ учрежденіяхъ, — рѣшились воспользоваться этимъ участіемъ въ свою пользу. И вотъ, какъ дождь съ неба, посыпались на насъ сборники разнаго рода процессовъ «любопытнѣйшихъ», «новѣйшихъ», «иллюстрированныхъ», «знаменитыхъ», «избранныхъ» и т. п. Одинъ г. Любавскій издалъ такое множество томовъ своихъ «уголовныхъ процессовъ», что мы и счетъ имъ потеряли. Въ послѣднее время почти за разъ вышли еще два новые сборника процессовъ, изъ которыхъ одинъ изданъ въ Петербургѣ, а другой въ Дрезденѣ. Оба сборника хотятъ сдѣлаться непрерывными, т. е. хотятъ выходить постоянно, по мѣрѣ, какъ говорятъ издатели, накопленія матеріаловъ. А такъ какъ оба они на матеріалъ не особенно разборчивы, то, надо полагать, что съ этой стороны препятствій и остановокъ не будетъ. Уже первый изъ этихъ сборниковъ вышелъ тремя выпусками. Разумѣется, сборники эти, вѣроятно, хорошо расходятся, потому что въ противномъ случаѣ они не появились бы въ такомъ количествѣ. Если же они хорошо расходятся, значитъ — у нихъ общирный кругъ читателей, значитъ—они служатъ умственной пищею для значительной массы читающаго люда. Потому, мы не можемъ относиться къ нимъ индифферентно,—мы должны оцѣнить здѣсь, насколько полезно ихъ чтеніе, насколько благотворна та пища, которую они даютъ уму, и въ какихъ условіяхъ должна удовлетворять эта пища для того, чтобы принести какую нибудь дѣйствительную пользу.

Въ предисловіи къ первой книжкѣ «Уголовной Лѣтописи» издатели слѣдующимъ образомъ объясняютъ пользу и необходимость подобныхъ изданій:

«Само преступленіе — задача, форма ея рѣшенія — судъ, общее цѣлое — фактъ, или иначе уголовный процессъ. Вызванный несовершенствомъ чело-вѣческой природы, потребностями такого общества, въ которомъ совершается или уже совершился, юридическою жизнію своего времени, онъ близокъ каждому и не можетъ не возбуждать серьезнаго интереса. Разсказанный отдѣльно, онъ указываетъ на возможную степень паденія чело-вѣка, причины этого паденія, даетъ отчетъ въ томъ, какимъ путемъ и какой формой въ данномъ случаѣ дознана виновность одного или нѣсколькихъ лицъ; въ связи же съ другими, расположенными въ извѣстномъ порядкѣ, кромѣ всего этого получаетъ и историческое значеніе».

Изъ этого не совсѣмъ грамотнаго и удобопонятнаго объясненія слѣдуетъ, что изданіе сборниковъ процессовъ полезно и необходимо въ историческомъ, юридическомъ и психологическомъ отношеніяхъ. Посмотримъ, насколько это справедливо, и какимъ условіямъ долженъ удовлетворить сборникъ, имѣющій претензію быть полезнымъ для историка, юриста и психолога.

Нѣтъ сомнѣній, что явленія современнаго намъ быта составляютъ историческій матеріалъ, но нѣтъ также сомнѣній и въ томъ, что далеко не всѣ изъ этихъ явленій могутъ дать историкъ одинаково пригодный, одинаково полезный матеріалъ. Данное явленіе будетъ тѣмъ пригоднѣе для историческаго матеріала, чѣмъ характеристичнѣе оно для современной эпохи, чѣмъ болѣе оно зависить и обусловливается строемъ современной жизни. Въ какомъ же отношеніи уголовный процессъ можетъ служить типичнымъ выраженіемъ современной жизни? Въ каждомъ уголовномъ процессѣ слѣдуетъ различать двѣ стороны: сторону, такъ сказать, внутреннюю, психологическую, и сторону—внѣшнюю, формальную, юридическую. Первая относится къ самому факту совершенія преступленія, къ мотивамъ, руководившимъ преступникомъ, къ способу совершенія преступленія и т. п. Вторая—къ формальному разбирательству дѣла, къ процессу слѣдствія и суда. Очевидно, что первую свою сторону уголовный процессъ не можетъ оказать никакой существенной пользы для историка (если только не брать въ расчетъ какіе нибудь рѣдкіе, исключительные случаи). Въ XIX вѣкѣ люди рѣжутъ, грабятъ и воруютъ подъ вліяніемъ почти тѣхъ же самыхъ побужденій, какъ и въ IX или X; въ XIX вѣкѣ бѣдность и невѣжество доводятъ ихъ тѣмъ же путемъ до преступленія, какъ доводили и десять вѣковъ тому назадъ. Психологическая сторона преступленія, какъ общаго родового понятія, неизмѣнна, и потому не можетъ служить годнымъ средствомъ для характеристики особенностей даннаго времени. Что же касается до его процессуальной

стороны, то и она едва ли может принести историку какую нибудь пользу. Правда, уголовный процесс знакомит отчасти съ формами юридическаго быта народа въ данное время, съ его юридическими взглядами и приемами; но знакомство это крайне отрывочно, случайно и несистематично. Гораздо основательнѣе и систематичнѣе можно ознакомиться съ юридическимъ бытомъ и возрѣніями страны, изучая ея уголовное законодательство и уголовную статистику. На ряду съ этими двумя историческими источниками—сборники уголовныхъ процессовъ не имѣютъ почти ровно никакого историческаго значенія и едва ли хотя одинъ осторожный историкъ захочетъ ими пользоваться.

Что касается до юридическаго значенія сборниковъ уголовныхъ процессовъ, то хотя его и нельзя отрицать безусловно, однако оно такъ ничтожно, что ради его едва ли стоитъ тратить столько денегъ, сколько тратится ежегодно на изданіе этихъ сборниковъ. Съ формами процесса гораздо лучше и разумнѣе знакомиться прямо черезъ посредство кодекса,—чѣмъ изъ чтенія разсказовъ о томъ какъ судилось тогда-то и тогда-то то или другое лицо. Кодексъ даетъ общія начала, голыя правила, незатемненныя никакими подробностями, неспутанныя никакими отступленіями, а потому усвоить ихъ гораздо легче, чѣмъ читая процессъ. Тутъ нужно самому находить общія начала, умѣть отдѣлять важное отъ неважнаго, существенное отъ несущественнаго, случайное отъ постояннаго. Большинству читателей, пробѣгающихъ процессы, не хватаетъ ни охоты, ни сосредоточенности для подобной работы; потому изъ чтенія процессовъ они никогда почти не выносятъ никакого юридическаго поученія. Издатели очень хорошо это понимаютъ и потому обыкновенно процессуальную часть дѣла стараются, по возможности, сократить. Они очень подробно описываютъ самый актъ совершенія убійства, обстоятельства, предшествующія ему, и сопровождавшія его; производство слѣдствія излагается уже въ значительно сокращенномъ видѣ, а производство самаго судебного процесса разсказывается въ формѣ весьма неполнаго и короткаго отчета. Такъ поступаютъ французскіе издатели-промышленники, хорошо понимающіе вкусъ публики,—такъ поступаютъ и наши русскіе подражатели французскимъ образцамъ. Издатели «Уголовной Лѣтописи» хотя и заявили въ предисловіи, будто цѣль ихъ сборниковъ будетъ состоять между прочимъ и въ ознакомленіи съ формами судебного разбирательства, однако, въ каждомъ процессѣ, помещенномъ въ I-мъ выпускѣ, объ этихъ формахъ говорится ровно столь-

во, сколько нужно, чтобы читатель не могъ составить объ нихъ ни малѣйшаго понятія. Той же системы держатся и издатели «Иллюстрированной библіотеки замѣчательныхъ уголовныхъ процессовъ». О производствѣ суда и слѣдствія почти ничего не говорится; за то драматической сторонѣ дѣла посвящается, по возможности, очень много мѣста. И нѣтъ сомнѣнія, что если бы издатели поступили иначе, публика не стала бы покупать и читать ихъ книги такъ какъ знакомиться съ судоустройствомъ и судопроизводствомъ, по процессу, крайне скучно и утомительно. И не только скучно и утомительно, иногда даже и крайне опасно: общія правила при ихъ конкретномъ примѣненіи часто подвергаются, вслѣдствіе какихъ нибудь случайныхъ обстоятельствъ, разнымъ видоизмѣненіямъ и искаженіямъ. Потому, читая рассказы о частныхъ случаяхъ примѣненія общихъ началъ судопроизводства, легко можно впасть въ ошибки и придти къ ложнымъ заключеніямъ. Если бы сборники процессовъ исключительно предназначались для юристовъ-спеціалистовъ, тогда другое дѣло: юристъ всегда будетъ знать, гдѣ дѣйствуетъ правило, и гдѣ имѣетъ мѣсто уклоненіе отъ него; для юриста такіе сборники дѣйствительно полезны, но и то только въ томъ случаѣ, когда въ нихъ обращено главное вниманіе на процессуальную сторону дѣла, драматическая же, анекдотическая форма, по возможности, совсѣмъ выброшена или значительно умалена. Сборникъ процессовъ получить тогда видъ сборника стенографическихъ отчетовъ и судебныхъ протоколовъ.

Такимъ образомъ, сборники уголовныхъ процессовъ, въ томъ видѣ, въ какомъ они теперь издаются, и въ какомъ они только и могутъ издаваться, не имѣютъ никакого юридическаго значенія. Могутъ ли же они имѣть, по крайней мѣрѣ, хоть значеніе психологическое? Иными словами, даетъ ли уголовный процессъ достаточное фактовъ для психологическаго анализа? Уголовный процессъ, во всѣхъ точкахъ своего развитія, преслѣдуетъ одну только цѣль: изобличить во что бы то ни стало подозрѣваемое лицо, собрать противъ него такую массу уликъ, при которой можно было бы, не оскорбляя слишкомъ явно общественнаго мнѣнія, отправить его на галеры и послать на эшафотъ. До внутреннихъ психическихъ мотивовъ, побудившихъ человѣка убить или обокрасть своего ближняго, суду, въ сущности говоря, мало дѣла. При рѣшительномъ преобладаніи объективнаго воззрѣнія на преступленіе надъ субъективнымъ, психологія, очевидно, не можетъ играть никакой существенной роли въ уголовномъ процессѣ. Говорятъ обыкновенно, будто съ введені-

емъ института присяжныхъ, и допущеніемъ такъ называемаго «суда по совѣсти»—уголовная юстиція должна измѣнить свой характеръ, будто судъ станетъ обращать болѣе вниманія на внутреннюю сторону преступленія и т. п. Однако, съ этимъ нельзя вполне согласиться. Присяжные только въ самыхъ рѣдкихъ, выдающихся случаяхъ рѣшаются отступить отъ буквы закона и объявить невиннымъ чловека, *фактически* совершившаго преступленіе; для нихъ тоже на первомъ планѣ всегда стоитъ формальное нарушеніе права, мотивы, же вызвавшіе его, на второмъ и самомъ послѣднемъ. Виѣшняя сторона преступленія и теперь, какъ и прежде, опредѣляетъ наказуемость его, внутренняя же сторона можетъ оказывать вліяніе только на признаніе подсудимаго «по обстоятельствамъ дѣла заслуживающимъ снисхожденія». Но *снисхожденіе* это бываетъ обыкновенно такъ ничтожно, что объ немъ хлопочуть только весьма посредственные и нерадивые адвокаты, и то только въ тѣхъ случаяхъ, когда преступленіе доказано до послѣдней очевидности. Самая же употребительная тактика адвоката состоитъ въ томъ, чтобы доказать невинность своего кліента не съ точки зрѣнія психологическихъ соображеній, которыхъ законъ не признаетъ, а съ точки зрѣнія недостаточности формальныхъ уликъ. Разорвать ту цѣпь обвиненій, которою опутали подсудимаго слѣдователь и прокуроръ, доказать неполноту виѣшняго состава преступленія—вотъ его главная цѣль, вотъ центръ тяжести его защиты. Ему не нужно быть опытнымъ психологомъ, ему нужно быть только ловкимъ казуистомъ; отъ него требуется не спокойный анализъ, а умѣнье на все смотрѣть односторонне и пристрастно. Тѣмъ же самымъ условіямъ долженъ удовлетворять и обвинитель; такова логика состязательнаго процесса: пристрастный защитникъ, пристрастный обвинитель и судья, умѣющій находить средину между этими двумя противоположными пристрастіями—вотъ его идеаль. При этомъ вопросъ о томъ, въ силу какихъ причинъ, подъ вліяніемъ какихъ побужденій совершено преступленіе—для него, какъ мы сказали выше, неваженъ и несущественъ; для него важенъ и существенъ только вопросъ о томъ: дѣйствительно ли совершено преступленіе и дѣйствительно ли совершило его то лицо, на которое пало подозрѣніе? Если же, въ рѣдкихъ случаяхъ, и заходить рѣчь о мотивахъ, если иногда психологія и вызывается на сцену, то и тутъ серьезный психологъ мало найдетъ для себя подходящаго матеріала. Оба противника стараются подогнать факты внутренней стороны преступленія подъ свой предвзятый и односторонній взглядъ, каждый пытается найти въ нихъ поддержку

для своего собственнаго пристрастнаго мнѣнія, ни мало не заботясь объ интересахъ истины; факты неподходящіе забываются или искажаются, факты подходящіе преувеличиваются, прикрашиваются и т. п. О спокойномъ анализѣ тутъ и рѣчи не можетъ быть. Да его и требовать нельзя; вспомнимъ, что здѣсь дѣло идетъ о жизни и чести человѣка. Чтобы спасти ихъ, кто не рѣшится пожертвовать своимъ научнымъ безпристрастіемъ, особенно, если здѣсь замѣшано еще личное честолюбіе, эгоистическое тщеславіе?

При такой задачѣ уголовного процесса и при такихъ его свойствахъ, очевидно, онъ можетъ дать психологу только весьма посредственный и неполный матеріалъ, и то не всегда, а только въ рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ. Въ большинствѣ же случаевъ онъ не даетъ никакого психологическаго матеріала,—частью потому, что мотивъ преступленія остается невыясненнымъ или умышленно искаженнымъ, частью потому, что онъ до того простъ и несложенъ, что не представляетъ ни малѣйшаго психологическаго интереса. Слѣдовательно, при составленіи сборника, преслѣдующаго психологическія задачи, нужно быть крайне осторожнымъ и осмотрительнымъ насчетъ выбора матеріала: въ сборникѣ должны войти только такія уголовныя дѣла, въ которыхъ мотивъ преступленія выясненъ вполне и безпристрастно, и притомъ представляетъ психологическій интересъ.

Кромѣ цѣлей историческихъ, юридическихъ и психологическихъ сборники уголовныхъ процессовъ иногда преслѣдуютъ и другія, болѣе или менѣе одностороннія и побочныя цѣли, сообразно съ которыми долженъ опредѣлиться и ихъ составъ. Такъ какъ цѣли эти могутъ быть различны до безконечности, и такъ какъ вообще сборники задаются ими очень рѣдко, то намъ и нѣтъ надобности говорить здѣсь объ нихъ.

Разобравъ такимъ образомъ всѣ тѣ случаи, когда могутъ быть достигнуты цѣли, приводимыя обыкновенно издателями сборниковъ въ оправданіе своихъ изданій, мы приходимъ къ тому заключенію, что, въ большинствѣ ихъ, цѣли эти или совсѣмъ неосуществимы, или требуютъ для своего осуществленія особыхъ, чрезвычайныхъ условій. Насколько удовлетворяютъ этимъ условіямъ наши русскіе сборники—объ этомъ будетъ рѣчь впереди, теперь же укажемъ еще на одну задачу, о которой рѣдко упоминаютъ издатели, но которая, по нашему мнѣнію, одна только и можетъ (если она дѣйствительно имѣется въ виду) оправдать изданіе сборниковъ процессовъ. Задача эта по плечу сборникамъ и разрѣшеніе ея не пред-

ставляетъ для издателя особыхъ затрудненій; отъ него потребується только самая небольшая доза осмотрительности и здраваго смысла.

Чтеніе процессовъ можетъ оказывать на читателей гуманизирующее вліяніе, осмысляя и облагораживая ихъ взглядъ на преступника. Повѣсть преступленія, въ большей части случаевъ, производитъ умиротворяющее впечатлѣніе: преступникъ перестаетъ ужасать и возбуждать ненависть; ему невольно начинаютъ сострадать и сочувствовать. Быть можетъ, многіе присяжные моралисты и хранители общественной нравственности найдутъ неприличнымъ и безнравственнымъ возбуждать подобныя гуманныя чувствованія къ врагамъ общественнаго порядка и спокойствія. Но эти господа не понимаютъ, что только при такомъ отношеніи къ этимъ врагамъ общественнаго порядка и можно устранить причины, вызывающія ихъ. Для того, чтобы сборникъ могъ имѣть гуманизирующее вліяніе, необходимо, чтобы въ немъ помѣщались по преимуществу такіе процессы, въ которыхъ всего рельефнѣе выступаетъ слабость и беспомощность отдѣльнаго человѣка въ борьбѣ съ роковою силою окружающихъ его обстоятельствъ, или въ которыхъ преступленіе является необходимымъ продуктомъ побужденій, по своему характеру ничуть не преступныхъ, а напротивъ вполне существенныхъ и нормальныхъ.

Вотъ тѣ требованія, которымъ долженъ удовлетворять сборникъ процессовъ, если онъ хочетъ быть дѣйствительно полезенъ или историку, или юристу, или психологу, или вообще всякому читателю, непретендующему ни на какое ученое званіе.

Посмотримъ теперь, насколько удовлетворяютъ хотя какому нибудь изъ этихъ требованій сборники, названія которыхъ выписаны въ заглавіи нашей замѣтки. Начнемъ хоть съ «Иллюстрированной Библиотеки знаменитыхъ уголовныхъ процессовъ». Въ вышедшихъ трехъ выпускахъ помѣщено девять процессовъ. Ни одинъ изъ этихъ процессовъ не удовлетворяетъ тѣмъ условіямъ, о которыхъ мы говорили выше. Въ юридическомъ отношеніи они не представляютъ ни малѣйшаго интереса, такъ что даже излагать ихъ въ формѣ процесса нѣтъ ни малѣйшаго основанія. Издатели, кажется, сами это понимаютъ, и потому постарались выкинуть изъ изложенія всякія подробности о судѣ и слѣдствіи. Такъ, напримѣръ, въ процессѣ «Военный почтальонъ» самымъ судебнымъ процессомъ и слѣдствіемъ занято менѣе пол-страницы; въ процессѣ «Дюжоларъ» — страница; въ процессѣ «Семейство мельника» тоже не болѣе стра-

ницы и т. д., такъ что, въ сущности говоря, названіе «процессы» нисколько не характеризуетъ содержанія этого сборника: это просто собраніе нѣсколькихъ уголовныхъ случаевъ, рассказанныхъ не въ формѣ процесса, а въ формѣ анекдота. Судебныя же резолюціи приклеены къ этимъ анекдотамъ для того только, чтобы показать читателю, что анекдоты не вымышлены досужею фантазіею издателей, а дѣйствительно случились съ живыми людьми. Какъ на исключеніе можно указать только на одинъ процессъ Колласа. Но процессъ этотъ уже былъ переведенъ на русскій языкъ (въ «Судебныхъ ошибкахъ») и потому издатели поступили бы гораздо благоразумнѣе, если бы они для характеристики правосудія того времени выбрали что нибудь другое;—тѣмъ болѣе, что при веденіи этого дѣла допущена нѣкоторая поспѣшность, нѣкоторое отступленіе отъ формъ, и потому онъ не можетъ имѣть большого значенія для характеристики тогдашняго судопроизводства. Если же, помѣщая его въ свой сборникъ, издатели имѣли ту же цѣль, какъ и редакторъ «Судебныхъ ошибокъ», въ такомъ случаѣ имъ слѣдовало бы нѣсколько измѣнить самую форму изложенія и значительно поотступить отъ французскаго образца. Но они этого не сдѣлали, и потому мы рѣшительно не понимаемъ, съ какою цѣлью помѣщенъ этотъ процессъ на страницахъ ихъ сборника. Вѣроятно, потому же, почему помѣщены и процессы «Военный почтальонъ», «Убіеніе генерала Ауэрсвальда и князя Лихновскаго», «Семейство чернаго мельника» и т. п., какъ болѣе или менѣе интересный анекдотъ.

Но если всѣ эти анекдоты не имѣютъ никакого юридическаго значенія, то не имѣютъ ли они, по крайней мѣрѣ, значенія психологическаго? Изъ всѣхъ процессовъ только одинъ процессъ (Дюмолара) представляетъ случай въ высшей степени интересный въ психологическомъ отношеніи. Но онъ разработанъ, или правильнѣе, изложенъ (такъ какъ разработки-то именно и нѣтъ никакой) до того дурно, до того небрежно и бессмысленно, что рѣшительно не понимаешь, чему удивляться: невѣжеству или недобросовѣстности издателей? Дюмоларъ былъ человѣкъ умственно разстроенный, больной;—при изложеніи его процесса необходимо было какъ можно рельефнѣе выставить логическія несообразности его поведенія и самыхъ его преступленій, такъ чтобы для читателей ясно было, кто такой этотъ «извергъ» рода человѣческаго—какъ называютъ его издатели. Однако издатели умудрились такъ ловко избѣжать всякихъ психологическихъ соображеній и анализа и такъ глупо рассказали повѣсть преступленій Дюмолара, что большинству чита-

телей онъ и дѣйствительно покажется какимъ-то «извергомъ», и они не извлекутъ изъ его жизни никакаго психологическаго поученія. А между тѣмъ жизнь его именно и поучительна въ психологическомъ или, правильнѣе, психіатрическомъ отношеніи. — Другіе процессы не представляютъ никакаго особеннаго психологическаго интереса и изложены точно также крайне дурно и небрежно. Вообще видно, что при составленіи своего сборника издатели не задавались никакими — ни юридическими, ни психологическими цѣлями. Не желали ли они, по крайней мѣрѣ, своимъ сборникомъ гуманизировать взгляды читателей, примирить ихъ съ преступникомъ, показать имъ въ немъ *человѣка*? Если бы это было такъ, мы охотно простили бы имъ и дурную редакцію, и дурной переводъ (или правильнѣе *передѣлку* съ французскаго), и дурныя виньетки. Но увы! — при всей нашей снисходительности, мы не можемъ усмотрѣть въ ихъ сборникахъ и этой тенденціи. Напротивъ, въ нѣкоторыхъ процессахъ (напр. въ процессѣ Дюмолара и въ процессѣ «Военный почтальонъ») проглядываетъ даже противоположная тенденція. Эти процессы совершенно нейтрализуютъ то впечатлѣніе, которое могли бы произвести на читателя процессы съ гуманною тенденціею (какъ напр. процессъ Моршнера или процессъ «Запво похороненное дитя»), если бы только послѣдніе были хотя сколько нибудь удовлетворительно изложены. Могутъ ли гуманизоваться отношенія читателя къ преступникамъ, когда ему рисуютъ ихъ обыкновенно въ видѣ страшныхъ Картушей, Машэ, Дюмоларовъ, Антонини (въ процессѣ Военный почтальонъ) и т. п.? Конечно нѣтъ; тѣмъ болѣе, что рисовальщики, по невѣжеству или по недобросовѣстности, не скупаются на черныя краски и не стыдятся даже и больныхъ людей дѣлать извергами рода человѣческаго, такъ что сборникъ, вмѣсто того чтобы воздѣйствовать на читателя примиряющимъ или умиротворяющимъ образомъ долженъ произвести на него совершенно противоположное впечатлѣніе. Поэтому мы и считаемъ его не только вполне и безусловно бесполезнымъ, но даже и вреднымъ. Впрочемъ, послѣднее его качество нейтрализуется крайне неумѣлымъ изложеніемъ. Эта неумѣлость лишаетъ сборникъ той пріятной интересности, которою обыкновенно отличаются изданія подобнаго рода, особенно французскія. Мы съ полною увѣренностью можемъ сказать, что онъ не удовлетворяетъ ничьему вкусу — даже вкусу читателей Петербургскихъ Трущобъ, Зайисовъ сыщика, и тому подобныхъ произведеній лубоч-

ной литературы, потому мы надѣемся и отъ души ждаемъ, чтобы изданіе это прекратилось на третьемъ же выпускѣ.

Что касается до другого сборника «Уголовной Лѣтописи», то онъ, хотя во многихъ отношеніяхъ и лучше «Иллюстрированной библиотеки»,—однако все-таки мы не можемъ признать составъ его удовлетворительнымъ. Издатели, при составленіи своего сборника имѣли въ виду, по ихъ словамъ, приведеннымъ выше,—доставить полезное чтеніе юристу, психологу и даже историку. Это обыкновенно говорится всѣми предпринимателями подобныхъ изданій. Но ни одинъ изъ нихъ,—насколько намъ знакома литература этого предмета,—нисколько не выполняетъ тѣхъ условій, о которыхъ говорено было выше, и безъ соблюденія которыхъ сборники едва ли могутъ принести кому бы то ни было хотя какую нибудь пользу: Составители «Уголовной Лѣтописи», къ несчастію, не составляютъ въ этомъ случаѣ исключенія; изъ шести процессовъ, помѣщенныхъ въ 1-ой книжкѣ 1-го тома, только два (процессы Машэ и Линднера) могутъ имѣть нѣкоторое значеніе въ психологическомъ отношеніи. Но процессъ Машэ разработанъ весьма плохо. Остальные же процессы (не исключая и процесса г-жи Урсинусъ,—въ которомъ недостаточно выясненъ самый фактъ преступленія) попали въ сборникъ просто ради своей пикантности, хотя, впрочемъ, процессъ, напр., Ходонна не отличается даже и пикантностью. Юридическаго интереса процессы не имѣютъ никакого; впрочемъ, юридическая сторона дѣла отодвинута на задній планъ (исключеніе составляетъ процессъ Линднера), и все вниманіе составителей обращено по преимуществу на сторону анекдотическую. Изложеніе гораздо живѣе и занимательнѣе, чѣмъ въ «Иллюстрированной библиотекѣ»,—издатели старались держаться какъ можно ближе къ иностраннымъ подлинникамъ; къ несчастію, только переводъ очень плохъ. Хорошо бы было, если бы они, при слѣдующихъ выпускахъ (если уже непременно хотятъ продолжать свое изданіе), редактировали бы его съ большею тщательностью и выкидывали бы изъ него разныя патетическія и бессмысленныя фразы, до которыхъ такіе охотники французы.

Въ предисловіи издатели обѣщаютъ помѣщать въ концѣ каждого тома «въ формѣ популярнаго изложенія» статья «по европейскому уголовному праву, судопроизводству и судебной медицинѣ». И въ исполненіе этого обѣщанія къ первой книжкѣ перваго тома приложена статья подъ заманчивымъ заглавіемъ: «Отношеніе психологіи къ праву и судопроизводству». Заглавіе это, повидимому,

объясняет или очень многое или очень малое; объемъ статьи (всего $10\frac{1}{2}$ страничекъ разгонистой печати) заставляетъ скорѣе надѣяться на послѣднее, чѣмъ на первое. И дѣйствительно: читатель, вздумавшій пробѣжать эти $10\frac{1}{2}$ страничекъ, горько раскается въ потерянномъ времени, хотя онъ потеряетъ не болѣе пяти минутъ. Онъ не найдетъ въ ней ничего такого, что бы онъ могъ ожидать (какъ бы ни скромны были его ожиданія) найти въ ней, судя по заглавію; онъ увидитъ только массу фразъ, частью патетическихъ, частью ребячески-наивныхъ, частью просто глупыхъ и бессмысленныхъ, но, во всякомъ случаѣ, безграмотныхъ,—фразъ по поводу новой судебной реформы и процессовъ, напечатанныхъ въ этой первой книжкѣ перваго тома. Если издатели и при послѣдующихъ томахъ намѣрены прилагать подобныя же статьи,—то мы посоветывали бы имъ, въ видахъ интересовъ читателей и ихъ собственныхъ,—пришивать къ книжкамъ вмѣсто статей простые бѣлые листы «для отбѣтокъ», какъ это дѣлается въ календаряхъ и памятныхъ книжкахъ ¹⁾.

¹⁾ Когда отзывъ этотъ былъ уже написанъ, мы получили 2-ю книжку 1-го тома «Уголовной Лѣтописи». Въ ней помѣщено два процесса и двѣ статьи. Изъ процессовъ одинъ (Жакъ Лесне), давно уже переведенный на русскій языкъ, представляетъ одинъ изъ поразительнѣйшихъ примѣровъ судебной ошибки, и потому помѣщеніе его въ сборникъ уголовныхъ процессовъ мы находимъ весьма полезнымъ и практичнымъ. Другой процессъ (Георгъ и Марія Маннингъ) важенъ въ томъ отношеніи, что знакомитъ довольно подробно съ формою англійскаго слѣдствія и суда. Изложенъ онъ очень удовлетворительно. Что касается до ученыхъ статей, то онѣ, хотя и значительно лучше статьи, приложенной къ первой книжкѣ, однако не могутъ представлять для русскаго читателя никакого особеннаго интереса. Въ первой изъ нихъ (Суды присяжныхъ въ Англіи и Франціи) толкуется о предметѣ, уже слишкомъ избыткомъ и хорошо извѣстномъ читателямъ, интересующимся этимъ вопросомъ; и толкуются притомъ все старыя и избитыя вещи. Вторая статья (Къ вопросу о смертной казни) тоже не сообщаетъ ничего новаго и поучительнаго о томъ вопросѣ, къ разъясненію котораго должна служить. Пренія, происходившія въ англійскомъ парламентѣ по поводу смертной казни, не представляютъ никакого особеннаго интереса, потому что ораторы противопоставляли другъ другу довольно старыя и весьма избитые аргументы... Къ концу книги приложена хроника современныхъ уголовныхъ процессовъ, въ которой помѣщенъ краткій отчетъ объ интереснѣйшихъ уголовныхъ процессахъ, разсматривавшихся въ англійскихъ судахъ за январь, февраль и мартъ нынѣшняго года.

Можно ли написать книгу до того бесполезную и нелѣпую, чтобы она не нашла себѣ издателя въ нашемъ отечествѣ? Можно ли найти за-границею писателя до того тупоумнаго и невѣжественнаго, чтобы онъ не встрѣтилъ ни одного читателя и почитателя среди нашихъ согражданъ? Слѣдя уже нѣсколько лѣтъ за нашею переводною литературою, мы, съ полнымъ убѣжденіемъ, должны отвѣтить на эти вопросы отрицательно. Мы рѣшительно не въ состояніи опредѣлить границъ, до которыхъ можетъ дойти наша добродушнаянисходительность къ чужой глупости и чужому невѣжеству; мы гоняемся за чужою глупостью, какъ гончія собаки за дичью, какъ голодный за кускомъ хлѣба; мы гоняемся за нею не только тогда, когда она можетъ пригодиться въ нашемъ домашнемъ обиходѣ, но даже и тогда, когда намъ не предстоитъ въ ней ни малѣйшей надобности. Каждый мѣсяцъ намъ приходится сообщать если не объ 3, 2, то по крайней мѣрѣ объ одной переводной книгѣ или крайне бесполезной, или глупой или вредной, или и то и другое вмѣстѣ. И нынѣшняя хроника не будетъ исключеніемъ: передъ нами лежатъ двѣ книги, приводящія насъ въ рѣшительное недоумѣніе. Мы недоумѣваемъ, чему надо удивляться: глупости ли и тупоумію людей, рѣшившихся написать ихъ, или глупости и тупоумію людей, вздумавшихъ перевести ихъ на русскій языкъ? Обѣ же книги, до нѣкоторой степени, тождественны по своему характеру и по своей тенденціи: одна поучаетъ рабочихъ и хозяевъ, другая—матерей и воспитателей (обѣ значить имѣютъ характеръ дидактической); одна, толкуя на каждой страницѣ о счастіи и благополучіи рабочаго, старается въ тоже время надуть его и сдѣлать несчастнымъ и неблагополучнымъ; другая—разыгрываетъ ту же самую комедію съ ребенкомъ. По наивности своей и несообразительности, авторы обѣихъ книгъ могутъ быть приняты за одно и тоже лицо, или по крайней мѣрѣ за братьевъ — двойниковъ. Авторъ первой нѣкто *Жюль Муру*; переводчикъ и издатель ея нѣкто Ф. П. Соллогубъ; мѣсто изданія—первопрестольный городъ Москва.

Жюль Муру вообразилъ себѣ, будто онъ додумался до разрѣшенія соціальной задачи, будто его духовнымъ очамъ открылась причина всѣхъ соціальныхъ золъ и бѣдствій, раздающихъ современное общество, и будто онъ, Жюль Муру, призванъ провидѣніемъ устранить, если не совсѣмъ, то по крайней мѣрѣ въ значительной степени, эту причину, и примирить два вѣчно враждующіе между собою класса: рабочихъ и хозяевъ. Чтобы вообразить все это, нужно имѣть, конечно, очень пламенную фантазію,—но то ли еще бы-

васть! Воображаютъ же себя люди богами, небесными свѣтилами, пророками и т. п.; отчего Жюлю Муру не вообразить себѣ было, что онъ предназначенъ судьбою примирить враждующіе общественные элементы? И наконецъ развѣ это такая мудреная задача? Развѣ это такое трудное дѣло? Оно кажется такимъ только для умовъ обыкновенныхъ и посредственныхъ, а для такого избраннаго ума, каковъ умъ Жюля Муру, оно такъ просто и нехитро, что и усилій-то даже особенныхъ не потребуетъ. Стоитъ только написать маленькую книжку, стоитъ только въ этой маленькой книжкѣ популярно изъяснить взаимныя права и обязанности хозяевъ съ одной стороны, рабочихъ съ другой—и все дѣло въ шляпѣ. Вы думаете, читатель, что мы говоримъ все это шути, что никогда ни одинъ даже полуграмотный человѣкъ не дойдетъ до такой нелѣпости. А вотъ дошелъ же, послушайте:

«Со времени, когда хозяева и рабочіе поймутъ сущность ихъ взаимныхъ правъ, когда они съумѣютъ различить ту часть, которая во всякомъ произведеніи рукъ человѣческихъ принадлежитъ усиліямъ работника съ одной стороны и имуществу капиталиста — съ другой, съ этого времени теперь еще обильный источникъ великихъ бѣдствій будетъ близокъ къ уничтоженію» (стр. 7).

Прекрасно; все дѣло, какъ видите, сводится къ тому, чтобы разумить хозяевъ и рабочихъ относительно «сущности ихъ взаимныхъ правъ». Кто же возьметъ на себя эту педагогическую задачу? Ее беретъ на себя Жюль Муру, предназначенный къ тому провидѣніемъ.

«Мы»—говоритъ онъ во введеніи—«хотимъ посвятить слѣдующія страницы разоблаченію идеи справедливости, которая должна управлять разумнымъ распредѣленіемъ богатствъ, созданныхъ рабочимъ и владѣльцемъ капитала».

Итакъ, Жюль Муру открылъ *идею справедливости*, «которая должна управлять разумнымъ распредѣленіемъ богатствъ», и, открывъ ее, рѣшился посвятить ей разоблаченію нѣсколько страницъ. Послѣ такого открытія и такого разоблаченія, рабочіе и хозяева, конечно, не будутъ болѣе упорствовать въ непониманіи «сущности своихъ взаимныхъ правъ» и, слѣдовательно, «обильный источникъ» социальныхъ бѣдствій, если не совсѣмъ, то отчасти устраненъ. Но какъ же это умудрился Жюль Муру открыть-то «идею справедливости, которая должна управлять» и т. д.? Въ сновидѣніи, что ли? О, нѣтъ, онъ открылъ ее весьма просто и совсѣмъ не сверхъесте-

ственно, онъ открылъ ее, развернувъ политико-экономическіе курсы «лучшихъ»—какъ онъ выражается,—«представителей этой науки»; а подъ «лучшими представителями этой науки» онъ подразумеваетъ Россію, Батбію, Бастію и Гарніе. «Мы надѣемся—съ увѣренностью утверждаетъ онъ,—руководствуясь лучшими представителями науки (т. е. вышеуказанными авторитетами), провести въ умъ хозяевъ и рабочихъ, которымъ, по преимуществу, и назначается это сочиненіе, нѣкоторыя *неоспоримыя истины*, которыя должны безпрестанно управлять ихъ взаимными отношеніями».—Допустимъ, что дѣйствительно въ сочиненіяхъ указанныхъ авторовъ, Жюль Муру почерпнулъ истины для себя неоспоримыя,—но неужели онъ не могъ сообразить, что сочиненія эти написаны давнымъ давно, что они раскупаются читающимъ людомъ въ огромнѣйшемъ числѣ экземпляровъ, что по нимъ учатъ нашу молодежь, что ихъ популяризируетъ и распространяетъ во всѣхъ слояхъ общества многое множество разныхъ газетъ и брошюръ, и что несмотря на все это, вражда и рознь между работодателями и работопринимателями не умалняется, а напротивъ все болѣе и болѣе увеличивается. Неужели, въ виду этого простого и для каждаго очевиднаго факта, въ немъ не поколебалась увѣренность въ разумности и полезности его призванія и его дѣятельности? Изъ предъидущей выписки вы видѣли, читатель, что не поколебалась нисколько. Но это еще простительно: разъ вообразивъ себя пророкомъ и примирителемъ, трудно разочаровываться въ своей роли. Непростительно только то, что тѣ «неоспоримыя истины»—о которыхъ сейчасъ только говорилъ Жюль Муру,—при дальнѣйшемъ знакомствѣ съ ними, окажутся совсѣмъ не истинами, а шарлатанствомъ, и притомъ шарлатанствомъ самаго дурнаго свойства, потому что оно производится не по легкомыслію и невѣденію, а обдуманно и сознательно. Да, обдуманно и сознательно, потому что ни одинъ человѣкъ мало-мальски знакомый съ произведеніями «лучшихъ представителей» экономической науки, не можетъ, безъ особеннаго намѣренія, безъ особой задней мысли относиться къ экономическимъ фактамъ съ такимъ страннымъ непониманіемъ ихъ, какъ это дѣлаетъ Жюль Муру. Въ доказательство нашихъ словъ мы приведемъ образчикъ, и образчикъ этотъ будетъ такъ характеренъ, что дастъ читателю самое полное понятіе о глубокомысліи и добросовѣстности автора разбираемой книги.

Приступая къ выполненію своей *соціально-педагогической миссии*, Жюль Муру считаетъ своею обязанностью вразумить прежде всего рабочихъ относительно истинной сущности задѣльной платы.

По его мнѣнію, взгляды на этотъ предметъ, существующіе у обыкновенныхъ людей, крайне нелѣпы и превратны, и служатъ одною изъ главныхъ причинъ вѣковой вражды работодателей съ работопринимателями.

«Для массы умовъ,—говоритъ съ прискорбіемъ Жюль Муру, — съ выраженіемъ «задѣльная плата» соединяется мысль о вознагражденіи за услуги, оказанныя какимъ нибудь образомъ и въ продолженіи извѣстнаго времени, вознагражденіи, величина котораго зависитъ отъ благоволенія челоуѣка, дающаго работу, къ работающему. И такъ, смотря по большому или меньшему благородству или корыстолюбію капиталиста, плата, по этому взгляду, будетъ высока или низка; ея такса будетъ управляться волею капиталиста...» «По мнѣнію же нѣкоторыхъ задѣльная плата выражаетъ собою мысль найма работы».

Эти различные взгляды на задѣльную плату вытекають, по мнѣнію Жюля Муру совсѣмъ не изъ данныхъ фактовъ экономической практики, а

«изъ извѣстныхъ преданій, предвзятыхъ мыслей, по которымъ трудъ рабочаго сравнивають съ работою быка или лошади, которыхъ трудъ дѣйствительно нанимается. Эти хоть и объяснимые взгляды, продолжаетъ онъ, — совершенно несправедливы относительно рабочаго, котораго они лишаютъ способности рѣзко отличающей челоуѣка отъ животнаго, въ силу которой онъ можетъ располагать произведеніями своей дѣятельности, промѣнять ихъ, продать, свободно опредѣляя условія продажи и мѣны» (стр. 13).

Дѣйствительно взгляды весьма не деликатные, и можно даже сказать грубые: ставить на одну доску трудъ свободнаго челоуѣка и трудъ какого нибудь быка или лошади! Но что же дѣлать, если таковы факты? Что же дѣлать, если эти факты такъ очевидны и недвусмысленны, что ихъ нельзя ни перетолковать въ другую сторону, ни скрыть? Но чего нельзя перетолковать въ другую сторону, чего нельзя извратить и утаить ловкому челоуѣку? А такимъ именно ловкимъ челоуѣкомъ и является въ настоящемъ случаѣ Жюль Муру. Онъ отвергаетъ факты, или, лучше сказать, такъ глубокомысленно изъясняетъ ихъ, что они получаютъ совсѣмъ другое значеніе, чѣмъ то, какое имѣють въ дѣйствительности. Это искаженіе фактовъ онъ называетъ «глубокимъ анализомъ». Съ помощью «глубокаго анализа», говоритъ онъ, можно надѣяться искоренить нелѣпый предразсудокъ будто задѣльная плата есть наймъ, покупка работы, и утвердить въ умахъ рабочихъ ту истину, что заработная плата есть *результатъ ассоціаціи, свободнаго соглашенія между хозяиномъ и рабочимъ, въ виду одной общей цѣли произ-*

водства. Въ доказательство, или правильнѣе къ уясненію истины, возвѣщаемыя Жюлемъ Муру, такъ очевидны, что не нуждаются ни въ какихъ доказательствахъ) этого *безспорнаго* положенія приводится слѣдующее гипотетическое разсужденіе:

«По естественному (?) ходу вещей,—философствуетъ Жюль Муру,—капиталистъ, начиная производство, говоритъ работнику: сукно, наиримѣрь, есть товаръ, производство котораго можетъ дать нѣкоторую прибыль; я имѣю деньги, у меня есть машины обыкновенно употребляемыя при этомъ производствѣ и удобное помѣщеніе. Но у меня нѣтъ рукъ, необходимыхъ для управленія этими машинами и для переработки сырого матеріала въ ткань. Желаетъ ли ты помочь мнѣ своими силами и познаніями? Окончивъ работу мы раздѣлимъ прибыль, по мѣрѣ нашихъ относительныхъ вкладовъ, которые состоятъ для тебя въ твоихъ познаніяхъ и трудѣ, для меня въ моихъ познаніяхъ, также и въ моихъ капиталахъ. Если ты желаешь работать со мною, ты будешь моимъ товарищемъ, подвергнешся удачамъ и неудачамъ дѣла; но я ничего не дамъ тебѣ впередъ... нужно будетъ годъ или два, чтобы превратить въ деньги результаты нашего предпріятія».

Когда капиталистъ дойдетъ до этого пункта въ условіи, работникъ, какъ увѣряетъ Жюль Муру, — прерветъ его и поспѣшитъ обратиться къ нему съ слѣдующими словами:

«Заключимъ контрактъ, я вамъ продаю мою долю въ произведеніи и продаю ее теперь же за извѣстную цѣну... Мы сдѣлаемъ сукно; въ концѣ года на мою долю придется столько-то сукна, оно продается за извѣстную цѣну, но до этого времени дайте мнѣ столько-то за аршинъ или въ день,—и потомъ весь результатъ будетъ принадлежать вамъ».

Такъ устанавливается—говоритъ Жюль Муру—задѣльная плата.

«Здѣсь, продолжаетъ онъ, ни прежде, ни послѣ заключенія контракта не имѣетъ мѣста уплата или вознагражденіе. Теперь, какъ до предложенія капиталиста.—если оно было принято—рабочій разсматривается, какъ постоянный его товарищъ, съ тою только разницею, что вмѣсто риска при производствѣ, онъ условливается гуртомъ (?) и свободно разсматриваетъ условія контракта» (стр. 16).

И такъ работникъ не наемникъ, а компаньонъ, товарищъ капиталиста. Но какой товарищъ, какой компаньонъ? Жюль Муру говоритъ, будто равноправный; Жюль Муру утверждаетъ, будто договоръ его съ хозяиномъ совершенно свободенъ и доброволенъ; будто самъ рабочій назначаетъ себѣ плату, будто онъ говоритъ фабриканту суконщику: сдѣлаемъ сукно, въ концѣ года на мою долю придется столько-то и столько-то; оно будетъ продано за такую-то цѣну; я уступаю вамъ свою долю, съ тѣмъ, чтобы вы мнѣ дали

впередъ столько-то за аршинъ или въ день». Гдѣ, когда и на какой фабрикѣ подслушалъ Жюль Муру подобныя договоры? Конечно, эту фабрику онъ видѣлъ не на яву, а во снѣ, и вѣроятно въ томъ самомъ сновидѣніи, въ которомъ услышалъ голосъ, призывающій его спасать общество. На яву же онъ слышалъ совсѣмъ другія вещи; по наивности, свойственной вообще визионерамъ, онъ самъ проговаривается объ этихъ вещахъ. На яву онъ слышалъ, что рабочій не самъ предлагаетъ условія своего компаньонства, — а что ему ихъ предписываютъ постороннія лица, и что отъ этихъ условій отказаться онъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ, какъ бы мало онъ ни былъ ими доволенъ. Если же онъ вздумаетъ отказаться и потребовать себѣ больше, чѣмъ сколько даетъ ему хозяинъ, то онъ умретъ голодною смертию. Если такую штуку вздумаютъ сыграть нѣсколько рабочихъ за разъ, то они только раззорятся и цѣли своей никогда не достигнутъ. Это весьма подробно и обстоятельно доказываетъ самъ же Жюль Муру во главѣ о стачкахъ. Слѣдовательно, согласіе ихъ на предложенія хозяина можетъ быть названо настолько же добровольнымъ, насколько, напримѣръ, добровольное согласіе ломовой лошади таскать тяжести въ сообществѣ съ извозчикомъ. Пожалуй и лошадь, съ точки зрѣнія Жюля Муру, можно разсматривать, какъ компаньона извозчика. Но неужели, въ такомъ компаньонствѣ есть для нея что нибудь утѣшительное или отрадное? Неужели Жюль Муру такого низкаго мнѣнія о сообразительности рабочихъ, для которыхъ написана его книга, что онъ рѣшается такъ нагло дурачить ихъ словами, что онъ осмѣливается съ такою невѣроятною дерзостью искажать факты и такъ цинически издѣваться надъ ихъ положеніемъ! Это уже даже и не подло, потому что онъ этимъ никого не поймаетъ на свою удочку;—это просто тупоумно, безпредѣльно тупоумно!

Увѣривъ (какъ онъ полагаетъ) рабочихъ, будто задѣльная плата «есть результатъ ассоціаціи, свободнаго условія между хозяиномъ и рабочимъ, въ виду одной общей цѣли производства», онъ уже съ развязностью, ничѣмъ нестѣсняющеюся, приступаетъ къ изложенію тѣхъ *безспорныхъ* истинъ, которыя должны, по его мнѣнію, примирить враждующіе элементы общества и водворить гармонію въ экономическихъ отношеніяхъ. Истины эти давнымъ давно жуются и пережевываются во всѣхъ экономическихъ учебникахъ, и рабочимъ они извѣстны гораздо лучше, чѣмъ самому автору. Рабочіе на опытъ извѣдали всѣ благотворныя вліянія конкуренціи, рабочіе очень хорошо понимаютъ, какими факторами опредѣляется

размѣръ ихъ заработковъ, и какое отношеніе къ этимъ заработкамъ имѣеть хозяйская прибыль; рабочіе весьма ясно сознають къ какимъ послѣдствіямъ ведетъ распутство, пьянство, и невоздержность, и какъ невыгодно имѣть большую семью. Все это рабочіе знаютъ и понимаютъ, хотя, можетъ быть, они и не читали ни Гарнье, ни Росси, ни даже Бастіа; ихъ научила всему этому ихъ собственная практика, ихъ собственный опытъ, опытъ ихъ отцевъ и дѣдовъ. И несмотря на это знаніе — они все-таки не могутъ примириться съ своимъ положеніемъ, они все-таки недовольны! Подите же, какіе странные! Мало того; чѣмъ болѣе они знаютъ, — тѣмъ болѣе возрастаетъ ихъ недовольство. Чего же вы суетесь съ своими разъясненіями? Кому они нужны? Кто ихъ будетъ читать, кого онѣ могутъ ввести въ заблужденіе! На всемъ земномъ шарѣ, во всемъ читающемъ людѣ, онѣ могутъ пригодиться только *одному* человѣку; только *одина* человѣкъ можетъ вообразить, что въ нихъ есть что нибудь, кромѣ глупости и шарлатанства, только *одинъ* человѣкъ можетъ быть введенъ ими въ мистификацію. Этотъ одинъ человѣкъ есть нашъ согражданинъ, жительствующій въ Москвѣ, Ф. П. Соллогубъ, издавшій и переведшій книжонку Муро на русскій языкъ. Ставить здѣсь вопросъ о томъ: съ какою цѣлью предпринять переводъ этого изданія — бесполезно даже и во Франціи, не только что у насъ, — мы считаемъ здѣсь совершенно излишнимъ. Изъ предисловія издателя-переводчика видно, что онъ дѣйствовалъ безъ всякаго «разумѣнія» и потому вмѣненію подлежать не можетъ. Г. Соллогубъ, очевидно, не только не понималъ, но даже и не зналъ, что онъ переводитъ. Иначе онъ не могъ бы сказать, что «всегда и вездѣ рабочимъ преимущественно вредить недостатокъ солидарности и общности интересовъ и т. д.» Вѣдь у того же Жюля Муро представлены самыя очевидныя и несомнѣныя факты, доказывающіе совершенно противное. Неужели г. Соллогубъ, перевода VII, VIII, IX главы, гдѣ говорится о современныхъ успѣхахъ кооперативнаго движенія среди рабочихъ, не понималъ, что онъ переводитъ? Можно ли отъ человѣка, зарекомендовавшаго себя такимъ безпримѣрнымъ непониманіемъ, требовать серьезнаго отчета и объясненія въ томъ, что онъ дѣлаетъ? Намъ кажется, что это будетъ, по меньшей мѣрѣ, бесполезно.

Отъ экономическихъ цвѣтовъ, связанныхъ въ такой восхитительный букетъ Жюлемъ Муро, — перейдемъ теперь къ букету «педагогическихъ цвѣтовъ», собранныхъ нѣмецкимъ педагогомъ Карломъ Пильцемъ, и переведенныхъ на російскій языкъ нѣкимъ С. Протопоповымъ. Мы не знаемъ, которому изъ этихъ двухъ букетовъ отдать предпочтеніе: оба одинаково благоухаютъ, оба одинаково роскошны, оба одинаково изящны. Пильць только тѣмъ отличается отъ г. Муро, что онъ искреннѣе его и чпстосердечнѣе, и что онъ старается излагать свои мысли не въ формѣ обыкновенной логической рѣчи, а въ формѣ торжественныхъ воззваній, обращеній, восклицаній и т. п.; особенно любитъ онъ образный способъ выраженій; для примѣра, послушайте хоть слѣдующую тираду по поводу материнскаго сердца:

«Сердце матери, восклицаетъ Пильць, — исправительный домъ для дѣтскаго чувства; сотни телеграфовъ идутъ отсюда къ душѣ дитяти, и потому неоспоримо, что большая часть людей носятъ на себѣ болѣе или менѣе слѣды своихъ матерей (?). При каждомъ веселомъ смѣхѣ матери звучатъ гармоническіе колокольчики радости (?) и въ душѣ дитяти, съ каждымъ привѣтливымъ словомъ матери, вырастаетъ новая вѣтка силы и способности говорить и думать (?) и т. д.»

Но, за исключеніемъ искренность и способа выраженій, г. Пильць во всемъ похожъ на г. Муро, особенно похожъ онъ на него своею наивною. Дѣтская наивность, составляющая основную черту въ характерѣ обоихъ писателей, доходитъ у нихъ до высокаго комизма. Оба они воображаютъ, будто открываютъ свѣту очень новыя и оригинальныя мысли, долженствующія произвести поразительные результаты въ практической жизни, а между тѣмъ оба они, сами того не замѣчая, пережевываютъ много разъ уже пережеванную жвачку и толкутъ воду въ ступѣ. Весь глубокой смыслъ педагогическихъ поученій и совѣтовъ Пильца исчерпывается двадцатью пятью библейскими изрѣченіями Вѣтхаго и Новаго Завѣта о «воспитаніи и обученіи дѣтей». Изрѣченія эти — давнымъ давно извѣстны всѣмъ матерямъ и наставникамъ, и давнымъ давно даже прилагаются къ педагогической практикѣ. О чемъ же вы хлопочете, г. Пильць? Кто не знаетъ, что «глухость насаждается въ сердцѣ ребенка, а удары розги изгоняють ее оттуда?» Или, что «кто любитъ свое дитя, тотъ часто наказываетъ его?» Кто сомнѣвается въ истинности изрѣченій Соломона: «наказывай твоего сына и онъ утѣшитъ тебя и успокоитъ тебя»; «или: къ чему приучать ребенка, отъ того онъ и

не отстанеть?» Кто, наконецъ, не знаетъ, что истинное воспитаніе дитяти должно состоять «въ наставленіи и воспитаніи его въ вѣрѣ, любви и освященіи? Всѣ эти совѣты, и множество другихъ имъ подобныхъ, такъ ясны, очевидны и убѣдительно, что рѣшительно не нуждаются ни въ какихъ коментаріяхъ и дополненіяхъ. Къ чему же нѣмецкій педагогъ точить понапрасну свой языкъ, тратить свое драгоцѣнное время и расходуетъ на бумагу и чернила?

Впрочемъ, мы будемъ несправедливы къ г. Пильцу, если скажемъ, что его педагогическія умствованія только коментируютъ и дополняютъ библейскія изрѣченія; нѣтъ, мы не хотимъ утаить отъ читателя, что иногда онъ беретъ на себя мыслить самостоятельно; но попытки эти никакъ ему не удаются, и онъ постоянно сбивается на старую волю. Какъ на фактъ оригинальнаго мышленія можно указать на его педагогическій совѣтъ примѣнить къ воспитанію извѣстное правило «подобное подобнымъ», или «клинь слѣдуетъ выбивать клиномъ же». Чтобы исправить дѣтей отъ дурныхъ наклонностей, онъ предлагаетъ родителямъ и воспитателямъ дозволять дѣтямъ удовлетворять эти наклонности до пресыщенія (стр. 120, 121); совѣтъ очень глубокъ мысленъ, еслибъ только онъ былъ практически осуществимъ и если бы пресыщеніе всегда убивало дурныя наклонности. Но въ томъ-то и бѣда, что постоянно удовлетворяя обжорству или какому нибудь капризу ребенка, вы никогда не сбѣгаете его воздержнымъ и добронравнымъ; — пресыщеніе даже и взрослыхъ людей не исправляетъ, а вы рекомендуете его, какъ педагогическое средство для исправленія дѣтей!

Чтобы дать читателю если не полное, то, по крайней мѣрѣ, приблизительное понятіе, о педагогическомъ букетѣ г. Пильца, приведемъ хотя взглядъ его на воспитаніе женщины вообще, и на преподаваніе ей исторіи, въ частности.

«Чего требуетъ отъ женщины жизнь? — вопрошаетъ себя нѣмецкій педагогъ, — головы ли, наполненной лѣтосчисленіемъ, именами и проч., проницательности ли въ дѣлахъ политическихъ народа? Изображенія ли героевъ войны и битвъ, болтанья ли о событіяхъ, составляющихъ загадку и для самого историка испытателя? Всего этого можетъ требовать отъ женщины только безразсудство, но никогда не жизнь. При этомъ приходится мнѣ на память слова Фенелона: дѣвочекъ непремѣнно нужно отъучать отъ желанія блистать умомъ. Если ихъ не предохранять отъ этого, то онѣ, при малѣйшей въ нихъ живости, вмѣшиваются во все, говорятъ о дѣлахъ, которыхъ совсѣмъ не понимаютъ, и дѣлаютъ это какъ бы отъ скуки (?) отъ избытка нѣжныхъ чувствъ (?). Дѣвица должна говорить только о томъ, о чемъ ее дѣйствительно спросать, и притомъ, съ нѣкоторою недоувѣрчивостью къ

самой себѣ. Она никогда не должна говорить о вещахъ, которыя выходятъ изъ обыкновеннаго кругозора женщинъ, *хотя бы и хорошо знала эти вещи* (?) Для дома и жизни нужна женщина, которая бы господствовала въ нихъ скромнымъ и честнымъ умомъ, которая бы все устраиwала и распредѣляла, которая бы дѣлала домъ храмомъ красоты и счастья; мужу нужна супруга, которая бы не наскучала ему своимъ ученымъ легкомысліемъ, которая бы изъ-за книгъ, не забывала ни объ немъ, ни объ семействѣ, которая бы веселостью и беззаботностію своего нрава ободряла бы мужа, когда сильно налягутъ на него заботы его призванія и т. д. (стр. 192.)

По этому телячьему воззрѣнію на призваніе и назначеніе женщинъ, можно заранѣе уже догадаться, въ какой формѣ должна, по совѣту Пильца, преподаваться исторія въ женской школѣ. Исторія должна представить женщинъ образцы тѣхъ мудрыхъ и благочестивыхъ женъ, которыя «умѣютъ превратить свой домъ въ храмъ красоты и счастья», которыя «не наскучаютъ мужу ученымъ легкомысліемъ, и не забываютъ изъ-за книгъ о немъ и о семействѣ», которыя и т. д. по вышешприведенному рецепту. Ни о чемъ и ни о комъ другомъ не должны знать благонравныя дѣвицы, такъ какъ все прочее выходитъ изъ предѣловъ женскаго кругозора.

«Изъ смѣси исторіи войнъ, странныхъ похожденій героевъ, изъ лабиринта достопримѣчательностей, именъ, чиселъ и проч., говоритъ Пильцъ — юность (т. е. юность женскаго пола) не извлекаетъ ни одной капли, которая бы освѣжала ея бодрость, укрѣпляла ея сердце. Но совѣтъ иное бываетъ, если ему приходитъ на мысль женщина, напр. мудрая, благочестивая Матильда, супруга Генриха I, которая, будучи исполнена любви къ своимъ, всѣ обиды превозмогала благородствомъ духа и терпѣніемъ, а своимъ обхожденіемъ производила истинное очарованіе; или какова благочестивая Моника, которая не смогла на свои огорченія неустанно работала надъ исправленіемъ своего сына, укрѣпляясь молитвою и упованіемъ на Бога» (стр. 195).

Такимъ образомъ всеобщая исторія, преподаваемая въ женскихъ школахъ, должна обратиться въ исторію благочестивыхъ и мудрыхъ Матильдъ, Моникъ и т. п., тогда только освѣжитъ она и ободритъ сердца юныхъ слушательницъ, тогда только она подготовитъ ихъ къ жизни, разовьетъ ихъ умъ, и преподастъ имъ много поучительныхъ уроковъ и дастъ много достойныхъ образцовъ для подражанія. Чего же лучше!

Каковы цвѣтокъ! Судите по немъ читатель о всемъ букетѣ: разсматривать каждый изъ нихъ по одиначѣ ни у васъ, ни у насъ, разумѣется, не хватитъ самоотверженія, ужъ такъ хорошо они благоухаютъ! Бѣдные родители, бѣдные дѣти, — долго ли еще будутъ пичкать ваши старыя и юныя головы всевоз-

можнымъ вздоромъ, подъ видомъ здоровыхъ правилъ педагогич., И долго-ли это всякая нелѣпность будетъ выдаваться за педагогичку.?

Восьми-томное сочиненіе чешскаго историка Томки «Исторія чешскаго королевства» живо напоминаетъ собою хорошо знакомый всѣмъ учащимся краткій учебникъ русской исторіи г. Устрялова. Вся разница только въ томъ, что объемъ исторіи чешскаго королевства нѣсколько обширнѣе руководства къ русской исторіи, и что политическія воззрѣнія Томки имѣютъ нѣсколько болѣе либеральный оттѣнокъ, чѣмъ взгляды нашего почтеннаго историографа. Въ остальномъ нѣтъ никакой разницы. Уже самое заглавіе показываетъ, что авторъ имѣлъ въ виду исключительно внѣшнюю государственную жизнь народа; но жизнь внутренняя, экономическая и интеллектуальная не входила въ его программу. И дѣйствительно онъ касается этихъ сторонъ народнаго быта только мелькомъ, крайне поверхностно и неудовлетворительно. За то онъ не пропускаетъ ни одного князя и ни одного короля, управлявшаго Чехією, какъ бы ничтожно, пусто и безцвѣтно небыло его царствованіе. Вся исторія чешскаго народа раздѣлена на части, отличаемыя тѣмъ или другимъ государственнымъ событіемъ. При такой группировкѣ матеріала читатель не удивится, если мы скажемъ, что Гуссу, изъ 898 стр., на которыхъ изложена вся исторія, посвящено не болѣе двадцати страничекъ. Вообще все гусситское движеніе и великое социальное-религіозное броженіе, наполнявшее собою исторію Чехіи въ XV в., изложены крайне поверхностно и притомъ касаются по преимуществу только внѣшней стороны. Отношенія сословій и историческое развитіе этихъ отношеній почти нисколько не выяснено. Лучшія и наиболѣе возбуждающія сочувствіе стороны народной жизни оставлены историкомъ въ тѣни, а на первый планъ выдвинуты такіе факты, которые въ глазахъ всякаго безпристрастнаго и здравогомыслящаго человѣка не имѣютъ никакого особенно-важнаго значенія; вслѣдствіе этого трудъ Томки даетъ весьма неясное понятіе о роли, принадлежащей чехамъ въ общемъ историческомъ развитіи западно-европейскаго человѣчества, о характерѣ и значеніи ихъ культурной дѣятельности. Хотя авторъ вездѣ старается остаться строго-вѣрнымъ своей узко-національной точкѣ зрѣнія, однако его національныя симпатіи, какъ и его политическія убѣжденія, отлѣ-

чаются умѣренностью и благонамѣренностью. Патентъ 20 октября 1860 г., даровавшій землямъ австрійской имперіи нѣкоторую самостоятельность и нѣкоторое самоуправленіе, считается имъ чуть не идеаломъ государственнаго устройства австрійской имперіи, новою «эрою самостоятельнаго развитія земли и народа чешскаго, въ неразрывности съ другими землями имперіи». Послѣднія событія служатъ настолько сильнымъ опроверженіемъ оптимистическихъ иллюзій чешскаго историка, что мы не считаемъ даже нужнымъ распространяться о несостоятельности его историческихъ предсказаній. Замѣтимъ здѣсь только, что вообще отношенія Чехіи къ Австріи обрисованы у Томки весьма неудовлетворительно, и тоже только съ виѣшней стороны. Говоря объ этихъ отношеніяхъ, онъ почти нигдѣ не дѣлаетъ различія между сословіями, а говоритъ о всемъ народѣ огуломъ. Между тѣмъ очевидно, что чешскіе крестьяне иначе должны были смотрѣть на австрійское правительство, облегчавшее ихъ барщинную зависимость, чѣмъ чешскіе помѣщики, отъ которыхъ это правительство безжалостно отнимало ихъ самыя существенныя права. Эта рознь во взглядахъ и двусмысленная, предательская политика вѣнскаго кабинета особенно рельефно высказались, въ извѣстномъ эпизодѣ по поводу такъ называемаго рабочаго патента (въ 1775 г.), уменьшившаго почти на половину крестьянскую барщину. Но этотъ, въ высшей степени характеристичный эпизодъ рассказанъ у Томки такъ поверхностно (стр. 761 и 762), что едва ли остановить на себѣ вниманіе даже и очень прилежнаго читателя. Вообще Томка, какъ мы уже сказали, старается тщательно избѣгать анализа общественныхъ отношеній своего народа, и потому его исторія является простымъ перечнемъ болѣе или менѣе достопримѣчательныхъ государственныхъ событій, правительственныхъ дѣятелей, битвъ, договоровъ и т. п., перечнемъ изложеннымъ—что подразумѣвается само собою—крайне скучно и утомительно. Называть подобные перечни исторіею значить уже слишкомъ злоупотреблять этимъ названіемъ, слишкомъ унижать достоинство историческаго труда, и слишкомъ свисходительно относиться къ обязанностямъ историка.

Переводъ не особенно удовлетворителенъ; слогъ вполне гармонируетъ съ содержаніемъ: онъ тяжелъ и сильно напоминаетъ слогъ учебниковъ Устрялова и Смарагдова. Только за эту гармонию мы и можемъ поблагодарить переводчика.

П. Т.

**Очерки нынѣшней общественной жизни въ Россіи. Вы-
пускъ I. Письма изъ среднихъ великороссійскихъ губерній
за 1867 годъ. Кн. В. П. Мещерскаго. Спб. 1868 г.**

Если что либо въ настоящее время заслуживаетъ самого серьезнаго вниманія со стороны добросовѣстныхъ русскихъ писателей, то это, конечно, наша современная общественная жизнь и окружающія ее условія. Сочиненія, относящіяся къ внутреннему быту нынѣшней Руси, составляютъ величайшую рѣдкость въ нашей литературѣ — и въ этомъ слѣдуетъ искать причину многихъ явленій, такъ невыгодно дѣйствующихъ на развитіе русскаго народнаго благосостоянія. Сознаемъ, что «нынѣшняя общественная жизнь въ Россіи» — предметъ очень щекотливый; но нужно сознаться и въ томъ, что пора бы уже явиться людямъ, которыя положили бы хоть начало добросовѣстнымъ изслѣдованіямъ вопросовъ, вытекающихъ изъ условій современной русской жизни, которые внесли бы хоть немного свѣта въ ту общественную тьму, которую создали разные ловкіе люди въ видахъ своихъ собственныхъ выгодъ. До сихъ поръ наши свѣденія о внутренней жизни Россіи почерпаются изъ случайныхъ газетныхъ корреспонденцій, которыя страдаютъ или одно-сторонностью, или узкостью взгляда, или благонамѣренною тенденціозностью, или крайнею мелочностью. Ничего иного и нельзя ждать отъ большей части нашихъ корреспондентовъ, которые, обыкновенно состоя на службѣ, берутся за перо только подъ влияніемъ какихъ нибудь личныхъ побужденій, желая или *угодить* своему начальству и обществу воскуреніемъ имъ фиміама, или же *отомстить* тому и другому обличеніемъ ихъ недостатковъ. Очевидно, что корреспонденція, написанная подъ влияніемъ чувства признательности или мести, не можетъ дать никакого понятія объ истинномъ характерѣ того дѣла, которому она посвящена. Что почти всѣ наши корреспонденціи именно таковы, доказывается лучше всего тѣмъ обстоятельствомъ, что почти ни у одной изъ нашихъ газетъ нѣтъ постояннаго корреспондента изъ какого нибудь города; случится гдѣ нибудь пожаръ—сейчасъ о немъ и сообщаютъ въ газеты; откроютъ памятникъ или театръ, дадутъ обѣдъ отъѣз-

жающему или прїѣзжающему начальству—и летять многочисленныя корреспонденціи въ столичныя газеты. Кромѣ того, многіе изъ корреспондентовъ и желали бы сообщить что либо дѣйствительно интересное, но будучи связаны съ мѣстнымъ обществомъ многочисленными нитями и находясь въ полной отъ него зависимости, они не рѣшаются подвергнуться разнымъ непрїятностямъ въ виду лишенія мѣста, выговора, сплетень, доносовъ и т. п. Наконецъ, наши столичныя газеты печатають не всѣ присылаемыя имъ корреспонденціи, и многія изъ нихъ по необходимости оставляють въ своихъ портфеляхъ. Всѣ эти обстоятельства производять то, что мы не имѣемъ ни малѣйшаго понятія о дѣйствительномъ характерѣ общественной жизни въ той или другой мѣстности Россіи, а многіе, кромѣ того, сомнѣваются даже въ самомъ существованіи общественной жизни на Руси. Отъ этого полнѣйшаго невѣденія самихъ себя происходятъ величайшія неудобства: каждый публицистъ получаетъ возможность безнаказанно сочинять или извращать факты, придавать имъ такой смыслъ, какого они вовсе не имѣють и дѣлать совершенно произвольные выводы, которые многими принимаются за истинные. И подобное лганье идетъ такъ далеко, что на немъ строятся цѣлыя направленія, создаются цѣлыя газеты! Невѣденіе создаетъ ложь, ложь родить злоупотребленія, закрывая глаза народу, и кажется, какъ будто само общество начинаетъ признавать дѣйствительно существующимъ то, что выдуманно лживыми людьми и чего на дѣлѣ вовсе не существуетъ.

У насъ *нѣтъ людей*—вотъ наше величайшее несчастье. Во всякой другой странѣ такія событія, какъ крестьянская реформа и земскія учрежденія вызвали бы цѣлую массу книгъ и брошюръ, посвященныхъ разсмотрѣнію тѣхъ перемѣнъ, какія произведены въ обществѣ упомянутыми реформами. У насъ же — прошло семь лѣтъ, какъ освобождены крестьяне, а между тѣмъ мы не имѣли до сихъ поръ ни одного сочиненія, которое было бы специально посвящено разработкѣ вопроса о достоинствахъ и недостаткахъ этихъ реформъ, въ примѣненіи ихъ къ жизни. Семь лѣтъ—много времени, и можетъ быть, еслибъ въ теченіи этихъ семи лѣтъ явилось хоть семь порядочныхъ сочиненій объ общественной жизни Россіи, наше земство было бы не тѣмъ, чѣмъ мы его теперь видимъ, а крестьянское дѣло подвинулось бы вдвое значительнѣе. Мы пробавлялись одними корреспонденціями, которыя сегодня читались, а на завтра забывались, которыя, по своей неполнотѣ и легкости содержанія, не оставляли по себѣ никакого слѣда, кото-

рия, даже при полной добросовѣстности ихъ авторовъ, не могли бы всё вмѣстѣ замѣнить одной порядочно-составленной книжки. Нѣкоторые убѣждены, что никто такъ хорошо не можетъ очертить нужды извѣстнаго общества, какъ человѣкъ, постоянно среди него живущій. Это величайшая ошибка. Мѣстный обыватель, сидящій всю жизнь въ своемъ углу, всегда склоненъ придавать извѣстнымъ фактамъ такое значеніе, какого они не имѣютъ, или упускать изъ виду такіе, которые на самомъ дѣлѣ очень важны. Только человѣкъ посторонній и заручившійся напередъ общими взглядами, путешествуя изъ города въ городъ, изъ деревни въ деревню, можетъ нарисовать вполне вѣрную картину того общества, среди котораго онъ будетъ находиться, можетъ вѣрно воспроизвести сущность тѣхъ потребностей, которыя сознаются мѣстнымъ населеніемъ неясно и поверхностно.

Послѣ всего сказаннаго читателю будетъ вполне понятно, съ какимъ интересомъ остановились мы на книгѣ г. Мещерскаго «Очерки нынѣшней общественной жизни въ Россіи». Это именно то, чего мы такъ долго ждали; это, подумали мы, книга, которая восполнить, наконецъ, важный недостатокъ въ нашей литературѣ, и разомъ освѣтитъ многіе изъ современныхъ общественныхъ вопросовъ: правда, г. Мещерскій, прежде чѣмъ выпуститъ свою книгу въ свѣтъ, печаталъ заключающіяся въ ней письма на страницахъ «Русскаго Инвалида» въ видѣ отдѣльныхъ корреспонденцій; но очевидно, онъ смотрѣлъ на нихъ не какъ на обыкновенныя корреспонденціи, доказательствомъ чему служить прежде всего изданіе ихъ отдѣльной книгой. Кромѣ того, самое положеніе г. Мещерскаго ставило его въ несравненно выгоднѣйшія условія сравнительно съ газетными корреспондентами. Провинціальнымъ корреспондентамъ, какъ мы уже замѣтили, трудно критически отнестись къ той жизни, среди которой постоянно живутъ они сами, и подмѣтить въ массѣ частныхъ общій ихъ смыслъ и значеніе. Этой трудности не существуетъ для г. Мещерскаго: онъ петербуржець, ничѣмъ несвязанный съ жизнію тѣхъ городовъ и деревень, которые онъ проѣзжалъ; ему легко подмѣтить характерныя черты каждой мѣстности и уловить наиболѣе рѣзкіе признаки ея общественной жизни; для него не существуетъ опасности запутаться въ мелочахъ и упустить изъ виду главную цѣль. Вотъ внѣшнія обстоятельства, которыя еще больше придаютъ цѣны сочиненію г. Мещерскаго. Посмотримъ же, на сколько успѣшно выполнилъ г. Мещерскій взятую на себя задачу и насколько интересна изданная имъ книга.

Существуетъ два способа знакомиться съ жизнью известной мѣстности и знакомить съ нею читателей. Эти способы обусловлены физической невозможностью для одного и того же туриста изучить въ короткое время до мельчайшихъ подробностей *всю* явленія общественной жизни во всѣхъ ихъ частныхъ случаяхъ. Тутъ поневолѣ запутаешься въ массѣ разнообразныхъ фактовъ и лишишься возможности сдѣлать какіе нибудь общіе выводы, безъ которыхъ, конечно, никакая книга не имѣла бы смысла. Для избѣжанія этого есть, какъ мы сказали, два средства. Туристъ, отправляясь въ путешествіе съ специальною цѣлью наблюдать и списывать, долженъ или специализировать свою задачу, ограничивая ее изслѣдованіемъ одного какого нибудь вопроса—крестьянскаго, земскаго, судебного и т. д., при чемъ эти вопросы должны быть вполне исчерпаны относительно описываемыхъ мѣстностей, или же, если говорить обо всемъ, то лишь настолько, насколько это уясняетъ общій характеръ известной мѣстности. Безъ этихъ двухъ условій, путевныя замѣтки приобретутъ фельетонный характеръ и снизойдутъ на степень простыхъ корреспонденцій, которыми мы и безъ того такъ богаты. И такъ, что нибудь одно: или мѣткія характеристики, подкрѣпленныя приличными фактами, или же серьезная разработка отдѣльныхъ общественныхъ вопросовъ; въ томъ и другомъ мы одинаково сильно нуждаемся, то и другое должно обращать на себя полнѣйшее наше вниманіе.

Г. Мещерскій, отправляясь въ дорогу, почувствовалъ необходимость уяснить себѣ, *что* онъ долженъ писать и *какъ* писать, т. е. задался самыми важными для наблюдателя вопросами. Прежде всего онъ рѣшился избѣгать «тѣхъ приемовъ журнальной корреспонденціи, которая не дорожитъ простою, обиходною правдою въ жизни данной мѣстности»; въ тоже время онъ не захотѣлъ подражать и тѣмъ путешественникамъ, которые, «окидывая взглядомъ известный уголъ съ его явленіями общественной жизни, присваиваютъ себѣ право неумолимаго судьи, грознаго обличителя и нерѣдко всевидящаго и мудраго строителя судебъ цѣлой страны». Отвергнувъ эти два приема, какъ для него неподходящіе, г. Мещерскій такъ опредѣляетъ свою задачу:

«Наша цѣль—говоритъ онъ—стремиться къ одной правдѣ, къ правдѣ не въ мудрствованіяхъ и выводахъ, но къ той правдѣ, которая побуждаетъ къ каждому вопросу, къ каждому явленію относиться безпристрастнымъ наблюдателемъ и добросовѣстнымъ повѣствователемъ. Общая картина мѣстной жизни въ ея прошедшемъ и въ ея настоящемъ, данныя и событія, такъ какъ они были и такъ какъ они есть—вотъ программа нашихъ писемъ».

Но опредѣляя свою цѣль стремленіемъ къ правдѣ, г. Мещерскій упустилъ изъ виду одно важное обстоятельство, именно тотъ способъ, какимъ можно въ этомъ случаѣ достигнуть правды. Вѣдь если бы, желая сказать правду о какомъ нибудь отдѣльномъ лицѣ, описывать каждый его поступокъ, слѣдить за каждымъ его движеніемъ, то изъ этого ничего бы ни вышло; это лицо, какъ характеръ, нисколько бы не нарисовалось передъ нами и мы не получили бы объ немъ ни малѣйшаго понятія. Все искусство заключается въ томъ, чтобы уловить особенности этого лица, а не слѣдить за нимъ шагъ за шагомъ—уже по тому одному, что это физически невозможно. Между тѣмъ г. Мещерскій поступалъ именно такъ, то есть описывалъ все, что попадалось ему на глаза — и школу, и мировой судъ, и земство, и банки, и промыслы, и благотворительныя заведенія, рассуждалъ и о пьянствѣ, и о бѣдности, и о дѣятельности отдѣльныхъ лицъ и т. д. Словомъ, онъ брался за все встрѣчное, безъ всякой руководящей мысли, подчиняясь каждому отдѣльному впечатлѣнію. Оттого въ его книгѣ есть, повидимому, все, и въ тоже время нѣтъ ничего существеннаго, — нѣтъ ни характеристикъ, ни общихъ картинъ, ни выводовъ. Этотъ недостатокъ замѣтилъ въ концѣ своего путешествія и самъ г. Мещерскій.

«Многое, говоритъ онъ въ послѣднѣмъ своемъ письмѣ, намъ удалось подмѣтить, но не все привелось высказать въ нашихъ письмахъ; *общая картина главныхъ сторонъ современнаго общественнаго быта не могла быть нами представлена въ отдѣльныхъ очеркахъ*».

А потому г. Мещерскій счелъ необходимымъ восполнить этотъ недостатокъ нѣсколькими особыми письмами, посвященными тѣмъ выводамъ, которыхъ не оказалось въ самой книгѣ. Но сравнивая эти выводы съ фактами, которые приводились въ книгѣ, мы не видимъ между тѣмъ и другимъ ничего общаго: книга остается сама по себѣ, а заключительные выводы сами по себѣ. Оказывается, что они приставлены къ книгѣ чисто механически, и это будетъ совершенно понятно, если вспомнить, что г. Мещерскій сталъ заботиться о выводахъ не въ началѣ, а въ концѣ путешествія.

Вслѣдствіе отсутствія у г. Мещерскаго руководящей мысли, которая указывала бы ему, чего искать, что рисовать и надъ чѣмъ задумываться, книга его наполнена постоянными недомолвками и страдаетъ иногда явными противорѣчіями. Замѣтивъ рядъ одина-

ковыхъ фактовъ, г. Мещерскій точно боится высказать о нихъ свое мнѣніе и ограничивается общими мѣстами, ничего невысказывающими. Возьмемъ, напримѣръ, крестьянскую среду, которая заняла въ книгѣ г. Мещерскаго довольно много страницъ. Эта среда наиболѣе нуждается въ добросовѣстномъ изслѣдованіи, потому что о ней въ обществѣ распространены самыя смутныя понятія: одни, напримѣръ, утверждаютъ, что крестьяне бѣдствуютъ оттого, что все пропиваютъ, другіе — что крестьяне, напротивъ, вовсе не бѣдствуютъ, а благоденствуютъ, третьи — что крестьянамъ дѣйствительно ѣсть нечего и виноваты въ этомъ вовсе не они, а плохой надѣлъ и т. д. Г. Мещерскому, побывавшему во многихъ деревняхъ слѣдовало, конечно, внимательно всмотрѣться въ состояніе крестьянскихъ хозяйствъ, отдѣлить изъ нихъ все, что носитъ на себѣ характеръ случайности, и затѣмъ собрать въ одно общія имъ всѣмъ черты; отсюда уже легко сдѣлать и соотвѣтственные выводы. Послушаемъ же, что говоритъ о крестьянскомъ мирѣ г. Мещерскій. Сперва онъ какъ будто становится на вѣрную точку зрѣнія и совершенно правильно рисуетъ смутность современныхъ понятій о крестьянахъ.

«Какъ часто, замѣчаетъ онъ, изъ двухъ пишущихъ о крестьянскомъ бытѣ одной и той же мѣстности, одинъ, на основаніи своихъ наблюденій, доказываетъ самымъ нагляднымъ образомъ благополучіе этого быта во всѣхъ отношеніяхъ; другой, подводя итогъ своимъ впечатлѣніямъ, приходитъ къ заключенію, что крестьянскій миръ этой благополучной мѣстности есть нечто иное, какъ смѣсь самая безобразная разврата и невѣжества, гдѣ все, что живетъ, обречено на разложеніе и гибель. Нигдѣ, какъ въ крестьянскомъ вопросѣ, нѣтъ столько пищи и простора разгулу политическихъ мыслителей и мечтателей, съ ихъ теоріями сословности и безсословности».

Что слѣдуетъ, изъ приведенной выписки? Повидимому то, что г. Мещерскій вполнѣ понимаетъ недостаточность нашихъ свѣденій о крестьянахъ и признаетъ необходимость — познакомиться съ ними ближе, чтобъ установить общіе, болѣе или менѣе одинаковые взгляды на крестьянскій миръ. Ничуть не бывало: г. Мещерскій находитъ, что во всѣхъ этихъ взглядахъ есть своя доля правды, а больше, по его мнѣнію, намъ пока и не нужно ничего.

«Можно, говоритъ онъ, на официальномъ нарѣчій писать слѣдующее: крестьянское развитіе быстрыми шагами идетъ впередъ: или крестьянское благосостояніе съ каждымъ годомъ упрочивается, благодаря тѣмъ или другимъ учрежденіямъ, и затѣмъ, въ подтвержденіе этой общей мысли, приводить отдѣльные факты; *съ этомъ изложениіи будетъ стройность и вѣрность*. Можно,

подмѣчая извѣстныя мрачныя стороны крестьянскаго быта въ данной мѣстности, незамѣтно прійдти къ обобщенію этихъ наблюденій, а затѣмъ еще болѣе незамѣтно поддаться искушенію писать цѣлый трактатъ о беззавѣстности народа; и въ этомъ изложеніи *будетъ* сочетаніе главной мысли съ отдѣльными фактами, и слѣдовательно, *известная доля вѣроятія*. Можно, напримѣръ, позабывъ о томъ, какъ мало образованное сословіе въ Россіи сдѣлало для образованія народа въ тѣ времена, когда оно исключительно имѣло на то право и полную возможность, приписывать ему свои личныя добрыя намѣренія и затѣмъ, въ осуществленіи этихъ намѣреній высшимъ сословіемъ видѣть единственный путь къ возрожденію народа и къ спасенію Россіи: стоитъ только подкрѣпить эту мысль отдѣльными примѣрами благотѣльнаго вліянія помѣщиковъ на крестьянъ, и *теорія покажется практически вѣроятною*. Наконецъ, можно на оборотъ, ссылаясь на все то, что этимъ высшимъ сословіемъ не было сдѣлано, заимствуясь важностью политической роли крестьянъ въ будущемъ, видѣть въ настоящее время признаки этого политическаго значенія и самостоятельности въ томъ или другомъ проявленіи крестьянскаго ума и крестьянской воли, и затѣмъ на этихъ отдѣльныхъ проявленіяхъ строить цѣлое зданіе Россіи безсословной. *Но насколько въ каждой такой теоріи есть безусловной истины, практической правды, объ этомъ можетъ только засвидѣтельствовать будущее.*

Вся приведенная тирада и ея заключительныя слова лучше всего характеризуютъ г. Мещерскаго и его книгу. Самое легкое дѣло—предоставлять рѣшеніе разныхъ вопросовъ будущему. Но тогда, спрашивается, зачѣмъ же было г. Мещерскому ѣздить по Россіи, наблюдать, записывать и потомъ два раза печатать свои наблюденія? Кому какая отъ этого польза? Вѣдь будущее само, безъ нашихъ розысканій, уважаетъ, гдѣ правда, гдѣ неправда; изъ-за чего же беспокоиться, тратить время и деньги. Эта публицистическая скромность и стыдливость г. Мещерскаго является чрезвычайно курьезною и невольно вызываетъ улыбку. Г. Мещерскому, очевидно, хотѣлось, подобно одной добродѣтельной дамѣ, и невинность соблудности, и капиталъ приобрести, то есть и писать о Россіи, и не прослыть какъ нибудь неумѣреннымъ челоуѣкомъ; вотъ онъ и прибѣгъ къ помощи того пріема, о которомъ мы сейчасъ говорили, признавая долю вѣроятія за всѣми господствующими взглядами, а окончательный судъ надъ ними предоставляя будущему.

Справедливость этого нашего предположенія доказывается слѣдующимъ любопытнымъ и характернымъ фактомъ: говоря въ первомъ своемъ письмѣ о состояніи крестьянскаго хозяйства нѣкоторыхъ уѣздовъ тверской губерніи, г. Мещерскій замѣчаетъ, что онъ видѣлъ мѣстности, гдѣ *крестьяне, для платежа недоимокъ, вынуждены продавать хлѣбъ, лежащій подъ снѣгомъ въ землѣ, въ видѣ озимаго посѣва*; но спустя шесть писемъ, онъ уже говоритъ о ка-

вихъ-то толкахъ по поводу приведенной фразы, *касающихся его лично* и заставившихъ его сдѣлать множество оговорокъ изъ опасенія, «чтобы его не заподозрили въ намѣреніи писать трактатъ о крестьянахъ вообще или о крестьянскомъ мірѣ цѣлой губерніи». Очевидно, что при такихъ условіяхъ нѣтъ возможности сколько нибудь добросовѣстно выполнить ту задачу, которую взялъ на себя г. Мещерскій: невозможно описывать общественную жизнь Россіи, постоянно оглядываясь по сторонамъ и ежеминутно боясь, чтобы тебя въ чемъ нибудь не заподозрили. А между тѣмъ г. Мещерскій поступаетъ именно такъ; нарисовавъ, на примѣръ, непривлекательную картину крестьянскаго хозяйства, гдѣ крестьяне «закладываютъ и продаютъ послѣднее добро» и ѣдятъ тотъ невообразимый хлѣбъ изъ коры, мякины и муки, «который въ сельско-хозяйственномъ музеѣ въ Петербургѣ вызываетъ восклицательные звуки зрителей, а въ деревняхъ имъ кормятся и въ будничныи и въ праздничный день», г. Мещерскій тутъ же начинаетъ увѣрять, что въ подобныхъ бѣдствіяхъ виноваты сами крестьяне; «крестьянинъ, говоритъ онъ, бѣденъ не потому, что лишень средствъ къ безбѣдному существованію, а потому лишь, что онъ пьетъ не въ мѣру, выдѣляется изъ семьи, небрежно ухаживаетъ за землею, запускаетъ срочные платежи оброковъ, не заботится о пріисканіи заработковъ и т. п.». Очевидно, что эта оговорка сдѣлана съ цѣлью сгладить неприятное впечатлѣніе факта, возлагая отвѣтственность за него на самого же крестьянина; а между тѣмъ она, будучи ни на чемъ не основана, можетъ дать ложное понятіе о причинахъ крестьянской бѣдности. Что въ справедливость подобной безосновательной оговорки не вѣритъ самъ г. Мещерскій, лучше всего доказывается его же собственными словами въ дальнѣйшихъ письмахъ. Такъ, на примѣръ, рисуя въ двѣнадцатомъ письмѣ бытъ подмосковнаго крестьянина, г. Мещерскій говоритъ слѣдующее:

Спрашивается, что дѣлать при такомъ ужасномъ положеніи деревень, какія словѣцескія силы могутъ принудить этихъ крестьянъ къ уплатѣ столь значительной суммы (недоимокъ), или поставить ихъ въ такое новое положеніе, чтобы платежи стали возможными? Очевидно, на такіе вопросы нѣтъ другого отвѣта какъ тотъ, который дали намъ сами крестьяне: всѣ имуще-ства поголовно описаны и на дняхъ будутъ проданы! А потомъ? Невольно рождается вопросъ: кто будетъ платить подати и оброки и что будутъ описывать за неплатежъ этихъ податей и оброковъ? О положеніи крестьянъ въ этихъ мѣстностяхъ можно судить по ихъ словамъ, въ родѣ слѣдующихъ, въ которыхъ нѣтъ тѣни неповиновенія, ни ропота, но полнѣйшее отчаяніе. «Мы одного желаемъ, чтобы сослани насъ въ Сибирь на поселеніе, съ голо-

да не умремъ, а здѣсь что намъ нищенствовать... Невольно при встрѣчѣ лицомъ къ лицу съ такими бѣдствіями, *хочется кого либо обвинить кроме бѣдныхъ крестьянъ*, виноватыхъ развѣ въ томъ, что собственной инициативой не пришли 50 лѣтъ назадъ къ сознанию необходимости учрежденія страховых обществъ, ассоціацій, банковъ и т. п. предохранительныхъ мѣръ.

И вотъ, г. Мещерскій начинаетъ уже обвинять не крестьянъ, а мировыхъ посредниковъ, которые во всѣхъ своихъ сношеніяхъ съ крестьянами остаются постоянно чиновниками, и не хотятъ войти въ общечеловѣческую сферу и не принимаютъ никакихъ мѣръ для обезпеченія крестьянъ. Такихъ приемовъ держится г. Мещерскій постоянно: тамъ виноваты одни, тамъ другіе, тамъ третьи и т. д.; *общимъ* же причинъ въ его глазахъ какъ бы вовсе не существуетъ. Но вы вспоминаете, что г. Мещерскій въ концѣ своего путешествія самъ замѣтилъ свои недостатки и для этого нѣсколько послѣднихъ писемъ посвятилъ именно *общимъ выводамъ*. Возвращаетесь къ этимъ заключительнымъ письмамъ, ищите отдѣлъ, посвященный крестьянскому вопросу и находите—увъ!—вовсе не то, что вамъ нужно. Г. Мещерскій дѣйствительно посвящаетъ нѣсколько строкъ *общимъ* заключеніямъ о крестьянахъ, но здѣсь онъ уже беретъ другую сторону вопроса, о которой въ книгѣ почти вовсе не говорилось, именно—крестьянское *управленіе*, а не *бытъ* крестьянъ. Онъ хвалитъ крестьянскую разсудительность, говоритъ о волостномъ управленіи, о волостныхъ старшинахъ и т. д., но ни слова не упоминаетъ о тѣхъ фактахъ, заключающихся въ его книгѣ, которые относятся къ крестьянскому быту; эти факты такъ и остаются неразъясненными, отрывочными, случайными; общіе же выводы, какъ мы сказали выше, оказываются пристроенными чисто механически. Но не говоря уже о несоотвѣтствіи этихъ выводовъ съ содержаніемъ книги, они и сами по себѣ представляются общими, избитыми мѣстами. Каждому извѣстно, что подобными банальными выводами о крестьянской разсудительности, здоровомъ смыслѣ и т. п. переполнены всѣ наши газеты, и ужь конечно, г. Мещерскому не было надобности ѣздить по Россіи, чтобъ высказать эту немудреную «правду».

Еще интереснѣе выводы г. Мещерскаго по другимъ вопросамъ, напримѣръ по губернскому и уѣздному управленіямъ. Не такъ давно, какъ извѣстно, изданы новыя правила о расширеніи власти губернаторовъ. Было бы, конечно, очень полезно прослѣдить, насколько оказались удобными и полезными эти правила, но г. Ме-

щерскій отдѣляется увѣреніемъ, что онъ не замѣтилъ никакихъ переменъ во взаимныхъ отношеніяхъ *правительственныхъ лицъ въ губерніи*, тогда какъ дѣло вовсе не въ этихъ отношеніяхъ. Далѣе, интересно бы было также прослѣдить по фактамъ, какое вліяніе на земство оказало полное подчиненіе его губернаторамъ; но г. Мещерскій и здѣсь говоритъ не о томъ, о чемъ нужно, а подробно доказываетъ, что земскія учрежденія, снявши съ губернскаго начальства лишнее бремя заботъ, оказали несомнѣнную услугу странѣ. Въ какомъ отношеніи? А вотъ въ какомъ: теперь губернаторъ получивши, на примѣръ, увѣдомленіе отъ земства, что во многихъ мѣстахъ ожидается неурожай, *можетъ* отправиться лично въ указанныя мѣста и провѣрить заявленіе земства, но впрочемъ, замѣчаетъ г. Мещерскій, онъ *можетъ* и прямо отвергнуть достовѣрность заявленій и не обратить на нихъ никакого вниманія. Въ чемъ же здѣсь выигрышъ и прогрессъ? Въ томъ, по мнѣнію г. Мещерскаго, что теперь губернаторъ, занятый меньше прежняго дѣлами, имѣетъ *время* дѣлать разѣзды по губерніи, тогда какъ прежде не имѣлъ. Остальные выводы вполнѣ могутъ, по своему глубокомыслию, соперничать съ только что приведенными.

Всѣ указанные нами недостатки «Очерковъ общественной жизни Россіи» давали намъ полное право ограничиться лишь нѣсколькими словами о книгѣ г. Мещерскаго; но мы не захотѣли воспользоваться этимъ правомъ потому, что въ этой книгѣ, не смотря на всю ея осторожность и фальшивость выводовъ, все-таки можно найти нѣсколько интересныхъ фактовъ, взятыхъ прямо изъ жизни и относящихся къ быту нашихъ купцовъ, фабрикантовъ, а отчасти и крестьянъ. И такъ какъ сочиненіе г. Мещерскаго представляетъ чуть ли не первый опытъ наблюденій надъ современной Россіей, то уже по этому одному оно заслуживаетъ нѣкотораго вниманія. Мы даже думаемъ, что еслибъ г. Мещерскій, отправляясь въ путешествіе, серьезнѣе обдумалъ свою задачу и избралъ бы одинъ изъ тѣхъ способовъ, о которыхъ мы говорили выше, то его книга вышла бы положительно полезною.

Путешествіе по Амуру и Восточной Сибири. А. Мичи, съ прибавленіемъ статей изъ путешествій Г. Радде, Р. Маака и др. Переводъ съ нѣмецкаго П. Ольхина. Съ 80 рисунками. Изданіе книгопродавца-типографа М. О. Вольфа. Спб. 1868 г.

Объ Амурѣ такъ много написано, что нѣтъ, кажется, и счета этимъ описаніямъ; между тѣмъ мнѣнія и понятія, составившіяся о немъ въ публикѣ, остаются до сихъ поръ того же самаго темнаго свойства, какъ и были. Съ одной стороны Амуръ славили, восторжались имъ, и въ то же время, съ другой, эти восторженные возгласы называемы были вздорной фантазіей и говорилось утвердительно совершенно противное. Въ настоящей книгѣ, составленной изъ путешествій двухъ нѣмцевъ, двухъ русскихъ—Максимовича и Перемыкина и двухъ французовъ—Франize и де-ла Брюньера, господинъ составитель взялъ какъ бы по парѣ чистыхъ и нечистыхъ, и предпослалъ имъ одно общее предисловіе, гдѣ рассказываетъ, начиная съ Петра Великаго, какъ Петръ

«вдохнулъ въ свое царство новую жизнь», какъ затѣмъ «Россія преувѣвала безпрерывно, а Китай не дѣлалъ ни одного шага впередъ», какъ теперь «караваны изъ Хивы и Бухары, распространяющіе свои торговые сношенія до Афганистана, приходятъ къ Ново-Петровской крѣпости у Каспійскаго моря, гдѣ встрѣчаются съ пароходами изъ Астрахани и устья Волги», какъ «такимъ образомъ корабли пустыни и пароходы подаютъ другъ другу руку», и какъ въ заключеніе «никто не можетъ отвергать, что политика Россіи очень полезна. Богатства, мертво-лежащія въ пустынныхъ областяхъ, раскрываются, торговые пути пролагаются въ дремучихъ лѣсахъ, гдѣ донныя исподствовали только охотники и лютые зѣври; плугъ проходитъ по прежнимъ полямъ битвъ, и цвѣтущія селенія возникаютъ тамъ, гдѣ прежде была только пустыня.»

Затѣмъ въ этомъ же введеніи говорится, что колонизація береговъ Амура стала развиваться весьма дѣятельно. «Уже, говорить введеніе,—28 мая 1858 г. графъ Муравьевъ заложилъ новый городъ, Благовѣщенскъ, но затѣмъ мы выпишемъ слѣдующія фразы: «въ короткое время у береговъ Амура сдѣлано много»—*«ощутителенъ только недостатокъ въ людяхъ»* (стр. 9), «всего болѣе, конечно, стараются развить торговлю» (стр. 10) *«торговля въ Амурскихъ странахъ еще мало развита. О предметахъ вывоза едва ли стоитъ упомянуть* (это уже по прошествіи 10 лѣтъ). *а немногія европейскія*

или американскія суда, приплывающія въ Николаевскъ или заливъ Кастри, доставляютъ предметы, нужные русскому гарнизону и поселенцамъ и покрываютъ потребности туземцевъ. Еще до прибытія русскихъ, китайцы вели мѣтловую торговлю, впрочемъ, довольно значительную (стр. 16) Какъ же это русскіе-то преуспѣваютъ?!... Но будемте читать далѣе.

«Огромные лѣса богаты превосходнѣйшимъ строевымъ лѣсомъ (стр. 10), минеральныя сокровища Амурской области общають также весьма многое (стр. 13), нѣкоторыя отрасли промышленности общають блестящую будущность (стр. 14).

Въ заключеніе, авторъ введенія приходитъ къ тому выводу, что «всего важнѣе для развитія торговли въ Восточной Сибири пути сообщенія».—Но мы знаемъ, что *торговли нѣтъ никакой*, на стр. 16 узнаемъ, что «*дорогъ проложено мало*», на стр. 14,—какъ видѣли «*о промышленности теперь и говорить еще нечего*»; но въ концѣ опять-таки читаемъ:

«Поэтому видно, что по Амуру можно сдѣлать многое, но предварительно необходимо развиться торговлѣ, промышленности и земледѣлію и вообще распространиться просвѣщенію. Въ этомъ отношеніи мы можемъ ожидать весьма утѣшительныхъ результатовъ. Тамъ, гдѣ недавно суетврный идолопоклонникъ кочевалъ и проникалъ во мракъ лѣсовъ, преслѣдуя соболя, гдѣ дикарь велъ бѣдственную свою жизнь, или нѣсколько шаговъ далѣе лѣнивый туземецъ, равнодушный къ будущности, работалъ лишь столько, сколько можно, чтобы не умереть съ голода, теперь мы *должны ожидать пріятнаго зрѣлища...* (стр. 18).

Какъ это все пріятно, что «*богатства мертво-лежащія раскрываются, торговые пути пролагаются*» и какое, по истинѣ, пріятное зрѣлище, что, не привози только европейскія и американскія суда необходимыхъ предметовъ, туземцы и поселенцы дѣйстви-тельно погибли бы съ голоду.

Непонятно, къ чему составителью понадобилась реклама объ Амурѣ въ настоящую минуту, и что за страсть выписывать такія истины, что въ странѣ можно сдѣлать многое, но предварительно необходимо развиться торговлѣ, промышленности и земледѣлію, и вообще распространиться просвѣщенію—«ктожь этого не знаетъ, и кто также не сообразить, что этому «распространиться» прежде чѣмъ, гдѣ бы то ни было, необходимо въ самой Россіи.

Судя по естественно-научнымъ описаніямъ г. Радде, Максимо-вича, Маака и другихъ, совершенно справедливо, что Амуръ страна очень богатая и роскошная; но мало ли богатствъ разсыпано у

насъ передъ носомъ въ европейской Россіи, у центра, такъ сказать, нашей цивилизаціи,—и чѣмъ же собственно мы богаты?—По нашему мнѣнію, споръ о колонизаціи Амура совершенно пустой споръ, и говорили объ Амурѣ очень шумно по тѣмъ же причинамъ, по которымъ говорятъ въ послѣднее время также очень много о Ташкентѣ, Бухарѣ,—т. е.—тогда тамъ было произшествіе, теперь же тутъ произшествіе, и говорится единственно по случаю произшествій.

Всѣ мы хорошо знаемъ, что колонизаціи англичанъ и другихъ европейскихъ народовъ происходили вслѣдствіе обширнаго развитія торговли; всѣ мы хорошо также знаемъ, что у насъ не было никакого собственнаго развитія торговли, и всѣ мы, между тѣмъ, споря и отстаивая богатства Амура, или отвергая ихъ, одинаково согласны и пишемъ, что «никто не можетъ отвергать, какъ политика Россіи очень полезна» и какъ въ то время, когда «Китай не сдѣлалъ ни одного шага впередъ, мы все преуспѣвали и преуспѣвали; т. е., скажи прямо — «мы вовсе не имѣемъ какихъ нибудь меркантильныхъ цѣлей просвѣщенія и торговли, а мы просто поступаемъ, такъ сказать, политично, и больше ничего, какъ преуспѣваемъ и преуспѣваемъ». Скажи это безъ всякихъ далекнхъ плановъ и надеждъ, представъ такія основанія нашей колонизаціи и спорить, намъ кажется, не станетъ никто. Отъ всѣхъ писавшихъ объ Амурѣ, Романова, Назимова, Паргочевского, Завалишина и другихъ, и изъ всѣхъ статей «Морекаго Сборника», «Русскаго Вѣстника», «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», «Иркутскихъ Вѣдомостей», и другихъ,—изъ всего того, что говорилось, намъ удалось прочесть одну лишь дѣльную мысль г. Завалишина въ слѣдующихъ строкахъ:

«Мы всегда считали, что занятіе Амура было дѣломъ второстепеннымъ, непредставлявшимъ ни малѣйшаго затрудненія (кромѣ тѣхъ, которыя сами создадимъ), и всегда вполне зависящимъ, при извѣстныхъ внѣшнихъ обстоятельствахъ, чисто отъ воли правительства, — да и не отъ приказанія даже его, а просто отъ дозволенія—и что существенное дѣло именно и состояло (могло состоять) въ предварительномъ подготовленіи тѣхъ условій, которыя одни могли сдѣлать занятіе полезнымъ, и безъ которыхъ оно легко можетъ обратиться даже во вредъ,—не только здѣшнему краю. но и государству» (Мор. Сбор. 1859 г. № VIII стр. 39).

Такимъ образомъ введеніе въ разбираемой нами книгѣ, начинающееся съ того, какъ Петръ вдохнулъ въ Россію жизнь, и какъ Россія постоянно преуспѣвала,—введеніе, которое такъ рѣзко бьетъ пустыми

фразами и выписанными нами противорѣчіями о нашихъ богатствахъ и надеждахъ,—это введеніе могло бы вполне быть замѣнено фразою, постановленною въ видѣ эпиграфа, какъ «корабли пустыни и пароходы подають теперь въ Россіи другъ другу руку». Этого было бы совершенно достаточно, тѣмъ болѣе, что книга или составъ книги ни въ какомъ случаѣ не нуждается въ такомъ обширномъ публицистическомъ введеніи, на какое потрачено въ ней двадцать страницъ.

Большая часть книги занята учеными изслѣдованіями г. Радде; затѣмъ идуть статьи Маака, Максимовича, Перемыкина и др.; самому же, поставленному выше всѣхъ въ заглавіи, Мичи, принадлежит сотня страницъ одного пустословія. Существенная и основательная часть почти вся выбрана изъ путешествія г. Радде, который занимался въ продолженіи двухъ лѣтъ преимущественно изслѣдованіемъ фауны юго-восточной Сибири, верховьевъ Амура, восточнаго Саяна съ его вершиною Мунку-Сардики, Байкальскаго озера, Даурской степи, и больше всего средней части Амура, гдѣ даже, по порученію правительства, учреждена имъ, на мѣстѣ его жительства, казачья колонія, названная въ честь его—«Радде».

Самое лучшее мѣсто въ путевыхъ замѣткахъ Радде составляетъ, по нашему мнѣнію, описаніе Бурейской степи. Радде описываетъ степь со всѣмъ ее царствомъ, растительнымъ и животнымъ, рисуетъ ее, во всѣхъ ея измѣненіяхъ, во всѣ времена года, со всѣми подробностями, со всѣми изслѣдованіями, но общая картина, общее впечатлѣніе необыкновенно цѣльно выдержаны; чего вы не встрѣтите въ другихъ его описаніяхъ, и чѣмъ страдаютъ не только онъ, но и всѣ специалисты. У г. Радде, кромѣ естественно-научныхъ изслѣдованій, этнографическія описанія тоже довольно живы и довольно полны; небольшая вставка изъ путешествія Перемыкина—путешествіе въ область, лежащую на югъ отъ Саянскихъ горъ, его весьма неполное изслѣдованіе озера Косогаля, но главное,—описаніе семейной жизни главы или данаина племени урѣнховъ, игра въ шахматы, посѣщеніе будійскаго монастыря, затѣмъ посѣщеніе Курена, его поѣздка къ сыну данаина—Принзину—весь этотъ рассказъ, заключающійся въ нѣсколькихъ страничкахъ, очень живъ и нѣсколькими чертами обрисовываетъ семейную и общественную жизнь монгола лучше, чѣмъ цѣлыя скучныя описанія и ничего необъясняющія подробности, на которыхъ обыкновенно такъ любятъ всегда выѣзжать наши путешественники. Скажемъ въ заключеніе, что вставки или выбранныя мѣста изъ Маака, Максимовича

и другихъ, служатъ не больше какъ дополненіемъ къ путешествію Радде, и многія вставки сдѣланы хорошо, многія же, какъ путешествіе, напримѣръ, Мичи, никуда негодны; такъ что, по этой книгѣ, составленной изъ разныхъ путешествій, мы все-таки не имѣемъ ничего цѣльнаго; книга все-таки распадается на части, и не даетъ того общаго впечатлѣнія, какое представляетъ описаніе, напримѣръ, одной бурейской степи и что необходимо для тѣхъ читателей, для которыхъ книга предназначена. Кромѣ умѣнья выбрать, при составленіи такой книги необходимо надо умѣть извѣстнымъ образомъ соединить выбранныя мѣста, дать всему единичный строй, составить хорошо общій планъ; иначе же подобное составленіе будетъ не больше какъ собраніе нѣкоторыхъ матеріаловъ, что уже было нѣсколько разъ, и въ числѣ которыхъ настоящее собраніе только лучше и полнѣе остальныхъ; но при серьезномъ знакомствѣ со всѣми матеріалами, относящимися къ ея цѣли, разбираемая книга составлена очень и очень неудовлетворительно.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Купечество, какъ сословіе въ Россіи. — Значеніе его въ минувшее и въ настоящее время. — Желательно ли преобладаніе нашего купечества въ общественныхъ дѣлахъ. — Современные купеческіе типы. — Купцы самодуры и купцы прогрессисты. — Дурное вліяніе нашего купечества на народную промышленность. — Купцы, какъ общественные дѣятели. — Отношеніе купчества къ литературѣ. — Переходъ земель, отъ дворянъ къ купцамъ. — Какъ избѣжать невыгоднаго преобладанія купечества въ общественныхъ дѣлахъ. — Воспитательное значеніе гласнаго суда. — Различныя взгляды на этотъ предметъ. — Безнравственные способы полицейскихъ разслѣдованій. — Подкупы и подговоры свидѣтелей. — Система сыщиковъ. — Исторія влюбленной пары по судебнымъ фактамъ, какъ типъ семейной жизни. — Близкая возможность возмутительной судебной ошибки. — Агнцы искупленія за грѣхи народа. — Обличитель "С.-Петербургскихъ Вѣдомостей".

Изъ всѣхъ сословій, составляющихъ русскій народъ, ни одно не играло такой странной роли въ общественной жизни Россіи, ни одно не было такъ богато постоянными противорѣчіями въ своей дѣятельности, какъ сословіе купечества. Оно всегда обращало на себя самое ничтожное вниманіе со стороны нашей печати; о немъ если и говорилось иногда, то въ интересахъ чисто спеціального свойства, когда заходила рѣчь о нашей промышленности и торговлѣ. Только одинъ драматургъ создалъ себѣ славу путемъ рѣзкой обрисовки его дикихъ характеровъ, но онъ бралъ чисто-семейную сторону купческаго быта. О купечествѣ же какъ *сословіи*, у насъ почти никогда не говорилось; съ этой стороны на него всегда смотрѣли пренебрежительно, не придавая ему никакого значенія.

А между тѣмъ, купечество всегда могло быть сильнѣе и могущественнѣе всѣхъ другихъ сословій — если не по закону, то на дѣлѣ. Положимъ, его всегда обирали кто хотѣлъ, — надъ нимъ часто издѣвались дворяне и чиновныя лица, его честили бородачами, самоварниками, аршинниками и тому подобными нелестными кличками, но оно смиренно переносило всѣ эти непріятности, сознавая свою силу въ туго-набитомъ карманѣ и, повидимому, не чувствовало никакихъ неудобствъ отъ подобнаго обращенія. Какъ бы то ни было, хотя и обзываемое разными неприличными именами, оно все-таки держало въ своихъ рукахъ много властей, многихъ крупныхъ дворянъ-собственниковъ, и, въ силу своего туго-набитаго кармана, вліяло на судьбы другихъ сословій. Въ этомъ отношеніи на его сторонѣ были всѣ данныя: относительно капиталовъ, съ нимъ могли конкурировать только дворяне-помѣщики, но надъ ними оно имѣло огромное преимущество въ томъ отношеніи, что получало деньги не даромъ, подобно помѣщикамъ, а посредствомъ труда и изворотливости, слѣдовательно знало цѣну деньгамъ. Оно было чуждо разнымъ барскимъ замашкамъ, не бросало деньги на вѣтеръ, а копило ее въ своихъ сундукахъ, не жалѣя расходовъ только въ случаяхъ дѣйствительно для него важныхъ. При такихъ благопріятныхъ условіяхъ, оно могло бы держать въ своихъ рукахъ всѣхъ и вся, еслибъ старинныя преданія и дѣдовскіе обычаи не заставляли его чуждаться всякаго умственного развитія и не направляли всѣ его помыслы къ одному идеалу — къ личной наживѣ.

До послѣдняго времени купечество не пользовалось, — если такъ можно выразиться говоря о Россіи — никакою политическою ролью въ государствѣ; кромѣ того, несмотря на свои громадныя капиталы, оно было самымъ непроизводительнымъ сословіемъ; даже дворянство имѣло надъ нимъ въ этомъ отношеніи значительный перевѣсъ. Этому способствовала огромная разница въ характерѣ тѣхъ формъ тщеславія, которыя были свойственны купцамъ и дворянамъ. Извѣстно, что тщеславіе было до послѣдняго времени единственнымъ двигателемъ большинства російскихъ гражданъ, и дворянское тщеславіе было все-таки производительнѣе: оно заставляло если не читать, то покупать книги, выписывать журналы, отдавать дѣтей въ гимназіи и университеты, словомъ, производить нѣчто полезное. Тщеславіе же купеческое было совсѣмъ особаго рода: оно заставляло неизмѣнно держаться дѣдовскихъ правилъ, чуждаться образованія, беречь бороду и долгополый сюр-

Тувѣ, читать только старопечатныя книги и всѣми способами копить деньги. Обогащеніе, какъ крайняя цѣль — вотъ послѣдній и единственный идеаль купечества; все, что не подходитъ непосредственно подъ эту цѣль — считается для купца неприличнымъ, позорить его доброе имя. Дозволяется построить церковь, основать пожалуй богоугодное заведеніе для увѣковѣченія собственнаго имени, отлить громаднхъ размѣровъ колоколь на удивленіе согражданамъ — вотъ сфера, въ которой не только можно, но даже почетно дѣйствовать купцу; но дальше этого идти нельзя, да и не зачѣмъ. Купцы дѣйствительно только и дѣлали то, о чемъ мы сейчасъ сказали. Этою жизнью они жили изъ рода въ родъ, нисколько не мѣняя своей нравственной физиономіи и только отчасти совершенствуя свои торговые приемы. Если и бывали въ ихъ средѣ счастливыя исключенія, то они нисколько не измѣняли общаго характера купечества.

Реформы послѣдняго времени глубоко затронули и значительно измѣнили бытъ дворянъ, крестьянъ, чиновниковъ, даже военныхъ, но купечества они не тронули ничѣмъ. Говоря вообще, положеніе дворянъ измѣнилось въ невыгодную для нихъ сторону, потому что они, ни къ чему непріученные съ молодости, привыкшіе жить на всемъ готовомъ, вдругъ увидѣли необходимость думать, заботиться, рассчитывать чуть не каждую копейку. Нѣкоторые, пренебрегшіе уроками жизни, уже успѣли раззориться, другіе остались такими же, какими были, но ихъ матеріальныя средства обнаружались теперь рѣзче прежняго и оказались далеко не столь значительными, какими казались прежде; въ скоромъ времени дворяне по необходимости должны будутъ обратиться къ труду, чтобъ не потерять остальнаго, что у нихъ еще есть. Крестьянамъ развязаны руки и открытъ доступъ повсюду наравнѣ съ другими сословіями, но имъ тоже приходится много работать, прежде чѣмъ стать на ноги; чиновники также по опыту стали убѣждаться, что теперь образованіе вещь не совсѣмъ лишняя, и что плохо оставаться за штатомъ; одно только купечество не чувствуетъ никакихъ перемѣнъ. Все, что ни совершилось въ послѣднее время, все послужило ему въ пользу; купцы стали богаче прежняго уже потому, что дворянство значительно обѣднѣло, и кромѣ того, имъ открылась полная возможность сравняться во всѣхъ отношеніяхъ съ самыми почетными сословіями. Такимъ образомъ сила капитала, которая теперь оказалась исключительно на ихъ сторонѣ и которая, въ видѣ ценза, играетъ такую важную роль въ общественной дѣятельности Россіи,

положительно выдвигаетъ купечество надъ всѣми остальными сословіями и грозитъ сдѣлать изъ него первенствующее и всемогущее сословіе въ государствѣ. Конечно, еслибы этого всемогущества добивалось купечество своею собственной инициативой, то оно достигло бы его съ большимъ трудомъ, а можетъ быть и совсѣмъ не достигло бы; но въ настоящее время сами обстоятельства, помимо даже желанія купечества, выдвигаютъ его впередъ и даютъ ему такую власть, о которой оно прежде и мечтать не смѣло. Въ виду такого положенія дѣла интересно взглянуть, насколько можетъ быть полезно преобладаніе купечества надъ всѣми другими сословіями въ государствѣ.

Говорятъ, что купечество—самый полезный классъ въ обществѣ; что оно богато, консервативно, патріотично, что оно не избаловано, не изнѣжено, отличается положительностью, здравымъ смысломъ и т. п. Положимъ, что нѣкоторыя изъ этихъ качествъ дѣйствительно весьма похвальны; но важно знать, какіе существенные результаты созданы этими похвальными качествами, и какая польза оказана ими обществу? Прежде чѣмъ отвѣчать на такіе вопросы, мы взглянемъ въ общихъ чертахъ на современную жизнь самаго богатаго нашего купечества; для этого мы воспользуемся фактами изъ книги князя Мещерскаго, «Очерки нынѣшней общественной жизни въ Россіи», отзывъ о которой читатели найдутъ въ этой же книжкѣ «Дѣла».

Кн. Мещерскому удалось познакомиться съ богатыми представителями нашей хлѣбной торговли, имѣющими миллионные обороты. Повидимому, такіе громадныя обороты, особенно въ настоящее время, должны значительно вліять на умственное развитіе промышленниковъ и сдѣлать изъ нихъ людей очень замѣтныхъ и полезныхъ въ русской общественной жизни; повидимому, въ центрахъ такой важной отрасли русской торговли, какова хлѣбная, купеческое сословіе должно хоть въ своей средѣ представлять единодушіе и общежительность, обусловливаемыя одинаковостью интересовъ. Но ничего не бывало. Возьмемъ, напри- мѣръ, купечество города Торжка. Каждый купецъ живетъ въ своей семьѣ, какъ улитка въ раковинѣ, входя въ сношенія съ другими лишь въ крайнихъ случаяхъ, въ родѣ чьей либо смерти, свадьбы и т. п. Домъ его снаружи богатъ и удобенъ; но въ немъ только двѣ комнаты, натопленныя до 20 градусовъ, заняты семьей; окна остальныхъ заперты ставнями или завѣшаны сторами; эти комнаты по цѣлымъ годамъ стоятъ пустыми, никѣмъ необитаемыми. Въ то

же время еслибъ кому нибудь изъ пріѣзжихъ вздумалось нанять квартиру въ этихъ никому не нужныхъ комнатахъ, то онъ навѣрное встрѣтилъ бы упорный отказъ: дѣды и отцы не отдавали своихъ комнатъ въ наймы, слѣдовательно внукамъ и дѣтямъ не годится отступать отъ этого обычая.

Всѣ помыслы торжковскаго купца заняты исключительно торговлей; общественной жизни для него вовсе не существуетъ; онъ даже не заботится о томъ, чтобы улучшить свою собственную жизнь соразмѣрно количеству его средствъ. «Хлѣбная торговля его, по выраженію князя Мещерскаго, есть какъ бы преемственное изъ рода въ родъ исполненіе завѣщаннаго отъ предковъ дѣла, что-то въ родѣ священнодѣйствія, неимѣющаго никакой связи съ движеніемъ времени и успѣхами окружающей его жизни»; «всѣ эти громадныя обороты и выгоды, всѣ эти почти ежедневныя сношенія съ столицами не измѣняютъ ни въ чемъ ихъ домашній бытъ, и втеченіи вѣковъ не зародили въ этомъ бытѣ ни одной новой потребности». Вотъ, напримѣръ, купецъ-милліонеръ; онъ живетъ въ одной комнатѣ, гдѣ жена его и хозяйка и слуга, гдѣ шестеро взрослыхъ сыновей, изъ которыхъ двое уже женаты, не смѣютъ не только садиться въ его присутствіи, но даже высказывать свое мнѣніе. Купецъ этотъ ходитъ въ синей ситцевой рубахѣ и такъ принимаетъ гостей, пріѣзжающихъ къ нему за деньгами. Если кто стѣснится такимъ его нарядомъ, онъ прямо говоритъ: «извольте, надѣну скюртку, да приму васъ въ гостиной, но тогда ужъ извините, денегъ не получите». Онъ говоритъ такъ потому, что понимаетъ, насколько нуждаются въ его деньгахъ и какъ онъ силенъ этими деньгами; онъ знаетъ, что раздѣнься онъ до-нага, все-таки поспѣтители не перестанутъ къ нему ѣздить; слѣдовательно, какая же нужда измѣнять свои привычки.

Все, что носить на себѣ признаки чего нибудь новаго, неиспытаннаго, неимѣющаго примѣра въ семейныхъ преданіяхъ купца, все это отвергается безусловно. Образованіе считается лишь на столько нужнымъ, насколько оно приравниваетъ дѣтей къ отцамъ, т. е. не идетъ дальше грамоты и умѣнья считать по счетамъ; нѣтъ такихъ словъ, которыя могли бы убѣдить купца въ пользѣ большаго образованія для дѣтей; нѣтъ такихъ доводовъ, которые заставили бы его дозволить сыну кончить курсъ хоть въ уѣздномъ училищѣ. Но и при тѣхъ убогихъ требованіяхъ, какія предъявляютъ купцы училищу, они строго слѣдятъ за училищными порядками; «едва только дойдетъ до нихъ молва о какихъ либо самыхъ невинныхъ ново-

введеніяхъ въ системѣ обученія, отцы грозятъ тотчасъ же намѣреніемъ взять дѣтей изъ училища или дѣвочекъ изъ пріюта, и по необходимости приходится подчиняться ихъ деспотизму». Нечего уже говорить въ этой средѣ о воспитаніи въ гимназіяхъ или даже въ коммерческомъ училищѣ; объ этихъ заведеніяхъ купецъ и подумать хладнокровно не можетъ; съ мыслью объ этихъ заведеніяхъ у него связывается представленіе падающаго торговаго дѣла и окончательнаго разоренія.

Но тупая привязанность торжковскихъ купцовъ къ старинѣ и ихъ равнодушіе къ общественнымъ интересамъ всего лучше и яснѣе выразились въ слѣдующемъ любопытномъ фактѣ: когда шла рѣчь о проведеніи линіи московской желѣзной дороги черезъ Торжокъ, то купечество прямо высказало свое нежеланіе имѣть подлѣ себя желѣзную дорогу! Эта дорога должна бы была измѣнить ихъ старинные торговые обычаи и слѣдовательно посягнуть на неприкосновенность дорогой старины. Могли ли они согласиться на такую важную уступку?

До какой степени въ нашемъ купечествѣ мало не только собственной инициативы въ чемъ нибудь общепольномъ, но даже желанія пользоваться уже готовыми удобствами, видно между прочимъ изъ слѣдующаго факта: въ Рыбинскѣ до послѣдняго времени не существовало биржеваго зданія; купцы сходились подъ открытымъ небомъ, что въ дурную погоду представляло, конечно, величайшее неудобство. Для избѣжанія этого, предсѣдатель биржеваго комитета выстроилъ прекрасное зданіе биржи. И что же? Это зданіе уже нѣсколько лѣтъ стоитъ пустымъ, а купцы по прежнему продолжаютъ собираться и толковать подъ открытымъ небомъ, на солнцѣ, проливномъ дождѣ, въ пыли и грязи. Какія мѣры ни употреблялъ предсѣдатель комитета, но цѣли достигнуть не могъ; привычка купечества къ старинѣ пересилила.

Конечно, если бы ограничить характеристику нашего богатаго купечества только вышеприведенными фактами, то это могло бы показаться натяжкой; всѣмъ извѣстны купеческіе типы совершенно противоположнаго характера. Дѣйствительно, такіе типы попадались и к. Мещерскому, и онъ встрѣчалъ въ этой средѣ новаторовъ, жизнь которыхъ отличалась рѣзко отъ жизни остальнаго купечества; но посмотримъ, внутреннее ли эти отличіе или только наружное. Вотъ одинъ изъ богатѣйшихъ хлѣбныхъ торговцевъ города Мышкина. У него великолѣпный домъ, который онъ не держитъ запертымъ, подобно многимъ изъ своихъ согражданъ, а живетъ

вполнѣ открыто. Вы сразу замѣчаете, что онъ тщеславится своею роскошью, что онъ любитъ ея хвастнуть. Веди васъ по роскошной лѣстницѣ въ бель-этажъ, онъ самодовольно говоритъ вамъ: «все, что вы увидите, все это отъ Тура». Дѣйствительно, васъ поражаетъ роскошная обстановка, и она существуетъ не только для виду: здѣсь живетъ самъ хозяинъ, здѣсь его богатый кабинетъ. Отсюда онъ ведетъ васъ въ садъ, гдѣ еще больше роскоши: гладко выметенныя дорожки, на которыхъ вы даже пылинки не замѣтите, ирудъ съ фонтаномъ, веранды съ густою тѣнью, цвѣтники съ самыми разнообразными цвѣтами, оранжереи съ ананасами и теплица съ экзотическими растениями. «Все это, говоритъ съ улыбкою удовольствія хозяинъ, мною создано и здѣсь я нахожу себѣ полное наслажденіе жизнью». Затѣмъ онъ ведетъ васъ далѣе; вы видите конюшню, отдѣланную щегольски и роскошно, съ прекрасными рысаками, охотничій дворъ, наполненный борзыми и гончими собаками и т. д. Хозяинъ такимъ образомъ объясняетъ вамъ свой взглядъ на эту обстановку; «многіе, говоритъ онъ, упрекаютъ меня за все, что вы видѣли; но Богъ съ ними; по моему, если есть деньги, *надо уметь ими пользоваться для своего удовольствія*, когда эти удовольствія не заключаютъ въ себѣ ничего дурного, а напротивъ, пріятны и мнѣ, и тѣмъ, которые у меня бываютъ». Дѣйствительно, по виду, мышкинскій хлѣботорговецъ далеко ушелъ отъ своихъ собратьевъ по занятію; его даже *упрекаютъ* за то, что онъ не слѣдуетъ дѣдовскимъ обычаямъ, онъ поэтому представляется какъ будто жертвой невѣжественной среды. Но въ сущности, чѣмъ онъ отличается отъ остального купечества? Только тѣмъ, что не держитъ денегъ въ сундукахъ, а обратилъ значительную ихъ часть въ туrowsкую мебель, паркн, конюшни и т. д. Очевидно, что здѣсь разница только наружная: купеческо-новаторъ остался точно такимъ же, какимъ былъ его отецъ, и даже его однословники отдадутъ ему полную справедливость въ этомъ отношеніи; они признаютъ, что «роскошь и наслажденіе своими богатствами не ослабили въ немъ торговой предприимчивости, не сдѣлали изъ него человѣка безъ началъ нравственныхъ и вѣры, а напротивъ, идутъ рядомъ съ религіозною и добродѣтельною жизнью», то есть, говоря другими словами, что новая жизнь не сдѣлала его человѣкомъ болѣе общественнымъ, болѣе мыслящимъ, болѣе развитымъ, словомъ, онъ остался такимъ же, какимъ былъ, измѣнивъ только свою наружность.

Вполнѣ сознавая, что его сила заключается только въ капита-

лахъ, купечество чуждается всякаго, кто захотѣлъ бы имѣть съ нимъ какія нибудь дѣла, кромѣ торговыхъ; въ каждомъ стараніи посторонняго челоуѣка сблизиться съ купечествомъ, оно видитъ прежде всего тайное поплзновеніе къ его карману, и потому крайне подозрительно смотритъ на всѣхъ. Если вы захотите познакомиться съ ходомъ торговыхъ дѣлъ въ извѣстномъ городѣ, — отъ купчества вы получите всего меньше вѣрныхъ свѣденій. Купецъ всегда будетъ жаловаться на свои дурныя дѣла, хотя эти жалобы большею частію оказываются крайне недобросовѣстными. «Ничего нѣтъ легче для купца, замѣчаетъ кн. Мещерскій, какъ сказать, что онъ торгуетъ въ убытокъ; фактъ этотъ замѣчателенъ, а между тѣмъ при дальнѣйшихъ разспросахъ оказывается, что онъ наживаетъ значительные барыши». Конечно, такая подозрительность, заставляющая купца постоянно быть на-сторожѣ, рѣшительно препятствуетъ купечеству принимать дѣятельное участіе въ общественныхъ интересахъ, и именно эта-то подозрительность заставляеть его забиваться въ семейную нору, гдѣ кромѣ грязи и самодурства нѣтъ ничего. К. Мещерскій на самомъ себѣ испыталъ вліяніе этой подозрительности. Ему пришлось быть въ обществѣ новоторжскихъ тузовъ-капиталистовъ, отъ которыхъ онъ надѣялся получить нѣкоторыя свѣденія относительно хлѣбной торговли. Пока дѣло шло объ общихъ разсужденіяхъ и соображеніяхъ по хлѣбной части, онъ еще получалъ кое-какіе отвѣты; но лишь только вопросъ коснулся частныхъ, близкихъ каждому изъ тузовъ, кн. Мещерскій встрѣтилъ рѣшительный отпоръ, противъ котораго невозможно было бороться. Удобно ли купечеству, при такихъ важныхъ недостаткахъ, жить какою нибудь иною жизнью, кромѣ семейной? Удобно ли входить въ общественные интересы своего города, когда приходится ежеминутно слѣдить за каждымъ своимъ словомъ, чтобы не проговориться, или на каждомъ шагу трусить, чтобы кто нибудь не подмѣтилъ, въ какомъ положеніи находятся его денежные дѣла?

Но не принимая никакаго дѣятельнаго участія въ общественной жизни городовъ, купечество тѣмъ не менѣе держитъ въ своихъ рукахъ множество частныхъ интересовъ и руководитъ разными мелкими промыслами; слѣдовательно, уже по этому на него нельзя смотрѣть какъ на сословіе, стоящее отдѣльно отъ жизни и неимѣющее вліянія на ея характеръ. Конечно, еслибъ было возможно предположить, что купечество, оставаясь въ первобытномъ состояніи, вредитъ только самому себѣ, то не стоило бы труда много говорить о немъ. Но нужно помнить, что наше купечество —

единственный складчикъ капиталовъ, обращающихся въ извѣстной мѣстности и дающихъ возможность мелкимъ промышленникамъ влечить свою жизнь. Если съ этой стороны посмотрѣть на дѣло, то окажется, что купеческія традиціи приносятъ огромный вредъ бѣдному трудовому населенію. Никто не станетъ спорить противъ того, что обыкновенное правило нашей купеческой дѣятельности состоитъ въ умѣнны наживать деньги всѣми способами, какъ честными, такъ и обманными. Случай, о которомъ мы сейчасъ расскажемъ, дастъ полное понятіе о томъ, насколько вредятъ мѣстному населенію купеческіе обычаи этого рода. Торжокъ издавна славился шитьемъ по бархату и сафьяну; этотъ промыселъ доставлялъ работу не малому числу работницъ, которыя, впрочемъ, находились въ рукахъ мастерицъ, точно также какъ мастерицы зависѣли вполне отъ купцовъ, скупающихъ всѣ этого рода издѣлія въ немногія руки. Вслѣдствіе разныхъ причинъ, золотошвейный промыселъ началъ понемногу падать; но вотъ является обстоятельство, которое снова могло бы поставить его на ноги. На послѣднюю лондонскую выставку изъ Торжка были отправлены образцы этого рода работъ. Образцы обратили на себя вниманіе и въ Торжкѣ были получены заказы, правда, не особенно значительные, но которые могли бы, конечно, сильно увеличиться. И что же? Такъ какъ эти заказы давали хорошія и вѣрныя деньги, то торжковскіе купцы, скупающіе эти издѣлія, захотѣли сразу устроить выгодную аферу; они отправили большую часть предметовъ не настоящаго, а мишурнаго золота. Съ тѣхъ поръ, конечно, не повторилось уже ни одного заграничнаго заказа, тогда какъ при добросовѣстномъ исполненіи заказа легко бы было установить постоянный и правильный сбытъ за-границу этихъ издѣлій, къ выгудѣ какъ купцовъ, такъ и рабочихъ; теперь же золотошвейный промыселъ въ Торжкѣ не только не развивается, но начинаетъ падать. Подобныхъ случаевъ можно бы было много найти въ исторіи русской промышленности; нечестность купцовъ, слишкомъ узко понимающихъ свою выгуду, нерѣдко подставляла ногу народному труду, который, въ большей части случаевъ, находится совершенно въ ихъ власти.

Принужденное послѣдними реформами принять участіе въ общественной дѣятельности, купечество уже многими фактами успѣло заявить какъ полную свою неспособность къ этой дѣятельности, такъ и рѣшительное нежеланіе дѣлать что нибудь больше того, что требуется по закону. Было много случаевъ, доказывающихъ, что

оно смотритъ на свои новыя обязанности, какъ на простую повинность, отъ которой слѣдуетъ по возможности отказываться; съ этой цѣлью купечество постоянно отлынивало, при каждомъ удобномъ случаѣ, отъ исполненія должности присяжныхъ засѣдателей, не говоря уже о тѣхъ дѣлахъ, которыя затрогивали матеріальные его интересы. Въ этихъ случаяхъ оно не только не заявляло намѣренія идти рука объ руку съ другими сословіями, но положительно имъ противодействовало, прибѣгая даже въ извѣстныхъ случаяхъ къ помощи правительства. Такъ, на примѣръ, когда земскія собранія, подъ вліяніемъ большихъ расходовъ, падающихъ на земство, обложили купечество довольно высокими налогами, соразмѣрнымъ однакоже съ его средствами — купцы жаловались начальству, и вслѣдствіе этихъ многочисленныхъ жалобъ состоялся извѣстный законъ 25 ноября, установившій для купцовъ норму, выше которой они не могутъ быть облагаемы земскими собраніями. Далѣе, были случаи, что купечество отказывалось дать пріѣхавшему отдѣленію суда приличное въ городѣ помѣщеніе для засѣданій, и эти засѣданія должны были происходить гдѣ нибудь въ тѣснотѣ, духотѣ и грязи. Еще больше было такихъ случаевъ, что выбранные гласными, купцы совершенно не являлись въ собранія, хотя причиною этого могло быть только нежеланіе съ ихъ стороны, а не матеріальныя затрудненія, такъ часто испытываемыя, на примѣръ, крестьянами-гласными.

Но если купечество обнаруживаетъ постоянное стремленіе уклониться отъ общественныхъ обязанностей, то тѣмъ болѣе оно расположено избѣгать всего, чего законъ прямо не требуетъ. Выше мы упомянули, что купечество не прочь отъ разныхъ пожертвованій и благотворительныхъ дѣлъ; но это допускается настолько, насколько такія дѣла могутъ способствовать личнымъ цѣлямъ жертвователей или «прославить» ихъ имя. Построить богатый монастырь, отлить колоколь въ нѣсколько тысячъ пудовъ — это дѣло довольно обыкновенное въ средѣ купечества. Иногда оно выказываетъ даже такую сообразительность, передъ которой невольно приходишь въ изумленіе. Такъ, напр., въ самый разгаръ недавнихъ бѣдствій голодающаго народа, одинъ купецъ жертвуетъ полтора-ста тысячъ на устройство женскаго монастыря и т. д. Всѣ эти пожертвованія обращаютъ на себя вниманіе, заставляютъ общество говорить о жертвователяхъ, удивляться имъ и проч.—и тутъ купечество дѣйствительно не жалѣетъ ничего.

Если же взглянуть на болѣе обыденную, не громкую дѣятель-

ность, то здѣсь мы встрѣчаемъ совершенно противоположныя явленія. Въ Вологдѣ, напримѣръ, зашелъ разговоръ объ открытіи ремесленнаго училища; чиновники первые взяли на себя инициативу въ этомъ дѣлѣ, а потомъ обратились къ содѣйствию другихъ сословій. Пока шли общія разсужденія, подкрѣпляемые закусками и выпивками, купцы принимали горячее участіе въ дѣлѣ, и даже въ числѣ трехъ старшинъ будущаго училища оказалось двое купцовъ. Училище въ скоромъ времени открылось, потому что чиновники уже заранѣе собрали достаточный капиталъ; но лишь только прошло нѣсколько времени и средства значительно уменьшились—купечество не только не пожертвовало ни одного рубля на поддержаніе училища, но даже не стало отдавать въ него своихъ дѣтей; такимъ образомъ, полезное дѣло, вѣроятно, въ скоромъ времени рухнетъ.

Еще характернѣе слѣдующій фактъ. Зарайская Дума подняла вопросъ о томъ, чтобы помогать доходами мѣстнаго общественнаго банка разнымъ общественнымъ нуждамъ города — между прочимъ образованію. Кто-то возбудилъ вопросъ объ устройствѣ тоже ремесленнаго училища. Толки были оживленные. Но результатомъ этого бурнаго собранія вдругъ явилось слѣдующее постановленіе: обсудивъ *общественныя нужды*, общество положило отчислять ежегодно изъ прибылей банка 2000 рублей на уплату налога съ *недвижимыхъ имуществъ* купцовъ и мѣщанъ. Странность такого неожиданнаго результата преній объ общественныхъ дѣлахъ объясняется слѣдующими словами мѣстнаго корреспондента: «небольшой кружокъ вліятельныхъ лицъ города, особенно настаивалъ составить такой приговоръ; эти лица имѣютъ большія недвижимыя имѣнія и, слѣдовательно платятъ порядочное количество поземельныхъ денегъ».

За литературой купечество слѣдитъ настолько, насколько она касается его лично, и здѣсь оно обнаруживаетъ косность и невѣжество, свойственныя людямъ самыхъ низкихъ умственныхъ способностей. Оно всѣми силами заботится о томъ, чтобы его дѣйствія были какъ можно меньше извѣстны, и для этого употребляетъ всѣ средства — даже доносы на корреспондентовъ. Нѣкоторые же идутъ такъ далеко, что изъ собственной защиты противъ литературныхъ обличеній дѣлаютъ чисто-общественный вопросъ. Напримѣръ, мѣсяць тому назадъ, въ зарайской же думѣ происходили выборы гласныхъ въ земское собраніе. По окончаніи выборовъ, одинъ купецъ, директоръ мѣстнаго банка, обратился къ город-

скому головѣ съ слѣдующими словами: «позвольте просить васъ принять мѣры къ защитѣ насъ на будущее время отъ оскорбительныхъ выраженій *богачи-коноводы*, которыми называетъ насъ чортъ знаетъ кто въ «Русскихъ» и «Московскихъ Вѣдомостяхъ»; потому покорнѣйше просимъ васъ составить приговоръ, которымъ отъ имени всѣхъ собравшихся здѣсь почтенныхъ гражданъ потребовать отъ редакцій объясненія, кто писалъ имъ статьи о насъ, и, вытребовавши эти объясненія, начать судебное преслѣдованіе». Трудно представить себѣ, замѣчаетъ корреспондентъ, какой оглушительный гамъ сочувствія къ этимъ словамъ огласилъ стѣны Думы. Съ разныхъ сторонъ неслись возгласы: «конокрады... барки водятъ... да всякій какой нибудь... да какое нибудь... станеть позорить насъ... общество! Срамъ, на всю Россію, срамъ!» и т. д.

Купечество обыкновенно считается однимъ изъ самыхъ патріотичныхъ сословій; но если глубже заглянуть въ этотъ патріотизмъ, то окажется, что онъ почти вездѣ прикрываетъ личныя, корыстныя цѣли купцовъ, и что еслибы нарушилось согласіе между патріотизмомъ и собственными выгодами, то выгоды, конечно, пересилили бы. Напримѣръ, шуйско-ивановское купечество долгое время зачитывалось «Московскимъ Вѣдомостями»; по его мнѣнію, это была самая лучшая, самая честная газета, вполне преданная русскому дѣлу. Съ ней купечество во всемъ было согласно; оно даже мыслило чуть не передовыми статьями г. Каткова. Но когда зашла рѣчь о пересмотрѣ тарифа, и «Московскія Вѣдомости» высказались за начала свободной торговли, очень нелюбимой нашимъ купечествомъ,—мнѣніе объ этой газетѣ совершенно измѣнилось. Ее сейчасъ же назвали измѣнницей русскому дѣлу и сочли себя оскорбленными въ самыхъ священныхъ чувствахъ — то есть, чувствахъ къ своимъ барышамъ. Негодованіе шуйско-ивановскаго купечества зашло въ этомъ дѣлѣ такъ далеко, что купцы условились между собою не подписываться больше на «Московскія Вѣдомости» и не читать ихъ. Теперь, говорятъ, во всемъ тамошнемъ краѣ между купцами нѣтъ *ни одного* подписчика на газету г. Каткова; мѣсто его занялъ г. Аксаковъ, какъ отстаивающій покровительственную систему.

Мы не имѣемъ намѣренія составлять обвинительнаго акта противъ нашего купечества, тѣмъ болѣе, что и другія сословія недалеко ушли отъ него. Но, какъ мы уже сказали, разница здѣсь заключается въ томъ, что другимъ сословіямъ по необходимости приходится радикально измѣнять свою жизнь, тогда какъ купечество

можетъ спокойно оставаться въ теперешнемъ положеніи на неопредѣленное время, а это повлечетъ за собою самыя невыгодныя слѣдствія для народа. Купечеству теперь стоитъ только сдѣлать одинъ шагъ, чтобы замѣстить собою дворянство, — и шагъ этотъ отчасти уже сдѣланъ. Мы встрѣчали много извѣстій о томъ, что выборы гласныхъ во многихъ мѣстахъ происходятъ рѣшительно въ пользу купечества, и что, кромѣ того, купцы начинаютъ пріобрѣтать себѣ земли. Саратовскій корреспондентъ «Современныхъ Извѣстій» прямо предсказываетъ, что въ нашемъ сельскомъ хозяйствѣ должно ожидать большихъ перемѣнъ и переворотовъ, такъ какъ переходъ земель отъ помѣщиковъ къ купцамъ съ каждымъ годомъ увеличивается. То, что скрывалось подъ скромнымъ именемъ кулака, теперь выступаетъ на сцену, и не пройдетъ двадцати пяти лѣтъ, какъ мы будемъ въ рукахъ грубаго, насквозь пропитаннаго корыстолюбіемъ русскаго кулака.

Мы также не имѣемъ въ виду утверждать, что преобладаніе въ общественныхъ дѣлахъ купечества будетъ имѣть худшее вліяніе, чѣмъ преобладаніе дворянства. Какъ то, такъ и другое имѣетъ хотя и разнохарактерныя, но одинаково значительныя недостатки, и потому, и то, и другое одинаково нежелательно. А такъ какъ купечество начинаетъ пріобрѣтать значительное вліяніе въ нашихъ общественныхъ дѣлахъ, благодаря своимъ капиталамъ, то слѣдуетъ желать, чтобы капиталъ пересталъ быть мѣркой для оцѣнки людей, при выборѣ въ разныя общественныя должности, а чтобы его замѣнила другая мѣра, подъ которую могутъ подходить и очень богатые, и вичего неимѣющіе люди; единственная мѣра этого рода — образованіе.

Здѣсь кстати мы сдѣлаемъ оговорку, относящуюся къ одному изъ предыдущихъ нашихъ «Обозрѣній». Мы какъ-то указывали на отсутствіе въ Россіи людей, способныхъ толково отправлять даже такія сравнительно-несложныя обязанности, какова обязанность мирового судьи. Наше указаніе мы подкрѣпляли многими фактами, взятыми изъ дѣятельности провинціальныхъ мировыхъ судей. Мы слышали, что нѣкоторые упрекаютъ насъ по этому поводу въ излишнемъ пессимизмѣ и въ очевидной неправдоподобности выводовъ. Дѣйствительно, мы заслуживали бы подобный упрекъ, еслибъ говорили безусловно обо всей Россіи; но нужно помнить, что у насъ была рѣчь исключительно о тѣхъ лицахъ, которыя по своему цензу подходили подъ требованія закона. Мы дѣйствительно доказывали, что изъ числа этихъ лицъ не нашлось даже

столько способныхъ людей, сколько нужно для мирового института; но въ то же время мы нисколько не сомнѣваемся, что предложеніе превысило бы даже спросъ, еслибы дозволено было выбирать въ мировые судьи всѣхъ, кого бы только пожелали избиратели, не стѣсняясь размѣрами имущества избираемаго, а руководствуясь только способностью его къ дѣлу. По всей вѣроятности, такой порядокъ будетъ установленъ впоследствии, когда сдѣлается для всѣхъ очевиднымъ, какъ трудно найти способнаго человѣка изъ числа лицъ, имѣющихъ такое состояніе, какое требуется по закону. Мы имѣемъ нѣкоторое основаніе смотрѣть на теперешній ограничительный законъ, какъ на мѣру временную, потому что онъ все-таки не отвергаетъ безусловно того принципа, который мы защищаемъ. Судебные Уставы и теперь дозволяютъ выбирать въ мировые судьи лицъ, неимѣющихъ опредѣленнаго ценза; они только ставятъ необходимымъ условіемъ, чтобы такія лица выбирались не большинствомъ голосовъ, а *единогласно*. Но такъ какъ *единогласный* выборъ лица можетъ произойти лишь въ чрезвычайно рѣдкихъ случаяхъ, а между тѣмъ теперешній порядокъ представляется не вполне удовлетворительнымъ, то можно думать, что впоследствии будетъ дозволено выбирать въ судьи простымъ большинствомъ и неимѣющихъ теперешняго имущественнаго ценза. Эти соображенія представляются намъ особенно важными въ виду только-что изданнаго указа о немедленномъ введеніи мирового института во всѣхъ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ уже введены земскія учрежденія. Послѣ приведенія этого указа въ дѣйствіе, еще рѣзче долженъ обнаружиться странный недостатокъ въ способныхъ людяхъ изъ числа тѣхъ, которые, по размѣрамъ своего имущества, имѣютъ право быть мировыми судьями. Какъ только будетъ установленъ такой порядокъ, тогда и для нашего купечества явится сильная побудительная причина учиться, развиваться и отставать отъ обычаевъ Домостроя, потому что въ общественныхъ дѣлахъ ему придется заручаться не имущественнымъ, а умственнымъ цензомъ; а до тѣхъ поръ, повторяемъ, купечество останется такимъ же, какимъ мы его знаемъ теперь.

Газета «Вѣсть» жалуется на то, что большое число оправдательныхъ приговоровъ, произносимыхъ присяжными засѣдателями, лишить новый судъ того «воспитательнаго значенія», какое онъ могъ бы имѣть для общества. Изъ желанія удержать за судомъ это важное значеніе, газета «Вѣсть» даже доказываетъ, что «излишняя снисходительность вреднѣе, чѣмъ нѣкоторая строгость судебныхъ рѣшеній», и что слѣдовательно лучше наказать десять невинныхъ, чѣмъ освободить одного виновнаго. Не чувствуя въ себѣ никакихъ способностей къ элементарнымъ занятіямъ съ недорослями, мы, конечно, не станемъ входить въ разговоры съ газетою «Вѣсть»; мы привели здѣсь ея жалобу единственно лишь для того, чтобы показать, въ чемъ слѣдуетъ видѣть воспитательное значеніе новаго суда. Это разъясненіе намъ представляется особенно нужнымъ потому, что многіе не могутъ дать себѣ яснаго отчета, въ чемъ преимущественно заключается полезная сторона гласнаго суда и для кого она особенно замѣтна.

Если смотрѣть на этотъ вопросъ такъ, какъ обыкновенно принято, то легко доказать, что новые суды совершенно неудовлетворяютъ тѣмъ ожиданіямъ, которыя на нихъ возлагались. Одни, напримѣръ, говорятъ, что наиболѣе важная сторона новаго судопроизводства заключается въ скорости суда. Но противъ этого можно возражать множествомъ самыхъ рѣзкихъ фактовъ; можно положительно доказать, что скорость новаго суда въ большинствѣ случаевъ есть только кажущаяся, что *гласнымъ* образомъ дѣло дѣйствительно рѣшается въ одно засѣданіе, но *предварительное* слѣдствіе продолжается обыкновенно годъ и даже два года, что подсудимые, находясь все это время подъ арестомъ, относятся болѣею частью совершенно равнодушно къ тому, обвинять ихъ присяжные или оправдаютъ, такъ какъ, высидѣвъ въ острогѣ такое продолжительное время, они теряютъ почти всякую возможность снискивать себѣ пропитаніе. Далѣе, если взять дѣло, рѣшаемое простымъ судомъ, безъ присяжныхъ засѣдателей, то здѣсь на апелляціи и кассациіи уходитъ почти столько же времени, сколько на предварительное слѣдствіе въ судѣ присяжныхъ. Мы здѣсь не говоримъ о причинахъ такой медленности; мы только говоримъ, какъ легко доказать, что относительно *скорости* новые суды очень немного отличаются отъ старыхъ. Слѣдовательно, въ этомъ отношеніи можно значительно умалить полезную сторону новыхъ судебныхъ порядковъ.

Другіе говорятъ преимущественно о полезномъ влияніи новаго

суда на общество; увѣряютъ, между прочимъ, что допущеніе въ составъ суда присяжныхъ засѣдателей дѣйствуетъ самымъ благопріятнымъ образомъ на народъ, заставляя его смотрѣть на себя съ большимъ уваженіемъ и яснѣе сознавать свое значеніе въ государствѣ. Но и здѣсь можно замѣтить, что полезное вліяніе суда съ этой стороны очень преувеличено: присяжные засѣдатели играютъ на судѣ совершенно пассивную роль и вліяніе ихъ проявляется лишь въ самомъ концѣ судебного засѣданія. Практически человекъ развивается только среди какой нибудь *дѣятельности*, гдѣ опредѣляется человѣческая личность, и точно также только въ активной дѣятельности сознаетъ человекъ свое общественное значеніе. Такимъ образомъ, и эта полезная сторона новаго суда можетъ быть подвергнута нѣкоторому сомнѣнію.

Наконецъ, третьи утверждаютъ, что въ новомъ судѣ самая полезная сторона—полная гласность. Но чѣмъ именно полезна гласность—объ этомъ, обыкновенно, говорится мало. Легко понять, что здѣсь слово «гласность» употребляется въ томъ банальномъ смыслѣ, какой получило это слово въ началѣ шестидесятихъ годовъ: судебная гласность полезна, говорятъ, потому что вообще гласность полезна.

Вслѣдствіе такой невыработанности въ оцѣнкѣ достоинствъ новаго суда, возможны отзывы вродѣ тѣхъ, какіе попадаются на страницахъ «Вѣсти», или тѣхъ, которые дѣлали сейчасъ мы сами. Но въ новомъ судѣ есть дѣйствительно одна необыкновенно полезная сторона, относительно которой уже не можетъ существовать двухъ различныхъ взглядовъ. Сторона эта—по большей части тѣ обстоятельства, которыя непосредственно не относятся къ каждому извѣстному дѣлу, но вытекаютъ изъ него въ видѣ совершенно побочныхъ и какъ бы случайныхъ явленій и имѣютъ характеръ *обличительный*. Всѣ эти обстоятельства перечислить невозможно; мы для примѣра только укажемъ на нѣкоторыя изъ нихъ, которыя уже достаточно имѣли обнаружиться.

Посредствомъ судебныхъ преній общество получило возможность имѣть вѣрнѣйшія свѣденія о такихъ фактахъ, которые до послѣдняго времени считались тайной и которые, слѣдовательно, никому не были извѣстны. Между ними очень видное мѣсто занимаютъ тѣ приемы слѣдователей, которые, конечно, никѣмъ не будутъ одобрены, какъ только получать всеобщую извѣстность. Эти приемы вытекаютъ изъ того ложнаго и узкаго взгляда, какимъ руководствуется большинство нашихъ слѣдователей при производствѣ слѣд-

ствій. Имъ кажется, что дозволительно употреблять всѣ средства для отысканія виновнаго въ какомъ либо преступленіи, а между тѣмъ многія изъ этихъ средствъ часто оказываются гораздо злокачественнѣе и приносятъ несравненно больше вреда обществу, чѣмъ то преступленіе, характеръ котораго они стараются раскрыть. Вотъ, напримѣръ, случай изъ мировой практики Москвы, обратившій на себя общее вниманіе: городской представилъ мировому судѣ полицейскій актъ, составленный по поводу торговли водкой однимъ лавочникомъ, неимѣющимъ на это права. Свидѣтелемъ былъ выставленъ семилѣтній мальчикъ. Въ полицейскомъ актѣ говорилось, что городской, подозрѣвая лавочника въ незаконной торговлѣ водкой и желая поймать его на мѣстѣ преступленія, *подкупилъ за пятакъ семилѣтняго мальчика*, прося его содѣйствія; когда ребенокъ согласился, городской далъ ему 20 к. и послалъ его къ лавочнику купить водки. Ребенокъ исполнилъ свое дѣло ловко, купилъ водки, представилъ ее городскому и получилъ условную плату. Мировой судья, прочитавши этотъ актъ, обратилъ вниманіе на такой безнравственный способъ раскрытія проступковъ и замѣтилъ городскому: «какъ не стыдно вамъ развращать такъ ребенка!» Городской отвѣчалъ: «мы не виноваты; такъ приказываетъ начальство. Наше дѣло исполнять приказаніе». Судья, однакоже, разъяснилъ ребенку, что соглашаться на такія сдѣлки стыдно, посоветовалъ ему учиться, а отвѣтника, за отсутствіемъ другихъ доказательствъ, освободилъ отъ всякаго взысканія. Еслибъ этотъ случай не сдѣлался гласнымъ и не получилъ такого невыгоднаго для полиціи исхода, она, быть можетъ, стала бы постоянно прибѣгать къ подобнымъ средствамъ, тѣмъ болѣе, что они исходили не отъ городского, котораго дѣло—«исполнять приказанія начальства».

Еще рельефнѣе выступаютъ подобныя же приемы въ дѣлѣ о крестьянинѣ Пожарновѣ, обвинявшемся въ предумышленномъ убійствѣ (дѣло это производилось въ московскомъ окружномъ судѣ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей). Предварительное слѣдствіе выставило, какъ одного изъ главныхъ свидѣтелей противъ Пожарнова, московскаго мѣщанина Ивана Батурина. Батурина показывалъ, что за два дня до убійства, онъ встрѣтился въ трактирѣ съ Пожарновымъ, который, показавъ ему долото, шкворень и ножъ, звалъ его отправиться на другой день верстъ за 17 отъ Москвы, чтобы добыть денегъ. При этомъ Пожарновъ будто бы сказалъ ему, что тѣ, отъ кого онъ намѣренъ достать деньги, живутъ только вдвоемъ (убитые—братъ и сестра). Два дня послѣ убійства, Пожарновъ

уже угощалъ Батурина виномъ. Показаніе, конечно, чрезвычайно важное и сильно уличающее Пожарнова, особенно въ соединеніи съ другими, болѣе мелкими, уликами. Между тѣмъ на судѣ оказалось, что показаніе Батурина было дано при слѣдующихъ обстоятельствахъ: сперва самъ свидѣтель Батуринъ былъ заподозрѣнъ въ этомъ убійствѣ; его взяли, посадили подъ арестъ и держали пять недѣль. Но, наконецъ никакихъ уликъ противъ него не оказалось; дальнѣйшія обстоятельства мы разскажемъ собственными словами Батурина, «Послѣ пяти недѣль, объяснялъ онъ на судѣ, слѣдователь снялъ съ меня показаніе и говоритъ мнѣ, что подозрѣній на меня не имѣетъ, а я и затѣмъ все сидѣлъ. Наконецъ спрашиваю Реброва (частнаго пристава), за что же сижу я? Онъ отвѣчаетъ мнѣ на это — я, говоритъ, знаю за что. Опять сижу. Подсылаетъ онъ разъ сыщиковъ своихъ къ окну сибирки, тѣ и говорятъ мнѣ: хочешь на волю? Я говорю — какъ не хотѣть, кому свобода не любя. Послѣ этого разговора призываетъ меня Ребровъ къ себѣ въ кабинетъ и говоритъ: *это надо скрыть*, то-есть, что ты невиноватъ; *сыщи мнѣ виновато* — *укажи на Пожарнова, а я тебя за это не обвиню*. Согласился. *говоритъ, не подадъ мнѣ въ окружномъ судѣ*. Вскорѣ впустили ко мнѣ въ сибирку *П. Реброва*; сидимъ мы съ нимъ, разговариваемъ. Входитъ въ это время къ намъ какъ будто нечаянно слѣдователь Завьяловъ, и раскричался, зачѣмъ насъ спустили. Ребровъ говоритъ—это я ихъ спустил. Слѣдователь сѣлъ и началъ снимать съ меня показаніе. Я и началъ показывать, какъ училъ меня предварительно Ребровъ. Теперь же истинно говорю, что до Рождества Пожарнова не встрѣчалъ и ни на какое дѣло онъ меня не звалъ».

Еще любопытнѣе въ этомъ процессѣ личность сыщика Ивана Михайлова, посредствомъ котораго полиція также намѣревалась уличить Пожарнова. Одинъ изъ свидѣтелей, Артемій Вавиловъ, показавъ на судѣ, что онъ служилъ у Реброва по разнымъ порученіямъ. Заходя однажды свидѣтель къ приставу въ канцелярію и видя тамъ Ивана Михайлова, пьянаго. Свидѣтель спрашиваетъ его, зачѣмъ онъ здѣсь сидитъ? «Пьяный, говоритъ, чуланъ сломалъ» и прибавляетъ, «нельзя ли похлопотать обо мнѣ». Вавиловъ вспомнилъ, что Ребровъ поручалъ ему разузнавать объ убійствѣ и потому спрашиваетъ сыщика Михайлова, не знаетъ ли онъ чего объ этомъ дѣлѣ. Сыщикъ отвѣчаетъ утвердительно. Тогда Вавиловъ докладываетъ объ этомъ Реброву. Ребровъ призываетъ

сыщика въ свой кабинетъ, ведетъ съ нимъ какіе-то переговоры, даетъ ему денегъ и отпускаетъ. Михайловъ отправляется съ Бавиловымъ въ трактиръ и послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ посѣщеній, застаётъ тамъ Пожарнова. Его напоили пьянымъ, съѣздили за Ребровымъ и посадили Пожарнова въ секретную. Разказавши подробно всѣ эти обстоятельства, свидѣтель Бавиловъ прибавляетъ: «послѣ мнѣ судебный слѣдователь далъ подписать показаніе, гдѣ написано было, что Пожарновъ при насъ хвалился убійствомъ въ трактирѣ. Я говорю ему, что я этого не слышалъ. *Все равно*, говоритъ, *Иванъ Михайловъ слышалъ, подписывай*. Я и подписалъ. *А ничего этого не было, все это Иванъ Михайловъ обдѣлалъ, что бы самому только вырваться*».

Всѣ остальные свидѣтели, на которыхъ было построено обвиненіе Пожарнова, показали большею частію подобнымъ же образомъ: того подговорилъ сыщикъ Михайловъ, того подвелъ слѣдователь, того убѣдила полиція. Защитникъ подсудимаго рѣзко отрицалъ дѣйствія полиціи въ этомъ дѣлѣ и совершенно опровергъ обвиненіе. Присяжные дали оправдательный приговоръ, и подсудимаго двуклѣтняго сидѣнія въ острогѣ, былъ выпущенъ на

Эти факты самымъ правильнымъ образомъ представляютъ намъ существующую систему предварительнаго слѣдствія. Полиція обращаетъ вниманіе не на то, чтобы отыскать настоящаго виновника совершившаго преступленіе, но главнымъ образомъ на то, чтобы найти *кого нибудь*, подходящаго по уликамъ, къ преступнику; она заботится не о лицѣ; а о фактѣ; ее беспокоитъ не то, что не будетъ найденъ настоящій преступникъ, а то, что хотя по наружности да будетъ раскрыто преступленіе, а потому-то она совершенно успокоивается, если захваченныя ею лица дадутъ возможность собрать какія нибудь противъ себя улики для представленія ихъ суду. Эта система, сколько невыгодная для общества, столько безнравственная сама по себѣ, ведетъ свое начало, по всеѣ вѣроятности, съ очень отдаленнаго времени. И если она въ короткомъ времени совершенно рушится, то этимъ мы, конечно, будемъ обязаны судебной гласности, которая вывела ее на свѣтъ божій и поставила лицомъ къ лицу съ нравственнымъ чувствомъ общества.

Такимъ образомъ, практика новаго суда успѣла уже многими фактами разоблачить слабую и вредную сторону нашей слѣдственной системы, и это обличеніе вышло до такой степени полнымъ, чест-

нымъ и неопровержимымъ, что въ справедливости его нѣтъ возможности сомнѣваться; ни одинъ органъ нашей печати, при существующихъ условіяхъ, не рѣшился бы на такое рѣзкое обличеніе.

Еще рѣзче, еще безпощаднѣе обличаются новымъ судомъ недостатки и страшныя злоупотребленія нашей семейной жизни, нашего домашняго воспитанія. Судебные отчеты переполнены этого рода данными. Если бы предположить совершенно невозможное — именно, что у новаго суда сегодня же будетъ отнята гласность, то все-таки у насъ въ рукахъ осталось бы столько драгоценныхъ матеріаловъ для характеристики нашей семейной жизни, что по нимъ можно бы составить самую вѣрную и полную картину русскаго семейнаго быта. Въ большинствѣ случаевъ, эта картина дѣйствительно ужасна! И только близко познакомившись съ этими картинами, можно достаточно оцѣнить справедливость и важность тѣхъ литературныхъ произведеній недавняго времени, которыя были посвящены вопросамъ, относящимся до нашего семейнаго быта. Читатели, вѣроятно, не забыли дѣла Умецкихъ, обнаружившаго самое безчеловѣчное обращеніе родителей съ своею дочерью, которая рѣшилась даже совершать преступленіе, чтобъ только выйдти изъ подъ родительской власти. Сегодня мы расскажемъ подобныя же обстоятельства другого дѣла, по наружности совершенно отличнаго отъ дѣла Умецкихъ.

14 іюня на скамьѣ подсудимыхъ петербургскаго окружнаго суда сидѣлъ отставной прапорщикъ Разнатовскій, обвиняемый въ покушеніи на убійство своей жены; онъ сдѣлалъ въ нее два выстрѣла изъ револьвера и ранилъ ее въ ухо коническою пулею. Судебное слѣдствіе главнымъ образомъ было направлено къ тому, чтобы разяснить поводы, заставившіе Разнатовскаго рѣшиться на убійство жены, вслѣдствіе чего передъ судомъ рѣзкими чертами рисовались отношенія между Разнатовскимъ и его женою. Рядомъ многочисленныя свидѣтельскія показанія бывають такъ согласны съ другими, какъ въ этомъ дѣлѣ. Поэтому мы, нисколько не отступая отъ буквальнаго смысла этихъ показаній, постараемся рисовать вѣрную картину семейной жизни Разнатовскихъ отъ самаго начала до послѣдней минуты.

Разнатовскій женился по любви; свадьба его устроилась отчасти романическимъ образомъ; родители его почему-то не желали этой свадьбы; не ждали ея и мать невѣсты; но будущая жена Разнатовскаго убѣждала отъ матери, влюбленные куда-то уѣхали на цѣлую ночь — и свадьба по неволѣ должна была состояться. Моло-

дые въ первые мѣсяцы жили согласно, вполнѣ наслаждаясь своимъ счастьемъ. Но скоро между ними начали обнаруживаться маленькія ссоры; причиною ихъ оказалась слишкомъ замѣтная разница въ характерахъ мужа и жены, которые, какъ это всегда у насъ бываетъ, очень мало знали другъ друга до свадьбы, довольствуясь чисто-офиціальнымъ, салоннымъ знакомствомъ между собою. Мужъ былъ характера тихаго, миролюбиваго, жена, напротивъ, стала обнаруживать воинственныя наклонности, особенно въ обращеніи съ крѣпостными дѣвушками; горничныхъ она иногда избивала до того, что тѣ въ окровавленномъ видѣ приходили къ исправнику жаловаться, не смотря на то, что 19 февраля еще тогда не наступило. Избалованная въ своей семьѣ, привыкшая съ дѣтства къ удовольствіямъ и выѣздамъ въ свѣтъ, жившая на всемъ готовомъ безъ всякой мысли о трудѣ — такъ какъ ея родители были помѣщики — г-жа Разнатовская очень скоро стала тяготиться семейною обстановкою. Ей хотѣлось шумныхъ удовольствій, веселой молодежи: а тутъ вдругъ она сдѣлалась беременна. Попытка ея вытравить плодъ неудалась — и у Разнатовскихъ родился ребенокъ. Можно было предвидѣть, что должна была чувствовать молодая, избалованная мать, сознавая, что ребенокъ свяжетъ ее, и лишитъ ее возможности наслаждаться свѣтскими удовольствіями. Она возненавидѣла сына и однажды, въ январѣ мѣсяцѣ, при 30 градусахъ мороза, послала его съ кормилицей въ деревню: ребенокъ спасся отъ неминуемой смерти только тѣмъ, что лежалъ все время у груди кормилицы; но уѣзжая изъ деревни въ Петербургъ, Разнатовская оставила ребенка съ нянькой въ холодной комнатѣ: ребенокъ скоро захворалъ и умеръ безъ всякой помощи. Однакожъ, главная цѣль Разнатовской все-таки не была достигнута: вмѣсто умершаго ребенка у нея скоро родился другой, потомъ третій — пришлось поневолѣ покориться судьбѣ. Въ тоже время столкновенія ея съ мужемъ стали дѣлаться чаще и серьезнѣе. Ненавидя дѣтей, которыя стѣсняли ей жизнь, Разнатовская ненавидѣла и мужа, который держалъ всегда ихъ сторону и защищалъ ихъ отъ придирокъ жены. Эти столкновенія дѣлались тѣмъ чаще и неприятнѣе, чѣмъ суровѣе и безчеловѣчнѣе обходилась мать съ своими дѣтьми. Нелюбовь ея къ нимъ проявлялась слѣдующимъ образомъ: если дѣти являлись при постороннихъ въ залу — они подвергались за это трепкѣ за волосы, пинкамъ и пощечинамъ; одинъ разъ ребенокъ, весь блѣдный отъ холода, просилъ дать ему что нибудь теплое — и получилъ отъ матери такой толчекъ, что разсѣкъ себѣ

губу; если дѣти не подходили къ матери по первому призыву, она била ихъ въ голову, по лбу, толкала изо всей силы во что попало и наказывала розгами такъ жестоко, что дѣти ныли даже во снѣ; мать не жалѣла дѣтей даже тогда, когда они были больны, и однажды была за что-то ребенка, лежавшаго въ тифозной горячкѣ—несчастный ребенокъ чуть слышно стоналъ. Дѣти всегда обѣдали отдѣльно и ихъ кормили не иначе, какъ остатками кушанья отъ прошлаго дня. Комната для дѣтей была отведена самая скверная—темная и смрадная; смрадъ и удушье были такъ велики, что ни одна тюрьма не можетъ сравниться съ этой комнатой. Отъ такой обстановки дѣти всегда были хворы и забиты; при занятяхъ со старшимъ сыномъ, ему съ большимъ трудомъ удавалось расстолковать самыя простыя вещи. Разнатовскій испробовалъ всѣ средства, которыя ему казались годными въ этомъ случаѣ, для исправленія жены, но ничто не помогало. Онъ ходилъ задумчивый, разстроенный, и почти никому не говорилъ о своемъ горѣ; всѣ его средства не привели ни къ чему: убѣжденія его летѣли на вѣтеръ, и жена даже при гостяхъ стала выказывать полное свое презрѣніе къ мужу—бросала въ него ложками, насмѣхалась надъ нимъ и т. д. Въ то же время она окружила себя обществомъ молодыхъ людей, съ которыми обращалась совершенно безцеремонно. При видѣ всего этого мужъ совершенно упалъ духомъ и напрасно искалъ выхода изъ своего мучительнаго положенія. Наконецъ, онъ рѣшился хлопотать о разводѣ, о чемъ и сдѣлалъ предложеніе женѣ, принимая на себя и весь «стыдъ развода», то-есть всѣ тѣ невыгодныя его послѣдствія, которыя падаютъ по закону на виновную сторону. Но по разнымъ причинамъ предложеніе Разнатовскаго осталось безъ всякихъ послѣдствій, а между тѣмъ семейныя сцены продолжались своимъ порядкомъ. Тогда Разнатовскій рѣшается на послѣднее средство: онъ оставляетъ жену и цѣлыхъ два мѣсяца живетъ то у родственниковъ, то у знакомыхъ. Но его продолжаетъ беспокоить судьба дѣтей, и особенно дочери, которая за свое сходство съ отцемъ подвергается особенно сильнымъ истязаніямъ со стороны матери. Разнатовскій предлагаетъ женѣ отдать ему дочь и требуетъ только, по совѣту своихъ знакомыхъ, чтобы жена давала ему денегъ на воспитаніе дочери, такъ какъ у него не осталось никакихъ средствъ. Но Разнатовская сперва упорствуетъ, а потомъ предлагаетъ ему ежегодное содержаніе—но не для дочери, а за паспортъ, котораго она требуетъ у мужа на пять лѣтъ, съ тѣмъ, чтобы по истеченіи этого срока, паспортъ былъ возобновленъ

снова; о дочери же не говорится ничего. Возмущенный такою наглостью, Разнатовскій беретъ револьверъ, отправляется на квартиру къ женѣ и наноситъ ей рану въ ухо. Является полиція; Разнатовскій самъ отдаетъ полицейскому офицеру револьверъ, отправляется подъ стражу, а черезъ годъ и три мѣсяца является на скамьѣ подсудимыхъ. Здѣсь мы добавимъ, что судъ приговорилъ Разнатовскаго къ аресту на четыре недѣли, такъ какъ было доказано, что онъ только хотѣлъ напугать жену выстрѣломъ; присяжные признали, что онъ «стрѣлялъ безотчетно и по обстоятельствамъ дѣла заслуживаетъ полнаго снисхожденія».

Все, рассказанное нами выше, похоже на романъ, сочиненный какимъ нибудь чувствительнымъ и увлекающимся писателемъ; а между тѣмъ мы не прибавили отъ себя во всемъ этомъ рассказѣ ни одного факта, который не былъ бы заявленъ на судѣ; такимъ образомъ, дѣйствительность его во всѣхъ мельчайшихъ подробностяхъ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. «Но что же поучительнаго въ этомъ дѣлѣ?» спроситъ, можетъ быть, читатель. «Вѣдь г-жа Разнатовская представляетъ исключительное явленіе въ жизни; — трудно найти мать, которая бы такъ безчеловѣчно обращалась съ дѣтьми, трудно найти жену, которая бы такъ нагло относилась къ мужу». Но это замѣчаніе будетъ совершенно неосновательно. Семейная жизнь Разнатовскихъ, изложенная на судѣ, дѣйствительно на всякаго производитъ потрясающее дѣйствіе и кажется явленіемъ совершенно исключительнымъ. Но если всмотрѣться внимательнѣе, то обнаружится, что подобную обстановку можно найти въ тысячахъ нашихъ семействъ; разница только въ томъ, что судъ въ нѣсколько часовъ познакомилъ насъ съ тѣми фактами, которые на дѣлѣ совершались въ теченіи десяти лѣтъ, а потому не такъ рѣзко бросались въ глаза и многими совершенно не замѣчались. Отличіе жизни Разнатовскихъ заключается только въ ея исходѣ: рѣдко мужья рѣшаются на убійство женъ. Но за то всѣмъ известно множество случаевъ, что мужья, подъ вліяніемъ подобной семейной обстановки, находятъ себѣ выходъ въ самоубійствѣ, пьянствѣ, развратной жизни, смерти отъ чахотки или же, наконецъ, въ полнѣйшемъ уничтоженіи своей личности и рабскомъ подчиненіи обстоятельствамъ. Все зависитъ отъ различія характеровъ; такіе слабые характеры, какъ Разнатовскій, долго терпятъ молчаливо и по нѣсколько лѣтъ покорно несутъ семейныя тяготы; но за то тѣмъ рѣзче и драматичнѣе бываетъ ихъ послѣднее рѣшеніе. Само собою разумѣется, что мы не имѣемъ ни малѣйшаго намѣ-

ренія объяснять печальную сторону нашего семейнаго быта виновностью женъ и матерей; можно указать безчисленное множество случаевъ, когда роль Разнатовскаго исполняется женой, а на мѣстѣ Разнатовской стоитъ глава семейства; и такихъ случаевъ даже больше, чѣмъ противоположныхъ; даже въ судебныхъ лѣтописяхъ легко указать случаи, въ родѣ откушенія мужемъ носа у жены, безчеловѣчнаго истязанія женъ мужьями, доводящаго ихъ до преступленій и т. д.; но эти случаи нисколько не измѣняютъ дѣла; всѣ они происходятъ изъ одного и того же источника, производятся одною и тою же причиною. Эта причина очень хорошо извѣстна самимъ мужьямъ и женамъ, и мы только даемъ имъ случай подумать о ней лишній разъ и поставить ее на видъ своимъ дѣтямъ. Судебная гласность по отношенію къ такимъ дѣламъ полезна тѣмъ, что даетъ возможность каждому семейству считать свою темную сторону не исключительнымъ явленіемъ, какъ это можетъ показаться съ перваго взгляда, а свойственнымъ большей части нашихъ семействъ. Молодой человѣкъ, женись на любимой дѣвушкѣ, или дѣвушка, выходя замужъ за любимаго человѣка, смотрятъ, конечно, самыми счастливыми глазами на свою послѣдующую жизнь; и если въ скоромъ времени настаетъ тяжелая минута разочарованія, то они, обыкновенно, объясняютъ ее своимъ личнымъ несчастьемъ и случайными неудачами. И такое объясненіе совершенно понятно, потому что закулисная сторона ихъ семейной жизни извѣстна имъ вполне, семейный же бытъ ихъ знакомыхъ извѣстенъ имъ только по наружности и съ официальной стороны, которая, разумѣется, содержится всегда въ наилучшей чистотѣ и опрятности. И вотъ они тоже начинаютъ притворяться счастливыми и довольными, не желая показать людямъ свое семейное горе, не желая быть хотя по виду меньше ихъ счастливыми. Молодежь, смотря на нихъ, увлекается этою веселою наружностью, смѣло влюбляется, еще смѣлѣе женится — и толпами идетъ по дорогѣ, плотно убитой ея отцами и матерями, обманывал и себя и другихъ, и проклиная свою каторжную жизнь. При такомъ положеніи дѣла, процессы Разнатовскихъ, Умецкихъ и т. д. не могутъ не производить на наше общество самаго благотворнаго, отрезвляющаго вліянія.

При полезномъ вліяніи этой стороны гласнаго суда на нашу общественную жизнь, становятся смѣшными и чрезвычайно близорукими сѣтованія тѣхъ нашихъ публицистовъ, которые возмущаются, если присяжные оправдаютъ подсудимаго, кажущагося имъ не «дѣло», № 7.

вполнѣ невиннымъ. Они боятся, чтобы судъ, посредствомъ большаго числа оправдательныхъ приговоровъ, не потерялъ своего воспитательнаго вліянія на общество, какъ будто только въ этомъ одномъ заключается его польза. Мы, напротивъ, считаемъ эту сторону суда самою неважною, и желали бы еще большаго числа оправдательныхъ приговоровъ, особенно въ виду тѣхъ недостатковъ нашего предварительнаго слѣдствія, о которыхъ говорилось выше, и благодаря которымъ столько невинныхъ людей попадаютъ на скамью подсудимыхъ. Въ послѣднее время сдѣлалось вполнѣ извѣстнымъ, что самый лучшій судъ не имѣетъ никакого вліянія на уменьшеніе числа преступленій и что полезная сторона судебныхъ улучшеній заключается только въ болѣе гуманномъ отношеніи суда къ подсудимому. Уголовная статистика доказываетъ съ поразительною ясностью эту независимость числа преступленій отъ тѣхъ или другихъ формъ суда, и Эмиль Жирарденъ, на основаніи именно этихъ данныхъ уже готовитъ къ выпуску въ свѣтъ обширное сочиненіе, которое должно будетъ произвести совершенный переворотъ въ европейскихъ уголовныхъ теоріяхъ. Если бы возможно было достигнуть того, чтобы *рѣшительно ни одно* преступленіе не оставалось нераскрытымъ и чтобы *ни одинъ* человѣкъ не пострадалъ безвинно, тогда, можетъ быть, и уменьшилось бы число преступленій подъ вліяніемъ карательныхъ мѣръ суда. Но съ одной стороны, сколько преступленій остается необнаруженными, и сколько подсудимыхъ оказываются невинными, слѣдовательно сколько настоящихъ преступниковъ остаются неотысканными! Съ другой стороны, можно ли быть твердо увѣреннымъ, что даже такимъ совершеннымъ судомъ, какъ судъ присяжныхъ, не обвиняются люди невинные—потому только, что они имѣли случайное несчастіе сосредоточить на себѣ нѣсколько важныхъ уликъ. Такихъ случаевъ, къ сожалѣнію, безчисленное множество. Мы можемъ рекомендовать читателямъ изданную подъ редакціей П. Н. Ткачева книжку «Судебныя ошибки», гдѣ они найдутъ много случаевъ изъ иностранной судебной практики, доказывающихъ, какъ легко возможны ошибки даже въ приговорахъ присяжныхъ. Въ нашей судебной практикѣ не было еще случаевъ, когда бы можно было сказать вполнѣ утвердительно, что такой-то подсудимый обвиненъ безвинно. Но за то мы едва не были свидѣтелями обвиненія нѣсколькихъ невинныхъ человѣкъ въ очень тяжеломъ преступленіи — преднамеренномъ убійствѣ съ цѣлью грабежа, еслибы простой случай не освободилъ

ихъ отъ тяжкаго наказанія. Мы говоримъ объ обстоятельствахъ «убійства въ Гусевомъ переулкѣ». Предполагая, что подробности этого убійства извѣстны нашимъ читателямъ изъ газетъ, мы скажемъ нѣсколько словъ лишь о той сторонѣ дѣла, которая интересуетъ насъ въ настоящую минуту.

Въ убійствѣ маіора Ашмаренкова и съ нимъ нѣсколькихъ чловѣкъ, были прежде всего заподозрѣны слѣдующія лица: дворникъ дома Якимъ Федоровъ, жившая съ нимъ вдова стараго дворника и ея сынъ. Улицы противъ нихъ были чрезвычайно сильны. Такъ, напримѣръ, когда въ квартиру Ашмаренкова пріѣхаль утромъ того дня, въ который совершено убійство, водовозъ, то дворникъ оставилъ его, сказавши, что *никого нѣтъ дома и что всѣ ушли въ церковь*. Когда съ дворника стали снимать допросы, то онъ отвѣчалъ, что съ восьми часовъ утра не видѣлъ никого, кто бы вошелъ во дворъ—*умолчалъ даже о водовозѣ*. Далѣе, дворникъ заявилъ, что онъ всю эту ночь спалъ, тогда какъ было извѣстно, что онъ состоялъ эту ночь дежурнымъ и долженъ былъ находиться на улицѣ. Когда ему поставили это на видъ, то дворникъ отвѣчалъ, что въ Гусевомъ переулкѣ нѣтъ обыкновенія у дворниковъ дежурить по ночамъ. Хотя же другіе дворники и полицейскіе чины *опровергали* это показаніе Якіма Федорова, но онъ *стоялъ на своемъ*. Относительно же водовоза Якимъ объяснилъ, что онъ сказалъ ему объ уходѣ въ церковь Ашмаренкова совершенно *безсознательно*, и самъ теперь не можетъ дать себѣ въ томъ отчета. Сосѣдъ Ашмаренкова по квартирѣ, портной Хассель, въ 6 часовъ утра того дня уходилъ изъ дому черезъ незапертую калитку и замѣтилъ, что ставень крайняго къ воротамъ окна былъ отворенъ, но когда шелъ обратно, то ставень былъ уже *притворенъ*. Дворникъ увѣрялъ, что не видѣлъ отпертаго окна, но потомъ *сознался*, что ставни дѣйствительно *притворилъ онъ*, даже заглянулъ въ окно; ему казалось, что жильцы забыли запереть окно и ставень отворилъ вѣтеръ; на первомъ же допросѣ не объяснялъ этихъ обстоятельствъ потому будто бы, что *боялся навлечь на себя подозрѣніе въ убійство*. Далѣе, жилища въ мезонинѣ сосѣдняго дома заявила, что на другой день послѣ совершенія убійства, рано утромъ, она видѣла, какъ дворникъ Якимъ пронесъ въ дворницкую *что-то черное*. Дворникъ отъ этого отперся, но посредствомъ обыска, у него найдено *драповое пальто, принадлежащее убитой въ квартирѣ Ашмаренкова Елены Григорьевой*. Тогда дворникъ объяснилъ, что это паль-

то найдено имъ гдѣ-то въ кладовой подъ лѣстницей и что онъ снесъ его прачкѣ для ребятишекъ. Далѣе, въ квартирѣ Ашмаренкова нашли придушенную, но еще живую, собачку: когда она очнулась, то ласкалась ко всѣмъ безразлично, но дворника не могла видѣть безъ страха: при видѣ его, она дрожала всѣмъ тѣломъ, поджимала хвостъ, пряталась отъ него, или съ визгомъ убѣгала изъ комнаты. При осмотрѣ вещей Якима, нашли рубашку, забрызганную въ нѣсколькихъ мѣстахъ кровью; дворникъ увѣрялъ, что онъ запачкался кровью во время переноса въ больницу убитаго въ квартирѣ Ашмаренкова гимназиста; между тѣмъ свидѣтели помнили, что на дворникѣ надѣтъ былъ въ то время фартукъ, который закрывалъ рубаху. Вдова стараго дворника Анна Андреева, жившая вмѣстѣ съ дворникомъ Якимомъ, обратила на себя не меньшее вниманіе слѣдователей; при обыскѣ, у ней въ комодѣ найдены окровавленные поношенные чулки и половая тряпка, также въ крови; кромѣ того, нашли юбку съ кровавыми пятнами. Андреева объявила, что эта юбка принадлежит одной изъ прислугъ домовладѣльца, но та отъ юбки отказалась. Кромѣ того были показанія, что старая дворничиха рано утромъ въ день убійства не спала; одна жилища показала, что она видѣла ее съ котломъ, въ который накачивали воду; въ это время изъ трубы дворницкой шелъ дымъ—ясно, что топили печь и грѣли воду. Наконецъ, старшій сынъ дворничихи на всѣ вопросы отвѣчалъ слезами; второй же сынъ показалъ *по секрету*, что мать его что-то прятала подъ поломъ дворницкой, хотя впрочемъ тамъ ничего не нашли.

Остальныхъ уликъ мы приводить не будемъ. Уже и этихъ слишкомъ достаточно для того, чтобы даже самый неискусный и неопытный прокуроръ построилъ на нихъ сильное обвиненіе. Даже въ томъ сыромъ необработанномъ видѣ, въ какомъ изложены эти улики у насъ, они не оставляютъ почти никакого сомнѣнія въ виновности дворника и старой дворничихи; но если сколько нибудь приведемъ ихъ съ систему и изложимъ на судѣ передъ присяжными засѣдателями, то обвиненіе было бы несомнѣннымъ. Дворникъ и дворничиха уже готовы были очутиться на скамьѣ подсудимыхъ, чтобы оттуда отправиться навѣрное въ каторгу, полиція кончила уже свою работу, потому что послѣ арестованія дворника и дворничихи сдѣлано было *до двухсотъ дознаній*, но они не привели ни къ какому положительному результату; оставалось сдать дѣло въ судъ. Но при окончательной сдачѣ квартиры Ашмаренковыхъ въ руки

домовладѣльца, сдѣлали еще разъ осмотръ ея и совершенно случайно отыскали окровавленный лифъ женской рубахи — который вполнѣдствіи и открылъ настоящую виновницу убійства, крестьянку Дарью Соколову. Дворникъ, дворничиха и другія лица оказались совершенно непричастными этому дѣлу и всѣ факты, служившіе противъ нихъ такими важными уликами, объяснились совершенно естественно, какъ только нашли настоящаго преступника.

Такимъ образомъ только простой случай избавилъ этихъ лицъ отъ тяжелаго и ничѣмъ незаслуженнаго наказанія, и только случай не дозволилъ состояться приговору присяжныхъ—справедливому по виду, но возмутительному на самомъ дѣлѣ. Не будь отыскана Дарья Соколова, которая давно уже успѣла уѣхать изъ Петербурга и поселиться въ деревнѣ, всѣ мы были бы вполнѣ убѣждены въ виновности дворника и дворничихи. Но что чувствовали бы эти лица—совершенно, какъ мы теперь знаемъ, невинныя—еслибы «справедливый судъ» препроводилъ ихъ въ каторжную работу. Только изучая подобные случаи и влѣзая въ кожу неправильно привлеченныхъ къ суду, можно вполнѣ понять глубоко-нравственный смыслъ положенія, говорящаго, что лучше оправдать десять виновныхъ, чѣмъ обвинить одного невиннаго.

Россія, кажется, ужъ самымъ Богомъ такъ устроена, что въ ней отдѣльными лицамъ зачастую приходится быть агнцами искупленія за грѣхи всего народа. Недавно, на примѣръ, у насъ повсемѣстно процвѣтало взяточничество; существованіе его до такой степени было извѣстно всѣмъ и каждому, что оно принималось даже въ соображеніе при назначеніи жалованья многимъ чиновнымъ лицамъ; до самого послѣдняго времени у насъ существовали (и до сихъ поръ даже существуютъ) такіе оклады, при которыхъ нѣтъ физической возможности жить безъ взятокъ. И это, повторяемъ, вполнѣ было извѣстно всѣмъ и каждому. И вдругъ является какой нибудь обличитель, замѣчаетъ, что Ивановъ или Петровъ взяли тогда-то взятку—и разоблачаетъ Иванова или Петрова, съ под-

нымъ сознаниемъ важности своего подвига въ гражданскомъ смыслѣ. Случалось, что надъ Ивановымъ или Петровымъ назначалось въ силу этого обличенія слѣдствіе, оказывалось, что они тогда-то дѣйствительно взяли такую-то взятку и несчастный Ивановъ или Петровъ позорно выгонялись изъ службы и дѣлались нищими. А выгнавшіе ихъ спокойно продолжали слѣдовать привычкамъ Иванова или Петрова, и старинные порядки продолжали сохраняться въ удивительной чистотѣ и неприкосновенности. Въ страшномъ убыткѣ оказывался только Ивановъ или Петровъ. А въ сущности были ли они сколько нибудь виноваты и оказало ли ихъ удаленіе со службы какую нибудь услугу дѣлу россійскаго прогресса? Ровно никакой.

Точно также всѣмъ хорошо извѣстно, какіе беспорядки существуютъ и особенно существовали въ разныхъ нашихъ департаментахъ, палатахъ, канцеляріяхъ, управахъ и всякихъ другихъ присутственныхъ мѣстахъ. Очевидное дѣло, что въ этихъ беспорядкахъ виновата самая система, на которой построены канцелярскіе порядки, крайняя регламентація, машинность дѣлопроизводства, а никакъ не отдѣльныя лица. И между тѣмъ у насъ зачастую нападаютъ не на самую систему, а именно на лицъ, да еще по большей части лицъ самыхъ мелкихъ, которыя виноваты развѣ тѣмъ только, что творять волю пославшаго ихъ, и эти нападенія часто кончаются для нихъ очень плачевно. Такъ, напримѣръ, недавно тверская врачебная управа обвинила въ нерадѣніи по службѣ своего письмоводителя, котораго и предали суду между прочимъ за ложныя отношенія, которыя имѣли цѣлью *отписаться*, за невнесеніе полученныхъ денегъ на приходъ, за составленіе неправильныхъ увѣдомленій и проч. Письмоводитель совершенно резонно-объяснялъ, что, при громадности переписки въ управѣ, одному ему невозможно было вести дѣла въ порядкѣ, что онъ не разъ докладывалъ объ этомъ членамъ, но что его доклады не имѣли никакого дѣйствія; далѣе, что всѣ отношенія, названныя ложными, подписаны не имъ однимъ, а всѣми членами управы, и что, наконецъ, не оказавшіяся въ личности деньги сданы были имъ въ свое время одному изъ членовъ управы. Не смотря на все это, письмоводителя приговорили къ лишенію правъ и ссылке въ вологодскую губернію на три года.

Точно также мы смотримъ на дѣло о покражѣ соли и желѣза въ Нижнемъ-Новгородѣ. Конечно, Вёрдеревскій и его участники виновны и должны подлежать суду. Но на насъ чрезвычайно непри-

ятно дѣйствовали нижегородскія корреспонденціи по этому поводу, которыя представляли похитителей какими-то необычными злодѣями, которымъ будто бы и подобныхъ нѣтъ въ цѣлой Россіи. Корреспонденты говорили такимъ тономъ, какъ будто рассказывали что-то небывалое и совершенно выходящее изъ ряду. Такъ же, сколько намъ извѣстно, смотрѣли на похитителей и чиновники, производившіе слѣдствіе.

Подобное же впечатлѣніе произвела на насъ и замѣтка подъ названіемъ «странное явленіе въ петербургской судебной практикѣ», напечатанная нѣсколько дней назадъ въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ.» Г. Сомовъ, завѣдующій редакціей этой газеты за отсутствіемъ г. Корша, думалъ вѣроятно оказать Богъ вѣсть какую услугу русскому прогрессу тѣмъ, что напечаталъ замѣтку, которая, вѣроятно, повлечетъ за собою преданіе суду одного изъ судебныхъ слѣдователей Петербурга.

Обличитель «С. Петербургскихъ Вѣдомостей» увѣряетъ, что его обличеніе вызвано искреннимъ желаніемъ добра отечеству и что онъ «не только не имѣлъ съ слѣдователемъ никакихъ столкновений, изъ за которыхъ могъ бы возжелать набросить на него невыгодную тѣнь, но даже первый разъ въ жизни видѣлъ его.» Мы же должны замѣтить, что даже не видѣли никогда этого слѣдователя, и все-таки поднимаемъ въ защиту его свой голосъ.

Слѣдователь обвиняется въ томъ, что онъ прямо нарушаетъ 91—105 статьи наказа судебнымъ слѣдователямъ, а также 17 ст. того же наказа, изъ которыхъ первыя обязываютъ его лично *допрашивать* свидѣтелей, а послѣдняя *собственноручно записывать* показанія. Между тѣмъ, когда обличителя «С. Петербургскихъ Вѣдомостей» позвали къ слѣдователю въ качествѣ свидѣтеля по какому-то дѣлу и начали допрашивать, то внослѣдствіи оказалось, что допросъ этотъ производилъ не самъ слѣдователь, а его письмоводитель, который, впрочемъ, по собственному сознанію обличителя, *отжмиво* предлагалъ приходившимъ садиться, дѣлалъ *удачные* вопросы и *мѣткія* замѣчанія и вообще произвелъ на обличителя такое *приятное* впечатлѣніе, что, не появившись на нѣсколько минутъ въ камеру самъ слѣдователь, обличитель ни за что бы не догадался, что его допрашивалъ письмоводитель.

Такое серьезное обвиненіе и такъ категорически заявленное въ печати, по всей вѣроятности, обратитъ на себя вниманіе кого слѣдуетъ и легко можетъ подвергнуть слѣдователя суду. Но кто же

будетъ отъ этого въ выигрышѣ? Улучшится ли отъ этого наша слѣдственная система? Очевидно, нѣтъ; кто хоть сколько нибудь знаетъ, какое страшное количество дѣлъ лежитъ на рукахъ судебныхъ слѣдователей, тому извѣстно, что слѣдователю нѣтъ физической возможности исполнить все то, чего требуетъ отъ него законъ. Имѣя на рукахъ постоянно около сотни дѣлъ, можетъ ли слѣдователь самъ производить осмотры мѣстностей, гдѣ совершились преступленія, присутствовать на судебныхъ вскрытіяхъ, дѣлать лично допросы свидѣтелямъ, собственноручно записывать ихъ показанія, и въ тоже время вести длинную и сложную служебную переписку съ подлежащими властями. Такая работа не подъ силу одному лицу; хорошо уже и то, если слѣдователь самъ успѣваетъ совершать важнѣйшіе акты при слѣдствіи и беретъ себѣ въ помощники умѣлаго и добросовѣстнаго письмоводителя.

Но намъ могутъ замѣтить, что вѣдь нельзя же пренебрегать и интересами подсудимыхъ, отдавая ихъ судьбу въ руки разныхъ письмоводителей, что обличенія вродѣ тѣхъ, какое напечатали «С. Петербургскія Вѣдомости», могутъ обратить вниманіе кого слѣдуетъ на тяжелое положеніе слѣдователей и заставить принять нужныя мѣры для устраненія подобныхъ важныхъ недостатковъ. Но такое возраженіе могутъ сдѣлать только самые наивные люди. Спрашивается, какія должны быть мѣры для того, чтобы слѣдователи получили возможность вполне добросовѣстно и точно исполнять свою обязанность? Огромное увеличеніе числа слѣдователей, то есть громадное увеличеніе бюджета министерства юстиціи. Но откуда взять денегъ? Чтобы дать средства судебнымъ слѣдователямъ съ буквальною точностью исполнить то, что отъ нихъ требуется, надо увеличить ихъ число, по крайней мѣрѣ, въ десять разъ; а между тѣмъ можно указать множество важныхъ народныхъ нуждъ, которыя или совсѣмъ не удовлетворяются, за неимѣніемъ денегъ, или удовлетворяются крайне плохо. Народное образованіе у насъ даже не прозябаетъ, народная медицина существуетъ въ видѣ самыхъ слабыхъ намековъ на настоящую медицину, а о народномъ хозяйствѣ и говорить нечего — оно держится только по какимъ-то неисповѣдимымъ судьбамъ. Слѣдовательно, чего же хотятъ обличители, подобные тому, о которомъ мы сейчасъ говорили? Неужели они желаютъ еще большаго увеличенія государственнаго бюджета насчетъ самыхъ необходимыхъ и въ миллионъ разъ важнѣйшихъ народныхъ потребностей? А если они не хотятъ этого,

то, очевидно, желаютъ, чтобы разныя частныя лица, вродѣ вышеупомянутаго слѣдователя, были агнцами искупленія за такіе грѣхи, въ которыхъ они невиновны ни душой, ни тѣломъ. Положимъ этого слѣдователя предадутъ суду, положимъ даже удалять изъ службы; но развѣ его намѣстникъ не будетъ дѣлать того же, что дѣлалъ предшественникъ и развѣ весь остальной составъ слѣдователей измѣнитъ отъ этого свои порядки, которые находятся не въ ихъ власти?

Повторяемъ, слѣдователя, котораго обличаютъ «С. Петербургскія Вѣдомости», мы лично не знаемъ, и въ сущности намъ до него нѣтъ никакого дѣла; мы только хотимъ обратить вниманіе обличителей на мелкость, непослѣдовательность и совершенную бесплодность ихъ обличеній. Пусть они не думаютъ, что оказываютъ этимъ услугу російскому прогрессу, и пусть знаютъ, что личныя обличенія, если изъ за нихъ не видно болѣе серьезной и общей мысли, имѣютъ характеръ тѣхъ наблюденій за порядкомъ, которыя по закону лежатъ на обязанности полиціи или прокурорскаго надзора.

Гдб.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ХРОНИКА.

Убийство князя Михаила сербскаго. — Слѣдствія его. — Негодованіе народа противъ убійць. — Энергическія дѣйствія военнаго министра Блазнаваца. — Претенденты на сербскій тронъ. — Омладина. — Князь Миланъ. — Географическое положеніе Сербіи. — Однородность ея населенія. — Единство религіи. — Устройство церкви. — Народное образованіе. — Юстиція. — Промышленность. — Бюджетъ. — Политическія учрежденія. — Хорошія стороны управленія князя Михаила. — Правы и обычаи сербовъ. — Общинное начало. — Король Душанъ. — Порабощеніе Сербіи турками. — Освобожденіе. — Георгій Черный. — Милошъ Обреновичъ. — Александръ Карагеоргіевичъ. — Связь его съ Турціей. — Изгнаніе. — Князь Михаилъ. — Великая сербская идея. — Все общаетъ Сербіи хорошую будущность. — Разныя извѣстія.

Когда собирается гроза, когда скопляется дождь, видимый горизонтъ принимаетъ какъ будто большіе размѣры и для нашего глаза отдаленные предметы обозначаются гораздо яснѣе, нежели въ дни погодные, ясные. Не слѣдуетъ ли, по этимъ соображеніямъ, считать предвѣстникомъ пробужденія восточнаго вопроса — волненіе, овладѣвшее европейскими биржами и даже мелкими буржуа разныхъ провинціальныхъ городовъ и мѣстечекъ, при извѣстии объ убійствѣ князя сербскаго Михаила Обреновича?

I

10 іюня въ Бѣлградѣ шли толки о посѣщеніи сербской столицы принцемъ Наполеономъ. Князь Михаилъ III Обреновичъ

готовился торжественно встрѣтить именитаго гостя, отъ котораго, безъ сомнѣнія, ожидалъ узнать кое-что интересное для Сербіи. По слѣ 12 часовъ, онъ, по обыкновенію, заѣхалъ за своею двоюродною сестрою Анной Константиновичъ и ея дочерью, и отправился въ паркъ Топчидере. Свита была очень немногочисленна; она состояла всего изъ трехъ придворныхъ служителей, которыхъ отпустили у воротъ, ловчаго, которому было приказано отыскать слѣдъ оленя, назначеннаго для охоты принца Наполеона, затѣмъ камердинера и адъютанта, который одинъ былъ вооруженъ, имѣя при себѣ саблю. Михаилъ же взялъ съ собою только хлысть; онъ не носилъ кирасы, какъ г. Бисмаркъ. Раздѣлясь на двѣ группы, они поднимались по лѣсистому холму. Тамъ, гдѣ тропинка спускается въ довольно глубокую чашу, князь внезапно замѣчаетъ передъ собою людей подозрительной наружности: "что это за люди," говоритъ онъ, остановясь въ смущеніи. "Это злые люди," отвѣчаетъ испуганная Анна; "вернемся.," Но князь продолжаетъ путь. Двое неизвѣстныхъ людей очутились у него слѣва, одинъ справа. Четвертый, извѣстный князю, спрятался въ чашу. Трое подозрительныхъ отдали князю честь и почтительно ему поклонились. Несмотря на это, князь чувствуетъ недовѣріе, и, не обращиваясь, слѣдитъ глазами за находящимися съ лѣвой стороны, между тѣмъ какъ справа раздается выстрѣлъ изъ револьвера и ранить князя въ спину, потомъ другой... выстрѣлы слѣдуютъ другъ за другомъ, начинается убійство. Анна бросается на одного изъ убійць, но падаетъ мертвою. Дочь ея, получившая двѣ раны въ затылокъ и одну въ животъ, падаетъ, прикидываясь мертвою, но, при приближеніи адъютанта и камердинера, вскакиваетъ, сбѣгаетъ съ холма, и падаетъ на руки какого-то встрѣчнаго крестьянина. Убійцы между тѣмъ яростно бросаются на трупъ Анны и въ особенности на трупъ князя. Кости убитыхъ оказались всѣ переломаны, кожа такъ разодрана, раны такъ глубоки, мускулы до того искрошены, что доктора должны были работать нѣсколько часовъ, чтобы придать сколько нибудь приличный видъ тѣламъ; кровоизліяніе было такъ сильно, что трупы приняли темносиній цвѣтъ.

Убийство, сопровождаемое такимъ ужаснымъ варварствомъ, составляетъ мѣстный колоритъ, неизвѣстный въ западной Европѣ.

Убийство было совершено въ интересахъ враждебной Обреновичамъ фамилии Карагеоргиевичей, главнѣйшіе члены которой замѣшаны въ этомъ кровавомъ дѣлѣ. Заговоръ былъ составленъ въ пользу князя Александра; душа заговора—жена его княгиня Персида Невадовичъ—дѣйствующія лица—братья, зятья, приверженцы. Династія Карагеоргиевичей хотѣла свергнуть династію Обреновичей, воспользовавшись убійствомъ, смутами и возникновеніемъ восточнаго вопроса. Казалось, заговорщики распорядились хорошо, всѣ необходимыя мѣры ими были приняты, исполненіе поручено людямъ рѣшительнымъ, и тайна, бывшая въ рукахъ челоуѣкъ тридцати, сохранялась хорошо, если не считать нѣсколькихъ анонимныхъ писемъ, въ которыхъ говорили князю Михаилу о предполагаемомъ покушеніи на его жизнь,—писемъ, на которыя онъ не обратилъ вниманія; слишкомъ надѣясь на свою популярность. Если князь ставилъ слишкомъ высоко эту популярность, то Карагеоргиевичи ставили ее слишкомъ низко; извѣстіе объ убійствѣ и отвратительныя подробности его возбудили сильнѣйшее негодованіе противъ убійцъ, ихъ сообщниковъ и руководителей. Народъ потребовалъ, чтобы Карагеоргиевичи были навсегда изгнаны изъ Сербіи, чтобы церковь прокляла и отлучила ихъ; и въ самомъ дѣлѣ, духовенство торжественно исполнило это въ Гроцко. Надо прибавить, что временное правительство повело дѣло скоро и умно, насколько можно судить по присланнымъ имъ въ Парижъ телеграммамъ, составляющимъ важнѣйшіе документы, находящіеся въ нашемъ распоряженіи.

Военный министръ Миливой Блазнавацъ въ нѣсколько часовъ захватилъ главнѣйшихъ заговорщиковъ, дѣйствуя быстро и рѣшительно, не останавливаясь передъ арестомъ сенаторовъ и важнѣйшихъ сановниковъ, объявилъ страну на военномъ положеніи, назначилъ черезъ мѣсяцъ народное собраніе или скупшину и заставилъ войско вотировать преемника князю Михаилу. Явилось нѣсколько претендентовъ.

Во-первыхъ, князь Карагеоргіевичъ. Но явись онъ въ Бѣлградъ, онъ могъ попасть на эшафотъ скорѣе, чѣмъ на тронъ. При другихъ обстоятельствахъ, Карагеоргіевичи имѣли бы всего болѣе шансовъ въ свою пользу; народъ не забылъ бы, что первый изъ ихъ династіи, бѣдный крестьянинъ, подалъ сигналъ къ войнѣ за освобожденіе и впродолженіи десяти лѣтъ былъ предводителемъ и героемъ страны. Противъ нихъ было воспоминаніе о деспотическомъ правленіи Кара Георгія, ненависть къ ихъ фамиліи, возбуждаемая Обреновичами и имѣющая такое значеніе въ Сербіи; за нихъ—родственныя и дружескія связи въ странѣ. Ихъ имя было даже лозунгомъ большей части могущественной велико-сербской партіи, избравшей однимъ изъ своихъ будущихъ кандидатовъ молодого Петра, сына князя Александра. Объ этой партіи, въ одно и тоже время шовинистской; реакціонной и революціонной, мы поговоримъ ниже.

Но эта партія также смотрѣла и до сихъ поръ смотритъ съ великою благосклонностью на князя Никиту черногорскаго, котораго, будто бы поддерживаетъ и русская дипломатія. Черногорія, о которой придется не разъ упомянуть, говоря о восточномъ вопросѣ, населена бѣднымъ и безпокойнымъ народомъ, горстью героевъ, скопищемъ разбойниковъ. Они задыхаются въ своемъ ульѣ и мечтаютъ о великихъ войнахъ, о взятіи Константинополя. Никита—хитрый дипломатъ. Отецъ его былъ однимъ изъ извѣстнѣйшихъ славянскихъ поэтовъ; стихи его служили монархическою пропагандою въ пользу сына. Партіи черногорскаго князя придавало особую силу еще и то обстоятельство, что покойный князь Михаилъ сербскій крестилъ его ребенка, родившагося въ 1864 г. Не преминули счесть это событіе залогомъ соединенія двухъ государствъ; въ странѣ стало ходячимъ мнѣніемъ, что дочь Никиты должна наследовать престолъ послѣ своего крестнаго отца, такъ какъ у князя Михаила не было дѣтей отъ жены, княгини Юліи, происходившей изъ знатнаго венгерскаго рода Гунади.

Княгиня Юлія стремилась въ свою очередь къ регентству, какъ опекуна, племянника. Впродолженіи нѣсколькихъ лѣтъ она жи-

ла въ Венгріи, разойдясь съ мужемъ по несходству характеровъ. Друзья ея говорили, что она не хотѣла быть свидѣтельницею дружественныхъ отношеній ея мужа къ Аннѣ Константиновичъ, имѣвшей на него огромное вліяніе, благодаря своей дѣятельности, непреклонной волѣ, энергіи, пониманію характеровъ и умѣнью управлять людьми. Она была душею правленія, и приверженцы Карагеоргіевичей были убѣждены, что ихъ дѣло не подвинется ни на шагъ, если она останется въ живыхъ. Какъ бы то ни было, противъ княгини Юліи была ея малая популярность, необходимость опереться на партію ея мужа, состоящую по большей части изъ людей, съ которыми она была въ ссорѣ, наконецъ ненависть страны къ предполагаемому покровительству, оказываемому ей Австрією—и множество другихъ причинъ.

Между тѣмъ, какъ одна партія мечтала о присоединеніи Черногоріи къ Сербіи, другая—такъ называемая румынская, выставляла своимъ кандидатомъ принца Карла гогенцоллернскаго, желая сразу увеличить владѣнія Сербіи, имѣющей около 30,000 кв. верстъ, присоединеніемъ около 100,000 кв. верстъ, составляющихъ Молдавію и Валахію. Несмотря на то, что румынская партія выставляла кандидатомъ нѣмецкаго принца, она была противъ Австріи и склонялась въ пользу союза съ Россією столько же, какъ и всякая другая партія. Но сила движенія основана на народномъ признаніи, а народъ чувствовалъ инстинктивно, что присоединеніе къ совершенно чуждой странѣ было бы самосубійствомъ; что Сербія, желая поглотить страну болѣе обширную и съ болѣе многочисленнымъ населеніемъ, была бы сама поглощена ею, тѣмъ болѣе, что между сербами и румынами нѣтъ никакого сходства. Сербы презираютъ румынъ, считая ихъ льстивыми и коварными трусами и развратниками. Другая партія, набравшая своихъ приверженцевъ преимущественно среди *Омладины*, желала бы совершенно покончить съ соперничающими династіями Обреновичей и Карагеоргіевичей, черногорскими, румынскими и всякими другими иностранными претендентами. Она желала видѣть президентомъ сербской республики бывшаго министра иностранныхъ дѣлъ, Гарашанина, самаго опытнаго и спо-

собнаго человѣка въ странѣ, имѣвшаго большое вліяніе на судьбу Сербіи и принимавшаго дѣятельное участіе въ реформахъ, произведенныхъ княземъ Михаиломъ, хотя въ послѣдніе годы отношенія между княземъ и его министромъ нѣсколько охладѣли.

Но мы еще не сказали, что такое *Омладина*. Такъ какъ въ Сербіи нѣтъ университета, то молодежь воспитывается на счетъ государства въ иностранныхъ университетахъ, преимущественно въ Вѣнѣ, Гейдельбергѣ и Парижѣ. Молодые сербы учредили въ университетахъ свои комитеты, имѣющіе различныя названія. Эти комитеты поставили себѣ цѣлью способствовать научному и литературному образованію своихъ членовъ. Они издають ежегодно сборникъ, содержащій патриотическіе рассказы и научныя статьи, прочитанныя въ теченіе года въ различныхъ комитетахъ. Возвращаясь на родину на вакаціонное время, сербы образуютъ центральную студенческую ассоціацію, омладину, молодежь; это конгрессъ, въ которомъ разсматриваются отчеты годовыхъ трудовъ отдѣльныхъ комитетовъ, принимаются рѣшенія на будущее время, чѣмъ, разумѣется, поддерживается единство цѣли и организаціи.

Не слѣдуетъ однако думать, что большинство членовъ Омладины состоитъ изъ республиканцевъ; она, главнымъ образомъ, одушевлена идеею о Великой Сербіи, и потому въ послѣднее время выказала неудовольствіе противъ князя Михаила, котораго она обвиняла въ слабости, медленности нерѣшительности въ восточномъ вопросѣ, негодовала на него за то, что онъ предпочиталъ дать прочное устройство Сербіи, вмѣсто того, чтобы вести молодое, еще неокрѣпшее государство къ какимъ-то героическимъ предпріятіямъ.

Наконецъ, еще претендентъ, о которомъ мы упоминаемъ послѣ всѣхъ, потому что онъ имѣлъ всего болѣе шансовъ сдѣлаться княземъ, — претендентъ, тотчасъ же послѣ смерти Михаила, избранный войскомъ, которое одно могло дать ему рѣшительный перевѣсъ — племянникъ убитаго князя, ребенокъ, Миланъ Обреновичъ, коронованный и признанный подъ именемъ Обреновича IV. Миланъ, уже считавшійся пріемнымъ сыномъ своего дяди, князя Михаила, единственный наслѣдникъ мужескаго пола въ фамиліи Обреновичей, обра-

щенной въ династію вотомъ скуптины. Миланъ, внучь Эфраима, брата стараго Милоша, родоначальника династіи, шесть недѣль тому назадъ былъ ученикомъ парижской коллегіи. Не знаемъ, каковъ теперь князь, но у тринадцатилѣтняго ученика была открытая фізіономія, свѣжій и звонкій смѣхъ, симпатичный голосъ, мальчуганъ былъ честнымъ патріотомъ.

Какъ бы то ни было, всѣ отдали предпочтеніе этому кандидату, выставленному сначала временнымъ правительствомъ, и встрѣтившему поддержку въ англійскомъ консулѣ, признанномъ болѣе или менѣе чистосердечно Портою и великими европейскими державами. Скуптина единодушно избрала маленькаго Милана и немедленно отправила за нимъ депутацію. Справедливо ли, иѣтъ ли, но боялись новаго убійства, и поэтому отъѣздъ его совершился днемъ раньше, чѣмъ было назначено официально, и для большей безопасности его усадили между двухъ жандармовъ, которымъ отдали приказаніе не оставлять его ни на минуту. Изъ рукъ французскихъ жандармовъ молодой князь перешелъ въ руки баденскихъ, отъ тѣхъ къ гессенскимъ и т. д., поѣздъ не доѣхалъ до Бухареста. Это путешествіе будетъ памятно молодому князю, оно дастъ ему понять, что народная любовь не всегда можетъ охранить отъ враждебныхъ посягновеній и что прелесть царствованія помрачается многими горькими минутами. Теперь онъ уже помазанъ на царство при торжественномъ звонѣ колоколовъ; онъ далъ клятву осчастливить свой народъ и слова его сопровождались возгласами восторженной толпы (говоря слогомъ телеграммъ) и пушечною пальбою, онъ надѣлъ на свою дѣтскую голову каску полководца и опоясался саблею старика Милоша.

Ребенокъ попалъ въ центръ восточнаго вопроса, въ центръ партій, уже исчисленныхъ нами, сумятицу семейной вражды, соперничества фамилій, уже причинившихъ столько несчастій Сербіи. Окончательно ли уничтожены Карагеоргіевичи и Невадовичи? — это покажетъ будущее.

II.

Сербія лежитъ противъ Венгріи, и отдѣляется отъ нея Дунаемъ, на берегахъ котораго тѣснится столько народовъ, расъ и языковъ. Главнѣйшая артерія Венгріи, Тисса, имѣющая не менѣе 850 верстъ длины, впадаетъ въ Дунай, недалеко отъ впаденія въ него Моравы; Бѣлградъ — столица Сербіи, стоитъ почти при слияніи Тиссы, Савы и Дуная, на перекресткѣ между Австрією и Турцією, и желѣзныхъ дорогъ, соединяющихъ Адриатическое море съ Чернымъ. Около стратегическаго округа бѣлградско-землинскаго находится Венгрія, Славонія, Кроатія, Герцеговина, Боснія, Болгарія, Румынія и Трансильванія.

Границы Сербіи: на западѣ Дрисса, на сѣверѣ Сава и Дунай, на югѣ ее окаймляетъ цѣпь горъ, идущая отъ Карпатовъ къ Балканамъ. Поверхность ея, по словамъ Убичини, около шестисотъ квадратныхъ миль. Страна склоняется отъ Балканъ въ Дунаю и Савѣ, образуя три яруса: *Верхнюю Сербію*, гористую, покрытую мрачными и густыми лѣсами; *Нижнюю Сербію*, состоящую изъ ряда холмовъ, покрытыхъ виноградниками и долинъ, засѣянныхъ кукурузой и пшеницей; въ Нижней Сербіи, самыя большія возвышенности не превышаютъ 500 или 600 метровъ. Въ срединѣ тянется *Шумадія*, покрытая непроходимыми лѣсами, игравшими важную роль въ борьбѣ за независимость, съ 1804 по 1817 г., когда, говоря языкомъ народныхъ пѣсенъ, „каждое дерево стало воиномъ». Въ настоящее время, она питаетъ безчисленныя стада свиней, составляющихъ главное богатство края.

Страна населена не очень густо, всѣхъ жителей считается около 1.200,000; правда здѣсь населеніе удвоилось въ тридцатилѣтній періодъ, что показываетъ плодovitость расы. Бѣлградъ — столица Сербіи, имѣетъ не болѣе 20,000 жителей, а центры, носящіе громкое названіе городовъ, считались бы въ странѣ съ болѣе густымъ населеніемъ, мѣстечками или даже просто деревнями.

Самый населенный изъ 38 сербскихъ городовъ, (за исключеніемъ Бѣлграда), имѣетъ немногимъ болѣе 5,000 жителей. Въ каждомъ изъ

остальных не наберется и тысячи. Цифры эти получают особый интересъ, когда задашь себѣ вопросъ, что такое было бы великое сербское государство, составляющее предметъ мечтаній нѣкоторыхъ сербскихъ партій? Населеніе Сербіи почти равняется населенію Греціи, которая также обѣщаетъ возродить въ скоромъ времени византійскую имперію. Сербскому населенію жить привольно, оно не задыхается въ тѣснотѣ, земли много; воздѣлана всего осьмая часть почвы, которая, какъ увѣряютъ, очень плодородна.

Сербія имѣетъ огромное преимущество передъ сосѣдними странами, именно передъ Австріей, Венгріей и Турціей въ томъ отношеніи, что 85 сотыхъ ея населенія составляютъ одну расу. Остальные 15 сотыхъ, состоятъ изъ пастуховъ-валаховъ, цыганъ, евреевъ, мусульманъ и другихъ. Мы, впрочемъ, не цѣнимъ слишкомъ высоко это единство расы, потому что какова бы она ни была, она всегда ниже цѣлаго человѣчества, и полагаемъ, что рано или поздно будетъ существовать одна большая человѣческая семья, которая поглотитъ многочисленныя семьи народовъ, такъ долго оставшіяся изолированными. Но теперь не время говорить объ этомъ важномъ вопросѣ; достаточно сказать, что въ настоящее время войнъ, борьбы за преобладаніе и за господство одного народа надъ другимъ, принадлежность народа къ одной расѣ составляетъ важное политическое преимущество.

Подобное же преимущество, подверженное тѣмъ же ограниченіямъ, представляетъ единство вѣры, исповѣдуемой сербами. Сербы принадлежатъ къ православію. Они признаютъ константинопольскаго патріарха, который рукополагаетъ имъ митрополита, но власть ево ничтожна въ Сербіи, такъ какъ сербы очень дорожатъ автономіей церкви. Но сербская церковь, со времени Серскаго собора, въ 1347 г., или если угодно съ 1376, эпохи ея официалнаго признанія, пользуется самостоятельностью; она разъединилась въ концѣ XVII в. въ 1690 г. „когда патріархъ Арсеній Черноевичъ въ сопровожденіи 37,000 сербскихъ семействъ эмигрировалъ въ венгерскій Банатъ. Съ тѣхъ поръ явились два отдѣльныхъ управленія: одно въ Австріи, въ лицѣ карловичскаго патріарха, другое въ Турціи, въ лицѣ бѣлградскаго митрополита. Это

разъединеніе до сихъ поръ составляетъ предметъ сѣтованій для сербскихъ патриотовъ. Партизаны великой Сербіи требуютъ присоединенія къ Сербіи мѣстности, послужившей пристанищемъ эмигрантамъ, въ которой ихъ потомки расплодились и размножились. Перепись 1846 г. показывала въ темешварскомъ Банатѣ и сербекомъ воеводствѣ на 1,500,000 жителей около 400,000 сербовъ и всего 230,000 мадьяръ. Правда, что валахи, которыхъ тамъ до 420,000, имѣли бы еще болѣе правъ, чѣмъ сербы, требовать въ свое владѣніе этотъ важный округъ, въ которомъ этого населенія больше чѣмъ во всей Сербіи *). Митрополитъ и три епископа составляютъ синодъ, который назначаетъ священниковъ, съ согласія князя. Консистеріи разбираютъ брачныя дѣла и дѣла о разводѣ. Митрополитъ, епископы и 20 протоіереевъ получаютъ содержаніе отъ правительства, но 600 священниковъ и 120 монаховъ живутъ духовными имѣніями, которыя еще не секуляризованы, и требами. Плата за требы установлена Милошемъ, который желалъ устранить возмутительныя злоупотребленія, позорившія церковь. Старый Милошъ напоминаетъ нѣсколько Петра Великаго, рѣзко уничтожавшаго злоупотребленія. Ему сказали однажды, что трупъ остается непохороненнымъ, потому что семейство слишкомъ бѣдно, а священникъ не соглашается благословить покойника, пока ему не заплатятъ извѣстной суммы. — Хорошо, отвѣчалъ Милошъ, скажите попу, что я самъ заплачу ему. Я буду на похоронахъ. — Дѣйствительно, при громадномъ стеченіи народа, Милошъ провожаетъ тѣло, присутствуетъ при богослуженіи. Когда послѣдняя горсть земли была брошена на могилу, онъ приказалъ вырыть другую. Могильщики повиновались. Когда могила была готова, Милошъ бросилъ въ нее деньги, требуемыя священникомъ, бросилъ туда его самого и велѣлъ зарыть его живого.

Священники отличаются своимъ невѣжествомъ; они суетѣрны и преданы пьянству не менѣе своихъ прихожанъ, отъ которыхъ ихъ

*) Уже въ 1848 г. народное сербское собраніе вотировало въ Карловичѣ отдѣленіе Баната отъ Венгріи. Землицъ—городъ съ чисто сербскимъ населеніемъ.

трудно отличить, даже по наружности. Они по большей части сами воздѣлываютъ землю. Сдѣлаться священникомъ въ Сербіи очень легко и обязанности ихъ весьма немногосложны, такъ что въ послѣднее время многіе сельскіе учителя стали покидать школу и переходить въ священство. Православная церковь въ Сербіи отличается своей вѣротерпимостію. Въ Бѣлградѣ насчитывается около сотни людей, принадлежащихъ къ реформатскому вѣроисповѣданію, пасторъ которыхъ получаетъ содержаніе отъ правительства. У евреевъ есть также синагога, однакоже они не находятся подъ покровительствомъ закона и могутъ быть завтра же изгнаны изъ страны, если того пожелаетъ народъ или власти. Евреи понимаютъ свое положеніе; они живутъ скромно и стараются держаться въ тѣни, чтобы не возбудить тѣхъ преслѣдованій, которыя кладутъ такое безчестіе на румынскій народъ.

Католической общинѣ въ Бѣлградѣ не везетъ: она никакъ не можетъ организоваться, несмотря на то, что работаетъ съ 1865 года. Правительство князя Михаила старалось помочь ей; оно даже предложило даромъ землю для церкви, обѣщало платить жалованье священнику; но такая любезность не повела ни къ чему; папскій престоль вмѣшался въ дѣло: онъ потребовалъ учрежденія въ Сербіи латинской епископіи, на что правительство, разумѣется, не согласилось.

Исключены изъ вѣротерпимости одни только мусульмане. Запрещается строить новыя мечети въ странѣ, а старыя, еще непришедшія въ разрушеніе, существуютъ только благодаря трактатамъ. Однакоже народъ сербскій не слишкомъ уважаетъ трактаты, и часто случается, что фанатики, раздраженные какимъ либо происшествіемъ, срываютъ до основанія эти защищаемыя трактатами святыни мусульманъ. Но эти акты фанатизма слѣдуетъ приписать скорѣе политической ненависти, нежели религіозной.

Въ 1863 году на 100 учителей считалось 180 священниковъ и, слѣдовательно, народная наука находилась въ очень неблагодарномъ положеніи: общины, почти на половину ихъ числа, были лишены самыхъ существенныхъ потребностей обученія. Учительницы, наиболѣе пригодныя въ дѣлѣ воспитанія ранняго возраста, были

почти неизвѣстны. Притомъ же на 1000 человѣкъ жителей въ Сербіи приходилось тогда всего 12 учащихся, тогда какъ въ невѣжественной Италіи это численное отношеніе составляло 50, а во Франціи даже 100, хотя и она еще далеко не можетъ похвалиться просвѣщеннымъ населеніемъ. А между тѣмъ по отношенію къ взрослому населенію въ Сербіи гораздо болѣе дѣтей, чѣмъ во Франціи, гдѣ мальтузіанскія теоріи замедлили увеличеніе народонаселенія въ средѣ буржуазіи и сельскаго класса.

Выше мы видѣли, что молодые сербы отправляются за-границу, отчасти и насчетъ правительства, для усовершенствованія своего высшаго образованія. Мѣра эта имѣетъ свою хорошую сторону, такъ какъ учащіеся знакомятся при этомъ съ другими людьми, порядками и учрежденіями, занимая въ то же время свой умъ абстрактной и общей наукою.

Для народнаго просвѣщенія Сербія опредѣляетъ ровно десятую часть своего бюджета, простирающагося до двѣнадцати милліоновъ франковъ. Этого, конечно, не совсѣмъ достаточно, но если бы Франція жертвовала относительно столько же, то ея расходъ на элементарное народное обученіе составлялъ бы двѣсти милліоновъ франковъ. Правда, Сербія не имѣетъ ни гроша долга и до сихъ поръ не желала слѣдовать доктринѣ высокоумныхъ западныхъ финансовъ, утверждающихъ, будто государство тѣмъ богаче, чѣмъ болѣе дѣлаетъ займовъ.

Такъ какъ самое точное понятіе о развитіи націи,—какъ умственномъ, такъ промышленномъ и торговомъ,—можно себѣ составить изъ числа писемъ, написанныхъ и полученныхъ гражданами, то мы упомянемъ здѣсь, что число писемъ, прошедшихъ чрезъ сербскія конторы въ 1856 г., было высчитано въ сто тысячъ. Въ 1863 году оно составляло 444,000 и при такой быстрой прогрессіи должно было бы дойти до 700 въ настоящемъ году. Но и при такой высокой цифрѣ на каждого жителя приходится только полписма—въ шестнадцать разъ меньше, чѣмъ во Франціи, которая въ этомъ отношеніи такъ отстала отъ Англіи и Соединенныхъ Штатовъ.

Юстиція представляетъ ежегодно около 2,000 уголовныхъ про-

цессовъ, на которыя приходится до 1,900 обвинительныхъ приговоровъ. а этотъ фактъ въ области судебной практики означаетъ, что въ Сербіи рѣдки аресты, произведенные случайно или по одному подозрѣнію. Поджигательство составляетъ почти третью часть случаевъ преступленій, тогда какъ двѣ другія трети относятся къ разнымъ видамъ воровства. Въ настоящемъ году сербскіе суды занимались рассмотрѣніемъ 23—24,000 гражданскихъ процессовъ, и эта милая цифра предполагаетъ 48,000 сербовъ, тажущихся другъ съ другомъ, что составляетъ 4% населенія.

Такъ какъ браки не требуютъ тамъ большихъ расходовъ и не сопровождаются излишней обрядной торжественностью, то незаконныхъ дѣтей въ Сербіи въ пять разъ менѣе, чѣмъ во Франціи. Еще важнѣе тотъ фактъ, что дѣтоубійство почти неизвѣстно въ Сербіи. Доказательствомъ отсталой цивилизаціи служить также рѣдкость случаевъ самоубійства - не болѣе 200 въ годъ.

Совокупная операція ввоза и вывоза выражается все еще незначительной суммою въ шестьдесятъ милльоновъ въ годъ. Предметы вывоза почти исключительно составляютъ свиньи, рогатый скотъ и нѣкоторые сорта зерноваго хлѣба. Промышленная дѣятельность ничтожна; несмотря на обиліе водъ, страна высылаетъ свой хлѣбъ на граничныя мельницы и, при всемъ громадномъ богатствѣ лѣсовъ, жалкіе пильные заводы, имѣющіеся въ очень скудномъ числѣ, не могутъ заготовлять весь потребный строевой лѣсъ, который доставляется изъ Австріи, вмѣстѣ со многими заводскими продуктами и съѣстными припасами. Не надо забывать, что промышленный и торговый центръ Сербіи находится въ Вѣнѣ, и потому сербы напрасно будутъ жаловаться на австрійское вліяніе до тѣхъ поръ, пока станутъ обращаться къ австрійцамъ за досками, мукою, масломъ, жиромъ, уксусомъ, косами, ножами, даже за гвоздями.

Таможни и косвенные налоги даютъ государству только половину его доходовъ, тогда какъ другая половина доставляется прямымъ налогомъ. Князь Милошъ приобрѣлъ популярность именно уничтоженіемъ множества турецкихъ сборовъ, которые сдѣлались ненавистны не столько высокимъ ихъ размѣромъ, сколько множествомъ мучительныхъ мытарствъ, чрезъ которыя долженъ былъ

пройти плательщикъ. Эти различные сборы были замѣнены однообразнымъ постояннымъ налогомъ, выплачиваемымъ во всемъ его численномъ размѣрѣ всею общиною, которая потомъ была вольна распредѣлять его между плательщиками сообразно съ имуществомъ каждаго. Послѣ крымской войны сербское правительство, применивъ къ той системѣ, которую злые остряки прозвали европейскимъ миромъ, чувствовало гораздо большую потребность въ деньгахъ, чѣмъ это было прежде. Но отсутствіе индустриальной и торговой энергіи, — въ особенности по отношенію къ предметамъ роскоши — не позволяло этому правительству пользоваться богатымъ источникомъ косвенныхъ налоговъ. Располагая однимъ прямымъ налогомъ, оно было вынуждено руководиться принципомъ справедливой прогрессивности. Въ силу закона, изданнаго министерствомъ Гавриловича, поголовная подать была преобразована въ пропорціональный и прогрессивный налогъ на доходъ. Категоріи эти были разграничены произвольно и очень нелогично въ пропорціи 2 : 4 : 6 : 9 : 14 и 20. Но 1862 годъ, когда законъ этотъ долженъ былъ войти въ дѣйствіе, былъ годъ бомбардированія Бѣлграда, и правительство, чтобы загладить это бѣдствіе, было вынуждено назначить экстраординарный подушный сборъ въ 2 дуката (23 фр. 50 сант.) съ каждаго жителя. Въ виду многихъ другихъ затрудненій выше названный законъ былъ отмѣненъ, и новое законоположеніе ввело сложный налогъ, имѣющій значеніе и поголовной подати, и прогрессивнаго налога на поземельное имущество. Сборъ опредѣленъ въ 72 шастра (15 фр. 84 сант.) съ каждаго; но половина этой суммы (7 фр. 92 сант.) выплачивается всѣми безразлично, тогда какъ остальные 7 фр. 92 сант. самою общиною, такъ что одинъ ея членъ платитъ болѣе, другой въ той же мѣрѣ менѣе. При этомъ былъ опредѣленъ максимумъ взноса, и никто не долженъ платить болѣе 40 фр. въ деревняхъ, болѣе 80 фр. въ городахъ и болѣе 160 фр. въ Бѣлградѣ.

Бекіары — рабочіе на фермахъ — и цыгане раздѣлены на многія категоріи и подлежатъ особому налогу, о которомъ мы говорить не будемъ, такъ какъ подробности эти выходятъ за предѣлы нашей статьи.

Какъ бы то ни было, но общій итогъ налога, раздѣленнаго между всѣми гражданами, составляетъ 16 франковъ съ каждаго, но за вычетомъ бездоходныхъ статей—только 10. Въ Греціи налогъ съ каждаго вдвое болѣе, во Франціи онъ составляетъ 80 фр., потому что цивилизація стоитъ очень дорого, въ особенности, если блага ея продаются такимъ безконтрольнымъ правительствомъ, какъ то, которое процвѣтаетъ подъ эгидою Наполеона III.

Изъ двѣнадцати милліоновъ, доставляемыхъ сербскимъ налогомъ, 540,000 фр. назначаются для общественныхъ работъ. Это очень мало въ той странѣ, гдѣ почти нѣтъ порядочныхъ проѣзжихъ траектовъ, еще менѣе желѣзныхъ дорогъ, гдѣ все это приходится создавать заново.

Содержаніе двора относительно очень пышно для этого маленькаго государства, дающаго своему князю 500,000 фр., т. е. почти столько же, сколько идетъ на общественныя работы. Обреновичи очень богаты и владѣютъ громадными имѣніями въ Сербіи и Румыніи. Наслѣдство князя Михаила было оцѣнено въ пятьдесятъ милліоновъ; слѣдовательно, было бы совершенно возможно ограничить содержаніе перваго правительственнаго лица въ маленькой Сербіи тѣмъ бюджетомъ, какой назначенъ для перваго правительственнаго лица въ Соединенныхъ Штатахъ—Джонсона, или прежде для Линкольна.

Подать, выплачиваемая Турціи, составляетъ также 500,000 фр. Далѣе, дипломатическія сношенія, содержаніе политическихъ агентовъ обходится въ 500,000 фр., изъ которыхъ можно было бы экономизировать значительныя суммы.

Содержаніе войска поглощаетъ три милліона. Французская армія расходуетъ столько же втеченіи двухъ сутокъ. Привыкнувъ къ колоссальнымъ цифрамъ, которыми выражается стоимость чудовищной организаціи европейскихъ армій, мы находимъ сумму эту незначительною, и, однако, она составляетъ четвертую часть всѣхъ государственныхъ расходовъ Сербіи. Эти три милліона идутъ на содержаніе корпуса въ 3,400 солдатъ. Не надобно, однако, судить о военной силѣ Сербіи по этой ничтожной цифрѣ наличнаго войска. Полтора ста тысячъ человѣкъ вооружены тамъ заботливымъ

правительствомъ и, въ случаѣ надобности, шестая часть населенія можетъ стать подъ знамена, что составитъ 200 тысячъ человѣкъ. Настоящая военная сила Сербіи заключается въ народной милиціи, подобно тому, какъ мы это видимъ въ Швейцарской республикѣ. Всякій гражданинъ вооруженъ, всякій гражданинъ—воинъ, всякій гражданинъ отвѣчаетъ за безопасность и независимость отечества. Всѣ сербы безразлично—отъ двадцати пяти до пятидесяти лѣтъ отъ роду—входятъ въ составъ милиціи, за исключеніемъ только духовенства и людей, одержимыхъ болѣзнями. По первой очереди является на службу четвертая часть всѣхъ гражданъ, внесенныхъ въ списки милиціи. Люди одной и той же общины, или, въ случаѣ надобности, многихъ соединенныхъ виѣстѣ общинъ составляютъ роту, —роты одного и того же округа образуютъ одинъ или нѣсколько батальоновъ. Полки формируются изъ родственниковъ, друзей, знакомыхъ, земляковъ и сохраняютъ свой мѣстный, провинціальныи характеръ, что представляется безобразнымъ „варварствомъ“ ученымъ военнымъ специалистамъ и тактикамъ. Однако швейцарцы и сербы не желаютъ замѣнить свой порядокъ прусской организаціей. Всякій сербъ—солдатъ, какихъ наберется немало во французскихъ образцовыхъ ротахъ, но при его страсти къ оружію, при его воинственномъ духѣ и привычкѣ къ трудамъ и лишениямъ, сербскій солдатъ презираетъ гарнизонную жизнь, службу въ казармѣ. Сербъ скорѣе воинъ, чѣмъ солдатъ. Пассивное повиновеніе не его ремесло. Онъ беретъ за оружіе для того, чтобы защищать свою свободу и независимость, а не для того, чтобы лишиться того и другого. Одно слово—дикари, весьма докторально замѣтятъ генералы Ніэль и Мольтке. Имъ, конечно, и книги въ руки, но едва ли эти господа отважатся напасть на Сербію, развѣ ужъ двинуть громадную армію противъ сербской народной милиціи. Всякій сербъ, защищающій свой родной очагъ, съумѣетъ справиться съ солдатомъ, со многими солдатами нападающаго непріятели. Правда, сербская военная организація, безукоризненно хорошая для оборонительныхъ дѣйствій, нигде бы не годилась для наступательной войны, но мы слишкомъ далеки отъ того, чтобы эту слабость для атаки считать плачевнымъ недостаткомъ всей системы.

Верховное владычество Турціи обязываетъ страну только къ уплатѣ подати, не требуя никакого военного контингента. Подъ этимъ, чисто номинальнымъ владычествомъ, которое, однако, дѣйствовало довольно разрушительно, фактически независимая Сербія приняла видъ конституціонной монархіи, подъ верховнымъ династическимъ господствомъ князей, которые имѣютъ право царствовать, но не управлять или, по крайней мѣрѣ, управлять только чрезъ посредство отвѣтственныхъ министровъ. Власть князя ограничена властью такъ называемой скупщины, т. е. собранія представителей страны, и сенатомъ, имѣющимъ значеніе государственнаго совѣта, котораго члены, въ числѣ не болѣе семнадцати, избираются княземъ между высокими сановниками и могутъ быть имъ отставлены съ пенсіономъ.

Въ скупщину, какъ непосредственную делегацію страны, избирается одинъ депутатъ на 2,000 плательщиковъ налоговъ. Ей было предоставлено право разсмотрѣнія въ обширномъ смыслѣ, а также инициативы въ дѣлѣ законодательства. Утвержденіе скупщины было объявлено необходимымъ во всѣхъ важныхъ случаяхъ общественной жизни. При всемъ томъ оно не было слишкомъ стѣснительно для князя, потому что ея обыкновенныя собранія происходили только чрезъ три года и, слѣдовательно, по неволѣ одобряли и узаконяли то, что уже было сдѣлано.

Но послѣднія событія произвели коренное измѣненіе въ политической организаціи Сербіи. Скупщина, созданная для избранія будущаго князя, отдала предпочтеніе маленькому Милану и въ то же время постановила, что она будетъ собираться ежегодно. Смыслъ этой резолюціи слѣдующій: „съ этихъ поръ страна будетъ управляться сама собою“. И какъ бы для того, чтобы лучше объяснить тугоголовымъ характеръ этого измѣненія, скупщина добавляла: „въ Сербіи долженъ быть введенъ конституціонный порядокъ“. Это значитъ, что несмотря на всевозможныя краснорѣчивыя заявленія, онъ тамъ еще не существовалъ до сихъ поръ.

Дѣйствительно, князь Михаилъ въ сущности управлялъ страной почти по своему произволу. Правда, въ противоположность турецкимъ приемамъ и грубымъ деспотическимъ замашкамъ своихъ пред-

шественниковъ Милоша и Кара-Георгія, князь Михаилъ ввелъ въ странѣ законность, долго считавшуюся чѣмъ-то парадоксальнымъ, однако власть Михаила была не менѣе ощутительна. Изъ рассказаннаго выше анекдота уже видно, какъ старый Милошъ обуздывалъ алчность духовенства. Прибавимъ, что Кара-Георгія постоянно носилъ за поясомъ заряженный пистолеть, на возраженія имѣлъ привычку отвѣчать пулею и когда кто нибудь ему не нравился, то онъ стрѣлялъ въ лобъ безъ дальнѣйшихъ церемоній. Этимъ способомъ онъ покончилъ съ Миланомъ—сведеннымъ братомъ Милоша; также точно онъ убилъ своего собственного брата, даже своего отца, отказавшагося слѣдовать за нимъ въ Австрію. Надо отдать справедливость князю Михаилу въ томъ отношеніи, что онъ покровительствовалъ конституціонному порядку, всѣми силами старался водворить его въ Сербіи, но несмотря на всѣ свои усилія все-таки оставался диктаторомъ, и диктаторомъ, гораздо болѣе самостоятельнымъ, чѣмъ предшествовавшіе ему деспоты. Избытокъ официальной власти, отъ котораго онъ хотѣлъ отказаться, опять возвращался къ нему, даже съ процентами въ видѣ личнаго вліянія. Отсюда возникъ странный порядокъ вещей, идущій въ разрѣзъ со всѣми системами; это была какая-то странная равноколичественная смѣсь притѣсненія и свободы. Съ одной стороны—цензура, съ другой — безпрепятственная свобода слова; самодержавный князь и граждане почти совершенно независимые въ тѣсномъ кругу ихъ политической, умственной и моральной жизни. Обращался къ скутшинѣ, официально князь называлъ ихъ „братьями“, а братья величали его „господаремъ“. И каждый сербъ, дѣйствительно, поступалъ, какъ подобаетъ брату, или, по крайней мѣрѣ, близкому родичу князя, однако воля державнаго брата была закономъ. Въ Сербіи преобладала, и до сихъ поръ еще продолжаетъ преобладать патриархальная демократія, при которой политическіе нравы западныхъ государствъ еще совершенно неизвѣстны. Между княземъ и послѣднимъ мужикомъ нѣтъ переходныхъ общественныхъ ступеней: повелѣвающій и повинующійся—оба граждане. Между ними нѣтъ никакой іерархіи—ни духовной, ни нобиліарной, еще менѣе финансовой. Нѣтъ ни благородныхъ лицъ, ни титуловъ, ни приви-

легий. Всё бѣдны, и потому пауперизмъ въ странѣ неизвѣстенъ. Сосѣдняя Боснія страдаетъ подъ гнетомъ феодальнаго порядка; настоящую язву Румыніи составляетъ всеильная территориальная аристократія; но въ Сербіи крѣпостные смерды были освобождены, поселенцы обратились въ землевладѣльцевъ, земля размежевана на очень мелкіе участки, доступные карману каждаго. Такъ какъ въ странѣ нѣтъ ни касты, ни классовъ, то нѣтъ также и сословнаго антагонизма, составляющаго большое мѣсто, язву Германіи, Франціи и Англии. Между княземъ и его народомъ не было оффиціального посредствующаго звѣна, не было этого „проклятаго клочка бумаги“, который такъ стѣснялъ покойнаго прусскаго короля, слѣдовательно право подданнаго не было рѣзко разграчено отъ княжеской прерогативы, и во многихъ явленіяхъ общественной жизни было бы трудно опредѣлять роль управляющихъ и управляемыхъ. Каждое воскресенье *кметъ* общины, — который въ то же время имѣетъ значеніе мэра, депутата гражданъ и депутата администраціи, сборщика податей и мирового судьи, — отправляется къ большому дереву села, подобно тому какъ поселяне, за неизмѣнимъ церковей и часовней, собираются съ своими попами подъ „святыми древами“, находящимися въ связи съ какими либо воспоминаніями изъ древней славянской мифологіи. *Кметъ* садится посреди *скупы* или своего муниципальнаго совѣта, вокругъ котораго помѣщаются *старцы* или старшины, за ними всё отцы семействъ, и наконецъ всё молодые люди, которые предпочли присутствовать при совѣщаніяхъ, вмѣсто того, чтобы нѣсколько подолѣе плясать съ деревенскими молодками. — „Друзья мои“, говоритъ *кметъ*, — „князь велѣлъ намъ сказать вамъ то-то и то-то: хотите вы этого или нѣтъ?“ — Да, или нѣтъ... мы хотимъ сдѣлать такъ или эдакъ...“ слышится въ толпѣ. Почти тоже самое происходитъ и при выборѣ депутатовъ въ *скупшину*. Вотъ онъ, золотой вѣкъ политической жизни: власть и народъ еще перемѣшаны между собою. Но потерпите немножко, добродушные сербы, и вы познакомятесь скоро съ сложной машиной нашей современной цивилизаціи; и между вами возникнутъ тутъ убогіе труженики, тамъ праздно кейфирую-

ще сибариты, здѣсь повѣлевающіе, тамъ существа, созданныя только для того, чтобъ повиноваться...

Политическая патріархальность основана на социальной. Здѣсь мы приведемъ нѣкоторыя свѣденія, особенно интересныя для русскихъ, такъ какъ общинное начало было испоконѣ вѣковъ присуще русскому человѣку. Свѣденія эти мы заимствуемъ изъ сочиненія Убичини о Сербіи, которое намъ кажется самымъ полнымъ и наиболѣе рациональнымъ изслѣдованіемъ этого предмета.

„Основую общины служитъ домъ или семья—*куча*, которой характеръ очень немного измѣнился со времени перваго появленія сербовъ на берегахъ Дуная. Если семья многочисленна, то члены ея образуютъ такъ называемую *задругу* или добровольную общину, составленную изъ многихъ родственниковъ съ отцовской стороны,—родныхъ братьевъ, двоюродныхъ братьевъ или племянниковъ, живущихъ вмѣстѣ и признающихъ надъ собою власть племеначальника (старѣйшина), отъ котораго всѣ они происходятъ. Ассоціація эта признается и закономъ, который называетъ ее общиннымъ владѣніемъ, основаннымъ на родственной связи членовъ, живущихъ вмѣстѣ“ (см. серб. гражданскій кодексъ, § 5, 159, 520 и пр.). Поля, работы, а также и самый доходъ распредѣляются сообща. Старѣйшина распоряжается и управляетъ общиною, однако распоряженія его получаютъ силу только съ согласія всѣхъ. Каждый членъ общины (задругарь) имѣетъ свои спеціальныя обязанности. Женщины дежурятъ по-недѣльно. Они должны ухаживать за дѣтьми, вести домашнее хозяйство, печь хлѣбъ и готовить съѣстные припасы. Старѣйшина имѣетъ на всѣхъ задругаровъ моральное вліяніе римскаго *pater familias*. Малолѣтнихъ дѣтей онъ имѣетъ право подвергать исправительнымъ мѣрамъ, дѣлается ихъ естественнымъ опекуномъ, когда они осиротѣютъ. Когда старѣйшина самъ уже не въ состояніи управлять общиною, то передаетъ свою власть (*старѣйшинство*) другому, но не всегда старшему изъ своихъ сыновей, а тому изъ нихъ, котораго считаетъ болѣе способнымъ заступитъ его мѣсто. Всѣ члены задруги, подчиняясь волѣ отца, признаютъ новаго старѣйшину. Однако отецъ до самой своей смерти остается моральнымъ главою семьи. Наканунѣ воскресенья и

большихъ праздниковъ онъ первый запѣваетъ молитвы, въ которыя присоединяются сообща всѣ прочіе. Если посторонній членъ вѣкъ зайдетъ въ домъ, старый отецъ садится вмѣстѣ съ нимъ и старѣйшиной за столъ, тогда какъ другіе члены семьи почтительно стоятъ вокругъ нихъ. Въ послѣднее время число задругъ начало уменьшаться. Теперь случается гораздо чаще, чѣмъ было прежде, что взрослые сыновья, женившись рано по сербскому обычаю, оставляютъ отцовскій домъ еще при жизни отца и обзаводятся отдѣльнымъ хозяйствомъ. Правительство старается скорѣе поощрить это новое направленіе, чѣмъ ставить ему препятствія. Если патріархальный режимъ, до сихъ поръ господствовавшій въ Сербіи, оказывалъ благопріятное вліяніе на нравы, если онъ способствовалъ къ поддержанію семейнаго духа и дисциплины въ средѣ этого народа пастуховъ и воиновъ, то съ другой стороны патріархальность эта парализовала индивидуальную энергію и ставила серьезныя преграды развитію земледѣлія и промышленности“. (Убичини, стр. 53 и 54).

„Въ Сербіи“, рассказываетъ въ свою очередь г-жа Дора-д'Истрія, — „общинная земля раздѣляется на лѣса, пользованіе которыми принадлежитъ всѣмъ, далѣе на пахатные участки, принадлежащіе отдѣльнымъ лицамъ, на луга, въ которыхъ каждый поселенинъ имѣетъ свою долю, но которые служатъ пастбищами для всей общины, — наконецъ, на пустопорожнія и всѣмъ сообща принадлежащія пространства. Если поселенинъ недостаточно надѣленъ землею, то для полученія прибавки ему стоитъ только обратиться къ общинѣ. Но и этотъ порядокъ, дающій такой просторъ общинной жизни, повидимому, не вполне удовлетворяетъ инстинктамъ сербскаго народа. Многіе дома соглашаются работать вмѣстѣ. Сегодня дѣятельная работа происходитъ въ одномъ домѣ, завтра—въ другомъ. Чисто братское чувство также способствуетъ ко взаимному сближенію этихъ людей, какъ и необходимость жить вмѣстѣ. Въ праздничные дни, когда поселяне не работаютъ ни для себя, ни ради заработка, очень многіе изъ нихъ съ радостью готовы пособлять въ тѣхъ домахъ, гдѣ нѣтъ достаточно рукъ для окончанія работъ. Эти веселыя артели называются *мобами*, и мо-

бароши, распѣвая пѣсни, отправляются на работу къ своимъ сосѣдямъ, которые принимаютъ ихъ съ тѣмъ радушіемъ, въ какомъ честные сербы никогда не отказываютъ и менѣе полезнымъ людямъ, даже иностранцамъ.

Страсть къ забавамъ, задушевная искренность и гостеприимство — эти три характеристическія черты истаго сербскаго поселянина — всего лучше обнаруживаются на престольныхъ праздникахъ въ честь святаго деревни. Эти праздники напоминаютъ братскія агапіи первобытныхъ временъ христіанства и особенно нравятся сербскимъ гулякамъ. На этихъ пирахъ, которымъ предшествуетъ довольно сложный религіозный обрядъ, всякій занимаетъ мѣсто, указываемое ему званіемъ или возрастомъ, и предписанія славянскаго гостеприимства исполняются со всевозможной строгостью. Гости усаживаются послѣ священника и старѣйшины. Изъ опасенія, чтобы незнаніе мѣстныхъ обычаевъ не помѣшало какому нибудь заѣзжему человѣку присутствовать на праздникѣ, двое или трое молодыхъ парней посылаются на площадь, чтобы зазывать всѣхъ, которые могли бы тамъ находиться. Обѣдъ оживляется дружеской бесѣдой и заздравными тостами. Но этимъ длиннымъ рѣчамъ и попойкѣ молодежь предпочитаетъ пляску; присутствующіе развлекаются также хороводами (*коло*), пѣснями молодежи въ два голоса поочередно, бѣганьемъ взапуски, борьбою, прыганьемъ.

Общинная жизнь достигла такого развитія, что деревенское своелюдуство могло бы сообщить патріотическому чувству замкнутый муниципальный характеръ. Поэтому обычай *соборовъ* — въ самомъ началѣ чисто религіозный — имѣетъ цѣлю препятствовать братской симпатіи сосредоточиваться въ предѣлахъ одного деревенскаго прихода. Въ эпоху иноземнаго владычества, церкви строились обыкновенно въ уединенныхъ мѣстахъ и служили удобными центрами соединенія. Турки расположились по городамъ, не слишкомъ тревожились, видя, какъ невѣрные *рим* толпами сбѣгались въ церковь по праздничнымъ днямъ, въ вербное воскресенье, для празднованія годовщины по различнымъ случаямъ. Въ такіе дни церковь соединяла въ своихъ стѣнахъ всѣхъ жителей деревень, образовавшихъ приходъ. Еще и теперь на большихъ *соборахъ* ежегодно сходятся

близь церкви или чаще близь монастыря жители многихъ округовъ и даже многихъ уѣздовъ. *Соборомъ Видовдана* называется богомольное странствованіе, предпринимаемое ежегодно въ годовщину коссовской битвы жителями всѣхъ уѣздовъ, собирающимися близь монастыря Раваница, гдѣ почиваютъ высоко чтимые сербами останки царя Лазаря“.

Изъ всего сказаннаго выше можно, какъ мы полагаемъ, составить достаточно наглядное понятіе о современномъ положеніи и чрезвычайно простыхъ социальныхъ условіяхъ сербскаго народа. Мы бы хотѣли дополнить картину эту очеркомъ народныхъ пѣсень, безъ чего трудно заглянуть въ самую душу націи, но оставляемъ задачу эту до другого времени, когда не такъ зорко должны будемъ слѣдить за ходомъ современныхъ событій. Теперь же намъ остается только слегка резюмировать сербскую исторію и представить нѣкоторыя замѣчанія относительно той роли, какая должна быть отведена Сербіи въ восточномъ вопросѣ.

III.

Одно изъ славянскихъ племенъ, жившее по берегамъ Эльбы и Сѣвернаго моря, было оттѣснено германцами, двинулось вверхъ по теченію Эльбы и нѣкоторое время оставалось на Карпатскихъ горахъ, находясь въ нерѣшительности, куда идти далѣе—на Римъ или Константинополь. Императоръ Ираклій призвалъ этихъ славянъ, чтобы населить и защищать ими страну, опустошенную аварами.

Страна эта была Сербія. Это происходило въ лѣсахъ Мизіи двѣнадцать вѣковъ тому назадъ, и потому рожденіе маленькаго государства скрывается почти въ непроницаемой неизвѣстности. Триста лѣтъ позже, въ 923 году, болгары покорили сербское племя, которое, подчинившись вмѣстѣ съ ними греческому владычеству (949), приняло христіанскую вѣру въ царствованіе Василія I македонянина. Однако, это обращеніе не привязало сербовъ къ византійской

имперіи, и спустя два вѣка послѣ побѣды грековъ Чудомисъ возбудилъ въ странахъ возстаніе, которое константинопольскіе императоры были не въ силахъ обуздать. Съ этого времени нѣкоторые дошедшія до насъ монастырскія лѣтописи рассказываютъ намъ исторію въ томъ видѣ, въ какомъ могли ее написать невѣжественные и фанатическіе монахи. Мудрѣйшими, добродѣтельнѣйшими, мужественнѣйшими королями называются тѣ, которые основали болѣе монастырей и роздали церквямъ болѣе подарковъ. Въ концѣ XII в. царствовалъ Стефанъ I — первый король изъ династіи Неманичей. Монахи хвалятъ его релігиозную равность противъ еретиковъ, его щедрость къ монастырямъ, которые онъ одѣлалъ богатыми имуществами, его усердную заботливость о привиллегіяхъ церкви. Подъ конецъ жизни онъ отказался отъ правленія и вступилъ монахомъ въ одинъ изъ афонскихъ монастырей, которые славились на востокѣ также, какъ францисканскія обители на западѣ и которые, стремясь къ идеалу монастырской республики, обращали на себя вниманіе владѣтельныхъ лицъ и дѣйствовали возбуждительно на народное воображеніе. Стефанъ былъ — святой Людовикъ Сербіи, которой Карломъ великимъ былъ Стефанъ VIII Душанъ (1333 — 1356). Этотъ воинственный крадь побѣдоносно воевалъ въ Фессалии, Македоніи, Фракіи, Албаніи, Акарнани. Боснія была присоединена къ его владѣніямъ, Болгарія платила ему дань, Рагуза признала надъ собою его покровительство. Греки были стѣснены въ узкомъ треугольникѣ, образуемомъ на картѣ Салоникой, Константинополемъ и Бургасомъ. Владѣнія Душана прикасались Салоникою къ Архипелагу, Болгаріей — къ Черному морю, Бѣлградомъ — къ Дунаю и Савѣ, Рагузою — къ Адриатическому морю. Скоро носимый титулъ показался едишкомъ скромнымъ Душану, который объявилъ себя „королемъ и царемъ Сербіи и Румыніи во Христвъ Исусѣ.“ Съ высоты Балкановъ, сдѣлавъ своею крѣпостью горный утесъ, возвышающійся между Пристиною и Софіей, онъ принималъ походы на сѣверъ и югъ, на востокъ и западъ, и, наконецъ, совершенно подчинилъ полуостровъ своему господству. Ему оставалось только покорить Византію, которой войска онъ уже

разбивать на голову во многихъ экспедиціяхъ. Имперія, дойдя до недужной дряхлости, угрожаемая турками, раздираемая внутренними несогласіями, должна была рухнуть отъ одного послѣдняго удара, думаль Душанъ, и двинулъ впередъ восьмидесяти-тысячную армію. Онъ уже находился въ двѣнадцати миляхъ отъ Константинополя, какъ вдругъ заболѣваетъ сильной горячкой и умираетъ чрезъ нѣсколько сутокъ. Армія его въ паническомъ ужасѣ отступаетъ назадъ, унося съ собою трупъ своего доблестнаго вождя. Не успѣлъ еще онъ закрыть глазъ, какъ его воеводы, переглядываясь другъ съ другомъ, вскрикнули зычно: кому быть кралемъ?

Подобно Карлу великому Душанъ, такъ много поработавшій для созданія сербской имперіи, пускавшій для того въ ходъ всякую несправедливость и насиліе, — самъ размежевалъ ее въ порядкѣ наслѣдства, имъ введенномъ.

Законы и постановленія Душана по духу и общему характеру представляютъ сходство съ капитуляріями. ¹⁾ Подобно капитуляріямъ законы эти образуютъ кодексъ феодальнаго строя и основаны на существенномъ и рѣзкомъ разграниченіи благороднаго отъ простолюдина, хотя эта германская идея діаметрально противоположна демократическому инстинкту славянъ. У древней цивилизаціи кодексъ Душана заимствовалъ ранги, титулы, множество анахронизмовъ. Король окружалъ себя второстепенными деспотами, логофетами, каммергерами и пр. Государство представляло хаотическую агрегацию вельможъ, которые тогда только повиновались своему сюзерену, когда не могли придумать ничего другого. Въ одной народной пѣснѣ разсказывается, какъ строптивые вассалы бросаются на государя съ обнаженными саблями.

Эпоху Душана намъ выставляютъ лучезарнымъ зенитомъ преуспѣянія въ сербской исторіи. Признаемся, мы очень мало сочувствуемъ побѣдительной, фанатической и феодальной Сербіи. Мы думаемъ даже, что Сербія легко могла сама погибнуть вслѣдствіе внутреннихъ неурядицъ, введенныхъ реформою Душана: всѣ эти

¹⁾ См., напримѣръ, 37-ю статью: «благородный, убившій мужика, платитъ 1000 перперовъ. Мужикъ за убійство благороднаго платитъ 300 перперовъ и подвергается отсѣченію руки.»

феодалы загрызли бы другъ друга до окончательнаго разрушенія государства, всё эти благородные задавили бы мужиковъ до послѣдняго.

Намъ толкуютъ о слабости и неумѣлости наслѣдниковъ Душана; но вина эта, по нашему мнѣнiю, болѣе падаетъ на ихъ феодальныхъ бароновъ. Уже тридцать лѣтъ послѣ того, какъ побѣдоносная сербская армія находилась недалеко отъ Константинополя, сербы подверглись нападенію въ своемъ собственномъ отечествѣ и были смяты въ кровавой битвѣ при Косово, которую сербскіе патриоты и до сихъ поръ вспоминаютъ ежегоднымъ трауромъ. Пятилѣтнее тяжелое рабство было результатомъ косовскаго пораженія. Чтобы объяснить это ужасное бѣдствие, еще болѣе тягостное, чѣмъ какимъ было для Венгріи пораженіе при Могачѣ въ 1526 г., необходимо, разумѣется, принять въ соображеніе изумительную воинственную энергію татарской расы, фанатическій энтузіазмъ новообращенныхъ мусульманъ, желаніе востока расплатиться за крестовые походы, за варварское и безсмысленное нападеніе латинянъ на Константинополь; надобно принять въ расчетъ мужество и даровитость Мурада I, который одержалъ верхъ въ тридцати девяти сраженіяхъ. Но не надобно также выпускать изъ вида истощенія Сербіи, притѣсненной самоуправствомъ знати и уже ослабленной неимовѣрнымъ напряженіемъ при Душанѣ, не надобно забывать о неповиновеніи князей и знатныхъ вассаловъ, болѣе враждовавшихъ между собою и съ кралемъ, чѣмъ думавшихъ о войнѣ съ турками. Цѣлыя области были въ конецъ истощены алчностью благородныхъ. Да и что рассказываютъ намъ „пѣсни“, изъ которыхъ скорѣе и лучше можно узнать истину, чѣмъ изъ всѣхъ возможныхъ монашескихъ писаній?

Въ пѣсняхъ передъ нами ярко выступаютъ споры феодаловъ, вражда между двумя зятьями царя Лазаря—между честнымъ витяземъ Милошемъ Обиличемъ, сербскимъ Роландомъ, и измѣнникомъ, Ганелономъ Сербіи—Вукомъ Вранковичемъ, который, движимый ненавистью къ своему родственнику, продаетъ свое отечество туркамъ. Пѣсни рассказываютъ далѣе, что Сидъ-Кампеадоръ Сербіи, знаменитый Марко кралевичъ на косовскихъ поляхъ сражался

противъ своей родины— откуда эта низость? Изъ мелочной досады, изъ обиды самолюбія, которой феодалный баринъ не могъ простить никогда.

По нашему мнѣнію не побѣды Душана создали политическую стойкость Сербіи, а напротивъ коссовское пораженіе, заставившее душу серба сосредоточиться въ себѣ самой, и изъ этого сосредоточенія возникъ источникъ поэзіи— героическія гѣсны и коротенькія эпопеи о Милошѣ и Марко. Съ этихъ поръ зло существовало для Сербіи извнѣ, вмѣсто того, чтобы внутри разѣдать жизненные органы нации, уже не говоря о томъ, что турки, притѣснители, сами того не зная и не желая, обратились въ настоящихъ благодѣтелей сербскаго народа. Они усердно принялись истреблять феодалную аристократію и искоренять всѣхъ этихъ мелкихъ тиранчиковъ, высамывавшихъ кровь поселянина, — жизненные соки страны. Общее несчастіе сгладило всѣ социальныя неровности и не было больше и помину о кастахъ между побѣжденными, обратившимися въ *рабевъ* и земледѣльцевъ. Утомительно было бы рассказывать эту исторію обновленія или, говоря точнѣе, созданія сербскаго народа горемъ и униженіемъ, ненавистью и наследственной враждою. Не надобно представлять себѣ поведеніе турокъ, чѣмъ-то хуже необыкновенно чудовищнымъ. Турецкое владычество, напротивъ, было гораздо гуманнѣе испанской расправы въ Вестъ-Индіи и английской политики въ Ирландіи. Османская исторія представляетъ менѣе преступленій сравнительно съ исторіею французскаго королевства. Впрочемъ по части преступленій христіане и мусульмане, турки и мавры ни въ чемъ не могутъ упрекнуть другъ друга, и злодѣянія турокъ также многочисленны, какъ и возмутельны.

Когда жестокости янычаровъ и безжалостныя притѣсненія нашей истощали мѣру всякаго терпѣнія, сербы возмутились и сообщили первый толчекъ разбѣденію турецкой имперіи за восемнадцать лѣтъ до начала греческой революціи. Во главѣ иисургентовъ скоро обратилъ на себя вниманіе крестьянина Георгій, прозванный Чернымъ, по своему смуглому лицу. Подобно многимъ другимъ, онъ оставилъ свою разрушенную жилищину и пустился въ горы, чтобы сдѣлаться *гайдукомъ*, также какъ между греками онъ сдѣлался бы

клефтомъ. Ограбить турка значило тоже, что отнять у невѣрнаго нехриста имущество, захваченное у православныхъ. Экспедиціи шли дѣятельно и въ нихъ приняла участіе многіе греки, кроаты, славонцы — люди отчаянные, рѣшившіеся тревожить войска пашей партизанской войною. Въ одинъ прекрасный день атаманъ разбойниковъ преобразовался въ героя войны за независимость. Но такъ какъ героизмъ Георгія Чернаго проистекалъ изъ ненависти, то въ личности этого вождя постоянно находился закатъ бандита. Въ 1804 году разбой принялъ характеръ серьезнаго политическаго возстанія; какъ только по слабому сопротивленію турокъ сербы поняли, что побѣда возможна, то вступили въ борьбу съ дикою энергіей, съ изумительною отвагою и постоянствомъ. Женщины отдавали свои ожерелья, турецкіе *ярмилики*, австрійскіе *дукаты* и русскіе *карбованцы*. Съ 1804 по 1810 годъ, т. е. во все время перваго возстанія сербы не имѣли никакихъ другихъ монетъ, кромѣ украшеній, пожертвованныхъ ихъ дочерьми и женами. Подъ Мишаромъ сербы, въ числѣ 8—9 тысячъ, встрѣтились съ большою турецкою арміей, командуемой сераскиромъ, который предложилъ Георгію сдать оружіе. „Приди и возьми!“ отвѣчалъ храбрый гайдукъ, бессознательно повторяя знаменитыя слова Леонида. Наконецъ онъ овладѣлъ Бѣлградомъ и принудилъ Порту вступить съ нимъ въ переговоры. Приверженцы Георгія провозгласили его княземъ Сербіи. Но въ 1807 году онъ потерпѣлъ неудачу подъ Виддиномъ и долженъ былъ уступить туркамъ часть страны. Заключивъ съ Россіей бухарестскій миръ въ 1812 году, Турція могла поправить свои силы противъ возстанія и вездѣ оружіе ея одерживало верхъ. Сербы отчаялись въ успѣхъ своего дѣла и бодѣ всѣхъ — самъ Георгій. Вкусивъ сладость неограниченной власти, онъ уже сдѣлался неспособнымъ къ перенесенію противорѣчій, и всякая серьезная неудача приводила его въ отчаянье. Онъ бѣжалъ въ Австрію, оттуда въ Россію, гдѣ императоръ Александръ принялъ бѣглеца благосклонно, сдѣлалъ его княземъ и генераломъ. Въ 1816 году Георгій опять пробрался въ Сербію, намѣреваясь поднять возстаніе. Но здѣсь патріотическимъ движеніемъ управлялъ уже Милошъ Обреновичъ — одинъ изъ наиболѣе энергическихъ мо-

лодцовъ перваго возмущенія, прежній свинопасъ, простой мужикъ, подобно Георгію, во всю жизнь также неумѣвшій ни читать, ни писать. Неизвѣстно положительно, какими побужденіями руководствовался Милошъ, яростно преслѣдуя прежняго диктатора: хотѣлъ ли Милошъ удержать первенствующее мѣсто за собою, или не считалъ благоразумнымъ вступать теперь въ открытую борьбу съ турками или, наконецъ, желалъ отомстить за своего брата Милана, убитаго собственною рукою Георгія. Мы знаемъ только, что Милошъ, — этотъ герой, подобно Георгію, приправленный закваскою разбойника и убійцы, — самъ донесъ пашѣ на возвратившагося революціонера и для большей благонадежности послалъ сказать общему другу, пріютившему бѣглеца: „голову Георгія или твою собственную“. И общій другъ изрубилъ топоромъ своего безмятежнопочивавшаго гостя.

Вскорѣ затѣмъ Милошъ возобновилъ патриотическую войну, которая послѣ различныхъ перемѣнъ счастья окончилась изгнаніемъ турокъ изъ горной мѣстности, изъ лѣсовъ, деревень и напоследокъ изъ городовъ, но съ крѣпостями сладить было трудно, и потому по заключеннымъ трактатамъ — въ особенности по адрианопольскому, подписанному въ 1829 году — крѣпости эти признаны собственностью турокъ. Въ этомъ-то владѣніи крѣпостями и сосредоточивался сербскій вопросъ въ очень недалекомъ отъ насъ время. Такъ какъ за Сербіей было признано право автономіи, то спрашивается, къ чему эти гарнизоны въ странѣ? Турція утверждала, что они ей нужны для общей защиты имперіи; сербы возражали, это этотъ аргументъ нелѣпъ, если только Турція не замышляетъ опять подчинить Сербію своему владычеству. Вооруженная войска, находящаяся въ чужой странѣ, должны считаться непріятельскими и сами неизбежно дѣйствуютъ враждебно. Это ясно доказано въ 1862 г., когда изъ-за какаго-то полицейскаго дѣла турецкій комендантъ бѣлградской крѣпости, раздраженный, правда, еще прежними проишествіями, сталъ стрѣлять по городу изъ крѣпостныхъ орудій. Такое положеніе дѣлалось невыносимымъ, и князь Михаилъ оказалъ странѣ большую услугу, выхлопотавъ съ дипломатическимъ искусствомъ, но также съ твердостью, очищеніе сербскихъ крѣпостей.

Возвратимся къ Милошу. Онъ держалъ Сербію въ желѣзной рукѣ и управлялъ съ тѣмъ произволомъ, какого бы побоялся самый худшій паша. Но народъ уважалъ князя за его мужество и ловкость въ двухъ войнахъ за независимость; простодушнымъ сербамъ нравилось также, что ихъ князь былъ прежде свинопасомъ. Презирая опасности, глубоко уважая справедливость (разумѣется на турецкій ладъ, чему примѣромъ можетъ служить заживо похороненный священникъ), обнаруживая нерѣдко чисто рыцарское великодушіе, Милошъ былъ жестокъ, коваренъ, скупъ, развратенъ. „Мой отецъ“, писалъ князь Михаилъ въ одной брошюрѣ, защищая своего отца въ отвѣтъ г. Сипріану Роберу, — „дѣлалъ крупныя ошибки впродолженіи своего двадцатипятилѣтняго управленія и былъ подверженъ очень многимъ порокамъ...“

Наконецъ, въ 1835 году Сербія, находя самоуправство Милоша рѣшительно невыносимымъ, предложила ему конституцію. Милошъ произнесъ требуемую присягу съ твердымъ намѣреніемъ не обращать на нее никакого вниманія. Неудовольствіе возросло до такой степени, что онъ, вслѣдствіе происшедшаго возстанія, былъ низвергнутъ, совершенно такъ, какъ если бы былъ какойнибудь паша. На его мѣсто былъ возведенъ сынъ его Миланъ; но Миланъ вскорѣ скончался, и княземъ былъ названъ Михаилъ, второй сынъ Милоша. Михаилъ былъ еще очень молодъ и потому совершенно подчинялся вліянію стараго Милоша. Возмущеніе закипѣло съ новою силою, и въ 1842 году Обреновичи были изгнаны Александромъ, сыномъ Кара-Георгія, до того времени воспитывавшимся въ Россіи. Новый государь ровно ничего не измѣнилъ во внутренней политикѣ своего отца и соперника, и управлялъ почти также самодержавно, эгоистически и капризно, какъ и Милошъ, не обладая его умомъ, его политическимъ тактомъ и проницательностью. Къ тому же князь Александръ возбудилъ неудовольствіе націи своимъ униженіемъ передъ высокою портою, которую онъ ласкалъ, помогаясь утвержденію княжескаго престола въ своемъ родѣ. Что же, однако, случилось? Въ 1858 году старшій Милошъ въ свою очередь прогналъ Александра Карагеоргіевича, однако тор-

жество Милоша было непродолжительно, такъ какъ онъ умеръ въ 1860 году, — неизвѣстно какихъ лѣтъ отъ роду.

Милошъ также хлопоталъ, чтобы Турція объявила сербскій престолъ наследственнымъ въ родѣ Обреновичей. Но порта отказала, и этотъ отказъ послужилъ для скрупулы лучшимъ аргументомъ въ пользу Михаила Ц Обреновича и его потомковъ. Послѣ эфемернаго царствованія юный князь, впродолженіи четырнадцати-лѣтняго изгнанія, получилъ благотворный урокъ; онъ много видѣлъ, много размышлялъ, и понялъ, какія блага добросовѣстный человекъ можетъ извлечь изъ законности, какое спокойствіе и дѣйствительную власть можетъ гарантировать для себя просвѣщенный князь конституціонной системой. Онъ покровительствовалъ въ Сербіи либеральному движенію, помѣстилъ ее въ ряду европейскихъ державъ, умѣлъ съ терпѣливымъ и энергическимъ тактомъ опредѣлять довольно двусмысленныя отношенія Сербіи къ Турціи и пріобрѣсти своему отечеству дипломатическую самостоятельность. Еще одинъ шагъ — и князь Михаилъ могъ бы совершенно освободить Сербію отъ номинальной верховной власти султана и отъ выплачиваемой ему дани. Несмотря на то, что князь Михаилъ изучалъ военное искусство и, непремѣнно желалъ, чтобы весь его народъ былъ вооруженъ, несмотря на то, что Михаилъ страстно занимался обученіемъ милиціи, все-таки онъ обладалъ миролюбивымъ, ласковымъ, строго-раціональнымъ характеромъ, и самая блистательная его экспедиція имѣла мѣсто въ предѣлахъ страны противъ злоупотребленій чиновничества, которое могло сдѣлаться такою же язвою для Сербіи, какою уже сдѣлалось для Греціи. Но этотъ умный князь былъ обреченъ умереть преждевременно, во-первыхъ потому, что хотѣлъ утвердить себя на престолѣ, въ ущербъ роду Карагеоргиевичей, во-вторыхъ также и потому, что его благоразумная политика все менѣе и менѣе нравилась поборникамъ „великой сербской идеи“.

IV.

„Постоянно мы слышимъ“, — сказали недавно гг. Груичъ и

Саньковичъ, — „какъ миллионы людей твердятъ одно и то же: когда же, наконецъ, вновь организуется сербская имперія“.

Но что же это такое сербская имперія?

Нѣтъ сомнѣнiя, что большинство жаждущихъ ея учрежденiя отвѣтитъ вамъ весьма категорически, что подъ этимъ именемъ они разумѣютъ имперiю царя Душана, т. е., имперiю, занимавшую пространство, въ которомъ нынѣ заключена вся Турцiя, часть Австрiи и Венгрии, — имперiю, имѣющую своими границами Драву, Прутъ, Черное море, Архипелагъ и Адриатическое море, — ку-сочекъ весьма недурной! Столицей этой имперiи, разумѣется, долженъ быть Константинополь, у воротъ котораго умеръ Душанъ, — тотъ самый Константинополь, который составляетъ лакомую приманку для всѣхъ цивилизованныхъ народовъ, почему они съ завистью смотрятъ на всякiя попытки овладѣть имъ.

И въ этой маленькой странѣ, съ населенiемъ едва равняющемся четвертой части города Лондона, народъ, родившiйся только вчера, еще неуспѣвшiй встать на ноги, уже мечтаетъ о возможности сдѣлаться владыкою мiра! Странно! Но что же прикажете дѣлать, его вина вовсе не велика. Его притязанiя составляютъ болѣзнь всѣхъ расъ, всѣхъ національностей! Пока онѣ не вышли изъ вѣка варварства, онѣ не въ состоянiи провести грань между своимъ и твоимъ; ихъ мучаетъ непреодолимое желанiе всѣмъ завладѣть, все захватить, имѣть все, быть всѣмъ, расширить до безконечности свои предѣлы; чудовищные размѣры во всемъ, — таковъ ихъ ребяческiй идеалъ.

Великая идея сербовъ встрѣчаетъ себѣ соперника въ великой идеѣ грековъ, въ великой идеѣ мадяровъ, въ великой идеѣ румыновъ; не говоря уже о великой идеѣ русскихъ, австрiйцевъ, пруссаковъ, бонапартистской, пальмерстоновской, американской; не считая великой идеи итальянской, о которой мы забыли: „Римъ есть центръ мiра“. Всѣ эти притязанiя также типичны, какъ и припѣвъ извѣстной пѣсни: „Nein, nein, Deutschland soll grösser sein“.

Великiя идеи, соперничествуя одна съ другою, тѣмъ самымъ сдерживаютъ осуществленiе каждой изъ нихъ порознь. Также и съ

сербской идеей. Прежде всего она должна будет встрѣтиться съ греческой идеей, развивающей тѣ же притязанія: Балканскій хребетъ будетъ мѣстомъ ихъ встрѣчи, они сойдутся тутъ съ одинаковой цѣлю воспрепятствовать противнику шагнуть черезъ этотъ естественный мостъ. Вотъ наконецъ и легко найдена средняя граница, за которую трудно будетъ перейти тѣмъ и другимъ. Что касается восточной границы, тутъ великая сербская идея встрѣтится съ великой идеей румынской и трудно будетъ и тѣмъ и другимъ перейти за Дунай. О Болгаріи мы пока не скажемъ ни слова до окончательнаго ознакомленія со многими документами, имѣющимися въ нашихъ рукахъ: въ этой странѣ перемѣшано такъ много элементовъ — и православный и католическій, латинскій и славянскій, финскій и турецкій — что трудно еще теперь слѣлать вѣрное заключеніе. Что же касается западной границы — тутъ другое дѣло: здѣсь, вѣроятно, произойдутъ многія упрощенія и рациональныя измѣненія теперешняго положенія. Словаки, кроаты и славяне Баната тянутъ къ Сербіи; босняки и черногорцы жаждутъ измѣненія своего положенія и также обращаютъ свои взгляды на Сербію; — всѣмъ имъ нетрудно будетъ понять другъ друга и составить между собой новыя политическія комбинаціи.

Пересматривая внимательно факты; признавая, что честолюбіе есть дѣйствительная сила, если оно не выходитъ изъ границъ возможнаго, мы ясно и откровенно выскажемъ свое убѣжденіе, вполне симпатизирующее сербскому народу.

Разрѣшеніе сербскаго вопроса подчинено тремъ различнымъ вліяніямъ: одно идетъ изъ Константинополя, другое изъ Вѣны, третье изъ Петербурга. Это до того вѣрно, что даже три регента, данные въ соправители князю Милану во время его несовершеннолѣтія, привержены одинъ къ Турціи, другой къ Россіи и третій къ Австріи.

О петербургскомъ вліяніи мы скажемъ очень немного, несмотря на то, что за нимъ надо признать самую большую серьезность. Но оно еще слишкомъ мало уяснилось; оно касается болѣе будущаго, нежели настоящаго Сербіи. Русскіе и сербы одного славянскаго происхожденія и одной религіи; — симпатія между ними весь-

ма понятна. Россія и Сербія имѣютъ общаго врага — Турцію; онѣ взаимно оказали другъ другу услуги. Сербія въ рукахъ русскихъ, таранъ, которымъ нужно пробить брешь въ Константинополь; и наконецъ, Сербія своимъ освобожденіемъ отъ иностраннаго ига обязана также побѣдамъ русскихъ надъ турками, не считая даже прямой и косвенной поддержки, каковая оказана была с.-петербургскимъ дворомъ Кара-Георгію. Россія постоянно заботилась о Сербіи, снабжая ее цѣркви богатыми дарами, посылая ей книги для школъ, а также для удовлетворенія честолюбія отдѣльныхъ личностей — ордена, табакерки и пр. Русскіе ордена блистали преимущественно предъ прочими на сербскихъ чиновникахъ; ордена же другихъ правительствъ, напримѣръ, австрійскаго, возбуждали даже неудовольствіе въ странѣ. Русская дипломатія взяла рѣшительный перевѣсъ въ Сербіи; высшіе классы она тянула къ себѣ орденами, а низшіе религіей и ненавистью къ туркамъ.

Австрія — естественный противникъ Сербіи; она владѣетъ Дунаемъ и можетъ запретить всегда для Сербіи Черное море. Съ высоты укрѣпленій Землина, Австрія наблюдаетъ за Сербіей, и разумѣется, не имѣетъ никакого дружественнаго расположенія къ своей сосѣдкѣ. Не одинъ разъ она снабжала Турцію своими артиллеристами, наводившими пушки противъ Бѣлграда и обѣщала бѣлградскому пашѣ, что если ему придетъ охота бомбардировать городъ, то онъ не будетъ нуждаться ни въ ядрахъ, ни въ бомбахъ. Ненависть къ Австріи всегда была сильна въ средѣ бѣлградской буржуазіи, въ особеннсти послѣ крымской войны. Австрія воспользовалась побѣдой, которая ей ничего не стоила; взятіе Севастополя, нанеся чувствительный ударъ русскому вліянію въ Турціи, по дѣйствовало также неблагоприятно и на ея вліяніе въ Венгріи и въ странахъ по Дунаю. Австрія же тотчасъ запустила свою лапу въ Черногорію и въ Румынію, дѣйствовала тамъ съ своимъ обычнымъ тактомъ и скоро заслужила всеобщую ненависть. Но война въ Италіи, въ свою очередь, ослабила вліяніе Австріи, которое окончательно пошатнулось послѣ битвы при Садовой. Но скоро опять произошла реакція: лишь только Австріи перестали бояться, тотчасъ же начали ей симпатизировать. Вспомнили тогда, что изъ Австріи шли цивили-

зационныя вліянія—наука, торговля, промышленность, все, что помогаетъ благоденствію народа и организуетъ его силы. Самъ принцъ Михаилъ, сначала горячій противникъ Австріи, сталъ въ послѣднее время съ нею все болѣе и болѣе сближаться.

Отношенія Сербіи къ Турціи значительно упростились во время правленія Михаила. Для окончательной самостоятельности остается теперь уничтожить дань, воображаемое сюзеренство высокой порты и будто бы вассальную зависимость Сербіи отъ Турціи. Пока они будутъ существовать, не прекратится ненависть между народами сербскимъ и турецкимъ. Но не дико ли въ наше время поддерживать положенія, причиняющія вѣчную ненависть между сосѣдними народами? Что составляютъ для султана какія нибудь 500,000 франковъ, между тѣмъ сколько производятъ они непріятностей и вражды! Не безумно ли ратовать противъ очевидности, противъ реальности. Фактически Сербія совершенно независима—почему же не узаконить эту независимость?—Для Сербіи будетъ гораздо лучше, и сама Турція не только ничего не потеряетъ, напротивъ даже выиграетъ. О Турціи мы поговоримъ позднѣе, особо; теперь же замѣтимъ, что ея главнѣйшая ошибка заключается въ тщеславіи, дѣлающемъ ее трусливой и глупой, когда приходится признавать совершившіеся факты. Что бы сказали объ Англіи, еслибы она и теперь еще настаивала на своемъ сюзеренномъ правѣ надъ Соединенными Штатами, Аквитанією и Нормандією;—о Франціи, еслибъ она изъявляла притязаніе на Навару;—объ итальянскомъ королѣ, когда бы онъ считалъ себя государемъ Кипра и Іерусалима? Отъ князя Михаила зависѣло принять на себя верховныя права надъ Босніей и Герцеговиной, хотя бы въ качествѣ турецкаго паши, и скоро они присоединились бы къ Сербіи на тѣхъ же правахъ, въ отношеніи Турціи, какими пользуется сама Сербія. Турція не могла бы противиться такому соединенію; она теперь похожа на чловѣка, дѣлающаго заемъ подъ ипотеку своей земли по 6% въ то время, какъ она приноситъ всего 3%. Не благоразумнѣе ли бы поступилъ этотъ чловѣкъ, еслибъ продалъ часть своего поля, и вырученными деньгами поправилъ остальную. Турки, какъ говорятъ, вовсе не злые люди, и сербы ненавидятъ ихъ не за тираннію, а

за пользованіе верховной властію. Устраните причины и вы уничтожите слѣдствія. Какъ только турки перестанутъ мѣшаться въ дѣла своего стараго вассала, сербы станутъ находить ихъ очень любезными и признаютъ за ними множество хорошихъ качествъ, которыхъ они даже не хотятъ и подозрѣвать теперь.

Въ заключеніе скажемъ, что, по нашему убѣжденію, Сербіи предстоитъ очень хорошая будущность, если она не будетъ преувеличивать своего значенія и не станетъ слишкомъ спѣшить. Сербія, съ своею собственною администраціею, съ своею арміею, съ своими финансами, станетъ пунктомъ, мѣстомъ убѣжища для южныхъ сербовъ, какъ турецкихъ, такъ и австрійскихъ; она станетъ для нихъ центромъ ихъ цивилизаціи. Ея судьба обезпечена, она начала хорошо, солидно, искренно; она стала развивать у себя торговлю, промышленность, она занялась обученіемъ дѣтей. Она дѣлаетъ дѣло, и лишь бы процвѣтала въ ней свобода, честность и благосостояніе, — объ остальномъ ей нечего заботиться.

Занявшись такъ подробно Сербіею, мы не можемъ на этотъ разъ удѣлить мѣста для событій въ другихъ странахъ, а потому сгруппируемъ въ нѣсколькихъ чертахъ главныя новости того и другого свѣта.

Республиканцы Соединенныхъ Штатовъ избрали генерала Гранта своимъ кандидатомъ на президентство.

Въ Англіи нижняя палата вотировала отдѣленіе церкви отъ государства въ Ирландіи. Новость эта была принята съ живѣйшей радостью всѣми тѣми гражданами, которые не терпятъ англійской аристократіи и ненавидятъ англиканскую церковь за все, что она сдѣлала и дѣлаетъ въ Ирландіи. Это обѣщаетъ намъ жаркую борьбу на выборахъ.

Въ Испаніи новое неудачное возстаніе — неудачное по милости тюльрійскаго кабинета, оказывающаго королевѣ Изабеллѣ полицейскія услуги. Но вѣдь вода точитъ камень: тамъ было уже столько неудачныхъ возстаній, что послѣднее должно же увѣнчаться успѣхомъ.

Жакъ Дефрень.

СЪ НЕВСКАГО БЕРЕГА.

(Общественная и литературная заметка и размышленія.)

Лѣтнее затишье.—Публика и толпа.—Нѣсколько словъ о современныхъ беллетристахъ.—Новый романъ г. Гирса и его герой.—Значеніе гласныхъ судовъ для общества.—Дѣло Разнатовскаго въ окружномъ судѣ.—Добрый совѣтъ нашимъ драматургамъ.—Вѣдствіа и крушенія г. Юматова.—Печальный удѣлъ, — современные стансы.—Преслѣдованіе провинціальной благотворительности.—Либералы и консерваторы въ провинціи.—Инструкція главнаго общества желѣзныхъ дорогъ для его агентовъ.—Московская Дума и Петербургская мѣщанская управа.—Покойники, встающіе изъ могилы.—
Наши новости.

I.

Надъ Петербургомъ стоитъ знойное, душное лѣто.

Наше сѣверное солнце, обыкновенно довольно суровое и холодное, на этотъ разъ, раскалилось чисто по-мексикански и свѣтитъ надъ невскою столицей во всѣ лопатки... Зной и всеобщая засуха. Кругомъ горять лѣса, что ни день, то новая вѣсть о пожарахъ въ провинціи.

Всеобщее затишье... Съ одной стороны, жарить солнце съ тропическою горячностью и повергаетъ славянскіе мозги въ столь любезную для нихъ спячку,—съ другой стороны, царить полнѣйшая невозмутимость общественной жизни. Театры закрыты, журналы наши, эти кладези мысли и таланта, совершенно пересохли и усталому читателю нельзя утолить ими жажду. Тишь, да гладь..

Однако я совершенно далеку отъ стараго упрека съ стереотипной фразой «о равнодушіи нашей публики». Подобный упрекъ

былъ бы несправедливъ. «Публика» — не толпа; она всегда съумѣетъ заинтересоваться тамъ, гдѣ съумѣютъ угадать ея запросы и интересы. Этого нѣтъ, и читатель дѣлается равнодушнымъ. Пора намъ, наконецъ, перестать свою вину сваливать на другихъ... Уже давно сказалъ Лермонтовъ:

Толпу ругали всѣ поэты
И страшно надоѣли всѣ...

Наша публика перестала почти читать потому собственно, что читать-то ей нечего теперь... Журналистика обезцвѣтилась и отъ общихъ вопросовъ перешла болѣе къ личнымъ потасовкамъ и перебранкамъ. Беллетристы стали рассказывать эротическія сказочки или драматическіе анекдоты изъ русскихъ лѣтописей. Новое русское общество съ его старой закваской и съ современными стремленіями, новое русское общество съ борьбой старыхъ и новыхъ элементовъ, съ его неустановившимся броженіемъ давно уже ожидаетъ своего художника съ строгой, психологической разработкой, сама публика ожидаетъ новаго, свѣжаго голоса, но онъ еще не раздастся... Кукольные комедіи нашихъ современныхъ романовъ и драматическихъ произведеній нисколько не знакомятъ насъ съ внутренней, бытовой жизнью нашего общества... Въ нихъ мы находимъ сочиненія дѣтей, которые желаютъ описывать жизнь *болшихъ*... Это даже не—

Разыгранный Фрейшицъ
Перстами робкихъ ученицъ,

а беллетристическія шарманки, гдѣ подъ крышкой прыгаютъ деревянные куклы, солдатики и «новые люди...» Большинство нашихъ молодыхъ беллетристовъ всѣхъ отгѣнковъ совершенно ошиблось въ своей задачѣ—выводить какихъ-то «новыхъ людей...» Новыхъ людей, какъ вполнѣ сложившихся, цѣльныхъ типовъ, еще нѣтъ у насъ, и не по силамъ современнымъ романистамъ сладить съ полнымъ очеркомъ ихъ фізіономій. Для романа или драмы у насъ есть одни старые, прежніе люди, только стоящіе при новыхъ условіяхъ жизни. Столкновеніе этихъ старыхъ людей, которыми кишатъ наша матушка Русь, съ новыми порядками и воззрѣніями представляетъ для разработки писателя самый драматическій и правдивый интересъ, а для общества въ такомъ произведеніи найдется самая поучительная картина изъ жизни «русскихъ въ 60-тыхъ годахъ».

Загляните же теперь въ любую современную повѣсть или романъ. Чѣмъ заняты ихъ герои? По милости своихъ авторовъ, эти герои буквально заняты только тѣмъ, что ходятъ другъ къ другу въ гости и занимаются разными безцѣльными разговорами...

Онъ на нее засмотрѣлся,
 На него засмотрѣлась она,
 Онъ вдругъ влюбился, она же
 Стала въ него влюблена,

затѣмъ начинается кождене въ гости и романъ благополучно течетъ до конца. Помилуйте! Вѣдь самая обыкновенная сцена, прослушавшая въ камерѣ мирового судьи, гораздо любопытнѣе такого романа съ любовной интрижкой, съ сценами за ширмой и дряжедой драпировкой ночного будуара.

Въ средѣ начинающихъ беллетристовъ болѣе другихъ было выдвинулся г. Дм. Гирсъ, авторъ романа: «Старая и молодая Россія.» Судя по первой части этого романа, можно было замѣтить въ г. Гирсѣ писателя не безъ дарованія, писателя школы Тургенева хотя повидимому и идущаго съ нимъ разными дорогами. Но и по первой части новаго произведенія можно было замѣтить, что г. Гирсъ задался слишкомъ смѣлымъ и опаснымъ планомъ — нарисовать большую картину старой и юной Россіи. Даже самъ Гоголь, не смотря на свой могучій талантъ и на то, что элементы современной ему русской жизни были не такъ сложны, какъ въ наше время, даже Гоголь отступился отъ изображенія положительныхъ, новыхъ типовъ русскаго общества.

Съ г. Гирсомъ во 2-ой и даже отчасти въ 1-й части его романа случилось то, что было и съ нѣкоторыми другими молодыми нашими писателями. Они не хотѣли или просто не умѣли понять отрицательнаго, сатирическаго отношенія Тургенева къ своему Базарову и въ своихъ положительныхъ современныхъ герояхъ показывали намъ варьяцію того же тургеневскаго Базарова. Тургеневская эниграмма незамѣтно сливалась съ ихъ собственнымъ идеаломъ героя и передъ нами появлялась какая-то наивная, безсознательная иронія. Комическую сторону типа героя «Отцевъ и дѣтей» они приняли за чистую монету, привили ее къ своимъ дѣйствующимъ лицамъ, а своего собственного внутренняго содержанія имъ не дали никакого. Они не хотѣли взглянуть и серьезно оцѣнить сатирическую фигуру Базарова, съ его отрывистою, рѣзкою рѣчью и угловатыми манерами и эту, *одну* только эту внѣшность

и усвоили для своих манекенныхъ героевъ... Опять вышла только кукольная комедія.

Герой романа г. Гирса, появившійся во второй части, по той же самой причинѣ вышелъ мертвецомъ, выродкомъ или, вѣрнѣе, невинной пародіей и на Инсарова, и на Базарова вмѣстѣ. Онъ, какъ Базаровъ угловатъ и скупъ на рѣчи, больше мычитъ, чѣмъ разговариваетъ; онъ, какъ Инсаровъ, любитъ удивить своею физической силой и начинаетъ бороться на станціи съ ямщиками; онъ, какъ Инсаровъ, наконецъ, собирается зачѣмъ-то ѣхать въ славянскія земли. Что же касается до «самодѣльщины», то герой г. Гирса отличается отъ тургеневскихъ героевъ тѣмъ, что у него есть

Положенный часъ приливамъ и отливамъ,

что онъ свой день въ деревнѣ распредѣлилъ на часы: въ извѣстный часъ онъ изучаетъ арифметику, потомъ читаетъ краткую всеобщую исторію Вебера и т. д. Хорошъ герой! Собирается въ Сербію, а арифметикой еще занимается и по Веберу съ всеобщей исторіей знакомство сводить... Что станетъ дальше дѣлать г. Гирсъ съ своимъ героемъ—это пока неизвѣстно, потому что вотъ уже два мѣсяца мы не видимъ продолженія его романа. Искренно можно пожелать, чтобъ ему удалось съ успѣхомъ съ нимъ справиться, научить скорѣе арифметику и послать по добру-по-здорову въ Сербію: на Руси съ такимъ силачомъ онъ не сладитъ навѣрно.

Будемъ ли послѣ того удивляться тому факту, что публика наша относится весьма равнодушно къ блѣднымъ явленіямъ современной литературы, упадокъ которой вполнѣ выразился въ спекулятивныхъ изданіяхъ, въ родѣ «Новыхъ писателей» г. Тиблена, «Изнанка на лицо» или «Пережитое и передуманное» г. Кельсиева, сотрудника «Голоса» и грознаго карателя всего еврейскаго племени. Скучность впечатлѣнія послѣ чтенія двухъ большихъ частей романа «Старая и молодая Россія» потому и обидна, что въ Гирсѣ мы видимъ добросовѣстнаго писателя, котораго произведеніе, будь оно строго обдуманно, не могло бы пройти безслѣдно.

Петербургская публика читаетъ мало, какъ я сказалъ, особенно текущимъ жаркимъ лѣтомъ, но за то залы окружнаго суда она посѣщаетъ очень усердно, особенно въ дни интересныхъ засѣданій. Трудно предположить, что публику привлекаетъ въ судъ только одинъ скандальный или романическій характеръ дѣлъ, подвергнутыхъ судебному разбирательству. Недочетъ литературы дополняетъ теперь для публики гласное судопроизводство. Для нея судъ

сдѣлался практической школой, гдѣ она знакомится съ темными сторонами своего семейнаго общественнаго быта. Литература въ этомъ отношеніи общество неудовлетворяетъ. Не находя въ литературѣ отзыва на многіе и многіе вопросы своей бытовой жизни, общество идетъ знакомиться съ ними въ залу гласнаго судопроизводства.

Изъ всѣхъ дѣлъ разбиравшихся нынѣшнимъ дѣтомъ въ окружномъ судѣ обратило на себя вниманіе дѣло объ отставномъ прапорщикѣ Разнатовскомъ, обвиняемомъ въ покушеніи на убійство своей жены. Разбирательство 4-го іюня съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, вѣроятно, уже извѣстно читателямъ «Дня». Присяжные признали г. Разнатовскаго невиноватымъ. Упомяну здѣсь объ этой исторіи какъ потому, что она надѣлала много шума, такъ и потому, что въ ней раскрылись тайны одной страшнѣйшей, семейной хроники, приподнялся уголокъ завѣсы, скрывавшій страшную, потрясающую русскую драму. Выстрѣлъ, сдѣланный мужемъ съ единственною цѣлью—хоть страхомъ остановить домашнюю тираннію жены—вызвалъ въ судѣ цѣлый рядъ ужасныхъ показаній свидѣтелей. Предъ лицомъ публики открылось такое зрѣлище: съ одной стороны, мужъ, добрый, но слабыхарактерный человѣкъ, котораго постоянно скандализировали поступки и дурное обращеніе его жены. Съ другой стороны, его жена, энергическая, но безъ всякихъ нравственныхъ принциповъ женщина, мать, забывающая и отупляющая жестокимъ обращеніемъ своихъ дѣтей, заставлявшая ихъ часто голодать и спать въ сыромъ и холодномъ углу, мать, вырывавшая изъ головы своей маленькой дочери клокъ волосъ, который и былъ представленъ въ судъ, какъ кровавый жетонъ краснокожаго индѣйца.

Изъ слѣдствія этого дѣла яркими, жгучими чертами вырисовалась передъ нами трагическая исторія не одного русскаго семейства, гдѣ страдаетъ несчастный мужъ и отецъ, ревнующій свою жену и до безумія любящій своихъ дѣтей, которыхъ за каждую ласку, оказанную отцу, сѣкли розгами. Этотъ мужъ, растерянный и униженный, для того чтобъ остановить дикія безумства своей домашней Мегеры, не придумалъ ничего лучше и полезнѣе офицерскаго средства—напугать свою жену выстрѣломъ изъ револьвера. Одинъ выстрѣлъ онъ сдѣлалъ въ совершенно противоположную сторону отъ жены, другимъ выстрѣломъ, сдѣланнымъ почти безъ сознанія, онъ ранилъ эту женщину. Уголовный финалъ этой печальной исторіи привелъ г. Разнатовскаго на скамью подсудимыхъ,

и онъ при общемъ сочувствіи публики былъ оправданъ присяжными. Публика не могла хладнокровно присутствовать при разбирательствѣ этого дѣла, не могла хладнокровно слѣдить за его ходомъ по газетамъ. Большинство очень хорошо понимало, что, при теперешнемъ складѣ нашего семейнаго быта, дѣло Разнатовскаго вовсе не единичный и болѣзненный фактъ, въ родѣ уродливаго безумнаго «убійства принца» въ романѣ Достоевскаго «Преступленіе и наказаніе»; большинство очень хорошо сознавало, что рядомъ съ нимъ, за стѣной, въ квартирѣ сосѣда, а, можетъ быть, и у собственнаго домашняго очага бродятъ и шевелятся тѣ же самыя мотивы семейной неурядицы и безобразій, которыя отравили жизнь Разнатовскаго и едва не довели его до преступленія.

Если, по словамъ Гейне, «подъ каждой могильной плитой погребена цѣлая всемірная исторія», то какія не мирныя исторіи и страшныя мѣщанскія драмы совершаются ежедневно подъ кровлями тѣхъ каменныхъ, многоэтажныхъ гробовъ, которые называются городскими зданіями!.

О, русскіе драматурги! Вы, авторы болтающихъ куколъ на пружинахъ, въ вымыслахъ и въ глубинѣ мысли ушедшіе не дальше своихъ масляничныхъ, первобытныхъ прототиповъ, Петрушекъ изъза ручныхъ ширмъ потѣшающихъ воскресную чернь города,—вы, бѣдные творцы сценическихъ «дьяченкоіады» въ двухъ, трехъ и четырехъ дѣйствіяхъ!.. Примите мой добрый совѣтъ! Если въ васъ нѣтъ того внутренняго зрѣнія, того художественнаго чутья, съ помощью которыхъ вы могли бы улавливать для своихъ произведеній человѣческія страсти, общественныя и семейныя интересы, то бросьте хоть на нѣсколько лѣтъ свои творческія перья и ходите въ окружной судъ наблюдать и изучать крайнія проявленія человѣческихъ страстей, невѣжества и уродства семейныхъ отношеній. Никто, кромѣ васъ самихъ, не виноватъ въ томъ, что судейскіе стенографы убили вашу творческую производительность, а всѣ ваши «Виноватя», «Омуты», «Говоруны», «Свѣтскія ширмы», приносятъ пользу только однимъ гг. Нильскимъ, Григорьевымъ, Малышевымъ, приучая ихъ къ зычному публичному словоговоренію. Ступайте зрителями въ судъ, а для своихъ пьесъ не требуйте зрителей.

II.

Но если я нисколько не сочувствую нашим драматургамъ, зато я глубоко сочувствую другому общественному дѣятелю, г. Юматову, котораго судьба сильно и неутомимо угнетаетъ и преслѣдуетъ.

Безъ чувствительности «малютки, носившаго шлемъ Велисарія», я не могу думать и говорить о печальной судьбѣ злосчастнаго нашего публициста. Господа!..

Тронитесь жертвою судьбы!..
 Такъ я прохожихъ умоляю...
 Его я бѣдъ не умаляю...
 Хоть въ судъ идти,—и на судѣ-бѣ
 Я тронулъ всѣхъ, я это знаю.
 И слезы вызвалъ бы изъ глазъ
 Мой поучительный рассказъ.

Полюбуйтесь же его журнальными крушеніями и прослезитесь...

Издавалъ когда-то г. Юматовъ съ г. Скарятинимъ газету «Вѣсть» и изгнанною Агарью удалился потомъ изъ этой газеты, преслѣдуемый насмѣшками своего прежняго соиздателя.

По поводу статей «Вѣсти» на судѣ тотъ же самый г. Юматовъ былъ обиженъ собственнымъ защитникомъ, г. Турчаниновымъ и названъ имъ «ничтожнымъ...» Какъ вамъ это покажется?..

Наконецъ въ послѣднее время г. Юматовъ въ сообществѣ съ господиномъ Киркоромъ взялся опять за изданіе газеты «Новое время». Ну, теперь, думаете вы, человѣкъ пристроился, завелъ собственный уголь, гдѣ можетъ власть имѣть,—такъ думаете вы и—ошибаетесь... Уголь у бѣднаго публициста точно что есть, но смотришь.

А горе ждетъ изъ за угла.

Произошло съ нимъ слѣдующее обстоятельство.

Пожелалъ недавно г. Юматовъ напечатать одну замѣтку въ *собственной* своей газетѣ, замѣтку подъ названіемъ «Славянская идея и поляки». Казалось бы, что тутъ много думать: своя газета—взялъ да и напечаталъ. Какъ бы не такъ! На то у г. Юматова звѣзда такая есть. Не позволилъ ему г. Киркоръ въ собственной газетѣ печатать, и баста... Что съ нимъ подѣлаешь?..

И вотъ, помѣщая свою статью въ чужой газетѣ, въ «Русско-славянскихъ отголоскахъ», г. Юматовъ въ своемъ письмѣ прибавляетъ такое *жалкое слово*: «Позвольте надѣяться, что «Русско-Славянскіе отголоски» не откажутъ въ гостепрѣимствѣ скромной *эмигранткѣ, мишенной родного крова(!)*, благодаря неповытной осторожности г. Киркора..»

Читая эти слезливыя строчки, право, невольно вспоминаешь:

Малютка, шлемъ нося, просиль... и т. д.

Обязательные «Отголоски» напечатали у себя статью-изгнанницу, оговорившись пронически, что помѣщаютъ статью потому, что она принадлежитъ *издателю, притѣсненному собственной домашней цензурой*».

Какое положеніе! У себя въ газетѣ получилъ афронтъ; въ чужой газетѣ статью помѣстили, но за то зло посмѣялись надъ притѣсненнымъ издателемъ, у котораго если и есть свой собственный уголъ, то только для того, чтобъ его, какъ ребенка, ставилъ г. Киркоръ «въ этотъ уголъ» въ наказаніе.

Бѣдный г. Юматовъ!..

Кто защититъ тебя? Всѣ безъ изыятія

Жертвой *Киркора* тебя назовутъ...

Только лишь въ «Вѣсти» начнутся проклятія

И постепенно замрутъ...

Журнальный горскопъ г. Юматова, какъ видите, очень печаленъ. Нѣкто даже изложилъ его литературныя и общественныя невзгоды въ слѣдующихъ стихахъ:

Печальный удѣлъ.

Былъ Юматову пріятель,
Даже друженъ съ нимъ Сварятинъ,
И столбцы газетки «Вѣсти»
Редактировалъ съ нимъ вмѣстѣ.
Но, увы! всѣ узы дружбы
Не прочтѣ частной службы.
У друзей открылась ссора
И Юматовъ послѣ спора
Сиротой остался скоро.
На судѣ онъ ждалъ защиты

Адвоката...— «Не взыщи ты!
 (Адвокатъ ему отвѣтилъ):
 На судѣ я вскользь замѣтилъ
 Что ты—сущяя «ничтожность...»
 Чтожъ! всегда вѣдь есть возможность
 Вдругъ сказать неосторожность...»
 И лукаво шапку скинувъ,
 Удалился Турчаниновъ.
 Съ горя новую газету
 Въ свѣтъ пустилъ Юматовъ скоро,
 Пригласивъ въ газету эту
 Соиздателемъ—Киркора.
 Жить не дружно почему-жъ-бы?
 Но знать нѣтъ на свѣтѣ дружбы!
 Дружба, дружба! Гдѣ ты, гдѣ ты?
 Начались опять навѣты
 И изъ собственной газеты,
 По желанію Киркора,
 Былъ Юматовъ изгнанъ скоро.

III.

«Ужасное слово—провинція», —говорилъ когда-то Бѣлинскій.

Многіе добродушные люди, признавая нѣкоторыя темныя стороны провинціальной жизни, съ дѣтскою ироніею похваляютъ провинціаловъ за ихъ хлѣбосольство и гостепрѣимство. Дѣйствительно, провинціалы, по принципу своего тунеядства, лѣности и скуки, очень хлѣбосольны и гостепрѣимны; для личнаго развлеченія они готовы каждаго гостя накормить до отвала и обложить пуховиками. Если же дѣло коснется до общественной благотворительности, до спасенія страждущихъ и погибающихъ, то провинціалъ не только самъ не двинетъ пальцемъ, но даже подставить ногу и тѣмъ, которые захотятъ участвовать въ дѣлѣ общественной благотворительности.

Лучшимъ тому доказательствомъ служить исторія г-жи Вельяшевой въ Пинегѣ. Эта исторія до такой степени вопіющая, что не-

возможно обойти ее молчаніемъ. Многимъ, вѣроятно, извѣстно, что жена пинежскаго мирового посредника г-жа Вельяшева открыла нынѣшнимъ лѣтомъ даровые обѣды для голодающихъ, отчеты о которыхъ печатались въ нашихъ газетахъ. Недавно появилось въ С. Петер. Вѣдомостяхъ письмо г-жи Вельяшевой о томъ, что тамошнее начальство противодѣйствуетъ ея предпріятію и употребляетъ всѣ возможныя мѣры къ его прекращенію. Сперва г-жа Вельяшева обращала мало вниманія на всѣ нападки мѣстной власти, видя съ одной стороны полнѣйшее сочувствіе народа, а съ другой, встрѣчая одобреніе отъ высшаго правительства въ лицѣ высочайше утвержденной комиссіи, выдавшей ей, «для предоставленія большихъ средствъ къ полезной дѣятельности», 4,000 руб. Однако не смотря на все это, г-жа Вельяшева была вынуждена въ интересахъ правды высказать печатно о тѣхъ притѣсненіяхъ и личныхъ оскорбленіяхъ, которымъ она подвергается послѣ открытія даровыхъ обѣдовъ для бѣдныхъ.

Вотъ и дѣлайте «благое дѣло среди царяющаго зла» провинціаловъ!... Г-жа Вельяшева, преслѣдуемая со всѣхъ сторонъ явнымъ недоброжелательствомъ и тайными клеветами, приходитъ теперь къ весьма печальному рѣшенію—не продолжать болѣе своего дѣла и, прекращая подписку, не принимать дальнѣйшихъ пожертвованій.

Почти одновременно съ появленіемъ въ печати письма г-жи Вельяшевой, редакция газеты, «Москва», помѣщая у себѣ тоже письмо, прибавила къ нему слѣдующее примѣчаніе, могущее служить эпизодомъ къ этой грязной провинціальной эпопее: «мы съ своей стороны добавимъ къ письму, что на дняхъ въ редакцію присланъ изъ Пинеги, безъ подписи, гнусный доносъ на г-жу Вельяшеву, съ просьбой напечатать его. По обычаю всѣхъ доносчиковъ, и нашъ милый авторъ силится набросить на учредительницу обѣдовъ и на ея помощниковъ подозрѣніе въ какой-то «политической неблагонадежности», обвиняетъ ихъ въ безбожии и благословляетъ администрацію за то, что «она обуздываетъ своеволие и не даетъ быть независимымъ учрежденіямъ»... (?!)

И весь этотъ омутъ преслѣдованій, клеветы доносовъ и предательства поднялся только по той причинѣ, что одному человѣку пришла въ голову честная мысль устроить даровые обѣды для нищенствующихъ и голодающихъ крестьянъ?... Вѣрится съ трудомъ, а не вѣрится нельзя. Не заглохнетъ-ли послѣ того въ разныхъ провинціальныхъ закутахъ всякое благое стремленіе къ общественной дѣятельности, не пропадетъ-ли безъ пользы послѣдняя

энергія въ этой душной атмосферѣ, въ этой мизерной, но убійственной борьбѣ съ разными киргизами, для которыхъ цивилизація есть мифъ, степное марево?... Можно-ли послѣ такого разительнаго примѣра (а ихъ у насъ много) плѣняться безмятежностью и тишиной провинціи? Вѣдь въ гробу еще тише и безмятежнѣе...

Хорошъ гусь—провинціальный консерваторъ, но либераль провинціальный будетъ еще почище. У послѣднихъ нѣкоторый внѣшній прогрессивный лоскъ еще въ большей степени обрисовываетъ ихъ пошлость и самодурство. Я знаю одного изъ такихъ. Въ городѣ *Соль* онъ считается и либераломъ и барининомъ высшей пробы. Одинъ изъ его подчиненныхъ, бѣдный чиновничекъ, работавшій по 14 часовъ въ сутки и получавшій самое крошечное содержаніе, задолжалъ кому-то *семь рублей*.

Либераль узналъ объ этомъ и прогнѣвался. Какъ видно, по его мнѣнію, человѣку прилично дѣлать большіе долги, а не семи-рублевые... Провинціальный прогрессистъ, полный благороднаго негодованія, распекъ своего чиновника и выгналъ его въ отставку. Самому же себѣ онъ разрѣшаетъ всякія удовольствія и придумываетъ для нихъ своеобразно-остроумную форму.

Однажды собралъ онъ много гостей у себя. Хоть человѣкъ онъ холостой, но настолько солидный, что въ его домъ по приглашенію явилось и много дамъ и дѣвицъ.

Изящный обѣдъ окончился изящной оргіей. Либеральный хозяинъ послѣ обѣда высказалъ очень милое желаніе—перецѣловаться со всѣми присутствующими дамами и барышнями. Онѣ не соглашались и одна изъ нихъ между прочимъ шутя заявила:

— Вотъ если бы васъ носили на рукахъ, какъ маленькихъ, то мы васъ поцѣловали бы, а теперь нельзя.

Хозяинъ нашелся. Нѣсколько услужливыхъ гостей подхватили его на руки и, какъ ребенка, стали подносить къ дамамъ для пріятія нѣжнаго поцѣлуя.

Дамы поохотали, пожеманились, но все-таки совершили обрядъ цѣлованія импровизированнаго младенца.

Черты провинціального консерватора гораздо проще. Онъ къ прикрасамъ не прибѣгаетъ и является передъ всѣми во всей первобытной наготѣ своей. На одного изъ нихъ указывалъ, напр., недавно «*Одесскій Вѣстникъ*». Поступокъ этого барина знаменателенъ тѣмъ, что онъ состоитъ однимъ изъ членовъ «Общества покровительства животнымъ» и нѣто лучше и нагляднѣе этого чле-

на не умѣль показать всей нелѣпности существованія у насъ та-
кихъ обществъ съ ихъ членами-филантропами.

У этихъ членовъ беззаботныхъ
Принципъ, достойный лошадей:
Быть покровителемъ—животныхъ
И угнетателемъ—людей.

Въ началѣ прошлаго мѣсяца въ Одессѣ собралась на улицѣ
огромная толпа народа, вотъ по какому случаю. По приказанію чле-
на общества состраданія къ животнымъ, два казака, держа лomo-
вого извозчика, беспощадно наказывали его плетью за дурное обра-
щеніе съ лошадыю. Затѣмъ казаки, не смотря ни на какія прось-
бы публики, потащили извозчика въ часть, гдѣ послѣдній и былъ
посажень за рѣшетку вмѣстѣ съ ворами и мошенниками... Вотъ
каковы члены общества покровительства животнымъ!..

Дѣла ихъ могутъ огоршить
Всѣхъ гражданъ нынѣшняго вѣка:
Бьютъ человѣка, словно лошадь,
А лошадь чтутъ, какъ человѣка...

Если это доблести, то доблести чисто лошадиныя...

VI.

Какъ вы думаете, къ какому вѣдомству—къ духовному или къ
военному нужно отнести Главное общество желѣзныхъ дорогъ?
Этотъ вопросъ невольно приходитъ въ голову, когда узнаешь, что
главное общество постороннихъ «властей не признаетъ» и своимъ
служащимъ не позволяетъ вступать въ камеры мировыхъ судовъ.
Это общество восслицаетъ своимъ подчиненнымъ:

Господа! На всегда
Мироваго суда

Не должны быть извѣстны вамъ двери,

А добьетесь суда—

Будетъ всѣмъ вамъ бѣда—

Мы подвергнемъ строжайшей васъ мѣрѣ.

Главное общество желѣзныхъ дорогъ высказываетъ ту же мысль слѣдующей самой положительной прозой:

«Угрозы жалобами мировому судѣ обнаруживаютъ недостатки служебнаго такта, а самое принесеніе подобной жалобы *постороннему учрежденію*, (?) помимо порядка подчиненности, поставило бы жалобщика внѣ служебныхъ условій общества, слѣдовательно и лишило бы его права на покровительство и защиту, которыя общество готово безъ этого оказывать каждому изъ своихъ агентовъ. Во всякомъ случаѣ, совѣтъ не будетъ считать себя въ правѣ удерживать долѣе на службѣ агента, заявившаго такое недовѣріе къ справедливости высшаго своего начальства»...

Такъ галантерейно высказываютъ свои угрозы французы главнаго общества желѣзныхъ дорогъ, самовольно признающаго себя за особую высшую судебную инстанцію. Не знаю, что думаютъ объ этой домашней расправѣ агенты главнаго общества, но если она похожа на домашнюю расправу распорядителей кіево-балтской желѣзной дороги, то этимъ агентамъ, вѣроятно, придется жутко. Недавно одинъ французъ, завѣдующій работами на кіево-балтской желѣзной дорогѣ, по извѣстіямъ одной мѣстной газеты, велѣлъ схватить съ полотна дороги троихъ студентовъ и одного изъ нихъ, по его приказанію, бросили въ лужу, а двухъ другихъ заставили прогуляться чуть не по колѣно въ грязной водѣ.

Какъ видите, отвсюду, куда не заглянешь, вылѣзаетъ фактъ самого неблагоприятнаго свойства. Главное общество отрицаетъ мировой судъ, а вотъ московская дума отрицала недавно пользу распространенія грамотности. Газеты извѣщали насъ въ свое время, что въ московской думѣ 5 іюня разсматривалось предложеніе г. Клейна о дозволеніи ему открыть въ нѣсколькихъ пунктахъ Москвы, по примѣру Петербурга, ящики для продажи газетъ. Всѣ москвичи почти положительно были увѣрены, что отказа въ этой просьбѣ со стороны думы не послѣдуетъ, но въ своемъ предположеніи ошиблись жестоко. Московская дума сверхъ ожиданія отказала г. Клейну въ его просьбѣ на томъ основаніи, что *улицы въ Москвѣ очень тѣсны* (?) и на площадяхъ газетная продажа *можетъ мѣшать уличному движенію* (?)

Ничего не понимаю,

Перечитываю вновь—

какъ, говоритъ авторъ «*Братъевъ*»... Въ рѣшеніи московской думы можно найти столько же здраваго смысла, какъ и въ словахъ слѣдующей глупой пѣсни:

Хороши наши ребята,
Только улица грязна...

Никому до сихъ поръ въ голову придти не могло, что тѣснота улицъ и городское движеніе площадей будутъ помѣхою для распространенія грамотности и разныхъ свѣденій и только одна мудреная московская дума пришла къ такому хитрому умозаключенію.

V.

Отъ московской думы я хочу перейти теперь къ петербургской мѣщанской управѣ и къ одному изъ ея таинственныхъ отчетовъ. По видимому—скучная матерія,

Но веселье будетъ мой разсказъ,

или, по крайней мѣрѣ, очень любопытенъ.

Отчеты петербургской мѣщанской управы дѣйствительно принадлежатъ къ числу таинственныхъ явленій и добыть ихъ довольно трудно. Они печатаются въ два года разъ и съ величайшей осторожностью раздаются при редакціи «Извѣстій городской думы». Такимъ образомъ они представляютъ изъ себя библиографическую рѣдкость.

Отчеты эти выпускаются очень неторопливо. Въ этомъ случаѣ составителямъ ихъ не худо бы взять примѣръ съ редакціи «Вѣстника Европы», которая также аккуратна, какъ календарь. Едва наступаетъ первое число каждаго мѣсяца, какъ на нашемъ столѣ утромъ неизбежно появляется книжка «Вѣстника Европы», съ его канцелярскимъ девизомъ: «умѣренность и аккуратность»... По поводу аккуратнаго выхода «Вѣстника Европы» даже кто-то сочинилъ слѣдующій безобидный романсъ, на голосъ извѣстной пѣсни г. Фета:

Только станеть смерзаться немножко
Каждый разъ передъ первымъ числомъ,
Всѣмъ знакомая очень обложка,
Промелькнетъ на возу за угломъ.
На возу видны связками томы...
«Что везете»? лишь спросишь возницъ,—

Скажутъ: «Вѣстникъ Европы веземъ мы—
Самый лучший журналъ двухъ столицъ».
Каждый можетъ теперь догадаться,
Съ чѣмъ обозъ проскрипѣлъ за угломя,
Только станеть немножко смеркаться—
Всякій разъ, передъ первымъ числомъ.

Но возвратимся къ петербургской управѣ. Послѣдній ея отчетъ за 1864 и 1865 годы вышелъ *только* въ мартѣ нынѣшняго года, отчеты за 1866 и 1867 годы выйдуть, говорятъ, не ранѣе 1870 года. Видимо, люди торопиться вовсе не любятъ, а не торопятся потому, что, вѣроятно, точность соблюдать желаютъ. Посмотримъ же на образчики такой точности.

Въ 1861 году петербургскому мѣщанину Бочкареву захотѣлось устроить при общественномъ домѣ двѣ часовни и онъ доставилъ на этотъ предметъ *одинъ рубль серебромъ*. Въ отчетѣ мѣщанской управы за 1861 годъ значится: «неприкосновенный капиталъ 1 р. с.», затѣмъ въ таблицѣ «суммъ, имѣющихъ особое назначеніе» этотъ рубль также отмѣченъ «на постройку часовень»; въ отчетѣ 1862—1863 годовъ рубль сей знаменитый перечисленъ въ числу остаточныхъ суммъ и точно также стоитъ въ таблицѣ «суммъ, имѣющихъ особое назначеніе». Въ послѣднемъ же отчетѣ судьба этого «неприкосновеннаго капитала» совершенно покрывается мракомъ неизвѣстности. Куда же дѣлся вашъ рубль, г. Бочкаревъ? Отчего молчать отчетъ управы объ этомъ капиталѣ, ея же названномъ *неприкосновеннымъ*? Никто не вѣдаетъ.

Хоть подобныхъ недоточетовъ попадались намъ примѣры,
Но не очень озабоченъ ими добрый славянинъ:
Милліонъ, разъ потеряли иностранцы-инженеры,
Такъ въ управѣ нашей вправѣ потерять и рубль одинъ.

Все это такъ, рубль монета не крупная, но въ отчетности и копѣйки важны бывають, а потому исторію пропавшаго серебрянаго рубля нельзя оставлять безъ вниманія.

Послѣдній отчетъ управы вообще составленъ такъ хитро, что въ немъ можетъ заплутаться самый ловкій плутъ изъ бухгалтеровъ. Вы встрѣчаете въ записи такіе доходы, которыхъ никогда не получалось; вы видите, что деньги отправленныя въ казначейство или въ банкъ на храненіе, выводятся въ расходъ *по два и по три раза*. Даже ревизіонная комиссія въ 1862 г., хоть и замѣтила, что безпорядочность счетоводства не доказываетъ еще растраты обще-

ственныхъ суммъ, но что «тѣмъ не менѣ подобная небрежность въ счетоводствѣ не можетъ быть терпима ни въ одномъ благоустроенномъ управленіи»... Не смотря на такое предостереженіе въ послѣднемъ отчетѣ, ревизоры нашли еще болѣе ошибокъ и упущеній. Довольно будетъ указать только на то, что отчетная сумма мѣщанской управы *въ дѣйствительности* простирается до 218 тысячъ рублей, а *по счетнымъ книгамъ* до 2½ милліоновъ.

Есть положительные факты, доказывающіе, что мѣщанская управа питаетъ положительное отвращеніе ко всякой отчетности, а потому нерѣдко выдаетъ свои суммы въ *безотчетное* распоряженіе разныхъ служащихъ лицъ. Эта антипатія ко всякой отчетности принимаетъ иногда, даже совершенно патріархальный, буколическій характеръ. Такъ, напр., старшинѣ Алексѣеву выдаютъ въ безотчетное распоряженіе то триста рублей *для приготовленія завтрака* для себя и для своихъ товарищей, то тысячу цѣлковыхъ на устройство *обѣда* при открытіи мѣщанской богадѣльни и еще тысячу рублей *на расходы при совершеніи купчей крѣпости* (!!). Кажется, при этомъ не нужно никакихъ восклицательныхъ знаковъ ставить.

Расходы въ управѣ дѣлаются безъ всякаго контроля, по старинѣ. Понадобились эконому деньги, онъ и пишетъ: «мелкіе расходы и *и пр.* (?..)—926 р. 19 коп.». Что значать эти *мелкіе расходы*, что значить «*и проч.*»—остается неразгаданной тайной.

Не потому ли такъ трудно добывать отчеты мѣщанской управы, что въ нихъ въ числѣ расходовъ выставляются деньги, выдаваемые *на обѣды* и *завтраки* и на мелкіе расходы, которые нужны для прогулки въ Павловскъ или къ чернорѣченскому Дороту.

О, милая патріархальность! Ты видимо снова возвращаешься къ намъ, чтобъ блюсти наши нравы и обычаи отъ всякаго вмѣшательства прогресса и цивилизаціи. Куда не посмотришь, словно вновь воскресаютъ изъ могилъ (да изъ могилъ ли полно?) старыя добрыя времена и снова охватываютъ временно заблудившихся дѣтей своихъ.

Къ почти забытому прошлому возвращаемся мы. Въ книжныхъ лавкахъ, благодаря прозорливымъ издателямъ, угадавшимъ духъ времени, насъ угощаютъ *новыми* изданіями древнихъ писателей—сборникомъ М. П. Погодина, стихотвореніями Ѳ. Тютчева и даже полнымъ собраніемъ сочиненій блаженной памяти Загоскина въ видѣ *перваго* ихъ тома съ романомъ «Юрій Милославскій или русскіе въ 1812 году»... Есть вѣроятіе предполагать, что дѣло пойдетъ

дальше и мы увидимъ новыя изданія сочиненій Э. Булгарина, Н. Греча, Н. Кукольника и всѣхъ имъ подобныхъ и неподобныхъ писателей ¹⁾.

Говорите же послѣ того, что покойники не встаютъ иногда изъ гробовъ своихъ!..

О какихъ же новостяхъ могу я сказать читателямъ, если кругомъ нѣтъ ничего, кромѣ старья и воскресающей дряхлости. Что жъ дѣлать? Сошлюсь на слова поэта:

Тѣмъ лучше: устарѣло все, что ново...

Что можетъ быть новаго въ Петербургѣ лѣтомъ? Послѣ концертовъ кн. Голицина и г. Славянского, публика наша особенно ничѣмъ теперь не интересуется. Спектакли любителей въ Лѣсномъ институтѣ занимаютъ петербуржцевъ очень мало на томъ, можетъ быть, основаніи, что главный распорядитель этого кружка *Льсныхъ* любителей г. Бороздинъ и собственною своею безталантною и неумѣlostью въ составленіи спектаклей всѣмъ на столько уже извѣстенъ, что его представленіями никто не соблазняется.

Театральныхъ и литературныхъ новостей тоже почти нѣтъ. Развѣ можно относить къ разряду новостей, что г. Раппопортъ будетъ издавать газету, что г. Яблочкинъ снова украситъ собою петербургскую сцену, а неизвѣстный переводчикъ «Орфей въ аду» перевелъ для театра новую оперетку Оффенбаха: *Le pont des soupirs*. Последнее извѣстіе даже прискорбно, потому что переводъ оперетки сдѣланъ драматическимъ поставщикомъ, довольно ясно доказавшимъ переводомъ Орфея свою положительную бездарность и отсутствіе граціи и остроумія, безъ которыхъ немислимъ переводъ текста изящныхъ и остроумныхъ оперетокъ Оффенбаха.

Говорятъ о новомъ романѣ Писемскаго, говорятъ о романистѣ, поступившемъ въ юнкера *по недоразумѣнію*. Гдѣ-то онъ услышалъ такой совѣтъ: «нужно быть *юнкеромъ*» (фирма извѣстнаго магазина), чтобъ разбогатѣть», но наивный романистъ не понялъ, говорятъ, случайнаго каланбура и поступилъ въ дѣйствительные юнкера.

Говоритъ также объ авторѣ «Дыма», который дебютировалъ въ собственной оперѣ въ своей виллѣ въ Баденъ-Баденѣ, говорятъ объ

¹⁾ Даже Каролина Павлова вновь стала Шиллера переводить для «Вѣстника Европы», хотя у насъ уже есть полное собраніе сочиненій Шиллера съ весьма хорошими переводами, если исключить переводы самого издателя г. Гербеля.

200 новыхъ комедіяхъ г. Дьяченки и *ничего не говорятъ* (о, ужасы!) о статьяхъ какого-то *зета*, (въ газетѣ г. Корша).

Который свѣтъ ругаетъ на поваль,
Затѣмъ чтобъ свѣтъ о немъ хоть что нибудь сказалъ,

но такъ какъ никто не входитъ въ обиду и въ полемику съ разными журнальными швейцарами и вольно-наемными канцеляристами, при газетѣ состоящими, то г. *Зетъ* все-таки остается въ неизвѣстности. Разные Аскоченскіе, Незнакомцы, Авенариусы и Зеты уже слишкомъ вѣсѣмъ надоѣли, чтобъ ими стоило заниматься.

И такъ, говорятъ о многомъ, но все это не новости, чтобъ на нихъ долго останавливаться. Говоримъ мы вообще вѣдь много, хоть очень мало дѣлаемъ, особенно теперь, когда стоитъ такое знойное, удушливое лѣто съ его запыленнымъ солнцемъ и зеленью... Подождемъ же до осени.

Къ числу современныхъ новостей, новостей двухъ-трехъ дней пожалуй, можно также отнести книгу г. Кельсіева «Пережитое и передуманное»... Если объ этой книгѣ мало говорили, то много надъ нею смѣялись и я въ заключеніе своихъ замѣтокъ целившимъ считаю сказать о ней нѣсколько словъ.

Книжка эта во всякомъ случаѣ любопытная книжка. Исключительное положеніе г. Кельсіева, его заграничная обстановка, смутное понятіе о его дѣятельности — все это невольно прежде способствовало тому, чтобъ большинство публики смотрѣло на г. Кельсіева, какъ на человѣка, который хотя и заблуждается, но все же человѣка серьезнаго, съ крѣпкими убѣжденіями и съ положительной цѣлью для дѣятельности. Г. Кельсіевъ эмигрировалъ, потомъ возвратился и раскаялся въ своихъ заблужденіяхъ. Чего же больше? Роль г. Кельсіева сыграна, занавѣсъ послѣ эпилога опускается. Къ чему же, кажется, еще стремиться г. Кельсіеву?

Кельсіевъ однако задумалъ идти дальше и выпустилъ книжку своихъ воспоминаній. Книжку прочли и увидали, что гора разрѣшилась мышью и въ «пережитомъ и передуманномъ» нашли записки современнаго Репетилова. Лучшаго живаго повторенія грибоѣдовскаго типа едва ли можно встрѣтить. Наивная исповѣдь и болтовня г. Кельсіева совершенно напоминаютъ самобичеваніе г. Репетилова, который «все отвергалъ: законы, совѣсть, вѣру», который хвастался своимъ умственнымъ ничтожествомъ и, насчиты-

вая «горячихъ дюжину головъ», восхваляя ихъ кружекъ, рѣши- тельно не понимая его цѣлей и стремленій.

Г. Кельсіевъ, издавая свои записки, собственноручно, безъ всякой надобности сдернулъ съ себя маску «правдоискателя», какъ онъ себя величаетъ и явился передъ нами новымъ Репетиловымъ, ученикомъ комерческаго училища, родившагося не для эмиграціи, а для сотрудничества въ газетѣ «Голосъ», для печатныхъ преслѣдованій евреевъ, даже евреевъ перекрещенцовъ въ третьемъ поколѣніи. Публицистъ, для котораго и трясина «С. Петербургскихъ Вѣдомостей» могутъ показаться «крайней фракціей», а какойнибудь Загуляевъ или Суворинъ «краснымъ» (о Господи!),—этотъ самый публицистъ былъ когда-то чуть не «опаснымъ» правдоискателемъ!.. Понимаете ли вы тутъ чтонибудь?..

Самъ г. Кельсіевъ тоже ничего не понимаетъ, почему онъ убѣжалъ изъ Россіи и откровенно въ этомъ признается. Онъ признается, что у него не было никакихъ убѣжденій, никакихъ плановъ, жилъ въ Россіи, потомъ отправился безсознательно, какъ лунатикъ, за-границу т. е. «шелъ въ комнату, а попалъ въ другую».

Г. Кельсіевъ, сжегъ свои корабли и очутился въ Лондонѣ. Въ Лондонѣ надъ нимъ стали трунить: —

— Зачѣмъ вы эмигрировали?

— *Хочу работать.*

Ему стали доказывать, что въ Россіи можно вдесятеро больше сдѣлать, чѣмъ отрѣзываясь отъ родины, но г. Кельсіевъ увѣрялъ, что за-границей можно говорить о томъ, о чемъ молчать въ Россіи. Я, дескать, буду писать «о бракѣ, о христіанствѣ, о личности».

— Но что именно? Дайте себѣ подробный отчетъ.

«Подробнаго отчета дать себѣ я не могъ.

«Я сдѣлался эмигрантомъ потому, что не могъ эмигрантомъ не сдѣлаться: такимъ воздухомъ вѣяло», отвѣчалъ юный Репетиловъ. «Не было ни малѣйшаго повода отрѣзываться отъ Россіи» (стр. 246 — 248.)

Что же это такое? Лунатизмъ или умопомѣшательство? Книжка г. Кельсіева на этотъ вопросъ даетъ намъ довольно ясный отвѣтъ. Оказывается, что съ дѣтства онъ былъ сильно склоненъ къ спиритизму, потому что «*росъ безъ всякаго умственнаго движенія*»... Все таинственное влекло г. Кельсіева. Юнаго спирита, по его собственному признанію, эмиграція увлекла, какъ неразгаданная тайна, какъ секретъ.

Что онъ, Кельсievъ, дѣйствительный спиритъ, еще яснѣе можно понять изъ слѣдующихъ словъ: «Не сознательная вѣра въ духовъ порождаетъ спиритовъ, а таинственность обстановки, загадочность явленій, показываемыхъ медиумами» (стр. 249).

Для меня теперь совершенно ясно, какимъ образомъ сотрудники «Голоса» могъ сдѣлаться эмигрантомъ.

— Научи, что мнѣ дѣлать? спрашиваетъ спиритъ изъ «Голоса» своего духа.

— Эмигрируй и пиши за-границей о *бракѣ, христіанствѣ и личности.*

— Но я въ этихъ вещахъ ни бельмеса не смыслю; «я только знакомъ съ тетрадами запрещенныхъ стиховъ» (стр. 248).

— Эмигрируй... Ты будешь писать подъ мою диктовку.

Ну, довѣрчивый спиритъ и эмигрировалъ, но увя! коварный духъ обманулъ его и вмѣсто ѣдкихъ памфлетовъ о бракѣ, христіанствѣ и личности, сталъ диктовать ему корреспонденцію въ ту же газету «Голосъ», подъ псевдонимомъ Иванова-Желудкова...

Потерявши вѣру въ духа и потерявши присутствіе духа, г. Кельсievъ, нѣсколько лѣтъ блуждая за-границей, «буквально велъ жизнь Діогена», дѣла никакого не дѣлалъ и, наконецъ, какъ блудный сынъ, убѣжавшій безъ всякой причины пѣзъ подъ родного крова, онъ сталъ мечтать объ обратномъ путешествіи въ родную землю.

Обыкновенный смертный, задумавъ и обдумавъ свое возвращеніе на родину, или отказался бы отъ своей мысли или тотчасъ приступилъ къ ея исполненію, но г. Кельсievъ прежде всего спиритъ, слѣдовательно человекъ суевѣрный.

Онъ началъ колебаться и сомнѣваться и вѣроятно обрывалъ цвѣтокъ, какъ барышня въ стихахъ г. Половскаго, твердившая за каждымъ оборваннымъ стебелькомъ:

Любить, — нѣтъ, — не любить — любить и т. д. Но и цвѣтокъ вѣрно ничего не сказалъ ему положительнаго. Только однажды увидя, что его сосѣдъ моетъ коляску, для того чтобы вести кого-то къ русской границѣ, г. Кельсievъ рѣшился на обратное возвращеніе въ Россію. Въ мытѣ коляски онъ видѣлъ почему-то тоже таинственное для него значеніе... Спиритъ по всему.

«Если-бъ не мылъ въ это утро, пишетъ г. Кельсievъ, Константинъ Степанычъ коляски, я, *можетъ быть, и не рѣшился возвратиться въ Россію!*..» (стр. 84).

Какъ видите, книжка очень забавная... Г. Кельсievъ, какъ оту-

маненный спиритъ, видимо, не сознавалъ, какими комическими чертами онъ нарисовалъ свой портретъ въ пережитомъ и передуманномъ.

Съ русской границы съ г. Кельсиевымъ начинается цѣлый рядъ комическихъ приключеній.

Онъ объявляетъ русскимъ властямъ свое имя, какъ имя великаго агитатора. Какъ оказывается, имени его никто не знаетъ.

«Надѣньте на меня кандалы!» проситъ онъ, но и это находятъ лишнимъ. Онъ ожидаетъ какого-то торжественнаго шествія, а его просто на извозчикѣ отвозятъ въ острогъ для дальнѣйшихъ распоряженій и даже разлучаютъ его въ острогѣ съ нумерами неразлучной съ нимъ газеты «Голосъ»...

Я не хочу упоминать о цѣломъ рядѣ сценъ изъ книги г. Кельсиева, которыя такъ и просятся въ карриатуру, и, вѣроятно, дождутся ихъ. Для моихъ замѣтокъ достаточно и этого бѣлаго отчета. «Воспоминанія» г. Кельсиева стоятъ два руб. с. Многіе говорятъ, что цѣна очень дорогая. Это уже черезъ чуръ зло. Продавать собственныя карриатуры на самаго себя за 2 руб. с. слишкомъ дешево, и это показываетъ большое самоотверженіе автора. Было бы выгоднѣе, нравственно выгоднѣе назначить за книгу большую цѣну; хоть 10 р. с. Тогда она была бы менѣе доступна для большинства читателей и репутація г. Кельсиева, какъ даровитаго и смышленнаго сотрудника газеты г. Краевскаго, была бы меньше оскандализирована, а теперь... Бѣдный г. Кельсievъ!.. Неужели онъ и теперь не броситъ ученія спиритовъ?

«За человѣка страшно!..»

Анонимъ.

ДРУЗЬЯ — ХУЖЕ ВРАГОВЪ.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Привидѣніе.

Амалія еще прежде распорядилась, чтобы никакой свѣтъ не былъ видѣнъ изъ дома. Двери комнатъ были заперты за исключеніемъ тѣхъ, которыя выходили на рѣку, такъ какъ съ этой стороны никто не могъ проходить ночью.

Въ маленькой залѣ Луиза встрѣтила свою госпожу; а во внутреннемъ окошкѣ показалась голова стараго Педро, желавшаго видѣть, что дочь его полковника возвращалась цѣлою и невредимою.

— Даніэля нѣтъ?

— Нѣтъ еще, сеньора, и никто не приходилъ послѣ сеньора донъ Эдуардо.

Но скоро Педро, обозрѣвавшій дорогу изъ своей темной комнаты, заглянулъ въ дверь залы и сказалъ:

— Бдутъ сеньоръ донъ Даніэль и Ферминъ.

— Ахъ, слава Богу... присмотрите за лошадьми.

— Даніэль—нашъ ангелъ хранитель, Эдуардо.

«Дѣло», № 7.

— О, Даниэль,—такого другого человѣка нѣтъ въ цѣломъ свѣтѣ, какъ нашъ Даниэль! сказалъ молодой человѣкъ съ нѣкоторою гордостью при томъ лестномъ и вполне заслуженномъ отзывѣ, какого удостоился другъ его дѣтства.

Даниэль вошелъ въ залу своей кухни, — веселый, живой, развязный, какъ всегда. На плечи его былъ накинутъ короткий плащъ, доходившій только до колѣнъ, вокругъ шеи была повязана черная лента, на которую ложились бѣлые воротнички рубашки, причѣмъ открывалась его мужественная шея.

— Ага! нѣжные голубки еще не кушаютъ!.. Впрочемъ я-то выигрываю отъ этой нелогичности, сказалъ онъ, остановившись возлѣ двери и отвѣсивая одинъ поклонъ своей кузинѣ, другой Эдуардо, третій накрытому столу, на которомъ находились три прибора.

— Мы тебя ждали, сказала, улыбаясь, молодая женщина.

— Меня?!..

— Съ вами, кажется, говорятъ, сеньоръ донъ Даниэль! сказалъ Эдуардо.

— Приношу вамъ мою несказанную благодарность! право такихъ любезныхъ господъ я еще не видывалъ въ цѣломъ свѣтѣ. Но воображаю, какъ вамъ надоѣло меня ждать. Какъ вы скучно, должно быть, провели время!..

— Да, немножко, отвѣчалъ Эдуардо, покачивая головою.

— Еще бы! Вы вѣчно скучаете невыносимымъ образомъ когда вы наединѣ... Педро!

— Что тебѣ нужно, трещетка несносная!

— Обѣдать, Педро, приказалъ Даниэль, скидая съ себя плащъ и перчатки; затѣмъ, усѣвшись за столъ, онъ налилъ себѣ стаканъ бордоссаго.

— Однако послушайте, сеньоръ, вѣдь это изъ рукъ вонъ какъ невѣжливо: вы садитесь за столъ прежде хозяйки дома.

— Э, уважаемый сеньоръ Бельграно, вѣдь я простякій федераль, и такъ какъ наша святая федерація безъ приглашенія разсѣлась на пиршествѣ нашей революціи, то и я могу сѣсть безъ церемоній за этотъ столъ, изображающій собою другую плачевную революцію: тарелки одного цвѣта, блюдо другого, тутъ разставлены стаканы и нѣтъ бокаловъ для шампан-

скаго, лампа еле-еле дышетъ, одинъ уголь скатерти волочится по полу, ни дать ни взять, какъ раздушенный платочекъ моей интимной подруги, сеньоры донья Мерседесъ Розасъ де-Риверы.

Послѣднія слова были намекомъ на одно довольно забавное приключеніе, постигшее недавно Даніэля въ домѣ старшей сестры Возстановителя законовъ, извѣстной уже намъ федеральной музы, которая, презирая своего «прозаическаго» супруга, доктора Риверу, желала бы встрѣтиться, какъ она выражалась, съ пылкимъ юношей, одареннымъ живымъ воображеніемъ, вулканическими страстями, блестящими талантами,—слиться до самозабвенія съ этою страстною натурою, какою на бѣду ей представился молодой Даніэль Бельо. Подъ предлогомъ чтенія записокъ изъ своей жизни, романтическая Мерседитасъ неотступно тащила нашего юношу въ свой будуаръ, и Даніэлю стоило не малаго труда отдѣлаться отъ страстной супруги доктора, передъ которой онъ извинился недосугомъ, обѣщавъ быть у ней на слѣдующій день, чтобы слушать ея интересныя записки. Теперь Амалія и Эдуардо, уже знавшіе это происшествіе съ Даніэлемъ, не могли не расхохотаться отъ всего сердца. Затѣмъ всѣ усѣлись за столъ, и Педро подавъ обѣдъ въ десять часовъ ночи: въ пустомъ домѣ все происходило необыкновенно и носило романтическій характеръ.

— Итакъ, ты общалъ этой сеньорѣ быть у ней для слушанья ея записокъ, но вчера нарушилъ свое слово: полагаю, что сегодня уже, вѣроятно, загладилъ свою ошибку, сказала Амалія.

— Нѣтъ, душечка кузина, отозвался Даніэль, разрѣзывая жареную дичь.

— А, это съ твоей стороны непохвально.

— Можетъ быть, но я буду имѣть честь представиться къ моей восторженной подругѣ не иначе, какъ въ сопровожденіи Эдуардо.

— Это какимъ образомъ? спросила Амалія, нахмуривъ брови.

— Со мною?! вскричалъ Эдуардо.

— Кажется здѣсь нѣтъ другого сеньора Эдуардо...

— Но я еще не лишился разсудка, отвѣчалъ Эдуардо.

— Это очень жаль, даю въ томъ честное слово Даніэля: я еще не видѣлъ никогда, чтобы избытокъ разсудка приносилъ счастье.

— Послѣ этого я понимаю, почему тебѣ такъ во всемъ везетъ, сказала Амалія, желая отомстить Даніэлю.

— Дѣло ясное! какъ говорить достойнѣйшій президентъ Соломонъ,—и еслибы Эдуардо имѣлъ поменьше разсудка, то сѣумѣлъ бы воспользоваться могущественной протекціей, которая ему представляется въ настоящемъ его затруднительномъ положеніи, т. е. сдѣлалъ бы визитъ сестрицѣ Возстановителя-Законовъ, читалъ бы съ нею ея записки, обѣдалъ бы съ нею до прихода Риверы, заперся бы съ нею въ залѣ въ то время, какъ Ривера обѣдаетъ, и потомъ... ну, потомъ, ему, Эдуардо, нечего было бы бояться ни доньи Маріи-Хозефы и никого на свѣтѣ.

— Да, да, Эдуардо, вы пользуетесь этимъ случаемъ.

— Будто вы, Амалія, не знаете Даніэля?!

— Можетъ быть, онъ имѣетъ причины говорить такимъ образомъ...

— Конечно, конечно, кузиночка. Предложенія дѣлаются только въ томъ случаѣ, когда есть надежда, что они будутъ приняты съ одобреніемъ. Вы какъ думаете, сеньоръ Эдуардо?

— Сдѣлай мнѣ божескую милость, Даніэль, перемѣни этотъ разговоръ.

Лицо Амаліи сдѣлалось очень пасмурнымъ, а Эдуардо, обращаясь къ Даніэлю съ послѣдними словами, насупился такимъ отчаяннымъ образомъ, что Даніэль разразился неистовымъ хохотомъ, сразу обезоружившимъ юныхъ влюбленныхъ, которые поняли, что все это были шутки.

— Э, э, голубчики, да вы несправимы! вскричалъ Даніэль, продолжая хохотать,—Флоренсія моложе тебя, Амалія, а я моложе Эдуардо, однако Флоренсія и я—мы умѣе васъ обонхъ, мы ссоримся только три раза въ недѣлю, но это рассчитано для того, чтобы три раза мириться.

— Но вѣдь ты ее этимъ мучишь?..

— Да, чтобъ послѣ доставить живѣйшее наслажденіе; ничто не можетъ быть отраднѣе того счастья, которое смѣняетъ ми-

нутную ссору между двумя существами, любящими другъ друга всѣми силами души,—и если я достигну того, что вы будете ссориться три раза въ недѣлю...

— Нѣтъ, нѣтъ, очень тебѣ благодаренъ, Даніэль, сказалъ Эдуардо съ такою живостью, что Амалія улыбнулась.

— Какъ угодно, мое дѣло только предложить.

— Однако, Даніэль, поговоримъ о серьезныхъ предметахъ.

— Это будетъ чудо въ этомъ домѣ.

— Не извѣстно ли тебѣ, что подѣлывается въ Предмѣстьи?

— Домъ еще не взятъ приступомъ, чему надо удивляться въ эту эпоху святого дѣла федераловъ. Прекратилось ли шпионство?—Вотъ ужъ три ночи никого не видно, что также рѣдко между федералами. Я былъ тамъ сегодня утромъ. Все пребываетъ въ томъ же видѣ, какъ было при насъ недѣли двѣ тому назадъ. Я приказалъ сдѣлать новый ключъ къ рѣшеткѣ. Твои вѣрные негры, присматривающіе за хозяйствомъ, цѣлый день спятъ, а ночью караулятъ, и если кто приближается, то они притворяются спящими, однако все хорошо видятъ и слышатъ, что я вполне одобряю.

— О, я должна когда нибудь щедро наградить моихъ старыхъ слугъ!

— Вчера ихъ призвала къ себѣ донья Марія-Хозефа; сегодня они пробыли съ нею все утро, но, конечно, бѣдвяжки, не могли ничего сказать, кромѣ того, что знаютъ, именно что тебя нѣтъ дома и что имъ неизвѣстно, гдѣ ты обрѣтаешься.

— Ахъ, какая женщина, какая ужасная женщина, Эдуардо!

— Нѣтъ, не на нее должна обрушиться вся тяжесть нашей мести.

— Только одно обстоятельство благоприятствуетъ намъ.

— Какое?

— Либеральный отрядъ все еще расположенъ близъ Лухана, но завтра, т. е. 1 сентября, двинется далѣе въ походъ. Все вниманіе Розаса занято серьезными опасностями, и никто не смѣетъ надобѣдать ему мелкими частными провсками. Преслѣдованіе, которому подверглась ты, и которое не даетъ отдыха Эдуардо, внушается личными побужденіями и исходитъ изъ низшихъ сферъ, для всего этого нѣтъ приказанія Розаса. Народ-

ное Общество и корифеи федераціи, выжидая событій, не желаютъ принять опредѣленнаго положенія. Такимъ образомъ, послѣ происшествія 23 числа въ послѣднія двѣ недѣли не случилось ничего замѣчательнаго. Но то несчастіе произошло по приказанію Розаса.

— Какое несчастіе? спросила съ безпокойствомъ Амалія.

— А вотъ выслушай: нѣкто Рамось, уроженецъ Бордовы, человекъ мирный, безвредный и въ политикѣ незначительный, прибылъ съ цѣлымъ обозомъ всякой клади съ юга въ нашъ Буэносъ-Айресъ 21 числа этого мѣсяца. Утромъ 23 числа его жена родила мертваго ребенка и сама осталась въ такомъ положеніи, которое требовало внимательнаго ухода. Рамось вышелъ на улицу, чтобы распорядиться относительно похоронъ младенца. Вдругъ полицейскій комиссаръ задержалъ Рамоса, отправился вмѣстѣ съ нимъ на его квартиру и, не обращая никакого вниманія на положеніе его жены, произвелъ подробный и возмутительный обыскъ, ломая мебель и переворачивая даже матрацы подъ больной родильницей. Хотя ничего предосудительнаго не было найдено, однако комиссаръ, исполняя полученное приказаніе, арестовалъ Рамоса и вывелъ его изъ дома подъ конвоемъ своей команды. Приведя несчастнаго въ Санъ-Хозе-де-Флоресъ, комиссаръ сказалъ, что онъ, Рамось, долженъ умереть и что его высокопревосходительство Возстановитель-Законовъ даетъ ему «два часа времени, чтобы приготовиться къ переходу въ вѣчность». Спустя два часа, Рамось былъ убитъ пистолетными выстрѣлами команды.

— О, это ужасно... вскричала молодая женщина, закрывая глаза руками.— Но жена?.. Что случилось съ этою несчастною, Даніэль?

— Жена?.. Съ ума сошла, кузиночка.

— О, Боже мой!!

— Да, съ ума сошла, и скоро умереть.

Эдуардо знаками просилъ своего друга переимѣнить разговоръ. По лицу Амаліи разлилась смертная блѣдность.

— Когда минуетъ для насъ это ужасное время, продолжалъ Даніэль,—когда мы все заживемъ вмѣстѣ, ты и Эдуардо, моя Флоренсія и я, тогда я поразскажу тебѣ страшныя вещи, про-

шедшія вблизи тебя и незамѣченныя тобою. Правда, что тогда намъ, воплиѣ счастливымъ смертнымъ, и не захочется толковать о разныхъ ужасахъ. Ну, а теперь выпьемъ.

— Да, выпьемъ за наше будущее счастье, сказали Эдуардо и Амалія, привѣтствуя Даніэля своими стаканами.

— Ты едва омочила губки, Амалія, а вотъ мы съ Эдуардо постарались за тебя, и хорошо сдѣлали, потому что вино увѣрляетъ, а намъ еще предстоитъ мила три вѣхать берегомъ рѣки.

— До сихъ поръ намъ все какъ-то удавалось, не пропадемъ, Богъ дастъ, и теперь, сказалъ Эдуардо.

— Но если это излишняя самонадѣянность?!

— Нѣтъ, мой дружокъ, нѣтъ. Слуги Розаса никогда не ходятъ по одиночѣ, это правда, но ихъ обходы численностью никогда не превосходятъ шести или восьми человѣкъ.

— Но вѣдь васъ всего трое...

— Если насъ только трое, Амалія, масоркеры должны были бы соединиться, покрайней мѣрѣ, въ числѣ двѣнадцати, по четыре на каждаго, да и тогда еще исходъ борьбы могъ бы быть сомнителенъ, сказалъ Эдуардо съ такою твердою увѣренностью, что почти совершенно успокоилъ свою возлюбленную, но только на одну минуту: любящая женщина никогда не сомнѣвается въ мужествѣ любимаго человѣка, но никогда не желаетъ подвергать это мужество испытаніямъ, — и Амалія съ живостью проговорила:

— Однако вы будете избѣгать всякой стычки, — общаете ли вы мнѣ это?

— Да, если только на Эдуардо не найдетъ припадокъ его прежней фехтовальной ярости. Удивляюсь, какъ это ему не надоѣстъ таскать за собою такую тяжелую шпажищу...

— Я не употребляю таинственнаго оружія, кабальеро, отозвался Эдуардо съ улыбкою.

— Однако оно дѣйствительное и въ особенности — удобнѣе.

— Ахъ, да, да... Въ самомъ дѣлѣ, Даніэль, какое у тебя оружіе, которымъ ты уже надѣлалъ столько ужасовъ?..

— И ты можешь прибавить: столько добра, душка вузичка.

— Конечно, конечно, извини меня, но отвѣчай. Ты знаешь, я любопытствовала уже такъ часто.

— Подожди, дай мнѣ доѣсть это пирожное.

— Я тебя сегодня не выпущу, если ты не скажешь, о чемъ я спрашиваю.

— Ну, вотъ поэтому я и не хочу тебѣ показать...

— Фп, какой несносный...

— Ну, ну, вотъ оно, таинственное оружіе, какъ выражается Эдуардо.

Даніэль выложилъ на столъ изъ бокового кармана своего сюртука гибкій ивовый стержень, по срединѣ тонкій, около фута длиною, съ большими желѣзными шарами на обоихъ концахъ, и все это было обтянуто очень толстой кожей.

Взятое въ руку за одинъ изъ шаровъ, это оружіе гнулось, но не ломалось, и противоположный конецъ, при малѣйшемъ движеніи руки, получалъ тройной вѣсъ и силу.

— Ну, что, видѣла, Амалія?

— Да, да, спрячь это. Ударъ, нанесенный однимъ изъ этихъ шаровъ, долженъ быть ужасенъ.

— Убиваетъ на повалъ, если наносится въ голову или грудь. Теперь я тебѣ скажу названіе этой машинки. По-англійски она называется life-preserver, по-французски—casse-tête, на испанскомъ языкѣ нѣтъ соответствующаго выраженія, и потому мы удерживаемъ французское названіе какъ болѣе выразительное, потому что оно буквально значитъ: *головоломка*. Въ Англіи оружіе это слѣлалось очень обыкновеннымъ; въ одной французской провинціи оно также употребляется, и Наполеонъ I ввелъ его въ нѣкоторыхъ кавалерійскихъ полкахъ. Для меня оно имѣетъ двойное достоинство: во-первыхъ, оружіе это спасло жизнь Эдуардо и во-вторыхъ оно всегда готово защищать эту жизнь въ случаѣ надобности.

— О, нѣтъ, этой надобности не случится. Не правда ли, Эдуардо, вы не будете подвергать себя опасности?..

— Нѣтъ, нѣтъ, не буду; я боюсь лишиться возможности бывать въ этомъ домѣ.

— Онъ разсуждаетъ дѣльно, потому что это—единственный домъ, изъ котораго его не выгоняютъ.

— Его?

— Ну, да, будто ты этого не знаешь, дорогая кузиночка? Нашъ достойный наставникъ выжилъ его не пинками, а скучными разгадольствованіями, моя Флоренсія приютила его на одну ночь въ своемъ домѣ, но я выпроводилъ его оттуда. Одинъ нашъ пріятель хотѣлъ продержать его у себя двое сутокъ, но его почтенный папаша согласился только на полтора дня и, наконецъ, я впускалъ его къ себѣ только два раза, и сегодня ночью придется впустить въ третій.

— Однако, одинъ разъ я былъ у себя дома, сказалъ Эдуардо съ нѣкоторою важностью.

— Съ васъ и этого достаточно, сеньоръ.

Амалия старалась улыбнуться, но на глазахъ наворачивались слезы. Даніэль замѣтилъ это и, взглянувъ на свои часы, сказалъ:

— Половина одиннадцатаго: пора ѣхать.

Всѣ встали.

— Возьмите-ка вашъ плащъ и шпагу, почтеннѣйшій Эдуардо.

— Я отдалъ ихъ Луизѣ; вѣроятно она отнесла то и другое во внутреннія комнаты.

Амалия прошла изъ залы въ смежную комнату, потомъ въ слѣдующую. Здѣсь нигдѣ не было огня, и обѣ комнаты освѣщались только блѣдными лучами луны, проникавшими сквозь окна, выходящія на дорогу; эта дорога направлялась между масляными деревьями и *пустымъ домомъ*.

Эдуардо и Даніэль кое о чемъ говорили между собою, какъ вдругъ раздался крикъ Амалии, и въ тоже время послышались ея поспѣшныя шаги, приближавшіеся къ залѣ.

Молодые люди опрометью бросились во внутреннія комнаты, но руки Амалии удержали ихъ на порогѣ двери.

— Что тамъ такое? Что случилось? спросили оба пріятеля.

— Ничего.... но не выѣзжайте.... не выѣзжайте сегодня ночью, отвѣчала Амалия съ смертельно-блѣднымъ и испуганнымъ лицомъ.

— Ради Бога, Амалия, говори-же, что такое? спросилъ Даніэль со своей природной горячностью, тогда какъ Эдуардо старался

войти въ мрачныя комнаты, хотя передъ затворенною дверью стояла неподвижно Амалія.

— Я скажу, сію минуту скажу, только не входите туда.

— Развѣ тамъ есть кто нибудь, въ тѣхъ комнатахъ?

— Нѣтъ, тамъ никого нѣтъ.

— Что же значилъ твой крикъ, кухня, и почему ты такъ блѣдна?...

— Я видѣла человѣка, прислонившагося къ окну въ комнатѣ Луизы. Окно это выходитъ на дорогу, и я сначала думала, что это Педро или Ферминъ, но когда я подошла къ окну ближе, этотъ человѣкъ поспѣшно повернулся, закрылъ лицо своимъ плащомъ и удалился почти бѣгомъ. Однако, когда онъ отступилъ отъ окна, луна освѣтила его лицо, и я его узнала.

— Кто же это былъ, Амалія? спросили въ одинъ голосъ молодые люди.

— Мариньо.

— Мариньо! вскричалъ Даніэль, тогда какъ Эдуардо ломалъ себѣ руки.

— Да, это былъ онъ, я не ошиблась. У меня не хватило духу и я вскрикнула.

— Всѣ наши хлопоты пропали даромъ, сказалъ Эдуардо, тревожно шагая по залѣ.

— Онъ, безъ всякаго сомнѣнія, слѣдилъ за мною, когда я вышелъ отъ Араны, проговорилъ Даніэль въ раздумьи.

Потомъ молодой человѣкъ выглянулъ въ дверь, выходившую на рѣку и кликнулъ Педро, который только-что вышелъ изъ залы, убравъ со стола.

— Педро, гдѣ былъ Ферминъ въ то время, какъ мы обѣдали?

— Онъ не выходилъ изъ кухни съ тѣхъ поръ, какъ мы поставили лошадей въ развалившейся конюшнѣ.

— И ни онъ, ни вы ничего не слышали на дорогѣ или вблизи дома?

— Нѣтъ, ничего, сеньоръ.

— И однако какой-то человѣкъ простоялъ, повидимому, довольно долго подъ окнами комнаты Луизы.

Солдатъ поднесъ руку къ своимъ сѣдымъ усамъ и съ силою

ихъ потянулъ, точно хотѣлъ ихъ вырвать совсѣмъ съ досады.

— Вы ничего не слышали, Педро. Это могло случиться, однако впередъ нужно караулить внимательнѣе. Позовите-ка сюда Фермина, а сами приготовьте лошадь на которой онъ прѣхалъ.

Педро вышелъ, не произнеся ни слова, и въ ту же минуту вошелъ слуга Даніэля.

— Ферминъ, мнѣ нужно знать, нѣтъ ли какихъ всадниковъ между деревьями, и если ихъ тамъ нѣтъ, то я хочу знать, по какому направленію они поѣхали и сколько ихъ. Если они выѣхали отсюда, то ты можешь догнать ихъ въ пять минутъ.

Ферминъ отправился, и въ тоже время Даніэль, Амалія и Эдуардо прошли въ комнату Луизы и отворили окно, откуда была видна дорога, тогда какъ саженьхъ въ ста отъ дома возвышались тридцать или сорокъ масличныхъ деревьевъ, которыя, словно ночные великаны, сторожили эту пустынную мѣстность.

Нѣсколько минутъ они уже наблюдали дорогу, направлявшуюся къ деревьямъ, когда Амалія вдругъ сказала.

— Что же это Ферминъ не выѣзжаетъ?

— О, онъ уже далеко отъ насъ, Амалія.

— Но вѣдь онъ былъ бы видѣнъ на этой дорогѣ!...

— Нѣтъ, душа, это не такъ. Ферминъ — добрый гаучо, смекаетъ свое дѣло, и не хочетъ дать себя замѣтить. Я увѣренъ, что онъ спустился внизъ по отлогости, потомъ опять поднялся саженьхъ въ ста и повернулъ къ деревьямъ по верхней дорогѣ... А, вонъ онъ, вонъ онъ, видишь?..

Дѣйствительно, саженьхъ въ пятидесяти отъ *пустого дома*, по правую сторону дороги и нѣсколько влѣво отъ масличныхъ деревьевъ, показался человекъ на гнѣдой лошади, спокойнымъ галопомъ ѣхавшій по дорогѣ, и минуту спустя послышался голосъ этого всадника, затянувшего одну изъ тѣхъ заунывныхъ народныхъ пѣсень, которыя неразлучно сопутствуютъ гаучо и всѣ сходны между собою однообразіемъ музыкальнаго мотива.

Затѣмъ было видно, какъ онъ придержалъ своего коня и поѣхалъ рысью къ деревьямъ, не переставая пѣть. Вскорѣ онъ

изчезъ между деревьями, но нѣсколько минутъ спустя опять быстро промчался черезъ дорогу, по которой прежде ѣхалъ.

— Преслѣдуютъ Фермина, Даніэль.

— Нѣтъ, Амалія.

— Но посмотри, его ужь не видно...

— Я все понимаю.

— Чтожъ ты понимаешь? спросилъ Эдуардо, не обладавшій тѣмъ чуткимъ талантомъ наблюдательности, благодаря которому Даніэль могъ усвоить себѣ науку гаучо также хорошо, какъ и свѣтъ цивилизаціи.

— Я понимаю, что Ферминъ никого не нашелъ между деревьями, что онъ опять спустился внизъ, сталъ искать какихъ нибудь признаковъ и, напавъ на свѣжій слѣдъ лошадей, поѣхалъ по тому направленію, чтобы убѣдиться въ основательности своей догадки.

Собесѣдники возвратились въ залу, и не прошло и десяти минутъ, какъ сквозь дверь ея, выходящую на рѣку, они примѣтили Фермина вихремъ мчавшагося вдоль по берегу. Затѣмъ онъ взобрался рысью вверхъ по отлогости и слѣзъ съ коня передъ дверью залы.

— Тамъ ѣдутъ, сеньоръ, сказалъ онъ съ тою лѣнливою безпечностью, которая характеризуетъ истаго гаучо.

— Сколько?

— Трое.

— По какой дорогѣ?

— По верхней.

— Замѣтилъ ли лошадей?

— Такъ точно, сеньоръ.

— Извѣстна ли тебѣ хоть одна изъ нихъ?

— Такъ точно, сеньоръ.

— Какая?

— Вороной иноходецъ, что подъ сеньоромъ Мариньо.

Амалія съ изумленіемъ взглянула на Эдуардо и Даніэля.

— Хорошо: сведи лошадей къ берегу рѣки.

Ферминъ ушелъ, ведя своего коня за узду.

— Но развѣ вы уѣдете? спросила Амалія.

— Не теряя ни одной минуты, отвѣчалъ ей кузинь.

— Но какъ же мы оставимъ ее одну, Даниэль?

— Ферминъ останется здѣсь; онъ и Педро будутъ намъ отвѣчать за нее. Я долженъ сопровождать въ эту ночь дежурнаго генерала, и ты переночуешь подъ моей крышей.

— Господи милосердный, новыя бѣдствія и тревоги! вскричала Амалія, поднявъ руки къ глазамъ и крѣпко сдавливая вѣки, какъ дѣлала обыкновенно, когда сердце ея невыносимо страдало.

— Да, моя крошка, новыя тревоги; этотъ домъ уже не можетъ служить намъ спокойнымъ убѣжищемъ, надо поискать другого.

— Ыдемъ же, ѣдемъ, Даниэль, сказалъ Эдуардо съ такимъ страннымъ нетерпѣнiемъ и такимъ мрачнымъ выраженiемъ въ своихъ блестящихъ черныхъ глазахъ, что Амалія, какъ бы отгадавъ его мысль, схватила его за руку и сказала:

— Ради меня, Эдуардо, ради меня...

Эти немногiя слова были произнесены такимъ умоляющимъ тономъ, съ такимъ теплымъ любящимъ чувствомъ во взглядѣ и голосѣ, что Эдуардо въ первый разъ отвернулъ отъ нея глаза, не желая, чтобы его ярость была обезоружена этимъ чарующимъ взглядомъ.

— Положись на меня, моя Амалія, сказалъ Даниэль, цѣлуя ее въ голову, какъ дѣлалъ всегда, разставаясь съ нею — съ этимъ прелестнымъ, благороднымъ, великодушнымъ, но въ тоже время безгранично-несчастливымъ существомъ.

Эдуардо пожалъ руку Амалiи, и Педро подалъ ему плащъ и шпагу, проклиная себя мысленно за то, что не могъ привѣтствовать своимъ карабиномъ человѣка, который, какъ подлый шпионъ, вздумалъ заглядывать въ окно дочери его полковника.

Разставанiе происходило почти молча; всякiй изъ прощавшихся друзей находился подъ влiянiемъ различныхъ ощущенiй, всякiй думалъ свое; Амалiю печалилъ отъѣздъ людей, близкихъ ея сердцу, Эдуардо досадовалъ на то, что Маринью уѣзжалъ отъ него все далѣе, а Даниэлю было досадно, что онъ не могъ разорваться на двое, чтобы охранять Амалiю въ пустомъ домѣ, а Эдуардо въ городѣ.

У подошвы отлогости, молодые люди сѣли на коней, а Фер-

минъ получилъ приказаніе остаться у Амаліи до шести часовъ утра.

Затѣмъ они понеслись галопомъ по Низовью, тогда какъ Амалія слѣдовала за ними глазами, которые поднялись къ небу, когда друзья ея скрылись вдали.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

О томъ, что сильно удивило Мариньо.

— Напрасный трудъ, Эдуардо: мы только заморимъ лошадей и все-таки не достигнемъ, чего ты хочешь, говорилъ Даніэль въ то время, какъ лошади мчались вихремъ.

— Будто ты знаешь, чего я хочу?

— Да.

— Именно?...

— Нагнать Мариньо.

— Отгадалъ.

— Но этому не бывать.

— Полно...

— Конечно, не бывать, и вотъ почему я не протестую противъ твоего каприза, и мы летимъ, какъ два демона, рискуя свалиться кубаремъ и сломать себѣ шею.

— Увидишь, догоню ли я его.

— Онъ опередилъ насъ двадцатью минутами.

— Ну, не такъ ужъ много.

— Если не больше.

— Мы ѣдемъ уже, по крайней мѣрѣ, десять минутъ.

— Ну, чтожь будетъ, если и нагонимъ?

— О, тогда я сведу съ нимъ счеты...

— Какимъ образомъ?

— Буду искать съ нимъ ссоры и проколю его, какъ гадину.

— Великолѣпная идея!..

— Если не великолѣпная, то, по крайней мѣрѣ, ясно сознающая.

— Ты забываешь, что ихъ четыре.

— Да хоть бы было пять; однако ихъ только трое: онъ и два ординарца.

— Нѣтъ, четыре: Мариньо, два ординарца и я.

— Ты?! Противъ меня?..

— Да, я, противъ тебя.

— Спасибо!.

Такой разговоръ вели между собой молодые люди, тогда какъ кони ихъ неслись во всю лошадиную прыть. Изъ трехъ миль, которыя нужно было проѣхать, всадники проскакали уже полторы мили, когда Даніэль, боясь, что эта бѣшеная ѣзда можетъ содѣйствовать осуществленію неразумной фантазіи Эдуардо, чему надо было помѣшать во что бы то ни стало, — воспользовался появленіемъ двухъ всадниковъ вправо отъ дороги, ѣхавшихъ по тому же направленію.

— Вонъ посмотри туда, Эдуардо.... вонъ ѣдутъ три чело-вѣка.... съ правой стороны.... саженьяхъ въ пятидесяти.... видишь?

— Да, но ихъ только двое.

— Нѣтъ, я видѣлъ троихъ: третьяго незамѣтно, потому что мы находимся на одной линіи.

Эдуардо больше ничего не хотѣлъ слышать и повернулъ своего коня по направленію къ всадникамъ, ѣхавшимъ въ разстояніи почти пятисотъ шаговъ. Онъ мчался поперегъ дороги, слѣдовательно, теряя время, и все въ сопровожденіи своего неразлучнаго пріятеля.

Проѣзжавшіе незнакомцы, вида этихъ людей, мчавшихся къ нимъ на полномъ карьерѣ, придержали своихъ лошадей и ожидали, что будетъ.

Молодые люди остановили своихъ коней въ четырехъ шагахъ отъ этихъ всадниковъ, и Эдуардо съ досады закусилъ губы, увидя, что онъ потерялъ шесть минутъ времени на бесполезное преслѣдованіе совершенно неизвѣстныхъ ему людей—старика и юноши — и въ особенности понявъ, что все это была хитрая стратагема Даніэля.

Убѣдиться въ своей ошибкѣ, повернуть лошадь и опять пом-

чаться по прямой дорогѣ — все это было дѣломъ одной секунды.

Даніэль, руководимый своимъ обычнымъ холоднымъ расчетомъ, въ которомъ онъ ошибался чрезвычайно рѣдко, былъ увѣренъ, что они не нагонятъ Маринью, такъ какъ онъ опередилъ ихъ двадцатью минутами на незначительномъ разстояніи въ три испанскихъ мили, и притомъ Даніэль зналъ, что редакторъ *Газеты*, какъ человѣкъ, не любившій заглядываться на природу, долженъ былъ что стало духу поспѣшить выбраться изъ этой пустынной мѣстности. Поэтому Даніэль почти безъ всякихъ опасеній позволилъ Эдуардо лихо скакать, въ томъ убѣжденіи, что эта ѣзда угрожала имъ только одной неприятностью—сломать себѣ шею, какъ онъ сказалъ еще прежде.

Даніэль держалъ у себя только превосходныхъ лошадей, и на одной изъ нихъ мчался теперь Эдуардо. Однако, бѣдныя животныя не могли же, наконецъ, промчаться во весь духъ три мили; и мало по малу начали выходить изъ повиновенія своимъ всадникамъ и терять силы. При всемъ томъ онѣ, при понуканіяхъ сѣдоковъ, продолжали нестись по дорогѣ, по вдругъ, громкій окликъ часового: «кто идетъ!» дошелъ до слуха молодыхъ людей. Они находились близъ овраговъ Ретиро, гдѣ въ то время были расположены солдаты генерала Ролона, кавалерійскій пикетъ и полроты морского батальона, отправившагося 16 августа въ Сантосъ-Дугаресъ и оставившаго этотъ маленькій отрядъ подъ командою сеньора Масы для охраненія казармы.

— (Слава Богу!..) Отечество! отвѣчалъ Даніэль, удерживая своего коня и также лошадь Эдуардо, у которой съ такою силою потянулъ узду, что при внезапномъ, неровномъ движеніи животнаго, всадникъ чуть не вылетѣлъ изъ сѣдла.

— Что за люди? продолжалъ часовой.

— Честные федералы, отвѣчалъ Даніэль.

— Проѣзжайте.

И уже Эдуардо опять собирался понестись галопомъ, какъ вдругъ громкій, хриплый голосъ закричалъ имъ на встрѣчу:

— Стой!..

Молодые люди остановились.

Объѣздъ изъ десяти всадниковъ спускался по отлогости отъ казармы, гдѣ былъ расположенъ отрядъ Масы.

Трое изъ нихъ выѣхали впередъ, чтобы разузнать о проѣзжихъ со стороны Низовья. Они принялись внимательно разсматривать нашихъ всадниковъ, къ которымъ скоро подѣхали и прочіе изъ объѣзда.

— Вы должны презентовать мнѣ коня, генераль, произнесъ Даніэль тѣмъ невозмутимо увѣреннымъ тономъ, который умѣлъ принимать въ самыя критическія минуты и которымъ обезоруживалъ самаго коварнаго и пронцательнаго человѣка; теперь нашъ юноша узналъ генерала Мансилью, находившагося сегодня въ должности дежурнаго начальника.

— Вы... вы—здѣсь, Бельо? удивился генераль.

— Да, сеньоръ, я здѣсь въ собственной особѣ, послѣ того какъ мчался берегомъ съ добрую милю въ надеждѣ нагнать васъ, такъ какъ близъ городскихъ постовъ мнѣ вигдѣ не удалось съ вами встрѣтиться. Ужь какъ вамъ угодно, а вы таки должны подарить коня, потому что мой совершенно выбился изъ силъ, благодаря моему желанію во, что бы то ни стало найти васъ.

— Но вы хотѣли отправиться домой въ одиннадцать часовъ, а я выѣхалъ въ четверть двѣнадцатаго.

— Такъ, значить, я виноватъ?

— Разумѣется.

— Ну, Богъ съ вами, не требую коня.

— Еще бы!..

— Что новенькаго, генераль?..

— Кажется, ничего.

— Однако, я просилъ позволить мнѣ сопровождать васъ въ вашемъ объѣздѣ, чтобы посмотреть на нашихъ солдатъ.

— Я только что началъ съ Ретиро, и намъ придется осматрѣть всѣ остальные караулы.

— Куда же вы теперь отправляетесь?

— Въ крѣпость.

— Тамъ должно быть спать всѣ...

— Что вы хотите, алькады и полицейскіе ундера—ужь какіе это солдаты!

— Прекрасно, генераль,—по какой же дорогѣ вы поѣдете?

— Низомъ, потому что мнѣ надо еще заглянуть на батарею.

— Хорошо, мы съ вами встрѣтимся на крѣпостномъ плацу.

— Да поѣдемте вмѣстѣ.

— Нѣтъ, генераль, мнѣ надо сначала проводить въ городъ вотъ этого моего пріятеля, который хотѣлъ было ѣхать сегодня съ нами, да вдругъ захворалъ...

— Да ужь, право, эта нынѣшняя молодежь ни къ чорту не годится... Бабе!..

— Не тоже ли самое я говорилъ вамъ сегодня утромъ?..

— Маломальски свѣжая ночь, они ужь и того... въ кусты...

Ну, такъ слушайте, слетайте духомъ, и послѣ мы соединимся въ крѣпости; тамъ поужинаемъ.

— Въ одну минуточку, генераль.

— Ожидаю васъ.

Десять минутъ спустя, Даніэль отворилъ дверь своего дома, ввелъ туда своего друга, и еще немного позже вышелъ одинъ, заперевъ дверь. Онъ сѣлъ на свѣжаго коня, на своего быстрого, рѣзваго коня, самаго лучшаго изъ богатыхъ табуновъ своего отца.

Проѣзжая подъ большой аркой Рекова, Даніэль увидѣлъ, что дежурный генераль во главѣ своего отряда поднимался на майскую площадь; они опять поздоровались близъ ровъ крѣпости, въ которую въѣхали послѣ обычныхъ военныхъ формальностей.

Ночь стояла по прежнему тихая, благодатная. На большомъ плацу форта и въ корридорахъ зданія, гдѣ прежде помѣщались министерскіе департаменты, толпились, покуривая трубочки и мирно калякая, алькады съ своими помощниками и ординарцами. Въ крѣпости была расположена половина отряда городской стражи (*serenos*) и почти весь главный штабъ, что все вмѣстѣ составляло численностью отъ четырехъ сотъ пятидесяти до пяти сотъ человѣкъ. Весь этотъ разнохарактерный гарнизонъ крѣпости состоялъ сегодня ночью подъ командою Мариньо, согласно съ распоряженіемъ военнаго инспектора,—генерала Гинедо.

Трудно изобразить изумленіе начальника городской стражи, увидавшего Даніэля въ сопровожденіи генерала Мансилы, тогда какъ молодой человѣкъ, по всѣмъ соображеніямъ Мариньо, въ

эту минуту долженъ былъ находиться въ *пустомъ домѣ*, — въ трехъ миляхъ отъ города.

Даніэль не зналъ, что Мариньо въ эту ночь, находился на дежурствѣ въ крѣпости, однако юноша не выразилъ ни малѣйшаго удивленія на своемъ умномъ лицѣ. Совершенно понимая смущеніе Мариньо, Даніэль сказалъ дежурному генералу:

— Вотъ что значить въ потѣ лица служить, генераль, сеньоръ Мариньо оставляетъ перо и беретъ шпагу.

— Это значить исполнять свои обязанности, сеньоръ Бельо, отвѣчалъ Мариньо, еще не очнувшись отъ своего изумленія.

— И неусыпно бодрствовать, сказалъ дежурный генераль, — здѣсь никто не дремлетъ.

— Чего мы, къ сожалѣнію, нигдѣ не видѣли, добавилъ Даніэль, окончательно сбивъ съ толку Мариньо, который раздумывалъ, что если Даніэль сопровождалъ дежурнаго генерала, то, значитъ, человекъ, за которымъ онъ, Мариньо, слѣдилъ три часа тому назадъ по дорогѣ къ *пустому дому*, никакъ не могъ быть Даніэль, и, быть можетъ, также женщина, вскрикнувшая въ темной комнатѣ этого дома, вовсе не была Амалия.

Такимъ образомъ, Мариньо терялся въ догадкахъ, тогда какъ генераль разговаривалъ съ нѣкоторыми его подчиненными и прошелъ вмѣстѣ съ ними въ одну изъ просторныхъ комнатъ, гдѣ находился столъ, уставленный горячею закускою и нѣсколькими бутылками вина. Мариньо не выдержалъ и съ тою нескромностью, которую всегда обнаруживаютъ сильно озадаченные люди, вдругъ спросилъ Даніэля:

— Вы не прогуливались сегодня одни верхомъ?

— Да, немножко.

— А!..

— Былъ до семи часовъ у сеньора наѣстника губернатора, потомъ, до встрѣчи съ генераломъ Мансилья, вздумалъ прогуляться съ той стороны Ретиро.

— Съ той стороны Ретиро? По дорогѣ къ Санъ-Исидро?..

— Да, да, именно, — по дорогѣ къ Санъ-Исидро. Но потомъ я вдругъ вспомнилъ, что у меня было дѣло близъ Сокорро, и я оставилъ свою прежнюю дорогу, внутренно завидуя какому-то счастливцу, который ѣхалъ впереди меня и никуда не сво-

рачивалъ, потому что никакія скучныя дѣла, вѣроятно, не мѣшали его прогулкѣ.

— Впереди васъ?

— Да, тамъ, въ сторонѣ Санъ-Исидро, по верхней дорогѣ, сказалъ Даніэль, такимъ невиннымъ тономъ, что Мариньо рѣшительно недоумѣвалъ и начиналъ думать, что онъ самъ себя одурачилъ.

— Что прикажете дѣлать?.. продолжалъ Даніэль, — намъ, бѣднымъ, нѣтъ и минуты роздыху.

— Ваша правда.

— О, если бы я обладалъ вашимъ талантомъ, сеньоръ Мариньо! Если бы я могъ такъ геніально писать, какъ вы, — тогда и мой потъ могъ бы быть полезенъ нашему святому дѣлу. А то я болтаюсь себѣ, какъ маятникъ, цѣлый день и цѣлую ночь, и Возстановителю отъ меня такая же польза, какъ отъ козла молока.

— Всякій дѣйствуетъ, какъ можетъ, сеньоръ Бельо, отзывался Мариньо, котораго загрубѣлая душа была недоступна даже лести.

— Когда-то настанетъ миръ, когда, наконецъ, воцарятся священные федеральные принципы, проповѣдываемые вами въ *Газетъ*!..

— Когда не будетъ ни одного унитарія, — ни явнаго, ни тайнаго, отвѣчалъ федеральный публицистъ.

— Вотъ это самое я говорилъ сегодня сеньору намѣстнику губернатора.

Въ эту минуту явился адъютантъ дежурнаго генерала позвать Бельо и Мариньо къ своему начальнику.

Взошли.

Возлѣ стола двѣнадцать или четырнадцать человѣкъ, стоя почтительно на ногахъ, распивали вино съ дежурнымъ генераломъ. Но странное дѣло! Въ третій или четвертый разъ они уже осушали свои стаканы, и ни одинъ федеральный гость не раздался подъ сводами этого дворца, гдѣ въ былое время изъ всѣхъ устъ лились восторженные возгласы за свободу и благо отечества! Мариньо успѣшилъ выпить, но также не произнесъ ни слова.

— А вамъ чего, Бельо? спросилъ генералъ Мансилья.

— Съѣстного рѣшительно ничего, но осушу стаканъ за скорую побѣду нашего федеральнаго оружія.

— И за вѣчную славу Возстановителя Законовъ, добавилъ Мансилья. Всѣ выпили въ какомъ-то смутномъ молчаніи.

— Сеньоръ Мариньо!

— Къ вашимъ услугамъ, генералъ, отозвался тотъ, подходя къ Мансильѣ, который сказалъ ему потихоньку отъ другихъ:

— Прикажете людямъ ложиться спать; это можетъ продлиться долго, а имъ не изъ-за чего изнурять себя.

— Прикажете поднять мостъ?

— Незачѣмъ.

— Вы полагаете, генералъ, что сегодня ночью не будетъ ничего новаго?

— Ровно ничего.

— Уже ѣдете?

— Да, повѣрю еще другіе посты и отправлюсь спать.

— Съ вами хорошій спутникъ.

— Кто такой?

— Бельо.

— О, этотъ юноша настоящее сокровище!

— Изъ чего, генералъ?

— Не знаю, золото или позолоченная мѣдь, только блеснуть, сказалъ Мансилья, улыбаясь и подавая Мариньо руку.

Затѣмъ всѣ спустились по большой лѣстницѣ, и въ то время, какъ Мансилья отправился къ своей командѣ, чтобы сѣсть на лошадь, Давіэль подошелъ къ Мариньо и сказалъ:

— Завидую вамъ, сеньоръ; вотъ я тоже желалъ бы приобрести такое положеніе, въ которомъ могъ бы показать свою ревность.

— И вы готовы были бы подвергнуться всѣмъ тѣмъ неприятностямъ, какія переношу я ради блага Федерациі?

— Всѣмъ, всѣмъ... даже наговорамъ.

— Наговорамъ?

— Да. Вотъ даже здѣсь мнѣ довелось слышать, что многіе осуждали ваше поведеніе.

— Мое поведеніе?!

— Говорили, будто вы прибыли въ крѣпость только въ одиннадцать часовъ ночи, когда должны были явиться въ семь вечеромъ.

Мариньо отвернулъ глаза и покраснѣлъ, какъ вареный ракъ.

— Кто же это говорилъ, сеньоръ Бельо? спросилъ Мариньо дрожащимъ отъ ярости голосомъ.

— Вотъ ужъ этого я вамъ не могу сказать, сеньоръ Мариньо. Но вы сами знаете — слухомъ земля полнится, и было бы весьма и весьма неприятно, если бы это дошло до свѣденія Возстановителя.

Мариньо поблѣднѣлъ.

— Сплетни, сказалъ онъ.

— Разумѣется. Больше ничего, какъ сплетни.

— Однако, не повторяйте этого, пожалуйста, никому, сеньоръ Бельо.

— Честное въ томъ слово, сеньоръ Мариньо. Я принадлежу къ числу людей, наиболѣе уважающихъ ваши таланты, и къ тому же имѣю свои особенныя причины питать къ вамъ благодарность—за ту услугу, которую вы хотѣли оказать моей кузинѣ.

— Какъ здоровье вашей сестрицы?

— Слава Богу, благодарю васъ.

— Вы ее видѣли?

— Сегодня вечеромъ былъ у нея.

— Я слышалъ, что она переселилась изъ Предмѣстья.

— Нѣтъ, только на короткое время пріѣзжала въ городъ и скоро опять возвращается.

— Ахъ, такъ она скоро возвращается?

— Со дня на день.

— Ыдемте же, Бельо, закричалъ генералъ Мансилля, уже сидя на лошади.

— Ыдемъ, ѣдемъ, генералъ; спокойной ночи, сеньоръ Мариньо!

— Прощу васъ забыть всѣ эти сплетни, сеньоръ Бельо...

— О, я ужъ больше ничего не помню. Будьте здоровы!..

И Даніэль, вскочивъ на лошадь, выѣхалъ вмѣстѣ съ дежурнымъ генераломъ изъ крѣпости, тогда какъ Мариньо остался

въ сильнѣйшемъ замѣшательствѣ и волненіи, не зная, за кого ему считать этого юношу, который постоянно у него вывертывалъ изъ рукъ и всегда являлся преградою въ его частныхъ дѣлахъ. Мариньо инстинктивно его ненавидѣлъ, но, къ своему отчаянью, не могъ вырвать отъ него ни одного доказательства, ни одного неосторожнаго слова, чтобы погубить его.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Дежурный генераль.

Команда дежурнаго генерала направилась по улицѣ Реконкиста, которая вела къ посту, занимаемому полковникомъ Равело.

Было всего около двѣнадцати часовъ ночи, но въ городѣ все замерло, и только возлѣ будокъ виднѣлись мрачные силуэты городскихъ сторожей, готовыхъ при первомъ сигналѣ тревоги броситься въ крѣпость и соединиться съ своимъ начальникомъ. Прѣжній веселый и шумный народъ Буэносъ-Айреса, какъ будто, поголовно вымеръ, и нигдѣ не было и малѣйшихъ слѣдовъ той молодежи былого времени, которая съ нетерпѣніемъ ожидала наступленія ночи, чтобы закружиться въ вихрѣ шумныхъ наслажденій. Еще съ вечера, теперь отцы и дѣти запирались за дверьми домовъ, и кто въ эту эпоху террора проходилъ по улицамъ Буэносъ-Айреса послѣ восьми часовъ вечера, тотъ долженъ былъ состоять подъ особеннымъ покровительствомъ федераціи. Тяжелую школу должна была пройти наша молодежь съ 1838 года, чтобы дойти до такой трусливой уступчивости, и недостатокъ личной безопасности загонялъ въ дома—единственное убѣжище гражданъ — всѣхъ, боявшихся на каждомъ шагу встрѣтиться съ кинжаломъ или кистенемъ (*chicote*) масоркеровъ.

Но, быть можетъ, благодѣтельный сонъ являлся успокоить встревоженные и запуганные умы жителей этого несчастнаго города?.. Желанія были слишкомъ живы, впечатлѣнія прожитаго слишкомъ тревожны, чтобы сонъ могъ доставить забвеніе

случившагося наканунѣ. И какъ только по мощнымъ улицамъ раздался стукъ лошадиныхъ копытъ, когда команда дежурнаго генерала вѣхала въ городъ,—тамъ и сямъ на платформѣ крыши обрисовывалась робкая человѣческая тѣнь или полуотворялась калитка дома, заслоненнаго темнотою, и оттуда выглядывали два тревожные, любопытные глаза.

Лошадь, пронесшаяся галопомъ, давала поводъ думать, что вотъ прискакалъ курьеръ съ вѣстью объ измѣнѣ, о побѣдѣ, о пораженіи.

Какойнибудь шумъ, причину котораго нельзя было открыть сразу, принимался за артиллерійскую пальбу или за натискъ вооруженнаго отряда.

И многимъ изъ жителей столицы вѣхавшая команда Мансилы показалась передовымъ эскадрономъ генерала Лавалле, вступившимъ въ городъ ранѣе прочаго войска.

Но не одни политическія событія приводили умы въ такое сильное нервное раздраженіе; этотъ печальный образъ жизни обуславливался насколько политикой, настолько же и личными интересами, потому что каждый гражданинъ къ своимъ убѣжденіямъ партіи примѣшивалъ также мысль о своей собственной участи.

Начнемъ съ федераловъ. Они хорошо знали, что за свои политическія убѣжденія не подвергались лично никакой опасности вслѣдствіе торжества теоріи унитаріевъ, которые являлись во все не затѣмъ, чтобы мстить своимъ политическимъ оппонентамъ. Но федералы знали, что тиранъ, названный ими главою федераціи, увлекъ ихъ на тотъ путь личной отвѣтственности, гдѣ дѣло касалось уже не политики, но правосудія, — и федералы боялись.

Люди, принадлежавшіе къ клубу масоркеровъ, обремененные всѣми возможными преступленіями, какія только могутъ взвести человѣка на эшафотъ, хорошо понимали, что на ихъ головахъ тяготѣло справедливое проклятіе цѣлыхъ тысячъ семействъ и что личныя оскорбленія могли повлечь за собою только личное возмездіе, личную расправу. Въ свою очередь Висъльники трепетали въ виду побѣды Лавалле.

Люди, имѣвшіе въ либеральномъ войскѣ родственниковъ, ясно

сознавали, что предъ ихъ глазами долженъ былъ разрѣшиться роковой, кровавый вопросъ,—и съ ужасомъ ждали сраженія.

Граждане, не представившіе практическихъ доказательствъ федеральнаго энтузіазма, и, слѣдовательно, подведенные безъ церемоній подъ категорію унитаріевъ, съ безпокойствомъ слѣдили за ходомъ политическихъ событій, дрожали за отечество и за себя при мысли, что либеральное войско можетъ потерпѣть неудачу.

Такимъ образомъ, все общество, политическія партіи той и другой масти, сословія, раздѣленные въ настоящее время различными желаніями и надеждами, родственными связями и всякаго рода симпатіями,—словомъ вся масса націи волновалась и приходила въ горячее умственное раздраженіе при самомъ малозначущемъ, обыденномъ происшествіи.

Даніэль, ѣхавшій возлѣ Мансилья, хорошо замѣчалъ, какъ отворялись окна, какъ на крышахъ возникали человѣческія тѣни, и ясно понималъ, что все это значило.

— Нашъ богоспасаемый градъ не спитъ... Вы не замѣчаете ли, генераль, что, дѣйствительно, наши граждане еще бодрствуютъ?..

— Всѣ ожидаютъ, мой другъ, отвѣчалъ генераль Мансилья, который не могъ открыть рта безъ того, чтобы не отпустить какого нибудь лукаваго, двусмысленнаго или ѣдко насмѣшливаго словца.

— Да, и всѣ ожидаютъ одного и того же, генераль...

— Всѣ, да.

— Удивительно, какъ наша федеральная система способствуетъ единодушію мнѣній!..

Мансилья повернулся и украдкой взглянулъ на это *сокровище*, какъ онъ называлъ Даніэля.

— Особенно въ одномъ отношеніи. Догадываетесь?

— Честное слово — нѣтъ.

— Всѣ единодушно желаютъ, чтобы это какъ можно скорѣе окончилось.

— Это? Что такое *это*, генераль?

Мансилья опять взглянулъ на Даніэля, такъ какъ вопросъ этотъ вызывалъ генерала на откровенность.

— Положеніе, я хотѣлъ сказать.

— Ахъ, да, положеніе! Но для васъ, генералъ Мансилья, политическое положеніе никогда не минуетъ.

— Это почему?

— Вы не предназначены жить у семейнаго очага. Вамъ нужна политическая арена,—и будь то противъ правительства или за него, но вы всегда будете играть видную роль въ нашемъ отечествѣ.

— Хотя бы въ столицу вступили унитаріи?

— Даже тогда. Я полагаю, что къ нимъ перейдутъ очень многіе изъ нашихъ федераловъ.

— Да, и нѣкоторые займутъ очень высокое положеніе,—на высѣищѣ, напримѣръ. Впрочемъ, мы всегда должны оставаться возлѣ Возстановителя.

Двойной смыслъ этой фразы не скрылся отъ Даніэля, который, однако, съ дѣтской наивностью продолжалъ:

— Да, онъ вполне заслуживаетъ, чтобы мы не покидали его въ такомъ критическомъ положеніи.

— О, онъ вывернется... Этому человѣку во всемъ страшно везеть.

— Это потому, что онъ представляетъ собою федеральную систему.

— Самую лучшую изъ всѣхъ возможныхъ системъ, неправда ли? сказалъ Мансилья взглянувъ на Даніэля.

— Я пришелъ самъ къ такому убѣжденію, послѣ преній въ конституціонномъ конгрессѣ.

Мансилья прикусилъ губы. Онъ былъ унитаріемъ въ конгрессѣ; но Даніэль глядѣлъ съ такимъ простодушнымъ видомъ, что хитрый старикъ не могъ хорошенько разобрать, заключался ли въ этихъ словахъ ироническій намекъ или нѣтъ.

Даніэль продолжалъ:

— И система эта никогда не будетъ ниспровергнута унитаріями. Можно сказать, не ошибаясь, что генерала Розаса могутъ осилить только одни федералы.

— Право, подумаешь, что вамъ пятьдесятъ лѣтъ, сеньоръ Бельо.

— Это потому, что я люблю принимать къ свѣденію то, что слышу.

— Что же вы такое слышали?

— Слышалъ между прочимъ о популярности, которою пользуются извѣстные федералы, — о вашей, напримѣръ, генералъ.

— О моей?

— Да-съ, о вашей. Если бы вы не находились въ родственной связи съ сеньоромъ губернаторомъ, то онъ зорко слѣдилъ бы за вами, потому что ваша популярность для него не тайна, и въ особенности ему извѣстны ваши умственные достоинства и ваше мужество. И несмотря, однако, на это, я слышалъ, будто въ 1835 году онъ сказалъ при одномъ случаѣ, что вы годитесь быть только параднымъ генераломъ.

Мансилья съ живостью притиснулъ свою лошадь къ коню Даніэля и сказалъ нервнымъ голосомъ:

— Подобная пошлость совершенно въ духѣ этого безмозглаго гаучо,—но знаете ли, почему онъ это сказалъ?

— Вѣроятно, въ шутку, генералъ, отозвался Даніэль съ невозмутимымъ хладнокровіемъ.

— Потому, что онъ меня боится, сказалъ Мансилья, сжимая руку Даніэля и сопровождая имя Розаса неудобнымъ въ печати эпитетомъ.

Эта внезапная откровенность совершенно согласовалась съ характеромъ генерала Мансильи, — съ тѣмъ судорожнымъ характеромъ, въ которомъ мужество смѣшивается съ горячностью, смѣлость съ нескромностью. Однако положеніе было очень важно, и Мансилья хорошо понималъ, что зашелъ слишкомъ далеко въ своей откровенности съ Даніэлемъ. Но отступать назадъ было уже поздно, и потому генералъ счелъ за лучшее выпытать подобныя же откровенныя признанія отъ своего юнаго спутника, которому сказалъ съ своимъ врожденнымъ лукавствомъ:

— Я знаю, что при первомъ энергическомъ крикѣ, вся молодежь приняла бы мою сторону, потому что никто изъ васъ не одобряетъ настоящій порядокъ вещей.

— А знаете ли, генералъ, что я самъ тоже думаю! замѣ-

тиль Даниэль такимъ тономъ, какъ будто эта мысль представлялась ему въ первый разъ въ жизни.

— И вы первый потянули бы за меня руку...

— Въ революціи?..

— Гмъ, въ... въ чемъ бы то ни было, сказалъ Мансилья, не рѣшаясь произнести это роковое слово.

— Да, мнѣ кажется, что вы имѣли бы многихъ приверженцевъ.

— Но вы-то, вы явились ли бы подъ мои знамена? допытывался Мансилья, желая во что бы то ни стало вынудить какое нибудь откровенное признаніе у этого юноши, передъ которымъ самъ высказался съ такой опасной нескромностью.

— Я?! Изволите ли видѣть, генераль, я не могъ бы этого сдѣлать по весьма простой причинѣ.

— Именно-съ?

— Да потому, что я поклялся ни въ чемъ не подражать молодымъ людямъ моихъ лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ они большею частью подѣлались унитаріями, тогда какъ я уважаю и защищаю принципы федераціи.

— Ба! ба! ба!..

И Мансилья отгѣхалъ подалѣе отъ Даниэля, считая его просто молокососомъ, говоруномъ, еще незрѣвшимъ умственно и не умѣвшимъ безпристрастно отнестись къ вопросамъ жизни. Даниэль продолжалъ, какъ будто ничего не замѣчая:

— Притомъ же, генераль, я не люблю вмѣшиваться въ политику и лучше мирюсь съ литературой и съ дамами, какъ я сегодня же вечеромъ говорилъ Августинитѣ, когда она просила меня сопровождать васъ въ вашемъ ночномъ путешествіи.

— Исполать вамъ, сухо отозвался Мансилья.

— Не могу, знаете: мнѣ тоже хочется быть такимъ же добрымъ аргентинцемъ, какъ и генераль Мансилья.

— Вы это на что мѣтите?

— Хочу сказать, что и мнѣ лестно пользоваться благосклонностью прекраснаго пола.

Любовныя поползновенія были всегда слабою стороною Мансильи, точно также какъ политическія интриги были всегда его конькомъ, на которомъ онъ выѣзжалъ довольно успѣшно, —

и Даніэль, какъ говорится, попалъ не въ бровь, а прямо въ глазъ.

— Ахъ, прошли, прошли, наши красны дни!.. продекламировалъ съ улыбкою Мансилья.

— Но за то какое лучезарное прошлое выпало вамъ на долю!

— Прошлое... Что въ томъ толку!..

— Но вы продолжаете блаженствовать также въ настоящемъ.

— Я что-то этого не понимаю.

— Очень многіе унитаріи ненавидятъ генерала Мансилью за то только, что у него такая красавица жена.

— А что, небось хороша моя женка,—хороша, чортъ возьми!.. сказалъ Мансилья, почти останавливая свою лошадь и взглянувъ на своего спутника съ совершенно самодовольнымъ выраженіемъ въ лицѣ.

— Очаровательна, въ чемъ соглашаются даже унитаріи, и если это была ваша послѣдняя сердечная побѣда, то она стоитъ всѣхъ прежнихъ.

— Относительно слова «послѣдняя»...

— Нѣтъ, нѣтъ, я ничего не хочу болѣе слышать, генераль... я очень люблю Августиниту и вовсе не желаю знать, что вы нарушаете ей вѣрность...

— О, мой дружокъ, если вы умѣете такъ дразнить и обезоруживать женщинъ, какъ мужчинъ, то будете еще счастливѣе меня...

— Я этого не понимаю, генераль? отозвался Даніэль тономъ самага естественнаго удивленія.

— Оставимте это, мы ужъ возлѣ караула Равело.

Дѣйствительно, они подѣхали къ посту, гдѣ спали около сотни старыхъ негровъ подъ командою полковника Равело; осмотрѣвъ караулъ, генераль въ сопровожденіи Даніэля отправился къ четвертому ополченскому батальону, состоявшему подъ начальствомъ Ксимено, и затѣмъ объѣхалъ нѣкоторые другіе караулы.

Но странное дѣло! Хмѣль федерациі, повидимому, пересталъ уже бродить въ груди ея восторженныхъ сыновей: вяло и безжизненно высказывались вопросы, отвѣты и все, что начальни-

ки частей говорили съ дежурнымъ генераломъ, и это повторялось вездѣ, во всѣхъ классахъ общества.

Даніэль, видѣвшій и понимавшій все это, говорилъ мысленно самому себѣ на каждомъ шагѣ.

— Двѣсти человекъ только, и я бы могъ передать генералу Лаваллье всю эту сволочь съ связанными руками и ногами.

Было уже около трехъ часовъ утра, когда генералъ Мансилья отправился къ себѣ домой въ улицу Потози.

Даніэль проводилъ его туда. Но онъ не желалъ, чтобы зять Розаса тревожился во снѣ своей нескромностъю, и потому юноша сказалъ ему у воротъ дома:

— Мнѣ очень больно, генералъ, что вы потеряли ко мнѣ довѣріе.

— Я, сеньоръ Бельо?!

— Да; зная, что вся наша молодежь отуманена безумцами, эмигрировавшими въ Монтевидео, вы хотѣли испытать меня и съ этой цѣлю стали говорить то, чего въ сердцѣ своемъ нисколько не чувствуете, такъ какъ мнѣ хорошо извѣстно, что лучшаго друга своего на свѣтѣ Возстановитель имѣетъ въ генералѣ Мансилья. Но къ счастью вы не открыли во мнѣ ничего, кромѣ федеральнаго патріотизма, — не правда ли? спросилъ Даніэль притворно робкимъ, заискивающимъ голосомъ.

— Конечно, конечно, отвѣчалъ Мансилья, пожимая руку этому недалекому и добронравному *мальчику*, какъ онъ мысленно называлъ его въ эту минуту.

— И, слѣдовательно, я могу разсчитывать на ваше покровительство, генералъ?

— Во всякое время, Бельо.

— Итакъ до завтра.

— До завтра и благодарю за компанію.

Даніэль повернулъ лошадь и, смѣясь отъ всего сердца, говорилъ самъ себѣ:

— Ты бы, старый пріятель, не оставилъ меня въ покоѣ до тѣхъ поръ, пока думалъ бы, что мнѣ извѣстна твоя тайна. А теперь я и самъ вышелъ, какъ гусь изъ воды; да и тебя разжевалъ, какъ слѣдуетъ: спокойной ночи, генералъ Мансилья!...

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Отечество, любовь, дружба.

Возвратясь домой, Даниэль самъ отвелъ своего коня въ конюшню, такъ какъ вѣрный Ферминъ былъ въ отсутствіи, а прочая прислуга ничего не знала о ночныхъ похожденияхъ своего господина: однако Даниэль разбудилъ одного слугу, которому поручилъ быть готовымъ на случай какихъ нибудь приказаній.

Было четыре часа утра, и Даниэль, войдя въ свои комнаты, освѣщенныя тусклымъ пламенемъ лампы, пожалѣлъ, что въ каминѣ не былъ разведенъ, огонь, такъ какъ утренняя свѣжесть сильно давала себя чувствовать въ суровую зиму 1840 года. Но вѣрнаго Фермина не было дома, а изъ другихъ слугъ никто не смѣлъ входить въ комнаты Даниэля.

Молодой человѣкъ зажегъ стеариновую свѣчку и прежде всего прошелъ въ смежную комнату, гдѣ спалъ Эдуардо.

Тревоженъ былъ сонъ этого страдальца, котораго душа въ продолженіи четырехъ мѣсяцевъ вынесла столько различныхъ ощущеній, и на его прекрасномъ лицѣ замѣчался жесткій отгѣнокъ, показывавшій, что это возбужденное воображеніе было смущаемо непривѣтливymi призраками.

Долго глядѣлъ на него Даниэль; другъ его заснулъ недавно, что доказывалъ небольшой огарокъ свѣчки, при пламени которой Эдуардо читалъ одинъ изъ томовъ исторіи французской революціи. И Даниэль видѣлъ въ этомъ юношѣ живое, трогательное олицетвореніе нашей преслѣдуемой, загнанной молодежи. Мало по малу мысли Даниэля получали большій просторъ, — и вотъ ему чудится, будто въ спящемъ страдальцѣ онъ видитъ олицетвореніе всей безотрадной дѣйствительности, горькій намекъ на судьбу того поколѣнія, къ которому принадлежали они оба.

Блѣдный, исхудалый, измученный духомъ и тѣломъ вслѣд-

ствіе постоянного напряженія и безпокойства, Даніэль прошелъ въ свой кабинетъ и бросился въ кресло.

Но вдругъ онъ встрепнулся, поправялъ свои скомканные волосы и съ тѣмъ спокойнымъ лицомъ, которое у него всегда обличало присутствіе какой нибудь возвышенной мысли въ его головѣ,—вынулъ какія-то письма изъ выдвигнаго ящика своего письменнаго стола; потомъ проставилъ число на одномъ изъ нихъ и затѣмъ написалъ слѣдующее письмо, которое прочелъ совершенно спокойнымъ голосомъ:

«Господину Бюше-де-Мартиньи и пр. и пр.

«Буэносъ-Айресь, 1-го сентября 1840 года

«Въ четыре часа утра.»

«Многоуважаемый сеньоръ,

«Я получилъ ваши письма отъ 23 и 24 чиселъ прошлаго мѣсяца, и изъ нихъ послѣднее еще болѣе утвердило меня въ томъ отрадномъ убѣжденіи, что благородное дѣло моего отечества находить защитниковъ не только въ ея дѣтяхъ, и во всѣхъ людяхъ съ честнымъ сердцемъ, гдѣ бы они ни родились, и хлопоты, употребленные вашими соотечественниками при французскомъ правительствѣ относительно вопроса на берегахъ Лаплаты и въ защиту нашего праваго дѣла—эти честныя усилія приобрѣтаютъ новое право на нашу признательность этимъ благороднымъ людямъ, составляющимъ исключеніе въ Европѣ, которая такъ плохо насъ понимаетъ и—что еще хуже—намъ зложелательствуетъ.

«Но, платя и мою долю въ нашемъ общемъ долгѣ благодарности, я, тѣмъ не менѣе, долженъ сказать вамъ откровенно, что при томъ положеніи, въ какомъ привели событія, всякое вмѣшательство со стороны Европы—благоприятное или враждебное нашему дѣлу—не поспѣетъ сюда во время, чтобы имѣть вліяніе на окончательный результатъ, такъ какъ торжество одной изъ двухъ политическихъ партій должно рѣшиться оружіемъ черезъ нѣсколько дней.

«Для меня лично условія настоящей задачи весьма просты и точны: или городъ будетъ взятъ приступомъ до истеченія двухъ недѣль, — и тогда Розасъ погибнетъ навсегда, —

или же либеральное войско отступить, и въ этомъ случаѣ наше дѣло будетъ проиграно на много лѣтъ и мы не въ состояніи будемъ собраться съ новыми силами даже при иноземной помощи.

«Содѣйствовать генералу Лавалье всѣми возможными способами—вотъ все, что намъ внушаетъ настоящее положеніе, но не надобно терять ни одного часа времени, потому что только отъ моральнаго дѣйствія, произведеннаго внезапною атакою города, и нисколько не отъ нападенія на редуты Сантосъ-Лугаресъ, можно ожидать торжества трехтысячнаго войска, считая въ томъ числѣ двѣ трети кавалеріи. Непріятель превосходитъ вдвое своею численностью этотъ отрядъ, тогда какъ, съ другой стороны, на содѣйствіе жителей Буэносъ-Айреса, можно рассчитывать только въ то время, когда стукъ оружія и восторженные возгласы патриотовъ раздадутся въ самыхъ улицахъ города.

«Этого видимаго нравственнаго противорѣчія въ народѣ, большинство котораго проклинаетъ цѣпи тираніи и съ замираніемъ сердца жаждетъ обновленной свободы, — этой аномалии, какъ мнѣ хорошо извѣстно, не видятъ унитаріи; они не желаютъ убѣдиться, что въ 1840 году народъ Буэносъ-Айреса не тотъ, какимъ былъ въ 1810 году. Это, если хотите, благородное заблужденіе, но все-таки заблужденіе, и такъ какъ факты, принадлежащіе уже къ области исторіи и въ очію совершившіеся на сѣверѣ нашей провинціи, разрушаютъ многія иллюзіи унитаріевъ и ихъ надежды на энергическую инициативу столичнаго населенія, то, по моему мнѣнію, весьма нелогично выпускать изъ виду тѣ выгоды, какія имѣетъ на своей сторонѣ войско.

«Невозможно, физически невозможно, соединить теперь въ Буэносъ-Айресѣ и десять человекъ во-едино. Индивидуализмъ — вотъ язва, разъѣдающая общественное тѣло нашего народа. Это явленіе вполне объясняется, я могъ бы даже сказать — оправдывается историческими обстоятельствами, но теперь не до философскихъ и умозрительныхъ изслѣдованій: надо принять существующіе факты — худы ли они, хороши ли — и на нихъ строить опредѣленные операціи. Если вооруженная революція», № 7.

люція оказывается фактически невозможною въ Буэносъ-Айрессѣ, либеральное войско должно принять этотъ фактъ къ свѣденію и съ нимъ сообразовать свои дѣйствія.

«Долженъ ли генералъ Лавалье идти противъ Розаса безъ всякой другой помощи, кромѣ своихъ собственныхъ силъ? Долженъ или не долженъ? Вотъ вопросъ, который задаютъ себѣ очень многіе и особенно *аргентинская коммисія*, которая умѣетъ такъ много говорить и, къ несчастію, такъ мало дѣлать.

«Но прежде чѣмъ рѣшить вопросъ этотъ, я желалъ бы убѣдить генерала Лавалье и всѣхъ на свѣтѣ, что сила Розаса заключается не въ окопахъ, брустверахъ, пушкахъ и солдатахъ Сантосъ-Лугареса, а въ столицѣ, въ здѣшней крѣпости. Буэносъ-Айрессъ—голова, все прочее только подчиненные ей члены. Изъ Буэносъ-Айреса должно по всей республикѣ распространиться противодѣйствіе тому ненормальному направленію, какое приняла наша революція. И въ этомъ случаѣ вопросъ можетъ быть выраженъ въ такой формѣ: должно ли двинуться на городъ, обойдя одинъ изъ фланговъ Розаса и не трогая непріятеля въ его окопахъ?

«Въ положеніи генерала Лавалье, я не боялся бы рѣшить этотъ вопросъ утвердительно, такъ какъ, по моему глубокому убѣжденію, въ случаѣ отступленія войска дѣло наше проигрывается и военныя силы погибнуть. При такой критической крайности я бы предпочелъ сразиться, хотя и съ громаднымъ для себя урономъ, на томъ полѣ, которое представляетъ возможность побѣды.

«Въ самомъ городѣ патриоты не найдутъ серьезнаго сопротивленія; федералы приуныли уже, вслѣдствіе неизвѣстности исхода и, по крайней мѣрѣ, половина ихъ добровольно перешла бы на сторону генерала Лавалье, чтобы этой измѣной Розасу обезопасить себя на будущее время.

«Въ прежнемъ моемъ письмѣ къ вамъ заключаются подробности относительно расположенія въ городѣ внутреннихъ карауловъ, линейныхъ войскъ и т. д. Если настоящее письмо обратитъ ваше серьезное вниманіе на предлагаемый мною планъ, то желаніе мое будетъ вполнѣ достигнуто, такъ какъ я не

сомнѣваюсь, что по критическомъ разсмотрѣніи моей мысли вы ее сами одобрите.

«И затѣмъ покорнѣйше прошу васъ, сеньоръ Мартини, всегда вѣрить моему глубокому къ вамъ уваженію и преданности.

«Б».

Даниэль запечаталъ это письмо особой печатью, написалъ сверху нѣсколько словъ мистеру Дугласу и спряталъ письмо въ потайномъ ящикѣ своего письменнаго стола.

Затѣмъ написалъ слѣдующее:

«Амалия! Въ нашемъ привидѣніи, мнѣ, дѣйствительно, удалось открыть Мариньо, и я постарался сбить его съ толку. Теперь онъ самъ хорошенько не знаетъ, что и подумать обо всей этой исторіи: за мною ли онъ слѣдилъ и тебя ли увидѣлъ въ темной комнатѣ. Однако это сомнѣніе будетъ подстрекать его еще болѣе, и онъ захочетъ отъ него избавиться.

«Съ этихъ поръ за мною будутъ слѣдить еще внимательнѣе, чѣмъ прежде.

«Ничего не подѣлаешь: въ затруднительныхъ обстоятельствахъ, окружающихъ насъ, лучше всего дѣйствовать смѣлостью, которая въ критическіе моменты замѣняетъ благоразуміе.

«Необходимо возвратиться въ Предмѣстье, и какъ можно скорѣе.

«Собирайся же и будь готова къ переѣзду каждый часъ.

«Событія смѣняются стремительно, и все должно дѣлаться также быстро, какъ быстро настанетъ моментъ нашего торжества или несчастія.

«Да сохранить небо всѣхъ добрыхъ!»

Окончивъ это письмо, молодой человѣкъ написалъ послѣднее — къ своей Флоренсѣ, которой говорилъ слѣдующее:

«Милая моя крошка! Изнемогая подъ тяжестью безплодной, но ужасной борьбы, которой ты, ангелъ мой, и не подозреваешь, я все-таки счастливъ на свѣтѣ, и очень счастливъ, потому что обладаю сокровищемъ твоего сердца, и съ твоимъ чистымъ именемъ на устахъ могу, даже въ настоящую минуту, вознестись молитвенно къ Богу и его ангеламъ...

«Много пришлось мнѣ выстрадать сегодня, и мое единственное утѣшеніе заключается въ увѣренности, что ты исполнишь мое желаніе. Необходимо убѣдить твою добрую мамашу уѣхать съ тобой въ Монтевидео, но какъ можно скорѣе, даже завтра если можно. Я все это устрою.

«И если для твоего спокойствія необходимо, чтобы ты была моей женой до отъѣзда, то завтра насъ соединитъ церковь, какъ соединилъ уже Богъ—навсегда.

«Небо, насъ покрывающее, воздухъ, которымъ мы дышимъ—все предвѣщаетъ несчастье и, быть можетъ... почему знать.... Теперь все полно мрачнаго пророчества. Въ подобную минуту я не желаю твоей руки, то есть своего собственнаго блаженства, своего рая. Но я повинуюсь, если это необходимо для твоего отъѣзда.

«Ни о чемъ меня не спрашивай. Могу сказать тебѣ только одно,—что я желалъ бы вознести тебя выше звѣздъ, чтобы воздухъ этой преступной земли не отравлялъ твоего дыханія. Не требуй отъ меня, чтобы я сопровождалъ тебя.... Это невозможно. Судьба моя рѣшена непремѣнно, я прикованъ къ Буэносъ-Айресу и... но мы увидимся черезъ недѣлю, много черезъ двѣ. Это цѣлое столѣтіе—неправда ли? Что же прикажешь дѣлать! Но въ воздухѣ, въ свѣтѣ дня, въ облачной вышинѣ, ты будешь говорить со мной, моя Флоренсія, и я буду заботливо хранить твои милыя рѣчи въ томъ убіжищѣ, которое всецѣло принадлежитъ тебѣ—въ моей душѣ.

«Послушайся меня, желанная моя!..

«Мадамъ Дюпаскье ни въ чемъ не можетъ отказать тебѣ.

«Все, о чемъ я ни просилъ тебя, всегда клонилось къ твоему и моему счастью.

Даміэль».

Молодой человекъ запечаталъ это послѣднее письмо, спряталъ его у себя на груди и ждалъ утра, чтобы отправить его вмѣстѣ съ другими.

КНИГА ПЯТАЯ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Логовище тигра.

Ранняя утренняя заря обрисовывалась на востокъ, и неясно рябили въ глазахъ безобразныя, мрачныя группы предметовъ, разбросанныхъ въ окрестности савантесъ-лугаресскаго лагеря.

То были необозримые ряды военныхъ подводъ. Земляныя насыпи, возведенныя возлѣ вырытыхъ окоповъ пирамиды артиллерійскихъ снарядовъ, беспорядочно разбросанныя кучи кожъ и брезентовъ, кавалерійскія коновязи, оружіе, солдаты, женщины, лодки — все это представляло страшную, хаотическую массу.

Барабанщики бьютъ утреннюю зорю, дикій шумъ въ индійскомъ отрядѣ, перекрикиванье негритянокъ, фырганье лошадей, крикливая ругань гаучосовъ, забрасывающихъ на нихъ свои арканы — все это вмѣстѣ составляло ту дикую, раздражающую слухъ музыку, которая вполне гармонировала съ этой мозолящей зрѣніе картиною.

Главный штабъ помѣщался съ правой стороны, на самомъ концѣ лагеря, въ большомъ шатрѣ, гдѣ, однако не ночевалъ главнокомандующій.

Гдѣ же, наконецъ, могъ ночевать Розасъ? Въ большомъ шатрѣ находилась его постель, но здѣсь онъ не спалъ.

Въ глухую ночь онъ являлся въ лагерь и раздавалъ приказанія своимъ вѣрнымъ защитникамъ; вотъ онъ только-что былъ здѣсь, но уже, полчаса спустя, никто не зналъ, куда онъ скрылся.

Гдѣ же онъ могъ скрываться?... Завернувшись въ плащъ своего ординарца и нахлобучивъ на себя киверъ, онъ спалъ въ какомъ нибудь потайномъ углу, не боясь никѣмъ быть найденнымъ и признаннымъ.

Но вотъ онъ, наконецъ, передъ нами и слѣзаетъ съ коня передъ дверью своей главной квартиры, возлѣ которой начальники частей, офицеры и простой людъ, безразлично скупившись, наслаждались чаепитіемъ.

Этотъ человекъ, одаренный чугушной натурой, проведя ночь съ тѣми же удобствами, какими пользовалась его лошадь или, говоря точнѣе, еще съ меньшими удобствами, — былъ однако свѣжъ, бодръ, какъ будто почивалъ въ пуховикахъ и вышелъ изъ молочной ванны.

Лицо его носило черствое, злобщее выраженіе, соответствовавшее дикимъ страстямъ, обуревавшимъ его демонскую душу.

Завернутый въ плащъ, съ офицерской фуражкой на головѣ, безъ шпаги и безъ всякихъ почетныхъ отличій, онъ прошелъ посреди своихъ придворныхъ, своего штаба, никого не удостоивъ своего взгляда.

Посреди шатра помѣщался большой столъ, заваленный писанными и печатными бумагами.

За столомъ сидѣли въ совершенномъ бездѣйствіи и молчаніи три писца съ блѣдными, осунувшимися лицами; тутъ же находился и генералъ Корваланъ, державшій въ рукахъ толстую кипу бумагъ и отъ нечего дѣлать перечитывавшій надписанные на нихъ адреса.

При появленіи Розаса всѣ встали. Снявъ съ себя фуражку и плащъ, Восстановитель положилъ то и другое на постель и, принялся расхаживать вдоль по шатру, тогда какъ писцы и адъютантъ, неудостоенные ни малѣйшаго привѣтствія, продолжали стоять возлѣ стульевъ, въ которыхъ сидѣли съ минуту тому назадъ.

У двери показался солдатъ съ стаканомъ парагвайскаго чая въ рукѣ. Здѣсь онъ и остановился, словно пригвожденный къ мѣсту.

Розась продолжалъ свою прогулку. Обернувшись, наконецъ, онъ протянулъ руку, взялъ стаканъ, отпилъ изъ него три или четыре глотка, опять отдалъ стаканъ солдату и снова принялся расхаживать.

Солдатъ остался на своемъ прежнемъ мѣстѣ съ стаканомъ въ рукѣ.

Двѣ или три минуты спустя повторилась таже сцена, и это продолжалось до тѣхъ поръ, пока автоматъ не отправился за новымъ запасомъ воды.

Секретари и адъютантъ не трогались съ мѣста.

Солдатъ то уходилъ, то опять возвращался съ чаемъ.

Эта пантомима продолжалась съ добрый часъ времени.

Наконецъ Розась остановился возлѣ стола и съ ослабленно-ласковымъ видомъ сказалъ писцамъ, какъ будто только теперь ихъ замѣтилъ:

— Садитесь, сдѣлайте милость.

Тѣ усѣлись.

Затѣмъ, повернувшись къ Корвалану, онъ сказалъ ему тономъ удивленія:

— А вы тоже были здѣсь?

— Такъ точно, высокопревосходительный сеньоръ.

— Когда пришли?

— Съ часъ тому назадъ.

— Что новаго въ городѣ?

— Ничего нѣтъ, высокопревосходительный сеньоръ.

— Довольны?

— Такъ точно, сеньоръ.

— Ну, а какъ поживаетъ Викторика?

— Вчера вечеромъ я съ нимъ видѣлся, — ничего, хорошо, высокопревосходительный сеньоръ.

— Когда еще его увидите, кланяйтесь ему отъ меня. Вчера его цѣлый день не было здѣсь, и я ужъ боялся, не померъ ли нашъ чудакъ. А донъ-Фелипе тоже видѣли?

— Такъ точно, высокопревосходительный сеньоръ.

Розась бѣшено захохоталъ.

— Вотъ, я думаю, у кого душа-то въ пятки ушла?.. Ну, а тутъ ничего нѣтъ?

— Часа два тому назадъ были получены водою вотъ эти донесенія.

— Давайте-ка ихъ сюда.

Розась взялъ пакеты, распечаталъ ихъ и, взглянувъ на подписи, передалъ бумаги одному изъ писцовъ.

— Прочтите-ка, сказалъ онъ, и опять принялся расхаживать. Тотъ прочиталъ слѣдующее:

«Сеньору донъ Хуану-Мануэлю де-Розасу.»

Главный лагерь близъ Амбриля, льяносы ла-Ріохи.

Августа 8-го 1840 года.

«Достоуважаемый губернаторъ и генералъ.

«Пятаго числа текущаго мѣсяца въ 4 часа вечера сюда прибылъ донъ-Лукасъ Льяносъ, вручившій мнѣ вашу лестную корреспонденцію отъ 2 и 18 числа прошедшаго мѣсяца, изъ которой видно, что ваше высокопревосходительство изволите одобрять мои предложенія, выраженный въ письмѣ отъ 30 іюня, относительно обмундировки, кавалерійскаго оружія и пр. и пр., что все будетъ передано въ Кордовѣ генераломъ Алеманомъ, который подъ предлогомъ поправленія своего здоровья...

— Хорошо, хорошо, пусть околѣетъ; и пусть околѣетъ также преподобный Альзао, — вѣдь это онъ пишетъ?

— Такъ точно, высокопревосходительный сеньоръ.

— Потрудитесь поскорѣе сдѣлать извлеченіе. А теперь читайте другое. Это отъ кого?

— Отъ донъ-Висенте Гонзалець. Онъ извѣщаетъ о движеніи...

— Я не спрашиваю васъ, о чемъ онъ извѣщаетъ, — читайте.

— «О движеніи мятежническаго скопца Лавалье 30-го и 31-го августа, 1-го и 2-го сентября».

— Читайте о переходахъ.

— «30-го числа....»

— Какого мѣсяца?

— Августа, это было сказано прежде, отвѣчалъ писецъ, запинаясь.

— И тутъ не худо было бы повторить. Послушайте вы, прибавилъ Розасъ, обращаясь къ другому писцу,—напомните-ка этому старому ослу, чтобы онъ яснѣе извѣщалъ о передвиженіяхъ скопищъ дикихъ унитаріевъ...

— Чтобы проставлялъ числа?

— Какой же вы однако дубовый.... Ну, да, ну, да, дѣ-лайте, что вамъ говорить. Читайте.

Первый писецъ продолжалъ:

— «30-го числа: около половины девятого утромъ скопище грязныхъ дикихъ унитаріевъ тронулось съ мѣста и направилось къ Лухану, гдѣ и расположилось лагеремъ въ половинѣ шестого вечеромъ.

«31 числа: мятежникъ Лавалье оставилъ въ Луханѣ обозъ и часть артиллеріи, взявъ съ собою только двѣ гаубицы и два легкихъ орудія. Въ этотъ день мятежникъ держалъ совѣтъ съ своими главными соумышленниками и офицерами; для чего—неизвѣстно.

«1-го числа мятежникъ остается на томъ же мѣстѣ. Отправились только два эскадрона, одинъ—къ Часовнѣ (Capilla del Señor), другой—по направленію къ Чапаме.

«2-го числа въ девять часовъ утра скопище дикихъ унитаріевъ двинулось впередъ.

«Отойдя милю, оно остановилось.

«Въ двѣнадцать часовъ смрадные унитаріи снялись съ лагеря.

«Въ половинѣ второго остановились.

«Въ часъ пошли далѣе.

«Въ три часа все скопище остановилось.

«Въ четыре часа продолжали походъ и въ половинѣ шестого прошли черезъ рѣчку Чосу.

«Въ шесть часовъ мятежники приблизились къ двумъ постамъ Рамиреца и открыли огонь».

— Больше ничего нѣтъ.

— Послѣ завтра могутъ быть въ Мерло, даже завтра... про-бормоталъ Розасъ, еще тревожище зашагавъ взадъ и впередъ.

— А что говорится вотъ въ этой бумагѣ о Лопесѣ? спросилъ Розасъ, вдругъ останавливаясь послѣ продолжительнаго молчанія.

- Что онъ идетъ къ санъ-Педро.
 У двери показался солдатъ съ чаемъ.
 — А нѣтъ ли здѣсь бумаги безъ подписи?
 — Такъ точно, высокопревосходительный сеньоръ.
 — Прочтите-ка все—отъ начала до конца.

Писецъ прочелъ слѣдующее:

«Монтевидео, 1-го сентября 1840 года.

«Высокопревосходительный сеньоръ,

«Послѣ моего письма, препровожденнаго два дня тому назадъ, у насъ нѣтъ никакихъ другихъ новостей, кромѣ извѣстiя, доставленнаго вчера англійскимъ военнымъ судномъ, пришедшимъ изъ Рио-Жанейро. Извѣстiе это заключается въ томъ, что новый французскій адмиралъ поставленъ во главѣ экспедиціи, имѣющей цѣлью помогать измѣнникамъ и мятежникамъ — унитаріямъ, которые давно уже продали бы свое отечество иностранцамъ, если бы не защищала его сильная рука в. в. противъ столькихъ недруговъ.

«Здѣсь между дикими унитаріями господствуетъ полнѣйшій разладъ. Одни ругаютъ Лавалье за то, что онъ наступаетъ не такъ поспѣшно, какъ имъ бы хотѣлось. Другіе....

— Посмотрите-ка, Корваланъ, что тамъ за шумъ. Или, нѣтъ, подождите: эй, любезный, поглядите, что тамъ такое,—сказалъ Розасъ солдату, подававшему чай, такъ какъ въ лагерѣ дѣйствительно поднялась какая-то суматоха.

Солдатъ вышелъ; Корваланъ и писцы находились въ мучительной тревогѣ.

— Продолжайте, сказалъ Розасъ писцу.

Тотъ принялся опять за чтеніе:

«Одни ругаютъ Лавалье...

— Слышали мы уже это, не будьте, пожалуйста, олухомъ.

Писецъ поблѣднѣлъ, какъ мертвецъ, и продолжалъ:

«Другіе кричатъ, что онъ не долженъ идти далѣе, не...

— Ну, въ чемъ же дѣло? спросилъ Розасъ возвратившагося солдата, тогда какъ писецъ отмѣчалъ ногтемъ то слово, на которомъ было прервано чтеніе.

— Ничего, сеньоръ.

— Какъ, ничего?

— Пришелъ какой-то разнощицъ съ пряниками, а наши говорятъ, что это шпионъ Лавалье.

— Да развѣ дороги не скажутъ, откуда онъ явился?

— Не знаю, сеньоръ. Должно быть съ той стороны.

— Хорошо, сказать ребятамъ, пусть справляются, какъ знаютъ.

Солдаты ушелъ. Розасъ сдѣлалъ знакъ писцу, чтобы тотъ продолжалъ чтеніе. Писецъ сталъ читать:

«Не увѣрившись въ поддержкѣ всѣхъ гражданъ. И мятежникъ Лавалье, какъ надо думать, самъ не знаетъ, что ему дѣлать: всякій совѣтуетъ ему по-своему. Что касается Риверы...

Голосъ чтеца внезапно оборвался при страшномъ крикѣ, при раздирающихъ душу стонахъ, раздававшихся въ нѣсколькихъ шагахъ отъ шатра Розаса: его сподвижники убивали бѣднаго торговца пряниками и подняли крикъ и ликованья звѣрской ярости, наслаждаясь видомъ крови и предсмертными муками своей жертвы.

Этого несчастнаго, почти семидесятилѣтняго старика, звали Антонио Фрагейро Кальвиньо. Онъ занимался продажею разныхъ сластей и въ этотъ день захотѣлъ поторговать своими пряниками въ Сантосъ-Лугаресъ; судьба сыграла съ нимъ страшную, роковую шутку.

— Продолжайте, сказалъ Розасъ съ величайшею флегмою.

...«Риверы, то онъ вовсе не намѣренъ помогать имъ и отъ всей души желаетъ ихъ гибели, не потому, чтобы онъ не былъ такой же нечистый унитарій, какъ они, а потому что всѣ они никакъ не могутъ поладить между собою.

«Каждый день къ намъ являются эмигранты, и я имѣю причины думать, что бѣглецы большею частію отправляются съ берега Санъ-Исидро въ французскихъ баркахъ. Мнѣ кажется, что эта мѣстность должна быть подвергнута наиболѣе внимательному надзору.

«Завтра я опять буду писать вашему высокопревосходительству, какъ дѣлаю каждый разъ, когда вижу къ тому малѣйшую возможность.

«Сто червонцевъ были выплачены мнѣ немедленно по предъ-
явленіи векселя.

«Молю небо о споспѣшествованіи вашему высокопревосходи-
тельству.»

— Больше нѣтъ ничего.

— Послушайте, сказалъ Розасъ, обращаясь къ Корвалану,—
вѣдь вы, кажется, отправляетесь въ городъ.

— Какъ будетъ угодно вашему высокопревосходительству.

— Да, вамъ нужно побывать тамъ. Повидайтесь съ Ку-
тиньо и скажите ему, что меня извѣщаютъ изъ Монтевидео,
будто онъ позволяетъ унитаріямъ за деньги бѣжать съ берега
Санъ-Исидро; скажите, что я этому не вѣрю, но что напрасно
онъ терпитъ эти сплетни отъ дикихъ унитаріевъ, и что я самъ
скоро соберусь сдѣлать ночную прогулку въ тѣ мѣстности.

— Слушаю-съ, высокопревосходительный сеньоръ.

— И передайте его друзьямъ и ему самому все, что вы слы-
шали и видѣли здѣсь,—понимаете?

— Такъ точно, высокопревосходительный сеньоръ.

— Не пришелъ ли уже Маса? спросилъ Розасъ солдата, дер-
жавшаго стаканъ, изъ котораго Розасъ отъ времени до време-
ни отхлебывалъ чай.

— Онъ здѣсь, отвѣчалъ тотъ.

— Пусть войдетъ.

Минуту спустя появился Мариано Маса, начальникъ такъ на-
зываемаго морского отряда, игравшій впоследствии такую кро-
вавую и подлую роль въ смутахъ, поднятыхъ Розасомъ.

Это былъ мужчина лѣтъ тридцати пяти, стройнаго роста,
рыжеволосый и съ тою кошачьей, коварной фізіономіей, на
которой неизгладимо и открыто отпечатлѣвались инстинкты по-
рока и злодѣйства.

Съ военной фуражкой въ рукѣ онъ вытянулся въ струнку
передъ человѣкомъ, еще недавно обagrившимъ свои руки въ
крохи его дяди и двоюроднаго брата.

Не удостоивъ его ни малѣйшаго наклоненія головы, Розасъ
поглядѣлъ на него и спросилъ:

— Здѣсь ли арестованные вчера?

— Такъ точно, высокопревосходительный сеньоръ.

— Сколько ихъ?

— Четверо, высокопревосходительный сеньоръ.

— Какъ ихъ зовуть?

Маса вытащилъ изъ бокового кармана бумагу и прочиталъ:

— Хозе Иера, испанецъ.

— Говорите—галльего. ¹⁾

— Хозе Иера, галльего и его сынъ.

— Ихъ, кажется, прислали изъ Лобоса, а?

— Такъ точно, высокопревосходительный сеньоръ.

— Кто же еще?

— Нѣкто Велесъ, уроженецъ Кордовы, и Мариано Альваресъ, буэносъ-айресскій житель.

— Всѣ?

— Больше никого не арестовали, высокопревосходительный сеньоръ.

— Хорошо, разстрѣляйте ихъ.

Маса отвѣсилъ глубокой поклонъ и вышелъ, тогда какъ Розасъ опять принялся расхаживать.

Минуть черезъ пять онъ остановился и сказалъ:

— Ну, отправляйтесь съ Богомъ, Корваланъ.

Адъютантъ готовился уйти.

— Ахъ, да, побывайте у Мари-Хозефы и скажите ей, что-бы она дѣйствовала, какъ сама найдетъ за лучшее. Если это унитарин, пусть ихъ ловить.

— Слушаю-съ, высокопревосходительный сеньоръ.

— И еще не забудьте навѣдаться къ Мариньо и сообщить ему... Тутъ голосъ Розаса и вниманіе всѣхъ были прерваны двумя послѣдовательными залпами.

Иера съ сыномъ, Альваресъ и Велесъ пали подъ пулями Розаса, какъ десять минутъ тому назадъ погибъ несчастный Кальвиньо подъ остриемъ федеральнаго кинжала!

— Да, такъ вы сообщите Мариньо, что тутъ дѣлается, продолжалъ Розасъ съ невозмутимымъ спокойствіемъ, — и скажи-

¹⁾ Жители испанской провинціи Галиціи (gallegos), пограничной съ Португаліей, пользуются въ Испаніи незавидной репутаціей—людей обиженныхъ смысломъ.

те ему также, что по его водянистымъ статьямъ, право, можно принять его за унитарія.

И это Розасъ говорилъ въ то время, когда *Торговая Газета* изрыгала кровь, подстрекая витязей федераціи къ поголовному истребленію всѣхъ унитаріевъ...

Корваланъ, снабженный этими порученіями, изъ которыхъ каждое заключало въ себѣ смерть или несчастье, сѣлъ на лошадь, вѣроятно, нисколько не думая о той печальной знаменитости, какаѣ будетъ связана съ его именемъ, принадлежащимъ если не безусловному злодѣю, — потому что генералъ Корваланъ, дѣйствительно, имъ не былъ, — то во всякомъ случаѣ челоуѣку, который опозорилъ себя впродолженіи столькихъ лѣтъ пассивнымъ, слѣпымъ повиновеніемъ тупому тиранну.

Но чуть только лошадь Корвалана сдѣлала нѣсколько шаговъ, какъ солдатъ, подававшій чай, нагналъ его и позвалъ адъютанта отъ имени Розаса.

Старичокъ слѣзъ съ коня съ большимъ трудомъ и, путаясь ногами о свой тесачекъ, съ прыгающими въ стороны эполетами, вторично предсталъ предъ Розаса, тогда какъ солдатъ отправился за водой, которой требовалъ диктаторъ.

— Вы ужь хотѣли уѣхать?

— Такъ точно, высокопревосходительный сеньоръ.

— Нѣтъ, обождите маленько. Присядьте.

Корваланъ сѣлъ.

— Гдѣ эти бумаги, что были получены вчера? спросилъ Розасъ одного изъ писцевъ.

— Вотъ онѣ, высокопревосходительный сеньоръ, — отвѣчалъ писецъ, указывая на огромную кипу, лежавшую на стулѣ.

— Развяжите-ка и подайте сюда одну *классификацію*.

— Какую прикажете, высокопревосходительный сеньоръ.

— Начинайте съ первой. Отыщите-ка ее.

Писецъ принялся пробѣгать бумаги.

— Вотъ она, высокопревосходительный сеньоръ.

— Читайте.

И Розасъ опять началъ расхаживать, тогда какъ вѣстовой продолжалъ стоять возлѣ двери съ стаканомъ чая въ рукѣ.

Писецъ принялся читать такъ называемыя *классификаціи*, т. е.

списки наиболѣе замѣчательныхъ друзей и недруговъ Розаса, начатыя въ 1835 году и оконченныя, какъ надо полагать, въ 1844 году. Чтеніе ограничилось только двумя классификаціями и заключалось слѣдующими словами:

«Что касается негровъ нисшаго класса, то девять десятыхъ изъ нихъ готовы защищать дѣло федераціи, и только одну десятую составляютъ люди, по невѣжеству своему, подавшіеся злымъ прельщеніямъ измѣнниковъ».

— Я кончилъ, высокопревосходительный сеньоръ.

— Хорошо, на этотъ разъ будетъ. Отберите другія бумаги для слѣдующаго чтенія, но только глядите въ оба и когда увидите въ нихъ слово *унитаріи*, читайте мнѣ всегда— *дикіе унитаріи*. Возьмите это Корваланъ, передайте Маріи-Хозефъ и скажите, чтобы она просмотрѣла. Завтра я пришлю ей другія.

— Больше ничего не прикажете, высокопревосходительный сеньоръ.

— Нѣтъ, ничего.

Корваланъ ушелъ.

Въ эту минуту Розасъ взялъ стаканъ съ водою изъ рукъ солдата.

Стеклянная дверь главной квартиры была обращена на востокъ, и стекла были завѣшаны пунцовой матеріей. Утреннее солнце поднималось во всемъ своемъ лучезарномъ великолѣпнн, и его лучи, проникая сквозь пунцовыя гардины и принимая ихъ цвѣтъ, отражались въ стаканѣ Розаса и сообщали водѣ кроваво-огненную окраску.

Это оптическое явленіе заставило содрогнуться писцовъ, которые, догадываясь, для чего Розасъ отправилъ классификаціи своей демонской родственницѣ, вдругъ вообразили себѣ, что вода въ его стаканѣ превратилась въ кровь, и были объаты невыразимымъ паническимъ ужасомъ.

Это оптическое явленіе и напуганное воображеніе бѣдняковъ-секретарей представили въ формѣ иллюзіи ужасную истину этой минуты. Да, въ настоящую минуту этотъ человекъ пилъ кровь, дышалъ кровью, извергалъ кровь всѣми порами своего тѣла... Онъ мысленно составлялъ планъ убійствъ, которыя должны бы-

ли превратить въ сирадную лужу крови несчастный городъ Буэносъ-Айресь.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Разсерженный Пиладъ.

Молодой Даніэль Бельо со всевозможной спокойной важностью былъ занятъ чтеніемъ краснорѣчивой *Торговой Газеты*, сидя въ изящномъ зыбкомъ креслѣ, когда къ нему, словно снѣгъ на голову, ввалился, весь запыхавшись, несчастный, вѣчно преслѣдуемый секретарь донъ-Фелипе Араны.

— Даніэль!

— Сеньоръ?

— Даніэль! Даніэль!

— Сеньоръ! сеньоръ!

— Мы погибаемъ.

— Знаю.

— Знаешь и не спасаешь насъ!!

— Ни о чемъ другомъ больше и не думаю.

— Нѣтъ, Даніэль, нѣтъ... не успѣемъ уже.

— Тѣмъ лучше.

— Какъ, тѣмъ лучше?! спросилъ донъ-Кандидо, страшно выпучивъ глаза и усаживаясь на диванѣ возлѣ Даніэля.

— Я говорю, сеньоръ, что въ затруднительныхъ обстоятельствахъ лучше всего кончить сразу.

— Да, но кончить хорошо, неправда ли?

— Или худо.

— Какъ же это худо?

— Да, кончить хорошо или худо, по моему, гораздо лучше, чѣмъ жить между страхомъ и надеждою.

— Чего же мы можемъ опасаться?..

— Да вотъ, напримѣръ, намъ могутъ отрубить головы.

— Пусть рубятъ тебѣ и всѣмъ заговорщикамъ, но за что

ай гор же мнѣ, —человѣку спокойному, неповинному, миролюбивому, неспособному дѣлать дурное съ умысломъ, съ явнымъ намѣреніемъ, съ...

— Садитесь-ка, мой достойный наставникъ, сказалъ Даніэль, прерывая донъ-Кандидо, который въ пылу увлеченія вскочилъ на ноги.

— Что я сдѣлалъ такое, или что замышлялъ сдѣлать, чтобы видѣть себя, какъ теперь, въ положеніи углаго человѣка, бросаемаго туда и сюда свирѣпыми волнами жизненнаго океана?

— Что вы сдѣлали?

иности — Да, да, чтоже я такое сдѣлалъ?

идя въ — Вотъ наивный вопросъ. Небойсь мало вы наколбродили.

съ на — Я ничего не сдѣлалъ, сеньоръ донъ-Даніэль, и намъ пора навсегда прекратить, разорвать, уничтожить всѣ сношенія между нами. Я всѣми силами души преданъ особѣ доблестнѣйшаго изъ Возстановителей на этомъ свѣтѣ и люблю до послѣдняго члена все семейство его высокопревосходительства, точно также, какъ люблю и готовъ защищать грудью другого сеньора губернатора — доктора донъ-Фелипе, всѣхъ его предковъ и все потомство. Я желалъ...

— Вы желали бѣжать, сеньоръ донъ-Кандидо.

— Я??

— Да, вы, и это оскорбленіе федераціи наказывается смертью.

— Гдѣ доказательства!..

наш — Сеньоръ донъ-Кандидо, вамъ непремѣнно хочется, чтобы васъ повѣсили.

— Мнѣ!

нес — И я желаю знать только, кого вы хотите удостоить чести васъ повѣсить—Розаса или Лавалье. Если перваго, то я сію же минуту могу сослужить вамъ эту службу, сдѣлавъ визитъ полковнику Соломону; если же втораго,—то я обожду денька три или четыре, пока сюда войдетъ Лавалье, и при первомъ же случаѣ поговорю съ нимъ о секретарѣ сеньора донъ-Фелипе.

— Такъ, значить, меня во всякомъ случаѣ утопятъ?

— Нѣтъ, сеньоръ, васъ вздернутъ на воздухъ, если вы будете упорно пороть чушь, какъ дѣлали до сихъ поръ.

«Дѣло», № 7.

— Но послушай, Даніэль, дитя мое, развѣ ты не видишь моей фizioноміи?

— Вижу, сеньоръ.

— Что же ты въ ней замѣчаешь?

— Страхъ.

— Нѣтъ, не то, чтобы страхъ, а скорѣе недовѣріе—результатъ ужасныхъ впечатлѣній, недавно меня постигшихъ.

— Въ чемъ же дѣло?

— Съ тѣхъ поръ, когда я вышелъ отъ сеньора губернатора, и до настоящей минуты мнѣ два раза пришлось встрѣтиться съ этими людьми, которые кажутся.... которые представляются....

— Чѣмъ же?

— Дьяволами, переодѣтыми въ людей.

— Или людьми, замаскированными въ дьяволовъ,—не такъ ли?

— Что это за рожи, Даніэль, что за ужасныя рожи!.. и въ особенности эти чудовищныя кинжалы у ихъ поясовъ. Одинъ изъ этихъ изверговъ когда нибудь распоретъ мнѣ брюхо, какъ ты полагаешь, Даніэль, а?..

— Не думаю. Что же вы-то сдѣлали?

— О ничего, ровно ничего. Но вообрази себѣ, что они примутъ меня за другого и....

— Э, полноте, оставимъ это, мой почтенѣйшей другъ. Кажется, вы сказали, что вы шли отъ Араны, чтобы побывать здѣсь, не такъ ли?

— Да, да, дружокъ Даніэль.

— Слѣдовательно, вы имѣли въ виду нѣчто сообщить мнѣ.

— Да.

— Что же это такое, другъ мой?

— Не знаю и не хочу болѣе ничего говорить. Я не намѣренъ болѣе пускаться въ полтику и въ откровенности.

— А, такъ вы хотѣли посвятить меня въ какую нибудь политическую тайну?

— Я этого не сказалъ.

— Ну, а я готовъ держать пари, что вы принесли въ карманъ вашего сюртука какую нибудь важную бумагу.

— Я ничего не принесъ.

— И держу пари также, что когда вы выйдете отсюда и

наткнетесь на какого нибудь федерала, которому захочется узнать, нѣтъ ли при васъ оружія, то онъ легко найдетъ роковую бумагу и съѣстъ васъ въ одинъ глотокъ.

— Даніэль!...

— Сеньоръ, не угодно ли вамъ будетъ вручить мнѣ принесенные вами документы...

— Съ однимъ условіемъ.

— Имено-съ?

— Ты не долженъ болѣе требовать отъ меня, чтобы я продолжалъ нарушать мои обязанности.

— А тѣмъ хуже для васъ, потому что не пройдетъ и четырехъ сутокъ, какъ Лавалье нагрянетъ въ Буэносъ-Айресъ.

— Но развѣ ты не сошлешься на громадныя услуги, оказанныя мною дѣлу свободы?

— Нѣтъ, если вы остановитесь на половинѣ дорогѣ.

— И ты полагаешь, что Лавалье непременно здѣсь будетъ?

— Для этого онъ пришелъ.

— Между нами будъ сказано—я самъ тоже думаю, и поэтому-то хотѣлъ видѣться съ тобою. Недавно произошла стычка.

— Кто, съ кѣмъ?.. судорожно спросилъ Даніэль съ нѣсколько зарумянившимся лицомъ, еще носившимъ слѣды недавнихъ тягостныхъ впечатлѣній. Блѣдный, исхудалый, чахлый Даніэль походилъ въ этотъ день скорѣе на разгульнаго юношу, презирающаго здоровье и жизнь ради чувственныхъ наслажденій, чѣмъ на молодого политическаго дѣятеля, преслѣдующаго высокія и разумныя цѣли.

— Возьми и прочти.

Даніэль развернулъ бумагу, поданную ему донъ-Кавидо, и прочиталъ:

Санъ-Педро, 1-го сентября.

«Два дня тому назадъ къ намъ явился Маскарилья съ тысячею солдатъ, рассчитывая овладѣть городомъ, который обнаружилъ горойское мужество и съ силой отбросилъ непріятеля. Нападающій отрядъ состоялъ изъ полутораста пѣхотинцевъ и шестисотъ всадниковъ при одномъ артиллерійскомъ орудіи. Атака была направлена на два пункта. Непріятель пробрался было уже до

крѣпости, но отступилъ передъ нашимъ дѣятельнымъ огнемъ. Нашъ уронъ превышаетъ сто человѣкъ.

«Прилагаю вамъ копію съ извѣщенія, полученнаго мною отъ главнокомандующаго.

«Завтра буду писать вамъ обстоятельно.

«Сеньору Д.....

Хуанъ Камелино».

— Покажите документъ, о которомъ здѣсь говорится, сказалъ Даніэль послѣ продолжительнаго молчанія, неподвижно устремивъ глаза на бумагу; которую онъ держалъ въ рукѣ, тогда какъ его умное лицо омрачилось выраженіемъ грусти и тяжелаго унынія.

— На-вотъ, возьми,—сказалъ донъ-Кандидо,— эти важные документы были захвачены въ баркѣ въ прошлую ночь, и я много успѣшилъ снять для тебя съ нихъ копіи.

Даніэль, не слушая донъ-Кандидо, взялъ бумагу и прочиталъ:

«Дѣйствующій отрядъ на походѣ.

Августа 29-го, 1840 года.

«Сеньору донъ-Хуану Камелино, военному коменданту Санъ-Педро.

«Главнокмандующій съ удовольствіемъ извѣщаетъ васъ, для сообщенія вашимъ подчиненнымъ, что изъ перехваченныхъ донесеній донъ-Феликса Альдао тирану Розасу видно, что моральное настроеніе внутренняго населенія вполне благоприятно дѣлу свободы. Провинція Кордоба, Санъ-Луисъ и Санъ-Хуанъ отказались дать Альдао требуемую отъ нихъ помощь. Провинція Ла-Ріоха возстала въ массѣ противъ тираніи Розаса, вооруживъ большой кавалерійскій отрядъ и девять-сотъ пѣхотинцевъ. Генералъ Ла-Мадридъ, вступившій въ провинцію Кордобу во главѣ храбрыхъ защитниковъ свободы, скоро явился для оказанія содѣйствія главному либеральному отряду.

«Дивизія Веги совершенно разсѣяла въ Наварро милиціозеровъ, которыхъ собралъ Чирино. Одинъ эскадронъ этой милиціи присоединился къ нашему войску.

«Главнoкомандующимъ получено извѣстiе, что милиція Магдaлины возстала противъ своихъ начальниковъ въ ту самую минуту, когда ей было приказано прпмвннуть къ скопищу Розаса. Дѣло свободы идетъ впередъ исполнскими шагами, и главнoкомандующій надѣется, что очень скоро вполнѣ заслуженная награда увѣнчаетъ усилія воиновъ свободы, мажду которыми храбрые защитники Санъ-Педро займутъ почетное мѣсто.

«Всѣ эти извѣстiя вы сообщите вашимъ сподвижникамъ, потому что либеральное войско не нуждается въ системѣ лжи, которою тираннъ старается скрыть свое критическое положенiе.

«Прошу васъ препроводить копію съ этого извѣщенiя мировому судѣ (juez de paz) въ Барадеро.

«Да сохранить васъ Богъ!

«Хуанъ Лавалье».

— Ну, что ты объ этомъ скажешь? спросилъ донъ-Кандидо, когда Даніэль окончилъ чтенiе бумаги.

Молодой человекъ ничего не отвѣчалъ.

— Идутъ къ намъ, Даніэль, идутъ.

— Нѣтъ, сеньоръ, уходятъ, съ досадою отозвался Даніэль.

И смявъ бумагу въ рукѣ, онъ всталъ и началъ тревожно прохаживаться по комнатѣ, тогда какъ на его лицѣ легко было замѣтить раздраженiе и горькую пронію.

— Да ты съ ума сошелъ, Даніэль!!

— Не я, а другіе положительно рехнулись.

— Да пойми-же ты, вѣдь они разбили Лопеца, почтенѣйшій Даніэль!

— Что въ томъ толку?!

— Уже расположились возлѣ Лухана.

— И это ничего не значитъ.

— Развѣ не замѣчаешь пылкаго, огненнаго, потрясающаго энтузіазма, который ихъ одушевляетъ?

— Къ чему это ведетъ?

— Въ своемъ ли ты умѣ, голубчикъ Даніэль?!

— Я-то, сеньоръ, въ своемъ, а обезумѣли тѣ, что хлопочутъ о провинціяхъ, открывая этимъ недовѣрiе къ своимъ силамъ и не замѣчая счастливаго шанса, который представляется имъ подѣ самымъ носомъ. Да, какое-то роковое несчастiе преслѣдуетъ

эту партію и вмѣстѣ съ нею отечество!.. съ горечью сказалъ молодой человѣкъ, продолжая шагать по комнатѣ, тогда какъ донъ-Кандидо глядѣлъ на него бессмысленно удивленными глазами.

— Значитъ, мы, федералы, правду говорили...

— Что унитаріи ни къ чорту не годятся,—да, вы совершенно правы, сеньоръ донъ-Кандидо.

Въ эту минуту послышались два сильные удара въ дверь комнаты. Донъ-Кандидо вздрогнулъ.

Лицо Даніэля вдругъ совершенно измѣнилось, какъ будто то была другая фѣзіономія: прежнее волненіе и раздраженіе на этомъ лицѣ смѣнилось невозмутимымъ спокойствіемъ и улыбающимся видомъ.

Въ эту минуту на порогѣ двери показалась женщина съ огромнымъ федеральнымъ бантомъ, черными, жесткими и намасленными локонами, окаймлявшими ея одутлое, смуглое и упитанное лицо, и въ такомъ немилосердно шелестящемъ платьѣ, что, казалось, будто дама эта была одѣта въ обои. Такимъ могъ быть развѣ только еще докторъ Ривера, супругъ рыженькой Мерседитасъ, если бы его одѣли въ женскій костюмъ.

— Уфъ!... пропыхтѣлъ донъ-Кандидо.

— Милости просимъ, сеньора Марселина, —сказалъ Даніэль.

— А, это вы гдѣспода.

— Къ вашимъ услугамъ!

— Орестъ и Пиладъ.

— Они самые.

— Вотъ этотъ—Пиладъ, сказала донья Марселина, тыкая въ донъ-Кандидо пальцемъ.

— Сеньора, вы зловѣщая женщина, отозвался тотъ, отступая передъ донькою Марселиной.

— «Твое преступное сильное сердце
«Не вѣдаетъ ни дружбы, ни любви.»

— О, если бы я весь былъ выкованъ изъ стали... сказалъ со вздохомъ донъ-Кандидо.

— Въ особенности шея,—не правда ли, мой уважаемый другъ, замѣтилъ Даніэль.

— Какъ! Развѣ голова Пилада обречена въ жертву?..

— Нѣтъ, сеньора, и я васъ прошу не повторять такихъ ужасовъ, я не унитарій и никогда имъ не былъ, —понятно ли?..

— Большая важность—голова....

— Смотри по тому, чья она; если ваша, то левое дѣло, ну, а моя....

— Да что значить ваша тыква послѣ гекатомбъ, обагрившихъ мѣръ.... Развѣ головы Антонія и Цицерона не были выставлены въ капитоліѣ, какъ читаль мнѣ безсмертный Хуанъ Крузъ? Дерзайте! Безсмертіе донесетъ ваше имя до отдаленнаго потомства...

— Чтобъ чортъ васъ унесъ на своихъ рогахъ!

— Развѣ Цезарь не палъ, сраженный двадцатью тремя ударами?..

— Даніэль, если эта женщина не кума самого сатаны, то я страшный осель.... Эта злобѣщая баба,—вѣдьма или дочь вѣдьмы. Каждый разъ, когда мы приближались къ ней или къ ея дому, насъ постигало какое нибудь несчастье. Какъ твой прежній наставникъ, какъ твой старый другъ, питающій къ тебѣ уваженіе, дружбу, участіе, я прошу, я требую, чтобы ты выгналъ эту женщину, погрязшую во всякой чертовщинѣ....

— «Какъ смѣетъ святотатственный языкъ твой
«Прекрасный полъ хулою поносить!..

— Прекрасный полъ?! Вотъ она—красавица-то?!... И донъ Кандидо презрительно указалъ пальцемъ на донью Марселину.

— Сеньоръ Даніэль, что это значить?!

— Въ шею ее, Даніэль...

— «Въ какой вертепъ завелъ меня рокъ злобный!

— Это значить, что уважаемый сеньоръ нѣсколько эксцентриченъ, сказалъ Даніэль, взглянувъ на донью Марселину и не будучи въ состояніи скрыть душившаго его смѣха.

— А, онъ вѣрно изучалъ англійскую литературу,—замѣтила гостья, окинувъ презрительнымъ взглядомъ всю фигуру донъ Кандидо, стоявшаго на благородной дистанціи отъ нападающей дамы.—Вотъ если бы онъ, подобно мнѣ, былъ вскормленъ гре-

ческою и латинскою музой, не то бы изъ него вышло. Жалкій червь!..

— Эхъ, вы чертова кукла, будто вы знаете по-гречески и по-латыни?

— Нѣтъ, но знаю духъ этихъ мертвыхъ языковъ.

— Вы?!

— Я, я, жалкій прозаикъ...

— Даніэль, душа моя, по шеямъ эту барыню, потому что глупость вѣдь заразительна.

— Не постигаю, сеньоръ донъ-Даніэль, какъ это человѣкъ съ вашимъ литературнымъ, художественнымъ тактомъ можетъ связываться съ подобными дряблыми существами, которыхъ смерть также ничтожна и темна, какъ жизнь... Впрочемъ, нѣтъ: будемъ жить въ постоянной лирической гармоніи между собою. Мы трое прошли чрезъ ужасные фазы трагическаго страданія. Будемъ жить вмѣстѣ и умремъ вмѣстѣ. Вотъ моя рука, — и донья Марселина подошла къ донъ-Кандидо.

— Отстаньте отъ меня, я знать васъ не хочу! сказалъ донъ-Кандидо, отступая.

— «Клянись на этомъ алтарѣ священномъ, со мною Римъ отъ гибели спасти!»

— Отвяжитесь, говорятъ вамъ?

— Донья Марселина, сказалъ Даніэль, будучи не въ силахъ подавить свой смѣхъ, но не желая профанировать имъ грустное настроеніе своихъ мыслей, — вы, разумѣется, желаете кое о чемъ поговорить со мною, такъ войдемте въ мой кабинетъ.

«Повѣдать я пришла вельнья неба

«И въ міръ иной стезю вамъ указать...»

— Чтобъ тебѣ самой туда сгннуть, окаянная, — пробормоталъ, крестясь, донъ Кандидо, когда донья Марселина входила съ Даніэлемъ въ кабинетъ.

— Пріѣхалъ Дугласъ, сказала она, затворивъ за собою дверь кабинета.

— Когда?

— Сегодня утромъ.

— А когда отправился оттуда?

— Третьяго дня. Вотъ письмо.

Даніэль прочиталъ бумагу, переданную доньей Марселиной, которая, какъ уже мы знаемъ, служила ему однимъ изъ тайныхъ агентовъ; чтеніе это навело на молодого человѣка глубокое раздумье, въ продолженіи котораго гостя успѣла пробѣжать заглавія книгъ, разставленныхъ на полкахъ; причѣмъ она улыбалась и покачивала головою, какъ будто привѣтствуя своихъ старыхъ знакомыхъ.

— Не можете ли вы видѣться съ Дугласомъ до трехъ часовъ вечера?

— Можно.

— Скажите ему, что мнѣ нужно его видѣть до наступленія ночи.

— Хорошо, я скажу.

— Назначить часъ: я жду его этапъ отъ четырехъ до пяти часовъ вечера.

— Хорошо.

— Пожалуйста, не мѣшайте, донья Марселина.

— Я полечу на крыльяхъ рока.

— Нѣтъ, лучше отправляйтесь обыкновенной человѣческой походкой: въ наше время неблагоразумно дать себя замѣтить слишкомъ поспѣшными или слишкомъ медленными шагами. И такъ, до свиданья, донья Марселина!

— Да сохранять васъ безсмертные боги, сеньоръ!

— Ахъ да, какъ поживаетъ Гаэте?

— Рокъ пощадилъ его.

— Встаетъ уже?

— Нѣтъ, не покидаетъ одра болѣзни.

— Ну, тѣмъ лучше для моего пріятеля, донъ-Кандидо. Мое вамъ почтеніе, донья Марселина.

И въ то время, какъ она уходила въ дверь, сообщавшуюся съ залой, Даніэль, съ полученнымъ письмомъ въ рукѣ, скрылся въ противоположную дверь, которая вела въ его комнату.

Донъ-Кандидо прогуливался въ залѣ, когда возвратилась донья Марселина, передъ которой онъ круто повернулся спиной и принялся разсматривать портретъ отца Даніэля.

Донья Марселина подошла къ бѣдному секретарю и, положивъ свою руку на его плечо, проговорила:

— Умѣешь ли ты страдать?

— Нѣтъ, сеньора, и не желаю умѣть.

— Гаэте живѣ! продолжала донья Марселина гробовымъ голосомъ.

Трубный звукъ въ іосафатовой долинѣ не произвелъ бы такого потрясающаго впечатлѣнія, какое произвели эти два слова на донъ-Кандидо.

— И кланяется вамъ, продолжала безжалостная дама, не снимая руки съ плеча своего *Пилада*.

— Сеньора, вы заключили, вѣрно, союзъ съ чортомъ, чтобы погубить мою душу. Отстаньте, наконецъ, отъ меня ради самого неба.

— Онъ васъ ищетъ.

— Да я-то не ищу ни его, ни васъ.

— Онъ ревнивъ, какъ тигръ.

— Пусть его взбѣсится.

— Вы отняли у него сердце Гертруды.

— Сеньора, васъ надо посадить въ сѣумашедшій домъ. Отстаньте же отъ меня!

— И вы умрете отъ меча Брута!

— Если вы не уйдете, я закричу, чтобы люди пришли и вышвырнули васъ за окошко...

— И желѣзо обагрится нечистой кровью вашего змѣйнаго сердца!..

— Святители небесные!! Даніэль!

— Умолкни, дерзкій!

— Вы шпионъ этого проклятаго патера. Теперь я все понимаю. Даніэль! Даніэль!

— Молчать! Не смѣйте звать Даніэля!

— Васъ надо связать, скрутить, въ колодки васъ, въ кандалы... Даніэль!

— Молчать, дерзновенный!

— Не буду молчать, не хочу молчать... Караулъ! Тутъ шпионы!!

Даніэль явился въ залу, привлеченный страшными воплями донъ-Кандидо, и, догадываясь, что случилось, спросилъ съ необыкновенно серьезной физиономіей:

— Какая жертва ведется на закланіе?..

— Вотъ это шпионъ, Даніэль, непременно шпионъ, сказалъ донъ-Кандидо, указывая на донью Марселину.

— Онъ бредитъ призраками своего преступленія, продекламировала дама, посылая Даніэлю привѣтствіе рукою и уходя изъ зала, тогда какъ ея Пиладъ старался убѣдить Даніэля, что эта женщина служила шпиономъ аббату Гаэте.

— Мы послѣ объ этомъ потолкуемъ съ вами, а теперь, пожалуйста, прекратите вашъ ужасный крикъ, по крайней мѣрѣ, на четверть часа.

И молодой человекъ возвратился во внутреннія комнаты.

— Это ничего, — маленькая сцена между двумя презабвными существами, которая въ другое время могла бы разсмѣшить меня до упаду, сказалъ Даніэль, обращаясь къ доктору Алькортѣ и Эдуардо, уже давно сидѣвшимъ въ его комнатѣ.

Къ нимъ-то и приходилъ въ свою спальню Даніэль, разставаясь въ первый разъ съ доньей Марселиной и унося съ собою письмо, привезенное мистеромъ Дугласомъ, извѣстнымъ уже намъ контрабандистомъ унитаріевъ.

Войдя сюда въ первый разъ, Даніэль сказалъ доктору Алькортѣ:

— Вотъ что я получилъ чрезъ Монтевидео.

Докторъ Алькорты взялъ бумагу и прочиталъ слѣдующее:

«Парижъ, 11 июля, 1840 года.»

«На мѣсто вице-адмирала Бодена начальникомъ экспедиціи на берегахъ Ла-Платы назначень вице-адмиралъ Мако, который и отплыветъ немедленно. Принадлежа къ одной изъ лучшихъ фамилій во Франціи, — Мако оказалъ также очень важную услугу своему отечеству, блистательно окончивъ несогласія Франціи съ Санъ-Доминго и Картагеною.

«Онъ ознаменовалъ себя мужествомъ, и кто знакомъ съ исторіей французскаго флота, тому, конечно, должно остаться памятнымъ блистательное дѣло вице-адмирала съ англійскимъ военнымъ судномъ—*Критъ*. Во время послѣдней войны между Франціей и Англійей семнадцати-лѣтній юноша Мако находился въ званіи гардемарина на французскомъ военномъ бригѣ. Экипажъ

французскаго судна сдѣлался жертвою страшной эпидеміи. Изъ оставшихся въ живыхъ старшимъ былъ гардемаринъ Мако. Видя себя командиромъ французскаго военнаго судна, юноша проникся благородной гордостью и выборъ судьбы рѣшился подтвердить какимъ нибудь блистательнымъ подвигомъ. Вскорѣ затѣмъ онъ повстрѣчался съ англійскимъ военнымъ судномъ — *Критъ*. Послѣ упорнаго боя, Мако принудилъ стараго англійскаго капитана къ сдачѣ. Увидя, что побѣдителемъ его былъ семнадцати-лѣтній гардемаринъ, командовавшій жалкимъ остаткомъ экипажа, пощаженнымъ страшной болѣзнію, старый англійскій морякъ не хотѣлъ пережить стыда и лишилъ себя жизни.

«Примите увѣреніе» и пр. и пр.

— Да, друзья мои, сказалъ Алькорта по прочтеніи письма, — все предвѣщаетъ близкую развязку.

— Но какую?!

— Развѣ ты не слышишь, Даніэль, что къ намъ идетъ экспедиція?

— Она явится поздно и между тѣмъ побуждаетъ унитаріевъ писать изъ Монтевидео генералу, чтобы онъ не рисковалъ своимъ отрядомъ и подождалъ этой экспедиціи, которая или вовсе не придетъ къ намъ, или заставитъ Розаса вступить въ переговоры съ французами еще до прихода ихъ вооруженныхъ силъ изъ Рио-Жанейро.

— Но вѣдь это было бы возмутительно низко со стороны Франціи! вскричалъ Эдуардо.

— Э, мой милый, политическіе поступки не мѣряются на аршинъ индивидуальной совѣсти...

— Но дѣйствительно ли генералъ Лавалье получаетъ подобные совѣты? спросилъ докторъ Алькорта.

— Да, сеньоръ, съ такими совѣтами къ нему пристаётъ большинство членовъ аргентинской комиссіи, которые всю свою надежду возлагаютъ только на большее войско.

— О если бы я былъ Лавалье! сказалъ Эдуардо.

— Если бы ты былъ Лавалье, то давно бы съ ума сошелъ. Генералу всё и во всемъ мѣшаютъ. Упрямое желаніе Панау перевести войско въ Барадеро, вмѣсто того чтобы двинуть его къ Санъ-Педро, заставило Лавалье потерять время и также ло-

шадей, ожидавшихъ его въ первомъ же пунктѣ на дорогѣ. Соперничество Риверы уже впродолженіи цѣлаго года парализируетъ всѣ принимаемыя имъ мѣры. Восторженная непрактичность ученыхъ унитаріевъ сулитъ ему множество сладкихъ надеждъ относительно симпатій въ провинціяхъ, и генераль идетъ, сталкивается съ дѣйствительностью и не находитъ этихъ хваленыхъ симпатій. Каждый день его самого, его помощниковъ, его офицеровъ засыпаютъ изъ Монтевидео цѣлой грудой противорѣчивыхъ писемъ; въ которыхъ говорится, чтобъ онъ шелъ впередъ, чтобъ не шелъ, чтобъ подождать, чтобъ не ждалъ. Десять человекъ не могутъ думать между собою согласно. И генераль сомнѣвается, колеблется, боится дѣйствовать наперекоръ авторитетнымъ мнѣніямъ, и идетъ черепашинымъ ходомъ, развлекаясь разговорами то съ тѣмъ, то съ другимъ, то съ третьимъ начальникомъ горсти людей; теперь уже 3-е сентября, а онъ не отошелъ и милъ отъ Лухана. Розасъ же между тѣмъ морально оправляется, его защитники приходятъ въ себя отъ первого переполоха, и генераль подойдетъ къ городу только для того, чтобы поглядѣть на него, да и вернуться вспять, или, быть можетъ, для того, чтобы кровь потекла неудержимой рѣкою, чего можно было избѣжать двѣ недѣли, даже недѣлю тому назадъ, прибавилъ Даніэль горестнымъ тономъ, живо подѣйствовавшимъ на его слушателей.

— Все это, къ несчастью, правда, — сказалъ докторъ Алькорта, — этотъ народъ долженъ будетъ вынести на себѣ всю ужасную ярость Розаса, потому что съ самого начала не умѣлъ встрѣтить ее отпоромъ.

— Да, сеньоръ, народъ—въ извѣстной степени соумышленникъ той гнусной тиранинн, которая его гнететъ — народъ этотъ заплатитъ своею кровью, свободой и честью за трусливую нерѣшительность вооруженныхъ враговъ тиранна и за эгоизмъ гражданъ, равнодушныхъ къ судьбѣ отечества и къ своей собственной. Да, потечетъ кровь, обильная кровь, если Лавалье отступитъ, и тогда долго-долго нельзя будетъ и мечтать о низверженіи Розаса.

— Но вѣдь все это только предположенія, — замѣтилъ Эдуардо. До сихъ поръ либеральное войско продолжаетъ наступленіе,

мы увидимъ его здѣсь, быть можетъ, завтра, и навѣрное— послѣ завтра. А пока до того нашъ уважаемый другъ вполне одобряетъ составленный нами частный планъ, — не такъ ли?

— Да, по крайней мѣрѣ, я нахожу его разсудительнымъ, — отозвался докторъ Альморта, къ которому былъ обращенъ вопросъ Эдуардо.

— Ты долженъ былъ сообщить наши обѣ мысли, замѣтилъ Даніэль.

— Я знаю уже все. Въ первомъ— сомнѣваюсь.

— Нѣтъ, сеньоръ, сомнѣваться незачѣмъ. Правда, насъ немного; мнѣ едва едва удалось соединить пятнадцать человѣкъ, но за то мужество намъ не измѣнить. Платформа, которую мы будемъ занимать, послужитъ намъ наблюдательнымъ пунктомъ и въ тоже время поможетъ очистить всю улицу Коллегиа, если генераль, о чемъ я прошу его, вступить чрезъ предмѣстье и направить атаку въ самомъ удобномъ пунктѣ—близъ оврага Марко; если же генераль дастъ мнѣ еще двадцать пять молодцовъ, то я отвѣчаю за отступление въ томъ случаѣ, когда оно окажется необходимымъ.

— А оружіе?

— У меня въ распоряженіи сорокъ шесть ружей и три тысячи патроновъ, купленные мною въ Монтевидео и сложенные уже здѣсь въ совершенно безопасномъ мѣстѣ.

— Какой же будетъ сигналъ?

— Пусть дадутъ знать мнѣ объ этомъ изъ отряда передъ атакою.

— А сообщенія безопасны?

— Совершенно.

— Въ такомъ случаѣ я еще болѣе одобряю вашу вторую мысль, потому что вамъ необходимо, въ виду всѣхъ возможныхъ послѣдствій, развязаться съ вашими домашними дѣлами. Страшитъ меня только самая минута отчаливанья.

— Ну, это пойдетъ, какъ по маслу, докторъ. Риску тутъ нѣтъ никакого. Я позвалъ къ себѣ моего агента, чтобы отправить его съ письмомъ къ начальнику блокирующаго судна. Въ этомъ письмѣ я увѣдомлю его о предстоящемъ бѣгствѣ и буду просить выслать намъ вооруженную шлюпку, такъ какъ вся

опасность заключается въ томъ, что можно наткнуться на одну изъ береговыхъ лодокъ, обозрѣвающихъ ту мѣстность.

— Прекрасно задумано.

— Я извѣщу его также, чтобы онъ самъ назначилъ ночь, часъ и сигналъ, которымъ дастъ знать съ борта о своемъ приходѣ.

— Отплытіе произойдетъ близъ Санъ-Исидро?

— Да, сеньоръ. Вѣроятно, Эдуардо сообщалъ вамъ уже все относительно этого предмета?

— Да.

— Какъ же вы полагаете, будетъ ли въ силахъ мадамъ Дюпаскъ перенести этотъ воляжъ?

— Я полагаю, что она не въ состояніи прожить и двухъ недѣль въ Буэносъ-Айресѣ. Это одна изъ тѣхъ болѣзней, которая, не сосредоточиваясь специфически ни въ одномъ органѣ, заражаетъ собою всю жизнь, сушатъ и истощаютъ ее не по днямъ, а по часамъ. Моральное потрясеніе этой сеньоры такъ сильно, что отъ этого она начинаетъ страдать легкими и обнаруживаетъ симптомы чахотки. Однако вольный воздухъ возвратитъ ее къ жизни съ тою же быстротою, съ какою жизнь эта угасаетъ въ затхлой атмосферѣ Буэносъ-Айреса.

— И она твердо рѣшилась? спросилъ Эдуардо.

— Вчера вечеромъ окончательно со мною условилась, отвѣчалъ Даніэль.

— Теперь съ нетерпѣніемъ ждешь часа отплытія, — прибавилъ докторъ Алькорта, — и соглашается, чтобы Даніэль остался здѣсь. Она любитъ уже васъ, другъ мой, какъ своего сына.

— Я и буду имъ, сеньоръ, и если не могу сдѣлаться ея сыномъ завтра, сегодня же, то это потому, что она не хочетъ. Какъ всякая женщина съ впечатлительнымъ сердцемъ, она суетлива и боится допустить свадьбу при такихъ печальныхъ обстоятельствахъ.

— Да, да, можетъ быть, это и къ лучшему. Кто знаетъ, какая судьба ждетъ всѣхъ насъ! Надо спасти хоть женщинъ, — замѣтилъ докторъ Алькорта.

— Ну, ужъ съ моей кузиной не справиться, сеньоръ... Нѣтъ никакихъ средствъ убѣдить ее ѣхать.

— Даже и Бельграно безсиленъ?

— Ничего не сдѣлаешь, сеньоръ, отвѣчалъ Эдуардо, котораго сердце встрепенулось при этомъ вопросѣ доктора Алькорты.

— Теперь уже два часа, друзья мои. Вы, кажется, сегодня отправляетесь въ Санъ-Исидро?

— Да, сеньоръ, отправимся туда ночью и возвратимся предъ разсвѣтомъ.

— Эй, берегитесь, эй, дѣтки, будьте осторожныѣ!...

— Да ужь это наша послѣдняя поѣздка туда,—сказалъ Эдуардо,—какъ только отправимъ мадамъ Дюпаскье, домъ возлѣ масличныхъ деревьевъ опустѣетъ.

— Ну, и такъ, до завтра.

— До свиданья, сеньоръ.

— До завтра, уважаемый другъ мой.

И молодые люди обняли своего бывшего профессора философіи, котораго Даніэль проводилъ до наружной двери.

(Окончаніе въ слѣд. книжкѣ.)

Отъ главной конторы журнала

„ДѢЛО“.

Въ г. КОСТРОМУ, въ бібліотеку костромскаго благороднаго клуба. Контора сообщила вашу жалобу газетной экспедиціи и получила въ отвѣтъ, что 3-я книжка отправлена въ бібліотеку сначала 25-го марта, а потомъ вторично 29-го іюня.

Въ ВАРШАВУ. Доктору ЗЪН—МУ. Вслѣдствіе вашей жалобы, сообщенной почтамту, газетная экспедиція увѣдомила контору, что 1-я, 2-я, 3-я, 4-я и 5-я книжки отправлены вамъ 20-го мая.

Въ ЯРАНСКЪ, въ бібліотеку 57-го пѣхотн. резервн. баталіона. Газетная экспедиція увѣдомила контору, что 3-я кн. отправлена въ бібліотеку 23-го марта.

Въ ст. КРЕМЕНЬКУЛЬСКУЮ Челябинскаго уѣзда. Священнику КУЛЫГИН—МУ. На запросъ конторы газетная экспедиція отвѣтила, что 3-я кн. отправлена вамъ 25-го марта.

Въ ТАРУ Тобольск. губ. Почетному гражданину ЦАР—ВУ. 2-я кн., какъ извѣщаетъ контору газетная экспедиція, отправлена вамъ 27-го февраля.

Въ м—ко КАХОВКУ Таврич. губ. Г-жѣ МЕРИ К—ЦЪ. На жалобу вашу, сообщенную конторою почтамту, газетная экспедиція отвѣтила, что 1-я кн. послана вамъ 26-го января.

На ОКУЛОВСКУЮ станцію Рязанск. губ. г. ЩЕТ—ПУ. 4-я кн., какъ увѣдомляетъ контору газетная экспедиція, отправлена вамъ 23-го апрѣля.

Въ КАЛУГУ. Николаю Ивановичу СОБОР—ВУ. На запросъ конторы, вслѣдствіе вашей жалобы, газетная экспедиція отвѣтила, что 5-я кн. отправлена вамъ 29-го мая.

Въ КИШИНЕВЪ. Ив. Лук. ГОЙ—ВУ. Газетная экспедиція увѣдомила контору, что 3-я кн. отправлена вамъ 26-го марта.

Въ г. СОРОКН. Биб—кѣ 58 пѣх. пражскаго полка. Въ отвѣтъ на жалобу бібліотеки, сообщенной почтамту, газетная экспедиція увѣдомила контору, что 3-я кн. отправлена въ бібліотеку 27-го марта.

Въ УСТЬСЫСОЛЬСКЪ. Г-ну ДИЛАКТ—МУ. Газетная экспедиція извѣстила контору, что 3 кн. отправлена вамъ 25-го марта.

Въ г. КУТАНСЬ. ГУБЕРНСКОМУ ПРАВЛЕНІЮ. На жалобу вашу сообщенную почтамту, газетная экспедиція отвѣтила конторѣ, что 3-я кн. отправлена вамъ 24-го марта, 4-я—27-го апр., 5-я—29-го мая, 6-я—29-го іюня.

Въ МОСКВУ. Г-ну ЛЮТ—МУ. Газетная экспедиція, вслѣдствіе сообщенной ей вашей жалобы, увѣдомила контору, что всѣ вышедшія книжки «Дѣла» посланы были вамъ своевременно. Объ удовлетвореніи васъ сообщено ею московскому почтамту.

Въ НИЖНІЙ—ЛОМОВЪ. Подпоручику ПОЛУБ—ВУ. 4-я кн., какъ увѣдомляетъ контору газетная экспедиція, отправлена вамъ 27-го апрѣля.

При Главной конторѣ журнала «ДѢЛО»

(по Трошикому переулку, въ домъ Гассе № 13) продаются
слѣдующія изданія:

Исторія крестьянской войны въ Германіи, Д-ра В. Циммермана. Три выпуска, около 70-ти печатн. листовъ. Цѣна всѣмъ тремъ выпускамъ безъ перес. 3 руб., съ перес. 3 руб. 50 коп. Каждый выпускъ отдѣльно продается по 1 руб. 25 коп.

Одинъ въ полѣ—не воинъ. Романъ Ф. Шиллигена. Перев. съ нѣмецкаго. Два тома, составляющіе болѣе 70-ти печатныхъ листовъ. Цѣна за оба тома вмѣстѣ—2 р. безъ перес., а съ перес. 2 р. 30 к.

Уроки элементарной физиологии. Т. Гексли. ВТОРОЕ изданіе, подъ редакцію И. А. Петрова. Съ предисловіемъ Д. И. Писарева. Около 100 рисунковъ, рѣзанныхъ на деревѣ. Цѣна первому изданію была 2 р. безъ перес., а ВТОРОМУ 1 р. безъ перес.; съ перес. 1 р. 20 коп.

Отъ земли до луны въ часовъ прямого пути Ж. Верна. Изд. Л. П. Шелгуновой. Перев. съ франц. Цѣна 1 р. безъ перес.; съ перес. 1 р. 20 коп.

Шатриана Э. ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ изъ временъ французской революціи и имперіи. **ТЕРЕЗА, ВОСПОМИНАНІЯ РЕКРУТА, ВАТЕРЛО.** Цѣна 1 р. 50 коп.

Сочиненія И. Панаева. въ 4-хъ больш. томахъ. Цѣна безъ перес. 3 р.; съ перес. 3 р. 50 к.

Мей Л. А. Полное собраніе сочиненій въ 3-хъ большихъ томахъ. Цѣна безъ перес. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

Полонскаго Я. И. Разказы въ 1 томѣ. Цѣна безъ перес. 50 к., съ перес. 70 к.

Лучъ учено-литературный сборникъ. Изд. П. Н. Ткачева. Томъ первый 52 листа. Цѣна 3 р. безъ перес., съ перес. 3 р. 50 к.

Флоринскаго В. М. Усовершенствованіе и вырожденіе человѣческаго рода. Цѣна безъ перес. 50 к., съ перес. 70 к.

Рисунки Волевскаго къ сочиненіямъ Островскаго. Въ шести выпускахъ. Цѣна шести вып. 5 р.

На всѣ вышеозначенныя изданія подписчикамъ журнала
«ДѢЛО» уступается 20%.

ство церкви.—Народное образованіе.—Юстиція.—Промышленность.—Бюджетъ.—Политическія учрежденія.—Хорошія стороны управленія Князя Махаила.—Правы и обычаи сербовъ.—Общинное начало.—Король Душанъ.—Порабощеніе Сербіи турками.—Освобожденіе.—Георгій Черный.—Милошъ Обреновичъ.—Александръ Карагеоргіевичъ.—Связь его съ Турціей.—Изгнаніе.—Князь Михаилъ.—Великая Сербская идея.—Что общааетъ Сербіи хорошую будущность?—Разныя извѣстія.

Ж. Лефрениа.

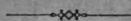
XIV. СЪ НЕВСКАГО БЕРЕГА (общественныя

и литературныя замѣтки и размышленія). **Анонима**

Лѣтнее загишье.—Публика и толпа.—Нѣсколько словъ о современныхъ беллетристахъ.—Новый романъ г. Гирса и его герой.—Значеніе гласныхъ судовъ для общества.—Дѣло Разнатовскаго въ окружномъ судѣ.—Добрый совѣтъ нашимъ драматургамъ.—Бѣдствія и крушенія г. Юматова.—Печальный удѣлъ—современные стансы.—Преслѣдованіе провинціальной благотворительности.—Либералы и консерваторы въ провинціи.—Инструкція главнаго общества желѣзныхъ дорогъ для его агентовъ.—Московская Дума и Петербургская мѣщанская управа.—Покойники, всталоющіе изъ могилъ.—Наши новости.

XV. ДРУЗЬЯ—ХУЖЕ ВРАГОВЪ. Романъ

Х. Мәрмоля. (Окончаніе четвертой части и I—II гл. пятой).

Подписавшимся на журналъ «Дѣло» за второе полугодіе 1868 года при седьмой книжкѣ вышлются первыя главы романа «Друзья—хуже враговъ», напечатанныя въ первыхъ шести книжкахъ «Дѣла».

Вышли **вторымъ** изданіемъ

УРОКИ ЭЛЕМЕНТАРНОЙ ФИЗИОЛОГИИ

Т. Гексли. Перев. съ англійскаго. Цѣна второму изданію 1 р. безъ перес.; съ перес. 1 р. 20 коп.

ПОДПИСКА НА ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„ДѢЛО“

въ 1868 году

принимается въ С.-Петербурѣ, въ Главной
конторѣ редакціи, въ Троицкомъ переул.,
домъ Гассе № 13, и у книгопродавцевъ:

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:

Въ книжномъ магазинѣ М. О. Воль-
фа, въ Гостиномъ дворѣ, №№ 18, 19 и
20.—

ВЪ МОСКВѢ:

Въ книжномъ магазинѣ А. Г. Со-
ловьева (бывш. Бабунова) на Стра-
стномъ бульварѣ, въ д. Загряжскаго.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Безъ пересылки и доставки		Съ пересылкою и доставкою	
Годовая	13 р. 50 к.	15 р.
Полугодовая	7 р. —	8 р.

*Для служащихъ дѣлается разсрочка, но не иначе какъ за
поручительствомъ и. казначеевъ.*

Редакторъ Н. Шульгинъ.

This book should be returned to the Library on or before the last date stamped below.

A fine is incurred by retaining it beyond the specified time.

Please return promptly.

3321375

JAN - 1972 H

Cancelled

ALL USE
NOV 1 1971

STALE-STATE
CANCELLED
CHARGE

STALE-STATE
CANCELLED
CHARGE

Widener Library

3 2044 079 301 677